РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ. Том 3(8)

РУССКИЕ ЕВРЕИ ВО ФРАНЦИИ

ИЕРУСАЛИМ
2001

Juiverie russe à l'étranger. Vol. 3(8)

Les Juifs russes en France

Essais et mémoires. Part 1

Revue dans le livre

Réunis et édités par
Mikhail Parkhomovsky
Dmitri Gouzévitch

Jérusalem
2001

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ. Том 3(8)

Русские евреи во Франции

Статьи, публикации, мемуары и эссе. Книга 1

Журнал в книге

Редакторы-составители:
М.Пархомовский
Д.Гузевич

Иерусалим
2001

Научно-исследовательский центр
РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ

Серия книг «Русское еврейство в зарубежье»
Статьи, публикации, мемуары и эссе

Том 3(8). Русские евреи во Франции. Книга 1

Журнал в книге

Иерусалим, 2001

Редакторы-составители:
Михаил Пархомовский
Дмитрий Гузевич

Консультант по истории еврейского народа Дан Харув
Литературный редактор и корректор Лена Драгицкая

© M.Parkhomovsky, 648/4 Mishlat Str., Bet-Shemesh, 99013 Israel
Tel.: 972-2-9917039. E-mail: mipar@barak-online.net
© D.Gouzevitch, Centre d'études du monde russe, soviétique et post-soviétique, École des hautes études en sciences sociales, 54 bd Raspail, 75006 Paris France.
Tel.: (33-1)-49-54-23-89. E-mail: gouzevit@msh-paris.fr

Research Centre
RUSSIAN JEWRY ABROAD

Books Series *RUSSIAN JEWRY ABROAD*
Essays and Memoirs
Volume 3(8). Russian Jews in France. Part I

Journal in book

Jerusalem, 2001

Edited by
Mikhail Parkhomovsky
Dmitri Gouzévitch

ISBN 965-222-911-3

Книга сдана в типографию 30 октября 2001 г.

На первой странице обложки фотография Марии Шабшай

Красное место! Драгой берег Сенски!
Кто тя не любит? разве был дух зверски!
А я не могу никогда забыти,
Пока имею здесь на земле быти.

В.Тредиаковский

...чтобы французы увидели, наконец, хороший французский фильм, а Жан Ренуар обратился к кино, нужно было, чтобы революция, о которой мечтали большевики, свершилась и русские (в том числе и русские евреи) эмигрировали во Францию.

Борис Носик

Январь в окрестностях Парижа,
Сырая утренняя тьма
Мне кажутся порою ближе,
Чем наша крепкая зима.

Михаил Струве

«Евреи в культуре Русского Зарубежья» постепенно превратились в евреев–выходцев из России, занятых строительством в XX веке вовсе не русской, но современной западной цивилизации, вестернизацией Европы, Азии и Америки.

Михаил Хейфец

Мы идем с тобой через весь Париж.
. . . . . .
Сколько лет прошло между этих стен;
Отшумел давно ветер перемен, –
Стало песней все, песней и стихом –
Мы воздвигли здесь наш нездешний дом.

Екатерина Таубер

От редакторов-составителей

Франция, Париж были не только главным географическим центром русской (а следовательно, и русско-еврейской) эмиграции. В этой части Европы было особенно сильным взаимовлияние русскоязычных и французских культуры, искусств, науки.

Каков вклад русских евреев в имидж Парижа как художественной столицы мира? А евреев–выходцев из России во французском Сопротивлении? Как объяснить, что решающий перелом в борьбе человечества с особо опасными инфекциями совершили русские евреи, работавшие в Институте Пастера? А единственный французский писатель, дважды удостоившийся Гонкуровской премии, был рожден еврейкой в Москве? Как получилось, что философ и социолог Г.Д.Гурвич создал в Париже в 1946 г. Центр социологических исследований и основал издающийся до сих пор журнал «Cahiers internationaux de sociologie»? Что наибольшее количество наград во Франции (более 50) получил французский генерал Пешков – Зиновий Свердлов из Нижнего Новгорода? Что родоначальником профессиональной балетной критики во Франции стал Андрей Левинсон, а Национальным центром научных исследований Франции руководил Моисей Гайсинский родом из-под Киева?

Нам не ответить на все эти вопросы. Мы лишь добросовестно собираем материалы и преподносим их любознательным читателям и профессиональным исследователям.

Когда мы приступали к тому *Русские евреи во Франции*, – второму в нашей серии, построенной по географическому принципу, – то полагали, что ограничимся одним выпуском: ведь так много написано о Франции в наших предыдущих книгах*. Но тема оказалась слишком широка, и для публикации полученного материала потребовалось две книги, которые выходят как третий и четвертый тома в серии *Русское еврейство в зарубежье*. Их единство подчеркивается общим именным указателем, который будет помещен в томе 4(9) РЕВЗ. (Покаемся: тема и этими книгами не исчерпывается…)

---

* Аннотации статей и других материалов, опубликованных в наших предыдущих книгах и посвященных русским евреям во Франции, приведены в конце этого тома.

Как и раньше, статьи распределены по рубрикам, но это разделение в значительной мере носит условный характер, облегчая подачу материала редакторами-составителями и знакомство с ним – читателям. Например, статья о М.Я.Геллере не обязательно должна была быть в разделе «История», ведь Михаил Яковлевич был не только историком, но и публицистом, и педагогом, и культурологом. Вряд ли мы подверглись бы большому осуждению, если бы поместили очерк о Марии Шабшай – одной из основателей и первом директоре Музея еврейского искусства в Париже – в рубрику «Организации и общественные деятели», а не в раздел «Художники».

Во втором *французском* томе (4/9/), помимо наших классических рубрик, впервые будет раздел о политической эмиграции во Франции (в предыдущих томах были лишь разрозненные материалы на эту тему). О русском Бунде и о политических группах среди восточно-европейского студенчества во Франции расскажут французские исследователи Клоди Вейл и Филипп Букара, слово для некоторых общих оценок будет предоставлено Катрин Гусефф.

Из подготовленных статей для 4(9) тома назовем также «Кирилл Зайцев: Парижский период (Хроника научной жизни)» *Вадима Телицына* и «Августа Даманская: Годы эмиграции» *Ольги Демидовой.*

Так же, как в отношении британского тома, считаем необходимым подчеркнуть, что термины «русский» и «российский» будут использоваться для обозначения явлений на всей территории Российской империи / Советского Союза / постсоветского пространства. Редакторы-составители отдают себе отчет в том, что строго корректным в данной ситуации является использование термина «российский» (тем более, что один из редакторов является автором книги, посвященной именно соотношению этих понятий*). Однако мы не можем не принимать во внимание как исторически сложившиеся словосочетания (и «русское еврейство» в том числе), так и теоретические и филологические предпочтения авторов. Вообще мы исходили из самоценности авторского текста и старались вносить в него лишь минимальную правку, а при оформлении иногда жертвовали единообразием в пользу авторских предпочтений.

Учитывая сложность проблемы национальной принадлежности, мы, как и ранее, брали за основу формальные признаки, толкуя

---

* *Гузевич Д.Ю.* Кентавр, или К вопросу о бинарности русской культуры. М.: АИРО-XX, 2000. 80 с.

их в спорных случаях в сторону расширения, а не сужения рамок. Мы исходили из того, что дополнительную, пограничную информацию всегда лучше иметь, чем не иметь.

Хотим обратить внимание также на то, что еврейская *эмиграция* не является единственным предметом наших книг. Этого слова даже нет в их заглавии «Русское еврейство в зарубежье». Они посвящены *пребыванию российских евреев за пределами империи*. Свой вклад в культуру Русского Зарубежья и принимающих стран вносили не только те, кто уехал, но и те, кто пребывал там временно. Последние – *мигранты* – осуществляли еще одну важную миссию: несли культуру в обратном направлении – из Европы в Россию.

Что касается проблемы национальной принадлежности, то в нашем издании оно понимается в сугубо генеалогическом, а не религиозном плане, причем материнской линии не отдается предпочтения перед отцовской.

Географическая принадлежность учитывается по состоянию границ на момент рождения и/или проживания героя. Так, человек, родившийся в Польше после распада Российской империи и не ставший советским гражданином после осени 1939 г. (т.е. не проживавший в момент советской оккупации на этих территориях), вряд ли станет героем нашего издания.

Проблема еврейства – одна из наиболее спорных этнокультурных проблем мировой истории. И не то чтобы наше время было более сложным, чем другие (простых времен для евреев не было вообще, эпохи различались скорее по степени трагизма), но то, что оно явно относится к переломным периодам. А в такие времена всегда обостряются споры и дискуссии. Люди, вынужденные принимать решения, от которых будет зависеть не только их личная судьба, но и будущее их детей и, быть может, еще не рожденных внуков, пытаются понять свое место в мире и в культуре, определиться, выбрать верный путь.

Есть вопросы, которые волнуют всех нас – авторов, составителей и читателей РЕВЗ, причем вне зависимости от этнического происхождения, ибо судьба еврейства отнюдь не безразлична для истории мировой культуры в целом. Одни видят проблемы изнутри. Другие, в силу своего мировоззрения и, может быть, своего происхождения, смотрят на то же извне.

Эти проблемы рассмотрены в «Дискуссии» (см. раздел «Журнал в книге»), публикуемой по инициативе Шимона Маркиша, за которую мы ему очень признательны. «Журнал в книге» возник как наследник издававшегося нашим Центром «Иерусалимского русско-

еврейского вестника». И в дальнейших выпусках предполагается публиковать в нем дискуссионные материалы (до сих пор «Дискуссия» была не в каждом томе).

Наше издание не единственное, в котором рассказывается о русских евреях во Франции. Поэтому редакторы посчитали необходимым обсудить появившиеся в последнее время книги на эту тему в том же «Журнале в книге». Там же будет помещаться информация о некоторых конференциях и других событиях в современной русско-еврейской диаспоре. И этот раздел нашего ежегодника мы намерены сделать традиционным.

Выражая благодарность всем участникам книги, особо отметим чрезвычайную долю в ее подготовке Юлии Систер: д-р Систер стала автором пяти(!) статей (две написаны в соавторстве) и четыре публикации инициировала! Одна ее работа – о Моисее Гайсинском – будет опубликована в 4(9) томе, так же как и одна из трех статей И.В.Обуховой-Зелиньской – «Татьяна Высоцкая – сестра Георгия Адамовича». При этом Ирина Владимировна чрезвычайно тронула нас своим отказом от гонорара в фонд издания *Русские евреи в зарубежье*.

Благодарим Йоси и Асю Азран за преобразование текста и иллюстраций книги в электронную форму и Владимира Шифа за постоянную техническую помощь в работе на компьютере.

Предисловие

Владимир Берелович (Париж)

Публикация чрезвычайно богатых и разнообразных материалов в предлагаемом сборнике может послужить наглядным свидетельством той усиленной и живой исторической работы, которая за последние десятилетия проводится одновременно – и часто совместно – в России, в Израиле и в западных странах и которая значительно обновляет наши знания как о русско-еврейской эмиграции XX века, так и о российской эмиграции вообще.

Оживление и новизна этих исследований обусловлены, как мне кажется, несколькими причинами. В первую очередь, почти полное отсутствие подобных работ в предшествующие годы объяснялось цензурным запретом, который был наложен на исследования такого рода в Советском Союзе. «Эмигрантские», как и «еврейские», темы представляли собой поэтому некий запретный плод, которым поспешили воспользоваться, как только это стало возможным. Открытие границ, поездки из России в зарубежные страны и наоборот – в Россию, поиски в ныне доступных архивах, а главное, возможность скрестить источники разного происхождения, без чего любые исследования о миграциях и миграционных населениях почти лишены смысла, – все это придало таким работам полноту и профессиональность, которые пришли на смену материалам, по преимуществу субъективным или мемориальным (что, разумеется, имело свою собственную, но совсем иную ценность), характеризовавшим прежние времена.

Эта относительная открытость границ и архивов способствует – а это вторая и, может быть, главная причина вышеупомянутого отрадного явления – применению новых подходов в исследованиях, касающихся истории России. Можно заметить по статьям и публикациям данного сборника, что почти все они посвящены отдельным лицам, среди которых некоторые знамениты, как Жаботинский, другие полузабыты, как Аркадий Руманов или Дон-Аминадо, а третьи стали здесь предметом первых публикаций. Когда же присутствуют более общие темы, то опять-таки речь идет об общественных организациях, ассоциациях взаимопомощи, таких как ОРТ или ОЗЕ, в которых личности, – а не анонимные массы, – играют главную роль.

Иными словами, в этих работах читатель не найдет того, что принято называть социальной историей, господство которой еще недавно простиралось от западного побережья Соединенных Штатов Америки до восточного побережья Советского Союза. Разумеется, такое «интимное» направление никак не снимает необходимости исследований социологического типа, и, кстати сказать, существующая литература пока не дает даже приблизительного представления о численности российской эмиграции в Европе, о ее социальном облике – прежнем, российском, и зарубежном – о ее профессиях, степени образованности, адаптации в различных обществах и т.д. Равным образом мы еще мало знаем о политической истории эмиграции, о ее группировках, о взаимосвязи с советским миром, хотя эта сторона вопроса представлена гораздо лучше. Можно констатировать, что внимание исследователей и вообще читающей публики притягивают скорее другие темы – касающиеся культурной и интеллектуальной истории эмиграции, что, конечно, показательно не только для этой области, но вообще для современных вкусов и интересов.

Итак, в данных работах господствуют личности, причем каждую из них авторы стараются представить в ее, часто крайней, сложности. Такая ориентация относится, конечно, ко всякой биографии. Но когда речь идет об эмигрантах, она становится ключевой, ибо задача исследователя заключается именно в том, чтобы восстановить сложные маршруты – географические, социальные, культурные – каждого человека, его сеть знакомств и различные роды деятельности, благодаря которым он соприкасался с иногда очень разнородными средами, наконец, те совокупности вех и ориентиров, из которых складывается его индивидуальность.

Хотелось бы вкратце остановиться на этом последнем вопросе. Как читатель узнает из дискуссии, помещенной во второй части сборника, между некоторыми участниками и издателями этого и других сборников о русских евреях за границей возник спор о самом предмете этой серии. В самом деле, можно удостовериться, что во многом данные публикации касаются в равной и даже большей мере жизни российских эмигрантов вообще, нежели евреев.

Возможно, и даже вероятно, этому впечатлению суждено измениться под влиянием других исследований. Важно однако заметить, что к таким деликатным, иногда щекотливым вопросам следует подходить крайне осторожно. Если считать, как и принято думать в современном мире, что некая общность людей определяется не своей «кровью» (биологией), а культурой, религией, самосознанием, то само понятие «русский еврей» становится

весьма проблематичным, и с этой проблемой сталкиваются все, кто работает с массовыми (например, статистическими) источниками. В таком вопросе, если историк не оперирует только категорией религии или участием в сионистском движении, приходится признаться, что ни один критерий (ни, конечно, фамилия, ни происхождение и т.п.) не является удовлетворительным. Когда же исследователь изучает биографии, то проблема становится одновременно и несравненно сложнее и проще. Ибо каждая из этих биографий есть не что иное, как совокупность разных элементов – моделей воспитания, маршрутов перемещений, языков. В конечном счете, быть может, только сам изучаемый персонаж и располагал правом соединить все эти компоненты в одно целое, что он и делал, хотя бы по необходимости, всю свою жизнь. Историку и читателю остается толковать такие «этнические» определения лишь весьма относительно. Итак, будем читать о «русских евреях» во Франции, зная, что некоторые из этих лиц приняли бы свою принадлежность к этой категории, а другие пожелали бы разъединить эти понятия: «русский», «еврей», «российский подданный», «гражданин Европы», – все эти слова могли быть весьма весомы в сознании самих людей, но не надо забывать, что они остаются словами, которые нельзя отождествлять с объективными реалиями.

ВЛАДИМИРУ ЖАБОТИНСКОМУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Друг «Последних новостей»
(*Дон-Аминадо.* <Слово о В.Е.Жаботинском>)

Публикация Анатолия Иванова (Россия)

Жаботинский в парижском «Рассвете»

Шимон Маркиш (Венгрия – Швейцария)

Наследие Владимира Евгеньевича (Зеева) Жаботинского на французском языке

Эра Мазовецкая, Татьяна Груз (Израиль)

Из неопубликованных писем Владимира Жаботинского

Публикация Елены Яковлевой (Россия)

Друг «Последних новостей»
(*Дон-Аминадо.* <Слово о В.Е.Жаботинском>)

Публикация Анатолия Иванова (Москва)

В.Е.Жаботинский в форме офицера Еврейского легиона

Надо ли представлять Владимира Евгеньевича Жаботинского – публициста, поэта-переводчика, общественно-политического деятеля, приложившего немало усилий для создания Государства Израиль?

Куда меньше известен Дон-Аминадо (1888 – 1957) – таков основной литературный псевдоним Аминада Петровича (Аминодава Пейсаховича) Шполянского. Правда, его литературный дар был в эмиграции высоко оценен такими корифеями, как Иван Бунин и Марина Цветаева.

Более того: его стихами зачитывались отнюдь не любители поэзии, а рядовые читатели газет – не только во Франции, но во всех уголках русского рассеяния (в Америке, Китае и, разумеется, в странах Европы). Необходимо заметить, что невероятной популярностью Дон-Аминадо обязан не только легким, улыбчивым талантом, располагающим к общению, не только многописанием, но и широкой распространенностью парижской газеты «Последние новости», на страницах которой он регулярно печатался. Печатался почти двадцать лет – с 1920 по 1940 год (за вычетом четырех с половиной лет, когда он искал применение своим творческим силам на ином поприще, в других странах и даже на других континентах).

Разница как будто существенная. Что же позволяет поставить эти два имени рядом? Во-первых, оба родом из Одессы (точнее, Дон-Аминадо не совсем одессит – появился на свет в городе Елизаветграде, неподалеку от Одессы, но высшее образование получил в легендарном городе, расположенном на берегу Черного моря). Во-

вторых, оба имели юридическое образование. Но этих факторов явно недостаточно для сближения. Куда существеннее следующее. Жаботинский изредка публиковался в «Последних новостях»: стихотворные переводы и рецензии на книги – на книги М.А.Осоргина. Почему выбор пал именно на него? Помимо того, что Осоргин был блестящим писателем, его жизненные маршруты – так уж получилось само собой – нередко совпадали с путями Жаботинского. Так, оба они – независимо друг от друга – молодые годы провели в Италии, в которую самозабвенно до конца дней своих влюбились; кроме того, оба во время Первой мировой войны были корреспондентами московских «Русских ведомостей» на европейском театре военных действий. Были и другие объединяющие моменты.

Следует ли, право, удивляться объявлению, появившемуся 24 января 1928 года в газете «Последние новости», – объявлению под заголовком: «Вечер сотрудников *Последних новостей*», гласящему: «Литературный вечер, устраиваемый сотрудниками *Последних новостей* по поводу выхода 2500-го номера газеты, состоится в зале Шапталь. На вечере выступят П.Н.Милюков, В.Е.Жаботинский, Дон-Аминадо и М.А.Осоргин. После литературных выступлений концерт. Вход только по приглашениям».

Сотрудничество Жаботинского в «Последних новостях», несмотря на приязненное и даже дружеское отношение к газете, не следует, однако, преувеличивать. И Дон-Аминадо, конечно же, это осознавал. В 1931 году, когда отмечался 10-летний юбилей «Последних новостей», Дон-Аминадо прочел стихотворное приветствие, своего рода шуточный перепев пушкинской «Полтавы», где попытался вкратце охарактеризовать тех, кто так или иначе причастен к ее выпуску. Впоследствии эта шутка была издана на правах рукописи в 60 экземплярах под заглавием «Всем сестрам по серьгам», а позднее ее текст, с некоторыми изменениями, был включен в мемуарную книгу Дон-Аминадо. В юбилейном приветствии упомянут был и Жаботинский, о котором, в частности, сказано:

И Жаботинский, друг-скиталец,
И друг «Последних новостей»…

Не сотрудник, а именно друг – не более того. Однако, надо сказать, было еще нечто, привязывавшее Жаботинского к этому печатному органу. А именно – Александр Абрамович Поляков (1879 – 1971). Друг молодости Жаботинского, а впоследствии действительный (а не политический) редактор «Последних новостей», душа всего дела. Близкие именовали его просто – Абрамычем, а за острый язык прозвали – «сумасшедшим муллой». Дон-Аминадо, которому довольно часто приходилось иметь с ним дело, писал в мемуарной

прозе: *«Несмотря на крутой нрав и постоянные выходки и заушения, Полякову все прощали за его необыкновенную преданность газете, за его недюжинный профессиональный опыт, добросовестность, честность, прямоту, а в особенности за это, на редкость безошибочное чутье старого воробья, которого ни на какой мякине не проведешь».*

Позднее, когда «Последние новости» прекратили свое существование и шла война с фашистской Германией, А.А.Поляков перебрался за океан, в Нью-Йорк. Однако на новом месте он не оставил прессу, став сотрудником газеты «Новое русское слово». Именно на ее страницах 17 октября 1954 года было напечатано стихотворное приветствие Дон-Аминадо, обращенное к старому приятелю и сослуживцу:

А.А.Поляков

(По случаю 50-летия литературной деятельности)

Вы не терпите елея.
Что ж поделаешь, – tant pis*.
Дожил, брат, до юбилея,
Так теперь уж, брат, терпи!

От речей и декламаций
Вас, конечно, бросит в жар.
– Каждый сам себе Гораций,
Каждый сам себе Пиндар…

Спич подмышкой, хвост трубою,
И при том какая прыть!
Вот и прут они толпою,
Чтоб сказать и – утопить…
……

И, держась высоких правил
И великих ради благ,
Он одною ручкой правил,
А другой держал свой стяг,

И полвека, не моргая,
И от стула за версту,
Простоял, не приседая,
На общественном посту!

---

* Тем хуже (франц.)

– Целых пять десятилетий
Ни коленок не согнул,
А уж слов и междометий
Ну, ни разу не загнул!..

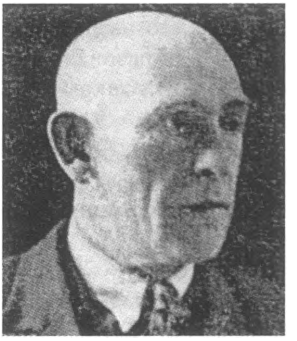
Вроде Божьей был коровки,
Безобиден, кроток, тих,
Только гладил по головке
Всех сотрудников своих.

И – сказать ли без натяжки? –
(Gutte cavat lapidem)*,
Что они от этой глажки
Стали лысыми совсем!..

Впрочем, мы, кажется, удалились от предмета нашего сообщения? Ничуть нет. Ибо в публикуемых ниже воспоминаниях Дон-Аминадо немало место уделено А.Полякову. Наверняка, многие факты о молодом Жаботинском почерпнуты у него. Более того: скорее всего, именно он являлся тем звеном, что связывало Жаботинского и Дон-Аминадо.

Теперь собственно о воспоминаниях Дон-Аминадо. Они представляют как бы выпавшую главу из его книги мемуаров «Поезд на третьем пути», увидевшую свет в 1954 году в Нью-Йорке. Публикуемая ниже статья о Жаботинском родилась, очевидно, примерно в то же время.

Дон-Аминадо тогда (то есть после войны) жил в Иере – городке близ Парижа. От активной газетной работы он отказался – пора было подводить итоги. Так появилось своего рода избранное поэта «В те баснословные года» (1951) – многие стихи были капитально переделаны, некоторые впервые напечатаны. Именно там была написана весьма своеобразная книга воспоминаний «Поезд на третьем пути», где представлена судьба России, в том числе и России, выехавшей за границу, – представлена острым пером сатирика, но – он ли в этом виноват – что это «смех сквозь слезы». При этом авторское отношение к описываемому

А.А.Поляков

* Капля камень точит (лат.).

постоянно ощутимо, хотя личность автора максимально снивелирована и присутствует как бы на периферии повествования.

Подспорьем в создании данных книг послужил, надо полагать архив Дон-Аминадо. Вплоть до Второй мировой войны Дон-Аминадо бесперебойно работал и не имел возможности осмыслить свое творчество. Только после войны образовалась некая передышка и возможность оглянуться назад. Для этого он создает архив: наклеивает в альбомы газетные и журнальные вырезки с собственными публикациями, по возможности систематизируя их в соответствии с жанром или рубрикой. Отдельный альбом составили печатные материалы, где упоминается имя Дон-Аминадо.

Необходимо заметить, что архив далек от исчерпывающей полноты, ибо автор не имел возможности сохранить все свои публикации, а некоторые вовсе не имел. Кроме того, о месте и времени публикации приходится только догадываться, так как в вырезках эти сведения отсутствуют. Вероятно, они не были нужны автору, рассматривавшему систематизированный материал в качестве некого инструмента, посредством которого он создавал новые книги. Отсюда многочисленные маргиналии автора в печатных текстах и на полях альбомов. Кроме того, на форзаце первого альбома рукой автора вписаны на французском языке высказывания Бенделера, О.Мирабо и Л.Ларгьера – своего рода эпиграфы к собственному творчеству.

В середине 60-х годов Ильей Самойловичем Зильберштейном были привезены из Парижа уникальные материалы по русскому зарубежью. В том числе и архив Дон-Аминадо, полученный, очевидно, от его наследников. Материалы поступили в ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ), образовав фонд 2257, впоследствии были задокументированы и... закрыты. Лишь недавно они стали доступны исследователям.

Об описи 1, где собрано несколько писем и записок Бунина, Осоргина, Тэффи и др., обращенных к Дон-Аминадо, а также несколько дарственных фотографий, говорить не будем. Опись 2 представляет собой 10 вышеописанных папок с печатными материалами, одну рукописную папку на английском языке и, наконец, папку со статьей о В.Е.Жаботинском. Об этом материале (Ф.2257, оп. 2, ед. хр. 12) следует сказать особо.

По всей видимости, уже в послевоенные годы Комитет В.Е.Жаботинского обратился с просьбой к Дон-Аминадо, чтобы тот выступил с воспоминаниями на одном из вечеров памяти. Вряд ли это было русскоязычное собрание, так как в парижской русской печати никаких сведений о вечере не обнаружено.

К подобной просьбе Дон-Аминадо подошел весьма ответственно. Готовясь к выступлению, он написал на русском языке статью или, лучше, эссе о Жаботинском с вкраплениями собственных воспоминаний. В некоторых местах он дублировал русский текст французскими оборотами. Потом русскую рукопись перевел на французский язык (Дон-Аминадо владел им в совершенстве) и напечатал на пишущей машинке. Это еще одно подтверждение, что он должен был выступать перед аудиторией, которая знала французский язык, а не русский.

Статья написана вполне в манере Дон-Аминадо. Прежде всего она афористична. Впрочем, наряду с лапидарностью, ощутима, естественно, ироничность автора, раскрепощенность, свобода и какая-то легкость его письма. Ну, да что пересказывать: вы сами ее прочтете. Понятно, что название условное, ибо с самого начала она предназначалась не для печати, а для выступления.

Дон-Аминадо
Дружеский шарж
С.Цивинского (Civis'a)
Газета «Сегодня» (Рига)
20 авг. 1924

Дон-Аминадо

<Слово о В.Е.Жаботинском>

1

Si nous savions tous ce qu'on dit de nous quand nous ne serions plus, nous ne serions déjà plus – depuis longtemps*.

---

* Если бы мы узнали все, что скажут о нас, когда нас больше не будет, нас бы не стало гораздо раньше (франц.).

Если эта бутада* верна в отношении обыкновенных биографий – биографий средних, обыкновенных людей, то в отношении биографий людей выдающихся она становится трагически неизбежной.

Только незаметные люди могут рассчитывать на вечный покой. Знаменитых людей в покое не оставляют.

За безмолвными могильщиками следуют многословные фанатики – любители надгробных речей. За надгробными речами – пышные некрологи. За некрологами – воспоминания друзей.

Подобно тому, как луна сияет отраженным светом, так и оставшиеся друзья не прочь отблистать земным светом чужой славы.

Великие люди и не подозревают, какое количество друзей расплодится на земле после их смерти.

После кончины Льва Толстого воспоминания о гениальном писателе приняли характер настоящей эпидемии.

Все они назывались «Мои встречи с Толстым», а некоторые из них начинались просто и без претензий:

– «В сущности говоря, с покойным графом Толстым я никогда не встречался… Но!..»

За этим угрожающим «Но» следовал поток, водопад, наводнение, сотни страниц печатного текста.

После всего вышесказанного было бы с моей стороны вполне последовательно от всяких воспоминаний о покойном Жаботинском мужественно отказаться.

Но человек слаб, а отбиться от целого Комитета, организовавшего сегодняшний вечер, не так легко, как это на первый взгляд кажется.

2

Считаю необходимым сразу оговориться: отрывочные воспоминания, которыми я хочу с Вами поделиться посвящены не трибуну, не выдающемуся политическому деятелю, но высокому подвижнику и обладавшему даром пророческого ясновидения ~~борцу~~ за освобождение еврейского народа.

Самопожертвование, подвиг, борьба, отвага, служение идее, титанический поединок Давида и Голиафа – все это ослепляет (ebluit), восхищает, вызывает поклонение, восторг, энтузиазм.

Но есть нечто иное, невесомое, невидимое, неощутимое в человеке, это то, что пленяет и очаровывает.

---

* Остроумный выпад (франц.).

Толпа впрягается в колесницу героя и венчает его лаврами.

Очарованный странник приходит потом, когда утихнет шум витий <нрзб.> и требований, и в ранних сумерках угасающего дня бережно кладет несколько запоздалых роз, осенних роз, тронутых тлением.

3

Невысокого роста, пропорциональный, никогда не горбившийся, корректный, безукоризненно опрятный, державшийся с какой-то нарочитой выправкой и прямизной, невольно напоминавший военного в штатском, страшно серьезный, убийственно вежливый, даже несколько церемонный, в особенности с дамами, Владимир Евгеньевич обладал необыкновенным даром стушевываться.

Происходило это не только от скромности и врожденной деликатности, но и от какой-то с ранних лет самовнушенной дисциплины – и внешней, и внутренней.

В течение всей жизни он всегда что-то преодолевал в себе.

Талант, темперамент, миллион терзаний, страстей, стремлений, увлечений, душевный голод и душевную ненасытность.

Но ледяную маску предательски озаряли изумительные, теплые, умные глаза и освещала особой прелести снисходительная человеческая улыбка.

Все, что может показаться позой, нарочитостью, предвзятостью или игрой, было ему совершенно чуждо.

А между тем это был человек глубоко театральный, конечно, в самом высоком смысле этого слова.

Недаром умел он овладевать толпой, часами держать ее в напряжении и заставлять повиноваться не только блеску и логике своих предпосылок и заключений, но и вдохновенному тембру голоса, своему целомудренному, но рассчитанному и повелительному жесту и даже этим знаменитым паузам, размеренным и точным, как цезура латинского стиха.

Глоток воды, взрыв аплодисментов, еле заметное, но властное движение изящной выхоленной маленькой руки – и разбушевавшаяся аудитория приведена к молчанию.

К выступлениям своим он готовился добросовестно и упорно, но никогда не читал по запискам, всегда наизусть и сплошь и рядом импровизировал, сохраняя только тщательно заготовленный конспект, канву и, разумеется, до конца продуманную тему.

Памятью он обладал совершенно изумительной, но памяти своей не доверял и когда цитировал какого-нибудь автора, то предварительно, как прилежный ученик, повторял цитату, как школьный урок, и выучивал до запятой включительно.

Что всегда очаровывало в его ораторском искусстве, это – дикция.

Четкая, ясная, настойчивая, доводившая до уха слушателя всю полноту, все полнозвучие произнесенного слова.

Классических ораторских приемов терпеть не мог.

– Зачем эти дураки то и дело вытирают пот на лбу, когда потеть на эстраде вообще не полагается!.. – любил он говорить в интимном кругу, смягчая замечание своей очаровательной улыбкой и незаметным жестом поправляя свою mèche consulaire*, которая в зрелые годы заменяла буйную юношескую шевелюру.

Приходилось его слышать на многих языках, которыми он владел в совершенстве.

Но, конечно, лучше, легче и музыкальнее всего говорил он по-русски и еще, может быть, по-итальянски.

Думал он исключительно по-русски, стихи по-русски, рассказы, новеллы и романы – все по-русски…

Все это было неискоренимо: любовь к России, влюбленность в Италию.

Писать он начал рано. Чуть ли не с гимназической скамьи. А будучи студентом в Риме и в Турине, начал регулярно печатать в «Одесских новостях» свои, сразу обнаружившие недюжинный талант фельетоны.

Ажурные, воздушные, намеченные пунктиром, напоминавшие японский рисунок, поразительно соединявшие легкую ироническую насмешку с неожиданно прерывавшимся лиризмом, скорее уже не слова, не фразы, а какие-то касания, скольжения, прикосновения – все это было настолько свежо, ново и по-юношески заразительно, что имя Altalena стало настоящим магнитом, полюсом, к которому сразу потянулись толпы читателей и поклонников.

А Володя Жаботинский, как фамильярно называли его в фамильярной Одессе, сидел в Италии, учил догму римского права, слушал лекции знаменитого Ломброзо[1] и на 25 рублей в месяц, получаемых от обожаемой его матери, начальницы частной гимназии, жил полной жизнью, из театра в театр, из оперы в драму, аплодировал Сальвини, аплодировал Новелли[2] переводил Кардуччи, переводил Лоренцо Стеккетти[3], шлялся по всем тратториям со своим зака-

---

* Консульскую прядь (франц.).

дычным другом Сашей Поляковым, пил белое кианти и каждый день влюблялся то в Сильвию, то в Диану, а потом убежденно доказывал своей невесте, а впоследствии жене Анне Марковне, что влюблялся так часто не столько от легкомыслия и ветреного характера, сколько от того, что все они были настоящие римлянки, и что одни их имена – Дианы, Нормы, Беатриче, Вирджинии, Лючии и Грациэллы наполняли душу столь дивной музыкой, что надо было быть каменным гостем или истуканом, чтобы не говорить им, каждой по очереди, одну и ту же потрясающую фразу: «За одну ночь с тобой – всю жизнь на каторге!». Тем более что по-итальянски это еще в тысячу раз лучше:

– Una notte con toi – vita in galera!

Да, это была счастливая и безоблачная пора, когда оба еще были студентами и называли одного Володей, другого Сашей, и у обоих были страшные, наводившию панику на окрестность шевелюры, у Жаботинского черная, как смоль, у Полякова рыжая, как огонь, а на римской Piazza di Spagna* высоко били фонтаны Бернини[4], и будущий редактор московского «Русского слова», а потом парижских «Последних новостей», лысый и маститый Александр Абрамович Поляков сосредоточенно слушал стихи будущего вождя и пророка Владимира Евгеньевича Жаботинского и еще тогда говорил, редакторским своим чутьем учуяв, что перевести эти стихи ни на какой язык немыслимо, ибо построены они на таких звучаниях, касаниях и консонантах, что только русское ухо может уловить их легкий cadance…

А кончались эти стихи так:

Мало смыслу, это верно,
В нашей ярмарке земной.
Но красивы горы Берна
В алом блеске, под луной.

И целуя ротик алый
В алом блеске под луной,
Можно смысл найти, пожалуй,
В нашей ярмарке земной…

Так кончались непереводимые стихи, так кончалась и неповторимая молодость.

---

* Площадь Испании (итал.).

4

Il est plus facile de raisonner sur la mort d'un grand homme, que de comprendre sa vie*.

На пороге зрелости надо было сделать выбор.

Направо пойти – журнализм, литература, писательство.

Неограниченные возможности, блестящее будущее.

Башня из слоновой кости. Письменный стол, библиотечный шкаф. Творить, создавать, писать.

Поддаться, уступить проклятому и сладкому искушению расточительства.

Щедро рассыпать в пространстве, в мир – данные от Бога дары.

Не зарыть свой талант в землю.

В странном и мучительном творчестве исчерпывать себя самого и, в постоянном недовольстве, в вечной неудовлетворенности находить все новые и новые достижения и достигать все большего и большего мастерства, очутиться на грани совершенства, добиться признания, удивления, поклонения и, утоляя душевный голод, купаться в обжигающих лучах молодой славы.

Налево пойти – вступить на проторенный путь наименьшего сопротивления и, вместо башни из слоновой кости, построить крепкое (прочное) человеческое жилье, небольшой домик с зелеными ставнями, окружить его садом, покончить с мечтами, фантазиями, безумствами и из формулы земного счастья исключить все иксы и все неизвестные, а просто, как все, жить и жить день за днем, избегая тревог и ненужных терзаний, в сытости и покое, в довольстве, и возвращаться вечером chez soi** после утомительного дня судебных заседаний, опускаться в удобное кресло у пылающего камина и с законченным чувством некоторого превосходства дважды или даже трижды – pourquoi pas?*** – перечитывать в газете столь льстящие человеческому самолюбию les compte-rendus:

– « ...avec sa verve habituelle notre illustre criminaliste maître Jabotinsky a enlevé, une fois de plus, une victoire qui n'a pas été facile»****.

---

* Легче рассуждать о смерти великого человека, чем понять его жизнь (франц.).

** Домой (франц.).

*** Почему бы нет? (франц.).

**** Отчеты: «...со своим обычным воодушевлением наш известный криминалист мэтр Жаботинский завоевал победу, которая не была легкой» (франц.).

Не вправо, не влево, а напрямик (mais tout droit*).

Выбор был сделан давно, еще в шумный период итальянской молодости, и, однажды решен, был сделан раз и навсегда.

Тут-то и началась драма преодоления.

5

Когда-нибудь об этой драме будут написаны целые книги, кропотливые исследования, сделаны научные тесты, произведены настоящие анализы и психоанализы.

Одни причислят душу Жаботинского к лону чистого кальвинизма, где понятие о долге prime tout le rest**.

Русские мистики будут настаивать на мессианстве, самоотказе, самосожжении, хованщине.

Немецкие гелертеры*** попытаются доказать, что выбор Жаботинского оказался не чем иным, как победой Фауста над Мефистофелем.

Скромнее всех окажется сам Жаботинский. Однажды, совсем невзначай, чуть-чуть приподнявший завесу, в незначительной дружеской беседе.

Было это много-много лет назад, во время послеобеденной прогулки в лесу de la Grange, в семнадцати километрах от Парижа, в имении барона Гурго, последнего из маршалов Наполеона.

На лапидарный, в упор поставленный вопрос – как все это произошло? Как случилось? – Владимир Евгеньевич улыбнулся и, без всякой позы, с величайшей, непринужденной и подкупающей простотой, медленно и задумчиво ответил:

– Предпосылка будет в стихах. Посылка тоже в стихах. Заключение в прозе.

Слушатели улыбнулись. Жаботинский продолжал.

– У Якубовича-Мельшина есть строки, написанные в тайге, в сибирской каторге. Это, так сказать, первая фраза моего силлогизма.

Звучит она так:

Я тоже петь бы мог
Луну блестящий рог,
Волны кипучий бег
И легкий зимний снег.

---

* Но совсем прямо (франц.).

** Превыше всего (франц.).

*** Книжные черви, схоласты (нем.).

Но взор пытливый мой
В испуге увидал –
В позоре край родной,
который смерти ждал…[5]

Владимир Евгеньевич виновато улыбнулся.

– Я понимаю, что все это вам кажется почтенно, но неубедительно.

Конечно, Бальмонт писал роскошнее и изысканнее.

Но ведь роскошь еще менее убедительна.

Или, как говорил Толстой, вечные истины обладают теми же свойствами, что и дорогие вещицы: они прочны и незаметны.

И если это так, а я думаю, что это именно так, то не удивляйтесь и следующей моей цитате, захватанной всеми хрестоматиями, но сохранившей свой первозданный смысл.

Вы, разумеется, догадались, что я имею в виду Некрасова:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан![6]

Логический вывод пришел сам собой.

Без всякой борьбы, без всякого надрыва. Ибо логика бесспорна.

Необходима воля, чтобы подчинить ей неуемное человеческое нутро.

Воли оказалось достаточно.

Внутренней дисциплины тоже.

А бесповоротное решение принесло покой.

Действительный или воображаемый – безразлично!

Жаботинский замолчал, только какой-то маленький мускул еле заметно дрожал и сокращался на раскрасневшейся щеке, у самого подбородка.

Молчали и шагавшие рядом спутники.

Все понимали или инстинктивно угадывали, что архитектурно все это было безукоризненно стройно, но житейски и человечески далеко не так просто, как пытался объяснить или перед кем-то оправдаться этот отмеченный Богом избранник.

Очевидно, Жаботинский и сам почувствовал, что слушатели не удовлетворены и что одним силлогизмом их не насытишь

И, остановившись, с какой-то кривой усмешкой добавил:

– Кроме того, не забывайте, что по натуре я еще и авантюрист! И немалого калибра! А авантюризм, господа, это большой двигатель.

Присутствующие весело рассмеялись.

А Владимир Евгеньевич больше всех.

Он был искренне рад опустить, снизить, приземить свою собственную стратосферу до уровня нормального зрения и среднего восприятия.

– А если вы мне не верите, – закончил он звонким, молодым, совсем переменившимся голосом, – то почитайте, что написано черным по белому в одной из моих последних новелл:

«...Из России я вывез одну внутреннюю ценность, еще и доныне подкрепляющую меня на путях земного бытия:

– Незыблемую, убежденную веру в русское – авось!»

Из вотчины барона Гурго вернулись в отличном настроении.

Вместо итальянского кианти пили bordeau rouge* – и до последнего поезда играли в дурацкую игру:

Барыня прислала сто рублей,
Что хотите, то купите,
Белого и черного не покупайте,
«Да» и «нет» не говорите!

6

Большую часть жизни Влад[имир] Евг[еньевич] проводил в поезде.

Из поезда пересаживался на пароход и носился, по выражению Полякова, по белу свету, как нечистый дух.

Из Литвы в Латвию, из Латвии в Польшу, из Польши в Румынию, а то беспересадочным рейсом то в Южную Америку, то в Северную Америку.

Наездом в Париж много и упорно работал, писал, читал, заседал, редактировал, а в часы отдыха больше всего любил тесную дружескую беседу и еще так называемые интимные завтраки «Последних новостей».

К Милюкову[7] относился с величайшим уважением и почетом. И старик платил ему тем же, каждый раз подчеркивая и повторяя:

– Я Вас глубоко чту, дорогой Владимир Евгеньевич, за Вашу общественную и политическую честность, за Вашу твердость и непримиримость! А люблю я Вас за Ваш выдающийся талант. И часто и искренне скорблю, что Ваша партийная деятельность лишает Вас возможности целиком отдаться литературе и, в особенности,

---

* Красное бордо (франц.).

журналистике! Ведь у Вас настоящее золотое перо, или, как говорил родной Вам по духу Heinrich Heine, – так писать только на синем небосводе тонкоствольной сосной, опущенной в кратер Этны!..

Жаботинский отношение старика высоко ценил и в одном из своих импровизированных тостов отдал ему должную дань.

– Ведь это про Вас сказано, Павел Николаевич, – «белеет парус одинокий в просторе моря голубом»!

И, отвесив низкий поклон, торжественно и тихо добавил:

– Я ведь у вас не свой, а гость проезжий, пришедший с другого берега... Но я верен прошлому, верен своей любви к богатейшей русской литературе, верен своей жалости к несчастливому русскому народу. Вот почему и кланяюсь вам, по милому обычаю, по старинке:

От красной зари до сырой земли!..

Восторгу присутствующих не было границ, чокались, пили, шумели.

На какие-то короткие часы жизнь казалась легкой и почти прекрасной!..

7

Для того чтобы рассказать многогранную жизнь Жаботинского нужны не conférences*, не causeries** за чашкой чая, и даже не biographies romancées***, а огромная, выстраданная, настоящая книга.

Думаю, что появления этой книги ждать уже недолго.

В ней будет три главы.

Одна из них будет называться «Неблагодарность и забвение».

В главе этой будет рассказано о том, как боролся титан с пигмеями и как использовали лилипуты подвиг Гулливера.

Ибо титаны рождаются раз в сто лет, а пигмеи плодятся и размножаются ежеминутно, как бесхребетные... (или протоплазма).

Глава, в которой будет рассказано о самом подвиге Жаботинского, о его неустанной борьбе, о его вещем пророчестве, – глава эта будет написана не историками, а поэтами из народа.

Того самого народа, которому настоящий путь его указал не элегантный Герцль[8], не глубокомысленный Нордау[9], а н е п р и м и р и м ы й Жаботинский.

---

* Конференции (франц.).

** Разговоры (франц.).

*** Романизированные биографии (франц.).

И так эта глава или поэма и будет называться – «Непримиримый».

В третьей главе, и последней, будет очень бережно и очень просто рассказано о том, как шумит атлантический ветер над одинокой и скромной могилой в далеком чужом краю.

И новое поколение, придущее на смену, быть может, в подлинном волнении, задумается над этой яркой жизнью и этой смертью.

Задумается и постигнет весь смысл трехсложного слова, которым заканчивал вдохновенный Жаботинский каждую октаву своего гениального перевода из Эдгара По:

– Nevermore!.. Никогда... Jamais...

---

[1] *Ломброзо Чезаре* (1835–1909) – итальянский судебный психиатр и криминалист, родоначальник антропологического направления в криминалистике и уголовном праве. Жаботинский, учась на юридическом факультете Римского университета, ходил на семинары Ч.Ломброзо.

[2] *Сальвини Томмазо* (1829–1915) и *Новелли Эрмете* (1851–1919) – итальянские драматические актеры.

[3] *Кардуччи Джозуэ* (1835–1907) и *Стеккетти Лоренцо* (Гуэррини Олиндо, 1845–1916) – итальянские поэты.

[4] *Бернини Лоренцо* (1598–1680) – итальянский архитектор и скульптор.

[5] *«Я тоже петь бы мог...»* – впервые было напечатано в петербургском журнале «Новое слово» (1896, №8, с.184) за подписью П.Я. Впоследствии вошло в 1 том собрания сочинений П.Якубовича (1910), где автор существенно стихотворение переделал.

[6] *«Поэтом можешь ты не быть, / но гражданином быть обязан.»* – Цитата из стихотворения Н.А.Некрасова «Поэт и гражданин» (1856).

[7] *Милюков Павел Николаевич* (1859–1943) – русский политический деятель, лидер партии кадетов, в эмиграции – редактор газеты «Последние новости».

[8] *Герцль Теодор* (1860–1904) – австрийский журналист, основоположник политического сионизма.

[9] *Нордау Макс* (1849–1923) – венгерско-французский критик, сионист.

Жаботинский в парижском "Рассвете"

Шимон Маркиш (Будапешт – Женева)

Хочу предупредить, предуведомить, так сказать, с порога: ни высоколобого "ученого" разыскания, ни главы из биографии великого человека автор этих строк читателю не предлагает. Он предлагает свой восхищенный и даже влюбленный взгляд на публицистику, которая принадлежит к числу высших достижений русско-еврейской словесности за все время ее существования. Разделить этот взгляд или отвергнуть его – дело каждого в отдельности, но автор исходит из того, что слово его обращено к единомышленникам и единочувственникам: к поклонникам, а еще бы лучше – к обожателям русскоязычного писателя Владимира Жаботинского.

* * *

В.Е.Жаботинский

Сперва – о "Рассвете".

В истории русско-еврейской журналистики это название оказалось самым популярным, употребляемым всего чаще. Так называлось и самое первое в этой истории периодическое издание (Одесса, 1860–1861), и еженедельник, выходивший в столице, в Санкт-Петербурге и продержавшийся намного дольше, чем его одесский тезка, а именно с 1879-го по 1883 год. Третий "Рассвет", также еженедельник и также столичный, был орган жестко сионистский и прожил даже дольше второго: с 1907 до 1915, когда его закрыла царская цензура; и потом еще год, 1917 – 1918, когда его окончательно прекратила новая, советская власть. И, наконец, "Рассвет" Четвертый, эмигрантский, который и назван в нашем заголовке. Только поначалу он был берлинский, целых два года (1922–1924), а с декабря 1924 до декабря 1934 выходил в Париже. Жаботинский щедро сотрудничал и в петербургском "Рассвете", и в берлинском, но в парижском он был "номером первым" в редакционной коллегии, фактическим главою еженедельника, определявшим и его общую линию и, говоря услов-

но, все детали поведения. А главное – печатался так обильно, как это возможно только "у себя". И то сказать: за всю свою долгую жизнь в русском и русско-еврейском журнализме хозяином дома Жаботинский был лишь в парижском "Рассвете".

Здесь позволю себе признание: я просматривал / читал парижский "Рассвет" только до 1932 года включительно, комплектов за 1933 и 1934 годы я не видел. Отсюда – приблизительность моих подсчетов. Итак, до конца 1932 года, за семь парижских лет, Жаботинский напечатал в "Рассвете" примерно 270 материалов. Из них подписных, включая постоянный псевдоним Altalena, примерно 165, без подписи – 41, остальные – под другими псевдонимами, перечислять которые мне представляется излишним.

Это – количественно. Это – очень много. Случалось, что в одном номере собирались четыре текста Жаботинского. Приведу пример.

В № 47 за 1931 год: статья "Calais", три столбца, подписана "В. Жаботинский"; некролог "Л. Гринберг", два столбца, подписан "И.П."; статья "Артур Шик", два столбца, подписана "М.Г.А."; информация "Берит Трумпельдор (От бюро Шилтона)", один столбец, без подписи. Номер открывает нам возможность бросить первый, беглый взгляд на то, что предлагает Жаботинский своим читателям.

Нельзя упускать из виду, что парижский "Рассвет" (да и берлинский уже, с 1923 года) был и органом, и центром сперва нарождавшегося, а потом и окрепшего движения сионистов-ревизионистов; Жаботинский был и основателем движения, и его вождем. Партийная пропаганда, полемика и апологетика были важной частью его работы в журнале и необходимы любому, кто занимается или хотя бы интересуется сионистским движением в его совокупности, в его прошлом и настоящем. Автора этих строк, однако же, занимает и привлекает не партиец и политик, но великий и неподражаемый мастер сплетения словес и концентрации чувств. Вот почему разъяснение "пунктов", принятых совещанием ревизионистов в Кале, кажутся ему не заслуживающими внимания сегодняшнего читателя, их можно пропустить без сожаления. Упустить из виду.

На "информашке" и останавливаться не стоит. Зато две остальные заметки дарят нам – как бы мимоходом! – Жаботинского, если и не самого-самого, то все же достаточно высокого класса.

В некрологе Леопольда Гринберга, владельца и редактора лондонской "Джуиш кроникл", газете дана высокая оценка, но оговорено, что *«читателю, привыкшему к печати русско-еврейского или немецко-еврейского типа, трудно было бы ее оценить по*

достоинству: для этого надо знать англо-еврейскую среду, в которой всегда чувствовался и теперь еще не выветрился дух несколько провинциальный и в то же время "семейный". Государство и общество их не преследовали – и не интересовались ими; они поэтому, в качестве евреев как таковых, никогда не играли никакой роли в жизни Англии или Британской империи: они были и считали себя "общиной" в самом тесном смысле этого слова, с общинными интересами – синагоги, раввинат, свадьбы или бар-мицвы в разных уголках страны. <...> В эту среду Гринберг начал, с изумительным искусством, вводить терпкий яд еврейского национализма в мировом масштабе. Он сохранил всю "семейную" и "домашнюю" рамку старого журнала. <...> Но совершенно исчез тот елейный тон, который делает невыносимым чтение подобных "израэлитише фамилиен-блеттер" на материке – исчезла вечная патриотическая вибрация в тоне статей, постоянное расшаркивание перед отчизной и начальством и местной культурой, исчезло все то довольство "самим собой, своим обедом и женой", которое в американском гетто прозвали "ол-райтничеством" <...>»

По случаю – так и напрашивается сказать "под предлогом" – некролога появляется выполненный несколькими характерными, уверенными, мастерскими штрихами портрет английского еврейства, любопытный и поучительный как сам по себе, так и в связи с магистральной у Жаботинского 20-х – 30-х годов темой Англии, держательницы мандата на Палестину и чуть ли не главного врага сионистов в целом, а ревизионистов в особенности. Отсюда и едкая ирония, ощущаемая непосредственно и безошибочно, но также и породившая типично "жаботинские" формулы типа: "патриотическая вибрация" или "расшаркивание пред отчизной и начальством..." Любое частное обстоятельство способно открыть дорогу к обобщению, к тому, чтобы еще раз вернуться (вернуть читателя!) к главному и основному.

И "главное" – далеко не всегда политика. На странице, в аккурат противолежащей некрологу, напечатаны размышления, вызванные награждением художника Артура Шика высоким польским орденом – в награду за иллюстрирование так называемого Калишского статута. Жаботинский разъясняет, но – не только!

«Калишский статут есть первый по времени исторический документ о правах евреев в Польше; издал его Болеслав Благочестивый, князь Великопольши, в начале 14 века, а потом Казимир Великий утвердил его для всего своего королевства. С этого и началась история польского еврейства; история часто горькая, как всюду в голусе, но, пожалуй, действительно, не совсем такая

горькая, как в большинстве стран голуса. Трудно отрицать, что в старину, и еще до совсем недавнего времени, чуть ли не до начала нынешнего столетия, евреи в Польше чувствовали себя как-то больше "дома" нежели в соседних землях; они как-то больше вросли в почву, стали неотъемлемой частью национального "пейзажа", нежели в других местах (кроме разве чешской Праги). Это не означает, что их там "любили": но ведь и ссориться можно и по-чужому, и по-домашнему. В Польше это было всегда (речь идет о былом...) как-то больше по-домашнему. Сознавали это не только евреи, но и поляки. Вряд ли случайность – то, что в польской литературе есть Янкель Мицкевича, Элиза Ожешко и Сруль из Любартова, а в других литературах ничего равноценного по таланту или симпатии нет».

Разъяснение историко-культурное, но подводящее к современности, к политике, и Жаботинский не был бы самим собой, если бы этого перехода не сделал. Повсюду, настаивает он, работа Шика была воспринята "как памятник во славу принципа честного соседства племен", за это именно Шика и наградили, и хотя не в его, Жаботинского, правилах "обсуждать ордена или чины", это награждение – *«как бы принципиальная манифестация: именно в момент, когда "калишская" традиция заглушена гвалтом уличного хулиганства, польское правительство хочет подчеркнуть свою веру в "калишскую" традицию».*

Но, разумеется, не ради этого перехода или, скажем аккуратнее, не только ради него, обратился Жаботинский к обозначенному выше сюжету. Смолоду, со времен "Одесских новостей" в первые годы двадцатого века, он писал о культуре во всех ее проявлениях и обличьях – о литературе, о театре, об изобразительных искусствах, – то был его домен, его страсть, которую политика, сионизм, ворвавшиеся в его жизнь и писания после Кишиневского погрома, хоть и умерили несколько, но никак не погасили.

Возможно, было бы не лишним привести здесь полный список заглавий всего, напечатанного Жаботинским в парижском "Рассвете", снабдивши каждое заглавие кратчайшей аннотацией, поскольку само по себе оно достаточно часто недостаточно красноречиво: "О Кассандре", "Восток", "Мы буржуи", "Мысли вслух"... Но, боюсь, что читателя не-высоколобого это едва ли чем обогатит, высоколобый же имеет в своем распоряжении прекрасную библиографию Исраэля Еваровича, исправно аннотированную: "The Writings of Zeev Jabotinsky, 1897–1940, A Bibliography", Tel-Aviv, 1977. И вот, вместо обозначенного выше списка, автор этих строк предлагает несколько более близкое знакомство с немногими текстами,

выбранными – еще одно признание – по его, автора, произволу, иначе говоря: что ему больше по душе, то он и выбрал. С одною оговоркою: тексты не должны быть расхожими, раздерганными на цитаты, навязшими на зубах. Впрочем, опасность – минимальная: у русскоязычного читателя Жаботинский прославлен публицистикой, собранной в книге 1913 года "Фельетоны", все дальнейшее известно скорее понаслышке. Отчасти оно и справедливо: великого, испепеляющего накала 900-х и 910-х годов парижско-рассветная журналистика Жаботинского не достигает. Зато, как уже сказано, можно не опасаться, что под "шапкой" новизны предложишь нечто, уже знакомое, читанное.

Первый выпуск "Рассвета" в Париже (25 декабря 1924) открывается, как то и должно быть, передовицей с взглядом в прошлое и с видами на будущее. Статья подписана: "Редакция". На первом листе журнала (который, к слову сказать, сам именует себя "еженедельной газетой") значится: "Редактор: В. Е. Жаботинский". Тем не менее Еварович эту передовицу в свою библиографию не включает. Вопреки молчанию Евановича, беру на себя смелость все же атрибутировать ее Жаботинскому – и вот на каком основании:

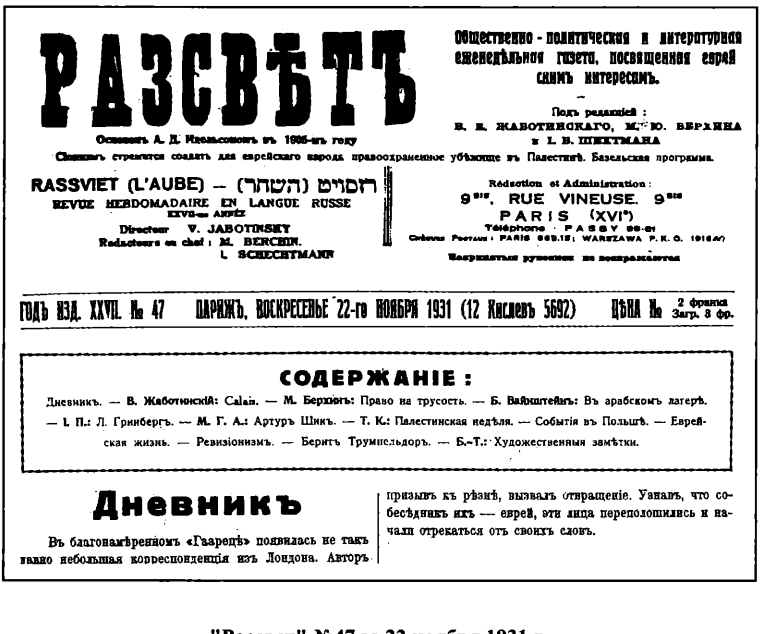
«Есть один вопрос сионистской политики, в котором "Рассвету", быть может, придется особенно упорно идти против "многих". Это – ребяческая вера в то, будто спокойствие в Палестине, без которого не мыслима созидательная работа, может быть куплено ценою одних ласковых слов или своевременных подачек. "Рассвет" поставил себе задачей разъяснить, что порядок и мир в колонизируемой стране могут быть обеспечены только наличностью такой прочной железной охраны, которая делала бы насилие физически немыслимым, и что единственно возможная, целесообразная и достойная форма такой охраны есть та, когда бремя ее принимает на свои плечи сам колонизатор».

Дело не только в манере письма – ей можно и подражать, и небезуспешно. Дело, прежде всего, в том, что приведенный абзац ведет прямиком к дуплету "О железной стене" и "Этика железной стены", появившемуся за год до того в берлинском "Рассвете" (№№ 42–43 и 44–45, 4 и 11 ноября 1923). Эти статьи вошли в канон самого известного у Жаботинского, и цитировать их, вроде бы, излишне. Так же как, увы, излишне напоминать, что и восемьдесят лет спустя они не утратили актуальности.

Среди восьми языков, которыми Жаботинский владел полностью и целиком, был и идиш. Он и писал на идиш, и говорил, и выступал публично – вопреки доктринерско сионистскому убеждению, что это гнусный жаргон, от которого нужно избавляться любыми

средствами и мерами, включая законодательные. Тем поучительнее статья "Судьба идиш", напечатанная в третьем номере "Рассвета" за 1925 год (18 января).

«Идиш – во многих отношениях замечательный язык. Когда-то принято было думать, что это не язык, а наречие: несомненная ошибка. Лингвистически – это язык, и очень оригинальный. По гибкости он имеет мало соперников. Самая разнородность его словаря могла бы стать залогом неисчерпаемого лексического богатства. При этом идиш умеет изумительно ассимилировать чужеродные корни. Есть шедевры такой ассимиляции: например, уайтчепельское слово "бойчикл" (мальчуган, хлопец), где так непринужденно и ловко слились элементы трех языков: английское "бой", славянское "чик" и южно-германское ласкательное "эль". В литературе и поэзии этого языка есть чрезвычайно серьезные ценности; в области театра имеются достижения, которыми нельзя не гордиться; печать, в среднем, по своим идейным и литературным интересам стоит часто выше иноязычной прессы тех же стран. Наконец, это в известном смысле "мировой" язык: если англичанин гордится

РАЗСВѢТЪ

Общественно-политическая и литературная еженедѣльная газета, посвященная евреѣ своимъ интересамъ.

Основанъ А. Д. Идельсономъ въ 1905-мъ году

Подъ редакціей: В. Е. ЖАБОТИНСКАГО, М. Ю. БЕРХИНА и І. В. ШЕХТМАНА

Сионизмъ стремится создать для еврейскаго народа правоохраненное убѣжище въ Палестинѣ. Базельская программа.

RASSVIET (L'AUBE) – (השחר) רזסויט

REVUE HEBDOMADAIRE EN LANGUE RUSSE

Directeur V. JABOTINSKY

Rédacteurs en chef: M. BERCHIN, I. SCHECHTMANN

Rédaction et Administration: 9 bis, RUE VINEUSE. 9 bis PARIS (XVIe)

Téléphone: PASSY 60-61

Comptes Postaux: PARIS 669.15; WARSZAWA P. K. O. 191647

Неоприлитыя рукописи не возвращаются

ГОДЪ ИЗД. XXVII. № 47 ПАРИЖЪ, ВОСКРЕСЕНЬЕ 22-го НОЯБРЯ 1931 (12 Кислевъ 5692) ЦѢНА № 2 франка Загр. 3 фр.

СОДЕРЖАНІЕ:

Дневникъ. — В. Жаботинскій: Саlаіs. — М. Берхинъ: Право на трусость. — Б. Вайнштейнъ: Въ арабскомъ лагерѣ. — І. П.: Л. Гринбергъ. — М. Г. А.: Артуръ Шницъ. — Т. К.: Палестинская недѣля. — Событія въ Польшѣ. — Еврейская жизнь. — Ревизіонизмъ. — Беритъ Трумпельдоръ. — Б.-Т.: Художественныя замѣтки.

Дневникъ

Въ благонамѣренномъ «Гаарецѣ» появилась не такъ давно небольшая корреспонденція изъ Лондона. Авторъ призывъ къ рѣзнѣ, вызвалъ отвращеніе. Узнавъ, что собесѣдникъ ихъ — еврей, эти лица переполошились и начали отрекаться отъ своихъ словъ.

"Рассвет" №47 за 22 ноября 1931 г.

тем, что может, не зная ни слова на иностранных наречиях, объехать весь мир, то с не меньшим правом может повторить эту похвальбу ашкеназийский еврей. Язык, безусловно, замечательный. Но самое замечательное то, что он, при всех этих достоинствах, неудержимо вымирает».

Вымирает же он потому, что это, в первую очередь, язык *«"обиходный", т.е. разговорный, а решающий голос в вопросе о будущности обиходного языка принадлежит детям»*. Но дети, если взять для примера *"огромное гетто Нью-Йорка"*, говорят между собою только по-английски, даже если и понимают идиш, и даже отвечают на нем родителям. *"Этим вопрос о будущности решается безапелляционно"*. И далее: *"Характернее всего то, что процесс этот проходит в массовой среде без всякого отпора. Итальянские, немецкие, скандинавские, польские родители в Америке почти всегда борются против тенденции детей – вносить язык школы в домашнюю обстановку. Еврейские родители – почти никогда. Получается впечатление, что язык этот не связан с их душой настоящими, органическими нитями. Его любят, пока на нем говорят; когда он утрачен, о нем не жалеют"*.

И так – повсюду: и в Польше, и по всей Советской России. Исключения, если они и существуют, дела не меняют.

Три четверти столетия спустя, через полвека после Шоа, уничтожившей идиш вместе с его носителями, после по меньшей мере двух десятков лет нового интереса к идиш и идишкайт повсеместно в диаспоре и даже в Израиле, – как отнестись к этим словам, полным и любви, и гордости, и безнадежности на грани отчаяния? Не всего ли удивительнее и трогательнее именно любовь и верность еврейскому "обиходному" языку, который для него, для Жаботинского, выраставшего в ассимилированной семейной среде, не был уже и обиходным, не был "мамэ-лошн"? Привязанность к идиш была у Жаботинского не инстинктивной, "нутряной", как у тех, кто получил его, так сказать, даром, но осмысленной, опирающейся на убеждение, что идишкайт – неотчуждаемая и необходимая составная часть нашей истории и культуры (нашей цивилизации, говоря сегодняшним языком).

Похвала "обиходному" еврейскому языку в приведенном выше абзаце несколько неожиданно, но, в конечном счете, вполне объяснимо совпадает с апологией идиш у Семена (Шим'она) Фруга в замечательном "фельетоне" (по терминологии того времени) "Язык-дикобраз", напечатанном в еженедельнике "Будущность", 1900, № 18, стр. 370–371. То было, сколько способен судить автор этих строк, одно из самых ранних, если не самое раннее выступление в защиту идиш по-русски, и жаль, что оно затерялось на страницах забытого журнала. Впрочем, и вся-то русско-еврейская словесность

в том же невеселом положении; вот ведь и Жаботинский в "Рассвете", предмет наших восторгов и рассуждений, не собран, не издан.

Заметим попутно: Жаботинский слово идиш не склоняет. Хорошо бы, если бы это приняли к сведению и взяли за образец те, кто пишет и печатает: "не знает идиша", "говорит на идише" и т.п. У автора этих строк такое словоизменение вызывает глубокое отчаяние, почти депрессию.

12 февраля 1927 г. скончался в Париже Семен Юшкевич. К осени комитет для увековечения памяти покойного издал в переводе на идиш последний роман Юшкевича "Эпизоды" (1921–1922). Жаботинский отозвался на выход "Эпизодов" большой статьей в "Рассвете" (№39, 2 октября 1927). Иначе говоря, некрологу, по необходимости расплывчатому и импрессионистскому, предпочел нечто конкретное и, как мы увидим, заостренное политически.

Главная мысль статьи – в том, что "национально настроенный еврейский читатель" всегда относился к Юшкевичу несколько прохладно, видя в нем очернителя еврейского народа, не желающего замечать светлых сторон нашего быта, и что "вина в этой размолвке была на стороне читателя". В самом деле, не менее мрачными тонами рисуют своих единоплеменников Щедрин и Достоевский, Синклер Льюис и Теодор Драйзер, однако же никакой размолвки между ними и интеллигентным читателем не было и нет. *"У нас же Юшкевич все еще ждет признания в качестве большого еврейского писателя"*. Причин тому много, Жаботинский приводит главные. Юшкевича сразу и слишком тепло приняли в *«общерусской литературе, и у нас получилось впечатление, что он "пишет для чужих"»*. Манерой письма Юшкевич отличался от привычных читателю бытописателей еврейства, и *"читатель решил: это не еврейская жизнь"*. Но еще важнее, главнее то, что еврейский читатель, даже ощущающий свою национальную настроенность и *"уже тридцать лет повторяющий, что еврейский народ живет для себя, а не для соседей, никому не обязан нравиться, ни перед кем не намерен отчитываться и ни на кого не желает оглядываться"*, этой нравственной независимости еще далеко не достиг. Оно хотя и объяснимо *("мы живем среди чужого переулка, и отвлечься от этого факта нелегко")*, но даже в чужом переулке пора уже усвоить, что *«отношение к нам соседей меньше всего зависит от нашей репутации "хороших" или "нехороших" людей. Эта истина теперь ясна, кажется, даже ассимиляторам; доказывать ее поэтому считаю лишним. Уж наверняка знают ее националисты. Тем не менее и они часто шарахаются, когда взойдет на кафедру свой человек и расскажет при соседях, что есть у нас в быту Леон Дрей. Эта черта у нас – пережиток ассимиляторства и апологетики. От нее пора отделаться»*.

(Возможно, нелишним будет напомнить, на всякий случай: Леон Дрей – герой одноименного романа Юшкевича, первая часть которого вышла в 1908 г., а последняя, третья, в 1919. Леон – мелкий бес, воплощение всех возможных мерзостей и пороков, и появление первой части вызвало настоящую бурю негодования в русско-еврейских и либеральных общероссийских изданиях.)

Существует ли у нас Леон Дрей и "все другие бесчисленные уроды портретной галереи Юшкевича?" – спрашивает Жаботинский и отвечает решительно: *«Наивный вопрос. Неужели мы, евреи, тактаки и не "представлены" ни в том сословии юных красавцев, которое живет на заработки проституток, ни в цехе торговцев живым товаром?»* А дурные болезни существуют или нет? *"В витринах на главных улицах их, понятно, не показывают. А вы сходите в клинику..."* В еврейской клинике кого только нет! От *"Союза воров-евреев" до "типа, которого даже Юшкевич, насколько помню, успел лишь мимоходом коснуться, так как расцвел он уже после войны: еврей-чекист, еврей-палач или подстрекатель палача".*

И – вывод, то, ради чего написана эта статья, скорее политическое эссе, нежели литературное размышление:

«Не следует от всего этого "шарахаться". Во-первых, тут совершенно нечего – ибо некого – стыдиться. Уж пред соседями-то краснеть абсолютно нечего. Один пастор в Уайтчепеле, произнося речь перед евреями, сказал так: "С глубоким сожалением вижу, что нравственный уровень среди евреев с каждым годом падает. Вы, друзья мои, становитесь все хуже да хуже. Вы почти уже стали такими же скверными людьми, как ваши соседи-христиане". Пастор находил, что до этого еще не дошло. Я не видел бы надобности краснеть, если бы дошло и до "этого". Ни, в особенности, скрывать, да еще от себя самих.

Правду писал Юшкевич. Не всю правду, я согласен; но и не брал он на себя такой энциклопедической задачи. Если угодно, он делал ту же работу, которую делали мы, сионистские публицисты его времени. Мы тоже не писали "всей правды" об ассимиляции. Как во всяком массовом явлении, было в ней много сторон прекрасных и возвышенных; но их мы обходили, а вытаскивали на свет божий только стороны отрицательные – и были совершенно правы, ибо наша миссия была бороться против развала и дезертирства. Юшкевич, хотя ни к какой партии не приписанный, никакой миссии не присягнувший, инстинктивно служил тому же устремлению своего времени. Он прошел через разрушенное гетто и сфотографировал развалины; проследил яд ассимиляции до последних, до клинических последствий его действия; проделал работу мучительную и громадную по общественной ценности; и от тех, для кого (и уже в последние годы вполне сознательно) работал, т.е. от нас с вами,

самодовольных борцов за новое еврейство, не получил ни слова признания».

Заканчивает Жаботинский изъявлением надежды, что перевод на идиш приблизит Юшкевича к еврейскому читателю, который ощутит его *"евреем, писавшим о евреях для евреев". "Тогда Юшкевич добьется своего заслуженного места в ряду писателей – граждан нашего народа и поколения: правдивый и скорбящий обличитель того процесса, который называется ассимиляцией и грозит превратить еврея в насекомое без крыльев, в сгусток обнаженных аппетитов, если не остановит его переворот национального возрождения; и потому – один из крупных и серьезных воспитателей народа на пороге возрождения*".

Юшкевич поставлен "на службу" сионизму. Не фальсификация ли это? Не тот же ли грубоватый трюк, которым марксистская критика и литературоведение ставили на службу очередной пятилетке чуть ли не всю русскую классику?

Нет, нет и нет!

Юшкевича можно прочесть так, как читает его Жаботинский, ставя те акценты, которые ставит он, а именно – национальные преимущественно перед социальными и, разумеется, перед собственно эстетическими. И тогда "распад" ("бытописателем распада" назвал Юшкевича Сергей Цинберг, неоспоримый вождь нашего литературоведения в первую треть минувшего века) из продуктов классового расслоения превращается в результат национальной деградации, неизбежного спутника и последствие ассимиляции. Едва ли такой подход (метод, анализ, разбор – назовите как угодно!) пришелся бы по душе передовым исследователям литературных текстов по обе стороны Атлантического океана, он, должно быть, показался бы им безнадежно устаревшим, обветшалым. Автору этих строк он дорог и близок, так же, как и сам Жаботинский, весь Жаботинский.

Обширные цитаты из "Юшкевича" позволяют вчитаться в письмо, удостовериться, что и во второй половине 20-х годов Жаботинский не изменил той манере письма, которую выработал еще в Одессе до переезда в Петербург (1903). Было у него нечто, трудно уловимое анализом, но безотказно ощутимое непосредственно, – некий эффект присутствия. Чудится, будто не написанное читаешь, а слышишь живой голос, обращенный именно и только к тебе, больше того – видишь глаза, которые смотрят прямо в твои, в упор. Эффект присутствия особенно интенсивен в сборнике "Фельетоны" (1913), но отчетливо ощущается и в публицистической прозе парижского "Рассвета", в частности – в "Юшкевиче".

Другая крупная, бросающаяся в глаза черта – это сарказм, граничащий случалось и с высокомерием, но в целом остающийся на уровне того, что, воспользовавшись словом поэта, можно назвать

"великолепным презрением". В конце августа 1929 года в подмандатной Палестине вспыхнули "беспорядки", а называя вещи своими именами, – прокатились погромы; самый кровавый был в Хевроне, арабы убили там более 70 человек. В № 44 "Рассвета" (3 ноября 1929) Жаботинский публикует статью под заголовком "Мир".

"Очень шумно завывает у нас теперь в сионизме хор миролюбцев, добивающихся (через проповедь к евреям только!) примирения с арабами. Трудно отделаться от брезгливого чувства: назавтра после такой подлой и грязной резни давайте покаемся в наших грехах и попросим, чтобы впредь не били. Даже я, при всем моем органическом презрении к доброй половине нынешнего офицерского и унтерского состава в сионизме, такой безграничности пресмыкательства не ожидал. Тем не менее надо отбросить брезгливость и еще раз вглядеться в это дело по существу".

И Жаботинский терпеливо, в который раз излагает свою позицию: арабы никакого мира с нами не хотят, пока мы не откажемся от декларации Бальфура и, главное, не согласимся поставить еврейскую иммиграцию в Палестину под арабский контроль. *"Мира с арабами мы все хотим. Но заплатить за него той уступкой, которой требуют арабы, мы не можем". «Оттого все эти миролюбивые разговоры, этот еще в Св. Писании осужденный гвалт "о мире, мире, когда нет мира", есть не только распутство мысли, но и предательство».*

(Два попутных замечания:

1. Полфразы, на которую ссылается Жаботинский, повторяется в Писании трижды: Иеремия 6:14, Иеремия 8:11 и Иезекииль 13:10.

2. Не покушаясь на систематический обзор излюбленных стилистических приемов Жаботинского, хотелось бы, однако, обратить внимание на столкновение не просто разнородных, но диаметрально противоположных лексических единиц: "Св. Писание" – "гвалт")

Но, конечно же, бывало, и нередко, что текст оказывался свободным и от сарказма, и от эффекта настоятельного присутствия. Примером может послужить статья "Д.С. Пасманик", некролог, напечатанный в №28 за 1930 год (13 июля).

Даниил Пасманик – известный русско-еврейский публицист, сионист по убеждениям, врач по профессии. Во время Гражданской войны участвовал активнейшим образом в белом движении, в эмиграции примкнул к группе "кающихся евреев", которые выпустили в 1922 г. в Берлине сборник "Россия и евреи", где признавали правоту крайне правых, взваливавших вину за революцию в России и свержение монархии на евреев. Ответом была резкая критика со стороны евреев и демократически настроенной русской эмиграции. Сионисты отмежевались от Пасманика, объявили о разрыве с ним. В

течение всего 1923 года и в начале 1924 "Рассвет", еще берлинский, многократно возвращался к дискуссиям вокруг "России и евреев". И вот Пасманик умирает, в Париже. Казалось бы: сам Бог велел подвести итог давним уже обвинениям и спорам! Но нет: Жаботинский подробно, но довольно вяло воздает должное ушедшему как первому теоретику сионизма, судить же "о размолвке Пасманика с русским сионизмом в годы Гражданской войны и после" вообще отказывается – мол, мало, что знаю, да и знать не очень хочу. А впрочем, словно нехотя, сквозь зубы, прибавляет: с идеалами народов, среди которых мы живем, приходится считаться, и я решительно не понимаю, почему нельзя якшаться с монархистами. Это он не Пасманика защищает, а себя: вспоминает, например, как его поносили за соглашение, которое он подписал с представителями Петлюры в 1921. Но в целом статья пресная, и не стоило бы о ней заводить разговор, если бы не заключительная часть, которую стоит привести, не скупясь:

«Мы не привыкли к типу души, которая, действительно, вмещала в себя два настоящих патриотизма. Фразу о двойном патриотизме часто произносим мы все – т.е. все те из нас, сионистов, у которых есть приличный паспорт, – и я не сомневаюсь, что произносим ее искренно и готовы исполнять оба гражданских долга. Но у Пасманика было нечто другое: два "надрыва". Казалось бы, что любить с "надрывом" можно только одну национальную идею: второй из них можно подарить только спокойную привязанность, если не просто тщательную корректность. Пасманик, несомненно, любил Россию в том же смысле, как любил еврейство: например, не только сознавал разумом, что России нужна та или иная отрезанная провинция, но и внутренне ощущал болезненность этого отреза, как мы чувствуем отрез Заиорданья. Ненавидел большевиков не только за то, что они – черная сотня, как ненавидим мы, но прежде всего за унижение России. Поскольку он свою деятельность контролировал рассудком, "обосновывал", – постольку, я думаю, он отдавал примат еврейскому, а не русскому моменту: считал, что и через русское свое служение служит еврейству. Но в сфере непосредственного переживания примата не было. Ту особенную, непередаваемую воспаленность души, которая была самой "восточной" его чертою, он отдавал одинаково и нам и России.

Вряд ли счастливо живется такому человеку с двумя пожарами в одной грудной клетке. Я ему не завидовал и не завидую. Но шапку снимаю: это не порок души, это богатство души; роскошь неудобная, часто губительная, как губительно для человека родиться с талантом музыканта и живописца вместе; но неподдельная роскошь, истинный дар божий. Ценный умер человек, и с почетом надо проходить мимо его могилы».

Сам Жаботинский никаких сыновних чувств к российскому отечеству не питал и заявлял об этом по разному поводу и в разных контекстах; самый известный, по-видимому, – заключительная глава романа "Пятеро": *"К России был равнодушен даже в молодости: помню, всегда нервничал от радости, уезжая за границу, и возвращался нехотя"*. Но к чужому патриотизму, в данном случае – к русскому патриотизму Даниила Пасманика, относился с полным уважением и сочувствием. Отсюда – высокая патетика, или, если угодно, патетическая серьезность, столь же присущая письму Жаботинского, как и две названные выше черты, и то сочетающаяся с ним в разных пропорциях, то появляющаяся в чистом виде, как здесь, в некрологической похвале Пасманику.

В заключение обратимся к тексту, помеченному "Перевод с идиш". Таких текстов немало в парижском "Рассвете", и автор этих строк, занимаясь с десяток лет назад в Институте Жаботинского в Тель-Авиве, не смог установить, как они возникали: кто переводил? просматривал ли автор, то есть Жаботинский, перевод, правил ли его? Как бы то ни было, стилистический уровень их достаточно высок, чтобы ставить их в один ряд с доподлинно и изначально "русским" Жаботинским.

Статья "Зайнэ киндер ун унзере" появилась впервые в варшавской газете "Хайнт" 26 сентября 1930. В парижском "Рассвете" № 41 за тот же год была напечатана 12 октября под заголовком "Его дети – и наши". В оригинале на идиш был еще подзаголовок: "К кончине сына и дочери Герцля". Дочь Герцля Паулина покончила с собой, сын Ганс застрелился на могиле сестры в Бордо. Эти две смерти наводят на мысль, что старый враг сионизма – ассимиляция ("чужие языки лучше наших, чужие страны лучше нашей страны, чужие молитвы лучше нашего разорванного сидура") живет и процветает, хотя и под новым обличьем. Но каково бы ни было ее обличье, в основе лежит все то же чувство еврейской неполноценности. *"Снова, как двадцать лет назад, мы слышим из уст молодежи, что одними еврейскими проблемами нельзя заполнить целую жизнь человека, что еврейских идеалов недостаточно для занятия всего алтаря, что на чужой улице гораздо лучше, шире и веселее и что единственное средство, которое еще может удержать у нас молодежь, чтобы она осталась работать в наших тесных пределах, в бедном еврейском саду, в скромном еврейском домике, – это дать молодежи возможность постоянно сидеть у окна"*. Многие и сидят, глядя не отрываясь на чужую улицу, приветствуя любого, кто по ней ни пройдет, будь то Маркс, Ленин, Ганди или *«завтра, может быть, Муссолини, главное, это должно быть нечто не наше, нечто "более широкое", нечто "общечеловеческое". <...> Кто сидит у окна, выглядывает наружу и высовывается все дальше и*

дальше, в конце концов выпадет и останется снаружи; целый или разбившийся – это его забота, но – не у нас».

В любые времена, во всех поколениях ассимиляторы старались втолковать еврею, что интеллигентной душе тесно в рамках еврейской жизненной сферы. Что ж, действительно, *"у гоев жизнь шире, красивее и веселее <...> и не только их жизнь богаче, но и идеалы их заключают в себе более красочную радугу всяких благ. По меньшей мере – на вкус того типа людей, на которых влияет улица, с ее шумом и шествиями, с развевающимися знаменами. Но вкус большинства из нас – уличный вкус.*

Враг жив. Склонность приспособлять наши мысли и стремления не к нуждам еврейского народа и его развитию, а именно к идеологической моде внешнего мира – тенденция, являющаяся корнем и ядом ассимиляции, поджидает наших детей за каждым углом, <...> даже в Палестине. Такая вещь может начаться где угодно и как угодно, безразлично – окончится она в Бордо. Такие вещи всегда кончаются в Бордо. Конечно, не всякое самоубийство выражается в выстреле, но путь через те окна ведет всегда к тому же результату – бесполезно и бессмысленно прожитая жизнь, твои услуги совершенно не нужны чужой стороне. Троцкий сидит у турок и пишет похвалы самому себе, на сто лет германской национальной верности Германия отвечает евреям шестью миллионами плевков в лицо – какая разница, застрелиться из револьвера или совершить духовное самоубийство? Станция Бордо – terminus".

В этом переводе с идиш слышится голос, видна поэтика пророка, покрывающая в виде своего рода крыши все детали, частности писательской манеры нашего великого публициста. От пророка – нестерпимая горечь, уже и сарказма мало, уже подступило отчаяние. От пророка – беспощадность в обличениях. От пророка – казавшаяся семьдесят лет назад парадоксом мысль, что ни национальный язык, будь то идиш или иврит, ни даже национальный дом, очаг, – Палестина не гарантируют защиты от соблазна ассимиляции. От пророка, наконец, – и кошмарная точность роковой цифры: шесть миллионов.

Хотелось бы надеяться, что читатель убедился (имеется в виду благосклонный читатель): в парижском "Рассвете" его ждет немало счастливых встреч с несобранным и, следовательно, практически неизвестным Жаботинским. Неизвестным и потому особенно удивляющим и поражающим. И потому же о двух романах – "Самсон Назорей" и "Пятеро", – впервые появившихся в том же "Рассвете", но достаточно широко известных по дальнейшим, отдельным изданиям, речи у нас не было.

Наследие Владимира Евгеньевича (Зеева) Жаботинского на французском языке

Эра Мазовецкая, Татьяна Груз (Тель-Авив)

Он [Жаботинский] имел необыкновенные лингвистические способности и отличался талантом проникновения в дух языка, который изучал. <...> Свои литературные произведения – прозу и поэзию, а также многочисленные публицистические статьи – он создавал, в основном, на русском языке, но писал также на иврите, идиш и европейских языках[1].

Краткий обзор писем Жаботинского на французском языке

Французский язык, как и другие европейские языки, для Зеева Жаботинского был "рабочим" языком. Это подтверждает достаточно объемная часть его архива, как печатного, так и рукописного, хранящегося в Институте Жаботинского[2]: в первую очередь, переписка, составившая 200 писем, циркуляров, обращений, телеграмм к 79 адресатам, и, во-вторых, статьи Жаботинского, написанные на французском и переведенные с русского, английского и других языков для франкоязычной периодики. Мы, конечно, вспомним и статьи о нем на французском языке.

Небезынтересно отметить, что нередко Жаботинский обращался на французском к тем адресатам, с кем переписывался в течение многих лет также на русском, немецком, английском, иврите, идиш.

Ранние письма Жаботинского касаются организации Еврейского легиона. Так, например, майору Дельме Редклиф, работавшему в военном министерстве Великобритании, адресованы два письма – от 3 и 18 мая 1915 г. Полковнику Джону Паттерсону[3], известному сторонникy идей Жаботинского, последний пишет 6 октября 1915 г. В письме Владимир Евгеньевич возражает против названия легиона "Отряд погонщиков мулов" и ставит обязательным условием участие отряда в боях за Эрец-Исраэль.

На французском языке Жаботинский пишет Иосифу Трумпельдору[4] 30 марта 1915 г. и Меиру Гроссману[5] 3 сентября 1916 г. В этот

период они активно пропагандировали создание Еврейского легиона в Англии. Об этом ярко написано в книге Жаботинского "Слово о полку".

Одним из горячих сторонников освоения Эрец-Исраэль был барон Эдмонд Джеймс де Ротшильд (1845 – 1934), который, в соответствии со своими убеждениями, вкладывал большие капиталы в становление еврейских поселений и развитие промышленности в Палестине. Жаботинский состоял в переписке с бароном, и письмо к нему Жаботинского от 31.10.1917 г. посвящено Еврейскому легиону.

2 октября 1915 г. Жаботинский пишет Израилю Зангвилю. Основная идея Зангвиля: "Лучше сионизм без Сиона, чем Сион без сионизма" – была для Жаботинского неприемлемой. В этом письме Жаботинский откликается на приглашение Зангвиля, так как оба, видимо, стремились сблизить свои позиции.

В 1915 г. Владимир Евгеньевич дважды пишет Моше Гастеру[6], уроженцу Бухареста, раввину, филологу, деятелю сионистского движения. Письма датированы 14 и 19 мая. Гастер был палестинофилом, и письма Жаботинского к нему также связаны с рождением Еврейского легиона.

Среди "французских" корреспондентов был и Хаим Вейцман[7]. На протяжении многих лет супруги Вейцман тесно общались с Жаботинскими. Вера, жена Хаима Вейцмана, так вспоминала о нем:

"Хотя мой муж и был его убежденным противником в тактике и стратегии сионистского движения, но в его сердце навсегда сохранилось особо теплое отношение к Жабо<тинскому>, удивительному, большой души человеку"[8].

В архиве Жаботинского сохранились письма Вейцману на русском, английском и французском языках. Большой интерес представляет письмо из Харькова в Манчестер на французском языке от 24 февраля 1914 г. (9 марта 1914). Приводим краткий перевод на русский язык:

"Дорогой друг, разговаривал с различными людьми в Вильне, в Полтаве и в Харькове – три города замечательных и три типа русских евреев.

Нет семьи, которая бы не волновалась о будущем своих детей в смысле образования. Германия, Франция и Швейцария не подходят. Еврейские сионистские издания полны анонимных писем, в которых еврейская молодежь ищет информацию об университетах Кушты (Стамбула. – *Э.М., Т.Г.*), *Бейрута, о Техниона в Хайфе.*

Большинство молодежи не сионисты, но чувствуют опасность и делают последние усилия для своего спасения.

В Харькове я встретил г-на Тейтеля, который старается организовать еврейскую молодежь для учебы за границей. Трагически думать, что в ближайшие годы его деятельность будет не нужна из-за отсутствия студентов. Я не боюсь сказать и не преувеличиваю, что вопрос студенчества на сегодня вызывает наибольшее беспокойство в еврейских семьях от Двинска до Одессы.

Идея создания Еврейского университета в Иерусалиме получает поддержку даже в кругах, далеких от сионизма. Русские евреи готовы поддержать большими суммами строительство университета в Иерусалиме. <...> Есть еще одна мысль, что все слои еврейского населения дадут деньги на строительство университета в Иерусалиме: и богатые, и не богатые, и добрые, и жадные. Шалом, мой хороший друг. Передай привет супруге и сообщи, что нового у вас.

Твой В.Жаботинский"

Вейцману на французском адресовано также письмо от 5 июня 1921 г., когда Хаим Вейцман фактически стал руководителем сионистского движения.

Гостинница „АСТОРІЯ"

ХАРЬКОВЪ

Hôtel „ASTORIA" Charcov

Адресъ для телеграммъ: „ХАРЬКОВЪ-АСТОРІЯ" ☐☐ Телефонъ 5.83 ☐☐

Adresse télégraphique: "CHARCOV-ASTORIA" ☐ Western code used ☐

Харьков. 24. II 1914
Charcov. (9. III. 1914, n°0

Cher ami

J'ai eu des conversations avec des personnes bien informés à Vilna, à Poltawa, ici à Kharkow — tout dites assez characteristiques représentant trois types de juiveries russes. C'était d'ailleurs intéressant mais intéressants n'ont fait que confirmer ce que j'avais appris déjà. Vous ne trouverez pas une famille juive plus ou moins aisée où l'on ne se demande avec inquiétude: dans deux ou trois ans, où enverrons-nous nos enfants pour qu'ils complètent leurs études? On considère l'Allemagne comme définitivement perdue, on est sûr que les universités de France et de Suisse ne verront dans la nécessité de suivre

Первая страница письма В.Е.Жаботинского Хаиму Вейцману
от 24 февраля 1914 г.

Шломо Зальцман[9], известный издатель. Переписка между ним и Жаботинским началась еще в начале XX века и продолжалась десятилетия. В телеграмме на французском языке от 11 апреля 1916 г. Владимир Евгеньевич сообщает Зальцману, что переводит на русский язык и редактирует книгу полковника Паттерсона[10] о его руководстве "Отрядом погонщиков мулов" и совместной работе с сионистами. Жаботинский просит Зальцмана предоставить Паттерсону хорошие условия для издания книги.

На французском языке Жаботинский отправил четыре письма немецко-еврейскому писателю и публицисту Лазарю Феликсу Пинкусу[11]. Письма затрагивают тему Еврейского легиона, они датированы 16 октября 1916 г., 9 марта, 20 сентября и 19 декабря 1917 г. В последнем из них Жаботинский выражает благодарность за поддержку.

31 декабря 1922 г. Жаботинский пишет на французском Зиновию Темкину[12], соратнику и члену редакции журнала "Рассвет".

Там же, в Архиве Жаботинского, находятся пять писем на французском, адресованных сотруднику журнала "Рассвет" и будущему биографу Жаботинского Иосифу Шехтману[13], – от 31 декабря 1922 г., 10, 20 и 29 декабря 1938 г., 23 февраля 1939 г. Всего сохранилось более 30 писем, адресованных Жаботинским Шехтману. В них подробно освещаются различные вопросы: о движении сионистов-ревизионистов, о работе журнала "Рассвет", о необходимости иммиграции польских евреев в Палестину. В письме от 23 февраля 1939 г. Жаботинский просит Шехтмана добиться у английского правительства разрешения на свободный въезд польских евреев-беженцев в Эрец-Исраэль.

Среди корреспондентов Жаботинского – Яков Вейншал[14]. В 1925 г. он избирается в муниципалитет города Тель-Авива от сионистов-ревизионистов. По этому случаю В.Е.Жаботинский отправляет ему поздравительную телеграмму на французском языке. В телеграмме указывается также на необходимость послать от Эрец-Исраэль делегатов на 2-й съезд сионистов-ревизионистов, который должен был состояться 29 октября 1926 г. Жаботинский был удовлетворен избранием доктора Вейншала на пост председателя ревизионистской партии Палестины. В письме от 10 ноября 1926 г., направленном французскому консулу в Тель-Авив, Жаботинский дает характеристику Вейншалу:

"Уважаемый господин консул! Надеюсь, что после наших сердечных встреч Вы не сочтете за бестактность мое обращение к Вам с просьбой принять Якова Вейншала, доктора по профессии и президента ревизионистской партии на Святой Земле. Благодаря

его усилиям, моя партия победила на муниципальных выборах в Тель-Авиве. Доктор Вейншал ценит Францию. Надеюсь, что наша связь с Вами продолжится. В.Жаботинский".

Вейншал сотрудничал в журналах и газетах: на русском языке – в "Рассвете", на иврите – в "Доар Ха-Йом" и в "Ха-Арец", на французском – в журнале "Про-Исраэль". Одна из его статей в этом журнале называется "Жаботинский в университете" (1926. №7. С.5).

Необходимо отметить переписку Жаботинского с Максом Нордау[15], его женой и дочерью. Жаботинский относился к Нордау с большой симпатией и уважением. После кончины Макса Нордау Владимир Евгеньевич остался большим другом семьи покойного. В письме от 15 сентября 1929 г. он просит дочь Нордау, Максу, организовать встречу с представителем французского правительства, так как Еврейское агентство отвергло ревизионистское движение, тем самым перекрыв возможность вести переговоры с официальными представителями государства. В архиве Жаботинского хранится четыре письма к дочери Нордау на французском языке.

22 июля 1931 г. Жаботинский из Парижа пишет в Иоганнесбург своему ближайшему сподвижнику Шломо Якоби[16]. Начиная с 1929 г. он, по просьбе Жаботинского, занимается нелегальной алией.

Три телеграммы на французском – от 22, 23 и 24 июля 1933 г. – отправлены Жаботинским известному адвокату Оскару Грузенбергу[17]. Жаботинский просит Грузенберга выступить в защиту Ставского[18] и не опровергать слухи об окончательном решении стать его адвокатом до тех пор, пока не получит от него (Жаботинского) подробного письма.

В сложных ситуациях Жаботинский обращался к Элияху Гальперину, однокашнику по гимназии и единомышленнику, брату жены, с различными просьбами и был всегда уверен, что они, как бы ни были сложны, будут выполнены. Об этом, например, письмо на французском языке Гальперину от 15 ноября 1939 г. С большой теплотой Гальпериным после смерти друга написан биографический очерк "В.Е.Жаботинский"[19]. Очерк и сегодня остается актуальным.

Авраам Реканати и журнал "Про-Исраэль"

Подробнее мы остановимся на многолетнем адресате Жаботинского – Аврааме Реканати, редакторе и издателе журнала "Про-Исраэль", выходившего в Салониках (тогда Турция) на французском языке. Переписка между ними продолжалась с 1923 по 1932 г.

Реканати происходил из раввинской семьи, родился в 1888 г. в Салониках. С 1904 г. начал заниматься еврейской общественной деятельностью, создал в Турции организацию "Бней Цион". В Салониках возглавил движение "Маккаби". Познакомившись с идеями Жаботинского, стал его горячим сторонником и основал в Греции ревизионистское движение. Участвуя в первой конференции Союза сионистов-ревизионистов в апреле 1925 г. в Париже, Реканати поддержал кандидатуру Жаботинского как руководителя движения. Их личное знакомство произошло во время поездки Жаботинского с циклом лекций по Европе. Принятие идей Жаботинского подвигло Реканати к созданию в Греции молодежной организации сионистов-ревизионистов "Бейтар", лозунгом которой было "Единое знамя" ("Хад нес") в отличие от сионистско-социалистической идеологии, в основе которой лежали классовые и национальные интересы.

Реканати пытался объединить два сионистских движения: "Мизрахи", председателем которого он был в Салониках, и "Бейтар". Он был одним из инициаторов репатриации греческих евреев в Эрец-Исраэль в 20 – 30-е гг. Греческие евреи селились в Хайфе, им принадлежит заслуга превращения Хайфы в главный порт Эрец-Исраэль.

Авраам Реканати неоднократно бывал в Эрец-Исраэль и поддержал идею создания Еврейского университета в Иерусалиме как учебно-научного учреждения. 1 апреля 1925 г. он присутствовал на его открытии. Реканати перевел на французский язык книгу Теодора Герцля "Еврейское государство". В архиве Жаботинского хранится 18 писем к А.Реканати. Содержание писем подтверждает доверие и идейную близость, существовавшую между ними. В письме от 20 августа 1925 г. Жаботинский просит Реканати вести заседание фракции сионистов-ревизионистов на 14-м сионистском конгрессе в Вене и делать любые заявления, ибо сам Жаботинский болен и не сможет присутствовать. Следует отметить, что редактор журнала "Про Исраэль" Авраам Реканати был не только сионистским деятелем, но занимал несколько лет должность заместителя мэра города Салоники.

Журнал "Про-Исраэль" долгое время был единственным органом сионистов-ревизионистов на французском языке. Он выходил с 1917 по 1926 г., выражая идеи религиозного сионизма. Журнал выступал за еврейское воспитание и заселение Эрец-Исраэль. Жаботинский состоял в переписке не только с А.Реканати, но и с членами редакции его журнала. В письме от 12 декабря 1922 г. он затрагивает существенный вопрос о привлечении восточных евреев к сионистскому движению: *"Со времени моего визита в Константинополь,*

когда мне близко удалось познакомиться с евреями–выходцами из Испании, я убедился, какие богатства в них кроются, сколько сил нами не использовано".

В ноябре 1926 г. Владимир Евгеньевич посетил Салоники. Журнал "Про-Исраэль" от 15 ноября был заполнен материалами об этом визите. Горячая встреча Жаботинского с молодежью в Салониках была подготовлена его обращением 22 апреля 1925 г. к еврейской молодежи Греции. Обращение содержало призыв создавать организации молодежи в Эрец-Исраэль и в диаспоре.

Открывался журнал редакционной статьей, озаглавленной "Владимир Жаботинский", в центре ее был помещен портрет гостя. Приводилась его подробная биография, подчеркивалась его роль в создании Еврейского легиона. Особое место было отведено идеям Жаботинского, способным зажечь в сердцах еврейской молодежи Греции "огонь желания репатриироваться в Эрец-Исраэль". Жаботинский обращался к молодежи с призывом изучать иврит и историю еврейского народа, чему он придавал основополагающее значение. Автор редакционной статьи в заключение пишет, что "*принимать такого гостя, как Жаботинский, – это высокая честь*"[20].

Затем журнал освещает прибытие Владимира Евгеньевича: *"Жаботинского встречали 3 тысячи человек от 20 еврейских организаций. Среди встречающих были и официальные лица Греции. 8 часов. Привокзальный колокол возвестил о прибытии поезда. Из трубы паровоза валил дым. Поезд подошел к перрону, и Жаботинский под гром аплодисментов появился в тамбуре вагона. Раздались здравицы в его честь и звуки "Ха-Тиквы", исполненные оркестром сионистской организации "Маккаби", а затем прозвучал гимн государства Греции. Под несмолкающие аплодисменты Жаботинский вошел в гостиницу и вышел на балкон. Стало тихо, толпа замерла. Жаботинский поблагодарил присутствующих за теплый прием и в конце выступления сказал: "Греки много терпели от оккупации, пока не освободили Салоники, так и евреи должны терпеть до тех пор, пока не освободят Иерусалим". Он призвал молодежь готовить себя к возрождению государства Израиль. Жаботинский не только был уверен, что страна возродится, но будет носит имя Израиль*"[21].

Статья иллюстрирована двумя фотографиями: встреча Жаботинского на вокзале и выступление его с балкона гостиницы.

В этом же номере журнала, в день приезда Жаботинского, была помещена его статья "Об использовании Ниагары" (перевод с русского). Впервые статья появилась в журнале "Рассвет"[22] 25 июля 1926 г. Статья "Об использовании Ниагары" дважды публиковалась

на французском языке: в "Про-Исраэль", а 29 октября 1931 г. – в журнале "Кае дю Бейтар" ("Тетради Бейтара" /Париж/). Статья написана в форме беседы между американскими сионистами о необходимости финансировать развитие строительства и промышленности в Палестине. Каким же образом можно реализовать и материализовать становление промышленности и строительства в Палестине? Жаботинский прибегает к метафоре: перед вами река, имеющая четыре главных течения. Первое – это деньги, которые богатые евреи тратят на домашние расходы, второе – это тот капитал, который вкладывается в развитие дела, третье – это деньги, которые содержат уже имеющееся дело, и четвертое – если человек порядочный, то оставшуюся сумму денег он отдает на благотворительность.

Все эти четыре потока, взятые вместе, составляют истинную Ниагару еврейского золота, несметные богатства. Их-то и надо использовать для развития еврейского государства. Фонд "Керен ха-Иесод"[23] пополняется лишь за счет благотворительности. Но если евреи будут покупать палестинские продукты и вино, то и эта часть расходов на питание попадет в Палестину. Для этого нужна хорошая реклама. И как пример он публикует стихотворение "Кармель": "Не везет в делах по службе? Пей вино "Кармель": / Разом станешь с шефом в дружбе / И с клиентом смел". Воспевая вино "Кармель", Жаботинский имеет в виду винные заводы барона Ротшильда в Эрец-Исраэль. Заканчивается французский перевод статьи "Об использовании Ниагары" подписью В.Жаботинский, в то время как оригинал был подписан его псевдонимом "Альталена". На 4-й странице, где заканчивается статья "Об использовании Ниагары", опубликован перевод на французский с иврита стихотворения Владимира Жаботинского "Песня узников крепости Акко".

На французский язык была переведена также и статья "О Кассандре", которая появилась в № 19 и 20 журнала "Про-Исраэль" за 1926 г. Она была написана Жаботинским на русском языке для журнала "Рассвет" (№31, 1926 г.). Статья не потеряла своей актуальности и по сей день: *"14-й конгресс собрался под впечатлением одной основной иллюзии: будто в Палестину идет "большая иммиграция"... Не каждый приезжий, даже если он лично хочет остаться в стране навсегда, есть иммигрант, в настоящем, объективном смысле этого слова. Если условия страны помешают ему найти для себя экономическую точку приложения, то он окажется в конце концов невольным "туристом", а не иммигрантом"*[24].

No. 23 — 10me Année (3eme Serie) — Prix Dr. 1

Dimanche 15 KISLEV 5687 21 NOVEMBRE 1926

PRO-ISRAEL

REVUE SIONISTE HEBDOMADAIRE

Fondée en 1917

REDACTION ET ADMINISTRATION
Boite Postale No 126 — SALONIQUE

ABONNEMENTS PAR AN
Salonique Drs. 50. Intérieur Drs. 75. Extérieur Francs 30.

VLADIMIR JABOTINSKY

Le grand Jabotinsky se trouve dans nos murs. L'homme-phénomène, l'homme génial qui nous honore de sa visite a, quoiqu'encore jeune, fourni jusqu'ici une carrière tellement glorieuse que, chacune de ses étapes, suffirait à elle seule, à assurer la célébrité d'une personne.

Dans le domaine de la pensée écrite et orale, il est un feuilletoniste émérite, un publiciste à la vision prophétique, un orateur incomparable, au verbe enchanteur, un hébraïsant hors ligne.

Dans le vaste champ de l'action, se laissant toujours guider par les mêmes principes purs, fermes, sans compromissions, sans transactions il organisa, dès 23 ans, en Russie, une self - défense juive contre les massacreurs de ses frères, il travailla à la sauvegarde de l'autonomie nationale des Juifs dans la Galuth en proclamant et réalisant le programme dit d' « Helsingfors », il mena une lutte acharnée contre l'assimilation et en faveur de l'hébraïsation des écoles juives. L'ascendant qu'il exerça sur le peuple fut véritablement magnifique. Il en devint l'idole.

A la grande guerre, Jabotinsky forma les légions juives qui se lancèrent à la conquête de la Palestine aux côtés de la Grande-Bretagne, scellant par le sang juif le rachat de notre terre antique. En 1920, lorsque des hordes barbares arabes menacèrent le Yischuv palestinien, il mit sur pied, au péril de sa vie une petite armée improvisée de volontaires et, grâce à son héroïsme, il sauva de la destruction la capitale d'Eretz-Israël. Pour avoir arraché ses frères aux griffes des assassins, il fut condamné à quinze années de réclusions dans une forteresse. Ce jour-là fut proclamé jour de deuil et de jeûne pour le judaïsme mondial. Et l'auréole de martyr, de sainte qui l'entourait était telle que les rabbins permirent à la population palestinienne de se signer, même en un jour de samedi, la pétition de protestation adressée au gouvernement anglais. V. Jabotinsky est en outre, le créateur du mouvement revisioniste qui vise à ramener le sionisme dans la voie initiale tracée par son fondateur Dr. Herzl.

A Jabotinsky qui symbolise le véritable esprit d'auto-émancipation, qui est l'incarnation du plus pur idéal de libération du peuple hébreu;

A Jabotinsky qui représente le courage indomptable, l'intrépidité dans la lutte pour notre droit à vivre comme les autres nations, l'abnégation la plus absolue pour notre Cause Sacrée;

A Jabotinsky qui électrise, fascine les foules, galvanise les cœurs hésitants, ranime les volontés chancelantes;

A Jabotinsky qui constitue le drapeau de ralliement pour les phalanges des jeunes, des braves des vaillants, que rien n'a fait reculer lorsque la dignité, l'honneur, l'existence d'Israel

Статья о В.Е.Жаботинском с его фотографией на первой странице франкоязычного еженедельника "Pro-Israel" (Салоники) за 21 нояб. 1926 г.

Жаботинский требует от руководителей сионистского движения правдивой информации о положении в Палестине, ибо *"весь сионизм построен на правде; каждая деталь его держится правдой, т.е. чистотой и ясностью народного сознания. Это сознание – единственный источник нашей политической, пионерской и финансовой силы"*[25].

Перед руководителями сионистского движения он ставит ряд серьезных проблем, без решения которых невозможна массовая еврейская иммиграция: 1. Изменение таможенной политики. 2. Земельный вопрос (упорядочение цен на землю). 3. Безопасность (руководство еврейской Палестины отвергало идею создания вооруженных дружин). Статья не случайно названа "О Кассандре". По всем трем проблемам ревизионисты выступали против позиции лидеров сионистского движения, ослепленных эфемерными удачами. А потому, начиная свою статью, Жаботинский иронично отмечает, что не надо быть прозорливым предсказателем, Кассандрой, а нужно быть слепым, чтобы не разглядеть реальность. Ослепленность "успехами" *"кончилась тем, что сам шеф импрессионистской школы Х.Е.Вейцман поехал в Палестину, присмотрелся, воспринял очередное "впечатление" и чистосердечно поведал Тель-Авиву, что дело с большой иммиграцией плохо"*[26]. Как нами отмечалось, франкоязычный журнал "Про-Исраэль" и русскоязычный "Рассвет" являлись проводниками идей Жаботинского, идей сионистов-ревизионистов.

В.Е.Жаботинский произносит речь с балкона отеля в день приезда в Салоники в ноябре 1926 г.

Жаботинский в Париже

С 1924 г., до окончательного закрытия в 1934 г., "Рассвет" издавался в Париже под редакцией Владимира Евгеньевича Жаботинского. В редакцию входили Михаил Берхин, Яков Вейншал. Должность секретаря занимал Иосиф Шехтман.

С приходом Жаботинского на должность главного редактора журнал быстро начал набирать силу. В журнале печатались замечательные журналисты и общественные деятели. Журнал проводил идеи еврейского национально-освободительного движения, тем не менее не замыкался на узконациональной тематике.

Многие статьи Жаботинского, Вейншала, Шехтмана и других сотрудников журнала перепечатывались в "Про-Исраэль".

Почти в каждом номере журнала "Рассвет" за 1926–1927 гг. печатался роман Жаботинского "Самсон Назорей" под псевдонимом "Альталена". В Париже Жаботинским были написаны роман "Пятеро" и "Слово о полку". Там же в 1930 г. вышел сборник произведений Жаботинского "Виновники". Можно без преувеличения сказать, что наиболее плодотворный период в литературной жизни Жаботинского совпал с его проживанием в Париже, хотя трудно определить его литературно-публицистическую и общественно-политическую деятельность одним местом пребывания. Он постоянно был в пути.

В книге воспоминаний Эри Жаботинского "Мой отец Зеев Жаботинский" указаны точные парижские адреса. Он рассказывает, как в конце 1923 г. они переехали в Париж, где прожили до 1934 г. Весь этот период был подготовкой к возвращению в Эрец-Исраэль. По прибытии в Париж они остановились в гостинице в районе железнодорожной станции Монпарнас. После нескольких недель проживания в гостинице Жаботинские переехали в квартиру, снятую у мадам Улькиной. *"В ней было 4 комнаты. Одна из комнат у прежних жильцов представляла собой помойку, т.к. спускаться с 3 этажа по крутой лестнице было очень трудно: комната была загружена всякой рухлядью так, что дверь открыли с большим трудом. <...> Квартира находилась по улице Де ля Томб 71"*[27]. Через два года Жаботинские поселились на улице Мари Дави, 6, где они проживали до отъезда из Парижа. В квартире не было даже телефона, а потому главе семьи приходилось заранее договариваться о предстоящих телефонных разговорах и спускаться с четвертого этажа в комнату консьержки. Сама квартира состояла из четырех небольших комнат. По этим домашним адресам располагались и официальные учрежде-

ния: по первому – редакция "Ха-Сефер" ("Книга"), по второму адресу – Международная организация ревизионистов-сионистов.

Приводим список адресов, по которым Жаботинский жил и работал в Париже:

6 Rue Blaise – Desgoffe – отель Виктория Палас;
6 Rue Marie Davy. Paris XIV;
71 Rue De la Tombe – Issoire – Paris XIV.

Адреса редакции журнала "Рассвет":

4 Passage Alexandrine – Paris;
9 Bis Rue Vineuse – Paris XIV.

Адрес издательства "Ха-Сефер":

71 Rue De la Tombe – Issoire – Paris XIV.

Адрес Международного молодежного союза "Бейтар":

7 Rue De Pontoise – Paris V.

Адрес Международной организации сионистов-ревизионистов:

33 Rue Delambre – Paris XIV.

* * *

Наследие Жаботинского на французском языке невозможно отделить от всего, что им написано на других европейских языках, в особенности на русском. Французский язык сопровождал Жаботинского в течение всей его сознательной жизни. Он не был связан с каким-то определенным периодом, например проживанием во Франции. По его личной и общественно-политической переписке чувствуется, что у него появлялась потребность высказать ту или иную мысль в определенный момент именно на французском языке. Для Жаботинского выбор языка имел решающее значение только при решении судьбы собственного народа. Он мечтал видеть еврейский народ **на своей** земле, **в своем** государстве, говорящим **на своем** языке, свободным и гордым, оправдывающим слова Библии: "Человек создан по образу и подобию Божьему". В юмористическом стихотворении "Шафлох", в поэтической форме Жаботинский выразил свое мировоззрение: "/...Выше всех на белом свете – человек без ярлыка / Это – люди! Перед ними божий ширится простор / Вольно по свету раскинут / Их орлиный кругозор"[28].

[1] *Иосиф Шехтман.* Из воспоминаний // *Ицхак Маор.* Сионистское движение в России. Иерусалим: Алия, 1977. С.391–392.

[2] В Институте Жаботинского (Тель-Авив) находятся архив, библиотека и музей В.Е.Жаботинского.

[3] Подробнее о нем см.: Русское еврейство в зарубежье. Т.2(7): Русские евреи в Великобритании. Иерусалим, 2000. С.116.

[4] *Иосиф Трумпельдор* (1880, Пятигорск – 1920, Тель-Хай), герой Рус.-япон. войны, сионист, организатор Отряда погонщиков мулов. Присоединился к Жаботинскому, добивавшемуся в Англии разрешения на создание Еврейского легиона, в который должны были войти рус. евреи, проживавшие в Англии. В июне 1917 Трумпельдор из Лондона выехал в Россию для переговоров с членами Врем. правительства об организации Еврейского легиона для участия в сражениях на турецком фронте, на Кавказе, в надежде оттуда прорваться в Эрец-Исраэль. Он же создал движение "Ха-Халуц" ("Авангард", "Пионер") с целью подготовки евр. молодежи к переезду в Эрец-Исраэль. В 1919 уехал в Палестину. Предложение Трумпельдора англ. властям привезти в Палестину 10 000 евр. солдат из России для заселения Эрец-Исраэль было отвергнуто. Много занимался сближением различ. сионистских течений, а когда потребовалась защита еврейских поселений в Верхней Галилее, возглавил переговоры с арабскими лидерами. Трумпельдор погиб 1 марта 1920 г., защищая поселение Тель-Хай (Холм жизни).

[5] *Меир Гроссман* (1888, Темрюк, Кубанская обл. – 1964, Тель-Авив) – журналист, содействовал созданию Еврейского легиона. В годы Гражд. войны выехал за границу с миссией оповестить мировую общественность о трагич. положении евреев на Украине. Результатом его поездки было создание Комитета помощи евреям Украины в Англии и США. Сотрудничал в рус. прессе ("Русское слово"), идишистских изданиях ("Тогблат") и др. В 1925 вошел в партию сионистов-ревизионистов и начал выпускать газету на англ. яз. "Палестайн пост", переименованную в 1950 в "Джерузалем пост". Позже создал собственную "Партию еврейского государства". В 1934 переехал в Эрец-Исраэль. Руководил банком, предоставлявшим ссуды на заселение страны. В 1948 был избран в комитет Евр. агентства. Проявлял интерес к жизни сов. еврейства и содействовал изданию журналов на рус. яз.: "Вестник Израиля" (1959–1962) и "Шалом" (1963–1967).

[6] Моше Гастер (1856, Бухарест – 1939, Лондон), получив среднее образование, поступил в евр. семинарию и посещал лекции в Бреславльском унте. В возрасте 20 лет получил звание д-ра философии, а через 5 лет – звание раввина. Посетил вместе с лордом Олифантом в 1879 г. Эрец-Исраэль и способствовал устройству там первых земледельческих поселений (Зихрон-Яаков и Рош Пина). В круг его интересов входили исследования по евр. фольклору, румын. лит-ре, апокрифам и евр. теологии. Перевел молитвы на румын. яз., написал краткую библейскую историю. Ему пришлось оставить Румынию и поселиться в Лондоне, где он возглавил сефардскую общину. Был избран президентом Сионистской федерации Англии. Участвовал в первых четырех Сионистских конгрессах и выступал против угандийского проекта.

[7] *Хаим Вейцман* (1874, Мотоль, Гродненская губ. – 1952, Реховот, Израиль) – докт. хим. наук, известный сионист, президент Всемирной сионистской организации (1920–1931), первый президент Государства Израиль.

[8] *В.Вейцман*. Жаботинский – каким я его помню // Шелк и сталь: Сб. Москва; Иерусалим, 1993. С.168.

[9] *Шломо Зальцман* (1872, Селец, Гродненская губ. – 1946, Тель-Авив), многолетний друг и издатель Жаботинского. Летом 1905 г. Зальцман с Жаботинским и Алейниковым открыли в Одессе издательство "Кадима" ("Вперед"). Жаботинский перевел на рус. яз. поэму Х.Н.Бялика "Сказание о погроме". Она вошла в книгу "Песни и поэмы", изданную Зальцманом. Она выдержала 7 изданий и разошлась в кол-ве 35 000 экземпляров. После октября 1917 Зальцман уезжает в Берлин, где открывает изд-во "Зальцман" и издает 3-е дополн. издание книги Жаботинского "Фельетоны" (1922 г.) и в том же году – его комедию "Чужбина". Вместе с Зальцманом и Перельманом было основано издательство "Ха-Сефер" ("Книга") для издания современной иврит. литературы. Оно ставило своей целью познакомить евр. детей со школьной программой, издать географич. и зоологич. атласы. Географич. пособие на иврите издавалось впервые. Составителем и редактором атласов был Жаботинский. Помимо учеб. лит-ры, изд-во "Ха-Сефер" планировало выпустить 16 книг для легкого чтения: Конан Дойл, Скотт, Ж.Верн и др. Книги на современном иврите были предназначены для детей, чей родной язык был рус., англ., фран., итал., исп., пол., идиш, немецкий. Из Тель-Авива в 1924 Зальцман уведомляет Жаботинского о решении остаться в Эрец-Исраэль и открыть книгоизд. дело, приглашая Жаботинского присое-

диниться к нему. Пишет, что с готовностью отказался от больших прибылей в галуте, предпочитая получать гроши на своей земле. Несмотря на некоторые шероховатости в их отношениях, они до последних дней оставались друзьями. В 1936-37 гг. Зальцман издал трехтомник Жаботинского, а на склоне лет написал книгу воспоминаний "Из прошлого".

[10] *Паттерсон Д.Г.* С еврейским отрядом в Галиполии: С приложением статей В.Е.Жаботинского и капитана И.Трумпельдора / Пер. М.И.Благовещенского; под ред. и с предисл. К.И.Чуковского. М.: Изд. Рус. об-ва для изучения евр. жизни, 1917.

[11] *Л.Ф.Пинкус* родился в 1881 г. в Бреслау, Германия, городе с богатыми евр. традициями. Выступал за освоение земель в Палестине и Сирии, занимался науч. и публиц. деятельностью, был председателем сионистской орг-ции Швейцарии. Издал сб. рассказов "Жизненные лабиринты", снискавший успех у читающей публики.

[12] *Зиновий Темкин* (1865, Елизаветград – 1943, Париж), сионистский деятель, сторонник Жаботинского, входил в редакцию журнала "Рассвет" париж. периода. Врач по профессии, во время Первой мировой войны работал в воен. госпитале. После Октябрьского переворота некот. время проживал в Стамбуле и Берлине. Затем переехал в Париж, где в 1925 вошел в президиум Всемирного союза сионистов-ревизионистов. До 1931 возглавлял Союз во Франции. В 1935 вошел в Новый союз сионистов-ревизионистов.

[13] *Иосиф Шехтман* (1891, Одесса – 1970, Иерусалим), участник сионист. движения, журналист, соратник и биограф Жаботинского. Они познакомились еще в Одессе. С тех пор совместно участвовали в издании газет и журналов. В парижский период Жаботинского Шехтман исполнял должность секретаря в журнале "Рассвет". При подготовке к изданию "Атласа" Шехтман подбирал статистич. и демографич. материалы. Автор мн. статей. Печатался также в газете Жаботинского "Доар ха-Йом", издававшейся в Эрец-Исраэль. Постоянно проявлял интерес к рос. (сов.) еврейству, так, опубликовал статью "Советское еврейство в германско-советской войне" в сб. "Еврейский мир" (Нью-Йорк, 1944. Т.2 С.221–240). Автор трехтомной биографии "Зеев Жаботинский", охватывающей жизнь и деятельность его друга и учителя.

[14] *Яков Вейншал* (1891, Тифлис – 1981, Тель-Авив), докт. мед., автор науч. трудов, журналист, соратник Жаботинского. Изучал медицину в Баку, Мюнхене, Женеве, Базеле, Юрьеве. В Германии Вейншал участвовал в соз-

дании студенческой сионистской организации под названием "Хе-Хавер" ("Товарищ"). В 1917 вернулся в Баку и занял должность главного ассистента хирургич. отд. госпиталя. Одновременно был гл. ред. сионистского еженед. "Кавказский еврейский вестник". Вскоре переселился в Палестину, работал в больнице "Хадасса", а затем – в управлении профсоюзной больничной кассы.

[15] *Макс Норда́у* (Симха Меир, или Симон Максимилиан Зюдфельд, 1849, Будапешт – 1923, Париж), врач-психиатр, философ, писатель, публицист и общ. деятель, один из основателей Всемирной сионистской организации.

[16] Подробно о деятельности Шломо Якоби см. в нашей статье "Лондонский палестинец" в кн.: Русское еврейство в зарубежье. Т.2(7): Русские евреи в Великобритании. Иерусалим, 2000. С.121–123.

[17] *Оскар Исраэль Грузенберг* (1866, Екатеринослав – 1940, Ницца), один из виднейших адвокатов России. По окончании юридич. фак. Киевского ун-та получил приглашение остаться на кафедре при условии принятия христианства. Отверг это предложение и переехал в Петербург. Снискал громкую популярность благодаря блистательной защите известных рус. писателей, общ. деятелей, деятелей армянского нац. движения и жертв кровавого навета: процесс Блондеса (1900–1902 гг., Вильна) и Бейлиса (1911–1913 гг., Киев). Помогал советами депутатам-евреям в 3-й и 4-й Государственной думе. С сионистами сблизился в 1917. В 1920 эмигрировал и жил в Германии, Латвии, Франции. В 1938 в Париже опубликовал свои воспоминания под названием "Вчера". Его яркие выступления были опубликованы в Нью-Йорке в 1944 под заглавием "Очерки и речи". Останки Грузенберга в 1950 были перезахоронены в Израиле. По своим воззрениям Грузенберг был близок к Жаботинскому.

[18] *Авраам Ставский* был предан суду по обвинению в убийстве Хаима Арлозорова. Обвинение строилось на том, что он был членом партии сионистов-ревизионистов. За отсутствием улик был оправдан.

[19] В кн.: Еврейский мир. Нью-Йорк: Союз русских евреев, 1944. Т.2. С.209–221.

[20] Про-Израэль. №22, 15 ноября 1926. С.1.

[21] Там же. С.5.

[22] Подробнее о "Рассвете" см. в статье Ш.Маркиша в этой же рубрике.

[23] Буквально: основной фонд – главный финансовый орган Всемирной сионистской организации и Еврейского агентства.

[24] *В.Жаботинский.* О Кассандре // Рассвет. 1926. №31. С.3.

[25] Там же. С.5.

[26] Там же. С.3.

[27] *Эри Жаботинский.* Мой отец Зеев Жаботинский (иврит). Иерусалим: Стемацкий, б/г.

[28] Стихотворение "Шафлох" ("Овечий грот") было написано Жаботинским в начале 900-х годов, а напечатано в сборнике "Стихи; переводы – плагиаты – свое". Париж, 1930.

Использованные источники

Еврейский мир: Сб. Нью-Йорк: Союз русских евреев, 1944.

Эри Жаботинский. Мой отец Зеев Жаботинский (иврит). Иерусалим: Стемацкий, б/г.

Иосиф Шехтман. Зеев Жаботинский: Страницы жизни (иврит). В 3 томах. Тель-Авив: Карни, 1959.

Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до революции 1917 г.: Сб. статей. Нью-Йорк: Союз русских евреев, 1960.

Лейб Яффе. Посланник народа: Письма и документы (иврит). Иерусалим, 1968.

Письма Зеева Жаботинского: список и индекс (Иврит). Т.1. Тель-Авив, 1972.

Ицхак Маор. Сионистское движение в России. Иерусалим, 1977.

Сборник статей по еврейской истории и литературе. Реховот: ЗЕЗАМ, 1992. Кн.1.

Шмуэль Кац. Жабо: Биография Зеева Жаботинского (иврит): В 2 томах. Тель-Авив: Двир, 1993.

Евреи в России: историографические очерки: 2-я половина XIX-го – XX в. Москва; Иерусалим, 1994 (пер. с англ.).

Евреи в культуре Русского Зарубежья. Т.1–5. Иерусалим, 1992–1996.

Русское еврейство в зарубежье. Т.1(6) и 2(7). Иерусалим, 1998 и 2000.

Из неопубликованных писем Владимира Жаботинского

Публикация Елены Яковлевой (С.-Петербург)

Среди многочисленных корреспондентов Аркадия Руманова[1] были Ю.И.Айхенвальд, А.М.Арнштам, Л.Б. и С.Л. Бертенсоны, В.В.Барятинский и Л.Б.Яворская, С.А. и З.А. Венгеровы, С.Ю.Витте, И.Я.Гинцбург, В.М.Дорошевич, Н.Н.Евреинов, Н.А.Клюев, А.Ф.Кони, А.И.Куприн, Л.О.Левинсон-Левин, М.П.Миронов, А.И.Путилов, И.Е.Репин и многие другие. Их письма сохранились, несмотря на все драматические перипетии российской истории XX в.

Дошли до нас и пять писем, адресованных Аркадию Руманову Владимиром (Зеевом) Жаботинским. Они датированы 1905, 1910 и 1911 гг.

Активный образ жизни и широкий круг знакомств Аркадия Руманова помогали ему решать многие вопросы, в том числе выполнять самые различные просьбы. Так, в декабре 1905 г. к Руманову *«приходил повидаться и поблагодарить за содействие»* Владимир Жаботинский.

Их знакомство могло произойти в Одессе в 1903 г. Почти ровесники (Жаботинский младше Руманова на два года), они могли встречаться на заседании Одесского литературно-художественного клуба или в городском театре на спектаклях по пьесам Жаботинского «Кровь» и «Ладно». Начинающий драматург и писатель становился известной фигурой. Уже вышли в свет его книги – новеллы «В студенческой богеме» и публицистика «Чужие! Очерки одного "счастливого" гетто». Одесские газеты под псевдонимом Альталена регулярно печатали его «Итальянские письма». Но главное – в этот период Жаботинский был уже известен как один из руководителей сионистского движения. И это не могло не привлечь к нему Руманова.

С гимназических лет он изучал историю еврейского народа, во время московского студенчества посещал еврейский кружок. Близкий друг Руманова (впоследствии редактор и издатель газеты «Еврейская жизнь») Николай (Иекусиель) Сорин в одном из писем так приветствовал эти занятия: *«Утром получил твое письмо, обрадовался твоему участию в евр<ейском> кружке: будущий твой биограф, утомленный обозрением первого периода твоей студенческой жизни, с удовольствием взглянет на твою деятельность в этих*

кружках и скажет, что эта школа и воспитала будущего великого деятеля»[2].

Знакомство Румянова с Жаботинским могло произойти также и в Петербурге, где Жаботинский поселился в 1903 г. Во всяком случае, оба в качестве новых сотрудников входили в состав редакции «Театральной России», о чем сообщалось в №1 за 1905 г. Судя по письму Жаботинского Румянову от 20 декабря 1905 г., в этот период они уже были знакомы. Об их контактах в России в 1910-е гг. и в Париже в 1920-е нам ничего не известно, хотя нельзя исключать участие Румянова в содействии отъезду Жаботинского в Англию для организации Еврейского легиона.

В отличие от Жаботинского, Румянов никогда не был политическим деятелем. Проблемы же еврейства, безусловно, интересовали его всегда. В его дореволюционной библиотеке хранились книги по истории и религии еврейского народа; в его квартире, в столовой, висела картина Ван ден Еконта «Заседание ученых евреев»[3]. Румянов состоял членом Общества изучения еврейства и основанного в 1915 г. Еврейского общества поощрения художеств, где его единодушно избрали председателем издательской комиссии. Разумеется, дружеские отношения связывали коллекционера Румянова и с членами этого общества художниками Натаном Альтманом, Исааком Бродским, Арнольдом Лаховским, Абрагамом Маневичем, с известным скульптором Ильей Гинцбургом. Их произведения входили в его коллекцию.

Письма В.Е.Жаботинского А.В.Румянову хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства, Москва (РГАЛИ. Ф.1694. Оп.1. Ед.хр.255. Л.1-7). Печатаются в соответствии с нормами современной орфографии, но с сохранением авторской пунктуации. В угловые скобки заключены авторские сокращения. Письма публикуются впервые.

Письмо от 20 декабря 1905 г.

л.1

Многоуважаемый Аркадий Вениаминович –

Приходил повидаться и поблагодарить Вас сердечно за содействие, оказанное моему согражданину – одесситу и лучшему другу Полякову-Карпинскому[4]. Я уверен, что будете им довольны и Вы, и редакция. Хотя Вы его устроили и не по моей просьбе, но эта моя благодарность не должна Вас удивить: мы с ним однокашники, и когда ему оказана услуга, то мои уста сами, так сказать, от избытка души глаголют. Я надеюсь, что Вы его и дальше поддержите, как человека толкового и способного, и уже от себя очень прошу Вас об этом.

Жалею, что не застал Вас. Мне сказали, что Вы бываете здесь[5] с 11-ти ч<асов>.

Узнал от П <Полякова-Карпинского? – *Е.Я.*>, что Вы женились[6]. Masel fon un viel glickliche Jahren (Счастья Вам на многие годы */идиш/. – Е.Я.*). Надеюсь все-таки повидать Вас и лично поздравить.

Уважающий Вас *Вл<адимир> Жаботинский*

Если что понадобится, прошу располагать мною. Где я живу – трудно определить[7], но застать меня можно почти всегда около 2 ч<асов> в «Евр<ейской> ж<изни>» – Лештуков пер<еулок>, 19[8].

СПб. 20. XII. 905

Письмо от 17 сентября 1910 г.

л. 2

Одесса, 17. 9. 1910

Многоуважаемый

Аркадий Вениаминович,

Позвольте обратиться к Вам с одной из тех просьб, которые для Вас обычны, но в то же время просить Вас отнестись к ней как к исключительной. Рекомендую Вам молодого моего товарища и доброго знакомого М.И.Лимановского[9]. Это юноша, много и серьезно поработавший здесь среди учащихся средней школы, чтобы сблизить эту молодежь с еврейским делом, и далеко небезрезультатно поработал. Теперь надо ему позаботиться и о себе, заняться Selbstorganisation (самоорганизацией */нем./. – Е.Я.*);

В.Е.Жаботинский
Фотография из его сборника «Стихи: Переводы – плагиаты – свое» (Париж)

л. 3

он попал в институт, но остается вопрос о средствах. Я уверен, что Вам нетрудно будет ввести этого способного и интеллигентного юношу в какую-нибудь из столичных журнальных <колей? – *Е.Я.*>, где он мог бы вырабатывать те скромные деньги, какие ему нужны. Очень прошу Вас за него и горячо буду Вам благодарен за всякую помощь.

Шлю сердечный привет Вам и Вашей супруге[10].

Уважающий Вас *Вл<адимир> Жаботинский*

Новосельская 91, Одесса.

Письмо от 24 октября 1910 г.

л.4

Одесса, 24. X. 1910

Многоуважаемый Аркадий Вениаминович,

Позвольте Вас сердечно поблагодарить за доброе отношение к М.И.Лимановскому. Надеюсь и уверен, что будете им довольны и как работником, и вообще[11].

Сердечный привет от жены и от меня Вам с Евгенией Львовной, и очень прошу располагать мною, если что понадобится в Одессе или Константинополе[12], с которым я еще сохранил кое-какие связи.

Уважающий Вас *Вл<адимир> Жаботинский*

Новосельская 91.

Письмо от 24 февраля 1911 г.

л. 5

Одесса, 24. II. 1911[13]

Дорогой Аркадий Вениаминович,

Позвольте обратиться к Вам с просьбой, имеющей общественный характер. Одновременно высылается Вам брошюра «Поляки и евреи»[14], в которую вошли, с одной стороны, образчики юдофобской литературы Дмовского, Грабского и Свентоховского, а с другой – статьи Петрункевича, Н.Дубровского и мои; кроме того, введение, составленное в объективном тоне. По причинам, о которых не распространяюсь, так как Вам они известны, понятны и близки, важно, чтобы брошюра проникла в прогрессивные русские круги. Поэтому не откажите посодействовать, чтобы о ней в «Русском слове» появилась заметка и – если только возможно – рецензия[15].

л. 6

Кроме того, Вы, быть может, не откажете заинтересовать этим вопросом В.М.Дорошевича[16]. Посылаю ему брошюру и пишу ему, но очень мало уверен даже в том, что он дочитает мое коротенькое письмо. Будьте добры, замолвите слово!

О своей благодарности и об извинениях не говорю; повторяю – я уверен, что дело это Вам столь же близко.

Сердечный привет Вам обоим от нас обоих.

Преданный Вам

В<ладимир> Жаботинский

Новосельская, 91

Письмо от 19 мая 1911 г.

л. 7

Одесса. 19. V. 1911

Дорогой Аркадий Вениаминович,

Вернулся третьего дня и застал Ваше письмо от 27-го апр<еля>. Очень, очень Вам благодарен за любезность. Крайне жалею, что в Петербурге, где я в начале мая провел дня 4, разные обстоятельства – главным образом необходимость уже с 9–10 ч<асов> вечера быть в пункте своего ночлега – помешали мне лично повидаться и пожать Вам руку. Сердечный привет Евгении Львовне от жены и от меня. Крепко жму Вам руку.

Уважающий Вас

В<ладимир> Жаботинский

Бенн (Бенжу Рабинович)
Портрет А.В.Руманова
1942, Париж
Собрание Д.А.Руманова
Публикуется впервые

---

[1] См. о нем статью *Е.Яковлевой* в этой же книге.

[2] Н.В.Сорин. Письмо А.В.Руманову от 11.11.1896 г. (атрибуция Е.П.Яковлевой) / Письма неустановленных лиц А.В.Руманову // РГАЛИ. Ф.1694. Оп.1. Ед.хр.728. Л.48.

[3] Картина написана маслом. Размеры: 53 х 81 см. Поступила в 1920 г. в составе румановских коллекций в Русский музей, впоследствии была передана в другое учреждение. Нынешнее местонахождение не установлено.

[4] *Александр Абрамович Поляков* (1879–1971) – журналист, бывший сотрудник одесских газет. А.В.Руманов помог ему устроиться в редакцию «Биржевых ведомостей». Впоследствии – сотрудник «Русского слова». В эмиграции, во Франции, служил секретарем редакции «Последних новостей», в США – «Нового русского слова».

[5] По-видимому, В.Е.Жаботинский писал это письмо в редакции газеты «Биржевые ведомости» (Галерная ул., д. 63).

[6] В конце 1905 г. А.В.Руманов женился на пианистке *Женни Лазаревне (Евгении Львовне) Штембер* (1893–1939), окончившей Петербургскую консерваторию (1904) по классу С. Малоземовой.

[7] С 1903 г. В.Е. Жаботинский жил в Петербурге, активно сотрудничал с русско-еврейскими журналами «Рассвет» и «Еврейская жизнь», а также печатал свои публикации в газетах «Русь», «Наша жизнь»,

«Вестник Европы». Участие в работе сионистских конгрессов привлекло к Жаботинскому внимание полиции, под наблюдением которой он находился с 1905 г. В связи с этим «трудно определить» его место жительства.

[8] Редакция ежемесячного художественно-литературного и общественного журнала «Еврейская жизнь», судя по справочнику «Весь Петербург», в 1905 г. (второй год издания) размещалась по адресу: Суворовский проспект, дом 3. Редактор-издатель – *И.В.Сорин*. В 1905 г. журналом издана книга *В. Жаботинского* «Сионизм и Палестина».

[9] Лицо не установлено.

[10] Вероятно, В.Е.Жаботинский был лично знаком с женой А.В.Руманова Евгенией Львовной. Знакомство могло состояться в гостеприимном доме Румановых на Большой Морской ул., 35 или на концерте, где выступала Евгения Львовна. Из писем В.Е.Жаботинского А.В.Руманову от 24.02.1911 и 19.05.1911 г. следует, что жены Жаботинского и Руманова были также знакомы.

[11] Вероятно, А.В.Руманов устроил М.И.Лимановского в редакцию газеты, в которой работал сам. Это либо «Биржевые ведомости», либо – петербургское отделение московской газеты «Русское слово», которую он возглавлял с 1906 г.

[12] В Константинополе В.Е.Жаботинский жил в 1910 г. С конца 1910 г. – снова в Одессе.

[13] Этой же датой помечено письмо В.Е.Жаботинского А.М.Горькому. См. публикацию *Вайнберг И.* Переписка В.Е.Жаботинского с А.М. Горьким // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Вып. II. Иерусалим, 1993. С.296. В письме Горькому Жаботинский также пишет о книге «Поляки и евреи».

[14] Поляки и евреи: Материалы о польско-еврейском споре по поводу законопроекта о городском самоуправлении в Польше: Из статей и заявлений депутата Грабского, Р.Дмовского, Н.Дубровского, Вл. Жаботинского, деп. И.Петрункевича и А.Свентоховского. Одесса: М.С.Козман, [1911]. Комментарий см. в публикации *И.Вайнберга* (примеч. 1).

[15] С марта по конец апреля 1911 г. в «Русском слове» и с конца февраля по конец мая 1911 г. в «Биржевых ведомостях» рецензии на книгу не было. Однако по просьбе А.В.Руманова рецензию могли опубликовать и другие газеты. (Выражаю признательность Л.С.Коновой за тщательный просмотр периодических изданий. – *Е.Я.*)

[16] *Влас Михайлович Дорошевич* (1865–1922) – журналист, публицист, театральный и художественный критик, прозаик. На протяжении 1902–1917 гг. – фактический редактор газеты «Русское слово».

ИСТОРИЯ

Бессарабские евреи во французском Сопротивлении

I. Тамара Пагис

Юлия Систер, Бецалель Гендлер (Израиль)

II. Доктор Франсуа

Татьяна Вайсман, Юлия Систер (Израиль)

III. Мой брат Арон (Артур) Ротштейн

Эсфирь Ротштейн (Израиль)

«Тюремная цивилизация» – «Глазами историка» (М.Я.Геллер)

Ирина Обухова-Зелиньска (Польша–Россия)

БЕССАРАБСКИЕ ЕВРЕИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ

Евреи сыграли выдающуюся роль во французском движении Сопротивления (около 15 – 20% всех участников движения). <...> По числу участников-евреев выделялись организации коммунистического и троцкистского толка. <...> В других организациях был также высокий процент евреев; так, среди шести основателей организации Либерасьон трое были евреями. <...> Среди 16 членов Национального комитета – высшего органа движения Сопротивления – трое были евреями. Много евреев погибло, сражаясь в рядах движения Сопротивления в боях за освобождение Франции.

Краткая Еврейская Энциклопедия.
Иерусалим, 1999. Т.9. С.378

Т.Пагис на своем «персональном» велосипеде

I. Тамара Пагис

Юлия Систер,
Бецалель Гендлер
(Кирьят-Экрон, Израиль)

Своими воспоминаниями об участнице французского движения Сопротивления Тамаре Пагис с нами поделились ее родные сестры Сусанна Иосифовна Грозман и Элеонора Иосифовна Пагис, живущие в настоящее время в Израиле (Афула). Они также предоставили в наше распоряжение документы Тамары Иосифовны и некоторые написанные ею рассказы.

Бессарабия дала миру видных деятелей искусства, литературы, науки. Зеленый теплый край стал домом для многих поколений евреев. В маленьком городке Оргееве (Орхей), утопающем в садах и

виноградниках, жила дружная семья Пагис. Ревекка (Вера) Ихилевна работала врачом-стоматологом, Иосиф Израилевич – адвокатом. Он блестяще выступал в суде, его уважали и называли Златоустом.

В 1914 г. в семье родился первый ребенок, девочка, ее назвали Тамарой, дома называли Марой. Она росла интересным и любознательным ребенком. В 1919 г. у нее появилась сестра Сусанна (Сана), а в 1920 – Элеонора (Нора). Мара любила своих сестричек, а они во всем старались подражать старшей, которая была очень живой, любила танцевать, петь и обладала несомненными артистическими способностями.

В 1923 г. семья переехала в Кишинев. Иосиф Израилевич, открыто выступавший против оккупации Бессарабии румынами (так он считал), был арестован. Ему грозил расстрел, и лишь благодаря вмешательству священника отца Жемчужного, демократа и защитника обиженных, он смог вернуться домой.

Тамара в 16 лет (1930) блестяще окончила женскую французскую гимназию им. Жанны д'Арк в Кишиневе и получила звание бакалавра. Но эта гимназия не давала права на учебу в вузах Румынии. Поэтому Тамара прошла экстерном курс румынской средней школы и тоже получила звание бакалавра. Она поступила на медицинский факультет Бухарестского университета, после окончания которого в апреле 1939 г. поехала в Париж для специализации по внутренним болезням.

В это время во Франции уже жили родственники семьи Пагис – сестра и брат: Рая Софир (в девич. Хинкис) и Шура Хинкис. Впоследствии они стали художниками. Тамара одно время жила у Раи и потом часто встречалась с ней и Шурой.

Шура в годы войны был активным участником движения Сопротивления, и его потом наградили орденом Почетного легиона. Он – интересный художник – сделал много зарисовок военного времени и оставил после себя целую картинную галерею. Но это уже другой рассказ.

Начало войны (1939) застало Тамару Пагис в Париже. Вскоре она переехала на юг Франции, а после присоединения Бессарабии к СССР в июне 1940 г. обратилась в советское консульство в Виши с просьбой предоставить ей советское гражданство. 26 апреля 1941 г. она получила советский паспорт (в обмен на заграничный румынский, с которым выехала из Румынии).

22 июня 1941 г. Тамара находилась в Каннах, надеясь получить сведения о возможности возвращения домой. Но вскоре узнала, что советское представительство покинуло Францию. Ей оставалось

только спрятать советский паспорт (после окончания войны она его предъявит в советском консульстве в Париже).

С этого момента она проживала по документу, выданному ей французской полицией при въезде в страну. Между прочим, в графе национальность там значилось: румынка. Она ведь приехала из Румынии. И это оказалось очень кстати.

Тамара не представляла себе жизни без сопротивления нацизму. Без колебаний она стала активной участницей французского движения Сопротивления и все военные годы посвятила этой борьбе. Ее подпольная кличка была Мари.

С лета 1941 г. Тамара была связана с МОИ[1]. По указанию руководства этой организации в Ницце Тамара вошла в ведущую тройку МОИ в Каннах, а в ноябре 1941-го была назначена ее секретарем («ответственной»). Она оставалась в этой должности не только до освобождения Канн, но и после.

Первым ее заданием была организация Национального движения против расизма – широкой сети групп, которые должны были оказывать помощь всем, кого преследовали фашисты.

В задачи групп входили: сбор денег, продуктов, поиск безопасных квартир, обеспечение документами, хлебными карточками и т.д.

Группы также занимались распространением антифашистской подпольной литературы. Работа в Национальном движении против расизма давала возможность устанавливать связи с французским населением всех социальных категорий, начиная с рабочих и кончая монахами в монастырях, контактировать с французскими коммунистами, потерявшими связь с партией, а также с людьми, сочувствовавшими движению Сопротивления и желавшими к нему присоединиться. Из этих людей организовали ячейки, охватившие важнейшие предприятия города: почту, телефон, телеграф, электростанцию, железнодорожную станцию Канн и Канны-Бекка, грузовой узел Канн и т.д. Такие же ячейки были созданы в предместьях Канн (Мужен, Пегемас).

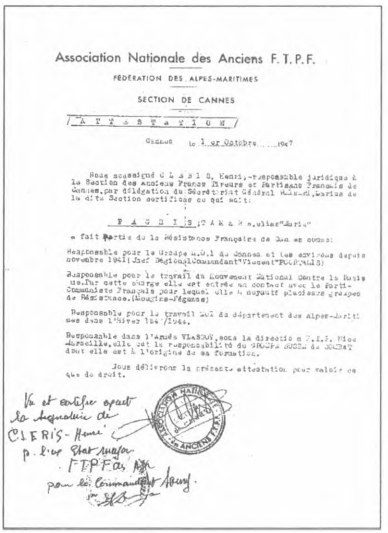
Тамаре удалось установить связь с вольными стрелками и партизанами маки, находившимися в лесах за Ниццей.

Она стала членом Национальной ассоциации вольных стрелков и партизан-маки (федерация Приморских Альп, секция Канн. Удостоверение № 15285). Выполняла различные задания от имени МОИ, ФВСП[2] и ФКП[3].

Тамара подбирала для маки людей, которых переправляла в лес, поставляла хлебные карточки и, по мере возможности, – оружие. Весной 1944 г. она наладила связь между партизанами и советскими военнопленными, находившимися у немцев.

Тамара Пагис со своим четвероногим другом

Association Nationale des Anciens F. T. P. F.

FÉDÉRATION DES ALPES-MARITIMES

SECTION DE CANNES

Аттестат Комитета французских вольных стрелков и партизан

Поздней осенью 1943 г. Тамару назначили временно исполняющей обязанности секретаря МОИ в Ницце. После трех провалов этой организации, последовавших один за другим, приехавший из Лиона инструктор ЦК распустил ее руководство и передал Тамаре все связи организации. Перед ней поставили задачу: сохранить профсоюзы, антифашистские группы, подпольную типографию, лабораторию документов, склады с подпольной литературой и обеспечить им нормальную работу. Эту задачу она выполнила и весной 1944 г. передала организацию присланному секретарю.

В ожидании высадки немцы укрепляли побережье и усиливали расположенные там воинские части. Среди немецких гарнизонов, занявших побережье за Каннами, были части, сформированные из польских и советских военнопленных. По заданию ЦК МОИ группа Тамары установила связь с немецкими солдатами, говорившими по-русски, и организовала среди них группу. Эта группа распространяла литературу на русском языке, вела среди солдат пропагандистскую

работу, добывала и передавала данные разведки о численности и местоположении немецких частей на побережье, их вооружении и т.п.

Во Франции готовилось восстание против оккупантов, и группа этих солдат перешла с оружием в руках на сторону партизан. Солдаты вместе с ними освобождали Канны-Бекка, и французы назвали эту группу русской боевой группой. Перед восстанием Тамара находилась в непосредственной связи с его штабом, принимала участие в подготовке боевых операций. В день восстания работала в штабе.

В освобождении города (август 1944 г.) принимало участие и вооруженное население. Штаб восстания работал в здании суда. К двум часам дня в Каннах не осталось ни одного фашиста. Когда вечером американские части въехали на главную улицу города, все дома уже пестрели флагами стран антигитлеровской коалиции.

Освобождение Франции и легализация французской компартии изменили характер работы Тамары. Как иностранка и гражданка Советского Союза она не могла принимать участие в политической жизни французов (плебисцит, выборы и т.д.). Она занималась антифашистскими организациями среди иностранцев: созданием в Каннах и Ницце секций «Советский патриот» (позже «Друзья Советской Родины»), Итальянской антифашистской организации, организацией молодежи. Под руководством советской военной миссии она находила советских граждан, сражавшихся вместе с партизанами-маки. Тамаре также поручили пропагандистскую работу по всему побережью: она выступала с лекциями о роли Советского Союза в борьбе с фашизмом и др.

В 1946 г. Тамару Пагис наградили Дипломом, выданным Комитетом французских стрелков и французских партизан «...за мужество и храбрость в период борьбы за национальное освобождение Франции».

Сохранилось удостоверение, выданное в Париже 17 февраля 1947 г., в котором говорится, что «мадемуазель Тамара Пагис приняла весьма активное участие в Сопротивлении с начала оккупации и до освобождения». Сохранился также ее членский билет (№ 44) Ассоциации выходцев из Бессарабии.

Среди документов того незабываемого времени есть и трогательные справки, более патетичные и взволнованные, чем любой официальный документ. Одна справка выдана сразу же после освобождения Канн местным руководителем движения Сопротивления по департаменту Приморских Альп. В ней говорится: *«Я, нижеподписавшийся Гальяне Губер, подпольная кличка Эдмон,*

имею честь удостоверить, что участник Сопротивления Тамара во время оккупации полностью выполнила свой долг республиканки и француженки...».

Или другая справка: *«Я, нижеподписавшийся, Эдуард Вуазэн, член бюро Французской компартии департамента Приморские Альпы, удостоверяю, что знал товарища Тамару–Мари в Каннах во время подполья в качестве ответственной за секцию МОИ <...>. Ницца, 19 декабря 1944 г.»*

Тамара была человеком немногословным, очень умным, с необыкновенной интуицией. После войны она редко делилась своим военным прошлым. В кругу семьи она рассказала несколько эпизодов того времени.

Однажды ей нужно было прийти на явочную квартиру в доме на втором этаже. На окне должен был быть условный знак, говорящий, что явка не провалена. Тамара проходит мимо дома, смотрит на окно на втором этаже. Знак, что войти можно, на месте. И она входит в подъезд. И вдруг чувствует, что какая-то необъяснимая сила выталкивает ее из подъезда. Она зашла в соседний ларек якобы купить сигареты. И тут какая-то женщина шепнула ей, что квартира провалена. Потом Тамара узнала, что все, кто вошел в квартиру, были схвачены гестапо.

Или другой рассказанный ею эпизод.

Как-то летом надо было поездом перевезти нелегальную антифашистскую литературу. Как это сделать? Все поезда контролировались немцами. И вот родился смелый и авантюрный план – сыграть роль беременной крестьянки, простушки, очень примитивной. Тамара реализовала свои артистические способности. Она обложила себя книгами, особенно живот, оделась так, как одевались крестьянки, и села в поезд. Вошли гестаповцы, начали проверять документы и проводить обыск. Тамара прекрасно сыграла роль тупой, ничего не понимающей деревенской женщины. Гестаповцы проверили у нее документы, а обыскивать не стали. Тамара поняла, что если она сойдет с поезда на ближайшей остановке, то ее все же могут заподозрить. Она проявила выдержку и хладнокровие: оставалась в поезде до тех пор, пока гестаповцы его не покинули. Задание было успешно выполнено.

Как-то еще в Париже Тамара зашла в ресторан пообедать. Вошли немцы, началась проверка документов. Подошли и к ней, спросили, что она делает во Франции. Она ответила, что исследует творчество Бетховена (это был ее любимый композитор, Тамара пять лет занималась музыкой и именно в Париже начала играть на

фортепиано). Она так правдоподобно отвечала на вопросы, проявив хорошие познания в музыке и в творчестве Бетховена, что ей поверили.

И еще рассказ – о времени, когда она руководила подпольным округом на юге Франции вблизи Канн, где протекала река. Ее отряд был на одном берегу, а на другом находился отряд со своим руководителем. Обстоятельства сложились так, что ей пришлось командовать обоими отрядами, и она должна была с одного берега добираться до другого. В ее распоряжении был велосипед. Но мост оказался сломан, и надо было переходить речку вброд, неся на себе велосипед. Однажды, когда вода в реке была особенно ледяная, Тамара вся промокла. Негде было укрыться, переодеться, согреться. (Это впоследствии привело к заболеванию почек.) По дороге ей встретился подвал с запасом угля. Она вошла и легла на уголь. Начался жар. Состояние ее становилось все тяжелее и казалось безвыходным. Вскоре в подвал вошел какой-то человек и обнаружил ее. Стал расспрашивать, кто она, откуда. И вот счастливый случай: этот человек, оказавшийся рабочим, был тоже из Бессарабии и хорошо знал и уважал отца Тамары. И он спас ее.

Окончилась война. Тамара сразу же начала добиваться разрешения на возвращение домой. Ей долго (1,5 года!) не давали въездной визы. Это время Тамара использовала для изучения гомеопатии, которая во Франции успешно развивалась и была очень популярна; училась с большим усердием, постигая новую для себя область знаний. Перед ней открывался новый мир. И как здесь пригодились ее интуиция, понимание душевного состояния другого человека! И еще: во Франции Тамара начала писать рассказы. Она их привезла с собой, как и книги по гомеопатии. Все это бережно хранят ее сестры.

Осенью 1947 г. Тамара возвращалась в Кишинев. Это было тяжелое возвращение. В Бресте ее собирались отправить в Сибирь, не разрешали связаться с родными. Она попросила на почте одну сотрудницу послать родителям телеграмму и сообщить, что находится на границе (этой сотруднице она подарила дорогую вещь). Женщина ее просьбу выполнила: телеграмма дошла до адресата, и Иосиф Израилевич тут же выехал в Брест. Вернулись они вместе.

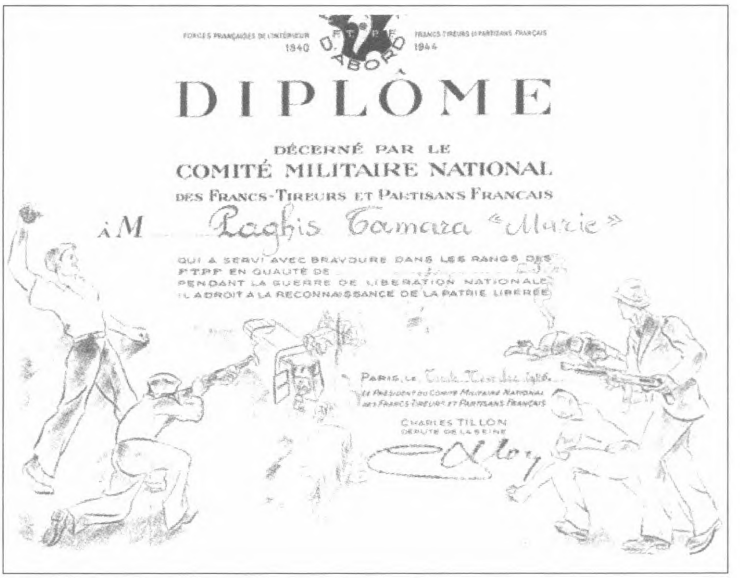
И вот после долгих лет разлуки Тамара снова в Кишиневе, сильно пострадавшем во время войны. Радостная встреча с родными, сестры снова вместе, им есть, что рассказать друг другу…

Коротко о дальнейшей судьбе Тамары Пагис.

Человек с широким кругозором и разносторонними интересами и увлечениями, в том числе и театром, она поступила в Ленинград-

ский театральный институт, где занимала особое положение: была старше всех, много знала и умела. Как всегда, ее окружали друзья, ее уважали и любили.

Особенно она подружилась со своей однокурсницей Люсей, которая пережила блокаду и осталась с одной только бабушкой в старом деревянном доме. Там Тамара бывала часто. Однажды бабушка сказала, что на чердаке хранятся старые книги и журналы. Подруги нашли там сундук с книгами по гомеопатии! Радости Тамары не было предела. Вскоре ей на себе пришлось испытать гомеопатические средства. Однажды Тамара не пришла в назначенное время, и обеспокоенная Люся отправилась ее искать. Нашла подругу в очень плохом состоянии и привела к Тамаре знакомого врача-гомеопата.

DIPLÔME

DÉCERNÉ PAR LE
COMITÉ MILITAIRE NATIONAL
DES FRANCS-TIREURS ET PARTISANS FRANÇAIS

à M Pagis Tamara "Marie"

QUI A SERVI AVEC BRAVOURE DANS LES RANGS DES
FTPF EN QUALITÉ DE
PENDANT LA GUERRE DE LIBÉRATION NATIONALE
IL A DROIT À LA RECONNAISSANCE DE LA PATRIE LIBÉRÉE

CHARLES TILLON

Диплом, выданный Пагис Тамаре – Мари
Комитетом французских вольных стрелков и партизан

И он в течение трех суток поставил ее на ноги. Тамара понимала, что официальная медицина этого сделать не смогла бы, и стала еще больше углубляться в гомеопатию, ее философию. Впоследствии она стала прекрасным врачом-гомеопатом, первым в Молдавии, сама творила чудеса, бескорыстно помогая людям.

Театральный институт она вынуждена была оставить: полностью она не выздоровела, и ей посоветовали отдохнуть и сделать перерыв в учебе.

В этот тяжелый для Тамары период ее разыскал друг по Бухарестскому медицинскому факультету Всеволод Черкез. Вскоре они поженились и в 1953 г. переехали в Бендеры – город на берегу Днестра. Всеволод Аркадьевич преподавал в медицинском училище, а Тамара Иосифовна писала рассказы и занималась гомеопатией.

Там мы их однажды в шестидесятые годы и навестили. Мы вышли из вагона пригородного поезда, свернули на незнакомую улицу. Шли медленно, наслаждаясь тишиной, летней утренней прохладой и лучами солнца, пробивавшимися через широкие листья старых кленов. Вот и тихая тенистая улица Советская, на которой жили Тамара Иосифовна и Всеволод Аркадьевич в одноэтажном доме под черепичной крышей, с небольшим палисадником вдоль фасада. Дверь открыл Всеволод Аркадьевич, и мы оказались в первой комнате. Стены увешаны полками из необработанного дерева. Но какие книги стояли на этих полках!.. По медицине, гомеопатии, искусству, театру, многие на французском. Беглый взгляд вдоль книжных полок, и мы входим во вторую комнату.

Наши глаза встретились с приветливым и пытливым взглядом интересной женщины. Ясный, умный взгляд, худощавое смуглое лицо. Она сидела на небольшом диванчике, поджав одну ногу под себя. Перед ней тумбочка из простого дерева со старой печатной машинкой, рядом – пепельница (Тамара Иосифовна много курила). Вся обстановка в квартире была скромной. Тамара Иосифовна разговаривала быстро, короткими фразами. Она вообще была немногословна, о себе рассказывала мало и очень скупо.

В этот период она много писала, она спешила, как будто чувствовала, что впереди осталось не так уж много. Ее волновал вопрос публикаций, она надеялась, что увидит свои рассказы напечатанными.

Наш земляк и одноклассник стал известным в Молдавии писателем, и мы решили показать ему рассказы Тамары Пагис. Они ему понравились, и он их порекомендовал в художественно-литературный журнал «Кодры». Часть рассказов была опубликована, в том числе «Олеандры цветут»[4], в котором она описала некоторые события военных лет во Франции.

Тамара Иосифовна Пагис умерла 12 февраля 1974 года. В этот день было сыро и ветрено. В последний путь ее проводили родные, друзья и коллеги.

В краеведческом музее г. Бендеры стоят стенды, посвященные Тамаре Иосифовне. Висит ее портрет. Хранятся документы тех далеких лет, когда она, девушка из Бессарабии, вместе с патриотами Франции боролась с фашизмом.

---

[1] МОИ (Main-d'Oeuvre Immigrée; MOI) – организация французской компартии среди иностранцев, проживавших во Франции.

[2] ФВСП (Francs-Tireurs et Partisans Français; FTPF) – Организация французских вольных стрелков и партизан – боевая организация французской компартии во время Сопротивления, состоявшая из вольных стрелков в городах (по составу строго партийная) и партизан-маки – боевых групп в лесах. Термин «вольные стрелки» возник после поражения Франции в 1870 г., когда французские патриоты боролись в одиночку против немецких оккупантов.

[3] ФКП (Parti Communiste Français; PCF) – французская коммунистическая партия.

[4] Журнал "Кодры" (Кишинев). 1971. №5. С.65–77.

II. Доктор Франсуа

Татьяна Вайсман, Юлия Систер
(Кирьят-Экрон, Израиль)

Бачкуринские. ***Слева направо*:**
Люба (сестра), Арон, Люба (жена)

«Брат и сестра Бачкуринские принимали активное участие во французском движении Сопротивления» – написано в небольшой заметке «Герои Франции» в еврейской газете «Кохава» (2001, №2), издающейся в Бендерах. Ее прислала нам жительница этого города М.Парканская вместе со скупыми материалами о семье Бачкуринских.

Заинтересовавшись судьбой семьи, мы обратились в Музей Яд ва-Шем и получили копии личных документов Арона Бачкуринского, его сестры Любы (Вольфовны) и жены Любы (Матусовны), копии справок об их участии в Сопротивлении и об их гибели, отрывки из публикаций об антифашистской группе, в которую они входили, с упоминанием их имен, свидетельские показания о погибших в период Катастрофы. Документы хранятся в архиве Музея Яд ва-Шем под номером О.9/246.

Одно из свидетельских показаний на Арона было заполнено его младшим братом Шамаем в 1989 г. К счастью, там был указан его адрес в Ялте. Мы позвонили в Ялту. К телефону подошла Рива Симоновна Бачкуринская. От нее мы узнали, что ее муж Шамай Вольфович, тоже врач, умер в 1992 г. и что у нее находится семейный архив Бачкуринских. Через некоторое время мы получили из Ялты большую бандероль с этим архивом[1].

На берегу Днестра раскинулся город Бендеры (рум. Тигина). До войны в нем проживало много евреев и среди них, по ул. Харузинской, дом 18, семья Бачкуринских. Вольф, человек со сред-

ним достатком, владел обувным магазином в центре города. Его уважали, и до сегодняшнего дня старожилы города тепло о нем отзываются. В семье было два сына – Арон (он родился в 1908 г.), Шамай (1923 г. рождения) и дочь Люба (родилась в 1910 г.), воспитанием которых занималась их мать Сура. Все дети среднее образование получили в Бендерах, там же сдали экзамены на аттестат зрелости. Чтобы продолжить учебу, Арон в 1929 г. уехал во Францию, следом уехала и Люба. Из Франции часто приходили письма, которые радовали родителей.

Арон вначале учился на факультете естественных наук в Монпелье (1929/30 г.). Там же в 1930-33 гг. окончил три курса медицинского факультета. После каждого учебного года он стажировался в больницах, прошел семь специализаций: по медицинской пропедевтике, общей хирургии, педиатрии, дерматологии, фтизиатрии и др.

Четвертый и пятый учебные годы он занимался уже в Париже, в Сорбонне (1933-35 гг.), прошел пять специализаций: по терапии, офтальмологии, урологии и др. 25 июня 1936 г. Арон успешно защитил свою дипломную работу.

После завершения учебы он посещал курс педиатрии и работал детским врачом. Вскоре А.Бачкуринскому была присвоена ученая степень доктора медицины (диплом от 19 октября 1936 г.).

Сестра Арона приехала в Париж со своей ближайшей подругой Любой Хош (р. 1909 г., Бендеры, отец Матус, мать Песя). Обе они зарабатывали на жизнь шитьем.

Люба Бачкуринская не имела французского гражданства, и по имеющимся документам за 1939 г. видно, что ей грозила высылка из страны. Вероятно, из-за начавшейся войны этого не произошло.

Молодежь проводила вместе много времени. Их объединяли не только родственные узы, воспоминания о родном городе, но и общие взгляды, которые владели умами многих молодых людей того времени.

Бачкуринские были членами Бессарабского землячества во Франции. Арон пользовался там большим уважением и был постоянным членом правления. Он принимал активное участие в издании газет «Эхо Бессарабии» и «Вестник Бессарабии»; писал статьи, переводил и собирал материалы из газеты «Молдова Сочиалистэ» (Тирасполь) и журнала «Красная Бессарабия» (Москва). Во время гражданской войны в Испании (1936 г.) А.Бачкуринский занимался сбором денег, вещей и медикаментов для интернациональных бригад в Испании и для бессарабцев-добровольцев, уезжавших из Парижа в Испанию.

С первых дней войны (сентябрь 1939 г.) он – общепризнанный лидер – вступил добровольцем во французскую армию.

Сохранились военный билет на имя доктора медицины Арона Бачкуринского, выданный в 1939 г. под № 2901, а также свидетельство от 11 сентября 1940 г., в котором говорится, что доброволец, руководитель отряда А.Бачкуринский «с честью и преданностью служил Франции».

Сохранились и фотографии, которые Арон посылал из армии Любе Хош с надписью «Дорогой солдатке», а она в ответ присылала свои: «Моему любимому солдату от его солдатки».

Через несколько месяцев Арон Бачкуринский по состоянию здоровья был демобилизован и вернулся в Париж.

Арон полюбил подругу своей сестры, милую, симпатичную девушку с выразительными живыми глазами и гладко причесанными волосами. Чувство было взаимным, и 28 сентября 1940 г. они поженились (сохранилось их свидетельство о браке, выданное в департаменте Сены).

Франция была уже оккупирована германскими войсками. И как только начали создаваться первые группы Сопротивления, Бачкуринские приняли активное участие в их деятельности. Документы удостоверяют, что Арон Бачкуринский, его сестра и жена были активными участниками французского движения Сопротивления с 1940 г.

Арон действовал в румынско-бессарабском секторе, организовывал среди эмигрантов из Румынии и Бессарабии сбор продуктов и отправку посылок политическим заключенным сначала во Франции, а затем в Алжир, в лагерь Джельфа. Позже занимался сбором оружия и теплой одежды для участников Сопротивления и партизан, а также спасением детей участников Сопротивления и других преследуемых нацистами людей, переправляя их в безопасные места и квартиры, поддерживал связь между югом и Парижем. Есть сведения, что он был связан с партизанским отрядом Манукьяна.

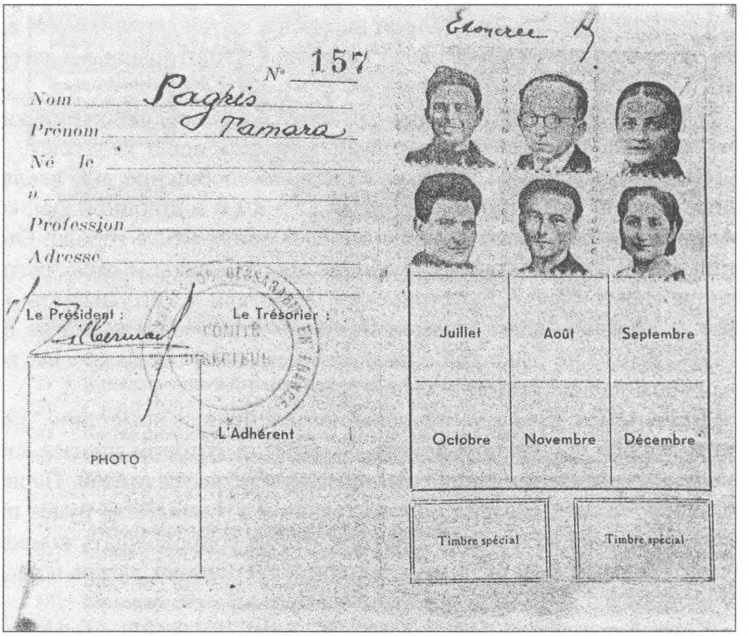
Среди участников Сопротивления в Париже были раненые, нуждающиеся в квалифицированной медицинской помощи. Было решено создать подпольную медицинскую службу, состоящую из врачей – участников Сопротивления и ему сочувствующих. В целях безопасности и конспирации каждый отряд имел своего врача, но между этими специалистами не было контактов. Только руководитель службы знал пароли и адреса. Организатором и руководителем медицинской службы был доктор А.Бачкуринский, подпольная кличка Франсуа. Его называли доктор Франсуа.

Сестра Арона перевозила оружие, необходимые материалы для изготовления бомб. Она также была связной.

Его жена готовила посылки для политических заключенных и отправляла их, а также распространяла подпольную антинацистскую литературу. Вместе с мужем она занималась и спасением детей, устройством их в надежные места.

Дом Бачкуринских в Париже был известен всем выходцам из Бессарабии и Румынии, в нем ощущалось тепло человеческих отношений, благородство, преданность идеалам.

Друзья советовали им жить в разных местах, как требовали правила конспирации, но Бачкуринские не хотели разлучаться и под одной крышей жили Арон с женой и его сестра Люба с мужем Яковом Зильберманом. И только в 1942 г., когда начались аресты, Арон с женой перебрались на другую квартиру, расположенную достаточно близко. Они продолжали встречаться.

Членский билет Бессарабского землячества Тамары Пагис
На второй марке слева в верхнем ряду изображен
Арон (Франсуа) Бачкуринский, на третьей –
его жена Люба Бачкуринская

Трагические события последовали одно за другим весной 1943 г. При выполнении очередного задания погиб Яков, а 25 мая 1943 г. молодую вдову (сестру Арона) забрали в полицию во время встречи с другим отрядом. За неимением улик ее отпустили, но установили слежку. 2 июля того же года в квартире Любы была устроена засада. В тот вечер Арон проходил мимо дома сестры, было еще светло. Он решил зайти к ней, утешить.

Бачкуринский постучал в дверь и сразу попал в руки гестапо.

В его собственной квартире Люба ждала мужа к ужину, а его все не было. Ужин давно остыл… Она решила, что он задержался у сестры, и пошла к своей подруге. И… тоже была арестована.

Люба была беременна и вместе с Ароном часто думала о будущем своего ребенка… Молодые и бесстрашные, они не представляли, что с ними может что-то случиться.

Фашисты догадывались, что у них в руках находится ответственный руководитель одного из секторов Сопротивления. Его отправили в крепость Роменвиль, где пытали в течение трех месяцев, но ничего не смогли узнать. Арон держался мужественно, как и его жена, не выдал даже адреса своей квартиры. Его отправили в лагерь Дранси, где уже были обе Любы.

Участники Сопротивления пытались устроить Бачкуринским побег, но из-за недостатка необходимых средств побег не удался.

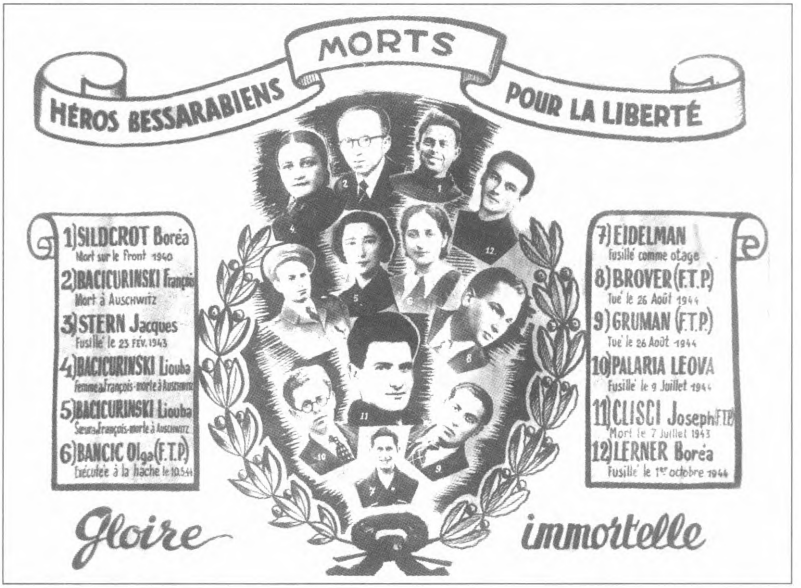
На волю к друзьям из Дранси пришло сообщение, что заключенные начали рыть туннель[2] длиной 37 – 40 м и шириной 2 м, который должен был закончиться в определенном месте города. Сторонники де Голля поставляли рабочие инструменты. Коммунисты, среди которых был А.Бачкуринский, работали с энтузиазмом по ночам, а иногда и днем. Возможно, часть заключенных смогла бы убежать, но это не было решением проблемы для тысяч других, которым грозила депортация в лагеря смерти.

30 сентября 1943 г. комендант лагеря Дранси помощник Эйхмана А.Брунер послал сообщение Эйхману, в котором просил дать разрешение для отправления седьмого октября конвоя №60. Первого октября Эйхман ответил положительно и уточнил, что будет послана команда из Штутгарта для того, чтобы сопровождать конвой: седьмого октября в 10 ч. 30 мин. конвой №60 покинет лагерь и десятого октября в 5 ч. 30 мин. прибудет на место.

Конвой состоял из 564 мужчин, 436 женщин и 108 детей моложе 18 лет. В числе этих людей были Бачкуринский Арон (гражданин Франции), Бачкуринская Любовь Вольфовна, Бачкуринская Любовь Матусовна.

Конвой №60 был отправлен в Аушвиц (Освенцим)[3].

После окончания войны Вольф и Сура Бачкуринские узнали о судьбе своих детей. В шестидесятые годы официальные документы из Франции были переданы младшему брату Арона и Любы Шамаю Вольфовичу.

Перевод текста виньетки на русский язык:

Вечная слава героям-бессарабцам, погибшим за свободу

1) **Сильдкрот Боря, погиб на фронте в 1940 г.**
2) **Бачкуринский Франсуа, погиб в Освенциме**
3) **Стерн Яков, расстрелян 23 февр. 1943 г.**
4) **Бачкуринская Люба, жена Франсуа, погибла в Освенциме**
5) **Бачкуринская Люба, сестра Франсуа, погибла в Освенциме**
6) **Банчик Ольга (ФСП /французские стрелки и партизаны/), казнена 10 мая 1944 г.**
7) **Эйдельман, расстрелян как заложник**
8) **Бровер (ФСП), убит 26 августа 1944 г.**
9) **Груман (ФСП), убит 26 августа 1944 г.**
10) **Палария Лёва, расстрелян 9 июля 1944 г.**
11) **Клищ Иосиф (ФСП), погиб 7 июля 1943 г.**
12) **Лернер Боря, расстрелян 1 октября 1944 г.**

Чтобы узнать подробности трагической гибели брата и сестры Шамай поехал в Польшу, посетил Освенцим. Хранительница музея нашла личный номер Арона: 156984, он находился в блоке 21

(хирургия) и погиб в газовой камере 19 января 1944 г. Бачкуринская Люба, личный номер 64717, погибла 14 апреля 1944 г. и Бачкуринская Люба, личный номер 326/758, погибла 18 марта 1944 г.

После войны Бессарабское землячество во Франции возобновило свою работу. Имя доктора Бачкуринского вспоминали с благоговением. Эта организация имела свое помещение, и один из залов носил имя «Франсуа Бачкуринский».

Была сделана также виньетка, в которой увековечена память бессарабцев–героев французского Сопротивления, в том числе Бачкуринских. Такая же фотография закреплена на памятнике героям Сопротивления в пригороде Парижа Баню (в 500 м от станции метро «Аустерлиц»). На ней написано: «Héros Bessarabienns morts pour la Liberté. – Gloire immortelle». («Бессарабские герои, погибшие за свободу. – Немеркнущая слава»).

Были выпущены марки с их изображением и надписью «Все они погибли в Освенциме», которые наклеивали на членский билет землячества.

В журнале «Бессарабское землячество» (декабрь 1945 г.) было написано: *«Наряду со своими героями французский народ с гордостью передает истории подвиги, совершенные на его земле во имя свободы и справедливости уроженцами разных стран, для которых Франция стала второй родиной»*. В этом журнале рассказывается и о подвиге Бачкуринских.

Выражаем глубокую признательность главному библиографу центральной библиотеки г. Бендеры М.Г.Парканской, сотруднице архива Яд ва-Шем Рите Марголиной, госпоже Р.С.Бачкуринской, подарившей нам архив Бачкуринских (после завершения подготовки книги он будет передан на вечное хранение в Яд-Вашем).

---

[1] **В этот архив входят:**

1. Книга Бориса Холбана, военного руководителя французских стрелков и партизан среди коммунистов-иностранцев в Париже, тоже выходца из Бессарабии. Он дружил с Бачкуринскими и вместе с ними вступил в группу Сопротивления. *Boris Holban.* Après 45 ans de silence, le chef militaire des FTP-MOI de Paris parle… (Спустя 45 лет молчания военный руководитель ФСП–МОИ Парижа рассказывает…). Calmann-Levy, 1989. 324 p.

2. Воспоминания Я.М.Хахама, члена компартии Франции с 1930 по 1947 г., знавшего Бачкуринских по Парижу и Бессарабскому землячеству,

вместе с Ароном вступившего добровольцем во французскую армию. 2 стр. машинописного текста.

3. Книга «Знакомьтесь: Советская Молдавия», издание Молдавского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами / Сост. *Е.В.Мочалова.* Кишинев: Тимпул, 1985 г. 41 с. (на рус., англ., нем. яз).

4. *Манн Н.* Герои третьего сословия // Газета евреев Молдовы и Одессы «Наш голос». Июнь 1992. № 12 (56). С.2.

5. Фотоколлекция: Семья Бачкуринских. Франция, Бессарабия. 20–30-е гг. XX в. (50 фотографий).

6. Письмо И.Шрира от 1.02.1990 г. в Ялту Ш.В. и Р.С.Бачкуринским. (2 стр. рукописного текста) о фотовиньетке с портретами героев-бессарабцев, погибших за свободу, и о памятнике им в Баню (Bagneux), который он посетил.

7. Свидетельство об окончании женской гимназии «Принцесса Елена», выданное Бачкуринской Любе в гор. Тигина (Бендеры) 9.02.1929 г.

8. Удостоверение личности, выданное Любе Хош в гор. Тигина (Бендеры) 22.01.1931 г.

9. Демобилизационный лист Арона Бачкуринского от 10 сент. 1940 г.

10. Акты приема материалов, сданных Ш.В.Бачкуринским в мае 1985 г. в Республиканский музей дружбы народов при министерстве культуры МССР (Кишинев). Среди них находятся подлинники диплома о присуждении Арону Бачкуринскому звания доктора медицины (от 19.10.1936 г.), удостоверений, выданных 30 июня 1960 г. организацией по ликвидации дел национального движения Сопротивления, свидетельствующих, что доктор Арон Бачкуринский, его жена и сестра принимали активное участие в движении Сопротивления во Франции, и др.

Весь архив (29 наименований) мы передаем на вечное хранение в Яд ва-Шем.

[2] *David Diamant.* Les Juifs dans la Résistance Française 1940 – 1944 (Avec armes ou sans armes). (Евреи во Французском Сопротивлении. 1940 – 1944 /С оружием и без него/). Paris: Lepavillon, 1971. 213 p.

[3] *Klarsfeld, Serge.* Le Mémorial de la déportation des Juifs de France. Convoi №60. (Мемориал депортации евреев Франции: конвой №60). Paris: Klarsfeld, 1978.

Сразу оговоримся, что документов и других точных данных, подтверждающих участие героя этого третьего очерка во Французском Сопротивлении, найти не удалось. Но есть несколько свидетельских показаний об этом участии; опубликовать очерк об Ароне Ротштейне мы решили и потому, что в нем очень четко отражаются реалии и тревоги того времени.

Редакция

III. Мой брат Арон (Артур) Ротштейн

Эсфирь Ротштейн (Беэр-Шева, Израиль)

Мой брат, Арон Ротштейн, родился 30 декабря 1912 г. в Кишиневе в молодой семье среднего достатка. Учился во французской гимназии, а после переезда семьи в Яссы (Румыния) в 1924 г. – в лицее. Арон отличался начитанностью и общей образованностью, был книголюбом, но не читал все подряд. Выбирая все интересное на русском, французском и румынском языках, создал хорошую библиотеку – родители никогда ему не отказывали в деньгах для этой цели.

Отец и мать учились в царской гимназии и умели разбираться в хорошей литературе, а также и в музыке. Они посещали лучшие концерты – в то время в Кишинев и Яссы приезжали многие музыкальные знаменитости. В Яссах был скромный еврейский театр (*Помул верде* – Зеленое дерево), в котором выступали гастролирующие талантливые еврейские артисты. В семье сохранялись еврейские традиции, и мы регулярно посещали эти спектакли.

Брат был старше меня на семь лет и считал своим долгом следить за тем, что я читала, – с малых лет и до подросткового возраста. В 1933 г. он уехал учиться во Францию. По его инициативе мы переписывались на французском, благодаря чему я овладела этим языком.

Вначале он учился в Институте колониальной агрономии в Нанси, но через год, из-за сырого климата в этом городе, переехал на юг – в Тулузу, где стал студентом такого же института. В 1939 г. он защитился в Сорбонне и получил звание доктора агрономических наук.

Арон (Артур) Ротштейн
Фото 1935 г.

По убеждениям брат был сионистом-ревизионистом. Собирался ехать на работу по специальности на Мадагаскар (тогда – французская колония). В том же году он получил французское гражданство, в том же году женился на француженке Жоржет Карони (Georgette Carroni), родом из Лиона, тоже окончившей университет в Тулузе. Они были знакомы все годы его учебы в этом городе, и Жоржет согласилась ехать с ним на Мадагаскар.

Ежегодно Арон приезжал на летние каникулы домой. Для нас это всегда было праздником. В 1939 г. он собирался привезти жену, и мы готовились их принять по-особенному, строили планы их встречи и времяпрепровождения. Однако жизнь повернулась совершенно иначе: мы больше не увидели брата.

Фашистские войска вторглись во Францию. Тогда же пришло последнее письмо от Арона. Он писал, что у них особые счеты с Гитлером, и они собираются пойти в армию Сопротивления.

Далее все закружилось вихрем. В 1940 г. СССР вторгается в Бессарабию. Я с родителями покидаем Яссы и в числе тысячи других евреев возвращаемся в Кишинев. Меня – студентку медицинского факультета – вместе с другими бессарабскими студентами направляют для окончания учебы в Львов, где мы сталкиваемся с зарождающимся враждебным бандеровским движением. Начало войны я с мужем, Львом Фишовым, встретили уже дипломированными врачами в Бендерах, где

Эсфирь Ротштейн
Фото 1937 г.

оказывали первую помощь раненым во время бомбежек. Потом была очень непростая эвакуация на Восток, рождение первенца, ожидание писем с фронта от Льва, потеря отца…

Запросы о брате мы начали писать в 1944 г. Вернувшись в Кишинев в 1946 г. и кое-как обустроившись, мы стали его искать более интенсивно. В течение 12 лет мы не прекращали посылать запросы. Писали во все инстанции Союза и Европы, которые, по нашему мнению, могли сообщить нужную информацию.

Привожу перечень адресатов отправленных писем:

1) министерство иностранных дел Франции;

2) префектура Haute-Garonne;

3) представительство Французской республики в СССР;

4) министерство колоний Франции; на этот запрос пришел ответ, подтверждавший учебу студента Арона (Артура) Ротштейна в Тулузском агрономическом институте в 1936–39 гг.;

5) Международный комитет Красного Креста. Центральное агентство военнопленных в Женеве и Отделение розыска в Париже;

6) последнее место проживание брата в Тулузе;

7) муниципалитет города Лиона – в поисках гражданина Карони – отца жены брата;

8) Центральное справочное бюро по перемещенным лицам;

9) Красный Крест. Центральное справочное бюро в Москве;

10) жена брата Жоржет Карони. Ее ответ, полученный лишь в 1956 г., – единственный, из которого кое-что выясняется: в мае 1944 г. Арон Ротштейн воевал в составе группы французского Сопротивления, направлявшейся к франко-испанской границе через маленький курортный городок По. Там исчезают его следы. Жоржет объявляет розыск по всем доступным ей инстанциям и рассылает фото мужа. В течение семи лет поиски остаются безрезультатными. В 1951 г. она получает ответ из трибунала о том, что Ротштейн Арон (Артур) пропал без вести. Жоржет Карони выходит вторично замуж, получив разрешение трибунала;

11) Александр Серебряков (Зильберман) – парижанин, участник французского Сопротивления, автор статьи «Их имена не забыты», появившейся в газете «Вечерний Кишинев» 17 сентября 1980 г.;

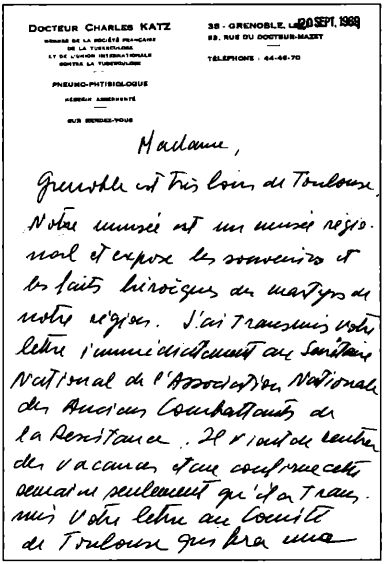
12) Шарль Кац, создатель Музея Сопротивления в Гренобле, побывавший в Кишиневе вместе с группой энтузиастов, желавших увековечить имена участников французского Сопротивления.

В большинстве случаев приходили вежливые отрицательные ответы: «Нет, не числится» «Не известно». Несколько писем вернулись обратно – адресат не был найден.

Последние сведения я получила, уже будучи в Израиле, с помощью журналистки Марины Аристовой – автора статьи о жителе Тулузы, который помогал своему отцу вывозить евреев из Франции, спасая их от немецких оккупантов. Этот человек тогда жил в Тель-Авиве, и я смогла услышать от него самого рассказ о том времени. Он открыл мне дикую и грустную картину: многие участники Сопротивления бежали в Испанию через Пиренейские горы и именно через тот же городок По. Однако не все добирались до цели. Контрабандисты многих из них грабили и убивали.

Может быть, Жоржет Карони знала об этом, но в своем единственном послевоенном письме к нам не хотела, не могла жестоко огорчить маму и меня...

На этом кончается долгий и тяжелый рассказ о моем единственном и любимом брате.

DOCTEUR CHARLES KATZ

38 - GRENOBLE, le 20 SEPT. 1969

55, RUE DU DOCTEUR-MAZET

TÉLÉPHONE : 44-46-70

PNEUMO-PHTISIOLOGUE

SUR RENDEZ-VOUS

Madame,

Grenoble et Fils bien de Toulouse,
Notre mairie et sa mairie respectif et expriment les souvenirs et les faits héroïques des martyrs de notre région. J'ai transmis votre lettre d'immédiatement au Secrétariat National de l'Association Nationale des Anciens Combattants de la Résistance. Je n'ai aucun contact des vacances et ne connais cette association seulement par son Journal. Mais votre lettre au Comité de Toulouse sera bien mieux

Ответное письмо Шарля Каца

«Тюремная цивилизация» – «Глазами историка» (М.Я.Геллер)

Ирина Обухова-Зелиньска (Варшава–Москва)

Михаил Геллер с женой – Женей Хигрин
Фото 1957 г.

3 января 1997 г. в Париже умер Михаил Яковлевич Геллер – советолог и историк (в заглавие очерка мы вынесли названия двух работ, написанных им в этих ипостасях), литературовед, публицист и педагог. За его гробом шли многие русские и польские парижане и элита французской советологии. Профессор Ален Безансон, друг покойного, напомнил, что Геллер принадлежал к горстке историков и политологов «с голыми руками обрушившихся на империю зла».

С этой империей у Геллера были давние счеты. Познав «прелести» системы на собственном, нелегком, опыте, он в своих последующих работах произвел всесторонний анализ дорвавшейся до власти утопии – начиная с прихода к власти большевиков до образования и функционирования системы, которая поставила себе целью создание нового человека, способного быть винтиком в этой чудовищной машине. Механизм и суть системы, именуемой «коммунизм», исследуется и осмысливается им на множестве фактов в основных его трудах. Его книги издавались на русском, польском и на основных европейских языках. «Утопия у власти» (написана совместно с А.Некричем) стала классической позицией и не нуждается в представлении. «Машина и винтики» – второй большой труд М.Геллера, пользующийся широкой международной известностью. Написанная в последние годы жизни фундаментальная «История Российской империи» ставит его в ряд выдающихся историков.

М.Геллер был членом редколлегии нескольких парижских журналов и газет, сотрудничал с радиостанциями «Свобода» и «Свободная Европа». Особую роль в его жизни сыграл польский журнал «Культура», который начал выходить в Париже в 1947 г. «Культура», которую читали все образованные поляки, попадала в страну нелегально и в течение многих лет в моральном и интеллектуальном смысле успешно противостояла всей пропагандистской машине ПНР. Начиная с 1969 г., в каждом номере «Культуры» публиковался «Обзор советской печати» (после развала СССР обзор назывался «Русские заметки»). Их автор, Адам Кручек, стал одним из самых любимых в Польше публицистов. Но до сих пор далеко не все знают, что под этим псевдонимом скрывался Михаил Геллер, до сих пор более известный в Польше (издававшийся там массовыми тиражами в подпольных издательствах), чем в России.

В «Русскую мысль» Геллера пригласили в результате забавного недоразумения. После выхода «Концентрационный мир и советская литература» (первое издание было по-французски) в «Русской мысли» появилась рецензия критика, который никогда не хвалил авторов, о которых писал; и вдруг об этой книге он написал очень хороший отзыв, считая, что автор – французский исследователь. Геллера пригласили в редакцию, его встретила тогдашний главный редактор кн. З.Шаховская, говорившая с ним по-французски, в уверенности, что он француз. Каково же было ее удивление, когда «секрет» открылся. М.Я. было предложено сотрудничать с газетой, но речь шла только об отдельных статьях. Он же хотел свою рубрику – эта возможность представилась только в 1990 году. С тех пор М.Я. точно в назначенный срок два раза в месяц высылал в газету свои обзоры «Российские заметки» и «Глазами историка».

М.Геллер был не только политологом и историком – с 1969 по 1990 год он преподавал в Сорбонне русскую литературу, а в жизни был знатоком не только русской литературы: он читал на шести-семи языках и, обладая уникальной памятью, помнил всё прочитанное с раннего детства. Впрочем, на литературу он часто смотрел глазами историка и исследователя: анализу подвергалась повествовательная ткань не только признанных произведений, но и рассказы и повести малоизвестных писателей. Его увлекали самые разные книги, вплоть до детективов и фантастики.

М.Я. не писал о себе, и его биография была известна читателям лишь по кратким аннотациям на обложках его книг. На четвертый день после смерти М.Я. по второму каналу польского ТВ был показан документальный фильм «Михаил Геллер, или Правда о коммунизме» (режиссер П.Вольдан), а в 2000 г. московское

издательство МИК, издавшее все основные труды М.Геллера по-русски, выпустило сборник с воспоминаниями его друзей и интервью.

Хочется понять, кем был этот необычный человек, как сформировались его взгляды, каким образом он гораздо раньше других вырвался из схем официальной пропаганды, приобрел способность спокойно и безбоязненно излагать свое понимание событий, обосновывать свой взгляд, делать его убедительным для других.

«Интересная» биография – с отсидкой в лагере, с переездами из одной страны в другую – получилась у него как бы волей обстоятельств. Он не искал приключений – они сами нашли его. «Самой личной» книгой он считал «Машину и винтики». «Утопия у власти» интересна именно тем, что написана двумя советскими людьми, познавшими систему изнутри, «на позвоночном уровне», и сумевшими использовать это знание для беспощадного научного анализа.

Родившийся в 1922 г. в Могилеве, М.Я.Геллер вырос в Замоскворечье, в то время еще бывшем «большой деревней». Во дворе его родительского дома были хлев и конюшня, а быт в прочитанных позже книгах Тургенева и Островского мало чем отличался от мира его детства. Школа была рядом (он бегал в нее без пальто даже в лютые морозы), в старинном купеческом доме. Он помнил, как нэп сменился индустриализацией (полки магазинов пустели), как мостили, а потом заливали асфальтом Красную площадь – она находилась совсем близко. Он был обычным советским школьником – много читал, вел шахматный кружок, потом стал студентом, в 1940 – исторического факультета МГУ, а через год – ИФЛИ. Вуз этот – его полное название Московский институт истории, философии и литературы – был единственным полностью гуманитарным вузом, в котором выделялся и преподавательский состав, и студенты собирались талантливые. Многие выпускники вспоминают особый интеллектуальный настрой царившей там атмосферы. Этот вуз дал неплохую языковую подготовку (латынь, немецкий), позволил уже тогда многое прочесть и многое продумать.

<...> Беседы на международные темы были Мишиной стихией (особенно если собеседников несколько). Он проявлял недюжинную эрудицию, говорил логично, анализировал основательно.

Внутренняя политика интересовала нас меньше. Вообще тональность бесед была лояльно-критической по отношению к СССР. Критиковали Запад, критиковали Германию, а Советский Союз лишь за то, что «может утерять бдительность».

Проблемы репрессий в СССР, демократии, свободы печати в наших разговорах не возникали. <...> Впрочем, однажды Миша подошел ко мне на перемене и сказал: «В туалете на втором этаже на левой стене забавные стишата. Слушай:

Сия традиция не нова
В сортирах надписи писать.
Но здесь зато свобода слова!
Скажи, что нет, такая мать!

Прочитав с воодушевлением стишок, он задумчиво произнес: «Свобода слова, свобода слова... Это понятие не для нас...».

<...> Я заметил: к его голосу, голосу еще зеленого первокурсника, уважительно прислушивались многие достаточно самоуверенные представители старших курсов.[1]

С приходом войны началось рытье окопов, дежурства на крыше, работы на строительстве авиамоторного завода (после сложного перелома ноги в детстве М.Я. хромал и был невоеннообязанным). ИФЛИ был эвакуирован в Свердловск и слит с МГУ. На филфаке МГУ тогда учились три девушки с «освобожденных» в 1939 г. территорий. Одна из них – Женя Хигрина, польская еврейка, обаятельная, живая, очень способная девушка, в поведении и манерах которой была видна такая непривычная для советских студентов 40-х годов не то «буржуазность», не то «заграничность», – стала женой М.Я. и сыграла огромную роль в его жизни. А День Победы они уже встречали втроем – с 2-месячным Леонидом на руках, на Красной площади.

Вернувшись из эвакуации после войны, молодая семья Геллеров жила в ужасных условиях, в каком-то полуподвале. Но самое неприятное было то, что после окончания института М.Я. подпал как раз под кампанию «борьбы с космополитами». Женя устроилась диктором в польскую редакцию радиовещания, а М.Я., у которого в паспорте была вписана роковая национальность, не мог устроиться даже учителем в школу. Учителей не хватало, но происходило неизбежное: его не утверждали в какой-то более высокой инстанции. И он не мог не чувствовать оскорбительности своего положения. В конце концов он махнул рукой. Он работал в библиотеках, где, выискивая необходимые книги, писал статьи для энциклопедий и журналов. Приходилось искать дополнительные заработки, например, писать за деньги дипломные работы. В такой стране, как Советский Союз, «внештатное положение» порождало массу проблем. Без «стандартной справки» с места работы невозможно было

получить даже хлебные карточки. «Социальное лицо» было необходимо и после их отмены. За пустяковое нарушение – его зачислили техническим редактором в организации, которая в этой должности не нуждалась, и он не получал начисляемую ему зарплату – суд (в 1953 г.) квалифицировал его как подставное лицо и присудил 15 лет лагерей. Для интеллектуала, привыкшего к ежедневному общению с книгой, это было тяжелейшим ударом. Для молодого человека, уже заметившего изъяны системы, но тогда еще вполне лояльного по отношению к обществу, которое он считал своей естественной средой, это был шок, который привел к полному избавлению от иллюзий. Тогда же, в тюрьме и на строительстве гидростанции на Иртыше, он впал в тяжелейшую депрессию. Если бы не Женя, которая не только писала письма и высылала посылки, но и ездила к нему в лагерь, говорила с ним и поддерживала волю к жизни, если бы не ее убежденность в необходимости пережить и выстоять, все могло бы сложиться иначе. Он выдержал это испытание, давшее ему совершенно неповторимый жизненный опыт. Работы о лагерной литературе написаны не сухим «исследователем материала», а человеком, по которому эта система проехалась всей своей тяжестью.

После смерти Сталина последовала амнистия, и в 1956 году М.Я. вышел на свободу. Он не имел права жить в Москве, о научной карьере и даже просто о хорошей работе тоже думать не приходилось. У сына развилась тяжелая астма – следствие жизни в сыром помещении, но получить квартиру тогда не могли и люди с более благополучными биографиями. Неизвестно, как бы оно было дальше в другом случае, но в 1956 полякам еще раз было разрешено репатриироваться, причем на этот раз позволялось уезжать с семьей. Так что Женя оформила для всех троих выезд в Польшу, и 1957 год они встретили в Варшаве. Там у М.Я., наконец, образовался нормальный быт, появился доступ к книгам, о которых раньше нельзя было и подумать. Он работал в Польском агентстве печати – работа была скучная, но ему представились неслыханные, по сравнению с Москвой, возможности. В Польше, правда, тоже строился социализм, однако он был не такой уж лютый. Что-то издавалось подпольно, что-то привозилось из-за границы – короче, М.Я., который быстро научился еще и польскому, вовсю читал разрешенные и нелегальные издания и собрал большую библиотеку. Благодаря жене он плотно интегрировался в польскую среду, в круг его близких друзей входили Анджей Вайда, Виктор Ворошильский (известный польский литератор, переводчик и знаток русской литературы).

Майя Туровская вспоминала:

Ледоход в Польше далеко обогнал нашу осторожную «Оттепель». Можно было выезжать за границу; можно было привозить запретные в СССР книги. Миша тут же подвел меня к соответствующей полке: «Это всё ты должна прочесть» – «Когда, помилуй, мы целые дни на экскурсиях». – «Ночью», – сурово сказал он, и так оно и было. <...> Это был первый стройный комплекс «тамиздата», который мне довелось прочитать – в Союзе такое даже не снилось.[2]

Увы, в 1968-м в Варшаве разразилась памятная вспышка антисемитизма. Это как будто не затронуло М.Я. лично: на этот раз паспорт, тогда еще советский, сыграл роль охранной грамоты. Но ему была тяжела сама атмосфера. А в августе войска стран Варшавского договора вошли в Чехословакию. Тогда он понял, что и в Польше не останется. Конкретные и притом решительные шаги предприняла опять Женя. Она решила, что нужно уехать в Париж. «*Паровозом в семье была мама: она пролагала новые пути, привила отцу страсть к путешествиям*», – делился со мной Леонид Геллер, сын историка (ныне французский славист, профессор Лозаннского и Парижского университетов).

Отъезд удалось осуществить, но первое время в Париже было очень нелегким – тяжелый эмигрантский быт, незнание языка. Они оба были не так молоды, М.Я. уже дважды перенес вспышку туберкулеза, научной репутации у него тогда еще не было. Но продумано было многое, потенциал накоплен, поэтому он так быстро и так блистательно реализовался при первой же благоприятной возможности, которая появилась в 1969 г. – с началом преподавательской деятельности в Сорбонне.

Его ранняя работа «Концентрационный мир и советская литература» была написана как докторская диссертация, издана во Франции и на русском языке в Лондоне (1974). В этой работе было показано со всей очевидностью, что коммунизм является проблемой не только политической, но и цивилизационной. Считалось, что источники по лагерям недоступны. Однако М.Я. показал, что созданная в СССР «тюремная цивилизация» вполне поддается изучению и на литературном материале – ведь общество реагирует на включение концлагерей в число его институтов. Они дают себя знать и в психологии, и в менталитете, находят отражение и в литературе – этот контекст нужно уметь выявить и прочитать.

Воспоминания о социалистических лагерях, изданные на Западе чудом уцелевшими бывшими узниками, интересовали М.Я. всегда. Уже после защиты диссертации он посвятил много труда

изданию «Колымских рассказов» Шаламова (Лондон, 1978) – собрал их в одну книгу, дал великолепные комментарии. Таким образом обрела жизнь первая художественная книга по лагерной тематике.

В 1983 М.Я. защитил еще одну диссертацию – на степень доктора гуманитарных наук – о творчестве А.Платонова.

Миша преподавал на курсах наших выпускников, но работал и с конкурсными студентами. Главные его темы были, конечно, утопия в литературе и политике, поэтому кроме современной истории или того, что принято называть «цивилизацией» <...>, он преподавал и литературу: читал о Платонове, Леонове, Замятине. <...>

Наши бывшие студенты о нем теперь рассказывают, что он был очень добр, но не слишком снисходителен, зато на экзаменах не ставил оценок ниже средней. Он говорил по-русски нарочито медленно, неторопливо, и в его голосе всегда звучали нотки явного или полускрываемого юмора. <...>

Надо сказать, что отношения Жени и Миши со студентами (Женя также работала в Сорбонне в качестве репетитора) были лишены всякой чопорности или формализма, это были отношения простые и личные. Даже когда некоторые ошибки или невежество студентов приводили их в ужас, они только смеялись, считая, что «ликбез» тоже наука.[3]

В Париже дом Геллеров был открыт для многочисленных друзей.

Миша был разом и трудоголиком, и душою общества, кто только не бывал в парижской квартире Геллеров: поляки из «Культуры», французские и иностранные университетские преподаватели, журналисты, друзья из Восточной Европы, студенты. Особенно поражало то, что среди гостей попадались люди не только самых разных национальностей, но и самых разных поколений. Поколение Чапского, Суварина и Паскаля находило в лице Миши такого внимательного собеседника, какие встречаются нечасто; молодые обретали в его лице учителя, который никогда не впадал в менторский тон, чьи шутки никогда не звучали обидно, а доброе расположение никогда не оборачивалось бесцеремонностью.

...Он был «публицистом» в самом лучшем значении этого слова, человеком мыслей и споров <...>: в несколько секунд он нащупывал ядро проблемы, угадывал, как нужно ее изложить и какие

привести аргументы; стиль – короткие фразы, чеканные формулировки – при этом рождался как бы сам собой.[4]

В 1969 году М.Я. познакомился с Ежи Гедройцем и несколько раз приезжал в загородный дом под Парижем, где располагалась редакция «Культуры», ее библиотека и Институт литературы (кроме журнала Е.Гедройц регулярно издавал книги серии «Библиотека Культуры»). Там же жили сам редактор и его «штат» (2–3 человека), часто останавливались приезжие сотрудники. Там М.Я. познакомился и подружился с ближайшим окружением Гедройца: с Г.Герлингом-Грудзинским, приезжавшим из Италии, и с легендой парижской эмиграции – Юзефом Чапским. Этот аристократ, художник, литератор, дипломат, только по случайности не расстрелянный в Катыни (между прочим, ташкентский знакомец и приятель Ахматовой), был в курсе многих тайн и польской, и русской истории. После нескольких встреч и бесед Гедройц предложил Геллеру вести колонку «Обзор советской печати». В фильме «Плот Культура» (документальный фильм о «Культуре», режиссер А.Кучинский) Геллер говорит:

Я очень многим обязан «Культуре». Она принуждала меня писать ежемесячные хроники, помогала понять ситуацию в Советском Союзе, но прежде всего я благодарен людям, которых здесь встретил. Конечно, я считаю их поляками, но одновременно и великими европейцами. Своим поведением, позицией, взглядами эти люди научили меня видению мира. Видению Европы как целого, как места, где существует великая цивилизация.[5]

Он никогда не шел на поводу у версий, предлагаемых СМИ – например, не впал во всеобщую на Западе (и в большой степени в Польше) эйфорию по поводу Горбачева и не испытывал на его счет никаких иллюзий. Он прекрасно знал историю коммунизма – это давало ключ к пониманию современности. Во всех работах М.Геллера по политической истории Европы проблема отношения западных демократий к государственному коммунизму занимает центральное место. Между тем и ему не всегда легко было публиковать мнения, не укладывавшиеся в «основное течение». Он ценил возможность жить и работать в Париже, считая, что французские советологи более независимы, чем американские, – тех, кто писал «не так» советские власти в страну больше не пускали.

О своей работе над «Историей Российской империи» он сказал:

Я был абсолютно независим ни от кого. Я писал то, что хотел, и никто не вмешивался: я никому этого не показывал по своему обычаю, и никто меня не спрашивал, что пишу, о ком пишу, как пишу. Мне не нужна никакая помощь: достаточно, что у меня есть пенсия, мне этого хватает, и я ни от кого не завишу ни в материальном отношении, ни в идеологическом. И поэтому я написал как бы со стороны и в то же время изнутри.[6]

Свой последний большой труд историк писал после смерти жены. Она умерла внезапно, после краткой тяжелой болезни. До конца жизни она оставалась добрым гением М.Я. – это ей он читал написанное, она переводила на польский многие его эссе и статьи (М.Я. прекрасно говорил по-польски, но был убежденным «языковым стилистом» и по этой причине всю жизнь предпочитал писать по-русски). И хотя Париж был выбран в качестве места жительства именно Женей, руководствовалась она не своими желаниями. Женя была польской еврейкой, связанной с еврейством гораздо сильнее и духовно, и по-семейному, чем Михаил. Своей «русскости» и «еврейскости» он не скрывал, но доказывал воочию еще в Польше – можно быть русским, евреем и европейцем одновременно[7]. Он вырос в русской среде – знал всего лишь несколько слов на идиш. А Женя говорила на иврите, все ее родные к концу 60-х переселились в Израиль, и после смерти Жени он совершил паломничество в Израиль к ее родственникам.

В последние годы М.Я. мужественно боролся с болезнями, не поддавался старению, оставаясь, как прежде, элегантным и общительным. Он скончался от сердечного приступа и похоронен рядом с Женей на Монмартрском кладбище.

Наследие М.Геллера включает более тысячи статей, опубликованных на разных языках. Его работоспособность до конца жизни оставалась в глазах средне-нормального человека сверхъестественной – та же сотня-полторы страниц текста в месяц. Он работал очень систематично: каждый день подготовка материалов на следующий день (выписки на карточках, вырезки из газет). Свои университетские лекции он также тщательно готовил и конспектировал каждую лекцию – считал импровизации в таком деле неуместными. Далеко не всё вошло в книги и в опубликованные статьи. Вероятно, придет время и для публикации какой-то части его переписки с друзьями. В октябре 2000 г. в Польском культурном центре в Москве прошел вечер памяти М.Геллера, на который собрались многие его друзья и читатели и где была затронута и эта проблема. В ноябре 2000 года был образован «Фонд исторических исследований

им. М.Геллера». Президентом Фонда был избран А.Безансон, вице-президентом – Л.Геллер, передавший в распоряжение Фонда архив отца. В работе последнего принимают участие А.Гинзбург (Франция), проф. Е.Помяновский (Польша), М.Зелинский (Польша, директор Польского культурного центра в Москве), издательство МИК. Юридический адрес фонда:

121110 Москва, ул. Б.Переяславская 15-52; тел. (095) 202-26-17, 280-83-52; факс: (095) 906-35-66; e-mail: mic@mecom.ru

---

[1] *Ю.Поляков.* МИФЛИ и 56 лет после // Вместо мемуаров. Памяти М.Я.Геллера. М.: МИК, 2000. С.44–45.

[2] *М.Туровская.* Миша + Женя = любовь // Там же. С.61–62.

[3] *В.Лосская.* Памяти друга // Там же. С.68–69.

[4] *Ж.Бонамур.* Стойкость // Там же. С.71–72.

[5] *Э.Савицкая.* Двадцать семь лет на плоту культуры // Речь Посполита. 1997. № 9 (перевод с польского И.Рубановой).

[6] Последнее интервью (Беседа с *И.Киш* и *А.Силадьи*). Будапешт, дек. 1996 г. // Вместо мемуаров. Памяти М.Я.Геллера. М.: МИК, 2000. С.161.

[7] *Л.Геллер.* Личное сообщение.

Краткая библиография

Концентрационный мир и советская литература. London: OPI, 1974; М.: МИК, 1996. Переведена на фр., польск., нем., итал.

Андрей Платонов в поисках счастья. Париж: ИМКА-Пресс, 1982; М.: МИК, 1999.

Утопия у власти. (В соавт. с А.Некричем). Лондон: OPI, 1982 и 1986; М.: МИК, 1995, 1996, 2000. Переведена на фр., нем., итал., англ., польск.

Sous le regard de Moscou: Pologne 1980–1982. Calmann-Lévy, Paris, 1982. Переведена на польск.

Машина и винтики. Лондон: OPI, 1985. М.: МИК, 1994. Переведена на фр., итал., исп., греч., англ., польск., яп.

Вехи 70-летия. Лондон: OPI, 1987. Переведена на фр., польск.

Александр Солженицын. London: OPI, 1989.

Седьмой секретарь. Блеск и нищета Михаила Горбачева. London: OPI, 1990. М.: МИК, 1995; 1996. Переведена на фр.

История Российской империи. М.: МИК, 1997. Переведена на фр., венг.

Россия на распутье. М.: МИК, 1995, 1996.

Российские заметки 1991–1996. В серии «Хроника XX века». М.: МИК, 1998.

Российские заметки 1969–1979. В серии «Хроника XX века». М.: МИК, 1999.

ЛИТЕРАТУРА

«Смеюсь я мало... »
Последнее десятилетие в литературной карьере Семена Юшкевича (1917 – 1927)

Борис Черный (Франция)

Неточкин салон (О салоне Анны Элькан)

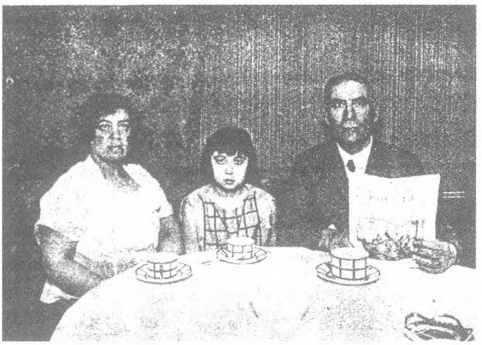
Вадим Крейд (США)

«На листик лавра я имею право…»
(Об Анне Присмановой; 1892 – 1960)

Юрий Колкер (Англия)

«Смеюсь я мало...»
Последнее десятилетие в литературной карьере Семена Юшкевича (1917 – 1927)

Борис Черный (Матье, Франция)

Шуточная фотография «Семен Юшкевич за утренним чаем с подругой жизни и с прелестной брюнеткой дочерью» *(«Иллюстрированная Россия». 1926. №20 /53/)*

Семен Юшкевич (27.XII.1868, Одесса – 12.II.1927, Париж) дебютирует в литературе рассказом *Портной* (1897). Выход в свет повести *Распад* (1902) и первого тома полного собрания сочинений (1903) приносит ему широкую известность. В первых своих повестях Юшкевич раскрывает русскому читателю социальную и национальную драму еврейского населения в черте оседлости, и в особенности в Одессе. Та же тема лежит в центре пьес Юшкевича *Голод* (1906), *В городе* (1906), *Король* (1907) и *Miserere* (1910).

В течение 20 лет, вплоть до революции 1917 г., Юшкевич был популярным писателем. Его произведения – мы имеем в виду его антибуржуазные и сатирические пьесы *Деньги* (1908), *Комедия брака* (1909) и *Бес* (1913) – привлекают внимание и вызывают ряд положительных или отрицательных комментариев в прессе. Его книги выходят большими тиражами. Как показали в своих работах В.Левитина[1] и Ш.Маркиш[2], и как мы сами попытались выявить это в своей диссертации[3], литературный путь Юшкевича от 1895 до 1917 г. захватывающе интересен для каждого, кто интересуется русско-еврейской литературой.

Что касается произведений, написанных после 1917 г., то они обычно предаются забвению. Как и многие русские писатели, группировавшиеся в свое время около горьковского *Знания*, – такие, как Бунин, Куприн, Чириков, – Юшкевич в этот период своей жизни написал относительно мало, и о написанном трудно судить по статьям советской прессы, которая на них почти не откликалась, разве только на цикл рассказов *Эпизоды* (1923). Какое место произведения последнего десятилетия жизни Юшкевича занимали в творчестве писателя? Ответ на вопрос мы найдем в самих произведениях, которые, по словам Ш.Маркиша, и составляют истинную биографию писателя[4].

Благодаря биографическим элементам в послесловии Л.Вальтера (он был одним из ближайших друзей писателя) к повести Юшкевича *Новый пророк*[5], мы можем, хотя и отчасти, восстановить последние годы жизни одесского писателя в России. С 1917 до конца 1920 г., то есть до решения бежать из советской Одессы, Юшкевич живет безвыездно в родном городе. Писатель встречает Февральскую революцию с энтузиазмом. Он тяжело переживает трагические события: грабежи и погромы, перемены власти на юге России. В 1918 – 1919 гг. Юшкевич работает редактором издательства *Универсальная библиотека*. В 1920-м большевики обращаются к нему с предложением принять участие в создании Совета писателей. Юшкевич отклоняет предложение, продает почти всю свою коллекцию картин и в конце 1920 г. покидает Одессу навсегда.

За три года – с 1917 по 1920-й – он написал ряд повестей и рассказов, которые тематически составляют цикл: *Страсти*, *Ночная бабочка* (другое название *Нелогическое*), *Автомобиль*, *Семь дней* и *Алгебра*[6].

Варьируются место действия, фамилии персонажей, порой контекст, но общая канва этих рассказов мало меняется. Они неизбежно оканчиваются смертью героев, стремящихся к царству света и душевной гармонии. Перед смертью Владимир Петрович в *Ночной бабочке* чувствует, как им овладевает теплое чувство слияния с космосом. *И он вдруг притих, успокоенный лаской, и он почувствовал себя во власти неведомого мистического обаяния*[7]. Этапы, ведущие героев этих рассказов к такой освободительной кончине, характеризуются своим плоским однообразием. Желание вырваться из пошлости проявляется во внезапном интересе к искусству, литературе, музыке (*Семь дней*, *Нелогическое, Автомобиль*), и этот интерес неизменно сопровождается осознанием суетности существования на земле. *Что увидел, что познал Савельев в мире, куда его*

послали?[8] Это внезапное озарение является таким же фальшивым, как и встреча с ангелом, обычно женщиной, который показывает мужчине путь к свету и истине. Несмотря на таинственные названия рассказов, все, фабула и сюжет остаются очевидными. Явным оказывается сопоставление реального мира с нереальным. Тексты характеризуются постоянным и единственным употреблением бледных оксиморонов. По принципу противоположных начал построен, например, портрет главного героя в *Ночной бабочке*: *В сущности было два Владимира Петровича. Один, которого знали товарищи, знакомые. Другой, в отличие от внешнего Владимира Петровича, был всегда тоскующий, испуганный человек*[9]. Друг другу противостоят и персонажи, мужчины и женщины, в частности. Так, в *Автомобиле*, когда ночью Марья Павловна любуется лунным светом и ей мерещится монахиня в белом, ее муж говорит о запоре, которым он страдает.

В 1919 г., прочитав *Нелогическое* на собрании Одесского литературного общества, Юшкевич выслушал много критических отзывов. Его обвинили в туманной бульварщине, сдобренной самой примитивной символикой. Юшкевич объяснил замысел, лежащий в основе *Нелогического* и остальных рассказов, следующими словами: *Фатально начало нелогическое берет верх над началом логическим, разум уступает место безумию, мировая гармония есть не более как слабое теоретическое построение человеческого воображения. Нелогическое это рок; фатум правит миром*[10]**.** Эти вычурные объяснения мало убедительны. На самом деле обрисовка персонажей и ситуаций удручающе однообразна и лубочно схематична. Герои – все они русские и все из буржуазной среды – становятся у Юшкевича марионетками, которые весьма искусственно комментируют переживаемый ими процесс озарения и раздвоения. Так, на каждом этапе своего пути к смерти Иван Федорович (*Семь дней*) подводит итог и составляет целый список пустых предположений, что произошло бы, если бы он поехал не в Москву, а в Петербург, если бы он не присутствовал на литературном вечере, если бы он повернул направо, а не налево и т. д. И каждый раз он неминуемо заключает: *Как же не видеть в этом предзнаменования?*[11] *Семь дней*, *Страсти*, *Нелогическое*, *Автомобиль* мало интересны или же интересны в той мере, в какой они отражают хаотическую историческую обстановку 1917 г. Характерны, с этой точки зрения, ссылки на историческую ситуацию, которых мало во всех остальных произведениях Юшкевича, и господствующая, например в *Алгебре*, импрессионистская тональность, которая сочетается с сильной антропоморфизацией мира: *За кроваткой стали, насмешливо*

приподняв картузики, кланяться: хромой рыжий стол, похожий на разбойника на большой дороге, и другие монстры, чемодан-медведь, прелестно бесформенная тень, два коленопреклоненных кресла. Появилось какое-то фантастическое существо, похожее на кенгуру, присело на задние ноги и стало вызывать желающих на работу[12].

Осуждая, как и Вл. Ходасевич[13], фальшивый характер русских рассказов Юшкевича, В.Левитина объясняет, что они свидетельствуют о равнодушии писателя к трагедии, переживаемой еврейским населением юга России. *Жизнь русского еврейства определялась войной, были массовые депортации, запрещение любых изданий на родном языке, лживые измышления в измене, в шпионаже. Ни малейших откликов на все это в произведениях Юшкевича военных лет нет*[14]. Упреки такого типа Юшкевичу высказали и русские газеты уже по поводу его пьесы *Город Иты,* написанной в 1916 г. После ее постановки в Ростове журналист местной газеты сказал: *В этой пьесе Юшкевич выдает свою буржуазную позицию и непонимание классовой борьбы*[15].

Такое обвинение в равнодушии к истории, нам представляется неоправданным как с эстетической, так и с политической точки зрения. В самом деле, Юшкевич как художник не обязан был воспроизводить чистую действительность, а то, что он воспринимал своей душой. Напомним, как на 25-летнем юбилее литературной деятельности Юшкевича (1919) один из выступавших назвал одесского писателя истинным пророком русской революции[16]. И это не пустые слова, сказанные под действием революционного энтузиазма. В самом деле, даже беглый обзор повестей и пьес Юшкевича показывает, что его интерес был сосредоточен на историческом социальном развитии еврейского населения России конца XIX – начала XX века.

Чем был тогда мотивирован отъезд писателя из России?

В довольно подробной биографии Юшкевича П.Нилус ограничивается намеком на денежные трудности, в которых находилась семья писателя[17]. Ссылаясь на письмо Юшкевича В.Бонч-Бруевичу от 30 апреля 1920 г. (*Ради Бога, книг и книг! Где же еврею, даже на Украине, при несчетном числе смены властей, написать что-нибудь путное? Для этого нужно очутиться за границей, где-нибудь в глуши*), В.Левитина объясняет решение Юшкевича уехать из России невозможностью спокойно работать[18]. Наверно, это имело какое-то влияние, но нам все-таки кажется, что реальная мотивировка иная, и что ее следует искать в произведениях, относящихся к периоду от высадки французских войск в Одессе в ноябре 1918 г. до

установления там большевистской власти в марте 1920 г., – *Дудька*[19], *Мадам Розалия Гнесин*, *Семейство Зайцев*, *Сапоги чистить*[20], *Эпизоды*[21] и *Арест Фишмана*[22].

По чистому фабульному признаку *Дудька* – вариант плутовского романа. Это рассказ о том, как наглый еврейский выскочка успешно карабкается по социальной лестнице и проходит все этапы, ведущие к богатству и власти. Дудька – главный и почти единственный персонаж рассказа – одержим страстью наживы. Вся его деятельность направлена на то, чтобы как можно скорее сделать миллион. Он умело пользуется общим развалом экономики, бесстыдно подлаживается к новым хозяевам и вместе с народом кричит: *Ура! Долой! Ура!*[23]

С такими же бесстыдством и приспособлением к сложившейся ситуации лавируют в жизни главная героиня в рассказе *Мадам Розалия Гнесин* и члены семьи господина Динезона, которые в страшных условиях Гражданской войны стали спекулянтами и зайцами (рассказ *Семейство Зайцев*).

Совсем иными по своей фабуле являются рассказы *Сапоги чистить*, *Эпизоды* и *Арест Фишмана*. *Сапоги чистить* – это тревожный монолог Гройсмана, который никак не может решить вопрос: уехать или не уехать из России? Да и куда уехать и зачем? Кем станет Гройсман за границей? Чистильщиком сапог? А может быть, и впрямь лучше чистить сапоги там, чем остаться при большевиках здесь, в Житомире? Этот вопрос решил купец Фишман – он принял решение бежать за границу, но в день отъезда большевики его арестовывают по обвинению в спекуляции и торговле бриллиантами. Несмотря на усилия доброго коммуниста Чалика, Фишмана жестоко избивают и расстреливают (*Арест Фишмана*).

Из всех произведений Юшкевича 1917–1920 гг., рассказам *Эпизоды* было посвящено наибольшее число работ и статей. Рассказы были написаны за два года – 1922-й и 1923-й и опубликованы в журнале *Иллюстрированная Россия* до и после смерти писателя. Через несколько лет, по просьбе Юшкевича, Горький напишет предисловие к английскому изданию *Эпизодов* в переводе В.Набокова. Летом 1923 г. Юшкевич проводит летний сезон в Германии в городе Эмс с братом и женой. Это время было для него самым спокойным за всю эмиграцию[24].

Тема книги *Эпизоды* – еврейское мещанство при большевиках. В форме эпизодов перед читателем проходит жизнь то страшная, то комическая и смешная еврея Симы Грессера, его жены Дорочки и их друзей. В Грессере и в близких ему людях есть что-то от Дудьки: приспособленчество, бесстыдство и корыстолюбие, и от Фишмана –

страх перед большевистской силой, сознание своего материального падения и в конце концов – духовное возрождение.

Если в *Дудьке* мы видим социальное продвижение героя вплоть до его торжества, то *Эпизоды* показывают, как день за днем у Симы Грессера и его жены все больше ухудшается материальное положение. Вместе с тем они становятся все более чуткими к тому, что происходит вокруг них, хотя и в узком кругу их мироощущений. Настоящие исторические события происходят где-то за кулисами их жизни. Как точно отмечает А.Кулишер, *Юшкевич отказался от искушения непосредственно вывести на сцену исторические события. История проносится где-то над головами персонажей*[25]. Для всех персонажей история и каждодневные события остаются непонятными. Такое непонимание, сопряженное с выражением безумного животного страха перед настоящим и будущим, находит свою конкретизацию в расчлененных фразах. *Сколько времени я здесь? Или же только что вернулся? Да, солдат привел. Ушел.* (*Арест Фишмана*[26]) *Ппп...о...ннн...и...ммаешь, иззз...я...ттт...ие* (*Эпизоды*[27]). Мир, обычные общественные отношения, все повернулось вверх дном. Персонажи живут в каком-то мире наизнанку, где тот, кто был на дне общества, вдруг становится миллионером (*Дудька*), и где, наоборот, бесчеловечные буржуи начинают размышлять о смысле жизни и примиряются с мыслью о том, что им придется сапоги чистить. Такой карнавализации мира у Юшкевича посвящены страницы, насыщенные подлинным юмором и поэтому резко выступающие на фоне глубокого трагизма исторического контекста.

О юморе в *Дудьке* и *Эпизодах* подчеркнули почти все критики и сам писатель. Вот что в связи с этим пишет Юшкевич в письме В.Бонч-Бруевичу: *О нашей жизни можно было бы написать добрый том прозы, где ужасное, трагическое, жалкое и смешное перемежалось бы с математической правильностью*[28]. К Горькому Юшкевич обращается уже не как свидетель истории, а как писатель: *К моему удивлению, я написал вещь "Эпизоды" скорее комическую, хотя надо было написать трагическую. И на эту вещь смотрю с тем же испугом и недоумением, с каким, вероятно, смотрит курица, высидевшая утенка*[29]. Трагикомический мир наизнанку конкретизируется в сюжетах, подъеме или падении персонажей в обществе, в неожиданном присутствии юмора, во многих комментариях рассказчика. Таково, например, восклицание в самом начале *Дудьки*: *Спасибо нашей дорогой революции. Без нее Дудька до сих пор служил бы на 35 рублях у Мильмана*[30]. Принцип карнавализации распространен на все элементы текста. Пейзаж вообще и улица в

частности превращаются в бутафорскую декорацию, люди носят маски, переодеваются в большевиков: *Кстати, вот идет толстенький банкир Грейденберг. Но как он одет! Что-то в цирке собирается выступать,* – восклицает Сима Грессер при виде друга (*Эпизоды*[31]).

Наделяя своих персонажей такими комически-гротескными чертами, Юшкевич, казалось, продолжал беспощадно бичевать еврейских мещан в духе и стиле своих сатирических пьес *Комедия брака*, *Деньги* или *Бес*. С таким истолкованием *Эпизодов* перекликается отзыв критика Б.Л.Бахраха: *Внутренняя жизнь Грессеров и им подобных, все их помыслы и аппетиты разоблачены с беспощадной полнотой*[32]. Интересно отметить, что почти все критики разных лагерей восприняли *Дудьку* и *Эпизоды* только как антибуржуазные произведения. Об *Эпизодах* В.Левитина пишет: *В своей книге Юшкевич высмеивает поведение еврейских буржуа в период революции*. Дальше В.Левитина упоминает о том, как в 1928 г. один русский автор написал пьесу по мотивам *Эпизодов* – *"Симка – заячье сердце"* и что пьеса была запрещена в СССР в связи с ее юдофобским настроением[33]. И в самом деле, кажется, что в рассказах *Дудька*, *Эпизоды*, *Сапоги чистить*, *Мадам Розалия Гнесин* и *Семейство Зайцев* Юшкевич заводит старую антисемитскую песню о богатстве евреев и что у них нет более священного дела, чем деньги.

Но вместе с тем, как не отметить, что карнавальным и революционным является не только изображение общей обстановки, но и отношение автора к еврейским персонажам и к передаче их чувств и мыслей. Снова у писателя звучат ноты, какими характеризовались его первые еврейские произведения. В самом деле *Сапоги чистить*, *Арест Фишмана*, *Эпизоды* написаны в обычной для еврейских произведений Юшкевича манере: все переживания действующих лиц передаются в виде диалогов или монологов. Благодаря такому приему, границы между читателем и персонажами как будто сглаживаются, и судьба героев становится нашей судьбой. За несколько лет, даже за несколько месяцев Юшкевич перешел по отношению к еврейским мещанам от ненависти к теплой близости и жалости.

Юшкевич наделяет буржуазных еврейских персонажей широкой палитрой чувств. Они не только отвратительные люди, но и жалкие евреи, которые страдают и мало-помалу становятся чуткими к чужим страданиям. Если Сима Грессер в первом эпизоде представлен как равнодушный человек, который смотрит на то, что происходит на улице с высоты второго этажа своего особняка, то в конце романа он жалеет даже нападающих на него налетчиков: ко-

гда он узнает, что над трупом застреленного налетчика убивается молодая жена, он посылает ей деньги.

Снова, как в своих наиболее, на наш взгляд, удачных произведениях, Юшкевич подчеркивает и объясняет, что его персонажи страдают не как люди вообще или как представители пролетариата, а как евреи: *Русские, кого они боятся? – Они у себя. Большевики придут – свои люди. Что им революция? А мы, евреи, все от нее погибнем. Пока что, а евреи поплатятся*, – рассуждает вслух Сима Грессер[34]. Грессер и его друзья показаны в тех самых тонах благородства и страдания, в которых Юшкевич изображал своих давних героев из еврейской нищеты: *В кабинете Якобсона сидел гость, к которому Сима с радостью подошел, как только заметил его. Это был мыловар Кац Осип Семенович, общий друг, которого вся компания любила. Тут были еще Якобсон, Бера Борисовна, Хеллеш с женой*[35]. Все еврейские персонажи рассказов, относящихся к эпохе 1917 – 1920, за исключением Дудьки, оказываются жертвами революции, которая приняла форму страшной буффонады, а коммунизм – рай на Земле, оказался преддверием ада. Его олицетворяет товарищ Фрак – безобразный и сухой, как смерть, волосатый, как зверь, имеющий обыкновение сидеть у себя совершенно голым (*Эпизоды*). Как отмечает А.Кулишер, *трудно было бы придумать лучший символ для голого смертоносного хищничества, скрытого под фраком пустой социалистической фразы*[36]. Трагедия доброго коммуниста Чалика, который обещает Фишману спасти его от расстрела и понимает, что он не сможет сдержать свое слово, была и трагедией Юшкевича: *Куда мчится товарищ Чалик? Он не знает. Ведь он дал слово коммуниста, его обманули. Он бежит, бежит, оглядываясь, словно места не узнает* (Арест Фишмана[37]). В 1920 г. Юшкевич тоже не узнавал места, где он живет. Как еврей, он был в опасности, как писатель-демократ он понял, что его обманули.

С.С.Юшкевич с И.А.Буниным на пляже

В конце 1920 г. семья Юшкевича переходит румынскую границу – реку Днестр. В Кишиневе и в Бухаресте Юшкевич продолжает свою литературную деятельность и организует литературные вечера. По всей вероятности, в 1921 г. он был транзитом в Париже и от продажи нескольких этюдов Левитана, вывезенных из России, ему удалось собрать деньги, нужные для долгого и дорогого путешествия в Америку. В эмиграции жизнь Юшкевича хаотична, и восстановить ее в точности довольно трудно. Впрочем, она мало чем отличалась от участи других русско-еврейских эмигрантов. В своих *Портретах* П.Рысс рассказывает: *Судьба разбросала нас по лицу земли. Как странники блуждали мы повсюду, где можно раздобыть кусок хлеба. Блуждал и Семен Юшкевич. Жил в Румынии, жил в Германии, ездил в Америку, основался в Париже*[38].

В Америке Юшкевичи оставались недолго – месяца четыре. Узнав, что в Нью-Йорке идут его пьесы *Повесть о господине Сонькине*, *Человек Воздуха*, *Мендель Спивак*, причем без его ведома и согласия, Юшкевич в начале 1926 г. второй раз отправится в Америку. Как пишет А.Левинсон, с пьес, идущих в Америке, Юшкевич не получал гонораров, хотя все его спектакли пользовались большим успехом[39]. Но и это второе пребывание в Нью-Йорке долго не продолжалось. О.Дымов сообщает А.Вознесенскому: *Был здесь в Нью-Йорке Юшкевич дважды, оба раза без успеха. Но кое-что он заработал*[40]. В Америке одесский писатель не прижился, не обосновался.

К чему стремился Юшкевич в Америке, чего он искал? По всей вероятности, главной мотивировкой его двух поездок в Нью-Йорк оказывались денежные трудности, которые очень беспокоили Юшкевича. Об этом говорят свидетели последних дней одесского писателя в эмиграции – Б.Зайцев[41], П.Рысс[42]. *Иногда он прилично зарабатывал и жил относительно спокойно несколько месяцев. Другой раз нуждался, страдал за семью, беспокоился за будущее детей.* Его пьесы идут по всей Европе – в Австрии, в Италии и в Германии, но доходы они ему приносят слабые.

Редкие статьи из западной прессы позволяют нам представить себе, как публика в Берлине, в Париже или в Милане встретила пьесы Юшкевича. Критики *Prager Press* (Прага)[43] и *Neue Freie Press* (Вена)[44] считают Юшкевича еврейским писателем и по поводу спектакля *Sonkin und der Hauptreffer* (*Повесть о господине Сонькине*) отзываются с большой похвалой[45]. В персонаже Сонькине, в его наивной щедрости и неспособности примириться с жестокой действительностью журналисты усматривают достоверную иллюстрацию судьбы еврейского народа. *Повесть о господине Сонькине*, которая,

как сообщает австрийский журналист, идет в Нью-Йорке с большим успехом, дает оригинальное освещение обиходной жизни простых евреев. Если пьесе *Повесть о господине Сонькине* критики газет аргентинской *Nacione*[46] и норвежской *Siduu Icgu*[47] тоже дают похвальный отзыв, то газета *Neue Freie Press* (Вена)[48] безапелляционно осуждает еврейского писателя за его *еврейские и антисемитские* (по мнению газеты) *пьесы из еврейского гетто* (*Комедия брака* и *Деньги*[49]).

Восхваляя талант Юшкевича и его способность проникать в глубь человеческой души, швейцарская газета *Der Bund* узнает в русском писателе достойного последователя русской литературы вообще и Достоевского в частности[50]. Несмотря на неспособность охарактеризовать и правильно оценить языковые странности пьесы Юшкевича *В городе* и несмотря на то, что действие происходит в еврейской среде, все, без исключения, критики итальянских газет считают одесского писателя русским[51]. В короткой статье биографического характера французский критик Л.Сэнт-Пьер говорит о *Леоне Дрее* и *Эпизодах* как о двух достоверных и ценных документах о бедствиях русского народа во время революции[52]. Ясно по этим отзывам, что иностранные критики не понимали или не оценивали как следует произведения Юшкевича.

В надежде обеспечить свою семью Юшкевич создает в Париже Русский театр. Он сам ставит спектакли, но его надежды и усилия оказываются тщетными. После нескольких представлений специально написанной для Русского театра одноактной пьесы *Домик сумасшедшего* театр закрывает свои двери. Дело прогорело. В промежутке между двумя поездками в Америку 1921 и 1926 гг. Юшкевич живет во Франции. Вся семья проводит лето на маленьком курорте Мер-ле-Бен. В 1921 г. Юшкевич пишет ностальгический рассказ *У Днестра*.

Как известно, в 1920–1924 гг. экономическая ситуация в Германии способствует активной деятельности русских книгоиздательств. В 1922 г. Юшкевич приезжает в Берлин. Он принимает участие в разных литературных кружках. Немецкий период Юшкевича длится всего полтора года. В связи с крахом русских издательств в Берлине и грозным ростом антисемитизма Юшкевич со всей семьей переселяется в Париж навсегда.

Юшкевич проводит летние каникулы на юге Франции в Жуан-ле-Пене в компании русских эмигрантов. Он часто встречается с Б.Зайцевым, И.Буниным, П.Рыссом и другими видными деятелями русского Парижа. Рассказы С.Юшкевича печатаются в *Современных*

записках, на страницах *Последних Новостей*. Юшкевич принимает участие в жизни *Иллюстрированной России*.

Друзья писателя беспокоятся за него: Юшкевича все чаще охватывают глубокие кризисы пессимизма и отчаяния. Б.Зайцев рассказывает: *Одной стороны раньше я в нем не знал или, может быть, на чужбине она сильнее выступала – это общая горечь, безнадежность. Сыграло ли тут роль изгнанничество? Надвигающаяся болезнь? За шумностью, нервностью и иногда за смехом Юшкевича в Париже, в Жуан-Ле-Пене всюду ясно чувствовался хриплый рог*[53]. Юшкевич тяготится оторванностью от родины. Незадолго до смерти он, глубоко вздохнув, признается: *Если бы вы знали, как я тоскую по России*[54].

Анализ рассказов Юшкевича 1921–1927 гг. (*У Днестра*, *Краткая история*, *Американка* и *Домик сумасшедшего*[55]) поможет нам воссоздать жизнь писателя за границей.

Песковский – главный персонаж рассказа *У Днестра* – решил перейти границу – реку Днестр и навсегда покинуть Россию. Он остановился на ночь в маленьком еврейском местечке, в скромной, но опрятной гостинице, которую держат калека Ривка и ее муж, уродливый горбун Мойше. В рассказе нет событий. Весь интерес текста перенесен в сферу чувств Песковского, когда он разговаривает с хозяевами гостиницы или бесцельно бродит по местечку. От мучительного сознания, что он расстанется навсегда с тем, чем он больше всего дорожит на свете, Песковский смотрит на еврейскую деревню и на ее жителей взглядом обреченного на смерть. Завтра, если его не убьют, он будет на том берегу реки, он скажет прощай всему прошлому, друзьям и родным.

Жизни еврейских эмигрантов посвящены три коротких рассказа: *Краткая история*, *Американка* и *Домик сумасшедшего*.

На палубе парохода, курсирующего между Америкой и Европой, мистер Джейкоб Броун – в России он назывался Янкелем Бронштейном – вспоминает свою жизнь в Америке, куда он приехал 28 лет тому назад из России. В форме исповеди Джейкоб Броун рассказывает еврейскому пассажиру Марку Лебедеву о том, как он трудился, чтобы продвинуться в американском обществе, об ударах судьбы, которая его не пожалела, о смерти жены и детей. Он все потерял: богатство, семью, родину. Теперь он никто, и возвращается в Европу, сам не зная почему.

Бродвей, небоскребы, машины, девицы в коротких до колен юбочках, джентльмены, рабочие в касках, два раввина в цилиндрах – рассказ *Американка* открывается удивительным описанием еврейского Нью-Йорка. Эрец Исроэль находится здесь, в Америке, кото-

рую еврейский менеджер мистер Аскар Берн (в России он был Бернштейном) ласково переименовал в Америчку. Берну не хватает слов, чтобы восхвалить экономическую организацию США, при которой каждый может стать богатым. Рассказ *Америчка* дышит верой в будущее и тоской по давнему русскому еврейству, которого уже больше не существует.

И в первый раз во всем своем творчестве Юшкевич посвящает целые страницы описанию пейзажа и определению места еврея в этом пейзаже. На нью-йоркской улице среди небоскребов все внимание рассказчика сосредоточено на евреях, в которых он с трудом распознает своих соплеменников. По своей наружности они почти ничем не отличаются от других эмигрантов, они носят американские фамилии и, наподобие Аскара Берна или Джейкоба Броуна, уже отучились говорить по-русски и отделались от всего того, что их связывало с русско-еврейской культурой.

Глубокой тоской овеян последний рассказ Юшкевича *Домик сумасшедшего.* В парижском кафе на Монмартре сидят два николаевца – Шмирер и Натансон. Оживленная улица, разукрашенные витрины магазинов, элегантные француженки и крики торговцев овощами и фруктами – ничто не привлекает внимания двух еврейских эмигрантов. Они погружены в свои воспоминания о России, по которой, несмотря на свою зажиточную и безопасную жизнь во Франции, мучительно тоскуют. Впрочем, тоскует не сам Шмирер, а сумасшедший, который обитает в его голове и которого нельзя уговорить, что здесь, во Франции, лучше, чем там, в России.

По своему сюжету все эти рассказы – исповеди, в которых главное место отводится прямой речи персонажей.

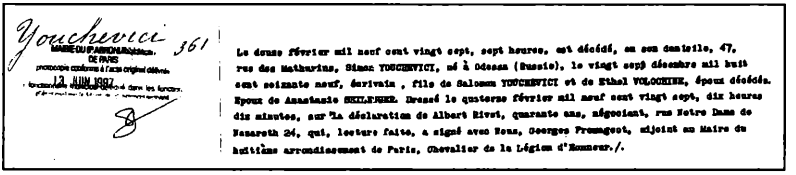
Совсем иным является пейзаж в самом широком смысле этого слова в рассказах *У Днестра* и *Домик сумасшедшего*. Раньше Песковский (*У Днестра*) радовался и даже гордился, когда в нем не узнавали еврея. Но, входя в местечко, он вдруг понимает свою ошибку: он еврей, он часть еврейского мира: *Песковский от дикого, веселого шума, от вида детишек, неожиданно выросших у ворот серепьких домов, от мужиков и евреев, встретивших любопытным взглядом, вдруг почувствовал, что сердце его отогревается после пережитых в дороге ужасов*[56]. Прежде чем покинуть еврейское местечко, Песковский жадно вбирает в себя запах капусты и селедки, звуки голосов, красоту известных и неизвестных лиц, которую он открывает даже в калеке Ривке и в горбуне Мойше. Наконец он может признаться с радостью и гордостью, что он еврей, наконец он больше не стыдится еврейского языка: *Я еврей, – сказал он*

по-еврейски с сильно русским акцентом, – и мне будет приятно, если вы будете говорить со мной по-еврейски[57].

Еврейский язык, запахи капусты и соленых огурцов, известные лица – таковы главные элементы, составляющие пейзаж николаевской улицы, на которую мысленно переносятся Натансон и Шмирер. Конечно, то, чего им не хватает здесь, в Париже, кажется совсем ничтожным, но оно составляло суть и сущность каждодневной жизни их прошлого, с которым до сих пор им не удалось порвать: *Чего же тебе нужно, Шмирер? Понимаете вы меня – Николаева, чтобы черт меня взял! И чтобы жена моя на базар ходила и все новости николаевские утром за чаем мне рассказывала. Вы думаете, Натансон, что жена здесь на базар не ходила? Ходила, но непохоже и никакого вкуса. Но что из того, что, когда войдете ко мне, вас ударит этим еврейским николаевским запахом фаршированной рыбы, перца? Еще хуже, понимаете вы меня, сумасшедший в домике бунтует. Где синагога башмачников? Здесь тоже есть синагога, но ничего подобного, не тот вкус*[58]. В конце рассказа Шмирер представляет себя в своем милом Николаеве, который ему кажется более реальным, нежели парижская улица.

Все рассказы, относящиеся к жизни в эмиграции, характеризуются небывалым в прозе Юшкевича спокойным ритмом. Своим ровным течением и богатством лексических элементов целые отрывки составляют широкую и живую картину действительности. Однако той жизни, которой дышат страницы рассказов, скоро уже не будет (*У Днестра*), или уже нет (*Домик сумасшедшего*), или она кажется чужой (*Американка*). В конце концов ничто не определяет лучше ситуацию персонажей, как нейтральная обстановка палубы парохода в открытом море (*Краткая история*).

В рассказах Юшкевича эмигрантской эпохи, в отличие и от русских, и от еврейских произведений с социально-революционным содержанием, рассказчик ничего не объясняет и не комментирует. Ничего в обстановке и в переживаниях персонажей *У Днестра* и *Домика сумасшедшего* не подлежит объяснению, ибо они относятся к общей тихой драме, которую одинаково переживают персонажи и сам Юшкевич. Все эти рассказы носят такой очевидный биографический характер, что трудно не усматривать в судьбе персонажей судьбу самого Юшкевича, трудно не слышать в их речах отклики на то, что переживал сам одесский писатель. Характерна с этой точки зрения позиция рассказчика в *Американке*. Он – скромный свидетель, который обрамляет речь главного персонажа короткими замечаниями. Он остается в стороне от наблюдаемой им американской действительности, в которой прижиться не может. Может быть, мы

Le douze février mil neuf cent vingt sept, sept heures, est décédé, en son domicile, 47, rue des Mathurins, Simon TOUCHEVITCH, né à Odessa (Russie), le vingt sept décembre mil huit cent soixante neuf, écrivain, fils de Salomon TOUCHEVITCH et de Ethel VOLOCHINE, époux décédés. Epoux de Anastasie SEILENGER. Dressé le quatorze février mil neuf cent vingt sept, dix heures dix minutes, sur la déclaration de Albert Rivet, quarante ans, négociant, rue Notre Dame de Nazareth 24, qui, lecture faite, a signé avec Nous, Georges Promayet, adjoint au Maire du huitième arrondissement de Paris, Chevalier de la Légion d'Honneur./.

Официальный акт о смерти С.С.Юшкевича
(12 февраля 1927 г., в 7 час. скончался в собственном доме по ул. Матюрен, 47, Симон Юшкевич, родившийся в Одессе 27 декабря 1869 г., писатель, сын покойных Соломона Юшкевича и Этель Волошиной, муж Анастасии Зейленгер. Акт составлен 14 февраля 1927 г. в 10 час. 10 мин. согласно заявления Альбера Риве, 40 лет, торговца, проживающего по ул. Нотр-Дам де Назарет, 24, который, ознакомившись с актом, подписал его вместе с Нами, Жоржем Фромажо, помощником мэра 8-го арондисмана Парижа, кавалера Почетного легиона)

находим тут ответ на вопрос, почему Юшкевич не устроился в Америке. Наверно, две поездки туда были мотивированы не только поисками выхода из материальных трудностей, но и желанием вновь окунуться в еврейскую среду, далеко от которой он писать не мог. Несмотря на нежность, которую своей звуковой и грамматической оригинальностью обнаруживает слово *Америчка*, Юшкевич-рассказчик смотрит на американскую действительность, в частности и на зарубежную вообще, со стороны, а не изнутри.

Зато в других рассказах – *У Днестра*, *Домик сумасшедшего*, *Краткая история* – голоса рассказчиков и персонажей полностью сливаются. В этих произведениях герои – обыкновенные люди. Они принадлежат к большой семье персонажей еврейских произведений Юшкевича. В их речи звучат знакомые ноты. Таковы, например, вопросы, которые задает проститутка в повести *Улица* (1911) и старый Гланк в пьесе *В городе*. Юшкевич через своих персонажей открыто выражает свою любовь к еврейскому народу. В этом отношении рассказ *У Днестра* оказывается одним из сильнейших и трогательнейших произведений одесского писателя. *И как хорошо, что я наконец почувствовал себя евреем. Я еврей! – громко закричал Песковский*[59]. Последняя фраза в рассказе *У Днестра* звучит как искреннее жизненно необходимое желание примириться с еврейским миром во всем его разнообразии, но, и это самое главное, – во всем его единстве. *Еврей, значит ты такой же, как я, – словно говорила Ривка, – и, следовательно, мы равны, хотя ты и богач и барин, а я простая деревенская женщина*[60]. Но даже осознание такого единства лишено всякого энтузиазма. Персонажи эмигрантских

рассказов бродят как тени в неизвестном им мире. *Понимаете вы меня? – спросил Шмирер, странно оглядываясь, точно не узнавая, где он, а может быть, удивляясь тому, что он здесь, в Париже*[61]. Наверно, и сам Юшкевич удивлялся своему присутствию во Франции и в Америке и гулял по улице с сумасшедшим в голове, который стремился туда, на русскую улицу с синагогой, далеко от которой он был никто и ничто.

На похоронах Юшкевича перед толпой, собравшейся 15 февраля на парижском кладбище Баньё, П.Милюков утверждал, что автор *Короля* – русский писатель, поскольку он употребляет русский язык[62]. Но язык имеет только второстепенное значение в определении национального характера литературы. Тут решающую роль играет то, что Ш.Маркиш определяет взглядом писателя: *Каким бы ни было отношение к материалу, взгляд писателя – восторженный, скептический, даже откровенно ненавидящий, – это всегда взгляд изнутри, и тут основное отличие русско-еврейского писателя от русского, обратившегося к еврейскому сюжету*[63].

В проанализированных выше рассказах густой толпой проходят перед нами жалкие существа, задавленные жизнью и историческими обстоятельствами. Все герои, за исключением, конечно, персонажей русских произведений, – невинные жертвы погромов и антисемитских преследований, все они обречены на бегство и на вечное скитание по неизвестному и страшному миру. И если в изображении Грессера (*Эпизоды*) еще звучат ноты гротеска, доставшиеся по наследству от *Дудьки*, *Леона Дрея* и комедий нравов, то все остальные персонажи рассказов *Арест Фишмана*, *Краткая история*, *У Днестра*, *Домик сумасшедшего* показаны в тех самых тонах благородства и сострадания, в которых Юшкевич изображал героев своих первых еврейских рассказов. В своих последних произведениях Юшкевич – еврейский писатель. Кроме таких бесспорных критериев, как разработанные темы и позиция автора-рассказчика, следует учесть и присутствие гебраизмов и идишизмов, прием самому себе задаваемых вопросов и наличие таких языковых примет, как повтор слов и необычный их порядок для чистого русского языка. Все это показывает, что Юшкевич был и оставался национальным еврейским писателем, даже когда он жил во Франции или в Германии. Лучшим примером всего этого является речь Шмирера *Домик сумасшедшего*, в котором, по словам многих близких, Юшкевич описал самого себя: *Понимаете вы меня, например, человеческая голова. Что такое человеческая голова? – Домик сумасшедшего, просто домик сумасшедшего, между нами говоря. А? Как вы думаете? Натансон, скажите, чем мне плохо.*

Чего хочет сумасшедший, что сидит в мой голове?[64]. Как тут не вспомнить слова Ш.Аша, который тоже, выступая с речью на похоронах Юшкевича, заявил, что Юшкевич еврейский писатель и что он пишет по-еврейски[65].

Анализ произведений Юшкевича 1917–1927 гг. показывает не только то, что одесский писатель в основном был и оставался еврейским писателем, но и что лучшие его рассказы – именно из еврейской жизни. Французским писателем он, несомненно, никогда не являлся. Русские же его произведения банальны и малоинтересны. Надо их воспринимать как ошибки и неудачные попытки подвизаться в неизвестных Юшкевичу литературно-философских областях.

Из всех писателей и журналистов, написавших некрологи Юшкевича, самые точные и меткие замечания сделал Б.Зайцев: *Да, Юшкевич был писатель региональный. Лучшее в его писании связано именно с русским югом, с Одессой*[66]. Юшкевич тяжело переносил изгнание именно потому, что он был из Одессы, из ее еврейского мира, который в известной Юшкевичу форме уже исчез. Острым ощущением такого трагического исчезновения нередко делился Юшкевич со своими друзьями Б.Зайцевым и И.А.Буниным: *Вам хорошо, вы рождены Москвой, а я Одессой*[67].

В *Книге о русском еврействе* мы находим следующую оценку: *В эмиграции они – С.Юшкевич и О.Дымов – писали сравнительно мало, и написанное по художественным качествам уступало старым их произведениям*[68]. Мы, наоборот, считаем, что *Арест Фишмана, Эпизоды, У Днестра, Домик сумасшедшего* представляют несомненный интерес не только как исторические документы, но и как произведения художественной литературы.

Уже в 1927 г. имя Юшкевича, несмотря на всю его дореволюционную славу, больше ничего не значило для русского читателя. В *Правде* от 15 февраля 1927 г. А.Лежнев утверждал с явным злорадством: *Умер в Париже С.Юшкевич. Нынешнему читателю, особенно из молодых, это имя не скажет много. Юшкевич жил в последние годы за пределами СССР как эмигрант и оказался вычеркнутым, выброшенным из жизни советской литературы*[69]. В 1976 г. советский журналист В.Швейцер причислял Юшкевича к политическим изменникам, заслуживающим только равнодушия и пренебрежения: *Его печатал Горький, ставил на сцене Станиславский. Теперь почти никто уже его не помнит. С.Юшкевич перестал быть, он затерялся на чужбине, его забыли*[70].

Причины забвения Юшкевича разные. Но то, что забыты рассказы последнего десятилетия его литературной карьеры, как и забыт и Юшкевич в целом, – крайне несправедливо.

[1] *Левитина В.* И евреи моя кровь. Москва, 1991.

[2] *Маркиш Ш.* Любовь и эротика в русской литературе XX века // Труды Лозанского коллоквиума. Изд. Slavica Helvetica, 1992. С.73–82.

[3] *Czerny B.* Un écrivain juif dans la littérature russe : S.Juskevic : Les premières oeuvres. Doctorat d'Etat. Paris-Sorbonne, 1999.

[4] *Маркиш Ш.* Пример Василия Гроссмана. Библиотека-Алия, 1985. С.347.

[5] *Вальтер Л.* Послесловие о С.Юшкевиче // Новый пророк. Книгоиздательство «Универсальная библиотека», 1920.

[6] *Юшкевич С.* Вышла из круга, Страсти, Ночная бабочка, Алгебра, Автомобиль. Берлин: Изд. З.И.Гржебина, 1922; Семь дней // Посмертные произведения Юшкевича: [Семь дней, Любовь, У Днестра, Краткая история, Американка, Домик сумасшедшего, Еврейское счастье, Мадам Розалия Гнесин, Семейство Зайцев, Сапоги чистить, В Берлине]. Париж, 1927.

[7] *Он же.* Ночная бабочка. С.181.

[8] *Он же.* Алгебра. С.190.

[9] *Он же.* Ночная бабочка. С.166.

[10] *Вальтер Л.* Указ. соч. С.89.

[11] *Юшкевич С.* Семь дней. С.135.

[12] *Он же.* Алгебра. С.194.

[13] *Ходасевич Вл.* С.Юшкевич // Семен Юшкевич. Посмертные произведения. Париж, 1927. С.77.

[14] *В.Левитина.* Указ. соч. С.187.

[15] Трудовой Дон. 1923, 21 февраля. С.5.

[16] *Л.Вальтер.* Указ. соч. С.81.

[17] *П.Нилус.* Краткая повесть о жизни С.Юшкевича // *Семен Юшкевич.* Посмертные произведения. С.28.

[18] *Левитина В.* Указ. соч. С.334.

[19] *Юшкевич С.* Дудька. Берлин: Грани, 1922.

[20] *Юшкевич С.* Вышла из круга...

[21] *Он же.* Эпизоды. Берлин: Гамаюн, 1922.

[22] *Он же.* Арест Фишмана // Иллюстрированная Россия. 1927. 19 февр. С.1–8.

[23] *Он же.* Дудька. С.5.

[24] *Нилус П.* Указ. соч. С.30.

[25] *Кулишер А.* Эпизоды // Звено. 1923, 3 сент. С.2–3.

[26] *Юшкевич С.* Арест Фишмана. С.8.

[27] *Он же.* Эпизоды. С.84.

[28] *Левитина В.* Указ. соч. С.334.

[29] *Юшкевич С.* Письмо М.Горькому от 19 окт. 1922 // Архив Горького. АГ КГ-П 90 18 8.

[30] *Юшкевич С.* Дудька. С.6.

[31] *Он же.* Эпизоды. С.39.

[32] *Бахрах Б.Л.* С.Юшкевич, Эпизоды // Воля России. 1923. №11. С.89.

[33] *Левитина В.* Указ. соч. С.324.

[34] *Юшкевич С.* Эпизоды. С.9.

[35] Там же. С.97.

[36] *Кулишер А.* Указ. соч. С.3.

[37] *Юшкевич С.* Арест Фишмана. С.8.

[38] *Рысс П.* С.Юшкевич // Портреты. Париж, 1928. Без паг.

[39] К смерти Юшкевича // Возрождение. 1927, 15 февр. С.2.

[40] *Дымов О.* Письмо А.Вознесенскому, 2 февр. 1927 // РГАЛИ. Ф.2247. Оп.1. Д.33. Л.10.

[41] *Зайцев Б.* Некролог Юшкевича // Современные записки. 1927. №31. С.391–394.

[42] *Рысс П.* Указ соч.

[43] Sonkin und der Haupt Treffer // Prager Press. 1927, 17.02. Collection de la bibliothèque de l'Arsenal (Paris). – Далее СВА.

[44] Sonkin und der Haupt Treffer // Neue Freie Press (Wien). 1924. 12.08. СВА.

[45] В *Повести о господине Сонькине* (1916) ничего еврейского нет. Конторский служащий Сонькин мечтает стать богатым. Он покупает лотерейный билет и выигрывает двести тысяч. Став богатым, Сонькин раздает все свои деньги, на которые он смотрит, как на бесполезное бремя в своей жизни. Бедный человек не выдерживает нового своего положения и сходит с ума.

[46] La Storia Del Signor Sonia // Nacione (Buenos Aires) 1920, 3.02. СВА. collection de la bibliotheque de l'Arsenal Paris.

[47] Den Lukkelege Sonkin // Siduu Icgu (Oslo)/ 1925, 20.03. СВА.

[48] *K.Sfd.* Geld // Neue Freie Press (Wien). 1924, 14.12. СВА.

[49] *Деньги* и *Комедия брака* – комедии нравов, в которых Юшкевич намеревался показать всю пошлость и нелепость буржуазной семьи. Подтрунивая над жаждой накопления, присущей еврейским мещанам, он сосредоточил свои нападки на якобы родовых недостатках любого еврея.

[50] Die Tragedie des Grosen Loles // Der Bund (Bern). 1925, 24.06. СВА.

[51] *Paolieri Ferdinando.* I Tentacoli // Nazione (Firenze). 1924, 14–15.12.СВА; *F.M.M.* I Tentacoli // Tribuna (Roma). 1925, 6.01. СВА; *Gi.Mi.* I Tentacoli // Stempa (Torino) 1925, 2.04. СВА; *Vice.* La Storia Del Signor Sonia // Tribuna (Roma). 1925, 4.06. СВА; R.S La Storia Del Signor Sonia // Corriere Sera (Milano). 1925, 23.12. СВА; *Ferdinando Paolieri.* La Storia Del Signor Sonia // Nazione (Firenze). 1926, 4.12. СВА.

[52] *Laurent Saint Pierre.* Un romancier et dramaturge Russe, S.Youschkevitch // Le Gaulois. 1924, 29.02. СВА. По своей фабуле трехтомный *Леон Дрей* – плутовской роман и к Гражданской войне не имеет никакого отношения.

[53] *Зайцев Б.* Указ соч. С.391.

[54] Некролог Юшкевича // Иллюстрированная Россия. 1927, 19 февр. С.1.

[55] *Юшкевич С.* Вышла из круга…

[56] *Он же.* У Днестра. С.202.

[57] Там же. С.205.

[58] *Юшкевич С.* Домик сумасшедшего. С.230.

[59] *Он же.* У Днестра. С.213.

[60] Там же. С.204.

[61] *Юшкевич С.* Домик сумасшедшего. С.229.

[62] *Ст.Иванович.* С.Юшкевич и евреи // Семен Юшкевич. Посмертные произведения. С.97.

[63] *Маркиш Ш.* О русскоязычии и русскоязычных // Литературная газета. 1990. №50. С.4.

[64] *Юшкевич С.* Домик сумасшедшего. С.230.

[65] *Ст.Иванович.* Указ. соч.

[66] *Зайцев Б.* Указ. соч. С.394.

[67] Там же.

[68] Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. New York, 1960. С.437.

[69] *Лежнев А.* Некролог Юшкевича // Правда. 1927, 15 февр. С.3.

[70] *Швейцер В.* Юшкевич и его тень // Диалог с прошлым. М.: Искусство, 1976. С.124.

Неточкин салон (О салоне Анны Элькан)

Вадим Крейд (Нью-Йорк)

Историкам эмиграции русский Париж 20 – 30-х годов известен лучше, изучен ими подробнее, чем Париж послевоенный. Конечно, время расцвета, предвоенные десятилетия привлекают своим блеском больше, чем менее яркое послевоенное время. Юрий Терапиано, участник и вдумчивый наблюдатель этих обоих периодов зарубежной литературы, назвал сороковые–пятидесятые годы «смутным временем». Литература послевоенного Парижа заметно обеднела. На весь русский Париж имелся только один литературный журнал «Возрождение» – основанное в 1949 г. издание правого направления. Русская словесность во Франции к тому времени недосчитывала многих своих творческих участников. Перед началом войны умер Ходасевич. Во время войны – Мережковский, Милюков, П.Струве, Бурцев, Осоргин, Бальмонт, Ирина Кнорринг. В 1944 умер в Швейцарии Анатолий Штейгер. Сразу после войны – З.Гиппиус, в 1948 – Бердяев. Погибли от рук фашистов М.Горлин, Р.Блох, И.Британ, И.Фондаминский, Ю.Фельзен, Ю.Мандельштам, А.Кулишер, Б.Вильде, А.Скрябина. Многие литераторы после поражения Франции перебрались за океан: Алданов, Г.Федотов, Вишняк, Цетлин, Набоков и др. В 1949 г. уехал в Израиль Д.Кнут. Некоторые приняли советское гражданство и вернулись в СССР (Ладинский, Софиев и др.). Из послевоенной Европы велика была эмиграция в Америку. Париж уже не называли столицей русского Зарубежья. В бывшей «столице» оставалась теперь едва ли не одна треть литераторов старшего и младшего поколений, поэтов и прозаиков, философов и публицистов, критиков и видных журналистов, еще недавно определявших в совокупности лик блистательного русского Парижа. Говорили: Париж опустел.

И все же литературная жизнь начала возрождаться сразу после окончания войны. Уже в 1945 г. выходят книги парижских поэтов-эмигрантов «Сирко» (1945) Н.Туроверова, «Звезды в аду» (1946) В.Мамченко, «Somnium breve» (1948) С.Маковского. В 1949 г. вышли сборники стихов Довида Кнута, Юрия Одарченко, Николая

Станюковича. Были изданы посмертно книги Ирины Кнорринг и матери Марии. А о 1950-м можно говорить даже как о некотором расцвете: одновременно выходит несколько книг, которые остались в русской поэзии. Прежде всего это «Портрет без сходства» Г.Иванова, не выпускавшего своих сборников 13 лет. Затем – монументальный «Дневник в стихах» Н.Оцупа, «Роза и чума» А.Ладинского, «Воздушный змей» В.Корвина-Пиотровского; «Монолог» – первая книга Игоря Чиннова; сборники А.Шиманской и И.Одоевцевой. Кроме того, в 1950 г. вышли посмертно «Годы» Юрия Мандельштама и «Дважды два – четыре» Анатолия Штейгера.

Снова зарождалась кружковая жизнь, которая была столь интенсивной и обогащающей в годы между двумя мировыми войнами. На четверговых встречах у Бунина собиралось до 30 человек. С конца сороковых годов в более узком кругу были известны «литературные четверги» у Кирилла Померанцева, а по средам поэты встречались в тесной квартире у А.Гингера и А.Присмановой. Там бывали Г.Иванов, Одоевцева, Раевский, Софиев, Можайская, Адамович. Устраивала у себя на дому творческие вечера и поэтесса Тамара Величковская.

Но единственным литературным салоном в полном смысле этого слова были собрания у Анны Морисовны Элькан (? – 22 июня 1962), у Неточки (как ее называли друзья) в доме на улице Тильзит и авеню Ваграм. Ю.Терапиано, участник этих собраний, рассказывал о них много лет спустя: *«В послевоенном Париже литературная жизнь в среде оставшихся "довоенных парижан" как-то сама собой сосредоточилась в салоне Анны Морисовны Элькан, жившей когда-то в Петербурге и ставшей свидетельницей тамошней литературной жизни первых лет революции»*[1].

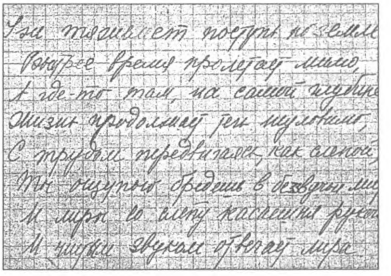
Слова о том, что все это вышло как-то само собой, в известной степени справедливы. Терапиано говорит о личности Элькан, о ее обаянии, энергии, богатой значительными встречами биографии. Но были и другие сопутствующие обстоятельства: просторная, например, квартира, удобно расположенная (неподалеку от знаменитой площади Звезды). Немаловажным фактором было и то, что в этой квартире снимал две комнаты С.К.Маковский, в прошлом редактор журнала «Аполлон», поэт, историк искусства, в будущем автор книги «На Парнасе серебряного века», да и сам – живая история того кратковременного, задушенного русского ренессанса. Маковский был председателем существовавшего до войны и теперь заново организованного Объединения писателей и журналистов[2], а Анна Элькан – секретарем. Так что неформальные собрания поэтов

у нее на квартире имели и организованное, формальное подспорье в виде названного Объединения. Маковский и Элькан знакомы были еще до эмиграции, в Петрограде.

Литературное объединение, кружок или салон, приобретают как бы второе дыхание, если собрания участников располагают еще и своим печатным изданием. Салон Элькан своего периодического издания не имел, зато был тесно связан с издательством «Рифма». Основанное в конце 1949 г., оно специализировалось на выпуске эмигрантских сборников стихов. За время своего существования «Рифма» выпустила примерно тридцать поэтических книжек, оформленных строго и со вкусом под наблюдением Маковского, председателя редколлегии «Рифмы». Секретарем издательства была выбрана Элькан. Первая книга вышла в феврале 1950 г. и с того времени, оставаясь хозяйкой салона и секретарем Объединения писателей и журналистов, она в качестве секретаря участвовала в подготовке к изданию поэтических книг Г.Иванова, Штейгера, Набокова, Булич, Ю.Трубецкого, Одоевцевой, Ладинского, И.Чиннова, Яссен, Андреева, Мамченко, Терапиано, Г.Раевского, Червинской, Т.Величковской, двух книг самого Маковского и др.

Работа в издательстве, взыскательном в отношении художественного оформления книги, не была для Элькан совершенно новым опытом. Еще в Петрограде она принимала участие в издательских делах своего мужа Б.В.Элькана. Бернард Веньяминович, пылкий коллекционер-энтузиаст, основал совместно с другим коллекционером, несравненным знатоком книжной графики Ф.Ф.Нотгафтом издательство «Аквилон». Издательство было задумано оригинально.

Портрет Анны Элькан и ее надпись

Ведущую роль в нем играли оформители и иллюстраторы книг, причем в ту пору, когда в Петрограде еще была жива и активна целая плеяда выдающихся художников-графиков – Добужинский, Бенуа, Конашевич и др. Художник, как правило, сам выбирал классическое произведение – например, Карамзина, Пушкина, Достоевского или Фета – и создавал цикл иллюстраций. «Аквилон» существовал в годы нэпа, возникнув в самом его начале, в 1921 г. *«Появление "Аквилона" тогда радовало как культура книги и любовь к ней»*, – писала Элькан[3]. Изящество этих книг, иллюстрации выдающихся мастеров, общий эстетический уровень, привлекавший внимание по контрасту с остальной книжной продукцией, сделали аквилоновские издания раритетами, предметом вожделения собирателей и ценителей художественной книги.

Круг художников, с которыми лично встречалась Элькан, был обширный. Она называла такие значительные имена, как Головин, Лансере, Сомов, Бенуа, Добужинский, Кустодиев, Анненков, Верейский, Митрохин, Конашевич. Многое она помнила о встречах и умела увлекательно рассказать, обладая прирожденными данными мемуариста – цепкой памятью, острой наблюдательностью и повествовательным даром.

Петербургские художники не были единственным кругом ее встреч. Еще в доме своего отца, статского советника Мориса Абельмана, придворного врача-окулиста, ей доводилось встречаться с людьми науки. Ее мать, Мария Вениаминовна Абельман (1875 – 8 февраля 1958) происходила из семьи баронов Гинцбургов. По словам одного из посетителей салона Элькан, Мария Вениаминовна *«была великим меломаном и не только любила музыку, но и знала лично большинство мировых знаменитостей»*[4]. Благодаря одному из таких знакомств, а именно дружбе с Шаляпиным, семье Элькан удалось эмигрировать в конце двадцатых годов, когда массовая эмиграция уже давно закончилась и бывали лишь единичные случаи отъезда на Запад. Мария Вениаминовна была страстной любительницей поэзии. Кроме русских поэтов, всю жизнь перечитывала Гете, а «Фауста» знала почти наизусть. В Париже она жила вместе с дочерью до своей смерти в возрасте 83 лет. *«Она осталась светлым образом не только во мне, но и в памяти всех ее знавших людей»*, – писал Кирилл Померанцев[5]. На поэтических собраниях в салоне Элькан она не присутствовала, но была знакома по-домашнему со многими, в особенности же с теми, кто засиживался допоздна, когда все другие уже разошлись по домам. Георгий Иванов, восхищавшийся ее душевной открытостью, врожденным тактом и пронесенной через всю долгую жизнь любовью к поэзии, посвятил ей стихо-

творение «Я в вашем доме гость случайный...». О ней вспоминал Кирилл Померанцев: *«Я никогда так не испытывал присутствие человека – не человека, состоявшего из тела и костей, но Человека, чьим духом создано все святое и великое на земле... В ее взгляде никогда не было упрека или осуждения: было желание понять, было стремление помочь, и всегда светилась любовь... С Марией Вениаминовной дружили многие известные люди... Но если ее любили и почитали, то и она любила всех, с кем ей только приходилось встречаться, без всякого различия национальности, ранга, титула и положения. Она любила лишь одно, чтобы человек был правдив»* [6].

Любовью к поэзии Элькан была обязана матери. Стихи она начала писать еще в Петербурге. Печаталась она мало и в поэзию вошла лишь несколькими стихотворениями в журнале Софии Прегель «Новоселье». О своих встречах с поэтами Элькан рассказала в мемуарном очерке «Дом Искусств». Судя по этому слишком сжато написанному очерку, ей довелось видеть и слышать, как читали свои стихи Блок, Кузмин, Гумилев, Ходасевич. Много раз встречала она Ахматову, а Гумилева, когда он жил в Доме Искусств, – почти ежедневно. Элькан сама назвала свои мемуары о Доме Искусств «беглыми строками» и закончила воспоминания словами: *«Люди и дни "Дома Искусств" далеко не исчерпаны этими беглыми строками, и к ним надо еще не раз возвращаться, дополняя свои воспоминания»*[7]. Дополнила ли она их? Достоверно об этом ничего не известно, однако при ее склонности к литературному труду, можно предположить, что к своим запискам о виденном и пережитом она действительно возвращалась. Мы не знаем, например, ни о содержании, ни о судьбе произведения «Плавки», о существовании которого известно лишь со слов Адамовича[8]. Писала она и газетные статьи на литературные темы. Одна из них – отклик в защиту своего старого петербургского знакомого, написанный вслед за появлением в «Гранях» разносного очерка Глеба Струве «Об Адамовиче-критике». Знакомство с Адамовичем – важная страница в биографии Элькан. Познакомились они, очевидно, в Доме Искусств, о чем не слишком отчетливо говорится в ее мемуарном очерке: *«Помню по Дому Искусств, на этом или другом вечере, Георгия Викторовича Адамовича. При нашем долголетнем знакомстве, позволю себе сказать, дружбе, впечатление от его личности в разные годы на протяжении жизни сливаются в нечто целое. Тогда уже вышла книга Георгия Викторовича "Чистилище", стихи его волновали особой простой выразительностью, каким-то заострением поэтического переживания; в его даре поражало сразу достигнутое мастерство... От него многого ждали и тогда уже порой*

ссылались на его высказывания, поражавшие умом и благожелательной проницательностью»[9].

«Чистилище» Г.Адамовича вышло в 1922 г. К тому времени Элькан уже сама писала стихи. О том, как в парке, быть может, в Летнем саду, в петроградской «легкой тишине» она впервые почувствовала прикосновенье музы, Элькан писала через много лет в Париже:

Небо розовеет над Сенатом,
Холодно, в тумане фонари,
Сани на мосту скрипят покатом,
Светит снег на крышах до зари.
.....
Жесткий гравий и скамейку сада,
Где когда-то в легкой тишине,
В первый раз с глубокою отрадой
Заглянула муза в душу мне.

В этом ностальгическом стихотворении переплетаются реалии двух городов, Петербурга и Парижа, в которых прошла жизнь Элькан:

Вечер, даль над Сеной розовеет,
В темном небе вспыхнул огонек,
Высоко стальная птица реет,
Держит путь на северо-восток.

Это и еще два ее стихотворения были напечатаны в журнале «Новоселье» в 1949 – 1950 гг. Стихи четкие, свидетельствующие о вкусе и начитанности, дилетантскими их не назовешь. Вряд ли окружающие воспринимали ее как поэта. Но есть интересное свидетельство, противоречащее этому восприятию. В 1948 г. Александр Гингер завел альбом, в который посетители его домашних литературных вечеров записывали свои стихи. Число посетителей каждый раз было невелико, но в течение времени общее их число было около пятидесяти. Все поэты оставили записи в альбоме Гингера. Выборочный перечень этих имен может дать представление о круге знакомств Элькан, о том круге, в котором протекала ее жизнь в послевоенном Париже: И.Бунин, Маковский, Смоленский, Ладинский, Корвин-Пиотровский, Померанцев, Чиннов, Ю.Терапиано, Г.Адамович, А.Горская, Т.Величковская, О.Можайская, В.Мамченко, Г.Раевский, П.Ставров, жена Гингера поэтесса Анна Присманова, блестящий и очень субъективный критик Эммануил Райс; сестра погибшего от рук нацистов Ю.Мандельштама поэтесса Татьяна Штильман; ближайший друг Поплавского, много о нем писавший

переводчик и поэт Н.Татищев, и еще Довид Кнут, Борис Закович, Николай Оцуп, Леонид Ганский, Александр Браславский (издавший до войны три сборника, первый из них под псевдонимом Булкин); Перикл Ставров; Николай Оболенский, напечатавший как раз в то время свои стихи в первой послевоенной антологии «Эстафета».

А.Элькан, как и все вышеназванные, оставила в альбоме Гингера свои стихи – то шуточные, то лирические. Ранее это ее стихотворение, насколько известно, не печаталось:

Уж тяжелеет поступь по земле,
Быстрее время пролетает мимо,
А где-то там, на самой глубине,
Жизнь продолжает течь неуловимо.
С трудом передвигаясь, как слепой,
Ты ощупью бредешь в беззвучье мира,
И лиры сослепу касаешься рукой,
И чистым звуком отвечает лира[10].

Большинство, если не все поэты альбома Гингера бывали или побывали в салоне Элькан, но на основании проверенных фактов можно говорить как о действительных участниках только о Маковском, Адамовиче, Г.Иванове, Одоевцевой, Терапиано, Померанцеве, Г.Раевском, Гингере, Присмановой, Корвин-Пиотровском, Оцупе, П.Ставрове, Ю.Бек-Софиеве, Ладинском, Смоленском. Бывала на улице Тильзит София Прегель, переехавшая из Нью-Йорка в Париж в 1948 г. Побывала в салоне жившая с 1923 г. в Нью-Йорке поэтесса Ирина Яссен, приезжавшая летом 1949 г. по делам основанного ею издательства «Рифма». И еще посетитель – журналист, критик и один из замечательных мемуаристов зарубежья Александр Бахрах. Посещала встречи на улице Тильзит также Л.Е.Руманова, жена Аркадия Вениаминовича Руманова, одного из известнейших в дореволюционной России журналистов.

Многим из собиравшихся в салоне выпала тяжелая участь в военные годы. Этот опыт на грани жизни и смерти, острая память о нем, еще не приглушенная длительностью времени, должны быть приняты во внимание, чтобы понять психологию бывавших у Элькан на улице Тильзит. Корвин-Пиотровский участвовал в движении Сопротивления, был арестован, сидел в нацистской тюрьме в камере смертников. Участником движения Сопротивления были Померанцев и Оцуп, причем последний полтора года отсидел в итальянской тюрьме; бежал, был пойман, отправлен в концлагерь, совершил новый побег. Адамович, уже очень немолодым человеком, вступил добровольцем во французскую армию. Гингер во время

войны оставался в Париже. Четыре раза его приходили арестовывать, чтобы депортировать в Германию, и было подлинным чудом, что он уцелел в годы нацистской оккупации.

Хозяйка салона тоже имела за своими плечами длительный опыт жизни на краю гибели. В апреле 1944 г. она была схвачена французскими жандармами и отправлена в ниццскую тюрьму, а оттуда в лагерь, о котором через года два после освобождения писала: *«...Толпа людей... На всех одно клеймо – желтая звезда. Мы в лагере Дранси – преддверии того ада, который был создан нацистской Германией... Прямой путь к смерти: депортация. Это пронзает, как молния... Все наши усилия должны быть теперь направлены на одно: остаться в Дранси. Это возможно в самых редких случаях... Мы с дочерью сразу решили встать на путь борьбы и отрицания. Наш славянский тип будет первой защитой, в остальном вверимся судьбе... Депортации в Аушвиц... не меньше двух в месяц. Эшелон состоит из 1200 – 1500 человек... Депортации для Дранси – это то же, что печи для Аушвица»*[11].

Так в напряжении, унижении, страхе, глядя в лицо смерти несколько месяцев, она жила в преддверии ада до освобождения в 1944 г.

Не было в истории другого такого литературного салона, участники которого прошли бы через столь жестокие испытания.

Встречались «раза два в месяц за чайным столом», по словам К.Померанцева[12]. Согласно же воспоминаниям Терапиано, *«квартира А.М.Элькан в послеобеденное время и особенно по вечерам почти всегда была полна литераторов»*[13]. В возникавших в гостиной (по словам Терапиано – «в столовой») беседах ведущая роль принадлежала Маковскому. Говоря о том, сколь часты бывали встречи в «Тильзите», как в обиходе называли салон, по-видимому, более точен Померанцев, а не Терапиано. Кроме неформальных встреч за большим круглым столом, в той же гостиной проходили и вполне формальные заседания Объединения писателей и журналистов. Полтора года (с конца 1950 до середины 1952) председателем Объединения был Адамович. Когда Адамович, живший в то время то в Манчестере, то в Ницце и бывавший в Париже наездами, 7 июня сложил с себя полномочия председателя, было избрано новое правление (председатель – Терапиано, секретарь – Элькан и казначей – Бахрах).

На неформальных встречах в «Тильзите» поэты читали стихи, обсуждали их, велись беседы на литературные темы. Устраивались и тематические вечера с докладами. *«У Неточки я читал доклад о "русской душе", что накануне читал у масонов»*, – писал 25 апреля 1952 г. Адамович Бахраху[14]. В феврале 1953 читал о Гумилеве свой

доклад Николай Оцуп. В марте 1952 г. Элькан хлопотала об устройстве вечера, посвященного столетию со дня смерти Гоголя.

При участии Элькан Объединение пыталось создать свой журнал – попытка кончилась неудачей: собрано было всего около тысячи франков. Элькан находилась в центре всей этой порой успешной, порой безрезультатной деятельности. Благодаря ее личному обаянию на встречах установилась та дружественная атмосфера, которая притягивала к себе «весь» русский литературный Париж конца сороковых – начала пятидесятых годов. Порой проявлялась в ней и какая-то наивная импульсивность, которую вышучивал в своих письмах Адамович. *«У Веры Николаевны, – пишет он Бахраху, – был траурный прием* (по случаю годовщины со дня смерти Бунина. *– В. К.); Неточка заявила, что она в Ницце не боялась немцев, когда вспоминала, что где-то недалеко Иван Алексеевич»*[15]. Но дружеские отношения с Эльканшей, как называл ее Адамович, не прекращались до ее смерти. Всякий раз, приезжая из Манчестера в Париж, Адамович навещал ее и узнавал от нее новости русско-парижского литературного быта.

Литературное наследие, которое Элькан оставила после себя, весьма скромное. Количество выявленных ее стихотворений столь мало, что причислять ее к поэтам русского Зарубежья было бы неосмотрительно. Но и в тех немногих стихотворениях, которые нам известны, просматриваются настроение и общая атмосфера эмигрантской послевоенной поэзии. Чуть более весомым оказался ее вклад в мемуаристику. Ее основной – и немалый – вклад в литературную жизнь русского Парижа остался за текстом. Она была лицом объединяющим. Без нее как создательницы литературного салона, без ее участия в Объединении писателей и журналистов, без ее деятельности в издательстве «Рифма» русский литературный Париж жил бы более разобщенным и нечто малое, но невосполнимое было бы утрачено в самом литературном процессе послевоенных лет.

---

[1] *Ю.Терапиано*. Литературная жизнь русского Парижа за полвека. Париж – Нью-Йорк, 1987. С.188.

[2] Впоследствии председателем «Объединения» стал Георгий Адамович.

[3] *Анна Элькан*. Дом Искусств // Мосты. 1960. №5. С.298.

[4] *Кирилл Померанцев*. Сквозь смерть. Воспоминания. Лондон: OPI, 1986. С.87.

[5] Там же. С.86.

[6] Русская мысль. 18 февраля 1958.

[7] Мосты. 1960. №5. С.298.

[8] Минувшее. 1997. №5. С.408.

[9] Мосты. 1960. №5. С.296–297.

[10] Печатается по автографу.

[11] *А.Элькан*. Дранси – лагерь во Франции // Новоселье. 1947. №33–34. С.122–123.

[12] *К.Померанцев*. Указ. соч. С.86.

[13] *Ю.Терапиано*. Указ. соч. С.189.

[14] Новый Журнал. 1999. №217. С.47.

[15] Неопубликованное письмо Адамовича от 14 ноября 1954 г.; хранится в Бахметевском архиве (Нью-Йорк).

«На листик лавра я имею право…»
(Об Анне Присмановой; 1892 – 1960)

Юрий Колкер (Лондон)

1

Анна Присманова
Из семейного альбома ее сына Базиля (Василия Александровича) Гингера

Литературное становление Анны Присмановой развивалось по худшему из возможных сценариев. К роковому 1917 году ей уже исполнилось 25 лет. Все эти годы она прожила в провинции, в Латвии, сложиться как поэт не успела и никакой известности в литературных кругах не приобрела. Два с половиной года в Москве (1918/19 – 1921) практически ничего в этом отношении не изменили. Дальше – эмиграция, поначалу (в Берлине) окрашенная надеждами на скорое крушение большевизма, а затем (в Париже) – безнадежная и беспросветная.

Душевное состояние писателя первой русской эмиграции воссоздать в наши дни почти невозможно. Ткань времени была совершенно иной. Сегодняшний мир, какую страну ни возьми, – плод мучительных и по временам трагических десятилетий *эволюции*. Присмановой и ее поколению выпала на долю *внезапная* глобальная общественная катастрофа. Первая мировая война и последовавшая за нею цепь переворотов разом демократизировали человечество. За всю предшествовавшую историю в этом смысле было сделано меньше, чем за четыре страшные года войны, которую в Европе называют *великой*. Вся ценностная структура цивилизации в одночасье была перевернута вверх дном – им же, изгнанникам, могло казаться, что

она вовсе рухнула. Еще вчера свободное художественное слово ценилось в России на вес золота, возвышалось до откровения, – сегодня оно стало никому не нужным. Живая связь с Россией Пушкина прервалась. Вчера писатели были властителями дум – сегодня они мешали большевикам строить светлое будущее на костях современников.

Скажут: так переживали катастрофу и те, кто остался в России. Верно, но эмигрантам пришлось тяжелее в *культурном* отношении. Им не грозило физическое уничтожение, не приходилось приспосабливаться и раболепствовать. Жизнь не подталкивала их к нравственному падению, протекла в странах относительно благоустроенных. Они не знали ни коммуналок, ни лагерей, ни всеобщего доносительства, ни ежедневного страха, ни тотальной лжи, ни инквизиторского лицемерия. Но что мог *по-русски* сказать миру начинающий писатель, живущий в Париже? Питательной среды не было. Опыта – не хватало. Окружающий мир, свирепо демократизированный западный мир, с почтительным изумлением (подчас и с обожанием) взирал на первую в истории страну рабочих и крестьян, а в русских эмигрантах видел вчерашних эксплуататоров, ставших жертвами справедливого народного гнева. Французские интеллектуалы были поголовно левыми. Пропагандистские лозунги большевистского Кремля казались некоторым из них моисеевыми заповедями свободы, равенства и братства. Сами эмигранты, особенно те, кто покинул Россию детьми, не свободны были от завораживающего воздействия московского спектакля. В Москве делалось будущее, может быть, ужасное, но неизбежное и – *научное*. «Мы принадлежим вчерашнему дню. Мы не нужны России», – вот что должны были чувствовать даже те из них, кто догадывался о природе большевизма и его конечном поражении.

Тяжело было и старшим, чье становление завершилось в России. Массовой эмиграции русская культура прежде не знала. Проза до большевиков во многом питалась живым народным бытом – этот источник разом иссяк. Поэзия, меньше привязанная к быту, тоже нуждается в литературной среде, а расцветает обыкновенно лишь в блестящем столичном обществе. Сложившаяся индивидуальность кое-как справляется с нехваткой воздуха. Литературная молодежь задыхается. Живой читательский отклик ей просто необходим, но его-то и не было и не могло быть в эмиграции.

При этом самого страшного эмигранты не знали. Большевики сумели воспитать два поколения *образованных* людей, для которых самое слово *эмигрант* звучало как ругательство. Эта метаморфоза шла дальше воображения прозорливейших из беженцев. Отторже-

ние было полное. Знай они это, многие, вероятно, руки бы на себя наложили.

Конечно, для первой русской эмиграции (в отличие от второй и третьей) был выход в иноязычные литературы. В ту пору эмигранты по-настоящему знали языки. Многие целиком погрузились в местную языковую стихию, стали писателями и журналистами. Но в России недаром вспоминают сегодня только тех из них, кто добился серьезного признания: этот выход означал и *выход* из русской литературы, отказ от России, литературную смерть в русском языке.

Можно ли допустить, что хоть в каком-то отношении эмиграция была плодотворна для русского писателя? Один представитель третьей волны, выехавший на Запад в 1970-е годы, прямо назвал свою эмиграцию *художественным приемом*. В третьей волне такое могли бы сказать о себе многие; иные и ехали на Запад не иначе как за славой. К началу 1980-х доверие к советской литературе было в России подорвано настолько, что эмигрантская литература начала понемногу входить в моду. Уже вторая русская эмиграция, военная, пришедшаяся на 1940-е годы, открывала перед молодым писателем возможности, которых не было в СССР: он хоть печататься мог, а талант, вырвавшийся из страшной советской действительности, в нормальной стране мог и расцвести. В значительно меньшей мере это относится к первой эмиграции. Верно, что мы не знали бы нескольких имен, которые сегодня на слуху, – если бы эти люди жили (и выжили) в советской России. Там они либо вовсе бросили бы писать, либо растворились в бесчисленном множестве других имен. Талантов за железным занавесом было больше – просто потому, что соискателей славы было *несопоставимо* больше. Бунин, Мережковский, Алданов, Куприн, Ходасевич, Набоков, Цветаева – имен такого масштаба было в 1920-30-е годы в России, может быть, не больше, чем в Париже, – но рядом с этими эмигрантами на страницах берлинских и парижских изданий находим авторов полупризнанных, для которых и сегодня всё еще подыскивается место на полке.

Среди них – и Анна Присманова.

2

Жизнь поэтессы, скорее обычная, чем замечательная (в ее поколении), полна белых пятен и лишь смутно вырисовывается в воспоминаниях современников. Отец Анны, русский еврей Симон Присман, был врачом в больнице портового города Лиепаи. Трем своим дочерям он дал русские имена (Анна, Вера, Елизавета; Анна была старшей) и русское образование. Мать девочек (Регина) умерла

рано; ее сменила мачеха (Софья), человек, по-видимому, незаурядных душевных качеств. Девочки считали себя русскими. В 1910 году Анна крестилась в православие – несомненно, по убеждению и свободному выбору (из соображений практических принимали в ту пору лютеранство). Свой отход от еврейства она закрепила псевдонимом *Анна Присманова*, ставшим впоследствии ее анкетным именем. В декабре 1918 года, когда Латвия становится независимой, сестры уезжают в Москву. Здесь впервые слышим об Анне Присмановой как об авторе, но стихов той поры не сохранилось. Весной 1921 года, когда, с введением нэпа, большевики открыли выезд за границу, сестры перебираются в Берлин.

Культурная жизнь русского Берлина 1921 – 1925 годов – хорошо изученный феномен. По временам казалось, что там находится *вся* русская литература двух столиц. Одних только русских издательств было около ста, издавались газеты, журналы, альманахи, общая же численность текучей русской общины в Германии простиралась до 250 тысяч человек. Большинство там отсиживалось, дожидаясь краха большевизма. Писатели тоже в своем большинстве были не беженцами, а *выбежанцами* (Шкловский) с советскими паспортами.

В Берлине Присманова входит в литературное объединение *Четыре плюс один*. Она, Георгий Венус, Семен Либерман, Вадим Андреев – писали стихи, Бронислав Сосинский – критику. Все были очень разные и сошлись скорее от потребности объединяться перед лицом равнодушно-неприязненной действительности, чем из эстетической близости. Андреев (1902 – 1976; сын Леонида Андреева) в своих поздних воспоминаниях *Возвращение в жизнь* (1969) дал крайне недобросовестный (с оглядкой на советскую цензуру) портрет литературной эмиграции. Группа издала в Берлине одну общую книжку (*Мост на ветру*, 1924), прошедшую практически незамеченной, и вскоре распалась, не оставив следа в литературе.

В 1924 году русский Берлин начинает сходить на нет, и Присманова, в числе многих, перебирается в Париж. Во Франции атмосфера была другая: люди оседали на годы. Русская литературная жизнь выглядела поначалу обнадеживающей. Молодежь устраивала кружки и объединения с броскими именами – и задирала маститых, тех, кто составил себе имя еще в России. В поворотном 1925 году Мережковскому было 59, Бальмонту – 58, Тэффи – 57, Зинаиде Гиппиус – 56, Бунину и Куприну – 55, Ивану Шмелеву – 52, Ремизову – 48, Борису Зайцеву – 44, Алданову и Ходасевичу – 39. Здесь пролегает граница между поколениями. Георгий Адамович и Цветаева (обоим по 33) смотрели уже не в прошлое, но в будущее. Ада-

мович, как поэт и особенно как критик, впоследствии возглавил *парижскую ноту*, единственное сколько-нибудь заметное эстетическое течение в эмигрантской поэзии (отправлявшееся, между прочим, от акмеизма). Цветаева, в России едва начавшая приобретать известность, все еще принадлежала к молодым. Дальше шла уже именно парижская молодежь: Владимир Корвин-Пиотровский (34), Юрий Терапиано (33), Георгий Иванов (31), Владимир Вейдле (30), Антонин Ладинский (29), Илья Зданевич (29), Александр Гингер (27), Владимир Набоков (27), Борис Божнев (27), Довид Кнут (25), Владимир Смоленский (24), Нина Берберова (24), Ирина Одоевцева (24), Юрий Одарченко (22), Борис Поплавский (22), Ирина Кнорринг (19), Юрий Мандельштам (17). Все они писали стихи, хотя не для всех поэзия была главным. Сегодня, вглядываясь в этот список (который можно расширить), мы видим, что в первый ряд русской литературы поднялись немногие, может быть, только трое: Набоков – как прозаик, Цветаева – как поэт, Вейдле – как художественный критик и мыслитель. (Иные прибавят сюда еще поэта Георгия Иванова.) Прочие – либо по тем или иным причинам состоялись не вполне, либо, как иногда полагают, должны быть заново прочитаны и переосмыслены.

Присманова оказалась в числе старших среди парижской молодежи. Ее ровесница Цветаева была уже автором десяти книг, Присманова – не издала ни одной. Ей, как и многим из молодых, не хватало образования, – не университетского даже, а светского, того, которое дает живая литературная среда нормального, устоявшегося культурного общества. Революция разрушила эту среду, выбросила литературную молодежь в мир, где на первом месте была не эстетическая борьба, а борьба за выживание. Бедность среди пишущих россиян была вопиющая. Работали они кем придется. Иные голодали. Развитой

Александр Гингер
Фото из альбома Базиля Гингера

государственной помощи эмигрантам не существовало. Беженцам разрешалось жить во Франции лишь на условии отказа от регулярных профессий, от занятия *должностей*, предназначенных гражданам. Безработица в межвоенные годы в Европе была страшная – и уже осознавалась правительствами как первостепенная государственная проблема. Эмигрантам разрешались только *свободные профессии*.

Присмановой судьба улыбнулась. В первые же месяцы в Париже она встретила и полюбила человека, который стал ей другом на всю жизнь: начинающего литератора Александра Гингера. Он был моложе на шесть лет, но союз их оказался если не безоблачным, то на редкость гармоничным. Уже в 1924 году Гингер ямбами говорит о «супруге, взысканной душой». Лишь смерть Присмановой разлучила супругов. Базиль (Василий Александрович) Гингер, их первенец, вспоминает, что родители много и часто спорили, притом больше на бытовые темы, чем о литературе, – случалось, по его словам, «спорили, чтобы спорить», ибо характер оба имели непростой; но мира в семье это не нарушало. Супруги всегда обращались друг к другу на *вы* и по имени-отчеству.

Портрет Гингера столь же фрагментарен, что и портрет Присмановой. Письма и воспоминания донесли до нас ускользающий облик человека ищущего, но не мечущегося и противоречиями не изломанного, скорее жизнерадостного, чем мрачного, чудаковатого, подчас склонного к розыгрышам и мистификациям, доброго и общительного, не честолюбивого и не тщеславного. Как и Присманова, он вышел из ассимилированной еврейской семьи (отец был врачом в Петербурге), к иудаизму, сионизму и еврейской традиции остался равнодушен, алтарь и храм для себя *подбирал*, отправляясь от разума и жизненного опыта, а частично и возводил сам. В отличие от Присмановой, он находит себя в зрелом возрасте и становится не христианином, а буддистом. В материальном отношении Гингер был относительно независим. Его дядя работал управляющим химической компании, где для племянника нашлась не слишком обременительная должность бухгалтера.

Тон в этом союзе, судя по всему, задавала Присманова. Литература, поэзия – значили для нее больше, чем для Гингера. Предшествующая эпоха литературной России научила поэтов объединяться – для отвоевания общими усилиями места на литературном Парнасе. Присманова и Корвин-Пиотровский, при участии Гингера, затевали *свое* объединение, группу *формистов*, но из затеи ничего не вышло: не было ни общей платформы, ни воодушевляющей плодо-

творной мысли. Скорее всего, группа создавалась просто в пику Мережковским и их салону.

Поэтическое становление Присмановой мучительно затягивалось. Еще до знакомства с нею Гингер издал в Париже книгу стихов *Свора верных* (1921), а после сближения с нею – и вторую книгу, *Преданность* (1925; в этом году у четы родился сын Василий); Присманова – лишь изредка публикуется в периодических изданиях. Печатают ее и других молодых неохотно. Бунин называет уровень тогдашней парижской литературной молодежи *горестным* (1926). Только в 1937 году, в возрасте *сорока пяти* лет и спустя почти 13 лет после переезда в Париж, Присманова издает, наконец, свою первую книгу, *Тень и тело*, в которой самые ранние стихотворения помечены 1929 годом. Где стихи предшествующих лет? Ведь она писала и в Латвии, и в Москве, и в Берлине. Какова природа этой повышенной требовательности к себе, заставляющая вспомнить Боратынского? Как вообще могла поэтесса *выжить* так долго без первой книги, столь необходимой ступени творческого взросления? Уже сами эти вопросы подводят к мысли о неутешительном состоянии русской литературы в Париже. Вглядываясь в воспоминания русских парижан, нельзя не чувствовать, что самые добросовестные из них невольно приукрашивают картину тогдашней литературной жизни. Похоже, что на деле «блистательный Монпарнас» был пустыней. Парижские поэты поколения Присмановой жили в своем узком замкнутом кругу, который возводили в достоинство литературного мира; за пределами этого круга – читателей у них, в сущности, не было.

Жизнь Гингеров была более нормальной (менее богемной), чем жизнь некоторых русских писателей Парижа. В 1928 году у четы родится второй сын, Сергей. Годы с 1929 по 1932 они провели в нормандском городке Серкиньи, где Гингер работал в филиале дядиной компании. Нормандия не понравилась Гингеру. Не склонный к сильным проявлениям чувства, он в одном из рассказов говорит о своей ненависти к ней.

Вернувшись в Париж, Гингеры оказались на обочине русского Монпарнаса, жили скорее замкнуто, чем общительно, хотя и учредили свои *среды*. Над ними, случалось, подсмеивались, их «не принимали всерьез» (Юрий Иваск), но вместе с тем из виду не упускали, и на первую книгу Присмановой мимоходом откликнулись поощрительно-критическими репликами два самых влиятельных критика русского Парижа – Ходасевич (*Возрождение*, 4060) и Адамович (*Последние новости*, 5788). Писал о книге (тоже мимоходом) и Вейдле (*Современные записки*, LXIII). Отзывов Цветаевой не

сохранилось, но она дружила с Гингерами (смотревшими на нее, по дошедшим сведениям, «снизу вверх»), бывала у них – в частности, была и перед своим отъездом в СССР в 1939 году. Случайно оказались там в этот вечер и Георгий Иванов с Ириной Одоевцевой. Последняя воспроизводит встречу в своих воспоминаниях *На берегах Сены* (М.: Худ. лит., 1989), попутно набрасывая штриховой портрет Присмановой и Гингера:

«...Дверь нам открывает сам Гингер. Но, к моему удивлению, он не только не выражает восторга от неожиданного появления Георгия Иванова, а скорее смущен и растерян, хотя и старается скрыть это.

– Вот уже кого никак не ждал. Великолепно, чудесно. Спасибо, – отрывчато произносит он, неловко топчась перед нами, укладывая наши шляпы на комод в прихожей, как будто желая задержать нас подольше. И вдруг будто решась:

– А у нас Марина Ивановна. Пришла проститься перед своим отъездом в Москву.

Ах, вот в чем дело – Марина Цветаева здесь. Она терпеть не может ни Георгия Иванова, ни Адамовича, ни меня, считая нас петербургскими снобами-эстетами.

Совершенно понятно, что наше неурочное появление обеспокоило бедного Гингера. Ему казалось, что оно может испортить его "последний вечер с Цветаевой".

Но сейчас пути к отступлению были отрезаны. Гингер вводит нас в комнату, где за столом перед листом бумаги сидит Марина Цветаева. Тут же Софиев, Корвин-Пиотровский, Закович и еще несколько так называемых молодых поэтов.

Присманова кидается нам навстречу. Ей и в голову не приходит, что из-за нас может произойти какое-нибудь недоразумение. Она вообще вряд ли знает о взаимоотношениях своих друзей и знакомых. Это ее не интересует. Она выше всего этого, постоянно витая в заоблачных сферах поэзии.

Марина Цветаева смотрит на нас, прищурившись. <...> Но Георгий Иванов быстро подходит к ней и целует ее руку, которую она с некоторой задержкой подает ему.

– Марина Ивановна! Как я рад! Я боялся, что мне не удастся проститься с вами перед вашим отъездом.

– Рады? – холодно переспросила она, – вот не ожидала. <...> А ведь меня теперь большинство прежних знакомых на улице не узнает; не кланяются мне, отворачиваются от меня.

– Мерзавцы! – отчеканивает Гингер. – Повесить бы их всех, буржуев и богачей.

– А мы, – перебивает его Закович, обращаясь к Георгию Иванову, – как раз одному такому буржую, по инициативе Мари-

ны Ивановны, сочиняем коллективную просьбу дать деньги на каникулы N. N.

N. N. – милая молодая писательница, только что перенесшая тяжелую болезнь.

Текст бумажки обсуждается фраза за фразой. Георгий Иванов острит, как всегда, и смешит всех. Я не думала, что Марина Цветаева может так звонко и весело смеяться. Я никогда не видала ее такой оживленной и дружелюбной. <…>

Все шумно и весело прощаются с Присмановой и Гингером. Они оба сияют – такого удачного "свидания поэтов" у них еще не было <…>»

В 1939 году выпустил книгу и Александр Гингер (*Жалоба и торжество*). Но Парижу было уже не до стихов.

Европа стремительно скатывалась к войне. В сентябре 1938 года, на Мюнхенской конференции, Великобритания, Франция и Италия отдали Германии Судеты; 15 марта 1939 Гитлер захватил оставшиеся земли Чехословакии; 24 августа, пресловутым пактом о ненападении, Москва и Берлин разделили Польшу (нацисты вошли в Польшу с запада 1 сентября, большевики с востока – 17 сентября); 3 сентября 1939 Великобритания и Франция, гарантировавшие независимость Польши, объявили Рейху войну (а большевистской агрессии словно бы не заметили); 14 июня 1940 нацисты вступили в Париж.

Серж (слева) и Базиль Гингеры

Все четыре года нацистской оккупации Гингеры провели в Париже. Поразительным образом, жизнь их протекала не в подполье, а дома. Предосторожности были минимальные. Лишь изредка

Александр ночевал у знакомых. Несколько раз за ним приходили, но не заставали (друзья предупреждали его о рейдах заранее). Анну – не трогали: она была православной и *русской*, поскольку крестилась еще в царской России. Дети – тоже считались и считали себя русскими.

Александр Гингер не регистрировался как еврей и желтой звезды не носил. Это была принципиальная позиция. Как и многим, еврейство представлялось ему не национальной, а культурно-религиозной общностью, давно подлежащей самороспуску (по выражению Пастернака). К ней Гингер не принадлежал ни одного дня своей жизни – стало быть, по его мысли, и евреем не был. Расовая классификация казалась ему вздором. Иначе относилась к этому его мать, Мария Михайловна Блюменфельд. Она ближе стояла к еврейству, зарегистрировалась у нацистов, носила звезду – и погибла в Освенциме.

В годы оккупации Присманова продолжает писать – немного, но и не меньше, чем поэты обычно пишут в этом возрасте: по десять–пятнадцать стихотворений в год. Если судить по стихам, то *внешнего* ужаса она практически не заметила; о неприятеле в Париже говорят две-три едва намеченные сценки («солдаты, нетипичные для этих мест…»). Поэтессе хватало того, что творилось в душе.

В августе 1944 года Внутренние силы Франции (Forces Françaises de l'Intérieur; так стали называться реорганизованные силы Сопротивления) подняли восстание в Париже, и вскоре генерал Филип Мари Леклерк, а за ним и генерал де Голль (26 августа) вступили в Париж. Союзники позаботились о том, чтобы первыми вошли в столицу Франции именно французы. Вместе с Францией кое-как возвращался к жизни и русский Париж. В 1946 у Присмановой выходит вторая ее книга стихов, *Близнецы*.

Между тем в воздухе висело новое поветрие: репатриация. Великодушная Россия прощала *белых* эмигрантов, звала изгнанников *домой*, – да разве и могло быть иначе после такой победы? (Так дело представлялось со стороны.) О судьбе Цветаевой и других, вернувшихся до войны, в Париже не знали. О лагерях смутно слышали, но (как всегда бывает) не верили, что сажают невинных. Младшие представители первой эмиграции были уже немолоды; тоска по родине брала свое. О том, как *родина* встретила вернувшихся, хорошо известно. Несчастные мечтатели массами попадали в лагеря и уничтожались. Уцелели немногие; совсем уж немногие не попали в мясорубку. Но такое случалось. Сестра Присмановой, Елизавета, вернулась с мужем в Россию, куда еще раньше уехал их сын Юрий.

Пришлось им несладко, но прямых репрессий они, по дошедшим сведениям, избежали.

На грани рокового шага находилась и Присманова. Она, судя по всему, взяла советский паспорт, хотя свидетельства на этот счет расходятся. Александр Гингер жил с нансеновским паспортом, ибо просрочил советский (он в 1919 году въехал во Францию не как беженец, а как советский гражданин). О возвращении он не хотел и думать. Сын Гингеров, Базиль, рассказывает, что отец не мог простить большевикам расправы над Гумилевым, – стало быть, природу режима Александр понимал лучше многих. Возможно, он и удержал Анну.

В 1949 году выходит третья (последняя прижизненная) книга Присмановой, *Соль*. Прожила поэтесса еще одиннадцать лет. Она страдала сердечными и легочными болезнями и скончалась 4 ноября 1960 года. Александр Гингер пережил ее на пять лет.

3

До разрушения Берлинской стены русская литература существовала в трех ареалах, состояла из трех разновеликих частей: из литературы советской, литературы эмигрантской и литературы самиздата. Из каждого ареала два других виделись словно бы в перевернутый бинокль. Сегодня их неизбежное слияние всё еще не завершено, иерархическая пирамида эпохи – не выстроена, и читатель, который без предвзятости, с одинаковым доверием начнет знакомиться со стихами Присмановой и, скажем, Николая Тихонова, еще не родился. Это делает почти безнадежной самую честную попытку отвести поэту подобающее ему место. Слова о том, что художественное произведение *живет*, – не метафора. Шедевр, написанный или открытый сегодня, еще не шедевр, он *войдет в возраст* только вместе с полюбившими его читателями.

И опять в самом невыгодном положении оказываются именно молодые парижские поэты первой эмиграции. *Количественное* преобладание авторов и читателей, живших и живущих в России, заставляет смотреть на парижан глазами москвичей или петербуржцев. Этот взгляд противоречив и неустойчив. В начале 1990-х, словно очнувшись, Россия с обожанием уставилась на русский Запад; эмигранты, все без разбору, вошли в моду; с ними носились. Но мода продержалась недолго. Уже к середине 1990-х на первый план выдвигается поколение молодых российских авторов, свободных от прошлого, не вынесших на своих плечах ужаса минувшей эпохи, – и эмигранты опять оказались на выселках.

Однако от оценок не уйти, и для каждого поэта приходится, по мере сил, подыскивать место в этом переменчивом культурном ландшафте. Где же место Присмановой?

Единственная обстоятельная статья о ее стихах написана Екатериной Таубер к годовщине смерти поэтессы[1]. В ней читаем:

> «"Что дороже нам: розы иль рожь?", спрашивает Анна Присманова. Вся ее поэзия (три книги стихов и поэма "Вера") устремлены к будничному. Она не терпит прикрас, срывает их резко, ошеломляет подчас нарочито угловатыми образами <...> сознательно предпочитает уродство мнимой красивости <...> стремится уничтожить ложный блеск, ищет смятения, а не гармонии, хочет разозлить, оттолкнуть от себя читателя, а не привлечь его <...>»

В самом деле, чтобы определить Присманову, приходится сначала прибегнуть к отрицаниям: сказать о том, чего *у нее нет*. Нет, например, привычных стихов о любви, которые – кратчайший путь к сердцу читателя. Нет напевности, хотя она всегда пишет правильными метрами (обыкновенно ямбами и хореями). Нет упоения звуком и мандельштамовского *виноградного мяса*. Нет и прямого следования сложившимся течениям. Она «устремлена к будничному», но – не акмеистка; «хочет разозлить читателя», но – не футуристка. Русский Париж, по большому счету, признавал в России двух поэтов: Ахматову и Пастернака (традицию и модернизм), – ни на одного из них Присманова не похожа (хотя, конечно, ближе к Пастернаку). Рядом с Ахматовой – она не в достаточной степени женщина, рядом с Пастернаком – недостаточно физиологична и предметна, – суховата, прохладна. Отмечалось, и не без основания, что в своих неудачах она иной раз напоминает имажинистов – главным образом, вкусовыми срывами (роднящими имажинистов с Пастернаком и Северяниным). Но и здесь невозможно говорить о принадлежности к направлению.

Уже из этого видно, что войти в мир Присмановой непросто. Она – тяжелое чтение. У читателя не пропадает чувство, что он идет по бездорожью. Колдобины – на каждом шагу:

---

[*] *Е.Таубер.* Розы или рожь? (Памяти Анны Присмановой) // Новый журнал, кн. 64, 1961, стр. 151–158. Диссертации западных славистов можно в счет не брать. Для понимания творчества Присмановой они не дают ничего. (К сожалению, нам не удалось убедить автора дать имена диссертантов и названия критикуемых работ. – *Ред.*)

неузнаваем лебедь на воде, –
он, как Бетховен, поднимает ухо.

Здесь спрашиваешь себя (как всегда приходится спрашивать при столкновении с модернизмом): чего тут больше, вызова или простого неумения? И еще: в какой мере эпоха повинна в подобного рода «сознательных уродствах»?

Два больших парижских поэта, Ходасевич и Цветаева, тоже практически не прослеживаются у Присмановой. Ходасевичу она посвящает стихотворение; другое – начинает строкой «Путем зерна, вначале еле внятным…», откликаясь на название его книги (*Путем зерна*), чем обозначает интерес к нему; сухость и сдержанность отдаленно роднят ее с ним. Но Ходасевич – неоклассицист, последний поэт в живом контакте с Пушкиным и его эпохой; его *тяжелая лира* тяжела для него, поэта, для читателя же – не в пример легче музы Присмановой, кровно связанной уже с эпохой модернизма. С Цветаевой Присманова дружит, тоже посвящает ей стихи и, вероятно, восхищается ею (говорят, отрезала у нее прядь волос на прощание, перед отъездом той в Россию), но совсем на нее непохожа; характернейших цветаевских анжамбеманов, ее стремительности и напора – у Присмановой не находим. Модернизм Цветаевой не идет дальше формы, по своей глубинной сущности она – *художник старой школы* (как Осип Мандельштам сказал о Натане Альтмане), – Присманова же, рифмующая *век–человек*, *зданья–созданья*, глубоко затронута эпохой распада привычных ценностей.

Произношу я прежние слова,
но все они полны иного смысла…

Лебедь–Бетховен – выражение растерянности перед распадающимся миром.

Присманова тяжеловесна – и косноязычна. Слово *сосредоточье* звучит как порча языка, как невладение словом. Слово *музыка* не имеет по-русски множественного числа, что делает неказистым стих «любовь есть для нее рожденье музык» (неказистый и по своей ритмико-звуковой организации). Вода не может, в соответствии с русской нормой, бить *к берегу*, она бьет *в берег*, да и не вода, а волна, и т. п. Голова не может *подходить*, как она это делает в следующих стихах:

Суд. На скамейке подсудимых
сидят высокие слова.
К ним, с грузом слов необходимых,
моя подходит голова.

Здесь, кроме того, разрушена идиома *скамья подсудимых*; слово *скамейка* – от неумения: четырехстопный ямб требует еще одного слога. Подобного рода огрехов (куда нужно добавить и слишком частые неправильные ударения) у Присмановой много. На вопрос, *высокое* ли это косноязычье, можно попробовать ответить с учетом географии: сказать, что парижская ветвь русского языка отличалась от московской. Но у Ходасевича, Цветаевой или Георгия Иванова мы, даже и осязая по временам не совсем привычный языковой пласт, косноязычия не отметим. У Присмановой же – не находим и того, что искупает любое косноязычие: окрыляющей игры воображения, которая в поэзии осуществляется через звук (*звукосмысл*, по выражению Вейдле). Звук у нее беден.

Парение, высокий дар богов,
соединив с настойчивостью нрава,
полет – с невозмутимостью мозгов,
на листик лавра я имею право.

Парение здесь – назывное, в стихах оно наблюдается редко.

Вместе с тем страдание в ее стихах звучит неподдельное, и душевная работа совершается подлинная.

БАБУШКА

Изъяны предков достаются детям,
и внучка болью бабушки больна.
Любовью звали бабушку, и этим
моя судьба предопределена.

О, бабушка, жила ты в желтом доме,
где рукава сходились на спине.
Остался желтый облик твой в альбоме,
а рукава – ты завещала мне.

Как два пути с единым назначеньем,
живут во мне раздельно кровь и кость.
Стремится кровь к тебе своим теченьем,
но кость моя – тебе незваный гость.

Лишь только ночь подходит к изголовью,
два дерева меня на части рвут.
Быть может, и меня зовут Любовью,
но я не знаю, как меня зовут.

Последние два стиха принадлежат большой поэзии без скидок и оговорок. Если бы всё стихотворение было выдержано в таком тоне и ключе, его с легким сердцем можно было бы признать шедевром. Но такие взлеты случаются у Присмановой нечасто.

Поэтессе не хватает прямой, открытой переклички с другими поэтами. Такая перекличка не вовсе отсутствует: стихотворение *Стол* могло быть откликом на стихи Цветаевой («Мой письменный верный стол...»); строки из стихотворения *Кость* («Не танцевала никогда я на ученическом балу...») – возражением-откликом на строки Ходасевича («Разве мальчик, в Останкине летом Танцевавший на детских балах...»). Но эти примеры – исключение, а не правило.

Полный отказ от *высоких слов*, нагруженных поэтическими ассоциациями, тоже сужает горизонты поэтессы. Поэзия, при всей ее индивидуальности, – работа всё же коллективная. Над стихами Присмановой невольно вспоминаешь, что Гете предостерегал поэтов от *излишней* оригинальности.

Екатерина Таубер упрекает Присманову в том, что поэтесса чрезмерно занята собою, – и хвалит за позднее преодоление эгоцентризма. Это – ложный ход мысли. Лирический поэт всегда занят собою, даже когда предмет его стихотворения – пейзаж или культурный феномен. Упрек в эгоцентризме прикрывает другое: сомнение в художественной убедительности лирических самопогружений Присмановой. С годами ослабевает у поэтессы не эгоцентризм, а напряженность отталкивания от привычного, потребность говорить не так, как другие. Поэма *Вера* (о Вере Фигнер) написана более традиционно, чем лирические стихотворения сборников.

Современники не увенчали Присманову лавровым венком властителя дум поколений, венком Ахматовой и Пастернака, посмертным венком Цветаевой, Ходасевича и Мандельштама, – не увенчаем и мы. Сегодняшний интерес к поэтессе держится скорее на ее судьбе, чем на ее стихах. Она – зонд, вскрывающий неожиданный пласт ужасной эпохи. И она – человек сильный и своеобразный. Если бы самостоятельность действительно была главным в искусстве, Присманова немногим уступила бы в XX веке, – но, конечно, на деле этого качества художнику совершенно недостаточно.

Целостность и подвижничество – вот что приходит на ум при имени поэтессы, если попытаться определить ее жизнь и творчество в двух словах. Эти превосходные свойства – непременные составляющие легенды о ней, которая тоже является произведением поэта и, в известном смысле, итогом его жизни. Легенда, оставшаяся от Присмановой, красива и убедительна. Сегодня она жизнеспособнее

стихов поэтессы. Но даже если завтра стихи и легенда не поменяются местами, на свой *листик лавра* Присманова определенно имеет право. Она «создала свой особый мир, не лишенный странной привлекательности» (Юрий Иваск). Этого – у нее не отнять.

Книги А.С.Присмановой

Мост на ветру, 4 + 1. Берлин, 1924. 32 с. (Кроме Присмановой в сборнике участвуют *В.Андреев, Г.Венус, С.Либерман, Б.Сосинский*).

Тень и тело. Париж: Издание Объединения поэтов и писателей, 1937. 61 с.

Близнецы; вторая книга стихов. Париж: Объединение русских писателей во Франции, 1946. 109 с.

Соль; третья книга стихов. Париж: Объединение русских писателей во Франции, 1949. 85 с.

Вера; лирическая повесть. Париж: Рифма, 1960. 50 с.

КНИЖНОЕ ДЕЛО И ЖУРНАЛИСТИКА

Библиотека Рене Аркоса и инскрипты российских эмигрантов

Дмитрий Гузевич,
Одиль Пепин-Леаллер – Гондр (Франция)

Аркадий Руманов – забытое имя?

Елена Яковлева (Россия)

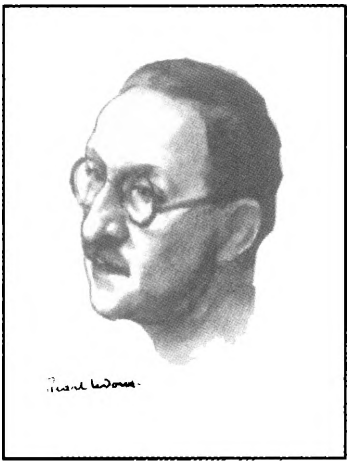
Иосиф Миронович Лемперт
Очерк о библиофиле и антикваре, парижанине, влюбленном в русскую культуру

Жанна Абрамова (Израиль–Франция)

Библиотека Рене Аркоса и инскрипты российских эмигрантов[1]

Дмитрий Гузевич,
Одиль Пепин-Леаллер – Гондр (Париж)

Историческая память и старый чердак

Портрет Рене Аркоса из коллекции Одиль Гондр

Что могут дать три-четыре коротких строчки инскрипта – дарственной надписи на книге? Еще один автограф знаменитого (или не очень) автора? Благоговейно сохраняемую реликвию?

Да, конечно. Но не только. Инскрипты – это своеобразные реперы, или фиксированные точки коммуникационных сетей. Собранные воедино, они позволяют установить круг контактов, связей, знакомств интересующего нас человека. О значении подобной информации для любого биографа говорить не приходится.

Инскрипты, принадлежащие одному автору, разбросаны по десяткам, а то и сотням его друзей, коллег и знакомых. Собирать их чрезвычайно тяжело. Всплывают они чаще всего случайно.

Иное дело – целиком сохранившаяся библиотека известного писателя или ученого. Но здесь инскрипты уже не *его*, а *ему*. Составляя *единство* в отношении адресата, такая коллекция, на первый взгляд, продолжает сохранять *единичность* в отношении авторов – редко когда в такой библиотеке насчитывается более чем по одному-два инскрипта одной руки. Однако в подобных коллекциях

---

[1] Первая и третья части написаны Д.Гузевичем, вторая – *Библиотека Аркоса* – Одиль Гондр (перевод с фр. И. и Д. Гузевичей).

всплывает еще один уровень – группы взаимосвязанных авторов, даривших свои книги хозяину библиотеки.

Во Франции нам посчастливилось обнаружить в частном доме библиотеку Рене Аркоса – поэта и писателя, одного из создателей поэтической группы "Аббатство". Поэзия именно этой группы оказала свое влияние на формирование акмеизма, а молодой Гумилев, находясь в Париже, был ее членом.[2] Аркос интересовался Россией, писал о ней. Совершенно случайно его библиотека оказалась во владении семьи Gondre – была найдена на чердаке только что купленного загородного дома. Прекрасное образование и любовь к книге Odile Pepin-Lehalleur – Gondre[3] позволили ей оценить, какое богатство оказалось в ее руках. Поэтому и об Аркосе, и о его библиотеке мадам Гондр расскажет сама.

Библиотека Аркоса

Поэта Аркоса я открыла для себя, открывая ящики с книгами, покрытыми чердачной пылью.[4] В этих собранных, прочитанных и классифицированных им томах, которых насчитывается от трех до четырех тысяч, содержится память целого мира, мира французских писателей первой половины XX века.

Рукописные посвящения, имеющиеся на многих книгах, позволяют заглянуть во внутренний мир поэта-коллекционера. Он любил свою библиотеку, и эти автографы – на корешках книг я обнаружила классификационные номера, проставленные его твердым почерком. Его словари, Библии, полные собрания сочинений Сервантеса и Шекспира, а также серийные издания выделены особо,

---

[2] В настоящее время монографию, посвященную этому сюжету, готовит В.Петрановский, дважды, в 1997 и 2000 гг., побывавший в Париже по стипендии Дома наук о человеке.

[3] Немалую роль здесь сыграла любовь к истории и интерес к России самой Одиль Гондр – прямого потомка двух генералов русской службы – Этьена Сеновера (1753–1831) и Пьера Доминика Базена (1786–1838). Оба последовательно были директорами Института Корпуса инженеров путей сообщения (в 1809-24 и 1824-34 соответственно), а Базен в течение десяти лет (1824-34) осуществлял общее руководство застройкой Петербурга. См. [1].

[4] Эта библиотека была куплена на публичных торгах в 60-е гг. предыдущим владельцем дома.

как, например, серии *История христианства*, *История иудаизма*[5] или биографии художников, музыкантов и писателей. В иллюстрациях я обнаруживаю моду на гравюру на дереве и влияние японского искусства.

Кто такой Рене Аркос? Каковы были первые прочитанные им книги и его первые друзья? Каковы были его произведения и его поступки?

Этот человек был не столь прославлен, как его друзья, которые стали академиками, Нобелевскими или Гонкуровскими лауреатами, и чей талант был признан во Франции и за ее пределами. Он даже не удостоился биографической справки в *Dictionnaire des auteurs* (изд-во Bouquins). Однако уже двадцати лет от роду он опубликовал в Доме поэтов в Париже свой первый поэтический сборник *Основная душа* [2] и посвятил его своим друзьям – Альберу Глейзу (Albert Gleizes) и Тео Морино (Théo Morineau). И далее беспрестанно писал, публиковал, сотрудничал в журналах и газетах, издавал произведения своих друзей – короче, зарабатывал на жизнь пером.

Родившийся в 1881 г., Рене Аркос получил классическое образование и прекрасно знал как французскую, так и иностранную литературу.

Малларме, Рене Гиль, Ромен Роллан, Марсель Швоб, Анри Бергсон, Поль Клодель, Андре Жид, Анри Бордо, Марсель Пруст, Поль Валери, Эрнст Ренан, Тео Варле, Эли Фор, Анри Барбюс, Эмиль Верхарн – его старые знакомые, читанные и перечитанные. Некоторые станут его друзьями.

Из иностранных авторов Аркос прекрасно знал работы переводившихся на французский язык Толстого, Достоевского, Ницше, Гете.

Едва ли не самое сильное впечатление на него оказала работа Густава Кана *Символисты и декаденты* [3] – Аркос ее не только сохранил, но и переплел – случай достаточно редкий для библиотеки, составленной из книг, которые лишь сброшюрованы.

Из современников Аркоса, чьи книги он хранил и с кем поддерживал дружеские отношения, я смогла выявить также такие имена, как Léon-Paul Fargue, Léon Werth, Guillaume Apollinaire, Luc Durtain, André Salmon, Charles Vildrac, Jean-Richard Bloch, Georges Duhamel, Alexandre Mercereau, Georges Chennevière, Henri

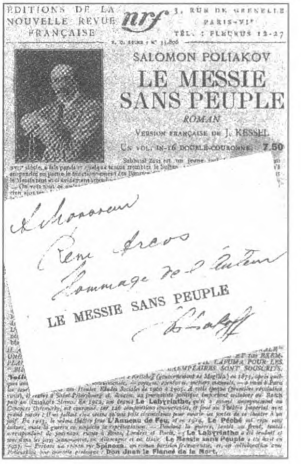
[5] По два десятка томов о каждой религии, опубликованных издательством Rieder (7 pl. St Sulpice, Paris 6°).

Guilbeaux, Raymond Schwab, Stéfan Zweig[6], Thomas Mann, Jules Romains, Francis Carco, Georges Perin, Marcel Martinet и др.

В начале 900-х гг. писатели, несмотря на свой индивидуализм, в поисках ответа на вопрос *Что есть искусство?* активно объединялись в различные, более либо менее эфемерные школы. Это была реакция на уже существующие и, одновременно, создание новых творческих "-измов": романтизм, натурализм, символизм, футуризм, кубизм, дадаизм, сюрреализм. Они отрицали и обуславливали друг друга, перемешиваясь в художественном беспорядке.

В 1905 г. в журнале *Penseur* (*Мыслитель*) Жюль Ромен предложил доктрину "унанимизма"[7], оказавшую определенное влияние на Аркоса. Другое, ныне забытое течение оставило, тем не менее, прекрасные работы, как, например, *Транссибирский экспресс* (*Transsibérien*) Блеза Сандрара (Blaise Cendrars).

Пройдя излишества школ, молодые люди нашли новую форму, более гармоничную – коммуну, названную ими "Аббатство Кретея" ("L'Abbaye de Créteil").

ÉDITIONS DE LA NOUVELLE REVUE FRANÇAISE nrf 3, RUE DE GRENELLE PARIS-VIIe

SALOMON POLIAKOV

LE MESSIE SANS PEUPLE

ROMAN

LE MESSIE SANS PEUPLE

Проспект книги С.Полякова "Мессия без народа" с дарственной надпись Рене Аркосу

---

[6] Стефан Цвейг надписал ему свои книги *Hölderlin* [4] и *Joseph Fouché* [5]. На первой: "A son vieux et cher René Arcos, son fidèle Stéfan Zweig 1928" ("Дорогому старине Рене Аркосу от верного Стефана Цвейга 1928"). На второй: "Au cher petit père René Arcos" ("дорогому папочке Рене Аркосу"). Обе были переведены с немецкого Альзирой Элла и Оливье Бурнаком. На книге *Каприз Бонапарта* [6] Альзира оставила следующую надпись: "Pour René Arcos a qui l'auteur avait sans doute parlé de cette petite pièce jouée avec succès en Allemagne et en Autriche il y a une vingtaine d'années, Bien amicalement, Alzir Hella" ("Рене Аркосу, которому автор, без сомнения, говорил об этой маленькой пьесе, игравшейся с успехом в Германии и Австрии лет двадцать назад, Дружески, Альзира Элла". И на другой переведенной ею книге *Кастеллон против Кальвина* [7]: "Pour Réné Arcos en souvenir de notre cher Stéfan, avec mes amitiés les plus sincères, Alzir Hella" ("Рене Аркосу в память о нашем дорогом Стефане, с искреннейшими дружескими пожеланиями, Альзира Элла").

[7] "Unanimisme" – от французского "unanime" – "единогласный, единодушный".

Они предполагали сами печатать и издавать свои работы, а если удастся – то и других авторов.

На год уединенным пристанищем друзей станет заброшенный дом в парке на Марне, куда они переедут в 1906 г. Здесь будет опубликовано около двух десятков работ.

Жорж Дюамель, Шарль Видрак, Александр Мерсеро, Анри Мартен-Барзен, художник Альбер Глейз, композитор Альбер Дуаен, типограф Линар вместе с Аркосом составят *Аббатство* – эту странную и очень симпатичную коммуну, вокруг которой соберется целое семейство мыслителей, поэтов, художников – Жюль Ромен, Люк Дюртен, Жорж Шённевьер, Рене Жиль, Бертольд Ман, Анри Дусэ. А однажды среди них появится молодой русский студент, поэт и мечтатель – Николай Гумилев.

Каждое воскресенье будут приходить гости – слушать стихи и музыку, петь, рисовать, купаться в Марне.

Невозможность оплачивать найм дома спровоцирует распад *Аббатства*, жизнь которого уложится в четыре сезона. Останется дружба и неизгладимый след в душе каждого из его участников.

Пройдут годы. В 1916 г. Аркос женится. В эту эпоху его описывают как невысокого элегантного человека с черными усами, любителя циничных шуток, острослова – в общем, *парижанина*.

Два межвоенных десятилетия – тот период, когда и составится костяк библиотеки Аркоса. Я обращу внимание читателя только на ее русскую часть:

Алексей Толстой (1817 – 1875), Всеволод Гаршин,[8] Н.Г.Гарин-Михайловский [9], Александр Блок, Андрей Белый, Константин Бальмонт, Валерий Брюсов, Максимилиан Волошин, Есенин, Гоголь, Тургенев, Троцкий, Алексей Ремизов,[9] Леон Шестов, Александр Куприн,[10] Горький, Леонид Андреев, Элау Иегуда Финберг,[11] Борис Пильняк, Семен Юшкевич [12], Соломон Поляков [13]. Переводчики и издатели, а также многие из авторов, включая Арагона и Эльзу Триоле [14], были друзьями Аркоса.

---

[8] Книга из шести новелл [8].

[9] А. Ремизов расписался вместе со своим переводчиком Робером Вивье: "à Monsier Arcos affetueux souvenir Alexei Remizof témoignage amical de Robert Vivier 31.10.29 PARIS" ("Мсье Аркосу сердечный привет Алексей Ремизов. В знак дружбы от Робера Вивье. 31.10.29. Париж") [10].

[10] Александр Куприн на книге *Яма* (*La fosse aux filles*): "A monsieur Réné Arcos hommage respectueux A.Kouprine, 2/VIII.23 Paris" ("Мсье Рене Аркосу с глубоким уважением А.Куприн. 2.VIII.23. Париж") [11].

[11] Eliahou Yehouda Finberg (1896–1976). Опубликован в 1926 г. Анри Барбюсом.

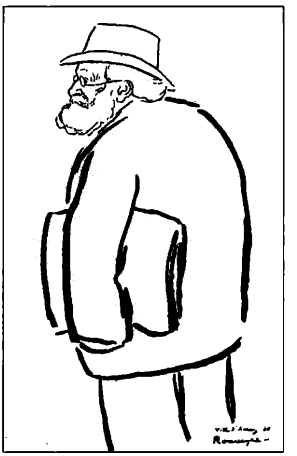
Интерес к России нашего героя несомненен. Он написал предисловие к роману Самчука *Мария* [15], а в своем сборнике "... *Из Источника*" [16] опубликовал новеллу "Катюша" ("Katioucha"). Возможно, что прообразом героини была Мария Кудашева (Marie Koudacheva), ставшая затем женой Ромена Роллана.

Рене Аркосу пришлось пережить смерть жены и своего двадцатилетнего сына Филиппа. Он тихо ушел из жизни в 1959 г. в Париже.

Инскрипты российских эмигрантов

Мы немного дополним рассказ Одиль Гондр и обратим внимание на область пересечения двух групп авторов, даривших и надписывавших свои книги Аркосу. Об обеих группах уже говорилось. Первая – это русские эмигранты (Куприн, Ремизов и др.), а вторая – писатели-евреи (Стефан Цвейг, например). Аркос, как мы уже видели, интересовался историей и России, и еврейства.

И было еще несколько человек, которые относились к обеим группам сразу: евреи, приехавшие из России. Нам удалось найти две таких книги (возможно, их больше): С.С.Юшкевича и С.Л.Полякова-Литовцева. Начнем с первого.

Карандашный портрет И.Мечникова из альбома художника Rouveyre *(Библиотека Аркоса)*

Семена Соломоновича Юшкевича (1869 – 1927) представлять, по-видимому, не надо. Одесский еврей, ставший врачом в Париже (1902), а в России – писателем. "Печальник горя народного". В 1920 г. через Бессарабию и Румынию эмигрировал во Францию. В 1921 г. уехал в США, но уже весной 1922 г. возвратился в Европу (в Берлин). Последние годы жизни провел во Франции.

И, хотя Юшкевичу посвящены работы в современной литературе,[12] мы позволим себе привести справки из журнала "Русская книга" за 1921 г., ибо это издание, в отличие от сменившей его "Новой русской книги" (1922-23), оказалось вне пределов внимания исследователей:

«Семен Солом<онович> Юшкевич в 1919 г. работал в "Одесск<ом> листке". В декабре 1919 г. было 25-летие его литерат<турной> деятельности. Осенью 1920 приехал в Кишенев. В настоящее время находится в Париже, откуда предполагает выехать в Нью-Иорк»[25, с. 34].

"С.С. Юшкевич. Адрес: 27, rue Caumartin, Paris"[26, с. 32].

"Сем<ен> Юшкевич находится в настоящее время в Нью-Йорке" [27].

Учитывая малое количество информации о его эмигрантском периоде вообще, приведем также и записку из "Новой русской книги" за май 1922 г.:

«<...> приехал в Берлин. Будет жить лето в Германии. За годы 1921–1922 написал рассказ "Автомобиль" (был переведен на франц<узский> язык и напечатан в "Mercure de France"); в "Последних Новостях" напечатал рассказ "Краткая история жизни мистера Джека Броуна", напечатал в "Современных записках" рассказ "Алгебра" (переведен на французский язык). Французскому театру сданы им пьесы "Леон Дрей" и "Повесть о Сонькине" (пойдет в след<ующем> сезоне в театре Питоева). Написал третий том своего романа "Леон Дрей" (все три тома проданы изд<ательст>ву "Москва"). Работает над большой вещью "По сумасшедшим кругам» и "Роман в автомобиле"» [22, с. 39].

Однако вернемся к библиотеке Аркоса, в которой находим книгу: Siméon Youchkévitch. *...Dans la peur! Épisodes de la vie bourgeoise en Russie soviétique*, вышедшую в Париже в 1925 г. [12; 28, p. 897]. Это перевод появившейся в 1923 г. в Берлине книги *Эпизоды*: трагической и горькой книги о еврействе в годы Гражданской войны, но написанной "в ключе юмора".

---

[12] Во-первых, это статьи в энциклопедиях последних лет [17, с.467–468; 18, с.736–737; 19, с.797], написанных Е.Ф.Трущенко. Там же приведен список литературы. См. также [20, с.489; 21, имен. указ.; 22, с.39; 23]. Его имя встречается и в "Хронике русского зарубежья" [24] (т. 4, имен. указ.), и в первых 6 томах нашего издания (ЕВКРЗ, т. 1–6, именные указ.), а в настоящем томе ему посвящена статья Б.Черного.

Инскрипт на книге: «A Réné Arcos bien cordialement. A.Pierre 8/7/25» ("Рене Аркосу от всего сердца. А.Пьерр 8.7.25") – принадлежит переводчику Андре Пьерру (1887 – 1960) – личности для нас любопытной. После окончания Нормальной школы и Сорбонны Пьерр преподавал в существовавшем до революции Французском институте в С.-Петербурге (Institut Française de Saint-Pétersbourg). Вернувшись на родину, занялся журналистикой. Редактировал *Temps* и международный отдел *Monde*, являлся специалистом по России и славянскому миру. Среди его книг – работы о Толстом, о положении женщины в Советском Союзе, о Сталине, о Маленкове. Много переводил. В том числе – мемуары Шаляпина (1932), записки Вальтера Кривицкого (1940). И, в числе переводов, – "Эпизоды" Юшкевича [29].

Если вернуться к нашему разговору о коммуникационных сетях, то перед нами – **французское** связующее звено между двумя литературными мирами: русской и русско-еврейской эмиграции, с одной стороны, и французским – с другой.

Обратимся ко второй книге: Salomon Poliakov. *Le Messie sans Peuple* [13].

Если говорить об авторе, то речь идет о Соломоне Львовиче Полякове-Литовцеве, известном также под псевдонимом Литвак (1875 – 1945).

Этот человек, родившийся в ортодоксальной еврейской семье (в Кричеве, Могилевской губ.) и до 15 или 17 лет не владевший русским языком, стал одним из крупных русских журналистов, прозаиком, драматургом. В 1900-05 гг. обучался в Париже в Школе высших социальных исследований (École des hautes études sociales). Во время революции 1905 г. вернулся в Россию, был думским корреспондентом газеты *Речь*. После революции 1917 г. эмигрировал. В 1912 г. драма *Лабиринт*, которую он анонимно послал на конкурс Островского, заняла первое место из 126 претендентов и была поставлена в Императорском театре. В 1921 г. она была опубликована в Берлине, а два года спустя получила новое сценическое воплощение в Париже. Известно, что в эмиграции в 20-е гг. Поляков работал над романом "Спиноза" и еще над каким-то "парижским франко-русским романом" [17, с.317–318; 24, т.1, с.114; 30].

Так же, как и о Юшкевиче, дадим о Полякове-Литовцеве справку из *Русской книги* за 1921 г.: «<...> живет в Париже (XVI, 47 rue Boulainvilliers), издавал в 1919 г. *The Russian Commonvealth*, участвует в "Последних новостях", "Свободных мыслях" и "Еврейской трибуне"»[26, с.28].

Деятельность Полякова-Литовцева достаточно хорошо освещена в *Хронике русского зарубежья* [24]. Начиная с июля 1920 г. он неизменный член правления или ревизионной комиссии Союза русских литераторов и журналистов в Париже, регулярно участвует в различных диспутах, прениях, вечерах.

Укажем лишь на те, которые имеют непосредственное отношение к еврейской жизни: 23 мая 1926 г. на заседании сионистского кружка Бней-Цион выступал с рассказом о своем паломничестве в Палестину; 25 марта 1928 г. вместе с В.Е.Жаботинским и А.И.Куприным выступал на вечере памяти С.С.Юшкевича (Sic! Книги с инскриптами трех из четырех перечисленных лиц встречаются в библиотеке Аркоса – перед нами элементы одной сети); в 1930 г. – один из организаторов чествования поэта и драматурга Л.Г.Мунштейна-Лоло; 14 января 1932 г. выступал с докладом "Для чего нужен еврейский театр", а 2 мая 1934 г. – с приветствием во время чествования издателя В.А.Полякова; 11 января 1936 г. участвовал в вечере, посвященном 100-летию еврейского писателя Менделе Мойхер-Сфорима, 5 февраля – в вечере памяти художника Иссахара Рыбака, а 6 марта – в прениях по докладу И.Р.Ефройкина "Задачи русско-еврейской интеллигенции в Париже". И, наконец, 9 января 1939 г. выступал с докладом "Английские настроения в связи с еврейским вопросом".

Как видим, *еврейская* активность С.Полякова была достаточно высока, хотя, скорее всего, перед нами лишь верхушка айсберга, попавшая в печать.

С началом войны Поляков перебрался в США, сотрудничал в журнале *Новоселье* и в *Новом журнале*. Во Францию он уже более не возвратился, но забыт там не был. В январе 1946 г. организационное собрание Объединения русско-еврейской интеллигенции почтило память своих почивших членов – С.Л.Полякова-Литовцева и Ст.Ивановича-Португейса. С воспоминаниями о них выступили С.В.Повнер и Ю.Д.Бруцкус.[13]

Но, пожалуй, самой значительной его книгой эпохи эмиграции был роман *Саббатай-Цеви* (другое название *Мессия без народа*; Берлин: Русское университетское изд-во, 1923), вызвавший бурную полемику.

2 мая 1923 г. Поляков читал отрывки из романа на заседании Союза русских литераторов и журналистов, а 28 мая

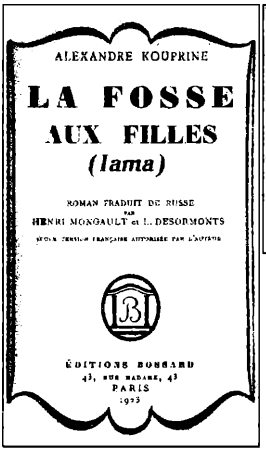

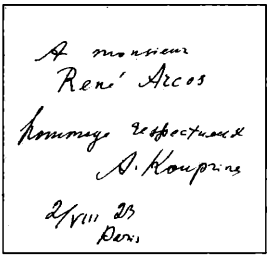
[13] [31]. О С.Полякове-Литовцеве см. также [21, с.171, 174, 175, 178, 248, 321, 322, 383, 456–458] и сборники ЕВКРЗ: т.2 (с.178, 180), т.3 (с.155), т.4 (с.407, 545), т.5 (с.172, 202, 203, 238, 240).

М.Ю.Бенедиктов делал сообщение об этом романе на собрании Общества друзей еврейской культуры в кафе *Dumesnil*. Рецензии на книгу появляются в газетах *Руль* (17.6.1923; Б.Каменецкий /Ю.Айхенвальд/ считал, что Поляков с темой не совладал, и отдавал предпочтение драме Ю.Жулавского *Конец Мессии*), *Накануне* (19.6.1923; критик A.S. оценивал труд Полякова как лучший роман на эту тему), *Сегодня* (22.7.1923; А.Мерич), позднее – в *Новом журнале* (1943, №5; Х.Кроткова). На русском роман был переиздан в 1942 (43?) в Нью-Йорке издательством "Новая земля", а позже по роману был снят фильм. Имелся перевод на немецкий язык (*Sabbataj Zewi*. Berlin, 1926) [17, с.317–318; 24, т.1, с.98,104; 32; 33].

На удивление, какие-либо упоминания об английском (The rejected Messiah, N.Y., 1928) и о французском (1925) переводах [13; 28] в литературе отсутствуют. Но именно французское издание подарил Аркосу Поляков-Литовцев с надписью: "A Monsieur Réné Arcos hommage de l'Auteur. S.Poliakoff" ("Мсье Рене Аркосу с уважением от Автора. С.Поляков").

Переводчик романа на французский язык для нас еще более интересен, чем в случае с романом Юшкевича, ибо является прямым персонажем для ЕКРЗ: Иосиф Самуилович Кессель (Joseph-Élie Kessel, 10.2.1898 – 23.7.1979) [34; 35] родился в городе Clara в Аргентине в семье еврейского врача, эмигрировавшего из России. Родители его матери, Раисы Леск, проживали в Оренбурге, где и прошло детство Иосифа. В возрасте 10 лет он был вывезен во Францию. Учился в Ницце, а с 1914 г. – в Париже в знаменитом лицее Louis Le Grand и в Сорбонне.

Обложка книги А.Куприна "Яма" на французском языке и его дарственная надпись Рене Аркосу

В 1916 г. Кессель был мобилизован в авиацию, оказался в воздушной разведке, участвовал в сражениях, был награжден. В 1918 г. вместе с эскадрильей через Америку и Японию прибыл во Владивосток. В составе французского экспедиционного корпуса участвовал в Гражданской войне. Позже этот нелегкий опыт Кессель опишет в книгах: *Красная степь* (*La steppe rouge*, 1922), *Воспоминания народного комиссара* (*Mémoires d'un commissaire du peuple*, 1925), *Дневник русской девочки при большевизме* (*Le journal d'une petite fille russe sous le bolchevisme*, 1926), *Жатва октября* (*Moisson d'octobre*, 1928), *Сибирские ночи* (*Les nuits de Sibérie*). И, наконец, венчающая все эти труды книга, написанная через полстолетия, – *Дикие времена* (*Les Temps sauvages*, 1975).

Демобилизовался Кессель в 1919 г. и ушел в журналистику, о чем мечтал еще до войны. После безуспешных попыток вернуться в Россию, он, как гласят статьи в *Who's who in France* и *Nouveau dictionnaire nationale des contemporains,* "стал писателем (романистом) русского изгнания" [35]. Но не только русского. Другая основная тема – еврейство. В 1924 г. он – "Grand reporter" в Палестине, в 1930 г., вместе с Henri de Monfreid – на Красном море. Позднее, после Шестидневной войны, вместе с Frederic Rossif пишет текст для фильма *Стена в Иерусалиме* (*Un mur à Jerusalem*, 1968).

Вся жизнь Кесселя – в путешествиях, и затем – сотни репортажей, десятки книг и пьес, множество переводов. В нем как будто воплотился романтизм предыдущей эпохи – пустыни и джунгли, "горячие точки" и поля сражений – в 1936 г. Кессель в Испании, в 1939-40 – военным корреспондентом в действующей армии, затем – в Сопротивлении. В 1943 г. в Лондоне вместе со своим племянником – Морисом Дрюоном (будущим знаменитым автором *Проклятых королей*), он пишет песню, ставшую гимном маки – *Chant des partisans*. В 1962-64 гг. он становится членом Académie française. Его грудь украшают основные награды Франции: кресты двух мировых войн, военная медаль, знак отличия Командора Почетного легиона.

Да и в историю этот русский еврей войдет под именем "французского Киплинга" («Kipling français»).[14]

---

[14] Невозможно отделаться от ассоциаций: «*Царскосельскому Киплингу / Пофартило сберечь / Офицерскую выправку / И надменную речь*» (цит. по [35]). Это уже Б.Корнилов о Николае Гумилеве – "русском Киплинге" и близком друге Аркоса. Вряд ли случайны эти виртуальные связи, из которых в конечном счете сплетается невидимая, но вполне осязаемая ткань культуры.

Его-то перевод и подарил Поляков Рене Аркосу. Если до сих пор перед нами была непрерывная литературная коммуникационная цепь, где каждый из авторов занимал свое место, связывая одни звенья с другими, то Кессель – по его происхождению и роли, которую он играл, – это синтез всей цепи: русский еврей-эмигрант, участник мировой войны (на стороне союзников) и Гражданской – (на стороне белых), один из символов французской журналистики и Сопротивления, пропагандист русской литературы и "писатель изгнания", ставший членом Французской академии. Для любого романа это было бы слишком надуманно. Такое бывает только в жизни.

Вот что нам дают всего две надписанные книги из библиотеки французского поэта. Повторяю, таких книг много больше. И мы помним, что их авторы составляли единое коммуникационное поле в литературе Русского Зарубежья. Книги с инскриптами не случайно соединились в частной библиотеке – это свидетельство глубинного, внутреннего, а не только внешнего, формального единства "русско-еврейского поля".

Библиография

(Книги, помеченные знаком *, – экземпляры из библитеки Рене Аркоса)

1. *Гузевич Д., Гузевич И.* Петр Петрович Базен: 1786–1838. СПб.: Наука, 1995. [4], 240 с.
2. *Arcos René.* L'Ame essentielle. Paris : Maison des Poètes (46 rue du Fg St-Denis), 1903.*
3. *Kahn Gustave.* Simbolistes et décadents. Paris : Librairie L.Vanier, 1902.*
4. *Zweig Stéfan.* Hölderlin / Trad. par Alzir Hella et Olivier Bournac. Paris : Librairie Stock, 1928.*
5. *Zweig Stéfan.* Joseph Fouché / Trad. par Alzir Hella et Olivier Bournac. Paris : Grasset, 1931.*
6. *Zweig Stéfan.* Un caprice de Bonaparte : Pièce en trois actes / Trad. par Alzir Hella. Paris : Grasset, 1952.*
7. *Zweig Stéfan.* Castellon contre Calvin / Trad. par Alzir Hella. Paris : Grasset, 1946.*
8. *Garchine Vsevolod.* Nadejda Nicolaevna; Une rencontre ; Les deux peintres ; Un lâche ; Quatre jours ; La Fleur rouge. Paris : J.Povolozky et Cie, 1923. 201 p. (Bibliothèque des chefs-d'œuvre russe).*
9. *Garine N.G.* L'enfance de Tioma. Paris : Ibidem, 1923. 174 p. (Idem).*

10. *Rémizov Alexei.* Sœurs en croix / Traduit du russe par Robert Vivier. Paris : Rieder, 1929.*

11. *Kouprine Alexandre.* La fosse aux filles (Iama) / Roman traduit du russe par Henri Mongault et L. Desormots. Paris : Bossard, 1923.*

12. *Youchkiévitch Siméon.* ...Dans la peur ! Épisodes de la vie bourgeoise en Russie soviétique : Roman / Trad. par André Pierre. Paris : Plon-Nourrit, 1925. 247 p.*

13. *Poliakov-Litovcev Salomon.* Le Messie sans Peuple / Trad. par J.Kessel. Paris : Gallimard; Nouvelle Revue française, 1925. 267 p.*

14. *Triolet Elsa.* Maïkovski, poète russe : Souvenirs. Paris : Éd. Sociales internationales, 1939. 140 p.*

15. *Samtchouk Oulas.* Marya : Roman / Trad. de l'ukrainien. Paris : Éd. du Sablier, 1955. 152 p.*

16. *Arcos René.* ... de Source. Paris : Éd. du Sablier, 1948.*

17. Писатели Русского Зарубежья. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с. (Литературная энциклопедия Русского Зарубежья: 1918–1940. Т.[1]).

18. Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М.: РОССПЭН, 1997. 749 с.

19. Русские писатели XX века: Биографический словарь. М.: БРЭ; Рандеву-АМ, 2000. 808 с.

20. Российская еврейская энциклопедия. Т.3: Биографии С–Я. М.: Эпос, 1997. 528 с.

21. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. 640 с. (Литературная энциклопедия Русского Зарубежья: 1918–1940. Т.[2]).

22. Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 // Новая русская книга (Берлин). 1922, май. №5. С.32–39.

23. *Siméon Youchkiévitch.* ...Dans la Peur <...> : Проспект издания. Paris: Plon-Nourrit, 1925. 4 p.*

24. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940, Франция / Под общ. ред. *Л.А.Мнухина:* В 4 т. М.: ЭКСМО; Paris: YMCA-Press, 1995-97.

25. Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918-1920 г. // Русская книга (Берлин). 1921, янв. №1. С.15–35.

26. Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1920 г. // Русская книга (Берлин). 1921, февр. №2. С.21–32.

27. То же // Там же. 1921, апр. №4. С.24.

28. *Champion Édouard.* Catalogue général de la Librairie Française. T.32: Période de 1922 à 1925. Auteurs : H–Z. Paris: Librairie ancienne Honoré Champion, 1934. P.550, 897.

29. The National Union Catalog: Pre-1956 Imprints. Vol.458. Mansell, 1976. P.3 ; Idem, 1956 through 1967. Vol.90. Totowa (N.J.), 1970. P.328 ; Who's who in France: Dictionnaire biographique : 1959–1960. 4e éd. Paris : Jacques Lafitte, 1959. P.2099 ; Idem : 1961–1962. 5e éd. Paris : Ibidem, 1961. P.2315.

30. *Мнухин Л.* Русско-еврейский Париж в послевоенные годы // Очерки о русской эмиграции: Евреи России – иммигранты Франции = Les juifs russes – immigrants en France / Под ред. *В.Московича, В.Хазана, С.Брейар.* Иерусалим: Гешарим; Москва: Мосты культуры, 2000. С.104. (Cahiers de l'émigration russe).

31. Slavic History and Literatures. Vol.IV: Author and title listing: N–Z. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Library, 1971. P.179.

32. Библиография русской зарубежной литературы: 1918–1968 = Bibliography of Russian Emigre Literature: 1918–1968 / Сост. *Л.А.Фостер.* Т.2: Л–Я. Boston (Mass.): G.K.Hall, 1970. P.890.

33. *Kessel, Joseph Élie* / T. de Merembert // Dictionnare de Biographie Française. T.18. Paris: Letouzey et Ané, 1994. Col.1168–1169; Universalia-1980: Les événements, les hommes, les problèmes en 1979. Paris: Encyclopædia universalis France, 1980. P.561–562 ; Who's who in France <...>. 4e éd. Paris : Jacques Lafitte, 1959. P.1481–1482; Idem. 16e éd. : 1983–1984. Paris, 1982 ; Idem. 18e éd. : 1985–1986. Paris, 1985. P.480.

34. Who's who in France. 13e éd. : 1977–1978. Paris. P.938 ; Nouveau dictionnaire nationale descontemporains : 1961–1962. Paris, 1961. P.492.

35. Закрыт нам путь проверенных орбит... : М.Волошин, Н.Гумилев, О.Мандельштам : Возвращение поэзии / Сост. *С.Пинаев.* М.: Изд-во УДН, 1990. С.374. – Сообщено В.Петрановским.

Аркадий Руманов – забытое имя?[1]

Елена Яковлева (С.-Петербург)

З.Е.Серебрякова
Портрет А.В.Руманова
1928, Париж
Собрание Д.А.Руманова

19 октября 1960 г. Русский Париж прощался с Аркадием Вениаминовичем Румановым. *«Ушел еще один из прежних крупных журналистов глубокой мысли, всей душой отдававшийся своему любимому ремеслу»*, – сообщала эмигрантская пресса и тут же задавалась риторическим вопросом: *«Кто из дореволюционных читателей русской печати не знал имени А.Руманова?»*[2].

Современники называли его одним *«из самых блистательных людей когда-то блистательного Санкт-Петербурга»*[3], *«королем журналистов»*, черпавшим информацию *«из самых осведомленных правительственных и думских кругов»*[4]. Перед ним открывались двери кабинетов высокопоставленных лиц Российской империи. Среди друзей Руманова были государственные чиновники, аристократы, банкиры, юристы, философы, писатели, поэты, художники, актеры, музыканты и, конечно, журналисты. Он пользовался заслуженным авторитетом не только как профессионал высокого класса, но и как человек исключительной отзывчивости и доброты. Располагая значительными материальными средствами, помогал нуждающимся. *«Вечно чарующий и ободряющий»*[5], Аркадий Руманов, по словам писателя Алексея Ремизова, *«без всяких безобразий мог человека прославить и вывести на дорогу»*[6].

В печальный октябрьский день проститься со старым другом пришли русские эмигранты Сергей Маковский, Юрий Анненков, Георгий Адамович, Борис Зайцев, Ирина Одоевцева... Уже не было в живых его петербуржско-парижских спутников – княгини Елены Юрьевич и великого князя Александра Михайловича, Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского, Надежды Тэффи и Алексея

Ремизова, Дона-Аминадо и братьев Александра и Николая Оцупов. Погибли в концлагере Илья Фондаминский и мать Мария – Елизавета Кузьмина-Караваева. В далекой Индии завершился земной путь духовного сподвижника художника Николая Рериха, а в Соединенных Штатах – друзей молодости, литераторов и журналистов Осипа Дымова и Леонида Галича (Габриловича)...

В момент ухода Аркадию Руманову было неполных 82 года. Незадолго до этого, 29 ноября 1958 г., друзья отмечали его 80-летие. В парижской квартире на улице Вожирар собрались соотечественники – философы, музыканты, художники, поэты «парижской школы» Александр Гингер, Анна Присманова, Татьяна Гревс, София Прегель, Виктор Мамченко, Владимир Смоленский... Звучали стихи, музыка, гости беседовали и веселились. Центром внимания был юбиляр. Из прочитанных ему посвящений особенно дорогим стал «Сонет» Николая Оцупа, напомнивший о царскосельском детстве и юности:

Аркадий Веньяминович Руманов,
Хоть Вам сегодня восемьдесят лет,
Вы, как всегда, мечтатель и поэт...
Как мой ушедший сверстник Жорж Иванов.

Все качества свои Вы сохранили.
Всегда умно и никогда не зло
Все сразу понимая без усилий,

Для Вас я – мальчик (Коля). В мгле газет
Вас Блок заметил, невских царь туманов,
Граф Витте Вас ценил, и, с нами канув
В парижский омут, умница-эстет,

Вы, тоже царскосел,
мне говорили:
– Еще России солнце не зашло,
«Отечество нам – Царское Село»[7].

На юбилей откликнулись парижские и нью-йоркские газеты русской эмиграции, в равной мере подчеркивавшие роль юбиляра в истории русской журналистики и его человеческие качества. И хотя Руманов относился к журналистам, которые писали мало[8], среди тех, с кем ему приходилось работать, он неизменно завоевывал симпатии как человек, обладавший исключительным журналистским чутьем и даром *«быть "на ты" с самыми разными людьми и соединять самых разных людей, и в каждом – находить его "лучшее"»*[9]. Кроме того, по словам Сергея Маковского, Аркадий Руманов обладал редкостным умением *«"поднять" новое ответственное дело без всякого тщеславия, оставаясь в тени, но чувствуя себя министром великой державы, имя которой – Пресса»*[10].

Современники отмечали, что *«профессия и титул "газетчика" не отдаляли А.В.Руманова от художественной литературы, в частности, от поэзии. Его дом всегда был открыт поэтам; здесь импровизировались литературные вечера»*[11]. На протяжении всей жизни поэзия оставалась главной его привязанностью.

Узнав из газет о юбилее, сердечное письмо прислал Румянову парижский протоиерей Димитрий Соболев. Он вспомнил о своем сотрудничестве с популярнейшей дореволюционной газетой «Русское слово», петербургское отделение которой возглавлял Румянов, о работе под его руководством в парижской резистанской газете «Советский патриот». «*Ото всего, что относилось к Вам, исходило от Вас в такой работе, я доселе сохраняю то, что физики зовут "остаточным последствием": это Ваш шарм тонкой, культурной и благородной личности. Спасибо Вам за Вас! Молитвенно хочу, чтобы Господь Бог продлил людям радость общения с Вами!*», – писал протоиерей[12].

Румановский «шарм тонкой, культурной и благородной личности» испытали на себе многие современники. Вспоминая своего «верного друга»[13], Маковский писал, что когда среди писателей заходила речь о Румянове, они непременно улыбались. «*Чуть снисходительно, быть может, но, конечно, – не злонасмешливо. Уж очень Аркадий Веньяминович – общий друг, ко всем благожелателен, умно и ласково отзывчив. С каким бы отвлеченным вопросом не прийти к нему (или по личному делу), тотчас весь насторожится, взволнуется сочувственно, все поймет с полуслова, готов долго "делиться мыслями". Словно случайный гость – самый близкий ему человек*»[14].

Однако идеализировать образ Румянова, безусловно, не стоит. Как любой человек, и он не был свободен от всякого рода слабостей. Некоторые из них становились поводом для анекдотов[15]. Известны и негативные отклики. Их авторы – соотечественники, оставшиеся после революции 1917 г. в России. Это, в первую очередь, экономист Иван Озеров и литератор Корней Чуковский. Правда, питая к Румянову нескрываемое чувство враждебности, они «клеймили» его только в советский период. До революции же дарили книги с теплыми дружескими надписями, писали приветливые письма. Чуковский, например, в тридцати своих письмах 1905 – 1917 гг. неизменно признавался в любви и преданности Румянову и благодарил за то многое, что тот сделал для него[16].

Весьма выразительный поэтический образ, дополняющий изобразительную иконографию Румянова, известную по произведениям художников Виктора Дени (1915), Михаила Линского (1920), Зинаиды Серебряковой (1928), Бенна – Бенжу Рабиновича (1942) и Александра Гефтера (1943), создал Михаил Струве в своем стихотворении по поводу румановского 70-летия:

Пальто широкое и нараспашку,
И толстый шарф зимой и в летний зной.
Но милый нрав и добрую замашку
Как описать ямбической строфой?

Так благостно, так, будто бы без цели
Сияют близорукие глаза.
И так не верится, что в этом теле
Порой шумит бурливая гроза.

И все-таки порой она вскипает
На краткий миг, как в ясный вешний день.
Умолк, и в путь. И вновь пола мелькает,
И теплый шарф, и шляпа набекрень...[17]

Сорок лет прожил Аркадий Руманов в эмиграции. В конце 1918 – начале 1919 г. через Гельсингфорс и Стокгольм он прибыл сначала в Лондон, где вошел в основанный эмигрантами Комитет Освобождения России, членами которого были П.Н.Милюков, М.И.Ростовцев, В.Д.Набоков. Спустя недолгое время обосновался в Париже, где по предложению П.Б.Струве первоначально заведовал «сношениями по русским делам со всей французской прессой»[18]. В Париже Руманов вел довольно активный образ жизни, периодически сотрудничая с такими изданиями, как «Борьба за Россию», «Числа», «Иллюстрированная Россия», «International Observer». Там он основал и возглавил журнал «Cinea» и литературное агентство «Selection», работал как юрист, создав вместе с московским нотариусом К.И.Тихомировым юридическое бюро. По словам самого Руманова, ряд дел он провел под руководством и при участии профессора барона Б.Э.Нольде. Будучи членом общества «Alhambra», немало личных средств вложил в создание немого фильма А.Ганса «Наполеон».

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в качестве статс-секретаря великого князя Александра Михайловича Руманов совершил поездки в США, Канаду, Абиссинию, где читал лекции о французской культуре и политическом состоянии Европы, а также записывал выступления Александра Михайловича на тему «Когда я был великим князем», изданные вскоре в виде воспоминаний. Самым тяжелым периодом парижской жизни Аркадия Руманова стали годы, предшествовавшие Второй мировой войне, оккупация гитлеровцами Парижа и послевоенная «холодная война». За это время из «блистательного» и преуспевающего человека он превратился в старика, который с каждым годом все больше походил на мудреца. По словам сына, его уже не интересовала мирская суета. *«Все, что*

было связано с ней, казалось ему поверхностным. Теперь он всецело отдавался духовности, уделяя главное внимание голосу своего сердца»[19].

Если при жизни Аркадия Руманова имя его в эмигрантской среде было достаточно известным, то на родине за годы советской власти его успели подзабыть. Как ни странно, но ни в одном энциклопедическом справочнике (по Русскому Зарубежью, журналистике, литературе XX в.), ни даже в Еврейской энциклопедии нет хотя бы небольшого очерка о Руманове. Между тем масштаб его личности, место в истории русской культуры, взаимоотношения с современниками требуют восполнения этого пробела.

И все же имя Руманова в наше время, что называется, «на слуху». Его можно встретить в различных изданиях, таких, например, как труды об издательском предприятии Ивана Сытина[20], в исследованиях историков России[21] и историков литературы[22], в письмах[23], дневниках[24], воспоминаниях[25] современников. Встречается оно и на страницах художественной литературы – среди авторских посвящений, предваряющих стихотворные и прозаические произведения[26]. Руманов дорожил и посвящениями, и автографами на книгах[27]. Сохранившиеся издания из национализированной советской властью румановской библиотеки содержат дарственные надписи Максима Горького, Александра Блока, Михаила Кузмина, Сергея Городецкого, Николая Морозова, Юлия Гессена, Николая Рериха и многих других. Немало книг с авторскими автографами появилось у него и в эмиграции.

Наиболее же беспристрастно имя Руманова упоминается ...в каталогах Государственного Русского музея. Дело в том, что в 1910-е гг. Аркадий Руманов считался одним из наиболее заметных петербургских коллекционеров художественных произведений. Его собрание, включавшее коллекции русского и зарубежного изобразительного искусства, портретной миниатюры немецких художников XVIII в. и старинной нумизматики, имеющей «археологическую ценность», насчитывало сотни экспонатов[28]. Достаточно сказать, что национализированные после эмиграции владельца произведения разошлись по 25 (выявленным на сегодняшний день) музеям бывшего СССР[29]. Порядка 150 произведений хранится ныне в Санкт-Петербурге, в Государственном Русском музее[30].

Работа над научным каталогом собрания Русского музея способствовала обращению сотрудников к изучению истории бытования принадлежавших Руманову произведений и, разумеется, к уточнению биографии их владельца. Использование изобразительных и литературных материалов, различного рода документов из

российских и зарубежных архивов позволило подготовить несколько публикаций, посвященных Аркадию Руманову[31], его взаимоотношениям с современниками[32], его художественному и книжному[33] собраниям. Обилие документов (в особенности, эпистолярных) вселяет надежду подготовить еще не одну публикацию.

Аркадий Вениаминович (Абрам-Исаак Бениамин) Руманов[34] родился 29 ноября 1878 г. в Царском Селе близ Петербурга[35]. Его отец – мещанин иудейского вероисповедания Бениамин Абрамович Руманов, приписанный к Троупянскому обществу Вилкомирского уезда Ковенской губернии, работал часовщиком, знал еврейскую литературу и, как говорили, в свое время посетил палестинские земли[36]. Мать – Года Моисеевна, урожденная Кальварская, всеобщая любимица, человек глубоко религиозный, пережила мужа лет на пятнадцать и ушла, когда почти все шестеро их детей имели свои семьи[37]. Отцовская мудрость и доброта матери заложили в детях ту основу, которая помогла им стать достойными и уважаемыми людьми. Доброту и любовь считал главными человеческими качествами старший сын – Абрам-Исаак (впоследствии назвавшийся Аркадием). *«Самый большой грех, по его мнению, – ранить человеческую душу. Человек не должен никому даже невольно причинять зла»*, – повторял он, на протяжении всей жизни стараясь придерживаться этого правила[38].

Аркадий Вениаминович, Лидия Ефимовна и Даня Румановы
Париж, 1946 г.
Собрание Д.А.Руманова

Несмотря на то, что семья не отличалась большим достатком, родители дали возможность Аркадию получить хорошее образование. Он учился в одной из лучших гимназий – Императорской Николаевской Царскосельской. Окончил ее золотым медалистом в 1896 г. По свидетельству одного из учителей, гимназист Руманов отличался «совершенно недюжинными способностями, был всегда безукоризненной нравственности»[39]. Желая «посвятить себя изучению медицины», в том же году поступил на медицинский факультет Московского университета. Прослушав лекции первых двух семестров, разочаровался в будущей профессии и в 1898 г. перевелся в Петербургский университет на юридический факультет.

Там его сокурсниками стали Александр Блок, будущий художник Анатолий Кайгородов, грузинский князь, впоследствии присяжный поверенный Варлаам Геловани, Григорий Ландау, с которым судьба сведет Руманова в эмиграции. Тогда же Аркадий познакомился и подружился с начинающим поэтом Леонидом Семеновым-Тян-Шанским – внуком известного географа и коллекционера художественных произведений. Вместе они посещали лекции ученых-филологов, участвовали в литературных кружках. Руманов, как и его друг, все больше тяготел к литературному творчеству. В значительной мере это и предопределило выбор им жизненного пути.

Весной 1902 г., получив свидетельство о прослушанных лекциях, Руманов отправился в Одессу сдавать государственные экзамены в Новороссийский университет. Спустя год, воспользовавшись предложением Константина Арабажина, возглавившего газету «Кавказские Минеральные Воды», молодой юрист оказался в Пятигорске в должности секретаря редакции этой газеты[40]. Редакционная работа увлекла его, и с тех пор он *«почти всецело посвятил себя литературному труду»*[41]. Помимо выполнения редакторских обязанностей Руманов время от времени писал статьи. В основном это были театральные рецензии.

Использовал он и свои юридические знания, став помощником присяжного поверенного Григория Гольберга[42].

Вернувшись в Петербург, Руманов, непродолжительное время прослужив в должности секретаря редакции «Театральной России», перешел в газету «Биржевые ведомости», где совмещал обязанности корреспондента и помощника редактора вечернего выпуска.

Смена редакций начинающим журналистом была закономерной, ибо интересы его выходили далеко за пределы литературно-театральной направленности. Кроме того, Руманова, по словам Маковского, уже захватила *«страсть к журнализму, к злободневным событиям, к политическому головокружению последних десятилетий Российской империи»*[43].

Начиная с 1906 г., одновременно с работой в «Биржевых ведомостях», Руманов возглавил петербургское отделение «Русского слова» – одной из самых распространенных газет дореволюционной России. В этой газете он стал «пионером и создателем нового рода политической информации в европейском масштабе»[44]. Оставаясь на протяжении десяти лет на этом посту, Руманов считался «правой рукой» Сытина. Когда же в 1916 г. издатель приобрел популярный журнал «Нива» и «Товарищество издательского и печатного дела А.Ф.Маркс», то назначил Руманова директором журнала и одним из

трех директоров «Товарищества...». Профессиональная карьера Аркадия Руманова складывалась очень удачно.

Весьма показательно отношение Руманова к так называемому еврейскому вопросу в период Первой мировой войны. Об этом известно из опубликованной дневниковой записи петроградского городского головы И.И.Толстого за 18 сентября 1914 г.: *«В 9 час. ко мне приехал Арк. Руманов, просидевший у меня до 12 час. Он говорил со мной о положении евреев и о необходимости обратить внимание на еврейский вопрос ныне же, пока не поздно. Он высказал мнение, что три меры могли бы быть приняты немедленно, причем произвели бы самое благоприятное впечатление: 1) разрешение селиться в сельских местностях (без уничтожения пока черты оседлости), 2) уничтожение или хотя бы увеличение %-ной нормы в учебных заведениях и 3) дарование временного права жительства евреям, бежавшим из местностей, где происходят военные действия. Он говорит, что самый умный из теперешних министров, Кривошеин (кстати, сам еврейского происхождения), сознает опасность антисемитизма и предвидит самые роковые осложнения после окончания войны»*[45].

УЛИТКА

А. В. и Л. Е. Румановым

Одним даются извлеченья
из всех греховных повестей,
другим — лишь доблесть отреченья
от человеческих страстей.
Та доблесть пишется курсивом,
невидной кровью иногда...
И все-таки, чтоб быть счастливой,
я слишком, кажется, горда.
Есть души, что горбы таская,
скрывают горнее на дне.
Быть-может я сама такая
и горб улитки есть на мне?

Стихотворение Анны Присмановой из ее книги "Соль" *(Париж, 1949)*, **посвященное А.В. и Л.Е. Румановым**

Несмотря на постоянную загруженность, Руманов неизменно откликался на просьбы, вне зависимости от того, касалось ли это частных лиц или организаций, евреев или нееврев[46]. Любопытна характеристика Руманова философом Василием Розановым, известным своим пристрастием к еврейской теме: *«Лично я от евреев только прекрасное видел, и, например, отношение ко мне Руманова из "Русского слова" (Аркадий Вениаминович) – удивительно по тонкости и деликатности: и я не забуду, как этот еврей по телефону говорил мне поддерживающие и укрепляющие слова (в пору полемики с Пешехоновым)»*[47].

Руманов обладал удивительной способностью, сближаясь с разными людьми, проникаться их взглядами и подходом к жизни. С евреями он был евреем, с православным – православным, и в этом не было никакого притворства. Он всегда оставался самим собой.

Долгие годы его жизнь состояла из внутренней, мало кому известной, и внешней, яркой и преуспевающей. Утрата в 1934 г. младшего брата[48] и в 1939 г. – жены[49], оккупация Парижа нацистами, преследование евреев гитлеровцами и, вследствие этого, мучительные переживания обратили Аркадия Руманова к «неустанной борьбе» с самим собой, «со своим прошлым, со своим эгоизмом»[50]. Об этом состоянии свидетельствует его письмо Дмитрию Мережковскому, написанное в начале 1941 г. В нем он размышляет о себе: *«Упивался своим Царским Селом (где я родился), упивался Пушкиным, Достоевским, Розановым, Мережковским, своей любовью к "Прекрасной Даме" и ...деньгами, которые давали возможность всем "упиваться", а не творил своей Личности. Рядом была "Божья душа", которой тоже упивался для себя самого. Знал, где раки зимуют, а не думал о том, где придется самому зимовать. Впервые теперь почувствовал потребность быть верным неземному и ловлю последние минуты жизни, чтобы спасти свою душу»*[51].

И лишь новая семья[52], появление в ней сына[53], страстное желание вырастить из него человека – все это на фоне общего подъема, обусловленного победой во Второй мировой войне, в которой главная роль принадлежала соотечественникам, вернули Руманову интерес к жизни. Он вновь занялся любимым делом – стал работать секретарем редакции резистанской газеты «Русский патриот» (позднее – «Советский патриот»). Когда в 1946 г. в Париже оказались советские писатели Илья Эренбург и Константин Симонов, организовал встречу с ними у себя на квартире, пригласив почти всех друзей – членов «Объединения русских писателей во Франции». Но вскоре началась «холодная война». Французские власти ликвидировали «Советский патриот», распался его коллектив... Аркадий Вениаминович отошел от всех общественных и политических дел и полностью погрузился в свой духовный мир. Теперь он был свободен от всякой мирской суеты. Его внутренняя и внешняя жизни, столь долгие годы существовавшие как бы сами по себе, наконец соединились. Не придавая значения своему внешнему облику, он выглядел как бедный старик. Вместе с тем внутренне оставался таким же активным: его по-прежнему трудно было удержать на месте, он так же навещал друзей, радовался их успехам и огорчался неудачам.

Воспитанный в иудаизме, Руманов хорошо знал и основы христианства. Как известно, сущность обеих религий заключается в

провозглашении единого Бога. Бог – это Единство, а Единство – это Любовь, поскольку Любовь – прежде всего ощущение единения, когда «другой» становится «своим». Это понимание лежит в основе подлинной духовности, которая по существу выражается во всех религиях. Быть может, именно оно и облегчило Руманову решение о переходе в православие. А может быть, православие было необходимо ему для карьеры, или была другая причина – нам не известно. В 1912 г. он крестился. Обряд свершился 27 июня в столичном Исаакиевском соборе. Внешнюю значимость этого события подчеркивает место крещения (главный православный собор Российской империи) и выбор воспреемника. Им стал действительный статский советник, бывший член Государственной думы Владимир Хвощинский[54]. Однако спустя шесть лет, заполняя опросный лист для получения заграничного паспорта, в графе «религия» Руманов уверенно написал: «иудейская»[55]. Дело в том, что любящий свою глубоко религиозную мать Аркадий Вениаминович счел для себя необходимым читать кадиш над ее могилой. Однако ему как крещеному это было запрещено. Тогда в присутствии раввина и всех родственников он предъявил документ, подтверждающий отказ от православия и принятие снова иудаизма, и прочитал с разрешения раввина поминальную молитву. Похоже, и факт крещения, и отказ от него не стали достоянием широкой общественности, хотя, безусловно, в определенных кругах об этом было известно. Тем не менее можно утверждать, что частное отношение иудеев и христиан к крестившемуся Руманову после 1912 г. не изменилось. Когда спустя десятилетия в помощи нуждался он сам, ее оказывали все, он же с достоинством принимал ее.

Представляется, что Руманов был не столько религиозным, сколько духовно настроенным человеком. По существу, у него была своя вера, соединившая иудаистский и христианский подходы к Богу и его собственный, личный обряд. Как православный он молился, стоя на коленях, но произносил свои молитвы на иврите. С улыбкой говорил, что на этом языке ему легче беседовать с Богом.

---

[1] Автор глубоко признателен Даниилу Аркадьевичу Руманову (Париж) за постоянную поддержку и неизменное внимание к работе над темой, за ценные замечания при подготовке статьи, а также за предоставленные документальные, литературные и изобразительные материалы.

[2] *Жерби А.* Памяти А.В.Руманова // Русская мысль. 1960, 1 ноября.

[3] Выражение Кирилла Померанцева. См.: *Померанцев К.* Сквозь смерть: Воспоминания. Overseas Publications Interchange Ltd., [1986]. С.123.

[4] *Старые друзья А.В.Руманова.* Скончался А.В.Руманов // Новое русское слово. 1960, 21 октября.

[5] Слова из дарственной надписи *Г.К.Лукомского* А.В.Руманову от 21.01.1909 г. на обороте акварели Лукомского «Внутренность Шартрского собора», до революции принадлежавшей Руманову. С 1931 г. произведение хранится в собрании Дальневосточного художественного музея, Хабаровск.

[6] *Ремизов А.М.* Петербургский буерак. Париж, 1981. С.59.

[7] «Сонет» *Н.А.Оцупа* приводится полностью. Публикуется впервые. Автограф хранится в архиве Д.А.Руманова, Париж.

[8] Статьи и интервью А.В.Руманова печатались в газетах, с которыми он сотрудничал. Единственной написанной им книгой стала брошюра «Священник Г.С.Петров, член Государственной думы. Биография и история ссылки в монастырь» (М.: Типография Т-ва И.Д.Сытина, 1907). Некоторые воспоминания Руманова о его современниках вышли в свет уже после смерти автора (см.: «Время и мы». Нью-Йорк, Иерусалим, Париж. 1987. № 95). Стихотворения еще ждут своей публикации.

[9] *Маковский С.* К восьмидесятилетию журналиста // Русская мысль. 1958, 4 декабря.

[10] Там же.

[11] *Х.Е.* 80-летие А.В.Руманова // Русские новости. 1958, 5 декабря.

[12] *Соболев Д.* Письмо А.В.Руманову, 09.12.1958 г. // Архив Д.А.Руманова, Париж.

[13] Так неоднократно называл А.В.Руманова С.К.Маковский. Весьма показателен автограф Маковского от 24.04.1951 г. на его книге «Круг и тень. Пятая книга стихов». Париж: Рифма, [1951]: *«Верному другу Аркадию Вениаминовичу Руманову, сказавшему мне за полвека так много нужных слов, правда которых звучит "где-то за словом"».* Книга хранится в библиотеке Д.А.Руманова, Париж.

[14] *Маковский С.* Указ соч.

[15] Например, один из анекдотов записал в своем дневнике 20.12.1923 г. К.И.Чуковский – о том, что Руманов якобы продал *«два астральных русских парохода какой-то республике. "Астральных" потому, что их нигде не существовало. Они были – миф, аллегория, но Руманов знал на них каждый винтик и так описывал покупателям, что те поверили»* (*Чуковский К.И.* Дневник 1901–1929 гг. М., 1997). Другой анекдот – о том, как будучи уже в эмиграции, Руманов предложил великому князю продать императору Абиссинии (православному христианину) *«"ключи" от Гроба Господня»*, – приводит К.Померанцев (Указ. соч. С.121). *«"Ключи", то есть соответствующая грамота, по традиции хранилась русским императором, а после революции и убийства царской семьи оказалась у Александра Михайловича, одного из ближайших родственников убитого государя»* (Там же). Эта же история в изложении самого Аркадия Руманова опубликована в «Воспоминаниях об отце – Аркадии Вениаминовиче Руманове» *Д.А.Руманова*

(Н.К.Рерих и его современники: Коллекции и коллекционеры // Сб. ст. Одесса, 2001). Анекдотичные ситуации, связанные с Румановым, с его умением *«достать луну с неба»* рассказывает И.Одоевцева (*Одоевцева И.* Бывшие встречи, бывшие дружбы... // Русская мысль. 1960, 22 ноября).

[16] Об этом в докладе *Е.П.Яковлевой* «А.В. Руманов и К.И. Чуковский. К истории взаимоотношений». Прочитан 26.11.1999 г. на Научной конференции, посвященной А.А.Блоку. СПб, Музей А.А. Блока.

[17] Стихотворение *М. Струве* «А.В. Руманову» датировано 29.11.1947 г. Автограф хранится в архиве Д.А.Руманова, Париж.

[18] *Руманов А.* Биография // Журнал любителей искусства. 1997. № 8–9. С. 112.

[19] *Руманов Д.А.* Указ. соч. С.149.

[20] Основные монографии: *Диннерштейн Е.А.* И.Д.Сытин. М., 1983; *Рууд Ч.* Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин. М., 1993.

[21] Например, *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* С.Ю. Витте-мемуарист. СПб., 1994; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999.

[22] В первую очередь блоковедов (*Орлов Вл.* Гамаюн. Л., 1978, *Турков А.* Александр Блок. М., 1969 и др.). Об их трактовке личности А.В. Руманова – в статье *Е.Яковлевой* «Блок и А.В.Руманов» в сб.: Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып.IV: Музей-квартира А.А.Блока: Материалы научных конференций. СПб, 1999.

[23] В письмах Л.Н.Андреева, А.А.Блока и комментариях к ним.

[24] В дневниках А.А.Блока, И.И.Толстого, З.Н.Гиппиус и др.

[25] В воспоминаниях Н.Валентинова, Вл.Пяста, Дона-Аминадо, К.Д.Померанцева, В.Д.Семеновой-Тян-Шанской и др.

[26] Например, стихотворения З.Н.Гиппиус, Вл.Пяста, С.К.Маковского, И.Одоевцевой и других поэтов. Н.А.Тэффи посвятила Руманову рассказ «Бабья книга».

[27] Об этом свидетельствует, например, письмо А.В.Руманова М.А.Волошину с просьбой к поэту поставить автограф на его новой книге (*Руманов А.В.* Письмо М.А.Волошину, 30.12.1911 г. // РО ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. Д.1042).

[28] Об этом см. публикации *Е.П.Яковлевой*: К вопросу о судьбах национализированных коллекций 1910-х годов: Собрание А.В. и Е.Л. Румановых // Государственная Третьяковская галерея, Объединение Магнум Арс. IV научная конференция «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства». М., 24–26 ноября 1998 [стендовый доклад]; Художественное собрание А.В. и Е.Л. Румановых как источник музейных поступлений // Художественные коллекции музеев и традиции собирательства: VI научные Боголюбовские чтения, посвященные 175-летию со дня рождения А.П.Боголюбова, основателя Радищевского музея. Саратов: Слово, 1999. С.57–71; А.В.Руманов – петербургский коллекционер и меценат // Первые Третьяковские чтения «Меценат.

Коллекционер. Музей. Меценатство как явление мировой культуры XIX–XX веков». М.: ГТГ, 16 февраля 2000 г. (доклад); О петербургском собирателе А.В.Руманове и судьбе его художественных коллекций // Н.К.Рерих и его современники: Коллекции и коллекционеры. С. 172–188.

[29] Их перечень см. в статье *Е.П.Яковлевой* «О петербургском собирателе А.В.Руманове и судьбе его художественных коллекций». С.187–188. Первую выставку произведений, принадлежавших А.В.Румянову, организовал на материале собственных фондов Омский музей изобразительных искусств им. М.А.Врубеля (см.: буклет «Собиратель Аркадий Вениаминович Руманов». Омск, 2001).

[30] Об этом см. публикации *Е.П.Яковлевой*: Из истории коллекций Русского музея: Собрание А.В.Руманова // Конференция, посвященная итогам научно-исследовательской работы ГРМ за 1997 г.: Тезисы. СПб.: ГРМ, апрель 1998. С.17–19; Произведения Н.К. Рериха в дореволюционном собрании А.В. и Е.Л. Румановых // Конференция, посвященная итогам научно-исследовательской работы ГРМ за 1998 г.: Тезисы. СПб.: ГРМ, апрель 1999. С. 34–35.

[31] Первой стала публикация *Е.П.Яковлевой* «Русское зарубежье: Аркадий Вениаминович Руманов», включающая биографию Руманова, его стихотворения и стихотворные посвящения, адресованные ему (Журнал любителей искусства. 1997. № 8–9. С.109–115).

[32] Например, с А.А.Блоком (см. примеч. 22), К.И.Чуковским (см. примеч. 16), Н.К.Рерихом (*Яковлева Е.П.* Н.К.Рерих и А.В.Руманов // Наследие Рерихов – достояние всего человечества: Международная юбилейная научная конференция. М.: Государственный музей Востока, 5–8 октября 1999 г.[доклад]), А.И.Куприным (*Перова Н.Ю.* А.В.Руманов и А.И.Куприн. К истории взаимоотношений [рукопись]).

[33] *Конова Л.С.* Библиотека А.В.Руманова // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. IV. С.246–252.

[34] О происхождении своей фамилии А.В.Руманов рассказывал сыну следующую версию. У его деда Абрама было пятеро сыновей, которые, желая избавиться от воинской повинности, с помощью раввина получили разные фамилии. Один (Бениамин) стал Румановым, другой – Файнбергом, третий – Карпом (или Карповым). Фамилии двух других братьев отца он не запомнил.

[35] Судя по «Свидетельству об успехах, прилежании и поведении ученика мл<адшего> отд<еления> пр<иготовительного> класса Императорской Николаевской Царскосельской гимназии Руманова Абрама Исаака за 1886/87 учебный год», в указанный период семья проживала в Царском Селе в доме Головань на Стесселевской улице (РГАЛИ. Ф.1694. Оп.1. Ед.хр.1. Л.1).

[36] Согласно семейным преданиям, Бениамин Руманов интересовался идеей создания еврейских поселений на палестинских землях. По-видимому, с этой или какой-то иной целью он еще юношей отправился в Палестину, но там его «обжулили», и он вернулся домой.

[37] Сведения о близких родственниках А.В.Руманова любезно предоставлены его племянницей – г-жой Миррой-Рене Леоновной Виссон (США), за что автор выражает глубокую признательность. Года Моисеевна Руманова умерла 06.01.1917 г. в Петрограде. Похоронена на Царскосельском еврейском кладбище (ныне Преображенском).

[38] *Руманов Д.А.* Указ. соч. С.161.

[39] *<Мухин Ар.?>* Письмо В.Л.Серегеевичу от 04.08.1898 г. // ЦГИА СПб. Ф.14. Д.35815. Л.107.

[40] Подробнее см.: *Перова Н.Ю.* А.В.Руманов в газете «Кавказские Минеральные Воды». Начало журналистской деятельности // Н.К.Рерих и его современники: Коллекции и коллекционеры. С.163–171.

[41] *Руманов А.* Указ соч. С.112.

[42] Судя по «Списку присяжных поверенных округа С.-Петербургской судебной палаты и их помощников к 31 января 1914 г.» (СПб, 1914. С.68), официально Абрам Вениаминович Руманов зачислен в помощники присяжного поверенного Г.А. Гольберга 12.05.1907 г.

[43] *Маковский С.* Указ. соч.

[44] *Руманов А.В.* [Автобиография] // РО ИРЛИ. Ф.377. Оп.7. Д.3115.

[45] *Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С.551.

[46] Просьбы носили самый разнообразный характер. Так, например, секретарь Центрального комитета Еврейского колонизационного общества С.Я.Яновский просил А.В.Руманова завершить начатое им дело: *«помочь <...> Гите Викторовне Хаскиной получить, взамен назначенной ей высылки под надзор полиции, заграничный паспорт»* (Надпись на обороте визитной карточки С.Я.Яновского <б/д>. РГАЛИ. Ф.1694. Оп.1. Ед. хр. 729. Л. 71 об.).

[47] *Розанов В.В.* Письмо М.О.Гершензону <от 1912 г.>. Переписка В.В.Розанова с М.О.Гершензоном: 1909–1918 // Новый мир. 1997. № 3. С.234–235.

[48] *Женни Лазаревна (Евгения Львовна) Руманова*, урожденная Штембер (1883–1939), пианистка.

[49] *Моисей (Михаил) Вениаминович Руманов* (1889?–1934).

[50] *Руманов А.В.* Письмо Д.С.Мережковскому от <начала 1941 г.> // Архив Д.А.Руманова, Париж.

[51] Там же.

[52] Вторая жена А.В.Руманова – *Лия (Лидия) Ефимовна Руманова*, урожденная *Цинн* (1897–1983).

[53] *Даниил Аркадьевич Руманов.* Родился в 1936 г. в Париже. Специалист по индуистским духовным учениям. Окончил юридический и экономический факультеты, Высшее коммерческое училище, Школу восточных языков. В 1959 г. посетил Индию с целью подготовки диссертации на тему «Экономическое развитие малоразвитых стран». После возвращения в Париж изучал санскрит в Сорбонне. Работал на различных торговых предприятиях, в 1969 г. открыл собственную фирму по импорту ремесленных изделий из Индии и стран Дальнего Востока. Возглавлял несколько фирм.

Издавал журнал «Психология». В 1986 г. в Сорбонне защитил докторскую диссертацию, посвященную философии индийского модерниста Свами Праджнанпада (опубликована в трех томах издательством «La Table Ronde»). Автор книг об индуистской духовной традиции и философии Свами Праджнанпада. Живет и работает в Париже.

[54] Об этом см.: ЦГИА СПб. Ф.19. Оп.127. Д.2719. Л.48 об.–49.

[55] *Руманов Аркадий Вениаминович.* Личное дело. 22.11.1917 г. ЦГА СПб. Ф.80. Оп.154. Д.3284. Л.2. Автор выражает признательность Л.А.Малашевской за предоставленные сведения.

Иосиф Миронович Лемперт
Очерк о библиофиле и антикваре, парижанине, влюбленном в русскую культуру

Жанна Абрамова (Нацрат-Иллит /Израиль/ – Париж)

Иосиф Лемперт
1943 г. Позади бои за Сталинград

Иосиф Лемперт, собиратель и продавец редких книг и документов, автографов и других раритетов, а также картин и антикварных русских изделий, отметил свое 80-летие в сентябре 1999 года.

Мы встретились через год в его магазине Saint-Petersbourg Antiquités Russes.

Передо мной среднего роста, подтянутый (мысленно отметила молодцеватую, военную выправку), крепкоскроенный, гостеприимно улыбающийся господин. Привычно широким жестом пригласил удобно устроиться. Вскоре спустилась с бельэтажа его жена, домовитая и доброжелательная Зинаида Зиновьевна. После недолгого представления Лемперт начал рассказывать о себе.

Как в короткометражном фильме, промелькнуло детство в Москве в психологически благоприятной семье. Отец Мирон Яковлевич Лемперт – торговый работник, мать Фаина Иосифовна – домохозяйка и брат Рахмиэль, старше Иосифа на 12 лет. Дальше: внезапность войны, фронт после трехмесячных курсов при военном училище связи, тяжелое ранение в 1943 году под Сталинградом, возвращение на фронт через полгода, и, как он сказал, *непонятным чудом остался жив*. День Победы праздновал в Польше.

Спустя какое-то время старший лейтенант, будучи в командировке около Львова, встретил и полюбил, и, как оказалось, на всю дальнейшую жизнь, Зинаиду Шерман. Она приехала незадолго до того к своей сестре после бегства из гетто и тяжелых испытаний в период оккупации, не теряя надежды найти родных (о их

трагической участи она узнала позже). Между молодыми завязалась переписка, а в 1947 г. они поженились. После демобилизации Иосифа они решили жить во Львове, а в 1957 г. переехали в Польшу (на родину жены).

Как-то, отдыхая в Сочи в гостинице для иностранцев, поднимаясь по лестнице в свой номер, они услышали русскую речь. Таким образом повстречали интуристы из Польши добрую фею в лице Софьи Михайловны Зерновой, которая многие годы руководила в Париже благотворительным центром по трудоустройству русских эмигрантов. Вскоре по ее приглашению И.Лемперт побывал у нее в гостях, и Париж его заворожил. Созрело решение: поселиться в столице Франции. Тогда же Иосиф Миронович принял второе, не менее важное решение – работать там с книгами, хотя бы рядом с ними.

Ростки будущего высокого специалиста-книжника он нес в себе с детства. Еще 12-летним мальчиком Иосиф задумал открыть школьную библиотеку в своем доме. Его брат взял под расписку из библиотеки 100 книг, и в определенные дни и часы в их квартиру приходили читатели. В формулярах были записаны более ста ребят. Библиотека пополнялась книгами и журналами, которые дарили соседи, жители других домов. В то время эта благородная акция мальчика никого не удивляла. Деталь, которую вспоминает с улыбкой: за каждый просроченный день взималась плата – 1 копейка.

Любовь к книгам привела его в ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории), где он учился три предвоенных года.

Отъезд во Францию состоялся в 1967 г. Софья Михайловна была душой этого переезда, она же способствовала ему. Их дружба сохранилась до конца ее жизни. Супруги до сих пор тепло вспоминают Софью Михайловну.

В момент отъезда из Польши у них было двое детей и всего 20 долларов. Поразительно! Для любимой собаки покупают билет за 18 долларов.

Переселение в другую страну, вернее процесс вживания, особенно при незнании французского языка, конечно, был трудным. Любая работа поначалу не пугала их. То, что стало для него интересным, он нашел опять-таки при участии С.М.Зерновой.

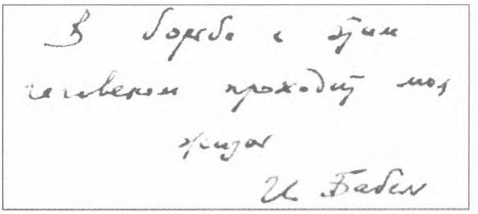
В районе Монпарнаса в те годы находились книжные склады большого магазина *Дом книги*, владельцем которого был выходец из Одессы Михаил Семенович Каплан. На склады из советского издательства *Международная книга* почти ежедневно поступали огромные пакеты с новинками печатной продукции. Директором

склада был тоже одессит, Аркадий Владимирович Лурье – большой любитель и знаток книги. Благодаря ему обычное книжное дело превратилось в научное учреждение: обрабатывались поступавшие каталоги, писались запросы, составлялись каталоги на новые поступления. Их рассылали известным библиофилам и в библиотеки ряда университетов (в частности, подчеркнул Лемперт, все американские университеты, покупали советские книги в парижском *Доме книги*). В Европе, он полагает, это было самое большое книжное дело. Оно потом обанкротилось, и склады пришлось закрыть. Это произошло в начале перестройки в России, когда российские издательства прекратили отсылать свою продукцию в *Международную книгу*.

И.Лемперт работал там первые два года. Просмотрел огромное количество книг, значительно пополнил свое библиотечное образование. Следующая и последняя служба по найму проходила в лицее, где он был учителем русского языка в течение восьми лет. Эту работу он любил и, по-видимому, пользовался взаимностью со стороны учеников. Как Иосиф Миронович мельком отметил, после него никто из преподавателей больше года на этом месте не задерживался.

Собственный букинистический магазин был открыт в 1975 году. *"Первый, кто посетил нас,* – вспоминает Лемперт, – *был знаменитый Сергей Лифарь, который принес каталог продажи коллекции книг С.Дягилева. Она вскоре должна была состояться в Монако. Не имея денег на возможные покупки, я все-таки поехал, подумав, что никогда не прощу себе, если не увижу эти книги. Мне*

Фотография И.Бабеля с его надписью:
В борьбе с этим человеком проходит моя жизнь
Фотография была подарена Вадиму Андрееву, сын которого – Александр – женился на дочери Лемпертов – Розе Лемперт-Андреевой (Фото Бориса Гесселя)

посчастливилось, в первый же день встретил там доброго знакомого, парижанина Льва Адольфовича Гринберга (из первой волны эмиграции). Увидев мои терзания, он дал мне "белый" чек (без указания суммы) и просил радоваться приобретениям. Конечно, впоследствии долг был возвращен. На другой день познакомился там же с известным литературоведом Ильей Самойловичем Зильберштейном. Потом он, приезжая в Париж, посещал наш магазин. Помню, как-то он приобрел чемодан с рукописями и письмами художника К.Коровина по баснословно дешевой цене".

С благодарностью вспомнил и известного в мире букинистов израильтянина Якова Тверского. Советы и консультации Тверского, сказал Иосиф Миронович, помогли ему встать на ноги. И тут же отметил, что обязательно полетел бы в Израиль за интересным раритетом.

Раздумывая после встречи, я пришла к заключению, что познакомилась с настоящим антикваром-профессионалом в широком смысле этого слова, с незаурядной свободолюбивой личностью, сумевшей найти и построить свое, независимое ни от кого жизненное пространство. Для него работа – это прежде всего удовольствие. Он сам себе хозяин и никому не подчиняющийся труженик. Его мысли направлены на пополнение антиквариата раритетом. Для этого нужны обширные знания мировой истории и отдельных видов искусства, знаменитых деятелей культуры и просто выдающихся личностей всех времен. Кроме того необходимы: тонкое чутье (умение отличить подлинное от подделки), художественный вкус, прекрасная память и, конечно, охотничий азарт.

Все это присуще Иосифу Лемперту! Приверженность русской культуре определила тему собирательства и, как компас, ориентирует в подборе предметов старины.

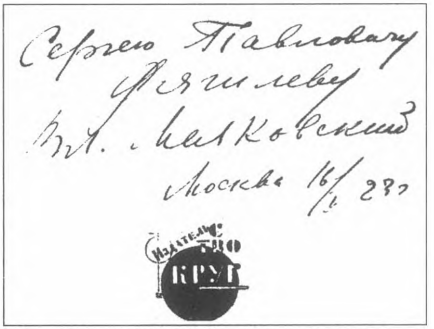
Через его руки прошли и частично осели тексты мемуаристики, письма, эссе многих деятелей духовной культуры России, особенно ее Серебряного века (русского культурного ренессанса, как назвал этот период Николай Бердяев). Многих из них впоследствии ждала тяжкая участь: гибель в советских застенках или в нацистских лагерях, в лучшем случае – скудная жизнь россиянина в зарубежье, сохранившего свое дарование, но потерявшего большую аудиторию.

И.Лемперт остался молодым и душевно богатым именно из-за неутолимой страсти к выбранному жизненному пути в этом суровом, часто трагическом XX веке.

Как можно было понять из его рассказа и нередких реплик жены, она не только горячо любимая с молодых лет, но и достойная спутница.

Зинаида Зиновьевна до войны жила в г. Дубно. Отец ее Зиновий Шерман был известный кантор. Он умер в 1940 г. Судьба матери и ее двух братьев была трагичной: вскоре после оккупации они были убиты фашистами. Зине, в то время ей было 14 лет, удалось бежать из гетто. Женщина, которая до войны помогала матери по хозяйству, дала ей адрес семьи, у которой уже прятались евреи. Ее неохотно приняли и поместили в подвал, в котором находилась пожилая женщина и ее дочь с мужем. Там они вчетвером пробыли 17 месяцев. Когда немцы начали отступать, они стали вывозить местных жителей в свой тыл. Однажды, когда Зина со своими подвальными соседями поднялись в квартиру, внезапно зашли оккупанты и, приняв их за украинцев, посадили в грузовик. Зина услышала шепот уже сидевших там: "Оказывается, еще не всех жидов убили". И когда машина медленно поехала в гору, ей удалось спрыгнуть и спрятаться во рву. Добрела по целине до какой-то деревни, но никто не захотел ее прятать. Наконец ее впустила одна старушка, у которой на постое стояли солдаты, и она готовила им еду. "Будешь помогать", – сказала хозяйка лаконично. Через некоторое время фашисты заподозрили в Зине еврейку. Старушка дала ей крестик и попросила уйти. Опять никто не хотел ее укрывать, пока она не набрела на дом, в котором проживала чешская семья. Хозяин догадался, кто к нему достучался, и сказал: "Если оккупанты узнают, кого мы прячем, сразу убьют всю семью". Ее поместили на чердаке, где она

Книга Вл. Маяковского с его дарственной надписью С.П.Дягилеву
Фото Бориса Гесселя

укрывалась под горой колючей соломы. Обычно вечером хозяйка приносила еду с кружкой свекольного кофе, который Зинаида Зиновьевна до сих пор вспоминает с наслаждением. Спустя некоторое время пришла Красная армия, и хозяин пригласил в дом врача-еврея в звании майора. Увидев девушку, он заплакал – так она была истощена. Отблагодарил семью щедро по тем временам: привез корову, лошадь, по мешку муки и сахара, а Зину отвез в Дубно к бывшей домработнице. Так закончилось ее *хождение по мукам*. Самостоятельность и коммуникабельность, храбрость, самообладание и выносливость в 14 лет спасли ей жизнь.

Супруги рука об руку прошли нелегкий путь, их жизнелюбие и целеустремленность помогали преодолевать невзгоды. Зинаида Лемперт искусствовед. С 1968 по 1975 год (до открытия магазина) она работала у известной художницы Сони Делоне (Терк), русской еврейке, поселившейся в Париже в 1905 г. Сейчас Зинаиде Зиновьевне 73 года. Она помогает мужу во всех его начинаниях, трудолюбива и, как говорят, легка на подъем.

Рассказывал Иосиф Миронович и о интересных посетителях своей *русской лавки*, как кто-то из них ее назвал. Супруги показали толстый альбом, который хозяин назвал *золотой книгой*. В ней многочисленные записи приглянувшихся ему гостей. Оставили свой автограф С.Лифарь, В.Высоцкий, Р.Нуриев, Г.Рождественский, Жан Маре. А Александр Галич написал: *"Как радостно увидеть в Париже такой дом и такую любовь к русской культуре"*. Михаил Шемякин назвал И.Лемперта *владельцем чудес*. И это подтверждается даже при беглом знакомством с увиденным.

Стеллажи, заполненные до потолка книгами и папками с редкими манускриптами. Конечно, есть каталог, который быстро дает *адрес* искомого материала. *Владелец чудес* с гордостью демонстрирует книги с автографами Алданова, Бабеля, Бунина, Гиппиус, Б.Зай-цева, Осоргина, Тэффи, Шестова, Маяковского с его размашистой росписью. Из одной папки Иосиф Миронович достает письма Александра Ремизова, из другой – Саши Черного.

В стеклянных шкафах и витринах – старинные ювелирные украшения из серебра, посуда, самовары, изделия из фарфора, российские ордена, медали, монеты и другой антиквариат. Например, печатка графа Фредерикса, министра Николая II.

Хозяин *русской лавки* – страстный коллекционер – предлагает познакомиться с тем, что находится у него в личном музее и не подлежит продаже. Поднимаемся по внутренней лестнице этажом выше, в его квартиру, и сразу встречаемся с большим портретом молодого Петра I. Художник Кнеллер написал три портрета в

1697/8 г., когда царь был в Лондоне: *"Один находится в Лондоне, один в петербургском Эрмитаже и один, как видите, у меня"*. Поражает и многое другое.

Среди фотографий и картин, которые висят на стенах, фотопортрет Бабеля с его надписью: *"В борьбе с этим человеком проходит моя жизнь"*. На фотографии Шаляпина с собакой им собственноручно написано: *"Эх, как бы мы были настоящими собаками! Париж, 1924 г."*

Показали и первое издание пушкинского "Евгения Онегина" (1833), первое издание "Отцов и детей" Тургенева (1862) с его автографом княгине Орловой.

Посмотрели сборник стихов будущего лауреата Нобелевской премии Бунина, изданный в 1929 г. В книжке переписанное им стихотворение Гумилева:

И.М.Лемперт с женой – Зинаидой Зиновьевной – в своем магазине
Фото Бориса Гесселя

Не по залам и салонам
Темным платьям и пиджакам –
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Н.Гумилев

И *ответ* Бунина:

Завидую! Как прославился
стихами! Не то что я! И
все потому, что драконы-то
не чета пиджакам
– знают толк в стихах!

Ив. Бунин

Далее – редкое 11-томное собрание сочинений Бунина, вышедшее в Берлине в 1936 г. В первом томе вклеено два письма, адресованные А.Ф.Лютеру, переводчику русских классиков на немецкий язык. Удивительная, случайно приобретенная находка. Ее

владелец читает нам письмо Бунина от 7 ноября 1953 г. – на другой день, 8 ноября 1953 г., И.Бунин умер.

Перед глазами пробежали картины и рисунки Добужинского, Петрова-Водкина. Из папки на другом стеллаже достается каталог первой выставки Дягилева в Париже (1906), а в ней письмо и акварели Бакста, А.Бенуа и автограф Дягилева. В другой папке рисунки А.Ремизова и среди них – шарж-портрет Бердяева.

За последние годы интересы И.Лемперта еще больше расширились. Активно поддерживаются деловые связи с крупными коллекционерами из разных стран и с библиотеками ряда университетов Европы и Америки. Магазин известен во многих странах, и туристы – частые посетители. Приходят также театральные работники – посмотреть коллекцию иллюстраций старинной русской одежды.

В парижских путеводителях указан адрес магазина, рассказывается об антикварiате, об Иосифе Лемперте и его дочери Александре – она признанный эксперт по античной бижутерии.

Итак, благодаря целеустремленности, воле, трудолюбию, умению принимать неординарные решения и тем самым управлять своей судьбой, сегодня Иосиф Лемперт – известный библиофил и антиквар, деловой современник, интеллигент, интеллектуал, бодро вступивший в XXI век.

Декабрь 2000 – январь 2001
Париж

АРХИВЫ И МЕМУАРЫ

М.М.Винавер в Париже
(Из «Воспоминаний» Розы Георгиевны Винавер)

Олег Коростелев (Россия)

«Крайне тяжелые дни»: Письма из Франции
I. Переписка Н.П.Вакара и Б.М.Сарача
II. Письма Я.Б.Полонского Б.И.Элькину

Публикация Ольги Демидовой (Россия)

Моя мама

Бэлла Эдельштейн-Ройтман (Израиль)

М.М.Винавер в Париже
(Из "Воспоминаний" Розы Георгиевны Винавер)

Публикация, вступительная заметка и комментарии
Олега Коростелева (Москва)

М.М.Винавер

Максима Моисеевича Винавера (1863 – 1926) читателю представлять не надо, его имя вернулось в словари и энциклопедии[1], о нем существует обширная мемуарная и исследовательская литература[2]. Его жена, автор публикуемых воспоминаний, всю жизнь оставалась в тени своего знаменитого мужа. Она была верной женой и подругой, близко к сердцу принимавшей все начинания своего мужа и готовой свернуть горы на намеченном пути.

Роза Георгиевна (Генделевна) Хишина (1872 – 1951) вышла замуж за Винавера в 1894 г. и разделила с ним все вы .павшие на их долю радости и невзгоды.

Молодая семья поселилась в Петербурге, где М.М.Винавер стал работать помощником присяжного поверенного (адвоката В.Д.Спасовича). В большой петербургской квартире Винаверов Роза Георгиевна устроила салон, где бывали философ Владимир Сергеевич Соловьев, критик Аркадий Георгиевич Горнфельд, историк Михаил Игнатьевич Кулишер, журналисты Моисей Львович Тривус, Давид Абрамович Левин и другие. Здесь же, на квартире Винаверов, в 1905 году состоялся первый съезд адвокатов, председателем которого был Максим Моисеевич.

Винавер был одним из основателей кадетской партии (осень 1905), председателем на первом учредительном съезде партии (Москва, 11 – 18 декабря 1905) и оставался членом ее ЦК до самой смерти. В апреле 1906 избран в Государственную думу от Петербурга и стал одним из главных руководителей ее кадетской фракции. После подписания Выборгского воззвания приговорен к трех-

месячному заключению и лишен пассивного политического права (права быть избранным).

Роза Георгиевна была очевидцем, а чаще всего и активным участником всех начинаний М.М.Винавера, а их было так много, что один только перечень общественных, издательских и юридических его заслуг занял бы несколько страниц.

В ноябре 1917 Винавер был арестован ВЧК вместе с другими членами Петроградской думы, отказавшимися подчиниться декрету Совнаркома о ее роспуске. Первую половину восемнадцатого года скрывался в Москве под чужой фамилией и сбрив бороду. В июне 1918 отправил Розу Георгиевну с дочерью в Крым через Харьков, а сам, переодетый и по подложным документам, уехал туда через Киев. Осенью 1918 года вошел в Краевое правительство Соломона Крыма министром внешних сношений.

В апреле 1919 года с войсками союзников эвакуировался из Севастополя и спустя месяц через Константинополь и Афины добрался до Франции, где продолжал свою многогранную деятельность.

После смерти мужа Роза Георгиевна продолжала принимать участие в общественной жизни русского Парижа. Так, она вошла в состав "Организационного комитета для помощи еврейскому студенчеству", присутствовала на чествовании редакцией "Современных записок" В.Ф.Ходасевича в связи с 25-летием его литературной деятельности, участвовала в женской секции ОРТа, в русской секции Международной федерации университетских женщин[3]. Но главной своей задачей в последние годы жизни Роза Георгиевна считала приведение в порядок обширного архива М.М.Винавера. Добросовестно выполнив эту задачу, она приступила к написанию воспоминаний.

Одну из копий отпечатанных на машинке мемуаров Р.Г.Винавер передала в Русский заграничный исторический архив (так называемый Пражский архив), и сейчас эта копия находится в РГАЛИ в фонде "Звена" (Ф.2475. Оп.1. Ед.хр.125). Другую копию она передала в архив Гуверовского института, где сохранилось и письмо Р.Г.Винавер о передаче рукописи от 8 мая 1945 года, которое здесь приводится целиком:

"Dear Sirs,

Some years ago in Paris I sold to the Hoover War Library through the aid of General Golovine the archives of my late husband Maxime Vinaver. It was the archives of the Governement of Crimea where my husband was the Secretary of Foreign Affaires.

Now, I send you my memoirs which I have written about all that epoque and I think it will be interesting to join it to the archives of the Governement of Crimea.

With my best regards

Rosa Vinaver"[4].

В литературе встречаются сведения, что в 1944 году в Нью-Йорке было напечатано на ротаторе несколько экземпляров воспоминаний, но обнаружить это издание в российских хранилищах не удалось[5].

Здесь воспроизводится лишь последняя, XVI глава воспоминаний, в которой речь идет об эмигрантском периоде жизни Винаверов. Целиком мемуары готовятся к изданию отдельной книгой. Глава приводится по копии, хранящейся в архиве Гуверовского института, любезно предоставленной для этой цели профессором Жоржем Шероном. Текст печатается по современной орфографии с сохранением индивидуальных особенностей автора. Пунктуация по возможности сохранена, проставлены лишь очевидно необходимые запятые, пропущенные машинисткой. Немногочисленные явные опечатки исправлены без оговорок.

---

[1] *Голостенов М.* Винавер Максим Моисеевич // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. С.65–66; *Голостенов М., Нарский И.* Винавер Максим Моисеевич // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. С.112–113.

[2] Наиболее подробно см.: М.М.Винавер и русская общественность начала века. Париж, 1937. 222 с.; *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988.; The Winaver Saga / Edited by H.M.Winaver. London, 1994. P.275–414. О М.М.Винавере см. также: *Каплан В.* "Еврейская трибуна" о России и русском еврействе // ЕВКРЗ. Т.2. С.167–180; *Коростелев О.* Парижское "Звено" (1923–1928) и его создатели // РЕВЗ. Т.1(6). С.177–201; *Кельнер В.* Максим Максимович Винавер: последние годы жизни (1919–1926): Документы, письма, воспоминания // РЕВЗ. Т.1(6). С.356–366.

[3] Русское зарубежье: Хроника науч., культ. и обществ. жизни. 1920–1940. Франция / Под общ. ред. Л.А.Мнухина. М., 1995–1997. Т.1. С.553; Т.2. С.43, 66; Т.3. С.155.

[4] *"Уважаемые господа,*

Несколько лет назад я при помощи генерала Головина передала из Парижа в Гуверовский институт войны архив моего покойного мужа Макси-

ма Винавера. Практически это был архив Крымского правительства, в котором мой муж был министром иностранных дел.

Теперь я посылаю мои воспоминания, которые написаны обо всей той эпохе, и думаю, было бы логично присоединить их к архиву Крымского правительства.

С наилучшими пожеланиями

Роза Винавер".

[5] Национальная библиотека Франции в Париже также располагает лишь микрофильмом машинописи воспоминаний (См.: *Думова Н.Г* Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н.Милюкова. Часть первая. М., 1993. С.88).

ВОСПОМИНАНИЯ
Розы Георгиевны Винавер,
жены члена 1-й Государственной думы
Максима Моисеевича Винавера

ГЛАВА XVI

ПРИЕЗД ВО ФРАНЦИЮ. ФРАНЦУЗСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ПОСЛЕ ПЕРЕМИРИЯ. НАША ДАЧА. М.М.-Ч. В ПАРИЖЕ. "ЕВРЕЙСКАЯ ТРИБУНА". ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.М. СЪЕЗД ЧЛЕНОВ БЫВШЕГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ. КАДЕТСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И РАСКОЛ В КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ. ГРУППА "НОВОЙ ТАКТИКИ". ВОЗНИКНОВЕНИЕ РДО. "ЗВЕНО". СМЕРТЬ М.М.-ЧА.

И вот мы подъезжаем к берегам Франции. В прежние, довоенные годы мы часто бывали во Франции. Мы и теперь с большой радостью приближались к ней – мы были уверены, что и это пребывание будет недолгое, и что мы скоро вернемся в Россию. Тогда мы не могли предполагать, что Франция станет нашей второй родиной.

В поезде была первая встреча с французами. Ехал с нами какой-то учитель коммунальной школы. Узнав, что мы русские, он сейчас же задал нам вопрос: *"А что будет с русскими процентными бумагами?"* Меня этот вопрос поразил. Мы только что пережили такую трагедию, а он интересуется таким вопросом! И что это за учитель коммунальной школы, который вместе с тем какой-то капиталист? *"Как*, – сказала я ему, – *Вы имеете сбережения! У нас в России ни один педагог никогда не копил денег. У нас все педагоги*

пролетарии, да и вся русская интеллигенция такова..." "А что, – говорит он, – *делают ваши интеллигенты, когда они теряют трудоспособность?" "Тогда,*– отвечаю я, – *они занимают деньги у друзей".* Он так испугался такого легкомыслия, что пересел в дальний угол и замолчал.

Добрались мы наконец до нашей дачи и – попали просто в рай. Дача была в полном порядке. Мэр городка заботился о ней все время после войны, платил налоги. Вещи наши все были в сохранности. Мы нашли там все, что нам особенно было нужно. Приехали мы во Францию в весьма плачевных туалетах: платья поношенные, сапоги все в заплатках. Я долго жалела, что не оставила себе на память тех сапог. А тут на нашей даче мы нашли платья, белье, сапоги и даже шляпы! К тому еще книги. И книги для детей, и небольшую юридическую библиотеку, которую привез сюда до войны мой муж и которая впоследствии ему очень пригодилась в Париже, при его адвокатской работе.

К тому же мы вернулись к буржуазному комфорту, которого были лишены и в Крыму[1], и в Афинах[2]. Дача была большая, так что мы могли поместить приехавших к нам друзей, Петрункевичей[3] и А.С.Милюкову[4], и все они даже имели отдельные умывальники, что составляло особую прелесть. Какое наслаждение иметь возможность сколько угодно мыться! В Крыму всегда ощущался недостаток воды, и в Афинах мы также жили в весьма некомфортабельных условиях.

Дача стояла на берегу Средиземного моря, и вид из нее был чудесный. Мы сравнивали природу юга Франции с нашим милым Крымом, и нам казалось, что Крым гораздо красивее. Растительность южного французского побережья вечнозеленая. Она роскошна, но какая-то застывшая в своей красоте, в ней мало жизни, в ней нет растений, которые к зиме теряют свои листья и к весне снова воскресают к новой жизни. А в Крыму есть и сирень, и черемуха, есть потому и весна.

Как я уже упоминала, мы приехали совершенно без гроша в кармане. Муж мой немедленно заложил дачу, и таким образом денежный кризис был разрешен. Мы могли спокойно отдыхать от всего пережитого.

Это лето 1919 года мы прожили очень приятно: вести из России были хорошие, дела Добровольческой армии шли успешно. Колчак в Сибири окружил себя сравнительно демократическим правительством. Все это способствовало оптимистической надежде на скорое, весьма скорое возвращение домой.

Во Франции было тогда время ликования после перемирия. Но было тяжело сознавать, что Россию и русских не допускали к этому ликованию. Брест-Литовский мир, который большевики заключили с немцами, и обесценивание русских процентных бумаг сделали в глазах французов всех русских недостойными праздновать вместе с ними праздник мира.

В свой национальный день 14 июля вся Франция праздновала уже заключение мира и праздновала его с таким весельем, как только французы умеют это делать. Повсюду флаги, повсюду танцуют. А мы даже не могли найти в магазинах русского флага, чтобы повесить его на нашей даче. Нашли сербский флаг, поставили его в другом направлении, и он стал русским.

Повсюду были устроены уличные патриотические концерты. В Монте-Карло, на великолепной террасе, выходящей в море, мы присутствовали на таком большом концерте. Исполнялись гимны всех союзников. Певица, с французским флагом в руках, торжественно спела Марсельезу. Но русского гимна, конечно, не было. Обидно это было.

Вскоре М.М. почувствовал себя вполне отдохнувшим и решил уехать в Париж. А я с младшими детьми и с Петрункевичами осталась на нашей даче. М.М. почти ежедневно писал или мне, или Ив. Ильичу[5], и таким образом мы были осведомлены обо всем, что происходило в Париже.

В Париже собралась тогда довольно большая колония русских беженцев. М.М. встретил там много товарищей по своей общественной и политической работе. Там, в Париже, находились также многие видные представители русских социалистических партий: Савинков[6], Чайковский[7], Вишняк[8], Руднев[9] и многие другие.

Политическая и общественная работа не заставила себя долго ждать. Первым делом М.М. был на аудиенции у тогдашнего французского министра иностранных дел Пишона и счел своим долгом доложить ему о положении дел в Крыму. Он указал Пишону, какую непростительную ошибку союзники сделали, эвакуировав свои военные силы из Крыма. М.М. предостерегал французского министра, что победа большевиков грозит большими бедствиями не только России, но и всей Европе. Пишон произвел на моего мужа впечатление человека весьма ограниченного. Он ничего определенного не мог ему ответить, сказал только, что он все это примет к сведению и доложит своему правительству.

В Париже оказалось среди беженцев большое количество русских студентов и русских ученых. Студенты эти были приняты во французские высшие учебные заведения. Но они были лишены

возможности продолжать свою работу по русским предметам, на юридическом и филологическом факультетах. К тому же русские профессора-беженцы были без всяких средств к существованию. Вместе с профессором Михаилом Ростовцевым[10] муж мой подал в Сорбонну докладную записку, в которой они предлагали учредить в Сорбонне нечто вроде русского университета с юридическим и филологическим факультетом. Французское правительство охотно пошло навстречу и удовлетворило пожелания, высказанные в докладной записке. Там также читались лекции по высшей математике для тех русских студентов, которые не были достаточно подготовлены для слушания лекций по этому предмету. М.М. читал лекции по русскому гражданскому праву. Юридический факультет существовал, кажется, лет десять, а филологический, вероятно, до самого прихода немцев. Много русских ученых получали ежемесячные пособия в 300 – 400 франков. Эта небольшая сумма была им все-таки некоторым подспорьем. Некоторые ученые, и не читавшие лекций, получали тем не менее это жалованье.

Европейское сознание больно пережило разыгравшийся в России большевизм, оторвавший Россию от союзников. Искали виновного. И нашли. Большинство указывали на евреев. Навет этот был быстро подхвачен европейскими антисемитами. Для противодействия этой пропаганде М.М. решает издавать в Париже журнал "Еврейская трибуна"[11], притом издавать его на трех языках: русском, французском и английском – и давать в этом журнале объективное освещение событий русской революции, в частности участие в ней евреев. Многие русские публицисты принимали участие в "Еврейской трибуне"; помнится, что и И.И.Петрункевич послал статью в этот журнал.

Русская политическая атмосфера в 1919 – 1920 году в Париже была весьма своеобразна. Колония была большая. Были представители разных партий. Пока в России шла успешная вооруженная борьба против большевиков, русская колония вся жила интересами этой борьбы. Многие из приехавших во Францию собирались вернуться в Россию. Некоторые политические деятели имели намерение пробраться к Колчаку.

Но вскоре начали доходить слухи, что та Добровольческая армия, на которую вся антибольшевистская Россия с ее самыми передовыми элементами смотрела с благоговением, преклоняясь перед бойцами, жертвовавшими жизнью для спасения родины, – что эта самая армия начинала постепенно обрастать реакционными элементами. Она являлась во вновь завоеванные места, окруженная теми помещиками, на землях которых уже работали новые владельцы –

крестьяне. И помещики эти не могли понять, что должны беспрекословно примириться с таким положением дел.

Реакционные настроения не могли способствовать успеху продвижения Добр<овольческой> армии к Москве. В результате собственных ошибок у Деникина последовал период отступления и эвакуации. Он должен был уйти из всех завоеванных областей и вскоре сам покинул армию. Его, как известно, заместил генерал Врангель.

Парижские кадеты решили послать Врангелю докладную записку, в которой убеждали его не повторять ошибок Деникина. Помнится, что мой муж редактировал эту записку. Но было уже слишком поздно. Врангель уже тоже отступал, и записка даже не могла прийти по назначению. Затем он со своей 140 000-й армией переправился на Балканы. Почти в то же время адмирал Колчак, наш любимый герой, был расстрелян большевиками. Таким образом окончилось все белое движение против большевиков.

Неудачи Деникина и других белых армий коренным образом изменили ориентацию передовых кругов русской эмиграции по отношению к Добровольческой армии. Совершенно ясно определились причины этих неудач: эксплуатация населения, произвол военного управления, проявившийся антисемитизм, вообще отсутствие демократизма и отход от лозунгов Февральской революции.

В кадетской партии, которая в 1918 – 1919 годах всецело поддерживала Добр<овольческую> армию, начали проявляться течения, считавшие вооруженную борьбу с большевиками бесполезной. Часть кадетов, во главе с Милюковым и М.М.-чем, приобрели основанную недавно перед тем газету "Последние новости"[12] и в ней, оставаясь ярыми противниками большевиков, не стесняясь, указывали на все грехи белого движения.

В этот именно период разыгралась в Париже ожесточенная борьба между защитниками Добр<овольческой> армии и ее противниками. Выражалось это в борьбе двух газет: "Последних новостей" и "Общего дела"[13], редактируемого знаменитым Бурцевым[14]. Материальные дела обоих органов печати были плохи. Весь вопрос был в том, какая газета переживет своего противника. А.С.Милюкова со мной работала вовсю, доставая подписчиков, устраивали в пользу "Последних новостей" лекции и т.п. Страсти разыгрались. В конце концов "Последние новости" остались победителями. Впоследствии, когда страсти улеглись и мне приходилось встречаться с Бурцевым, я не могла понять, как этот милый человек мог вызывать во мне столько озлобления. Вот что значит политика...

Врангель, переправив свою армию на Балканы, имел намерение сохранить ее как армию. Вполне понятно, что союзники тотчас

же запротестовали против такого плана. Ни одно государство не могло бы допустить на своей территории чужую армию. "Последние новости" вполне понимали требования союзников.

Вопрос о Добр<овольческой> армии сильно волновал кадетские круги. Проявилось резкое разногласие среди членов партии.

Второй вопрос, вызывавший в кадетских кругах большие споры, был вопрос об отношении кадетов к более левым партиям.

Дело в том, что мой муж и некоторые другие видные кадеты, жившие в Париже и Лондоне и соприкасавшиеся с французскими и английскими политическими кругами, ясно давали себе отчет в том, что для союзников не может быть представительства России без участия в этом представительстве социалистических партий. Перед русской политической эмиграцией стоял теперь вопрос, как после разгрома белых армий сохранить в эмиграции остаток русской государственной власти. Тут-то и напрашивалось решение – объединить русские политические партии, которые могли бы работать вместе.

Чтобы создать базу для единения эмиграции и создания некоторого представительства вне России русского правительства, предполагалось созвать съезд всех членов бывшего Учредительного собрания. Состав этого органа мог подлежать затем расширению в ходе дальнейшей работы. Съезд членов Учредительного собрания был созван в январе 1921 года. М.М. очень много работал на этом съезде, при его участии была подготовлена большая часть решений съезда, он был председателем юридического отдела исполнительной комиссии съезда.

Весь 1920 год шли совещания в парижской кадетской партии, и в результате этих совещаний был составлен доклад: "Что делать после Крымской катастрофы", и доклад этот был разослан всем членам партии, находившимся вне России.

За время гражданской войны и эмиграции в кадетской партии стало выявляться то разнообразие общественных слоев русского общества, которое составляло партию. Даже некоторые руководящие члены партии не могли столковаться друг с другом. М.М.-ч считал, что необходимо выявить здоровые истинные основы партии, дать возможность тем, кто, увлеченный непосредственной борьбой, отошел от них, подтянуться на старые позиции, очистить от прилипшего к ней за годы гражданской войны налета. Нужно было вернуться к лозунгам старой кадетской программы. Лозунги эти были: республика, федерация, крестьянская земля, широкое местное самоуправление.

Притом более уясненное и точное определение этих лозунгов кадетской партии создавало мост для совместной работы с более левыми партиями.

Все эти партийные разногласия требовали созыва конференции всех находящихся вне пределов России кадетов. Конференция эта состоялась в Париже в мае 1921 года.

В это время мой муж снова серьезно заболел. По приезде в Париж он вернулся к такой же лихорадочной деятельности, как когда-то в России. Общественная работа с бесконечными заседаниями и переговорами, чтение лекций, адвокатская практика – все это не давало возможности какого-либо отдыха. И сердце его снова не выдержало. Врачи весьма встревоженно качали головами, совершенно запретили ему работать и на долгое время уложили в постель.

А тут как раз открылась кадетская конференция. Болезнь моего мужа и его отсутствие на заседаниях сыграли, по мнению многих участников, роковую роль для исхода конференции. Члены ее по несколько раз в день во время заседаний прибегали к нам за разными советами, но это не могло заменить присутствия Винавера. Конечно, крайне правые элементы партии все равно отпали бы, и это было бы только ко благу партии. Но была большая группа лиц, которая по существу не расходилась в главных линиях ни с Милюковым, ни с моим мужем и которая тем не менее отделилась от них, составив так называемый центр партии. Отчего это произошло? К сожалению, было много личных столкновений, личных оскорблений. Страсти разыгрались и совершенно затемнили сущность спора. Примешалась и какая-то ошибка в голосовании. Но печальный исход конференции остался фактом.

Партия раскололась на три группы: правую, об отходе которой никто не жалел, центр, который расходился с более левой группой не в программе, а в тактике, и левую часть конференции с Милюковым и моим мужем во главе. Эта группа так и называлась "кадетской группой новой тактики". Эта новая тактика по-прежнему непримиримо относилась к большевикам. Она лишь открыто признавала грехи Добровольческой армии и считала необходимым в данных политических условиях составить общий фронт с умеренными социалистами.

К нашему горю, наш друг, И.И.Петрункевич, вошел в группу центра. Мы с мужем очень болезненно переживали это расхождение. Впрочем, в очень скором времени расхождение с ним изгладилось, и восстановлено было полное единение. По существу, полного

расхождения никогда и не было. Все повторяли, что, будь Винавер на конференции и веди он ее, не было бы раскола в партии.

Русская колония в Париже, большая и разнообразная, все еще жила надеждой вскоре вернуться на родину. Многие проживали свои последние денежки в надежде, что скоро обретут прежние состояния. Занимались политикой – и главным образом политической борьбой. Как я уже упоминала, умеренно-правая часть русской колонии группировалась вокруг бурцевской газеты "Общее дело", а более левые элементы вокруг редактируемых Милюковым "Последних новостей".

Даже молодежь была втянута в политическую борьбу. Возник большой студенческий союз во главе с Савичем, Бернадской и моим сыном[15]. На собраниях этого союза выступали и "старики", которые и на эту арену переносили свою политическую борьбу. На одном таком собрании Милюков чуть не подвергся нападению студенческой "черной сотни".

В 1919 году в Париже жил еще Савинков, и в его доме собиралось много политических деятелей. Помню я и Чайковского, красивого, видного старика, полного надежд на эволюционный процесс в сторону демократии в России. И даже когда Колчака не стало, когда исчезла Добр<овольческая> арм<ия>, русская колония в Париже продолжала питать надежду на скорый возврат на родину. Только тогда, когда союзники, и в частности Франция, признали большевистскую власть, и посол Временного правительства В.А.Маклаков[16] должен был передать здание русского посольства в руки большевиков, только тогда мы поняли, что возврата нам больше нет и что навеки лишены родины.

Нужно откровенно признаться, что настоящей "тоски по родине" у многих из нас уже не было. Мы обрели нашу родину в Париже. Мы жили исключительно среди русских. Лучшие представители русской интеллигенции были в Париже. Казалось, что в Париж переселялась вся интеллектуальная элита России.

Французы – народ, не любящий иностранцев. Французам кажется, что они не нуждаются ни в искусстве, ни в науке других народов. Они довольствуются тем, что они сами творили и творят. Поэтому они мало подпускали к себе русских, и русские в Париже жили в чисто русской атмосфере, дышали настоящим российским воздухом.

Постепенно в Париже русские обрастали своей, хотя и эмигрантской, но все же русской культурой, начиная с литературы и кончая щами, гречневой кашей и пирогами.

Сама же Франция, и в особенности Париж, представляли благоприятную почву, чтобы сделаться нашей второй родиной. Ибо все, что нас во Франции окружало, все, что было продуктом ее истории, ее духовной жизни, было нам знакомо, мы выросли на этом уже в России. Какая страна в мире могла так легко привязать к себе чужестранцев? Все культурные народы были приобщены и к французской истории, и к французской литературе. Мы знали Людовика XIV, его блестящий двор, Людовика XV и даже всех их любовниц. Разве знали мы так хорошо и подробно английских королей, австрийских императоров или американских президентов? Одна история французской революции занимала самое внушительное место в нашем гимназическом курсе.

А.С.Милюкова

Не нужно было быть особенно образованным человеком, а только окончить русскую гимназию, чтобы знать, что такое Лувр, Тюильри, Версаль и даже улица Риволи. И потому, когда мы приехали в Париж, все в этом городе было нам близко. Мы с восторгом проходили по местам, которые мы себе когда-то рисовали только в воображении. И если даже современные французы нас встречали не весьма гостеприимно, мы и помимо них входили всей душой в их страну, начинали любить ее и чувствовали себя в ней почти как на своей родине.

Когда советская власть была признана Францией, политическая деятельность кадетской партии почти совсем прекратилась. Группа "новой тактики" собиралась, но редко.

В эту именно эпоху возникает по инициативе группы "новой тактики" и при содействии некоторых умеренных социалистов новая организация, так называемое Республиканско-демократическое объединение, РДО. В инициативную комиссию по организации этого объединения входили только что приехавшие из России Прокопович[17] и Кускова[18], представлявшие наиболее умеренное крыло русских социалистов. Мой муж, не имевший возможности по болезни участвовать в заседаниях, принимал тем не менее деятельное участие в создании новой организации. Помню, что он писал

Петрункевичу, когда тот отказался по болезни принять участие в новой этой организации: *"Я не считаю возможным*, – писал он, – *устраниться от всяких новых начинаний, если мысль моя еще работает, и если я могу добрым советом и именем моим содействовать благому делу".*

24 сентября 1922 года собрался в Париже съезд РДО в широком составе участников, членов разных демократических групп эмиграции. На нем была выработана подробная политическая платформа, объединяющая демократический несоциалистический и социалистический фронт эмиграции. В это время заканчивала свою работу Исполнительная комиссия членов Учредительного собрания, и Республиканско-демократическое объединение явилось как бы продолжением той комиссии.

В Республиканско-демократическое объединение, или РДО, входила главным образом молодежь, составлявшая бывшую Добровольческую армию. Организация РДО во многом способствовала отрыву этой молодежи от среды военных руководителей, по большей части весьма реакционно настроенных, и приобщению ее к идеалам демократической республики. Нужно заметить, что Добр<овольческая> армия состояла частью из людей, которые в России еще не успели закончить своего образования, а частью из людей даже просто малограмотных. Они представляли себе только две России, царскую и большевистскую, и совершенно не знали либерально-демократической. История земства, городское самоуправление, судебная реформа – все это было им неизвестно. РДО устраивало для них систематические курсы, отдельные лекции, библиотеки. Им читались лекции по истории культуры, по литературе, по истории общественного движения в России в XIX веке. РДО имело отделения во многих крупных центрах Франции: Лионе, Марселе и других городах, а также за ее пределами (напр., в Германии).

Лично я с А.С.Милюковой много занимались этой организацией, в особенности в самом начале ее существования. Мы устраивали в ее пользу вечера, лекции, ибо необходимы были средства, хотя и не очень большие. Милюков стоял во главе РДО, члены которого с большим благоговением относились к нему. Когда одно время русские черносотенцы выслеживали Милюкова с целью убить его, члены РДО трогательно его охраняли.

Работа в РДО очень нас интересовала. Все больше становилось членов, все больше молодежи покидало правые военные круги и шло к нам. Раз в году устраивались всеобщие чаепития, и там нас окружала необыкновенно приятная атмосфера: видно было, что эта

военная молодежь благодарна "старикам", что они позаботились об ее духовном воспитании.

Я уже упоминала о том, что мой муж внезапно заболел во время кадетской конференции 1921 года. С тех пор он должен был сильно сократить свою деятельность. Ему пришлось поэтому прекратить чтение лекций по гражданскому праву: выезды его особенно утомляли. Остальная работа тоже шла замедленным темпом.

Тогда-то он решил взяться за чисто литературную работу. Он, в сущности, всегда очень любил эту работу, и его эстетическое чувство находило удовлетворение в его литературных трудах. Известны были его литературные портреты современников[19]; да и все, о чем он ни писал, даже юридические статьи, было облечено в художественную форму[20].

Винавер стал издавать еженедельный, чисто литературный журнал "Звено"[21]. Это символическое название заключало в себе сокровенные чаяния моего мужа, звено между прошлым и будущим в цепи русской культурной традиции. Мужу моему был чужд всякий пессимизм, и он считал, что мы звенья новой эпохи, которая начинает брезжить сквозь кромешную тьму, нас окружающую. К счастью, судьба не дала ему дожить до тех ужасов, которые мы теперь переживаем. Сохранил ли бы он и в настоящую минуту свою веру в светлое будущее?

Вокруг "Звена" собралась группа молодых литераторов, которые только при нем начали работать и которые впоследствии заняли видное место в парижской русской литературной семье. Известный литературный критик, поэт Георгий Адамович[22] рассказывал мне, что без Винавера он и не стал бы литературным критиком. Муж мой предложил ему как-то попробовать написать "Литературные заметки", и он их написал очень хорошо. А затем Адамович сохранил эту форму не только до конца существования "Звена", но и в "Последних новостях", куда он перешел после закрытия "Звена". Он вообще сделался видным литературным критиком, с которым русские литераторы весьма считались. То же самое говорил мне и другой сотрудник "Звена", кн. Волконский[23], бывший директор Императорских театров в Петербурге. *"Ваш муж,* – говорил он мне, – *сделал меня журналистом".*

Вот что писала в своих воспоминаниях о Винавере Зинаида Гиппиус: *«Винавер был редактором, которого при всем моем опыте мне еще не доводилось встречать. Всякий журнал – дело общественное. Винавер, создавая "Звено", искал опереться на других,*

соединить многих. При глубоком своем понимании личности он не мог отказаться от задачи выискивания этих других. Но, раз узнав человека, он спокойно доверялся ему»[24]. И такое отношение к свободе сотрудника позволяло моему мужу находить весьма ценных попутчиков.

В другом месте Гиппиус пишет: *«В некоторых взглядах на литературу Винавер был моложе всяких молодых. Известно традиционное деление всяческих писаний: вот это беллетристика, это – критическая статья, это – политика и т.д. Редактор "Звена" не признавал неподвижных форм. Он думал, что грани текучи, что современный писатель должен сам их собственно располагать, сам определять, чего хочет коснуться и как об этом нужно сказать»*[25].

Приятно вспомнить ту дружескую семью молодых литераторов, которая группировалась вокруг "Звена": Андрей Левинсон[26], Георгий Адамович, Михаил Кантор[27], Григорий Лозинский[28], Константин Мочульский[29], Борис Шлецер[30], Николай Бахтин[31], Владимир Вейдле[32]. Это все были люди, спаянные желанием создать в изгнании хорошее литературное дело. Каждое воскресенье они собирались у нас за завтраком и обсуждали, какие литературные задачи поставить в текущие номера. Но и многие известные старые литераторы принимали участие в "Звене". Несколько раз в году собирались так называемые литературные беседы "Звена"[33]. Начиналось с литературного доклада, затем прения и музыкальная часть. Участники этих вечеров еще долго вспоминали о них.

Многие из наших близких друзей остались в России, но и в Париже у нас оказался большой круг друзей и знакомых. Лето мы проводили в нашем имении в Савойе. Была там у нас дача с парком, и, как когда-то в России, муж мой увлекался садоводством, и здесь, в Савойе, насадил не только фруктовые, но и декоративные деревья. Парк этот сделался красивейшим местом нашего городка, и крестьяне-савойары очень восхищались им. Вообще они к нам хорошо относились, а когда кто-то из них нашел портрет моего мужа во французском журнале Illusration за 1906 год, они очень возгордились, что такой видный русский поселился возле них. Один крестьянин отчего-то всем говорил, что Monsieur Vinaver, наверно, был le secrétaire du Tzar. Мне весьма трудно было его в этом разубедить.

Наша дача находилась на берегу озера Аннеси. Мы были близки к разным курортам и к Швейцарии. И к нам потому часто заезжали разные посетители, бывшие поблизости от нас. Всем хотелось побеседовать с моим мужем. С одной стороны, приятно было свидеться с разными русскими, но, с другой стороны, эти посещения и эти разговоры сильно утомляли моего мужа.

Был ясный октябрьский день. 10 октября 1926 года. Муж мой встал утром бодрый, веселый и пошел прогуляться со своей любимой внучкой Наташей. Осень в горах Савойи чудесная, все горы золотистые от пожелтевших лесов. Утро было ясное, небо голубое. Пришли они с прогулки очень довольные. Отдохнул он после завтрака и пошел в сад. У него в саду было какое-то совещание с садовником. И так все было радостно, и ничто не предвещало ничего ужасного. Стою я на балконе и вдруг вижу нечто страшное: несут моего мужа два рабочих. Совершенно потеряла я голову, схватила обычное его лекарство, дала ему и уложила его в постель. Он нас всех поцеловал и вдруг потерял сознание. Вызванные врачи ничего не могли сделать, и ночью его не стало. Мы свезли его в Париж и похоронили на кладбище Père Lachaise.

Тут я хочу закончить свои записки. Когда его не стало, не стало для меня фундамента, на котором я всю жизнь стояла.

Есть легенда, рисующая положение женщины в былые времена. Женщина – это ноль, стоящий при цифре. Вся ее жизнь зависит от значительности этой цифры: цифра большая, и положение большое. А когда эта цифра отпадает, женщина остается при нуле. И вот и я осталась при нуле.

Нужно было, тем не менее, жить, создать себе эту жизнь, а главное найти себе цель в жизни. Главною моею целью сделалось тогда приведение в порядок всего архива моего мужа. Я углубилась в этот архив, дорожа каждой маленькой бумажкой. Весь архив я разделила на две части: одну часть у меня купил Hoover War Library, Stanford University, California в Соед<иненных> Штат<ах>, а остальную часть я отдала в русский архив в Праге. И я счастлива, что успела это сделать до прихода немцев в Париж.

Нью-Йорк, январь 1944 года

---

[1] В ноябре 1918 г. М.М.Винавер вошел в Краевое правительство Соломона Самойловича Крыма (1868–1938) министром внешних сношений и находился на этом посту до апреля 1919 г.

[2] Эвакуировавшись из Севастополя с войсками союзников в апреле 1919 г., Винаверы целый месяц добирались до Франции через Константинополь и Афины.

[3] *Иван Ильич Петрункевич* (1844–1928) – юрист, общественно-политический деятель, один из основатель кадетской партии, и его супруга *Анастасия Сергеевна* (урожд. *Мальцева*, в первом браке графиня *Панина*; 1850–1932).

[4] *Анна Сергеевна Милюкова* (урожд. *Смирнова*; ?–1935) – жена П.Н.Милюкова (с 1885), активная деятельница феминистского движения.

[5] Петрункевичу.

[6] *Борис Викторович Савинков* (1879–1925) в 1919 г. в Париже вместе с В.А.Маклаковым и Н.В.Чайковским входил в состав Политического совещания, претендовавшего представлять интересы России при заключении Версальского мирного договора. С января 1920 – председатель Русского политического комитета в Варшаве.

[7] *Николай Васильевич Чайковский* (1850–1926) – общественный и политический деятель в России, а с 1920 – в эмиграции. Председатель Северного правительства в 1918 г.

[8] *Марк (Мордух) Веньяминович Вишняк* (1883–1976) – общественно-политический деятель, видный эсер, в эмиграции с 1919, член редколлегии журнала "Современные записки", сотрудник "Еврейской трибуны", "Дней" и "Сегодня".

[9] *Вадим Викторович Руднев* (1879–1940) – общественно-политический деятель, один из руководителей партии эсеров, в эмиграции с 1919, секретарь редакции газеты "Еврейская трибуна", один из соредакторов журнала "Современные записки".

[10] *Михаил Иванович Ростовцев* (1870–1952) – историк, ученый-классицист, профессор Петербургского университета в 1901–1918 гг., затем в эмиграции в Париже, с 1925 – профессор классической филологии в Йельском университете в США.

[11] *Еженедельник "Еврейская трибуна"* М.М.Винавер издавал в Париже в 1920–1924 гг. Подробнее см.: *Каплан Вера.* "Еврейская трибуна" о России и русском еврействе (Париж, 1920–1924) // ЕВКРЗ. Т.II. Иерусалим, 1993. С.167–180.

[12] *Газета "Последние новости"* первоначально издавалась обществом, учредителем которого был М.С.Залшупин; редактировал ее с 27 апреля 1920 г. бывший киевский присяжный поверенный М.Л.Гольдштейн. Год спустя газета перешла в руки республиканско-демократической группы партии Народной свободы и с 1 марта 1921 г. выходила под редакцией П.Н.Милюкова, М.М.Винавера, А.И.Коновалова и В.А.Харламова. На протяжении всех последующих двадцати лет существования газеты Милюков оставался ее бессменным главным редактором. Подробнее см.: *Бирман М.* В одной редакции (О тех, кто создавал газету "Последние новости") // ЕВКРЗ. Иерусалим, 1994. Т.III. С.147–169; *Петрова Т.Г.* "Последние новости" // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). М.: ИНИОН, 1997. Т.2. Ч.II. С.188–207.

[13] *"Общее дело"* Бурцев начал издавать еще в Петрограде (в сентябре-ноябре 1917 г.) и продолжал издавать в Париже (сентябрь 1918 – июнь 1928, а затем в 1934 г.). Газета придерживалась откровенно антибольшеви-

стской линии и провозглашала своей основной задачей сплочение всех антибольшевистских сил, однако в реальности по всем вопросам придерживалась собственной позиции и постоянно полемизировала как с "Последними новостями" Милюкова, так и с другими эмигрантскими изданиями. *Зверев А.М.* "Общее дело" // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). М.: ИНИОН, 1997. Т.2. Ч.II. С.115–125.

[14] *Владимир Львович Бурцев* (1862–1942) – публицист, историк, издатель, знаменит как разоблачитель нескольких десятков провокаторов во всех российских революционных партиях.

[15] Общественный деятель и будущий экономист *Я.И.Савич*, его жена (с 1924), студентка академии Гранд-Шомьер, художница *Ольга Михайловна Савич-Бернацкая* (урожд. Бернацкая; 1899–1971) и студент юридического факультета, сотрудник "Звена", позже профессор Оксфордского университета *Евгений Максимович Винавер* (1899–1979) в 1920-х – начале 1930-х гг. неоднократно избирались в комитет парижского Союза русских студентов.

[16] *Василий Алексеевич Маклаков* (1870–1957) получил назначение послом России во Франции в сентябре 1917 г., но так и не успел вручить верительные грамоты, будучи лишен звания посла 17 ноября 1917 г. личным распоряжением Л.Троцкого. Франция признала советское правительство в 1924 г., после чего Маклаков был вынужден покинуть особняк посольства на рю Гренелль и возглавил Эмигрантский комитет, защищавший интересы русских во Франции. Подробнее см.: *Адамович Г.* Василий Алексеевич Маклаков: политик, юрист, человек. Париж, 1959.

[17] *Сергей Николаевич Прокопович* (1871–1955) – общественно-политический деятель, публицист, издатель, выслан в 1922 г.

[18] *Екатерина Дмитриевна Кускова* (урожд. *Есипова*; 1869–1958) – общественно-политическая деятельница, жена Прокоповича (с 1895).

[19] *Винавер М.М.* Недавнее: Воспоминания и характеристики. Пг., 1917; 2-е изд., доп. Париж, 1926.

[20] До революции вышло несколько сборников статей, речей и воспоминаний Винавера: Очерки по адвокатуре. СПб., 1902; Речи М.М.Винавера (Партия народной свободы). СПб., 1907; Кадеты и еврейский вопрос. СПб., 1907; Конфликты в первой Думе. СПб., 1907; Из области цивилистики. СПб., 1908; История Выборгского воззвания. Пг., 1917; и др.

[21] В последние годы появилось несколько публикаций о "Звене": *Коростелев О.А., Федякин С.Р.* "Звено" (Париж, 1923–1928) // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т.2. Ч.1. М., 1996. С.240–262; "...Наша культура, отраженная в капле...": Письма И.Бунина, Д.Мережковского, З.Гиппиус и Г.Адамовича редакторам парижского "Звена" / Публ. *О.А.Коростелева* // Минувшее. Исторический альманах. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. №24. С.123–165; *Коростелев О.А.* Парижское "Звено" (1923–1928) и его создатели // РЕВЗ: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Том I (VI). / Сост., гл. ред. и изд. М.Пархомовский. Иерусалим, 1998. С.177–201.

[22] Литературная карьера Георгия Викторовича Адамовича (1892–1972) в эмиграции с самого начала была связана со "Звеном", где он почти сразу

стал ведущим критиком. Получившие большую популярность в эмиграции его статьи из "Звена" недавно переизданы и составили два тома в собрании сочинений: *Адамович Г.В.* Собрание сочинений. Литературные беседы: "Звено" (1923–1928): В 2-х кн. / Вступ. ст., сост. и прим. *О.А.Коростелева*. СПб.: Алетейя, 1998.

[23] В эмиграции князь Сергей Михайлович Волконский (1860–1937) опубликовал мемуары и стал театральным обозревателем "Звена".

[24] *Гиппиус З.Н.* О свободе // Звено. 1926. № 206. 26 декабря. С.5.

[25] *Гиппиус З.Н.* Правда М.М.Винавера // М.М.Винавер и русская общественность начала XX века. Париж, 1937. С.190.

[26] *Андрей Яковлевич Левинсон* (1887–1933) – художественный и литературный критик, наиболее активно печатался в "Звене" в 1923–1924 гг., публикуя преимущественно статьи о живописи, а также о Шмелеве, Бунине, Замятине, Зощенко, подписываясь своим именем либо псевдонимом Леандр Венсан. К 1925 г. он практически полностью переключился на французские газеты и журналы и приобрел известность уже как французский критик.

[27] *Михаил Львович Кантор* (1884–1970) был помощником М.М.Винавера по адвокатуре еще в Петербурге. После революции эмигрировал, руководил издательством "Библиофил" в Берлине. В 1923 г. перебрался во Францию и стал консультантом парижского адвокатского кабинета М.М.Винавера, а также секретарем "Звена", а после смерти Винавера в 1926 г. – редактором. Опубликовал в "Звене" лишь несколько статей: о Редьярде Киплинге, Синклере Льюисе, Генрике Ибсене и др., хотя многие считали его талантливым критиком. По воспоминаниям Г.В.Адамовича, *«он был прежде всего созерцателем, а деятелем был лишь "постольку, поскольку", т.е. поскольку в условиях нашего существования это необходимо и неизбежно. Разговаривая с ним, удивляясь безошибочной меткости иных его суждений, я не раз говорил себе, что позавидовать ему или поучиться у него могли бы многие наши властители или полувластители дум. Он, вероятно, сам это сознавал, но не мог, да, пожалуй, и не хотел, что-либо в своем положении и в своей участи изменить» (Адамович Г.* Памяти М.Л.Кантора // Русская мысль. 1971. 14 января. № 2825). Позже Кантор вместе с Г.В.Адамовичем редактировал журнал "Встречи" (Париж, 1934), составлял первую антологию эмигрантской поэзии "Якорь" (Берлин, 1936), изредка печатался в "Числах", "Встречах", "Русской мысли", "Опытах". Свой первый и единственный сборник стихов выпустил лишь на склоне лет, в 1968 г. Кантора и М.А.Алданова Адамович считал исключением из всех людей, которых встречал, "ибо безгрешны" (Письмо Адамовича Алданову от 21 сент. 1945 г. // Coll. M.Aldanov. Bakhmeteff Archives. Columbia University. New York).

[28] *Григорий Леонидович Лозинский* (1889–1942) – литературовед, историк, брат М.Л.Лозинского, с 1922 г. жил в Париже, сотрудничал в "Звене" и "Последних новостях".

[29] *Константин Васильевич Мочульский* (1892–1948) – критик, литературовед. В эмиграции с 1919 г., сперва в Софии, а с 1922 – в Париже. Сотруд-

ник "Русской мысли", "Последних новостей", а с 1923 г. – постоянный сотрудник "Звена" (позже член редколлегии).

[30] *Борис Федорович Шлецер* (1883–1970) – музыкальный и литературный критик, переводчик, философ, брат Татьяны Федоровны Шлецер, жены композитора А.Скрябина. В "Звене" он публиковал, главным образом, статьи и заметки о музыке, но также и о Марселе Прусте, Эрнесте Ренане, Анатоле Франсе, Льве Шестове, печатал обзоры новых произведений французской литературы, разбирал очередные номера "Современных записок". В.Вейдле вспоминал о Шлецере, которого часто встречал в редакции "Звена": *«Пленил меня сразу же острый ум его, сдержанность и точность его суждений, отнюдь не только музыкальных, но и литературных; если б он захотел, он мог бы стать и превосходным литературным критиком, а уже французскую литературу нашего и прошлого века знал во всяком случае куда лучше, чем литературные критики "Звена" Адамович и Мочульский»* (Новый журнал. 1993. № 192–193. С.404). После 1924 г. Шлецер все реже печатался на русском, уйдя во французскую журналистику.

[31] *Николай Михайлович Бахтин* (1894–1950) – философ, филолог, старший брат М.М.Бахтина. С 1920 г. в эмиграции на Балканах, с 1924 в Париже, сотрудничал в "Звене", "Современных записках" и др. Окончил Школу восточных языков и Парижский ун-т. Защитил докт. дисс. в Кембридже. С 1932 преподавал в Саутхемптоне. С 1938 г. – профессор классических языков Бирмингемского ун-та.

[32] *Владимир Васильевич Вейдле* (1895–1979) – литературный и художественный критик, историк искусства. В Париже преподавал в Богословском институте (с 1925), сотрудничал в "Последних новостях", "Звене" и многих других изданиях.

[33] Редакция "Звена", помимо выпуска журнала, устраивала различные мероприятия: литературные конкурсы, вечера, лекции и т.д. См. об этом подробнее: *Коростелев О.А., Федякин С.Р.* "Звено" (Париж, 1923–1928) // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т.2. Ч.1. М., 1996. С.247–248.

«Крайне тяжелые дни»: Письма из Франции

Вступительная статья, подготовка текста и комментарий Ольги Демидовой (С.-Петербург)

С наступлением немецких армий на французскую столицу закончилась эпоха «блистательного русского Парижа» и началась другая эпоха – Парижа военного и послевоенного. История словно пошла вспять: эмигранты вновь превратились в беженцев. Кто-то добрался до «свободной» зоны и пережил там годы оккупации, кому-то удалось покинуть Францию и перебраться за океан. Русские парижане оказались разделенными непреодолимыми границами.

Единственным средством связи в новых условиях были письма, которые в эти годы заменили не только привычные формы общения, существовавшие в диаспоре (литературные и общественные собрания, диспуты, салоны, «чаи» и пр.), но и периодические издания. В годы оккупации во Франции не существовало русской печати (не считая пронацистского «Парижского вестника»), и письма стали источником сведений о событиях в разных частях диаспоры и в мире, о судьбах знакомых, о том, кто из них где находится и как живет. Писали из Парижа в «свободную» зону и оттуда в Париж; из Франции в Англию и Америку, пытаясь найти друг друга и – по возможности – помочь. К сожалению, далеко не каждое письмо доходило до адресата и не все из дошедших сохранились до наших дней. Тем ценнее то, что сохранилось: каждое из таких писем – исполненный драматизма «человеческий документ» и важный источник для изучения военного и послевоенного периодов истории эмиграции, к которым исследователи обращаются значительно реже, чем к межвоенному.

В публикации представлены письма из двух архивных собраний: собрания А.П.Вельмина[1], которое хранится в Архиве русской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета,

[1] The Archive of Russian and East European History and Culture (Bakhmeteff; далее – BAR). Ms Vel'min. О Вельмине и других упоминаемых в статье и письмах лицах см. *Список имен*; см. также нашу публикацию «Русская эмиграция в Польше (1919–1944): Из архива А.П.Вельмина» // Slavia orientalis. 2000. № 2. Krakow, 2000.

и архива Б.И.Элькина[2], переданного им в Бодлеанскую библиотеку Оксфордского университета. Написанные во Франции в первой половине 1940-х гг., письма прошли разный путь и оказались на разных континентах.

Автором писем из архива Элькина был известный в Париже библиофил и общественный деятель, муж сестры М.Алданова Я.Б.Полонский, адресатом – Элькин. Полонский писал из «свободной» зоны и из освобожденного Парижа в надежде на то, что живший в Англии Элькин не только сумеет передать сообщаемые сведения другим, но и сохранит письма для истории. В годы войны приоритетным было первое, с точки зрения сегодняшней – второе. Сохраненные Элькиным письма дают исчерпывающее представление о положении и настроениях русских эмигрантов в военной и послевоенной Франции, о поворотных моментах в жизни эмиграции и о разногласиях, расколовших ее во время и после войны.

Одним из причин раскола стал вопрос о сотрудничестве эмигрантов с немцами в годы оккупации. Обвинение в коллаборационизме было после освобождения, пожалуй, самым серьезным из возможных обвинений. Поводом для него могло стать как действительно имевшее место сотрудничество или явно выраженные устойчивые симпатии к Гитлеру, так и неосторожное высказывание, неверность которого автор достаточно скоро осознал и отказался от него, или несчастливое стечение обстоятельств[3]. Примечательно, что наиболее «непримиримыми» были те, кто пережил оккупацию в «свободной» зоне или покинул Францию. Сведения, сообщаемые ими, в значительной степени основывались на слухах, которые обрастали подробностями, переходя из одного письма в другое. В сложившейся ситуации очень ценным было умение адресата выступить в роли арбитра, рассудить стороны, найти наиболее верное решение и, возможно, примирить различные точки зрения. Именно таким адресатом был Элькин.

---

[2] Bodleian Library. Department of Western Manuscripts. Ms El'kin. Об Элькине и его архиве см.: *Рогачевский А.* Борис Элькин и его оксфордский архив // ЕВКРЗ. Т.5. Иерусалим, 1996; краткое описание архива см. в статье *Степанского А.* в журнале «Отечественные архивы». 1994. №6.

[3] Именно так произошло с Н.Берберовой, вину которой многие в эмиграции считали неоспоримой, и с поэтессой Л.Червинской, арестованной по обвинению в сотрудничестве и впоследствии оправданной французским судом. О «деле Берберовой» см., напр.: *Гаухман Ю.* Из архива Софьи Юльевны Прегель // ЕКРЗ. Вып. 4. Иерусалим, 1995; о «деле Червинской»: *Яновский В.* Поля Елисейские: Книга памяти. Нью-Йорк, 1983 (по указ. имен).

Документы из собрания Вельмина представляют собой переписку сотрудников крупнейшей демократической газеты эмиграции «Последние новости» Н.П.Вакара и Б.М.Сарача. Вакар вырвался из Парижа накануне вступления туда немцев и сумел добраться до юга Франции, где – в разных городках – обитали многие сотрудники газеты (впоследствии он эмигрировал в США). Сарач остался в Париже. Завязавшаяся переписка воссоздает многие детали повторного беженства, с одной стороны, и парижской жизни «под немцами» – с другой. Можно лишь догадываться о том, каким образом Сарачу в оккупированном городе удалось выжить и сохранить письма Вакара и копии своих писем к нему… В конце 1940-х – начале 1950-х, когда начали складываться фонды Бахметевского архива и Вельмин стал его парижским представителем, Сарач передал ему уцелевшие письма для отсылки в архив. Письма составили часть собрания Вельмина – имя человека, сохранившего их, упоминается лишь в пояснительной записке фондообразователя и в самих письмах.

В письмах обеих подборок очевидны многочисленные переклички: речь идет об одних и тех же событиях, зачастую – об одних и тех же людях. Это неудивительно – авторы принадлежали к одному кругу и их объединяли годы сотрудничества в «Последних новостях». Неудивительно и то, что оценки событий и поведения персонажей не всегда совпадают: сказалась разница характеров, места авторов в эмигрантской иерархии, отношения их с упоминаемыми лицами и к ним. Деловой и ироничный тон писем «братоубийственного» Вакара значительно отличает их от пространных, изобилующих мелкими подробностями, эмоциональных посланий Полонского. Сказалась и разница сугубо хронологическая: то, что лишь намечалось в первые месяцы оккупации, получило естественное продолжение в последующие несколько лет, когда Вакар уже не был ни непосредственным участником, ни прямым свидетелем событий. Полонский, которому не удалось выбраться из Франции, был одним из первых, кто вернулся в освобожденный Париж и отразил свои впечатления в письмах. Во многих случаях излишне пристрастные (что, впрочем, вполне естественно в том жизненном контексте, в котором они создавались) последние письма Полонского, тем не менее, точно передают атмосферу тех лет и то ощущение «распутья», которое испытывали многие эмигранты, поставленные перед необходимостью в очередной раз строить жизнь заново.

* * *

Публикация состоит из двух разделов: писем сотрудников «Последних новостей», которым предпослана «Пояснительная записка»

Вельмина, и писем Полонского Элькину. Единым для обоих разделов является Список имен, где представлены биографические справки о тех из упоминаемых в письмах лицах, сведения о которых удалось найти. Данные, сообщаемые в Списке, касаются преимущественно эмигрантского периода жизни указанных персонажей. В Список не включены сведения о широко известных деятелях эмиграции (П.Н.Милюкове, В.А.Маклакове, М.А.Алданове и т.п.).

Письма публикуются по ксерокопиям, сверенным с оригиналами. Текст писем приведен в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации, дописывания заключены в угловые скобки, особенности авторского написания оговорены в круглых скобках.

Публикатор выражает благодарность сотрудникам обоих архивов за предоставленное разрешение опубликовать письма, а также фондам «Открытое общество» и Фулбрайт, стипендии которых сделали возможной работу в архивах.

I

Переписка Н.П.Вакара и Б.М.Сарача

Пояснительная записка А.П.Вельмина
18 января 1954 г.

Прилагаемые копии писем были переданы мне для отсылки в Архив на хранение Борисом Марковичем *Сарачом*, б<ывшим> московским присяжным поверенным, состоявшим в течение ряда лет бухгалтером газеты «Последние новости», с 1921 по 1940 г. выходившей в Париже под редакцией П.Н.Милюкова.

При приближении немцев к Парижу в июне 1940 г. большинство сотрудников «Последних новостей» покинуло Париж и выехало в ту часть Франции, которая не подлежала немецкой оккупации. Б.М.Сарач остался в Париже, и между ним и уехавшими завязалась переписка. В первые месяцы по занятии Парижа немцами Б.М.Сарач регулярно писал уехавшим, сообщая им, что творится в Париже. Ввиду существования немецкой цензуры ему приходилось писать очень осторожно, прибегая к т.н. «эзоповскому языку», а поэтому необходимо к каждому его письму дать пояснения и объяснения, что я и делаю, пользуясь указаниями Б.М.Сарача.

Первые две копии являются копиями писем Б.М.Сарачу Николая Платоновича Вакара, одного из уехавших на юг Франции сотрудников «Последних новостей». В первом письме от 4.7.40 содержится

ряд сведений о сотрудниках газеты, начиная с П.Н.Милюкова, который в этом письме называется «папой» – так называли его между собой сотрудники газеты. В этом письме сообщаются сведения не только о сотрудниках «П<оследних> н<овостей>» (Бенедиктов, Поляков-Литовцев, Полонский, Миркин-Гецевич, Волков, Могилевский, Кулишер, И.П.Демидов, названный в этом письме просто Игорем), но и о ряде русских общественных и политических деятелей, покинувших Париж при оккупации его немцами.

Такие же сведения сообщаются и во втором письме Н.П.Вакара от 17.7.40. Некоторых лиц он называет только инициалами. Ал.Ив. – Александр Иванович Коновалов; Павл. Ник. – Павел Николаевич Милюков; Ник. Конст. – Николай Константинович Волков; Игорь – Игорь Платонович Демидов.

Руднев – Вадим Васильевич (так! – *О.Д.*) Руднев, член Исполнительного комитета Земгора и редактор «Современных записок».

В первых двух «Сообщениях» Б.М.Сарача от июня 1940 г. упоминаются фамилии Семенова и Любимова. Ю.Ф.Семенов – редактор издававшейся Гукасовым газеты «Возрождение»; Л.Д.Любимов – один из сотрудников этой газеты, после последней войны сделавшийся «советским патриотом» и сотрудником газеты «Советский патриот»[4], высланным потом французскими властями из Франции в СССР, где находится и в настоящее время.

Яков Львович – Я.Л.Рубинштейн, председатель Юридической комиссии при Земгоре по правовому положению русских беженцев, известный знаток беженского вопроса, б<ывший> член правления Нансеновского офиса при Лиге Наций.

Упоминаемое в письме от 24.7.40 «русское издательство» – это «Editions russes à Paris, Sociètè anonyme», издававшее «Последние новости», – потому оно и было названо в письме «патроном».

Это же издательство имеется в виду в сообщении Б.М.Сарача от конца октября 1940, когда говорится о «крупной торговой фирме, которая не может долго оставаться в спящем положении». Упоминаемые в этом сообщении Вяземский, Арбузов, Степанов – все это бывшие сотрудники «Последних новостей».

Письмо от 26.7.40. тоже написано Б.М.Сарачом, но из опасения немецкой цензуры ему придана форма письма одной приятельницы к другой, так как в нем Б.М.Сарач под видом рассказа о посещении судебным приставом «помещения нашего хозяина, который торговал

---

[4] «Советский патриот» (в 1943–1944 – «Русский патриот»; Париж, 1945–1948) – орган советских патриотов, впоследствии – орган Центрального правления Союза советских граждан; ред. Д.М.Одинец.

утками около Центрального рынка», сообщает об обыске, произведенном немцами в редакции «Последних новостей», помещавшейся на рю Тюрбиго, недалеко от Центрального рынка.

О немецких обысках сообщается и в письме от 31.7.40[5] под видом «посещения гостей». Мать Мария – руководительница «Православного дела», организации, помещавшейся на улице Люрмель, кормившей неимущих и дававшей приют им, а также спасавшей и прятавшей преследуемых немцами евреев. За это мать Мария и ряд ее сотрудников были впоследствии арестованы гестапо и вывезены в Германию в концентрационные лагеря, где мать Мария и сын ее погибли.

Авксентьев – Николай Дмитриевич Авксентьев, известный русский политический деятель, б<ывший> министр внутренних дел Временного правительства; перед занятием немцами Парижа он состоял председателем российского Земско-городского комитета (Земгора) и выехал в свободную зону, а затем уехал в США, где и скончался в 1943 г.

«Возрождение» – газета, издававшаяся Гукасовым в Париже до немецкой оккупации. Софья Александровна Милевская – одна из сотрудниц этой газеты.

Об обысках немцами квартир и грабеже оставленного в квартирах имущества сообщается в письме от 4.8.40 под видом рассказа о посещении «гостей». Татьяна Павловна и Ляля-машинистка – сотрудницы «Последних новостей». Под видом о посещении их «гостями» рассказывается о немецком обыске в помещении редакции «Последних новостей». «Историк» – П.Н.Милюков; «его коллега по хозяйственной части с красивым почерком» – Н.К.Волков, бывший администратор «Последних новостей»; «заведующий конторой дачник» – В.А.Могилевский, бывший заведующий конторой «Последних новостей»; его «сосед по даче» – А.А.Поляков, сотрудник «Последних новостей»; «его однофамилец-англоман» – другой сотрудник «Последних новостей» С.Л.Поляков-Литовцев. Бунаков – И.И.Бунаков-Фондаминский, известный политический деятель, арестованный потом гестапо и погибший в немецком концентрационном лагере.

Н.П.Вакар

[5] Ошибка Вельмина; дата на письме – 1 августа 1940.

1
Вакар – Сарачу

Вакар. 58, рю Эмиль Гарет
По. 4.7.40

Авось письмо дойдет до Вас, а Вы поклонитесь всем оставшимся в Париже, передадите им мой привет и попросите написать мне по указанному выше адресу.

Из Парижа я направился на велосипеде в Виши[6] и был там 16-го. Застал папу здоровым, но встревоженным и расстроенным: его забыли, оставили его без вестей и денег. Обрадовался мне как родному. Пробыл у него 3 дня. Хотел было увезти в Пиренеи, но отказался от мысли (везти в тех условиях означало бы тащить на верную смерть) и уговорил остаться в Виши. Там же застал Бенедиктова, Полякова-Литовцева, Полонского, Неманова и Вишняка, но двух последних не видал. Бенедиктов бежал, бросив вещи, в Монпелье, где живет сейчас в хороших условиях в Сите-Университер у Жан Готтман, павильон Колониаль. Полонский остался, обещав опекать папу; Поляков-Литовцев, кажется, не успел уехать, а Вишняк хотел отравиться. Я уехал 19-го утром, перед вступлением немцев[7]. С разными приключениями перебрался через центральный массив и был через 6 дней в По, где нашел жену и детей. Сюда, как оказалось, приехали из Бордо А.Поляков и Аминадо (поселились в деревне за городом), а потом и Цвибак с женой. Цвибак уехал в деп<артамент> Жерс, а оттуда через Монпелье в Ниццу. Здесь же Алдановы, Авксентьевы и Цетлины. С ними видаюсь ежедневно, а также с Вышеславцевым и Андерсоном (ИМКА); с этими последними А.Тыркова и А.Борман; Бердяев, Бессонов, Мочульский и А.А.Шайкевич застряли в Аркашоне, там же Михельсон. Ступницкого видели в Бордо, а затем он пропал. Промелькнул в Байоне Керенский (которого не пустили в Испанию) и Миркин. Коновалов добрался до Биаррица и переезжает на днях к нам в По. Игорь живет в хороших условиях в Пиль-сюр-мер близ Аркашона. Он расстался с Волковыми и Могилевским в Пуатье. Там, оказывается, был такой же кавардак, как и на рю Тюрбиго. Кулишера (пьяного) приняли за агента 5-й ко-

---

[6] О бегстве Вакара из Парижа см.: *Вакар Н.П.* Дневник (1938–1940) / Публ. *О.Р.Демидовой* // Минувшее. Вып.24. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С.623–627.

[7] Вероятно, опечатка; Вакар покинул Париж днем 11 июня 1940, см. последнюю запись в «Дневнике».

лонны, избили и отправили в участок. Могилевский выручил. Где теперь этот сумасшедший, неизвестно. Зелюк, уверявший, будто он все вывез и может хоть завтра печатать газету, выбрался в Тарб, отель де Перине, ав<еню> Де ла Марн. Тарб (от. Перине). Могилевский сидит у дочери в Монпелье (18 рю Дориа), там же А.Д.Абрамович. Могилевский повез Волковых на машине Аристова. Последние застряли в Родерс, а Могилевский один вскочил в автокар и добрался до дому. Вытащить Волковых оттуда он до сих пор не может. Беженцам запрещено передвигаться, и, хотя все передвигаются, Волковы честно выполняют распоряжение префекта: вот уже 10-й день они живут в школьном дортуаре на койках с соломенными тюфяками. Связь имеет с ними только Могилевский, решивший, очевидно, не отпускать Волкова от себя и скрывающий его адрес.

Тем временем живем все по-беженски в ожидании новых событий. Надеемся, что наше начальство соберется где-нибудь в конце концов и обсудит нашу дальнейшую судьбу. Случится это вряд ли раньше чем недели через две, хотя жел<езная> дорога начала уже восстанавливаться в свободной зоне. Проедаем последние деньги. Заработка, разумеется, найти невозможно никакого. Парижские евреи кочуют стаями, потеряв голову. Теперь они все устремились в Ниццу.

Швыров по-прежнему в Монте-Карло. Цвибак хочет издавать газету для русских в Ницце – там «вести отовсюду». Но польза от этой мечты пока только та, что он следует за богатыми евреями, которые возят его и кормят. Этим затея, конечно, и ограничится. Сомневаюсь, чтоб нам позволили возобновить «Последние новости» в зоне или вне зоны. Буду держать Вас в курсе намерений, когда они начнут определяться, а через вас и всех наших парижан.

Напишите, пожалуйста, подробно, как Вы живете, что делаете в Париже, какова судьба оставшихся. Покажите это письмо Калишевичу, Александрову, Попову. Попросите их писать. Если Сумский там, то его тоже, вообще всех, кого увидите. У меня здесь вроде как бы информационный центр с рассылкой бюллетеней в Виши, Биарриц и Монпелье.

2

Сарач – Вакару

С половины июня появились в Париже газеты «Матен», «Ла Виктуар», просуществовавшая несколько дней, между прочим отметившая, что в 14 г. Францию ожидало такое же поражение, как и нынешнее, если бы не спасла Россия.

Говорят, издание «Ла Виктуар» было прекращено будто бы за направление. Издается «Дерниер Нувель», выходит «Пари Суар», «Франс о травай» и еще два-три листка, все в одном направлении. Первые дни публика жадно набрасывалась на газеты, т.к. перед этим питалась только сообщением радио. Ввиду почти тождественности содержания газет, теперь я ограничиваюсь покупкой одной утренней и «Пари Суар». Первые дни газеты продавались только у входа в метро, а сейчас в киосках метро и в некоторых уличных киосках.

Представители новой власти посетили помещение Земгора на рю Даниель, интересовались, там ли живет Яков Львович, спрашивали, чьи портреты висят, какова деятельность Земгора и отношение к Советской власти.

Говорят, что они были с визитом в помещении «Социалистического вестника»[8], также и в квартире автора, года два тому назад выпустившего книгу об истории масонства в России[9].

Вообще немцы очень интересуются Парижем; толпы их собираются у Инвалидов для посещения могилы Наполеона, на площади

---

[8] «Социалистический вестник», (Париж, затем Нью-Йорк; 1921–1965) – центральный орган Заграничной делегации РСДРП, основан Л.Мартовым, в редакционную коллегию входили Л.Мартов, Р.Абрамович, Д.Далин, Ф.Дан; подробнее о нем см.: *Хейфец М.* «Социалистический вестник» и «социалистическая» страна // ЕВКРЗ. Т.1. Иерусалим, 1992.

[9] Вероятно, речь идет о М.А.Осоргине, роман которого «Вольный каменщик» был издан в Париже в 1937, действие романа, однако, происходит в эмиграции. Автором книги по истории масонства, вышедшей в 1940, была жена Осоргина Т.А.Осоргина-Бакунина, см.: *Bakounine T.* Le répertoire biographique des franc-maçons russes (XVIIIe et XIXe siècles). Brussels: Petropolis. Год издания устанавливается на основании письма главы «Петрополиса» А.С.Кагана Г.В.Вернадскому от 12 марта 1940, ср.: *«На днях я наконец выпустил книгу Бакуниной-Осоргиной»* (BAR. Ms Vernadsky. Box 40). Ср. отзыв самого Осоргина о вторжении в его квартиру: *«В Париже меня ждала "маленькая неприятность": дверь моей квартиры опечатана, взяты мои бумаги, вывезены архивы, письма, рукописи, все книги, все то, что мне было дорого и что лишено всякого интереса для людей сторонних, и меньше всего для грабителей, трижды приезжавших на военном автомобиле»* (*Осоргин М.А.* В тихом местечке Франции /июнь–декабрь 1940/. Париж: YMCA-Press, 1946. С. 81). См. также письмо Осоргина А.А.Полякову от 26 июля 1940: *«В Париже узнали, что моя квартира очищена от бумаг трижды и запечатана. <...> В Париже из русских пострадал один я, да еще слышал про обыск у Соловейчика (его нет). Вход в мою квартиру воспрещен под страхом расстрела»* («Мы можем быть только летописцами...» Письма М.Осоргина А.Полякову (1940–1942) / Публ. *О.Р.Демидовой* // Диаспора-I: Новые материалы. Париж; СПб.: Atheneum; Феникс, 2000. С.427).

Трокадеро, у нового здания музея и театра, у могилы Неизвестного солдата и делают много фотографических снимков.

Несколько раз был в нашем банке. Там мертвое царство – полное отсутствие клиентов. Сейчас банки уже выплачивают по вкладам, сначала делали маленькие денежные переводы до двух тысяч франков по письменным просьбам клиентов и только по почте; а теперь начали делать переводы на крупные суммы, причем банки покупают чеки у Банк де Франс.

Никто из клиентов не приходил и не пользовался своим сейфом. Получение вещей из сейфа возможно, если о своем желании заявит группа «человек десять владельцев сейфа» и к этому времени будут приглашены представители власти.

Погода стоит здесь осенняя, все время дожди и прохладно. Так как фабрики и заводы не работают и до минимума сократилось автомобильное движение, воздух в Париже чист как никогда, совершенно нет ни копоти, ни пыли.

Начиная с 20-го июня начались разговоры об издании русской газеты в Париже. Во главе пропаганды во Франции, кажется, состоит де Гротте, из прибалтийских немцев, прекрасно говорящий по-русски, проживавший многие годы в Петербурге. К нему отправился Семенов, но не был принят. Любимову удалось добиться свидания с де Гротте, который будто бы сказал, что их симпатиями не пользуются такие газеты, которые приспосабливают свое направление к требованиям момента, имея в виду газету Гукасова[10]. Кроме того, будто было предложено Любимову свое ходатайство направить через префектуру полиции.

По слухам, в префектуру поступило шесть просьб об издании русской газеты. Дней десять тому назад Любимов получил отказ, но ему было сказано, что он может возобновить свое ходатайство через месяц.

В качестве будущих «редакторов» называли В.Ф.Малинина, б<ывшего> членом Московской городской управы, Румянова, Тутковского и М.А.Струве, выступавших вдвоем, издателей «Русского инвалида»[11].

---

[10] Т.е. газету монархического направления «Возрождение» (Париж, 1925–1940).

[11] «Русский инвалид» (Париж; 1925–1929, 1930–1940) – первоначально однодневный выпуск, затем ежемесячная военно-научная и литературная газета; главный редактор Н.Н.Баратов.

Из всех групп как будто имеют больше всех шансов лица, причастные к нынешнему Эмигрантскому комитету[12]. Будто предполагается издание информационного листка, причем называют в качестве редактора Жуковского, секретаря Маклакова, или проф. Одинца. По крайней мере, Маклаков категорически опровергает какое-либо свое личное участие (так! – *О.Д.*) к будущему изданию русской газеты.

Многие из претендентов на издание газеты побывали уже в типографии Зелюка, вели переговоры с комитетом, заведующим типографией, при этом обнаружили полную свою непрактичность и незнакомство с издательской деятельностью.

Само собой разумеется, едва ли при нынешних условиях в смысле распространения газеты и по техническим причинам, и по крайне тяжелому положению русской эмиграции возможно существование неубыточной русской газеты. Были даже обращения с предложением принять участие в редактировании газеты к некоторым старым газетным работникам, но они отказались.

3

Вакар – Сарачу

17-го июля 1940 г.

Дорогой Борис Маркович,

Получил оба Ваши письма вчера и сегодня и от души благодарю. Это первые вести из Парижа. Тотчас передал содержание Ал<ександру> Ив<ановичу>, Павл<у> Ник<олаевичу>, Ник<олаю> Конст<антиновичу> и Игорю, которые по-прежнему живут в разных местах. Н<иколай> К<онстантинович> добрался, наконец, до Монпелье. Его адрес там: Ройяль Отель (Монпелье Херольд).

Непонятна история с Ладинским и Капланом, о которой Вы пишете[13]. Ладинский был в Пуатье, а потом прожил две недели с Волковыми и Аристовым в Родер. Где он теперь, не знаю – не пишет, и про него не пишут.

---

[12] Речь идет о Русском эмигрантском комитете при Лиге Наций, созданном в 1924, председателем которого являлся В.А.Маклаков. В апреле 1941 был создан профашистский Комитет взаимопомощи русских эмигрантов во Франции, возглавлявшийся сначала Модрахом, а с июля 1941 Ю.С.Жеребковым. В апреле 1942 Комитет был реформирован в Управление делами русских эмигрантов во Франции; в качестве одного из отделов Управления выступала редакция пронацистской русской газеты «Парижский вестник» (1942–1944), единственной русской газеты, выходившей в Париже в годы оккупации.

[13] Неясно, о чем идет речь: упоминаемое письмо Сарача не сохранилось.

Про Кулишера я Вам рассказывал. С тех пор нет вестей [ни] о нем, ни о его брате. Руднев прошел пешком 500 километров и сейчас живет в Нераке. Вишняк, который хотел отравиться, здравствует в Виши. Соловейчик был в По, но уехал в Тулузу, где обосновались меньшевики во главе с Абрамовичем. Дан тоже где-то в «свободной зоне». Иванович-Португейс в Тарбахе, откуда Зелюк исчез в неизвестном направлении. Обнаружился М<ихаил> А<ндреевич> в деп<артаменте> Эндр[14], на границе оккупации, и мечтает вернуться в Париж, как только пустят. Ратнер прошел 300 кил<ометров> пешком, добрался до Лиможа. Михельсон бросил свою виллу в Аркашоне и остановился на несколько дней в По проездом в Ниццу, Авксентьев уезжает на днях в Марсель. Полонский в Виши. Ступницкий приехал в Бордо, неизвестно, что с ним. Угримов находится с Осоргиным. Младоросс Оболенский живет под Туром по нашу сторону границы. Коновалов пока остался в Биаррице, а Игорь под Аркашоном в ожидании, когда нас созовут на совещание по поводу газеты в Монпелье или Виши. Денег никому не платят. Н<иколай> К<онстантинович> пишет, что для этого Правление должно собраться сначала. Но это задача не легкая и не скорая. Относительно возобновления «П<оследних> н<овостей>» идет переписка между П<авлом> Н<иколаевичем>, А<лександром> Ив<ановичем>, Н<иколаем> К<онстантиновичем>, И<горем> П<латоновичем> и мною. Мнения разделились. Коновалов и я, к нам примыкают Игорь и Алданов, против возобновления в создавшихся условиях и настаиваем на переселении за пределы Франции. П<авел> Н<иколаевич> и Н<иколай> К<онстантинович> надеются, что удастся все же найти компромисс на решение и получить возможность продолжать «П<оследние> н<овости>»; если не в Париже (в случае, что немцы уйдут), то в Виши. Думаю, что иллюзии их скоро рассеются. Существует еще формула Цвибака издавать «Вести отовсюду» в Ницце, где скопилось много русских, и «защищать их интересы». Сочувствия это пока не встречает, а сам Цвибак путешествует где-то с богатыми евреями и перестал подавать вести о себе.

Самое же непреодолимое во всех этих планах то, что нет ни типографии (Зелюк, впрочем, уверяет, что он все вывез и даже имеет с собою 8 рабочих), ни денег, т.к. капиталы «П<оследних> н<овостей>» застряли в оккупированной зоне. Сколько денег

[14] М.А.Осоргин; о жизни его в годы оккупации см. указ. публикацию писем А.Полякову.

наличными вывезли на себе Волков и Могилевский, не знаю, но, по всем данным, очень мало.

Что же будет с нами? Не имею понятия. Пока живем по-беженски, питаемся супами и картошкой (когда можно достать), но самые счастливые из нас протянут так не больше месяца, полутора. Может быть, к тому времени банки выпустят деньги, и мы получим снова месячный оклад (Н<иколай> К<онстантинович> пишет, не больше), но это, разумеется, не решает нашей судьбы[15]. Возвращаться в Париж? Те, кто могут, вернутся, конечно, в надежде найти заработок. Но многие не вернутся, по разным соображениям, в том числе и Ваш покорный слуга. В такое время гулять с семьей по белу свету неуютно. Буду сидеть в По. Ищу работу как ливрер-циклист[16]. Велосипед вывез меня из Парижа, он же, может быть, и прокормит. Но вообще события совершаются так быстро, что неизвестно, как будет через месяц. Тогда посмотрим и решим. Главное же – никого в Париж не пускают. Если же возвращаются к вам, то лишь те, кто застрял в оккупированной зоне. Нынче между нами граница, ее же не перейдешь. Подождем, а пока пишите, Борис Маркович, дорогой, чаще и подробней. Ваши сообщения я тотчас передаю в Монпелье, в Виши и Игорю, а от них вести катятся по всей земле. Просите друзей писать. Очень интересно Вы рассказываете про газетные планы в Париже. Если выйдет газетка Любимова или бюллетень Маклакова, непременно пришлите несколько экземпляров.

Жду скоро вестей от Вас и от друзей. Кланяюсь всем, а более близких обнимаю. Храни Вас Господь.

Душевно Ваш

Вакар.

Швыров в Монте-Карло, Кобецкий в Каннах, хотят съехаться, но не могут. Керенский пропал; по слухам, выбрался в Англию с последней отправкой из Байонны. Игорь очень хворал (без лекарств), теперь поправляется.

4

Сарач – Вакару

26 июля 1940

Моя дорогая, хочу воспользоваться отсутствием патрона и немного поболтать с тобой (теперь в нашем меховом деле полный

---

[15] О выплатах ликвидационных бывшим сотрудникам газеты см. письмо 8 наст. публикации, письма Осоргина Полякову; см. также письма Г.Адамовича А.Полякову (в печати).

[16] Рассыльный, посыльный (от франц. livrer – доставлять, вручать).

застой, и, по-видимому, наше бюро открыто, чтобы только наш товар не реквизировали). У нас теперь почти все продукты налицо, исчезли очереди, вместо кофе обещают какое-то кофе националь, нет арамида (?), мало шоколаду, который я так люблю, говорят, не будет рису; трудно достать яйца.

В кинематографах, которые кое-где открыты, показывают главным образом военные картины из жизни последних двух-трех месяцев.

Проходила как-то мимо Гар Монпарнас и вижу старую детскую коляску, а над ней торчит вывеска: «транспортная контора», правда, в очередь стоят и более (1 нрзб.) камионетка[17] и трипортер[18]. Вместо наших «симпатичных» таксистов около вокзала дежурят лица, занимающиеся доставкой багажа в дом или на другой вокзал. Для этого нового промысла не требуется ни (1 нрзб.) Министерства труда, ни режистра де коммерс[19], ни удостоверения об (1 нрзб.), только крепкие ноги и сильные руки. Тариф с одного места багажа и за километр от вокзала – 4 фр<анка>, за последующие вещи, за каждое место приплаты по 50 сант<имов> с километра. Только каждое поручение о перевозке должно быть отмечено у дежурного ажана, иначе никакие жалобы не принимаются. Один мой знакомый острил, что он хочет получить патент на счетчик для этих извозчиков.

Понемногу публика возвращается в Париж, но это больше беднота. Два дня тому назад вернулась наша мегера консьержка, «на радостях» мы даже с ней расцеловались. Вчера я спешу на службу, вдруг меня окликает консьержка, думаю, какое-нибудь приятное письмо, и что же, она с очаровательной улыбкой преподносит мне китанс де луайе[20]; вместо того чтобы послать ее ко всем чертям, я ей мило улыбнулась и попросила подождать… Какой идиот теперь платит луайе, лучше я запасусь лишней парой чулок (уже начали продавать только по одной паре каждой покупательнице), запасусь чаем Твининг, которого скоро не будет, куплю шоколаду, шпроты и т.п. К тому же наш приятель-всезнайка успокоил меня, будто скоро будут опубликованы законы о всяких льготах для оставшихся в Париже, да и, кроме того, суды еще не начали функционировать и, кажется, не скоро начнут действовать, а пока что с квартирной платой спокойно можно подождать.

---

[17] Грузовичок (от франц. camion).

[18] Трехколесный грузовой мотороллер (от франц. triporteur).

[19] Разрешение на торговлю (от франц. registre de commerce).

[20] Счет за квартиру (от франц. quittance de loyer).

И ты можешь представить мое разочарование и огорчение: оказывается, суды спят, но не спят судебные пристава. Вчера судебный пристав описал, по какой-то претензии, нашего прежнего хозяина, который торговал утками и всякой дичью. Помнишь его большой склад около Центрального рынка? По словам домоправителя, «марля», как мы его шутя окрестили, судебный пристав остался очень недоволен, что ничего ценного не нашел, добросовестно пересмотрел пустые кофр-зеры, и шкапы, и ящики; уходя, судебный пристав опечатал оба этажа и просил усатого дядю быть хранителем целости его печатей. Между прочим, судебный пристав интересовался, где находится главный хозяин; «марля» объяснил, что он уехал, адреса не оставил, и давно его не видно: вероятно, скрывается от кредиторов.

Правда, мне наш всезнающий друг объяснил, что я не должна беспокоиться за мое луайе, т.к. судебный пристав, вероятно, приводит в исполнение давнее решение суда.

Как я завидую вам всем, уехавшим к солнцу, теплу. У нас стоит здесь мерзкая погода, все время дожди, и мы с злосчастным «Чемберленом» не расстаемся. Я начинаю понимать вас, не спешащих возвращаться в Париж; работы никакой, а только жди всяких неприятностей, вроде китанс де луайе или напоминания о налогах на цветных бумажках. Я решила выдержать характер и не платить и не отвечать неделикатным кредиторам. У меня душа болит, когда вспомню, что у меня не заплачено за много месяцев за электричество и газ; если закроют электричество, не страшно, теперь еще даже светло в 10 ч<асов>, а с газом хуже – видно, за газ придется платить.

Ну, надо кончать свою болтовню, а то слышу шаги нашего крокодила-хозяина; жалованье уменьшил на треть, т.к. у меня мало якобы работы, а непременно требует, чтобы я приводила в порядок старую переписку и писала напоминания должникам, которые все равно не платят или находятся вне досягаемости. Только расходы на бумагу и почтовые марки…

Ну, до свидания. Целую Тебя крепко и шлю мои наилучшие пожелания.

5

Сарач – Вакару

1.8.40

Открылись Рено и Ситроен, принимают на работу только французов (говорят, будто даже натурализованных не принимают).

Обходят представители Префектуры с опросными листами натурализованных и заполняют десятки вопросов – сами чиновники смущены и чувствуют себя неловко при исполнении этого поручения. Говорят, будто натурализованных будут «денатурировать» – один мой нервный знакомый волновался, не болезненная ли операция; другой знакомый утешался, что ему, вероятно, вернут деньги, заплаченные им за натурализацию. Злые языки утверждают, будто всех натурализованных будут судить за то, что они были так дерзки и не только мечтали о высоком звании называться французом, а даже сумели его добиться. Впредь натурализованных будут трактовать как «мулатов».

На авиационном заводе в Бреге в Кламаре, теперь руководимом представителями берлинской фирмы «Юнкерс», приступили к работам, принимают многосемейных французов, а русских – при наличии очень солидных рекомендаций.

5 – 6 августа будет новая перепись иностранцев (включаются в качестве иностранцев немцы, не военные). Наши земляки гадают, зачем это и не будут ли нас сажать в лагери или судить за то, что мы иностранцы[21]. Говорят, будто многим при их посещениях новых властей и просьбах о выезде, и особенно за границу, служащие новой власти говорили: «Скоро поедете домой». На это один русский ответил: «Спасибо, я предпочитаю здесь быть «саль этранже», чем почетным гостем где-нибудь на Лубянке». В общем, преобладает мнение, будто проектируются какие-то меры по возвращению иностранцев на родину…

Будто в вопросном листе значится вопрос, почему живете во Франции, если не работаете.

В магазине, где мы торгуем, отпускаем товар первоклассный, к сообщаемым же мной новостям прошу относиться осторожно и снисходительно, т.к. этот товар мне отпускают наши клиенты бесплатно (замечено, чем больше клиенты у нас разговаривают и рассказывают, тем меньше они покупают). Я нигде не бываю, рано отправляюсь в магазин; иногда приходит в магазин жена, заменяет меня за кассой, когда я ухожу по неотложным делам, около 8-ми ч<асов> веч<ера> возвращаюсь домой. Репортаж мой любительский

[21] Многочисленные аресты среди русских эмигрантов прошли позже, после нападения Германии на СССР. По разным сведениям, были арестованы от 120 до 1000 человек; см., напр.: *Берберова Н.* Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997. С. 109; *Кривошеин И.* Так нам велело сердце // Против общего врага. М., 1972. С.268–269; *Малышева С.* Автографы Компьенского концлагеря // ЕКРЗ. Т.5. Иерусалим, 1996. С.22–32.

– прошу не судить строго и не требовать моего ручательства за его качество.

Новые власти продолжают изучать парижскую русскую географию (некоторые предсказывают, что позже начнется изучение и «русской этнографии»). Посетили Воинский союз[22]. Были там три раза. Наконец, к ним пришли из комиссариата и говорят: «Дайте нам копию вашего устава». Оказывается, из префектуры было отправлено в начале июня 700 000 досье в провинцию, и теперь по всем справкам приходится составлять новое досье «провизуар».

Были в гостях у матери Марии, осмотрели подробно помещение и знакомились с деятельностью. Передавали как достоверное, что на днях начнет выходить «Возрождение». Теперь сообщают, будто Софья Александровна Милевская была вызвана в Нант к Гукасову; в пятницу 26.7. в конторе «Возрождения" Бегляриан, племянник Гукасова, выплатил служащим и сотрудникам жалованье за три месяца.

Я уже сообщал, что посетили контору и типографию «Возрождения», будто хотели опечатать помещение редакции, но не опечатали, т.к. пришедшие служащие собирались пить чай. Новые власти будут издавать русскую газету, а редактором приглашен Любимов.

Чтобы иметь достаточно мелочи для сдачи покупателям, я зашел поблизости в отделение банка. Сидевшая там в одиночестве дама мне объяснила, что кассы в этом отделении нет. Я спросил даму, почему это называется банк, если там нет кассы, а только одна скучающая дама. Оказывается, она дает объяснения. За пределы зоны они делают переводы на сумму не свыше 10–16 тысяч фр<анков>; валюты не продают и не покупают.

Снова обратился в банк на Гольдер, там мне объяснили, что платят по чекам, без ограничения суммы; относительно % бумаг клиентов мне объяснили, что они находятся в отделении банков в оккупированной зоне. Получилось письмо от П.Ю.Зубова. Он с семьей находится в беженском лагере в Люсоне, в Андей, жаждет вернуться в Париж и продолжать прежнюю работу.

Приехал из неоккупированной зоны Унковский, гостивший у своих друзей с женой. 24-го июля ему дали открытый лист на право

---

[22] Русский Общевоинский союз (РОВС) был создан ген. П.Н.Врангелем в 1923 для того, чтобы сохранить кадры русской армии в эмиграции; после смерти Врангеля в 1928 председателем Союза стал ген. А.П.Кутепов; после похищения последнего агентами советской разведки в 1937 – ген. Е.К.Миллер (до его похищения в 1937).

бесплатного возвращения в Париж, сказали, что будет проверка их бумаг и пересадят в другой поезд в Бордо. Никто бумагами их не интересовался, и они приехали без пересадки. Сами грузили багаж, не получили никаких квитанций, но багаж благополучно дошел.

6

4.8.40

Наконец, погода улучшилась, показалось солнце, чистое небо, довольно свежо, почти не было жарких дней. Чувствуется с каждым днем прирост населения. Все же впечатление Парижа, наполовину населенного против обычного. Новые власти принимают усиленные меры по охране имущества уехавших, особенно неарийцев, и были случаи, когда вывозилась вся обстановка квартиры на «склады для хранения». Много их, беспризорных квартир, в Пасси, Отэй и ближе к Порт де С<ен>-Клу. Естественно, гостям бывают нужны матрацы, подушки, чтобы немного развлечься – граммофоны и радиоаппараты; достаточно, чтобы в квартире был живой человек – и отношение меняется: так, одна прислуга на бул<ьваре> Сюше просила оставить ей радио, так как газет нет – ей не только вернули радио (забрали только граммофон), но даже дали дружеский совет – припрятать, а то мы за наших товарищей не ручаемся. Надо отдать справедливость, что наши гости прекрасно ориентируются в городе, у всех планы Парижа, а очень многие знают прекрасно, в каком этаже чья квартира. В пансионе за городом (туда я продолжаю ездить в свободные дни) взяли восемь матрацев; на всех дачах красуется надпись «дом обитаемый». Заняты большие дачи, обыкновенно отмечается бережное отношение, очень редко сравнительно были отмечены «неостроумные» игры вроде прикалывания банок от консервов или изрезывания каких-нибудь вещей или мехового пальто на мелкие части. Вообще бедными квартирами не интересуются.

С 23 ч<асов> до 5 ч<асов> город замирает, и слышно только, как пролетают аэропланы. Как-то я писал, что были гости у Татьяны Павловны и Ляли-машинистки в доме рядом с Дюпоном; очень интересовались, где живет почтенный историк; его коллега по хозяйственной части с красивым четким почерком (на чеках); вечно спешащий и всегда опаздывающий заведующий конторой – дачник; его сосед со скромной дачей – Саша; спрашивали и его однофамильца, как шутя называли англомана. Интересовались и другими, но сразу столько фамилий славянских усатый домоправитель не мог запомнить. Правда, когда домоправитель объяснил, что они уехали, не оставив адресов, его успокоили, сказав: «Ничего, мы сами

разыщем». Будто очень интересуются неким Бунаковым. Вообще с каждым днем любознательность гостей прогрессирует.

Нам роздали листы для переписи иностранцев – прилагаю копию листа.

7

Сарач – Вакару

Октябрь 1940

Существование крупной торговой фирмы в спящем состоянии не может долго продолжаться: неизбежны претензии лиц, связанных деловыми отношениями, а также разных государственных учреждений по поводу налогов, по уплате Кэз компансьон, Ассюранс сосиал и проч. Помимо убытков по оплате помещения, неминуемы судебные процессы по частным взысканиям и наложение арестов на всякое имущество и на счета текущие и друг<ие> в банках.

Начавшаяся уплата ликвидационных сразу выдвинула много неудовольствий о недостаточности и несоответствии ее размеров требованиям закона. Крайне обижены агенты отдела объявлений и при их лишении ликвидационных склонны в судебном порядке искать защиты своих интересов (даже при полной безнадежности некоторых судебных процессов отсутствие ответчика на суде чревато всякими неприятностями). Претендуют на ликвидационные и корректоры (невозможность получения удостоверений об их увольнении лишает возможности получения шомажных; в таком положении и ряд других служащих по отделу объявлений и несколько общего отдела).

Просят их не забыть Вяземский, Арбузов, Степанов…

Невозможность получения удостоверений делает невозможным продление карты с сохранением профессии.

Банки не имеют права платить по чекам предприятий, администраторы которых находятся в другой части страны. Большая опасность заблокирования имущества, находящегося в банках, и даже потери его.

Присутствие правомочного лица – директора-распорядителя с самыми широкими полномочиями правления крайне необходимо; в противном случае существует серьезный риск потери в с е г о имущества.

Между прочим, вызывает возражения расплата с некоторыми по последнему половинному окладу, тогда как все получают три четверти – ведь весьма продолжительный период службы проходил при нормальном их жалованье.

Абсолютно нет никаких надежд на возобновление работы в ближайшем будущем, и оттягивание ликвидации является бесцельным и в то же время сопряженным с большим риском…

II

Письма Я.Б.Полонского Б.И.Элькину

1

Paris 5 Juin 1940

Дорогой Борис Исаакович,

Я написал Вам письмо 15 мая, а через несколько дней открытку. Лунц сказал, что получил от Вас запрос о нашей судьбе. Бомбардировку перенесли благополучно, хотя в нашем районе и даже совсем близко упало 8 бомб, а <в> нашем доме в (неразб.)-de-Chaussée от взрыва разнесло стекла. Сидим и обдумываем, что делать дальше. Отъезд связан с массой трудностей и формального характера и практического, кроме того, повсюду все переполнено. Если бы мы имели sauf-conduit[23], то, пожалуй, уехали бы, но у нас его еще нет. Сегодня заходил прощаться Вишняк, уезжает в Vichy. Макс и Таня[24] начали хлопотать прежде всех и уже получили sauf-conduit, вероятно, на днях уедут. Уехали Цетлины, Авксентьев, Михельсон и много др. Лев Моисеевич Зайцев был у нас вчера – он приехал из Брюсселя в порядке беженства. Думает ехать дальше. Только что из официального communiqué[25] узнали, что началось наступление.

Всего лучшего.

Ваш *Я.Полонский*

2

6/8/1940

Дорогой Борис Исаакович,

я читал Вашу открытку от 6 июня к Павлу Никол<аевичу>[26] и знаю, что Вы переселились в Англию. Мы здесь с 11 июня на беженском положении. Не знаем еще, что с нами будет дальше, скорее всего, вынуждены будем обстоятельствами вернуться в Париж, т.к. здесь никакого занятия найти нельзя. О возвращении, к<а>к Вы догадываетесь, думаем с тоской. На всякий случай запишемся в квоту в амер<иканское> консульство, к<а>к это сейчас делают все наши

[23] Пропуск (фр.).
[24] М.А.Алданов и его жена Татьяна Марковна (ур. Зайцева).
[25] Сообщение (фр.).
[26] Милюкову.

знакомые, и будем надеяться, что междун<ародное> положение к весне изменится к лучшему. В Vichy живем, как в русском уездном городе: масса соотечественников из Парижа. Мы живем в одном отеле с Фрумкиными и всеми Гальпериными. Лунц не успел выбраться из окк<упированной> обл<асти> и застрял в Dinarde'e. Марк<у> Ал<ександровичу> не повезло – они переменили 6 городов, пока попали, наконец, в Ниццу. Завтра должен был уехать Милюков[27], но удалось его уговорить переждать тяжелое время (жара и демобилизация). До сих пор можно было переписываться с Парижем, но теперь оккупанты запретили (временно). «Посл<едние> Нов<ости>» выходить не будут[28], по крайней <мере> в ближайшем будущем. Постепенно находят друг друга все наши знакомые, разбросанные по всей Франции.

Привет от Люб<ови> Ал<ександровны>, Ляли[29] и меня Анне Александровне и Вашим. *Я.Полонский*

3

33, Bd. Victor Hugo
Nice

23/января 1941

Дорогие Анна Александровна и Борис Исаакович,

Ваше письмо от 17 декабря мы получили по нынешним временам довольно скоро – 10 января, но до сих пор не было возможности Вам написать, т.к. в день получения В<ашего>письма слег Ляля с температурой 40,4, через 2 дня заболела Любовь Александровна, а еще через три дня слег и я. Только сейчас справились. Очень обрадовались Вашему письму. Я Вам писал еще летом из Виши, как только узнал от Павла Николаевича Ваш теперешний адрес; по-видимому, Вы не получили. Слава Богу, что Вы живы и здоровы, – сейчас это главное. Жаль, что Вы не пишете о Ваших детях, где они? Как мы живем? Не блестяще. Очень тревожит материальное положение и абсолютная невозможность найти занятие. Если бы не это – мы более или менее спокойно ждали бы конца событий. В плане ис-

[27] Милюков переехал 7 августа 1940 из Виши в Монпелье, откуда через некоторое время перебрался в Экс-ле-Бэн.

[28] «Последние новости» – Последний номер газеты вышел 11 июня 1940, за сутки до вступления немецкой армии в Париж. Подробнее о газете см.: *Бирман М.* В одной редакции (О тех, кто создавал газету «Последние новости») // ЕКРЗ. Т.3. Иерусалим, 1994.

[29] Жена Полонского Л.А.Полонская (урожд. Ландау, сестра Алданова) и его сын Александр.

торическом мы оптимисты, в плане личном – пессимисты, разве что произойдет каким-нибудь чудом перемена в нашем положении. Поэтому моральное состояние оставляет желать лучшего. Ляля ходит в местный лицей, однако сможем ли мы долго еще жить здесь – не знаем. Ехать в Америку – душа не лежит, да и практически это нам не под силу, хотя если бы наши оптимистические ожидания не оправдались, то это решение, конечно, станет необходимостью. Во время нашего пребывания в Виши (до 6 сент<ября>) мы постоянно встречались с Павлом Ник<олаевичем>. Это было для нас очень большим наслаждением и утешением. Он прямо поражает своей высокой настроенностью душевной и ясностью ума. Совершенно не изменился, бодр, живо всем интересуется, читает, ведет свои записи, делает вырезки. На днях получил от него длинное письмо[30]; пишет: «я по-прежнему оптимист, и мой оптимизм еще более окреп, так как симптомы, на котором он базируется, увеличились в числе». Единственно, что его огорчает – это ликвидация газеты, но и тут он оптимист и считает, что идея «Посл<едних> Нов<остей>» отнюдь не ликвидирована[31]. Из Парижа получаю регулярно известия от Лозинского (ему тоже тяжеловато в материальном отношении, т.к. исчез основной источник его дохода – Le Mois, но он утешает себя тем, что пока не платит квартирной платы; конечно, не отапливается, пристроил «буржуйку»), от Зайцевых, Ремизовых. Борис Львович[32], к<а>к Вы знаете вероятно, в Париже. На днях Лев Моисеевич получил Ваше письмо, которое побило рекорд быстроты – оно шло всего 15 дней! Браунштейн находится в Лиссабоне, ждет визы. Лунцы здесь, но видаем мы их редко (Г<ригорий> М<аксимович> приехал из Парижа только в конце октября). Лев Сол<омонович> Поляк никуда из Парижа уезжать не хочет, живется ему неплохо, по-видимому. Мы здесь мало кого видаем. Раз в неделю встречаемся в Каннегисерами и Адамовичем. Хотели бы вернуться в нашу парижскую квартиру, это облегчило бы наше положение и открыло бы, хотя бы

Я.Б.Полонский

[30] Письма Милюкова к Полонскому см.: Время и мы. 1980. Т.51, 52.

[31] О судьбе «Последних новостей» см. письма Милюкова Эльяшевым / Публ. М.Раева // Новый журнал. № 208.

[32] Неустановленное лицо.

ограниченн<ые>, возможности работы, но практически это для нас неосуществимо, хотя мы и пытались получить разрешение. Вокруг нас все, за небольшим исключением, больны Америкой, хотя от приехавших уже туда (Вишняк, Авксентьев) идут невеселые вести[33]. Очень осудительно к тяге туда относится и Пав<ел> Ник<олаевич>, которого настойчиво соблазняли сотрудники (в том числе и Марк Ал<ександрович>) перенести деятельность и издание в Америку[34]. По этому вопросу шла долгая и упорная борьба. В Монпелье Пав<лу> Ник<олаевич>у скучновато, хотя там сейчас находятся Волков, Могилевский, Марков, А.А.Поляков, Бенедиктов, Ратнер и ОЗЕ. Волков и Могилевский собираются окончательно вернуться в Париж по делам, связанным с ликвидацией «Посл<едних> Нов<остей>». Приезжал сюда на несколько дней из Парижа Лукин, он, к<а>к и почти все русские его толка и настроений, переживает очень радостно нынешние события и вообще они в фаворе у власть имущих. Знаете ли Вы что-нибудь о судьбе Вашей квартиры? Если будете нам писать, сообщите, к<а>к долго идут письма из Англии в Америку.

Печальные вести – скончался здесь в декабре Оск<ар> Осипович[35] от уремии, болел всего несколько дней. До последнего времени был он, к<а>к обычно, оживлен, много говорил и за несколько дней до кончины закончил вторую часть своих воспоминаний[36]. По субботам у него собирались знакомые, и он делился своими воспоминаниями. О кончине В.В.Руднева[37] Вы, вероятно, знаете.

Чем дальше, тем настроение у людей нашего круга все мрачнее из-за личных обстоятельств, конечно. Ведь большинство, покидая Париж, рассчитывало перенести и свою деятельность, и никто не был подготовлен к вынужденному безделью.

---

[33] Ср. письмо Вишняка Элькину от 25 ноября 1940: «Вырвавшиеся сюда, конечно, должны почитать себя счастливыми. Но устроиться здесь пока что никому не удалось. Всем кое-что обещают. Многое затрудняется незнанием языка. Но и знающие язык тоже без дела. Никто еще не отчаивается и не унывает, но настроение у всех понизилось». – Bodleian Library. Department of Western Manuscripts. Elkin.

[34] См. письма Милюкова Эльяшевым указ. изд. и М.А.Осоргину 1940–1942 гг. / Публ. *Т.Осоргиной-Бакуниной* // Новый журнал. №172/173.

[35] О.О.Грузенберг.

[36] Мемуары Грузенберга «Вчера» были изданы в 1938 (Париж); в 1944 в Нью-Йорке вышел в свет посмертно изданный сборник «Статьи и речи».

[37] В.В.Руднев скончался 19 ноября 1940 после операции по поводу рака желудка; Вишняк в цитир. письме указывает дату 16 ноября.

Утешением здесь служит большая столетняя русская общественная библиотека. Много читаем, но еще больше, кажется, времени уходит на хлопоты, связанные с продовольствием. С кем Вы переписываетесь в Америке?

Собираются туда уезжать Коновалов, Миркин-Гецевич (ему повезло, он получил двухлетний контракт от Рокфеллер<овского> фонда), Вакар, Л.М.Зайцев и др.

Простите за это сумбурное письмо, но что уж теперь писать о более серьезных вещах, да и не знаешь, дойдет ли письмо. Если увидите Веру Марковну[38], скажите ей, что Любовь Ал<ександровна> послала ей вчера открытку.

Будем очень, очень рады, если напишете о себе и о Ваших.

Любовь Ал<ександровна> и Ляля горячо Вам кланяются.

Ваш *Я.Полонский*

Немановы по-прежнему в Виши, и Л<ев> М<оисеевич> на службе. Их дом не пострадал, это они знают от уехавшего туда Переверзева.

Я.П.

4

19 апреля 1941

Дорогие Анна Александровна и Борис Исаакович,

очень обидно, что письма – по крайней мере наши к Вам – идут так долго, трудно писать их, когда знаешь, что читать Вы будете месяца через два. На этот раз нам повезло: Ваше письмо от 2 апреля мы получили вчера – это небывалый рекорд скорости! Правда, мы ко многому такому стали привыкать, о чем еще несколько месяцев тому назад не могли думать всерьез, так что в общем характер нынешней жизни – медленность почтовых сообщений – отнюдь не наибольшее неудобство. Живем мы по-прежнему, в каком-то полуреальном мире людей, оторванных от ставшего привычным быта, не имеющих оседлости. Все мы за два десятка лет надышались свободного воздуха и искренно поверили, что это нормальная и постоянная среда, и вдруг обстоятельства в такой короткий промежуток времени вернули снова к психологии русской черты оседлости. Правда, я считаю, что всем нам необычайно облегчает существование и оправдывает его – наш совершенно удивительный исторический оптимизм. Чему только мы ни готовы верить и за какие только надежды мы не хватаемся. С какой нетерпеливой жадностью и ожиданием перемен все мы следим мы (так! – *О.Д.*) за газетами и громкоговорителями. Мне

[38] Сестра Татьяны Марковны, жены Алданова.

думается, что никакой другой народ не наделен в такой мере неисчерпаемыми запасами оптимизма. Вот сейчас глава вновь учрежденного органа по евр<ейским> делам в своем заявлении сказал, что будет делаться различие между худыми и добрыми гражданами, – все мы в таком восторге, точно нам объявлено, что никаких ограничений вообще не будет. Практически же мы все (и мужчины, и дамы) тратим добрую половину дня на стояние в очередях за продуктами. Остальное время отводим для себя, т.е. пользуемся благами имеющихся здесь библиотек, из которых церковная русская, насчитывающая около ста лет существования, очень богата историческими журналами и книгами. Последний месяц я немного работаю снова по обработке неизданных исторических документов, найденных мною здесь в частных собраниях. Это письма имп. Александра II к кн. Юрьевской, ее мемуары, письма Нессельроде и др. Это создает иллюзию нормального быта. Вокруг нас все чаще и чаще уезжают в Америку, вообще доколе не доказано противное, считается, что каждый русский беженец (в нашем нынешнем положении термин «беженец» больше подходит, чем «эмигрант») ждет визы в Америку. Уехали в Лиссабон Фрумкины, получили на днях визы и в мае уезжают А.И.Коновалов, В.И.Руднева, Извольская с матерью; за ними последуют получающие в апреле и мае визы Поляков-Литовцев, Вакар с женой, Бенедиктов. Имеет визу, но откладывает отъезд Лев Моисеевич. Собираются уезжать (у них все в порядке) Саша и Ната Зайцевы. Угрожает отъезд, по-видимому, и нам – угрожает, ибо ехать туда очень не хочется, а оставаться неопределенное время здесь – нельзя. Слухи о болезни Коновалова оказались преувеличенными – он похварывает все время, но это не мешает его отъезду, на днях он был в Марселе за визой и числа 15 мая уедет с женой. Из Америки письма тоже не очень веселые. Вообще я назвал бы это письмами из Русской Америки, ибо наши перенесли с собой эмигрантский парижский быт, и у меня такое впечатление, что люди, мол, слышали, что где-то рядом живут настоящие американцы, но никто их не видел. Селятся по преимуществу в одном квартале, даже в одном доме (на одном этаже Соловейчики, под ними Алдановы, за углом Слуцкая и т.д.), и то не у американцев, а у француженки. За исключением Николаевского и Вишняка, никто не устроился, да и те устроились только спустя 5 – 6 месяцев. О русской печати говорить всерьез не приходится (и тут жизнь вполне оправдала позицию Павла Николаевича в той борьбе, которую ему прошлым летом пришлось вести с сотрудниками газеты и Коноваловым). Кроме Зензинова, никто из новых переселенцев там не печатается по причине крайней бедности газеты, а бедность происходит от полного равно-

душия русской колонии к газете. Уровень ее (и колонии, и газеты) ниже среднего. Немного всколыхнулись там с приездом наших – сужу по тем номерам, которые случайно дошли сюда из общего количества отправленных. Примерный путь каждого приезжающего, к<а>к я себе это представляю, таков: человек чуть ли не с парохода направляется в Vorwärts со статьей о европейских событиях, статья в большинстве случаев является повторением статей всех ранее приехавших Вишняков. Затем человек объявляет о том, что прочитает публичный доклад. Содержание составляется из сочетания нескольких повторяющихся в каждом докладе тезисов – война, Россия и будущий мир. После лавров от Vorwärts'а и доклада человек начинает хиреть. Впрочем, люди с энергией к<а>к Авксентьев и Александр Федорович[39], расширяют географически рамки деятельности. Из хроники «Н<ового> Р<усского> Слова»[40] видно, что Ник<олай> Дм<итриевич>[41] читает доклады и вне Нью-Йорка. Разнообразит темы – напр<имер> такими: «Земля и Воля» и т.д. Все изучают английский язык и надеются, что после изучения наступит новая жизнь, а пока живут планами. Был план создания новой газеты, но вот Александр Федорович (кот<орый> должен был быть редактором) пишет от 11 марта Коновалову, что этот план рухнул. Теперь у Марка Александровича план (при поддержке Бахметева) издавать толстый журнал, но это тоже не выходит пока[42]. Сам Макс пока поместил одну и ту же статью об убийстве Троцкого из пяти подвалов в Vorwärts'е, в маленькой американской газете направления партии социалистов New Leader и еще в одной шведской. Надеется, что удастся проникнуть в американскую печать, но это очень трудно. Сирин, приехавший раньше всех, зарабатывает рецензиями (беллетристику не печатают) в амер<иканских> газетах около 50 долларов в месяц. Таня очень тоскует, в каждом письме неизменно повторяет, что променяла бы обилие и спокойствие Нью-Йорка на неудобства Ниццы. Макс доволен, ему Америка и американцы нравятся. Он ведет переговоры о переводе его «Начала Конца», но пока еще результатов нет. Вот, кажется, и все. Лучше других устроились те, кто поехал по научной линии (Миркин, Гурвич и др.), они получают по 200

---

[39] А.Ф.Керенский.

[40] «Новое русское слово» – русская газета в Нью-Йорке; о ней см.: *Цынкова О.* «Новое русской слово» – феномен долголетия // ЕКРЗ. Т.5. Иерусалим, 1996.

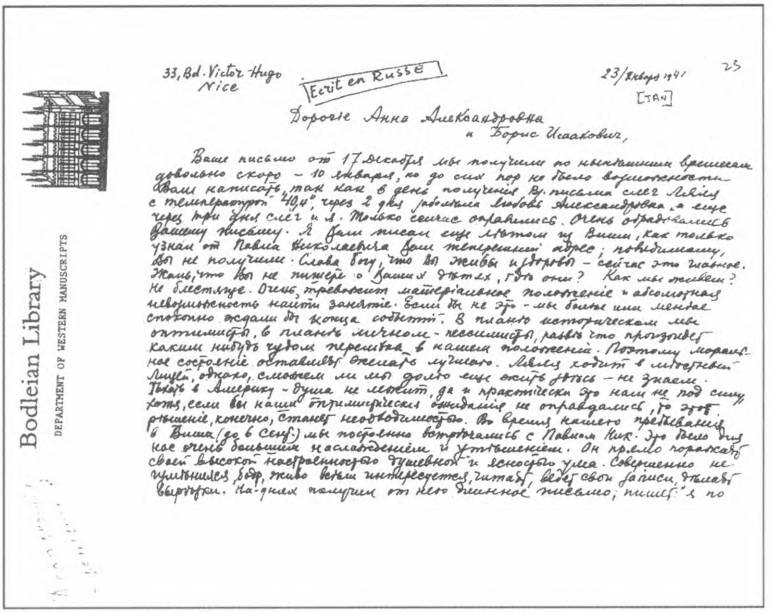
[41] Н.Д.Авксентьев.

[42] Речь идет об издании «Нового журнала».

долларов в месяц, контракт на 2 года и никаких обязанностей – все факультативно.

Здесь у нас Синодик все увеличивается. Скончался в Марселе М.М.Брамсон, в Париже – Евграф Ковалевский, Родзянко, кн. Барятинский (сотрудник «Посл<едних> Нов<остей>»), еще раньше скончался Игорь Кистяковский, Ник. Ник. (одно слово неразб.). Здесь в последнее время видаю М.Л.Кантора. С Лозинскими переписка к<а>к-то сократилась-прекратилась: трудно вести ее долго на казен<ного> образца открытках.

Лев Моисеевич напишет Борису Львовичу все, что Вы сообщаете. Я же запрошу Льва Соломоновича о В<ашей> квартире и сообщу Вам его ответ. Вышел приказ взять на учет все еврейские квартиры, владельцы которых уехали, и ничего оттуда не вывозить, а вот с квартирой Павла Николаевича хуже – он получил письмо с извещением, что его квартира est en train d'être vide[43], увезена его библио-

Bodleian Library
DEPARTMENT OF WESTERN MANUSCRIPTS

33, Bd. Victor Hugo
Nice

Ecrit en Russe

23/января 41

[ЦГАЛИ]

Дорогие Анна Александровна
и Борис Исаакович,

Ваше письмо от 17 декабря мы получили по нынешним временам довольно скоро – 10 января, но до сих пор не было возможности Вам написать, так как в день получения Вашего письма слег Лёва с температурой 40,4°, через 2 дня заболела Любовь Александровна, а еще через три дня слег и я. Только сейчас справились. Очень обрадовались Вашему письму. Я Вам писал еще летом по Вишу, как только узнал от Павла Николаевича Ваш теперешний адрес; повидимому, Вы не получили. Слава Богу, что Вы живы и здоровы – сейчас это главное. Жаль, что Вы не пишете о Вашем отъезде, где он? Как мы теперь? Не беспокойтесь. Очень тревожит материальное положение – абсолютная невозможность найти занятие. Если Вы не это – мы были или менее спокойно ждали Вас конца сентября. В плане материальном мы оптимисты, в плане нравственном – пессимисты, разве что произойдет каким нибудь чудом перелом в нашей политической. Поэтому морально нам сейчас оставаться вместе лучшего. Лёва хочет в литературу лицей, вторая, сложным ли был долго еще экзерсировать – не знаем. Поездка в Америку – душа не лежит, да и практически это нам не под силу хотя, если бы наши принципиальные ожидания не оправдались, то это решение, конечно, станет необходимостью. Во время нашего пребывания в Вишу (до 6 сент.) мы подробно встречались с Павлом Ник. Это было нам очень большим наслаждением и утешением. Он прямо поражает своей высокой нравственной чуткостью и ясностью ума. Совершенно не изменился, жив, всем интересуется, читает, ведет свои записи, пишет мемуары. На днях получим от него пишем письмо, пишет: «я по

Первая страница письма Я.Б.Полонского А.А. и Б.И. Элькиным от 23.01.41

[43] Должна быть освобождена, готовится к освобождению (фр.).

тека. Вы, вероятно, знаете, что вместо Ниццы Пав<ел> Ник<олаевич> переселяется в Aix-les-Bains и, м<ожет>, уже переехал[44]. Он мне писал первоначально, что поедет 10 апреля, но потом отложил на неделю. По совести говорю (так! – *О.Д.*), я считаю, что переезд в нынешних переполненных вагонах, часто стоя с огромным багажом и пересадками, – небезопасен для его жизни. Дай Бог, чтобы все обошлось благополучно.

Мы очень рады за Вас, что Ваши дети с Вами. Кланяйтесь им от нас.

У Розы Гавриловны[45] я не был уже недели три, на днях зайду к ней и передам Ваше поручение. Она очень сдала, и здоровье ее неблестяще. Не повезло ей также с душеприказчиками. Один из них оказался проходимцем и мошенником. Живет она со своей внучкой.

Пишите. Ваш *Я.П.*

Передайте, пожалуйста, от нас поклон Ольге Борисовне. Любовь Александровна Вам с своей стороны, кажется, пишет, что Лялю исключили из Лицея за вещественное доказательство симпатий к соотечественникам Арнольда[46]. Он поступил теперь в местный католический лицей, кот<орый> является частным учебным заведением, а не правительств<енным>.

5

18.5.1942

Дорогие Анна Александровна и Борис Исаакович,

Еще в феврале мы получили Ваше письмо от 9 января, но не писали, так к<а>к ничего, кроме всякого рода нерадостных новостей, сообщить не могли. Если же сейчас пишу, то тоже – чтобы поделиться печальной новостью о кончине Григория Леонидовича. Он скончался 11 мая в госпитале при Институте Кюри от редкой и малоизвестной болезни – mycosis fungoides, разновидность саркомы. В госпитале он пробыл всего три недели – до этого он проходил курс лечения в Институте Кюри, где поставили ошибочный диагноз. Это неправильное лечение довело его до крайней анемии, так что, когда он поступил в госпиталь, надо было прежде всего восстановить его силы. Ему сделали переливание крови, которое не дало результатов, и через несколько дней он скончался. Правда, лечивший его проф. Абрами, независимо от общего его состояния, не давал никаких надежд на возможность излечения от этой страшной болезни и видел

[44] См. указ. письма Милюкова Осоргину и Эльяшевым.

[45] Вдова О.О.Грузенберга (ур. Голосовкер, 1867–1941).

[46] Неясно, о чем идет речь.

максимум будущего успеха в том, чтобы только продлить его жизнь в состоянии инвалидности. В последний раз, за три дня до кончины, он уже не мог сам писать, и под его диктовку мне написала Мария Сергеевна. Ив. Сол.[47] писал мне еще во время болезни, что они в тяжелом матер<иальном> положении и что он сколько может им помогает, но у него самого почти все забрали, и его возможности были так ограничены в этом отношении, что он просил меня раздобыть пособие отсюда. (Меня это даже удивило, т<а>к к<а>к мне казалось, что его beau-frère[48], Миллер, человек со средствами.) Мы очень тяжело переживали его кончину – двадцать лет почти мы работали вместе, встречались по нескольку раз в неделю, было столько общих интересов. Так мало теперь порядочных и принципиальных людей, а он был именно таким. Почти до последних дней он тяжело и много работал и еще не так давно сдавал экзамены по финскому языку.

Думаю, что Вы знаете уже о кончине в тяжелых условиях концлагеря Ал<ександра> Мих<айловича> Кулишера. Его кончина очень потрясла Пав<ла> Ник<олаевича> – никто из нас и не предполагал у него столько душевной теплоты и искренней глубокой скорби. Сколько еще людей нашего круга ушло за последние месяцев шесть! И.М.Бикерман, С.Г.Сватиков, Вал<ентин> Булгаков, Петр Пильский, П.Рутенберг (в Палестине), на родине повесилась Марина Цветаева, умер в Нарве Игорь Северянин[49]... С Василием Алексеевичем тоже неблагополучно – он поселился там, где раньше жил Борис Львович и где проживают Фондаминский и Альперин[50]. Кстати, Бор<ис> Льв<ович> просит передать, что он, действительно, вполне здоров и даже работает – он администратор убежища на rue de Valize (Левиной, которая уехала в Америку). Отсюда все больше народу разъезжается, и нас остается мало. В ближайшее время уезжают Ал<ександр> Абр<амович> Поляков и И.В.Гессен (по последним сведениям – его отъезду может помешать серьезная сердечная болезнь).

---

[47] Неустановленное лицо.

[48] Зять, муж сестры (фр.).

[49] М.И.Цветаева ушла из жизни 31 августа 1941, Игорь Северянин (И.В.Лотарев) скончался 20 декабря 1941.

[50] Речь идет о В.А.Маклакове, арестованном нацистами; об арестах в русской диаспоре см.: *Носик Б.* Конец прекрасной эпохи (Война, Холокост и конец Первой русской эмиграции в Париже) // ЕКРЗ. Т.3. Иерусалим, 1994; *Малышева С.* Автографы Компьенского концлагеря // Там же. Т.5. Иерусалим, 1996.

Бор<ис> Льв<ович> просит (1 неразб.) писать ему подробно. Живут они там же, внучка успешно учится в Лицее, жена здорова, и они бодры.

О Пав<ле> Ник<олаевиче> Вы, по-видимому, все знаете уже от Екат<ерины> Дм<итриевны>[51] – она мне писала, что поддерживает связь с Вами. К сожалению, надежды всех друзей Павла Николаевича на то, что он уже оправился от своей болезни (hydro-thorax), не оправдались. В самое последнее время снова ему делали прокол в легком и выпустили 1 1/2 литра жидкости. Несмотря на болезнь, на систематическое недоедание, а порою и на форменное голодание, этот удивительный человек сохраняет почти юношескую живость характера и необычайную бодрость духа и всех нас поддерживает и радует своим убедительным оптимизмом; как всегда, работает и даже делает добавления и поправки к будущему новому изданию «Очерков»[52]. Ек<атерина> Дм<итриевна> раздобыла для них разрешение на въезд в Швейцарию, но теперь сама впала в мучительное сомнение насчет целесообразности переезда их. Тех средств, что Вы для них исхлопотали, для жизни в Шв<ейцарии> недостаточно, а собств<енных> их запасов и некот<орых> добавлений хватило бы на 4 – 5 месяцев. Как при таких условиях советовать ему ехать? Да он и сам мне пишет, что финансы и здоровье ставят препятствие к переезду. А между тем по соображениям личного свойства его переезд был бы весьма желателен – то обстоятельство, что он до сих пор был благополучен, не дает оснований думать, что так будет и впредь. Бог знает, какие случайные и ненужные реминисценции могут послужить к изменению положения. Сейчас мы бьемся с Ек<атериной> Дм<итриевной> над поисками совета, кот<орый> следовало бы дать П<авлу> Н<иколаевичу>у, и, по совести говоря, не находим. Вероятно, придется примириться с отказом от мысли о переезде.

У нас, слава Богу, существенных перемен пока не произошло. Живем изо дня в день. Ляля готовится к экзаменам (bachot[53]). Я нахожу утешение в работе, которую начал еще в Париже (о культ<урных> связях Фр<анции> и России в 18 в.), делаю ее впрок,

---

[51] Е.Д.Кусковой; значительный корпус ее писем хранится в архивном собрании Элькина, в частности, письма с подробным описанием болезни и последних дней жизни Милюкова.

[52] Речь идет об «Очерках истории русской культуры» Милюкова; о дополнительных и переработанных главах, вышедших в свет как первая часть первого тома лишь в 1964 (*Милюков П.Н.* Очерки истории русской культуры. Т.1, ч.1. Посмертное издание под ред. Н.Е.Андреева. Гаага: Мутон и Ко); Элькин участвовал в подготовке к печати второй части.

[53] Экзамен на степень бакалавра (фр.).

благо здесь налицо хорошая библиотека. Любовь Ал<ександровна> все свободное от очередей время много читает. Жаль и обидно тратить время на продов<ольственные> заботы, на кот<орые> и у меня уходит часть утра. Но сейчас ведь это общее положение в Европе. Питаемся весьма скудно, похудели, что благотворно отражается на здоровье, живем надеждами. Макс продолжает хлопоты о визах, дело наше к<а>к будто даже продвинулось вперед, но практических результатов все еще нет. Яков Алекс<андрович>[54] вот уже 6 месяцев лежит в госпитале в Париже, что нас всех, и особенно Любовь Ал<ександровну>, весьма беспокоит. Фундаминский нашел, наконец, духовную истину и в условиях лагерной обстановки официально примкнул к православной церкви[55] – весьма деликатно и удачно в смысле выбора момента.

Напишите о себе и о Ваших.

Любовь Александровна и Ляля сердечно Вам кланяются.

Ваш *Я.Полонский*

Надеюсь, что так письмо к Вам дойдет скорее.

6

Paris, 1e 17.12.44

(открытка)

Дорогие Анна Александровна и Борис Исаакович,

Пишу Вам для начала всего несколько строк, чтобы сказать, к<а>к мы тронуты Вашим вниманием. Мы уже месяц в Париже. Тяжело морально. Вы спрашиваете о Л.С.Поляке. Вероятно, Вы уже знаете, что всех Поляков депортировали, т.е. не только Льва Сол<омоновича>, но и Женю, и Лизу, и мать. Остались только дети Жени. Они у Мацнева. Илья Исидор<ович>[56] уже давно депортирован, к<а>к и Апостол (жена его скончалась в Drancy[57]). Всех перечислить трудно. Жить сейчас в Париже нелегко: главное – полное отсутствие отопления. Мы еще в лучшем положении, чем многие другие, – у нас есть квартира. Это – самый острый вопрос сейчас. Пока мы пытаемся наладить жизнь. Но, с другой стороны, у нас идет сейчас усиленная работа по выяснению политических позиций – т.е. позиций нашего, демократического сектора политич<еской> эмиграции в противуположность обывательской группе, возглавляемой

[54] См. след. письмо.

[55] Один из вариантов фамилии И.И.Фондаминского; незадолго до гибели в лагере Илья Исидорович принял крещение.

[56] И.И.Фондаминский.

[57] Концентрационный лагерь.

Маклаковым. Подробнее напишу через неделю – сейчас буквально нет времени написать больше.

Пишите нам по н<ашему> старому адресу: R. Claude Lorrain, XVI. Очень хотим знать все о Вашем сыне (?), о позиции лондонских русских и о Саблине, а также о настроениях эмигр<антов> в Америке. Если могу Вам быть чем-нибудь полезен – охотно сделаю для Вас все, что могу. Ляля после периода увлечения Résistance и военными делами (он был officier de lia<i>son[58] между сов<етским> и союзн<ическим> командованием) вернулся к Университету и работает по геологии. Любовь Александровна потеряла своего брата, Якова Алекс<андровича>, кот<орый> скончался в госпитале при Drancy за неск<олько> месяцев до освобождения.

Все мы горячо кланяемся и обнимаем Вас.

Ваш *Я.П.*

7

31.I.1945

Дорогие Анна Александровна и Борис Исаакович,

Вчера получили Ваше письмо от 17 января. Очень искренно тронуты Вашим дружеским к нам вниманием. Не удивляйтесь, что мы Вам не пишем: у меня буквально нет ни одной свободной минуты. Мы ведь застали после четырехлетнего отсутствия мертвый город, в котором почти никакой деятельности, кроме к<а>к для спекулянтов, нет. О моих прежних занятиях до конца войны (т.е. до восстановления нормальных международных отношений) речи быть не может. Но я получил литературную работу, ограниченную сроком, – должен в 4 месяца написать книгу в 200 стр<аниц> по-фр<анцузски> об обработке общественного мнения при режиме Виши. Это – для Centre de Documentation, – недавно возникшей евр<ейской> организации. Нас работает группа в 4 человека – Аминадо, М.Л.Кантор, Ратнер и я. Каждый пишет на определенную тему. Моя тема – пресса. Это связано с очень тяжелыми *физическими* переживаниями. Bibl<iothèque> Nat<ional>, в которой мне приходится работать, не отапливается, и я, напр<имер>, вот уже неделю являюсь *единственным* посетителем – никто не решается работать в этом холоде; даже персонал всего 3 часа в день является на службу (по очереди), а я провожу в этой обстановке 6 часов! Сейчас я Вам пишу только несколько строк. До 15 февраля я очень буду занят, т.к. к этому сроку должен подготовить (сдать) часть работы и прочитать доклад. После 15.II вздохну свободнее и напишу Вам подробно, в особенности о

[58] Связной, агент связи (фр.).

наших политических делах (сейчас у нас, т.е. к.д. и РДО[59], делается попытка сговора с обывательской группой, возглавляемой Маклаковым (правое крыло оборонческой эмиграции 1942-44 годов. – *О.Д.*). Пришлю Вам также газету, в кот<орой> была напечатана только часть статьи Павла Ник<олаевича>. Но разве до Вас не доходил ни разу текст этой статьи?[60] Ответьте мне, пожалуйста, на этот вопрос. Ведь, если до В<ас> он не дошел, то, след<овательно>, и наши в Америке с ним не знакомы? Рукопись статьи хранится у меня (первоначал<ьная> редакция), но не здесь, а в католич<еском> монастыре в Ницце; когда мы уезжали с фальшивыми документами, то я там оставил свой архив, а пока еще получить невозможно.

Мы получили Ваше письмо (и Анны Ал<ександровны>) от 8 января, но письма от 10-го не получали. Так что я впервые узнаю о том, что касается Вашей квартиры. Само собой разумеется, что и Любовь Александровна, и я сделаем охотно все необходимое. Любовь Ал<ександровна> посетит сначала Ваш дом и на месте выяснит, что можно, и напишет Вам. [Кстати: когда французы говорят «Bibliothèque» – они подразумевают исключительно мебель, т.е. шкаф; в Вашем случае, по-видимому, полки(?)].

Нина Вас<ильевна>[61] живет в Aix-les-Bains. Пишет нам, жалуется на здоровье и одиночество. Ее адрес: Hôtel de la Paix, Rue Lamartine. С вещами (рукописями, дневниками и т.д.) Павла Ник<олаевича> поступлено непростительно глупо. С одной стороны, по полной неопытности и недомыслию Нины Вас<ильевны>, а с другой, – по врожденной тупости Ступницкого и его угодливости. Но Вы к<а>к душеприказчик, вероятно, будете осведомлены им и Волковым об их достижениях в этом печальном деле[62]. Об этом также стоит подробнее написать. Аминадо обещался это сделать (написал ли он Вам?).

---

[59] РДО – Республиканско-демократическое объединение, созданное Милюковым на базе расколовшейся кадетской партии; платформа РДО – отказ от свержения советской власти вооруженным путем при «моральном неприятии большевизма».

[60] Возможно, речь идет о т. наз. тезисах Милюкова о войне, в которых определяется отношение РДО к текущим событиям и дается оценка роли СССР. Написанные в марте 1940, тезисы были опубликованы лишь после освобождения Франции от гитлеровцев. Полностью текст тезисов см. в указ. публ. М.Раева.

[61] Нина Васильевна Лаврова, вторая жена Милюкова (с 1935).

[62] Как душеприказчик Милюкова, Элькин выступал адвокатом в разбирательстве по вопросу о наследстве между вдовой и сыном Милюкова.

Круг людей, кот<орым> можно подать руку (из состава эмигр<антов>), чрезвычайно сузился. Мало кто не скомпрометирован.

Газета здесь пока только одна, еженедельная – «Русский патриот»[63]. Но никто из нас (кроме Ладинского) в ней участия не принимает. Имеется проект издания «Русских Новостей» (еженед<ельных>) на развалинах «Посл<едних> Нов<остей>»[64] (едва ли кто-нибудь в нее пойдет из-за близости издателей к Маклакову), и, наконец, наша группа имеет проект изд<ания> независим<ой> лит<ературной> газеты (наша группа – не в смысле РДО и к.д., а в смысле профессиональном).

Живем мы, к<а>к жили в России в худшие годы военного коммунизма. Это письмо пишу Вам одетый в пальто, в перчатках, в шляпе. Вода в квартире замерзает. Измучились мы до полного истощения. После всего, что мы пережили (думаю, что Вера *Вам* передавала содержание моего письма к Максу; если нет, то попросите ее это сделать). Я Вам писал о Поляке – мать, слава Богу, не депортировали.

Получаете ли Вы «Новое Русское Слово»? Напишите нам, не дожидаясь 15 февраля. Напишите о Ваших планах, о Саблине, о позиции и настроениях русских в Лондоне. Не взыщите за сумбурный характер этого письма – сейчас 1 час ночи и я едва держусь на ногах.

Все мы кланяемся сердечно Вашим детям и Вам и очень, очень часто о Вас говорим. Мы особенно озабочены тем – вернетесь ли Вы и все наши друзья. Здесь – пустыня. Видел недавно А.Э.Когана – его жену депортировали.

Ваш *Я.П.*

Я послал в «Новое Русское Слово» (за отсутствием более серьезной газеты) статью об эмиграции при немцах. Если Вы эту газету получаете, то узнаете подробности. Если нет – напишу в ближ<айшем> письме.

Что касается квартиры и библиотеки Пав<ла> Ник<олаевича> – то их судьба такая же, к<а>к и Вашей квартиры.

Знаете В.А.Миллера? И он был с немцами[65].

---

[63] «Русский патриот» (затем «Советский патриот»): орган Союза русских патриотов во Франции (Париж) – после освобождения – просоветское эмигрантское издание.

[64] «Русские новости» – просоветская газета (1945–70; Париж).

[65] Документальных подтверждений этому найти не удалось.

Список имен

Абрамович Рафаил Абрамович (наст. фам. Рейн; 1880–1963) – общественно-политический деятель, бундовец, меньшевик, журналист, основатель (совместно с Ю.Мартовым) журнала «Социалистический вестник» (1921).

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943) – общественно-политический деятель, публицист, мемуарист; соредактор журнала «Современные записки» (1920-40), сборника «П.Н.Милюков: Сборник материалов» (1930). О нем см.: *Вишняк М.В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993.

Азов – см. *Ашкенази.*

Альперин Абрам Самойлович – общественно-политический деятель, деятель сионистского движения; один из основателей Объединения русских евреев (1933, Париж).

Андерсон Пол (Павел Францевич; 1894–1985) – секретарь ИМКИ, один из основателей издательства ИМКА-Пресс.

Апостол Павел Николаевич (1872–1942) – служащий российской торговой палаты при царском посольстве в Париже; журналист. В эмиграции сотрудник «Последних новостей», «Временника друзей русской книги», «Звена» (Париж). Подробнее о нем см.: *Телицын В.* Они погибли тогда... // Русское еврейство в зарубежье. Вып. 1(6). Иерусалим, 1998.

Аронсон Григорий Яковлевич (1887–1968) – общественно-политический деятель, меньшевик; журналист, публицист, мемуарист. Член ЦК Бунда (1922–1951), сотрудник редакции газеты «Новое русское слово» (1944-57, Нью-Йорк). О нем см.: *Серман И.* Григорий Яковлевич Аронсон // ЕКРЗ. Вып.4. Иерусалим, 1995.

Ашкенази Владимир Александрович (1873–1941) – журналист, фельетонист, переводчик; сотрудник «Сатирикона» (1931, Париж).

Барятинский Владимир Владимирович, князь (1874–1941) – драматург, журналист; сотрудник «Современных записок».

Бахметев (Бахметьев) Борис Александрович (1880–1951) – ученый, общественно-политический деятель, последний посол России в США (1917-22), с 1931 профессор Колумбийского университета (Нью-Йорк), один из членов-учредителей Американского национального фонда научных исследований.

Бенедиктов – см. Берхин.

Берлин Павел Абрамович (1877–1962) – историк, журналист, публицист.

Берхин Михаил Уриевич (Юрьевич; 1885–1952) – журналист, сотрудник «Последних новостей», сионистского еженедельника «Рассвет» и др. изданий эмиграции. О нем см.: *Седых А.* Русские евреи в эмигрантской литературе // Книга о русском еврействе: 1917–1967. Нью-Йорк, 1968.

Бикерман Иосиф Манасиевич (Менассиевич; 1867–1942) – журналист, публицист, литературный критик.

Борман Аркадий Альфредович (1891–?) – литератор, мемуарист, сын А.В.Тырковой.

Брамсон Леонтий Моисеевич (1869–1941) – публицист, адвокат.

Бруцкус Борис (Бэр) Давидович (1878–1938) – экономист, агроном. О нем см.: *Каган В.* Борис Бруцкус: ученый и правозащитник // ЕКРЗ. Вып. 1. Иерусалим, 1992; *Рогалина Н.* Читая письма Бориса Бруцкуса: (письма экономические, политические, домашние) // ЕКРЗ. Т.5. Иерусалим, 1996.

Булгаков Валентин Федорович (1886–1966) – библиограф, мемуарист. Секретарь Л.Н.Толстого (1910). Автор «Словаря русских зарубежных писателей» (Нью-Йорк, 1993). В 1923-48 жил в Праге; в 1941 арестован гестапо, три месяца содержался в тюрьме; в 1943–1945 находился в лагере для интернированных советских граждан (Бавария); после возвращения в СССР служил хранителем Дома-музея Л.Н.Толстого в Ясной Поляне. О нем см.: *Ванечкова Г.* Личность Валентина Федоровича Булгакова // *Булгаков В.* Словарь русских зарубежных писателей. Нью-Йорк, 1993.

Вакар Николай Платонович (1893–1970) – журналист, сотрудник «Последних новостей»; один из организаторов «Общества изучения народов России» (1938–39). О нем см: *Вакар Н.П.* Дневник (1938–1940) / Публикация О.Демидовой // Минувшее. Вып.24. СПб., 1998.

Вельмин Анатолий Петрович (1883–?) – общественный деятель, юрист, журналист; в 1925-44 жил в Польше, варшавский корреспондент «Последних новостей»; с октября 1945 в Париже.

Вишняк Марк Вениаминович (1883 – 1975) – общественно-политический деятель, адвокат, публицист, журналист, мемуарист. Соредактор журнала «Современные записки» (1920-40), секретарь редакции журнала «Русские записки» (1937–39). См. его воспоминания: *Вишняк М.В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993.

Волков Николай Константинович (1875–1970) – коммерческий директор «Последних новостей», во время войны спас имущество газеты.

Гессен Иосиф (Осип) Владимирович (1865–1943) – общественно-политический деятель, юрист, публицист, мемуарист. Соредактор берлинской газеты «Руль» (1920-31), председатель берлинского Союза русских писателей и журналистов (1920-е), издатель «Архива русской революции» (1921–1937). О нем см: *Гессен В.Ю.* Иосиф Гессен: юрист, политик и

журналист // ЕКРЗ. Т.2. Иерусалим, 1992; *Он же*. Жизнь и деятельность И.В.Гессена – юриста, публициста и политика. СПб.: Сударыня, 2000. См. также его мемуары: *Гессен И.В.* Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979.

Грузенберг Оскар Осипович (1866–1940) – адвокат, участник процесса М.Бейлиса, защитник многих российских писателей и общественных деятелей, мемуарист.

Гукасов Абрам Осипович (наст. фам. Гукасянц; 1872–1969) – крупный промышленник, общественный деятель, издатель; основатель газеты «Возрождение» (Париж, 1925-40).

Гурвич Георгий Давидович (1894–1965) – социолог, экономист.

Дан Федор Ильич (наст. фам. Гурвич; 1871–1947) – социал-демократ, меньшевик; соредактор журнала «Социалистический вестник» (1922-40), глава Заграничной делегации партии с.-д. меньшевиков (1923-40).

Демидов Игорь Платонович (1873–1946) – общественно-политический деятель, кадет; журналист; внук В.Даля. Заместитель редактора «Последних новостей».

Дон-Аминадо (наст. имя и фам. Аминад (Арнольд-Аминодав) Петрович (Пейсахович) Шполянский; 1988–1957) – поэт, прозаик, драматург, журналист.

Жуковский – возможно, историк, дипломат и общественный деятель, последний председатель Об-ва служащих Министерства иностранных дел С.В.Жуковский; вернулся в СССР.

Зайцев Леон Моисеевич (?) (?–1946) – юрист.

Зайцева Анна Григорьевна – мать жены М.А.Алданова.

Зелюк Орест Григорьевич (1888–?) – журналист и издатель, в эмиграции с 1919; глава изд-ва «Volter», выпускавшего «Последние новости».

Иванович Ст. (наст. имя и фам. Семен Осипович Португейс; 1888–1944) – журналист, публицист, мемуарист; в эмиграции с 1920, в Берлине с 1921, в Париже с середины 1920-х.

Извольская Елена Александровна (1896–1975) – прозаик, переводчица, деятельница экуменического движения; дочь последнего императорского посла во Франции А.П.Извольского. О ней см.: The Third Hour. Helen Izvolsky Memorial Volume. NY, 1976.

Каннегисер Елизавета Иоакимовна (?–1942/43) – дочь Р.Л.Каннегисер, сестра Л.И.Каннегисера; в начале оккупации депортирована в Германию, погибла в концлагере.

Каннегисер Роза Львовна (урожд. Сакер, 1863–1946) – мать Л.И.Каннегисера (1896–1918).

Кантор Михаил Львович (1884–1970) – поэт, литературный критик, юрист. Секретарь редакции газеты «Звено» (1923–1926, Париж), соредактор журнала «Встречи» (1934), составитель (совместно с Г.Адамовичем) антологии эмигрантской поэзии «Якорь» (Париж, 1936). О нем см.: *Коростелев О.* Парижское «Звено» (1923–1928) и его создатели. Приложение // РЕВЗ. Т.1(6). Иерусалим, 1998.

Каплан Михаил Семенович – издатель, владелец парижского магазина «Дом книги».

Кистяковский Игорь Александрович (1876–1940) – юрист; в 1918 бежал на Украину, входил в гетманское правительство, занимал посты генерального судьи, державного секретаря, министра внутренних дел.

Кнорринг Николай Николаевич (1880–1967) – историк, журналист; отец поэтессы И.Н.Кнорринг; сотрудник «Последних новостей», член правления Тургеневской библиотеки.

Ковалевский Евграф Петрович (1866–1941) – общественный деятель, деятель образования; церковный деятель; в эмиграции товарищ председателя Русского национального комитета, один из организаторов Делового объединения русской эмиграции, член Епархиального совета, Приходского совета Александро-Невской лавры (Париж).

Коварский И.Н. – общественный деятель; врач.

Коган Александр Эдуардович – издатель. О нем см.: *Левитан И.* Русские издательства в 1920-х гг. в Берлине // Книга о русском еврействе: 1917–1967. Нью-Йорк, 1968.

Коновалов Александр Иванович (1875–1948) – общественно-политический деятель, председатель Союза общественных организаций, председатель правления «Последних новостей».

Кривошеин Игорь Александрович (?–1987) – общественно-политический деятель, сын царского министра земледелия А.В.Кривошеина; возвращенец, реэмигрант. Председатель Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления (1945), председатель на учредительном съезде Союза советских граждан (15 августа 1947); в ноябре 1947 выслан в советскую зону Германии, в феврале 1948 – в СССР, репрессирован, реабилитирован. В 1974 вернулся в Париж. См. воспоминания его жены: *Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни. Париж, 1984.

Кузьмина-Караваева (Скобцова) Елизавета Юрьевна (1891–1945) – поэтесса, прозаик, публицист, общественный деятель, мемуаристка; участница франц. Сопротивления, в 1943 арестована, погибла в концлагере.

Кулишер Александр Михайлович (1890–1942) – историк, социолог, правовед; журналист; кадет. Сотрудник «Последних новостей». В годы

оккупации арестован нацистами, погиб в концлагере. О нем см.: *Телицын В.* Указ. соч.

Кускова Екатерина Дмитриевна (ур. Есипова; 1869–1958) – общественно-политический деятель, социолог, публицист, издательница, мемуаристка; в третьем браке жена С.Н.Прокоповича.

Ладинский Антонин Петрович (1896–1961) – поэт, прозаик, переводчик, журналист, мемуарист. Сотрудник «Последних новостей». С 1944 член Союза русских патриотов, сотрудник газеты «Советский патриот»; в марте 1955 вернулся в СССР.

Лозинский Григорий Леонидович (1889–1942) – литературовед и историк; брат М.Л.Лозинского. Сотрудник «Последних новостей» и «Звена».

Лукин А.П. – отставной капитан, сотрудник «Последних новостей».

Лунц Григорий Максимович – букинист, книготорговец, друг М.М.Карповича, знакомый М.А.Алданова.

Любимов Лев Дмитриевич (1902–1976) – журналист, мемуарист; до 1940 сотрудник «Возрождения»; после войны близок к движению советских патриотов, в 1948 выслан из Франции, вернулся в СССР; см. его мемуары «На чужбине».

Ляля-машинистка – см. *Штром* Е.Н.

Марков Александр Порфирьевич – сотрудник «Последних новостей».

Мать Мария – см. *Кузьмина-Караваева* Е.Ю.

Мельгунов Сергей Петрович (1879/80–1956) – общественно-политический деятель, историк, публицист, издатель, мемуарист. Соредактор журналов «Голос минувшего на чужой стороне» (1926–1928, Париж), «Борьба за Россию» (1926–1931, Париж), редактор журналов «Свободный голос» (1946–1957, Париж), «Возрождение» (1949–1954, Париж). Председатель Союза борьбы за свободу России (1946–1956).

Миллер Владимир Анатольевич (1885–1958) – муж Е.Л.Миллер, сестры М.Л. и Г.Л.Лозинских.

Милюкова Нина Васильевна (урожд. Лаврова) – вторая жена П.Н.Милюкова.

Миркин-Гецевич Борис Сергеевич (псевд. Б.Мирский; 1992–1955) – журналист, сотрудник «Последних новостей».

Михельсон А.А. – экономист; сотрудник «Последних новостей».

Могилевский Владимир Андреевич – главный бухгалтер, кассир, заведующий конторой «Последних новостей».

Мочульский Константин Васильевич (1892–1948) – литературовед, поэт, прозаик, мемуарист, литературный критик.

Неманов Лев Моисеевич – женевский корреспондент «Последних новостей».

Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) – граф, министр иностранных дел (1816–56), канцлер.

Николаевский Борис Иванович (1887–1967) – общественно-политический деятель, меньшевик; историк революционного движения, публицист, архивист; представитель Института Маркса и Энгельса за границей (1924–1931), директор парижского отделения Международного института социальной истории (Амстердам).

Оболенский Андрей Владимирович (1900–1979) и его брат Сергей Владимирович (1902 – после 1988) – участники младоросского движения; в эмиграции с ноября 1920; см. воспоминания их отца кн. В.А.Оболенского «Моя жизнь, мои современники» (Париж, 1988).

Одинец Дмитрий Михайлович (1883–1950) – историк права, профессор Сорбонны и Русского народного университета в Париже, глава Тургеневской библиотеки (1925–1940); возвращенец. После Второй мировой войны один из руководителей, затем глава Союза русских патриотов. В марте 1948 депортирован в советскую зону Германии, в 1948–1950 жил в Казани, преподавал в Казанском университете.

Осоргин Михаил Андреевич (наст. фам. Ильин; 1878–1942) – прозаик, журналист, литературный критик, мемуарист.

Петрищев А.Б. – журналист, сотрудник «Дней» А.Ф.Керенского, «Последних новостей».

Пильский Петр Мосеевич (1879–1941) – журналист, литературный критик, прозаик, публицист, мемуарист. Сотрудник газеты «Последние известия» (1922–1926, Таллин), глава литературного отдела газеты «Сегодня» (1926–1940, Рига), редактор журнала «Литература и жизнь» (1928, Рига). О нем см.: *Абызов Ю.* Рижская газета «Сегодня» – кто ее делал, кто в ней печатался и кто ее читал // ЕКРЗ. Вып. 2. Иерусалим, 1992.

Полонский Яков Борисович (1892–1951) – общественный деятель, библиограф, библиофил; муж сестры М.Алданова.

Поляк Лев Соломонович – общественный деятель.

Поляков Александр Абрамович (1879–1971) – журналист, секретарь редакции, затем заместитель главного редактора «Последних новостей» (сер. 1920-х – 1940). О нем см.: *Бирман М.* В одной редакции (О тех, кто создавал газету «Последние новости») // ЕКРЗ. Вып.3. Иерусалим, 1994.

Поляков Сергей Георгиевич (1900–1969) – художник.

Поляков-Литовцев – см. *Поляков* С.Л.

Поляков Соломон Львович (1875–1945) – журналист, публицист, прозаик, поэт, драматург, переводчик, мемуарист.

Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955) – общественно-политический деятель, кадет, экономист, публицист; муж Е.Д.Кусковой.

Организатор и руководитель Русского экономического кабинета (1922-24, Берлин, с 1924 – Прага), один из организаторов Русского научного института в Берлине, организатор Института по изучению народного хозяйства СССР (1928, – Прага). Редактор «Бюллетеня Экономического кабинета» (1924-38, Прага), «Русского экономического сборника» (1925-28, Прага).

Ратнер Евсей Владимирович (1905–1970) – сотрудник «Последних новостей».

Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) – общественно-политический деятель, октябрист; в дни Февральской революции председатель Временного комитета Государственной думы.

Рубинштейн Яков Львович – председатель юридической комиссии при Земгоре по правовому положению русских беженцев, бывший член правления Нансеновского офиса при Лиге Наций.

Руднев Вадим Викторович (1879–1940) – общественно-политический деятель, эсер; журналист, издатель; один из основателей и соредактор «Современных записок» (1920-40).

Руднева Вера Ивановна (1897–1952) – общественно-политический деятель, эсерка; жена В.В.Руднева.

Руманов Аркадий Вениаминович (Валерианович?; 1876/78–1960) – журналист, общественный деятель, меценат.

Рутенберг Петр (Пинхус) Моисеевич (1878–1942) – общественно-политический деятель, эсер; деятель сионистского движения; по образованию инженер. Организовал казнь Г.А.Гапона в 1906. Организатор «Еврейского социалистического комитета» (1915, Нью-Йорк), после 1917 уехал в Палестину.

Саблин Евгений Васильевич (1875–1949) – общественно-политический деятель, публицист; официальный представитель русской эмигрантской общины в Великобритании.

Сарач Борис Маркович (1879–1974) – редактор (совместно с В.А.Оболенским) и издатель «Русского Альманаха» (Париж, 1930 и 1931 г.), бухгалтер «Последних новостей».

Сватиков Сергей Григорьевич (1880–1942) – общественно-политический деятель, историк, журналист. Сотрудник газеты «Общее дело», журналов «Родимый край», «Донская летопись» (Вена), «Казачьего журнала». Парижский представитель Русского заграничного архива в Праге, член правления Тургеневской библиотеки.

Семенов Юлий Федорович (1873–1947) – общественно-политический деятель, журналист, мемуарист; редактор газеты «Возрождение» (1927–1940).

Соловейчик Самсон Моисеевич (1889–?) – журналист, общественно-политический деятель; эсер; в эмиграции после октября 1917 (Одесса–Вена–Берлин–Париж), ближайший помощник Керенского по редактированию газеты «Дни» и журнала «Новая Россия» (1936-40); с начала 1940-х в США, с 1946 профессор Канзасского университета.

Струве Михаил Александрович (1890–1949) – поэт, прозаик, литературный критик; племянник П.Б.Струве.

Ступницкий Арсений Федорович (1893–1951) – юрист, журналист, сотрудник «Последних новостей», после Второй мировой войны близок к движению советских патриотов, редактор просоветской газеты «Русские новости».

Сумский-Каплун Соломон Гитманович (1891–1940) – журналист, издатель; в берлинский период издавал произведения А.Белого; с 1928 сотрудник «Последних новостей».

Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна (1869–1962) – общественно-политический деятель, публицист, прозаик, журналист, мемуаристка; с 1918 в Англии, приняла англ. подданство; основала и возглавила лондонское Обво помощи русским беженцам; с декабря 1939 во Франции; с марта 1951 в США.

Угримов Александр Иванович (1874–1974) – агроном, экономист; в 1922 выслан из советской России; после 1945 получил советское гражданство, выслан из Франции в СССР, реабилитирован за высылку в 1957.

Унковский Владимир Николаевич (1888–1964) – врач, писатель, журналист.

Федотов Георгий Петрович (1886–1951) – философ, богослов, историк, литературный критик, публицист. Активный деятель РСХД (с лета 1927), соредактор журналов «Вестник РСХД» (1930-31), «Новый град» (1931-39, Париж); участник «Лиги православной культуры» (с 1930), объединения «Православное дело» (с 1935), литературного объединения «Круг». О нем. См.: *Яновский В.С.* Поля Елисейские: Книга памяти. Нью-Йорк, 1983 (по указат. имен).

Фрумкин Я.Г. (?–1971) – общественно-политический деятель, народный социалист, деятель сионистского движения, с 1957 председатель исполнительного бюро Союза русских евреев (Нью-Йорк); адвокат, мемуарист.

Фрумсон А.А. – общественный деятель, сотрудник Русского научного института (Берлин).

Фундаминский (Фондаминский) Илья Исидорович (псевд. Бунаков; 1880 – 1942) общественно-политический деятель, эсер; публицист, издатель. Соредактор журналов «Современные записки» (1920-40), «Новый град» (1931-39); организатор объединения «Круг» (1935-39, Париж), один из

организаторов «Лиги православной культуры»; деятель РСХД, участник объединения «Православное дело». В 1941 арестован нацистами, погиб в концлагере. О нем см.: *Вишняк М.В.* Указ. соч. Гл.3; *Кузнецова Г.* Грасский дневник. М., 1995. С.70, 80, 144-45, 152-53, 185, 236, 239, 251, 253, 279; *Яновский В.С.* Указ. соч. (по указат. имен).

Цвибак Яков Моисеевич (1902–1994) – журналист, писатель, литературный критик, мемуарист. В 1933 сопровождал И.А.Бунина в Стокгольм для получения Нобелевской премии. Сотрудник «Последних новостей» (Париж), «Сегодня» (Рига»), с 1942 сотрудник, затем (с начала 1970-х) главный редактор «Нового русского слова» (Нью-Йорк). О нем см.: *Цынкова О.* «Новое русское слово» – феномен долголетия // ЕКРЗ. Вып.5. Иерусалим, 1996; *Глэд Д.* Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М., 1991. См. также его мемуары «Далекие, близкие…». Нью-Йорк, 1962.

Цетлин (Цетлина) Мария Самойловна (1882–1976) – издатель, общественный деятель, меценатка; жена М.О.Цетлина; см. о ней: ЕКРЗ. Вып. 4. Иерусалим, 1995 (раздел «Архивы и мемуары»).

Цетлин Михаил Осипович (1882–1945) – поэт, прозаик, литературный критик, переводчик, издатель, мемуарист; муж М.С.Цетлиной.

Шайкевич Андрей Анатольевич (1903–1972) – историк балета, балетный критик.

Швыров – сотрудник «Последних новостей».

Штром Елена Николаевна (?–1962) – машинистка редакции «Последних новостей».

Элькин Борис Исаакович (1887–1972) – общественный деятель, юрист.

Югов – см. *Фрумсон.*

Юрьевская Екатерина Михайловна, светлейшая княгиня (ур. княжна Долгорукова; 1849–1922) – морганатическая жена имп. Александра II (с 19 июля 1880).

Моя мама

Бэлла Эдельштейн-Ройтман (Реховот, Израиль)

Передо мной пожелтевшая от времени фотография, на которой стоят красавица бабушка Рахиль, с копной черных как смоль волос, дедушка Соломон и сидят их дети: моя мама Роза и ее младший брат Айзик. Как много времени ушло с тех пор и как живы в моей памяти воспоминания, оставленные мамой…

Роза Познанская (справа)
На обороте надпись:
Милой Розочке
Париж 12/11/25

Узнав, что готовится к изданию книга «Русские евреи во Франции», я подумала, что, быть может, многим будет интересно узнать о судьбе мамы.

Она родилась в Кишиневе в 1903 г. в семье мелкого торговца-неудачника, но человека исключительного природного ума и эрудиции, тянущегося к знаниям и культуре. Не имея возможности окончить какие-либо «университеты», он все надежды возлагал на растущих дочь и сына, но не представлял себе, каким образом при своих "доходах" даст детям образование. Воспитанием их занималась мать Рахиль, сумевшая создать семью, где царили любовь и взаимоуважение.

Окончив блестяще, с золотой медалью кишиневскую французскую гимназию им. Жанны д'Арк, мама, несмотря на противостояние родителей, уехала одна, в 16-летнем возрасте, искать счастья в Париж, заведомо зная, что никакой материальной поддержки из дома не будет. И счастье улыбнулось ей. Прекрасно владея к тому времени русским и французским языками, она давала частные уроки французам, что позволило ей, не прибегая к помощи родителей, поступить на французское отделение филологического факультета Сорбонны. Она вызвала во Францию брата Айзика, к тому времени окончившего кишиневскую гимназию, и тот поступил в Лионский университет, на химический факультет. По окончании его он

переехал к сестре в Париж. Они поселились вместе. Айзик, обладавший великолепным драматическим тенором, уговорил Розу, с ее природно поставленным голосом и уникальным слухом, поступить на факультет вокала Парижской консерватории. Учась там, она исполняла все сопранные партии в оперной студии консерватории. Особенно блистала она в своей любимой партии Тоски в одноименной опере Пуччини и в «Элегии» Массне. Пела она под собственный аккомпанемент на фортепиано, которым прекрасно владела. Памятны рассказы обоих, какие прекрасные вечера устраивали они у себя, как пели дуэтом оперные партии и романсы своим друзьям по Бессарабскому землячеству.

Окончив с отличием Сорбонну, Роза поступила на работу в коммунистическое книгоиздательство, в котором проработала бок о бок с Анри Барбюсом 14 лет. Он называл ее "ma petite Rose" ("моя Розочка"), очень ценил и любил ее. Мама там вначале вела корректорскую работу, а потом стала редактором.

Вспоминаю, как еще малышкой слушала ее необыкновенно интересные воспоминания о Париже, о том, как она посещала Дягилевские спектакли, как слушала в Гранд-Опера несравненного Шаляпина и лучших итальянских бельканто, с каким восхищением смотрела в балетных спектаклях Анну Павлову и как после спектакля ходила к ней за кулисы выразить свою признательность.

Особый интерес представляли ее рассказы о встречах с артистами 2-го МХТа, которые гастролировали тогда в Париже. О ее встречах и знакомстве с Качаловым, его сыном Вадимом Шверубовичем, Книппер-Чеховой, Тарасовой, Степановой. Эти встречи продолжились в советский период в Москве, в 1958–1960 гг., в стенах МХАТа, куда мама водила меня.

Очень дружна она была со знаменитым певцом Йозефом Шмидтом, который напевал ей песенку "Же т'аттандрэ" ("Я тебя подожду"). Мама часто ее пела мне сама.

Неожиданным "зигзагом" в ее зарубежной жизни был переезд в Прагу, где мама поступила на химико-бактериологический факультет университета. После его окончания она некоторое время проработала в лаборатории в Праге, но Париж влек ее своей магией, и она вернулась туда. Вначале занималась стандартизацией вакцин и сывороток у проф. Безредки в Институте Пастера, а потом вновь поступила на работу в издательство.

Всем она запоминалась своим французским шармом, безупречным вкусом в одежде, подчеркнутой элегантностью. Это видно и на ее парижских фотографиях.

Периодически она бывала в Кишиневе, здесь познакомилась и обручилась с юристом Марком Борисовичем Эдельштейном. В году 1935 из-за болезни родителей домой приехал Айзик. Мама вернулась в Кишинев в 1937 г. и вплоть до начала Отечественной войны преподавала французский и немецкий в разных учебных заведениях. Одновременно занималась переводами с этих языков. Преподавать языки мама продолжила и в годы эвакуации, которые мы прожили в Узбекистане, и, как писали в одной из характеристик того времени, "внесла большой вклад в образование и культуру республики и была украшением всех мероприятий".

По возвращении в Кишинев в 1945 г. она начала работать в Медицинском институте старшим преподавателем кафедры иностранных языков. Являясь для студентов образцом высокой духовности, эрудиции, образованности и профессионального мастерства, она, не ограничиваясь преподаванием языков, вводила своих слушателей в мир искусства, проводя с ними беседы о музыке, театре, живописи. Показывала диапозитивы работ импрессионистов. Рассказывая о своем любимом Париже, демонстрировала репродукции из Лувра и других музеев Франции. А какую блестящую лекцию она им прочитала о солнечном Ван-Гоге!

Роза Семеновна Познанская стала автором учебника французского языка для студентов-медиков и четырех учебных пособий. Последнее из них – "Lire et connaître" – она уже не увидела, оно вышло после ее смерти (мама умерла в 1967 году).

Роза Познанская (справа)
Париж, 1934

В относительно недавней беседе со мной профессор Кишиневского мединститута Т.В.Мошняга сказал, что благодаря незабвенной Розе Семеновне, он, посетив Париж, не очень ощущал языкового барьера и вспоминал ее рассказы о культурных ценностях Франции и Парижа. Примерно то же говорил мне заведующий кафедрой травматологии проф. М.Ф.Горня. В годы борьбы с "космополитами" от мамы потребовали советский

диплом, и она окончила Одесский институт иностранных языков. Все документы, касающиеся ее жизни и работы в годы после репатриации хранятся в архиве Кишиневского мединститута. Она воспитала целое поколение врачей Молдавии, профессоров и преподавателей медицинского института. Нынешний ректор И.И.Абабий – тоже ее бывший студент. Одним из ее коллег и собеседников был ныне живущий в Израиле проф. Э.Н.Шляхов. Он вспоминает, что она всегда грезила о новой встрече с Парижем, столь любимым ею, и говорила об этом буквально за день до смерти.

Я, ее дочь, 40 лет жизни отдала здравоохранению Молдавии, а внучка Роза достойно носит имя моей мамы и сейчас работает врачом в одной из больниц Реховота. Она окончила институт, где беззаветно трудилась ее бабушка, которую ей не довелось знать…

Опубликованные работы Р.С.Познанской

Учебное пособие для студентов медицинских вузов (на франц. и рус. яз.). Кишинев: Лумина, 1955. 100 с.

Пособие по изучению французского языка в медицинских вузах (на франц., рус. и молдавском яз.). Кишинев: Лумина, 1961. 80 с.

Сборник текстов и упражнений по французскому языку для медицинских учебных заведений (учебник для молдавских и русских групп). Кишинев: Картя Молдавеняскэ, 1965. 246 с.

Lire et connaître. Сборник рассказов на французском языке для учащихся старших классов. Кишинев: Лумина, 1970. 78 с.

ОРГАНИЗАЦИИ
И
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ

ОРТ во Франции и его *русские* руководители

Михаил Пархомовский (Израиль)

ОЗЕ во Франции

Максим Белый (Израиль)

Помощь врачам – жертвам войны и преследований («Энтр-эд-медикаль»)

Э.Н.Левина (Франция)

ОРТ во Франции и его *русские* руководители

Михаил Пархомовский* (Бейт-Шемеш, Израиль)

Эта организация, сохранившая название, основанное на русских инициалах, распространила свою деятельность по всему миру, имея свои профессиональные школы в 20 странах и являясь самой крупной в мире общественной организацией по профессиональному образованию. Это необычайное развитие было достигнуто под руководством русских евреев, главным образом Л.М.Брамсона, Д.Львовича и А.Сингаловского[1].

История Общества ремесленного труда (ОРТ)[2] началась с конца 1879 г., когда лектор Петербургского университета видный физиолог Н.И.Бакст, убежденный поборник социально-экономического оздоровления еврейства, уговорил «железнодорожного короля» С.С.Полякова обратиться в Александру II за разрешением сбора средств для будущего ОРТа. Милостивое разрешение царя вызвало энтузиазм и бурную деятельность русско-еврейской интеллигенции по организации ОРТа, созданию ремесленных школ, поощрению сельскохозяйственного труда и осуществлению других проектов, которые однако вскоре были частично придушены реакцией, последовавшей за убийством Александра II (1881). Лишь в 1906 г. был утвержден устав Общества. Тем не менее за прошедшие четверть века сборы в Ремесленный фонд составили более миллиарда рублей, на которые было многое сделано. В течение этих лет уточнялись и теоретические вопросы *продуктивизации* труда евреев: земледелия, ремесел, профессионального образования, индустриально-технической подготовки.

Война 1914 г. дала мощный толчок еврейской самопомощи: сотрудники ОРТа сопровождали беженцев и выселенцев из прифронтовых губерний, организовывали кухни и бюро труда в местах

* Автор благодарен Центральному архиву истории еврейского народа в Иерусалиме за разрешение работать с архивом ОРТа, а сотруднику Архива Вениамину Лукину – за помощь в подготовке очерка. Автор благодарит также Дана Харува за его безотказные и исчерпывающие консультации.

переселения, содействовали поднятию уровня ремесел, обучали ремеслам инвалидов войны.

После Октябрьского переворота руководители ОРТа почувствовали свою нестабильность в России. Назначенная Правлением ОРТа *Заграничная делегация*[3] во главе с Л.М.Брамсоном в январе 1920 г. выехала в Париж и начала подготовку к своей новой – зарубежной – деятельности. Весной к Делегации присоединился срочно вызванный из России Д.В.Львович. В переговорах с другими еврейскими организациями Европы и США создавалась экономическая база этой работы. Одним из первых актов Делегации в Париже стало открытие в столице Франции Бюро снабжения инструментарием и материалами. Неоценимую помощь ОРТу оказали бароны Робер и Анри Ротшильды.

В парижском офисе Делегации ОРТа на Рю де Ренн была проведена большая предварительная работа (ее значительная часть – секретарем П.М.Кивелевичем), и в августе 1921 г. в Берлине собралась международная конференция, на которой было принято решение о создании на базе российского ОРТа Всемирного союза ОРТ (WeltverbandORT по-немецки, Union mondial ORT по-французски, World ORT Union по-английски) с центром в Берлине. Президентом исполнительного комитета Союза стал Л.Брамсон, а его вице-президентами – Д.В.Львович и А.З.Сингаловский.

Во многих странах Европы возникли отделения ОРТа. В Берлине первым председателем ОРТа был избран Я.Г.Фрумкин, в Лондоне – А.Я.Гальперн, отец которого был одним из учредителей ОРТа в России. В Париже ОРТ создали Брамсон, Львович и их несколько соратников по российскому ОРТу. Здесь аббревиатура ORT стала обозначать французские слова: Organisation–Reconstruction–Travail (Организация – Реконструкция – Работа). С самого начала и в течение более четверти века французским отделением ОРТа руководил старый друг Брамсона А.С.Альперин. (Во время оккупации Парижа немцами он был одним из ведущих антинацистских пропагандистов и оказывал поддержку жертвам нацистских преследований. Он пережил депортацию, а в 1945 г. стал председателем *Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией*. Позже он расценил свое участие в попытке сближения с коммунистической Россией как ошибку[4].)

Спонсорами ОРТа во Франции были известный благотворитель, русско-еврейский жемчужный король Леонард Розенталь[5] и Луи Ашер. Поддержку оказывали проф. Сильвен Леви, Леон Блюм (с 1923 г.).

Из отчета ОРТа за 1927 г. видно, что, несмотря на неблагоприятную экономическую конъюнктуру, число членов Парижского ОРТа возросло до 600, и многие из них довольно регулярно платили членские взносы. Рост организации, однако, отставал от его финансовых возможностей. В связи с этим при очередном приезде в Париж у Л.Брамсона возникла идея проведения кампании во французской провинции. В частности, С.Щупак дважды объехал города Эльзаса, где ему удалось организовать ряд выступлений, сопровождавшихся успехом. Всего в течение отчетного года в фонд ОРТа поступило 27 000 франков[6].

По справочным данным «Русского альманаха», издававшегося в 1930-31 гг., в состав бюро Парижского комитета ОРТа входили А.С.Альперин (председатель), Э.М.Виленкина и М.А.Кроль (товарищи председателя), Д.О.Клячко (казначей), М.С.Гинзбург (секретарь), И.А.Блюм, Л.М.Глезер, М.П.Кивелевич, А. и Ц. Лифшиц, С.М.Соловейчик и А.И.Шкловский. При Парижском ОРТе существовал Отдел конструктивной помощи, отправляющий по поручению лиц, находящихся за границей, всевозможные машины родственникам в СССР[7].

Для привлечения дополнительных средств для нужд ОРТа в Париже периодически устраивались благотворительные балы. Так, бал-концерт 14 апреля 1923 г. был устроен в пользу профессиональных школ для еврейских сирот, жертв погромов в России и на Украине. Традиционным стал весенний бал ОРТа. В «Хронике» Л.Мухина описаны былы 8 мая 1937 г. и 14 мая 1938 г., последний – в пользу парижских профессиональных курсов, с привлечением французских, русских, испанских и еврейских артистов[8].

Получив поддержку среди еврейской и прогрессивной нееврейской общественности развитых стран Европы и США (в частности, из бюджета *Всемирной конференции помощи евреям* в Париже – ВОРЛИФ[9], Всемирный союз ОРТ развернул помощь еврейским колонистам на юге России (позже – и переселенцам в Биробиджан), кооператорам, организовал сеть артелей, помогал юношеству приобщиться к фабричному труду. Несмотря на разногласия в вопросе, оказывать ли помощь евреям Советского Союза[10], эта помощь осуществлялась до 1936 г.[11] (по данным Краткой еврейской энциклопедии – даже до 1938 г.).

Огромная аналогичная работа была проделана ОРТом в Польше и других странах Восточной Европы.

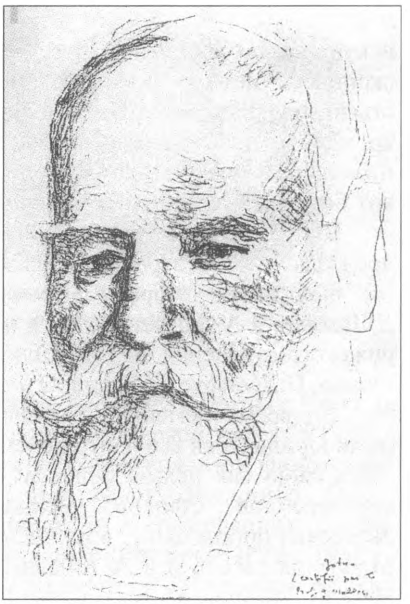
К 1929 г. ресурсы Фонда ОРТ выросли до 602 000 долл.[12] Особенно активным финансовым агентом ОРТа в те годы был Д.Львович.

В 1930-36 гг. ОРТ создал в разных странах 165 учреждений по профессиональному образованию и 60 фабрик и производственных кооперативов, изменивших жизнь 39 000 молодых евреев[13].

Однако ОРТ был не только организацией практического толка. Еще в России его руководители активно вырабатывали собственную идеологическую программу, а с изменением «географии» ОРТа и политической ситуации в Европе в начале 30-х гг. эту идеологическую программу пришлось менять. Наиболее глубокими стали разработки А.Сингаловского – автора так называемого «ортизма», который ратовал за полное преобразование еврейского общества в социалистическое.

В 1933 г., в связи с приходом к власти нацистов, Всемирный союз ОРТ вынужден был оставить Берлин и обосноваться в Париже. В том же году президентом ОРТа стал бывший премьер-министр Франции Эдуард Эррио.

С этого времени, естественно, интенсивнее начало работать и Французское отделение ОРТа. Д.Львович, И.А.Меерович и вице-президент Французского ОРТа А.П.Литон открыли несколько профессиональных курсов. Особенной активностью отличались курсы для женщин-эмигранток на Rue des Saules. Здесь впервые овладели ручной специальностью более 1500 немецко-еврейских интеллигентных женщин. «*Это*, – признавалась одна из них, – *наименьшее из свалившихся на нас злоключений. Если бы мы еще получили возможность работать, было бы замечательно*»[14].

Карандашный портрет А.С.Альперина, сделанный в лагере Дранси
Художник Готко (Янкель Готковский). Центральный архив истории еврейского народа (ЦАИЕН)

В документах Французского ОРТа называются и другие русско-еврейские активисты: И.А.Блюм, скульптор Наум Аронсон, А.Ю.Добрый, М.А.Кроль, А.Ц.Лифшиц,

И.А.Найдич. К руковод-ству ОРТа были привлечены Анри Боденхеймер, проф. Вильям Уалид. К 1934 г. из 36 руководящих работников ОРТа русских евреев осталось только 12, остальные уже были французскими евреями. Однако в списке членов административного совета Французского ОРТа по-прежнему много эмигрантов из России.

Первая школа ОРТа в Париже была открыта в 1934 г. в доме Леонарда Розенталя.

Одной из важнейших задач ОРТа во Франции стало трудоустройство десятков тысяч немецких евреев-беженцев. В этом вопросе ОРТ сотрудничал с другими французскими организациями, такими, как *Национальный комитет помощи немецким беженцам* и *Агентство помощи беженцам из Германии* под председательством барона Робера Ротшильда.

В 1938 г. резко возрос поток беженцев из Германии и Австрии, и ОРТ к имевшимся во Франции 13 курсам добавил еще 12: кройки и шитья, радио- и кинооператоров, электротехников, прикладного искусства, по косметике. Часть курсов открылась в Провансе, где скопилось немало беженцев. Были расширены и сельскохозяйственные программы. На юге Франции, между Бордо и Тулузой, кроме уже действующей фермы *Ля Рош*, были созданы еще две: *Комбль* и *д'Анжиро*, где ОРТ впервые предпринял обучение немецких беженцев сельскохозяйственному труду[15].

В 1937 г. на очередной конференции Всемирного союза ОРТ председателем Центральной экзекутивы (Исполнительного комитета) был вновь избран Л.Брамсон, его вице-председателями – Д.Львович и А.Сингаловский; в нее вошли А.Альперин – глава Парижского отделения ОРТа, И.Блюм, А.Берлянт, Л.Бернгейм, Вейль-Гудшо, П.Дрейфус, В.Уалид, Э.Флег, д-р Цадок-Кан.

Во время немецкой оккупации ОРТ оставался во Франции, (хотя юридически его центр переместился в Женеву), и осуществлял здесь свою как нельзя более нужную работу – режим Петена до определенной степени терпимо относился к деятельности еврейских организаций, в их числе – к ОРТу. С 1940 по 1942 г. его отделения работали в 20 городах, включая Лион, Тулузу, Марсель, Ниццу, Монпелье. В Париже на улице Соль, в приюте для бездомных, ОРТ руководил программой для 700 студентов. И даже после июля 1942, когда были депортированы тысячи евреев, число студентов составляло 500. ОРТу удавалось осуществлять свои программы и в пяти лагерях интернированных. Всего в течение 1942 г. помощь ОРТа получили 2 240 человек[16]. В 1942 г. Д.Львович, делая в Нью-Йорке доклад о работе ОРТа, сообщил, что Исполнительный комитет ОРТа до сих пор находится в Марселе[17].

Проект помощи немецким беженцам, работавшим на фермах ОРТа, руководимых теми же русскими евреями, удалось чудесным образом продлить до 1943 г. Ферма Ла Рош во время оккупации стала настоящим оазисом для многих еврейских семей. Здесь проводились культурные мероприятия и праздничные вечера.

После окончания войны, летом 1946 г., в Париже состоялась конференция ОРТа, по решению которой Париж вновь стал его политическим и общественным центром во главе с Д.Львовичем, тогда как Сингаловский остался руководителем второй штаб-квартиры

Франция во время немецкой оккупации. Ферма ОРТа в Ла Рош
Слева направо: глава фермы Д.Клементиновский, доктор А.Сингаловский и агроном Ошер Малкин со студентами (1942 г.)

ОРТа – в Женеве, выполнявшей функции Всемирного центра с 1943 г. (в 1951 г. Женева стала единственным центром Всемирного союза ОРТ).

Чрезвычайно трудным в условиях войны анализом финансовой деятельности ОРТа занимался проф. Марк Вишницер. Основываясь на полученных им данных и рекомендациях американцев – Луи Б. Боудина, президента американского ОРТа с 1930 г., Мюррей Левина и др., – финансовым центром ОРТа было решено сделать Нью-Йорк.

В трудные военные и послевоенные годы ОРТ нуждался в большем количестве средств. В это время ОРТ открыл свои школы для новых иммигрантов в США, Канаде (директором Канадского ОРТа был В.Гроссман, работавший вместе с Брамсоном еще в ЕКО /Еврейское колонизационное общество/), в странах Южной Америки.

Возросшие требования Сингаловского и Львовича (Л.Брамсон скончался в 1941 г.) к соответствующим американским организациям, которые потребовали (в лице руководителя Американского ОРТа Боудина) своего контроля, вызвали разногласия. Фактически речь шла о соперничестве – кто будет контролировать восстанавливающийся после войны ОРТ.

В это время на первое место выдвинулась проблема так называемых перемещенных лиц (dispaced persons, DP /ДиПи/) в Центральной Европе. Часть из них были евреи, пережившие Катастрофу. К концу войны насчитывалось до 1 300 000 перемещенных лиц. Работа с этим контингентом – новая для организаторов ОРТа – шла вначале методом проб и ошибок, но вскоре принесла свои плоды. Вот что было сделано только в 1947 г.: организовано 597 курсов в 78 центрах, где работали 934 инструктора[18]. С возникновением Государства Израиль и принятием в США специального законодательства о перемещенных лицах их число в Европе быстро пошло на убыль, сократившись до 50 000 к началу 1949 г. и до 15 000 – в 1952-м[19].

Франция стала одним из самых значительных центров европейского еврейства. Домой возвращались французские евреи, скрывавшиеся в Швейцарии, Испании, других странах. Сюда устремились тысячи восточно-европейских евреев, переживших Катастрофу и не желавших или не имевших возможности вернуться домой. ОРТ во Франции быстро усиливал свою деятельность, которую поддерживали Леон Мейс, адмирал Луи Кан, барон Филипп де Гинцбург*, д-р Е.Минковский, мадам Луи Рубах, Ги де Ротшильд. В 1947 г. Французский ОРТ открыл свои учреждения в Марокко. Примерно в это же время работой ОРТа были охвачены Алжир и Тунис. А начиная с 1950-х годов во Францию эмигрировали сотни тысяч евреев из Северной Африки. ОРТ значительно расширил сеть своих школ во Франции. Их стало 12: восемь в Париже и четыре в других городах, в большинстве из них ученики получали среднее техническое образование. Показателем усиления ОРТа стало его помощь в создании в Париже *Музея искусств еврейского народа*[20] по инициативе и по проекту Л.Френкеля, одного из активных *ортистов*. К 1952 г. деятельность ОРТа, поддерживаемая Джойнтом, распространилась на 24 страны, в их числе – большинство стран Европы, правительства которых покровительствовали его учреждениям.

---

* В английских и французских источниках мы встречали написание этой фамилии через букву «у» (Гунцбург); в русской литературе она пишется через «и» и в двух вариантах: *Гинцбург* и *Гинзбург*.

Осуществляя идеалы Леона Брамсона, ОРТ повсюду создавал здоровую экономическую и социальную базу еврейской жизни.

В 1969 г. из Женевы прозвучало обращение ко всем школам и организациям ОРТа в связи со 100-летием со дня рождения Л.Брамсона. Обращение было подписано директором Всемирного союза ОРТ, старшим внуком одного из основателей ОРТа в России барона Горация Гинцбурга Владимиром (Зеэвом) Гальпериным, тоже русским евреем…

Леон Брамсон (барельеф)

Леонтий Моисеевич (Леон) Брамсон[21] родился в 1869 г. в Ковно (Каунас). Юридическое образование получил в Московском университете. Писал публицистические статьи. Работал юристом в С.-Петербурге. Участвовал в составлении «Систематического указателя литературы о евреях на русском языке» (этот подробный указатель вышел в 1892 г. и с тех пор служит одним из основных пособий для изучающих российское еврейство). Его общественная деятельность началась с Общества распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ), в системе которого он в 1890 г. организовал первую профессиональную школу. Там он встретился со своей будущей женой Верой – она работала в этой школе. В 1899 – 1906 гг. он был генеральным секретарем Центрального комитета Еврейского колонизационного общества (ЕКО). В 1904 г. на русском языке, а позже на французском издал свой труд об экономическом положении евреев в России. После разгона Первой государственной думы (он был ее депутатом) Леонтий Моисеевич занялся организацией партии трудовиков с тем же рвением, какое он обнаруживал во всех своих начинаниях, и в шутку его назвали «раввином Трудовой группы». Примерно тогда же (1906) руководивший ОРТом чудаковатый профессор М.Бакст согласился на реформы, и Брамсон взялся «вдохнуть новую жизнь» в ОРТ. Он постепенно превратил его в славный институт русского, а затем и мирового еврейства. В 1909 г. в Ковно Брамсон выступил с обширной программой

ОРТа по привлечению евреев к различным формам *продуктивного труда*. В 1915-м он становится вице-президентом ОРТа и вкладывает все свои силы в профессиональное трудоустройство беженцев и высланных из прифронтовых губерний. В 1916-м под его редакцией вышел двухтомник «Законы об евреях», в 1917-18 гг. он публиковал брошюры о культурно-просветительных организациях на Западе. Перу Брамсона принадлежало немало статей в таких периодических изданиях, как «Восход», «Культура и Свобода», выпусках ОРТа. После Февральской революции его вводят в комиссию по ликвидации антиеврейского законодательства. В 1920-м он выезжает в Западную Европу, и с этого времени начинается работа ОРТа как международной организации.

Леон Брамсон, став в 1921 г. председателем Исполнительного комитета Всемирного совета ОРТа, выполнял эти обязанности оставшиеся 20 лет своей жизни. В эти годы он отходит от политической борьбы и литературной работы и всецело отдается делу экономического возрождения евреев, разъезжает по главным еврейским центрам, выступает против усиления в еврейской среде спекуляции, собирает средства для насаждения здорового производственного труда – *продуктивизации евреев*.

Создание отделений ОРТа, профессиональных школ и производственных предприятий в новых странах Восточной Европы и в Советской России требовало все больших средств, и Брамсон, ставший ответственным за сбор денег, немало для этого сделал. Позже (с 1926 г.) ему приходилось заботиться и о средствах для ОЗЕ (Общество здравоохранения евреев): в течение ряда лет ОРТ и ОЗЕ были объединены в одну организацию. Начав с Южно-Африканского Союза, Брамсон затем совершил серию поездок по странам Европы и Америки.

Во время первого пребывания в США (1922), когда Брамсон еще недостаточно знал английский, ему помогал И.Тартак. Несколько отрывков из воспоминаний последнего:

«Он ...не говорил громких слов... Трудно было представить его, опытного и убедительного оратора, произносящим красивую фразу. Он был целомудрен в словах. В его речи было то же сочетание строгости, деловитости и теплоты, которое было так характерно и в его повседневном действии и манере.

Спокойно, задумчиво, пощипывая порой свою вандейковскую, тогда еще черную с проседью бородку, Л<еонтий> М<оисеевич> писал или диктовал с утра до вечера меморандумы, письма, газетные сообщения, с массой цифр и фактов (он любил статистику), убеждал, разъяснял, запрашивал, напоминал письменно

или же ездил убеждать, разъяснять и напоминать лично... Л.М. не просил, слезниц не произносил. Он даже не убеждал: он объяснял...

Полушутя мистер Н. предложил мне явиться одному с цифрами и докладом, так как мне, мол, все равно придется беседу переводить. На мое несколько удивленное замечание, что дело-то ведет Л.М., мистер Н. сказал со вздохом: "Вам-то я могу кой в чем отказать..."

Мы знали, что в нем нам посчастливилось встретить человека большой нравственной силы, которая светит и греет, – редкого человека, сущего праведника, соль земли»[22].

Результатом этой поездки были не только деньги, но и создание Американского отделения ОРТа; его возглавили судья Я.Пенкин и Луи Будин – тоже выходец из России; в 1927 г. жена последнего Анна основала Американский ОРТ женщин.

Даже когда Брамсон сам не участвовал в каких-либо видах деятельности ОРТа, он оказывал сотрудникам моральную поддержку и помогал дельными советами. В частности, в важной работе ОРТа по помощи родственникам, оставшимся в Советской России, которые потеряли свое имущество и лишились гражданских прав.

Назовем ближайших сотрудников Брамсона по руководству ОРТом: Л.Я.Эткин (1921-26), Г.Я.Аронсон (1926-31) и сменивший его И.Д.Коральник, которые занимали посты секретарей Всемирного союза ОРТ.

О скромности Брамсона: в 1929 г., когда ОРТ захотел отметить его 60-летие, он не только отказался приехать для этого из Парижа в Берлин, но уклонился и от чествования в Париже.

Брамсон верил в ОРТ, как религиозный еврей верит в Тору, и не мог даже себе представить евреев, которые не разделяют этой веры. В 20 – 30-е годы, когда работа ОРТа в основном концентрировалась в странах Восточной Европы, новые служители «религии ОРТа» рекрутировались среди беднейших евреев – ремесленников, лавочников, чиновников и даже «люфтменшен», для которых обучение сына ремеслу считалось наихудшим жизненным выбором. Возвращаясь из своих поездок в Берлин и Париж, он с гордостью рассказывал о растущем интересе евреев к профессиональному образованию.

Начиная с 1932 г. ОРТ открыл в Париже множество профессиональных курсов и школу механиков, работа которых быстро расширилась. Брамсон отдавал этим учебным заведениям много времени и сил. Этими же курсами беззаветно занимался К.С.Лейтес, которого Леонтий Моисеевич еще в берлинский период привлек к активной работе. Лейтес сменил председателя Экзекутивы (Исполнительного комитета) Французского ОРТа И.А.Мееровича.

Последний протокол совещания (14 декабря 1940 г.) Исполнительного комитета ОРТа под председательством Леона Брамсона

ПРОТО КОЛ совещания по делу организации мастерских и курсов в лаге - ре Бренс-Кайяк и курсов в Тулузе.
14-го декабря 1940 в Марселе.

Присутствовали: А.Берлянт, Л.Брамсон, А.Сингаловский, Л.Френкель, архитектор - Мунк и инж.Вольский.

Председатель: Л.Брамсон. И.д. Секретаря - Л.Френкель.

С л у ш а л и :

1. Доклад инж.Л.Френкеля о планах и сметах, составленных с участием арх.Мунка и инж.Вольского для лагеря Бренс.

В первую очередь намечены к открытию следующие учебно-производственные мастерские и курсы:

а) Ремонтно-сапожная - Мастерская на 20 человек
б) Мужско-парикмахерские курсы на 12ч.
в) Дамско-парикмах.курсы на 12 чел.
г) Дамско-портняжн.мастерская -на 20ч.
д) Мужско-портн.мастерская на 20 чел.
е) Белошвейная мастерская на 12 чел.
ж) Курсы стопал (реставрация тканей) на 10 чел.

Для этих мастерских в распоряжение ОРТа предоставляется большой барак, который должен быть перестроен и приспособлен для нужд мастерских.

Стоимость строительных работ по переустройству барака исчисляется в сумме - фр. 22.700.-

Сметы на оборудование мастерских предстаавляются в следующем виде:

Дамско-портняжн.мастерская -	14.720.-
Мужско-портняжн. " -	14.410.-
Оборудование склада и приемочной для портн.мастерских-	3.100.-
Ремонтно-сапожная мастерская	22.115.-
Парикмахерская мужская и дамская-------	17.510.-
Белошвейная мастерская	2.100.-
Инвентарь для канцелярий	2.900.-
Итого--------	99.455

В кругых цыфрах 100.000 франков
(Подробные сметы в приложении).

Смета на ежемесячное содержание всех мастерских и курсов исчисляется в сумме 17.070 фр.

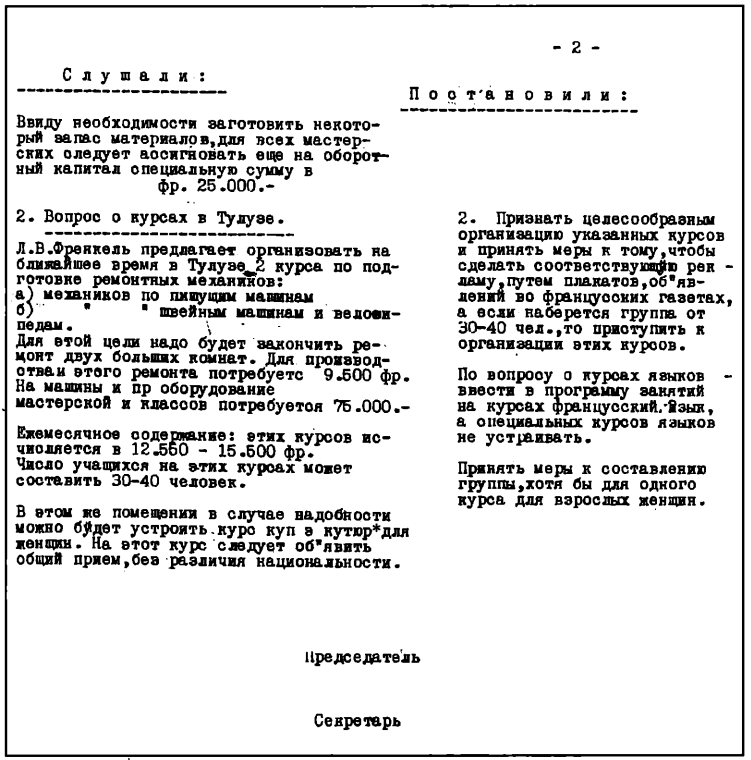
(Подробная смета прилагается)

П о с т а н о в и л и :

1. Предложенный план утвердить и принять самые орочные меры к скорейшему осуществлению этого плана.

Ассигновать для этой цели:
Единовременную субсидию до фр. 100.000.-
На ежемесячное содержание, согл.смете - 17.000 фр.
На оборотный капитал - 25.000.- фр.

Кроме того, признать справедливым и необходимым, чтобы для всех мастеров, их помощников и прочего персонала из беженцев были открыты личные счета, на которые, помимо намеченного в смете оклада, ежемесячно записались бы добавочные суммы, которые смогут быть выданы каждому из них при выходе из лагеря. Добавочные суммы начисляются по следующим нормам:
Для мастеров по 150 фр.
" помощников " 100.-
Для других служащих в размере 33% их оклада.

- 2 -

С л у ш а л и :

Ввиду необходимости заготовить некоторый запас материалов, для всех мастерских следует ассигновать еще на оборотный капитал специальную сумму в фр. 25.000.-

2. Вопрос о курсах в Тулузе.

Л.В.Френкель предлагает организовать на ближайшее время в Тулузе 2 курса по подготовке ремонтных механиков:
а) механиков по пишущим машинам
б) " " швейным машинам и велосипедам.
Для этой цели надо будет закончить ремонт двух больших комнат. Для производства этого ремонта потребуетс 9.500 фр.
На машины и пр оборудование мастерской и классов потребуется 75.000.-

Ежемесячное содержание: этих курсов исчисляется в 12.550 - 15.500 фр.
Число учащихся на этих курсах может составить 30-40 человек.

В этом же помещении в случае надобности можно будет устроить курс куп э кутюр* для женщин. На этот курс следует об"явить общий прием, без различия национальности.

П о с т а н о в и л и :

2. Признать целесообразным организацию указанных курсов и принять меры к тому, чтобы сделать соответствующую рекламу, путем плакатов, об"явлений во французских газетах, а если наберется группа от 30-40 чел., то приступить к организации этих курсов.

По вопросу о курсах языков - ввести в программу занятий на курсах французский язык, а специальных курсов языков не устраивать.

Принять меры к составлению группы, хотя бы для одного курса для взрослых женщин.

Председатель

Секретарь

* *Курс куп э кутюр (фр.)* – курсы кройки и шитья

В том же 1932 г. Брамсон, в сопровождении своей дочери Сары, которая служила его секретарем, посетил Египет, Сирию и Палестину. Под впечатлением увиденного в Палестине его антисионистские взгляды коренным образом изменились. Финансовый результат поездки был скромен, но ему удалось расширить сферу интересов к ОРТу со стороны многих организаций. Больше денег принесла проведенная им 17-месячная кампания в ЮАС (1933–1934 гг.), и, конечно же, евреи этой страны (во многих случаях знакомые Брамсона выходцы из Литвы) шли на жертвование денег для ОРТа в основном под влиянием энергии и личных качеств Леонтия Моисеевича.

Это под его руководством ОРТ переехал из Берлина в Париж (1933), а оттуда, во время войны, в Виши и затем в Марсель.

В 1934 г. он едет в Литву, где возглавляет кампанию по созданию Дома Труда ОРТа (открыт в 1936). В 1935-37 гг. – поездки в Польшу, где он занят интенсификацией индустриальной деятельности евреев, пропагандой и сбором средств в пользу ЦК ОРТа Польши.

Четвертый Всемирный конгресс ОРТа (август 1937 г.) совпал с Международной выставкой в Париже, и Брамсон потратил немало усилий на создание павильона ОРТа. Там были выставлены изделия труда учащихся школ и мастерских, стенды с фотографиями и диаграммами, карта с сетью организаций ОРТа во всем мире. Павильон, пользовавшийся большим вниманием публики (ее посетили и видные политические деятели Франции), получил почетный диплом и две золотые медали.

В дальнейшей работе ОРТа превалировали задачи, связанные с необходимостью помощи беженцам. Так, только в Париже беженцы из Германии посещали организованные для них курсы на 500 мест по 15 специальностям. При содействии ОРТа тридцать еврейских семей земледельцев из числа немецких беженцев поселились на юго-западе Франции (близ Вильнев-сюр-Лот), где их колония успешно развивалась. Так что на конференции в Эвиане (1938), посвященной этой проблеме, делегации ОРТа, которую возглавлял Брамсон (в нее входили также Я.М.Шефтель и прибывший позднее Д.Львович), было чем поделиться.

К этому времени здоровье Брамсона пошатнулось, и он перенес операцию. Но по-прежнему все свое время отдавал ОРТу, не прислушиваясь к советам врачей и товарищей, желавших его уберечь. Вскоре после объявления войны ОРТу пришлось переехать в Виши (сентябрь 1939), но Брамсон продолжал спокойно работать, не поддаваясь нервозности и страхам. Потом было возвращение в Париж, а через пять месяцев, незадолго до его оккупации, – повторная эвакуация в Виши. На этот раз он расстался с Парижем навсегда. А ведь с этим городом была связана не только работа во Французском, а потом в Международном центре ОРТа – в нем продолжалась и деятельность Брамсона-публициста: начиная с февраля 1920 г., он нередко выступал с докладами и статьями. Вначале его мысли не отрывались от России, и он читал лекции о ее политическом положении, о жизни евреев на юге России, об их экономических проблемах. Позже темами докладов стали впечатления от его поездок – в Америку, в Польшу; Брамсон рассказывал о жизни евреев в Восточной Европе (об этом он опубликовал в милюковских «Последних новостях» за 26 июня 1929 г. статью «Нужда и труд среди еврейских масс») и реконструктивной работе ОРТа, выступал на вечере,

посвященном 75-летию Дубнова, на банкете в честь выхода в свет 1-го тома Всеобщей еврейской энциклопедии; на вечере памяти Л.Н.Толстого – вспоминал о своей встрече с писателем в Ясной Поляне[23]; делал сообщения на вечерах памяти Слиозберга, Тейтеля, других[24].

В ноябре 1940 г. ОРТ снова переехал, на этот раз в Марсель, где было много еврейских организаций, включая администрацию Джойнта. Брамсону пришлось приспосабливать Исполнительный комитет ОРТа к новым условиям и требованиям, ездить в Клермон-Ферран, Лион и Тулузу, где были учреждения ОРТа. Тогда же совместно с д-ром Сингаловским, проф. Уалидом и Пьером Дрейфусом, Брамсон организовал в Марселе конференцию Французского ОРТа. Интересно, что сохранившийся протокол последнего совещания, на котором председательствовал Леонтий Моисеевич, написан по-русски.

Обстановка войны и дополнительные нагрузки, связанные с переездами, не могли не сказаться на здоровье Брамсона. В Марселе, в 1941 году, на одном из январских заседаний Исполнительного комитета, ему стало плохо. Прикованный к постели в последующие несколько недель, он ежедневно продолжал принимать товарищей и сотрудников, уточняя различные текущие вопросы. Подарил товарищу, уезжавшему в эти дни в Лиссабон (там были европейские представители Джойнта и др. еврейских организаций) удивительно красивую книгу на португальском. А накануне смерти помог составить программу работы на следующий месяц.

Леон Брамсон скончался 2 марта 1941 г. В Ковно и Нью-Йорке, Варшаве и Иоханнесбурге, Риге и Буэнос-Айресе его провожали бы в последний путь тысячи людей. В Марселе же 1941 года похороны прошли очень скромно: члены семьи, главный раввин города И.Зальцер, друзья и сотрудники – д-р А.Сингаловский, проф. Сорбонны В.Уалид, тогда председатель Центрального правления Союза ОРТ, Я.Г.Фрумкин, В.Темкин. Их количество было еще меньшим, когда они собрались в годовщину смерти у памятника с надписью на идиш и французском:

Всю свою жизнь Леонтий Моисеевич посвятил эмансипации своих братьев-евреев и их прогрессу в труде и с помощью труда.

Для увековечения памяти этого еврейского лидера имя Леона Брамсона было присвоено школе ОРТа в Марселе и такой же школе в Нью-Йорке, которой руководила вдова Леонтия Моисеевича Вера Брамсон (позже школу назвали имени Леона и Веры Брамсон).

Давид Владимирович Львович[25] посвятил ОРТу последние 30 лет своей жизни, в основном в качестве вице-президента организации. Львович отличался импозантной внеш-ностью, умом, барской широтой и исключительным добродушием. Совершенно был лишен лингвистических способностей и ораторского дара. Единственный язык, который он любил и знал в совершенстве, был русский. Подкупали в его выступлениях искренность, простота, убедительность, личное обаяние. Он не только умел завоевывать симпатии людей, но буквально их очаровывал.

Если Сингаловский символизировал мозг ОРТа, то Львович был романтиком и трубадуром организации. Он сумел привлечь к ней лучшие умы и виднейших государственных деятелей христианского и еврейского мира Старого и Нового Света. Его преданность идеям ОРТа граничила с подлинным священнослужением, на алтарь которого он принес не только свою личную жизнь, но и состояние своей семьи.

Львович (1882 – 1950) родился на юге России, вырос в ассимилированном окружении. По заданию социалистической рабочей ячейки в 1903 г. вошел в контакт с организацией Поалей Цион. А в 1905-м, после посещения Эрец-Исраэль, стал территориалистом-социалистом. Его жизнь пестрела деловыми перемещениями: в 1905 г. в Одессе во время погрома он организовывал группы самообороны; в 1906-м в Лейпциге агитировал за переезд евреев из городов в деревни и организацию их в сельскохозяйственные колонии; в 1907-м – представлял территористов-социалистов на Конгрессе социалистического интернационала в Штутгарте; в 1912-м в Вене был избран в комитет сторонников «проекта Анголы»; во время Первой мировой войны – в 1916 г. – Давид Владимирович оказался в Нью-Йорке, сумел заинтересовать деятельностью ОРТа «Арбейтер Ринг» (профсоюз еврейских рабочих в Америке), который ассигновал на организацию 15 тысяч долларов. В 1917 г. создавал сельскохозяйственные колонии на юге Украины.

Д.В.Львович
Дружеский шарж художника Росса (ЦАИЕН)

О его работе в Париже находим сведения в уже неоднократно цитируемой *Хронике* Л.А.Мнухина: 3 мая 1920 г. Давид Владимирович делает доклад «Трудовая помощь и земледельческий труд»; 15 июня 1928 г. –

публичный доклад «О новых формах конструктивной помощи еврейскому населению в России»; 24 марта 1933 г. – сообщение «Америка и американское еврейство» на заседании Кружка русско-еврейской интеллигенции. На заседании этого же Кружка 13 ноября 1933 г. Львович принимает участие в обсуждении темы «Еврейские проблемы нашего времени»; 18 апреля 1934 г. – выступает с речью на вечере памяти д-ра М.И.Зильберфарба, председателя ОРТ Польши[26].

Арон Зеликович Сингаловский[27] (1890 – 1956) родился около Барановичей (Белоруссия). В 16-летнем возрасте вошел в еврейское социалистическое территориалистское движение (сиони-стов-социалистов), в котором прославился как блестящий оратор под партийной кличкой Арон Ченстоховер. В Ковно издавал на гектографе листок «Га-Циони». Получил юридическое образование в Германии, философское – в Швейцарии. Печатал в еврейских и русских периодических изданиях статьи на социально-политические и литературные темы. Редактировал еженедельник «Фрайтог», журнал «Эрд-арбет». С 1920 г. вместе со своим другом детства Д.Львовичем и Л.Брамсоном чрезвычайно способствовал росту и развитию ОРТа – его, наделенного блестящими способностями, считали движущей силой организации. Он стал основателем современной теоретической концепции ОРТа. Вначале Сингаловский был вице-президентом Всемирного союза ОРТ, а после смерти Брамсона в 1941 г. – председателем его Исполнительного комитета. Умер в Париже и похоронен в Женеве. Его именем названа школа ОРТ в Тель-Авиве и техникум в Гиватаиме.

Сингаловский, которого называли мозгом ОРТа, был автором многих статей о реабилитации труда и реконструкции восточно-европейского еврейства[28]. Человек, широко, европейски образованный, он в Париже выступал в печати и с докладами на «неортовские» темы: «Сумерки гетто», «Духовный кризис немецкого народа», «О личности и творчестве Шолом-Алейхема», о писателе Леоне (Ицхаке-Лейбуше) Переце; вместе с Шагалом, Мане-Кацем, Н.Аронсоном состоял в комитете поддержки еврейского авангард-ного театра «Пиат»; своей речью открыл концерт-митинг ОРТа, на котором Иза Кремер пела русские, еврейские и испанские песни[29].

В архиве ОРТа сохранился список присутствующих на докладе Сингаловского, прочитанном 1 декабря 1938 г.[30] Как в этом списке много знакомых имен! Начиная с «А» – Альперин, Анский, Абрамович, Н.Аронсон, Г.Аронсон – и кончая Темкиным и Черико-вером.

К концу войны Сингаловский разработал 25-летний план экономической реабилитации европейского еврейства. Ката-строфа, масштабы которой были в те годы еще неизвестны, сделала этот план неосуществимым. Но в 1977 г. на конгрессе в Лондоне ОРТ вернулся к предложенному Сингаловским долгосрочному планированию, согласно которому сеть организаций ОРТа в мире развивается и в настоящее время.

Триумвирату Львовича с Брамсоном и Сингаловским путем огромных усилий, личных влияний и большой жертвенности удалось превратить ОРТ – творение нескольких русско-еврейских филантропов – в массовое движение, в мировую организацию, диапазон деятельности которой охватывает континенты.

С ОРТом я познакомился не только по книгам и архивам: в школе ОРТа в Иерусалиме, которая считается одной из лучших, училась моя внучка, и мне приходилось бывать в этом великолепном учебном заведении. Позволю себе заключить: ОРТ это одно из самых прекрасных дел, задуманных и осуществленных нашими собратьями – русскими евреями.

---

[1] *Троцкий И.* Самодеятельность и самопомощь русского еврейства // Книга о русском еврействе (от 1860-х годов до революции 1917 г.). Н.-Й.: Союз русских евреев, 1960. С.486. Биографии этих руководителей ОРТа см. в конце статьи.

[2] По истории ОРТа см.: Союз обществ «ОРТ» // Еврейский мир: Ежегодник на 1939 год. Париж: Объединение русско-еврейской интеллигенции, 1939. С.353–358; 80 Years of ORT: Historical Materials, Documents and Reports. Genève: ORT Union, 1960; *Dolovitz F.* Observations on ORT's History. N.-Y.: Women's American ORT, 1976; *Shapiro L.* The History of ORT (A Jewish Movement For Social Change). N.Y.: Schocken Books, 1980. 410 p. Описание московских архивов, касающихся ОРТа, см.: Документы по истории и культуре евреев в архивах Москвы: Путеводитель = Jewish Dosumentary sources in Moscow Archives: A Gide / Научные ред.-сост. *М.С.Куповецкий, Е.В.Старостин, Марек Веб.* М.: Изд-во РГГУ, 1997. 505 с. (по указателю); *Бейзер М.* Евреи Ленинграда: 1917–1939: Национальная жизнь и советизация. Иерусалим: Гешарим, 5760; М.: Мосты культуры, 1999. 447 с. (по указателю).

[3] Report on the activities of the O.R.T. in 1920–1921. Центральный архив истории еврейского народа в Иерусалиме (далее ЦАИЕН). Д.56а. Л.1–8, машинопись. *Львович Д.* Л.М.Брамсон и Союз ОРТ // Еврейский мир: Сб., посвященный памяти Л.М.Брамсона. Н.-Й., 1944. С.38–39.

[4] Об А.С.Альперине см.: *Мнухин Л.* Русско-еврейский Париж в первые послевоенные годы // Евреи России – иммигранты Франции / Ред. *В.Московича, В.Хазана, С.Брейяр.* Москва–Париж–Иерусалим: Гешарим, 2000. С.99–107; *Будницкий О.В.* Попытка примерения // Диаспора I.: Новые материалы. Париж–С.-Петербург: Athenaeum–Феникс, 2001. С.179–240.

[5] Подробнее о нем см.: *Сорокина М.* Аймек-Гуарузим – Fondation Rosenthal // Евреи России – иммигранты Франции / Ред. *В.Москович, В.Хазан, С.Брейар.* Москва–Париж–Иерусалим, 2000. С.35–68.

[6] Краткий обзор деятельности «О.Р.Т.»'а за 1927-й год // ЦАИЕН. Д.56а. С.16–17.

[7] Русский Альманах: Справочник = Almanach russe / Под ред. В.А.Оболенского и Б.М.Сарача. Paris; Saratch, 1931. С.276. (Сообщено Д.Гузевичем).

[8] Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1948. Франция / Под общ. ред. *Л.Мнухина, в сотрудн. с Т.Л.Гладковой, Т.И.Дубровиной, В.К.Лосской и Н.А.Струве.* Тома 1–4. ЭКСМО: М., 1995–1997. (По указателям).

[9] *Муниц Арье.* Организации ОРТа в Советском Союзе (1917–1938). Тель-Авив, 1981. С.68 (иврит).

[10] Там же. С.126.

[11] Там же. С.152.

[12] *Shapiro L.* Ibidem. P.110.

[13] Еврейский мир: Ежегодник на 1939 год. Париж: Объединение русско-еврейской интеллигенции, 1939. С.356.

[14] ЦАИЕН. Д.53(4). С.16.

[15] ЦАИЕН. Д.53(3).

[16] *Shapiro L.* Ibidem. P.196.

[17] Exposé du Dr D.Lvovitch devant l'Emergency Conference (на фр. и англ. яз.). N.-I. Le 19 Mai 1942. ЦАИЕН. Д.70. 8 p.

[18] *Shapiro L.* Ibidem. P.240.

[19] Ibidem. P.245.

[20] О Музее еврейского искусства см. в этой же книге статью Д.Ю.Гузеви-ча «Красота, талант и эрудиция, или Сохранение памяти (Мария Шабшай)».

[21] О нем см.: Д-р Л.М.Брамсон (к его 60-летнему юбилею) // Бессарабское слово. 4 мая 1929; A la mémoire d'un chef disparu: Léon Bramson (1869–1941) // ЦАИЕН. Д.ORT-91. С.1–5; ЦАИЕН. Д.ORT-91. С.12–23; *Львович Д.* Указ. соч. С.24–47; *Тартак И.* Памяти Л.М.Брамсона // Там же. С.47–54; *Lvovitch D.* Léon Bramson et l'Union ORT. Paris: ORT Français, 1950. 23 p.

[22] *Тартак И.* Указ. соч. С.52–53.

[23] *Брамсон Л.* У Толстого в Ясной Поляне // Там же. С.355–370.

[24] Русское зарубежье. Хроника… (по указателю имен).

[25] *Троцкий И.* На славном посту (Памяти ушедшего друга) // Новое русское слово. 1950. 24 авг.; Encyclopaedia Judaica. V.11. Jerusalem, 1974. P.616–617.

[26] Русское зарубежье. Хроника... (по указателю имен).

[27] Encyclopaedia Judaica. V.15. Jerusalem, 1971. P.632; Российская еврейская энциклопедия. Т.3. М.: Эпос, 1997. С.54.

[28] *Singalovsky A.* Aufbau und Umbau zum Problem des juedischen Wirtschaftslebens in Osteuropa. Sonderdruck aus "Der Morgen". Heft 4, 1927. 32 s.; *Singalovsky A.* Reconstruction of Eastern European Jewry. Reprinted from "The Jewish Chronicle". Supplements. 1928. 13 p.; *Singalovsky A.* Distress and Knowledge (A Dialogue on Vital Jewish Questions. Johannesburg, 1936. 12 p.

[29] Русское зарубежье. Хроника... (по указателю имен).

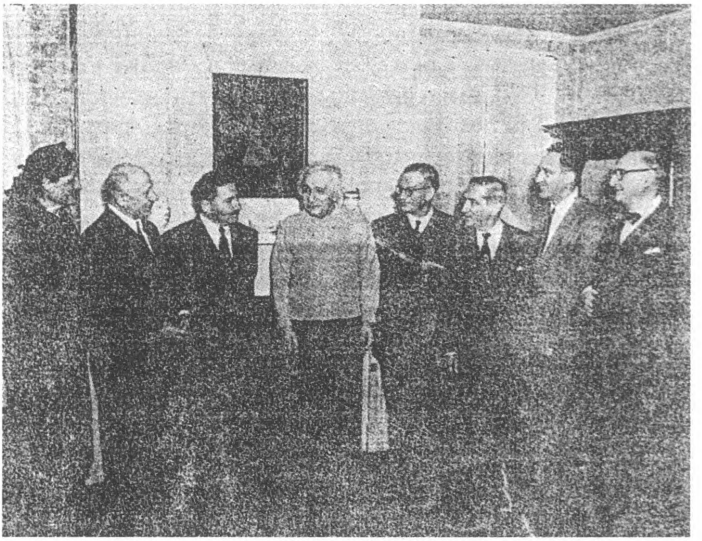
[30] ЦАИЕН. Д.93b.

ОЗЕ во Франции

Максим Белый (Иерусалим)

ОЗЕ (Общество здравоохранения евреев)[1] возникло в 1912 г. в Петербурге по инициативе группы еврейских общественных деятелей. Целями организации были физическое возрождение евреев, здоровье которых было нарушено в результате многих веков жизни в условиях гетто, распространение гигиенических сведений среди евреев, внедрение научного врачебного дела и, как говорилось в уставе организации, "вообще содействие охранению здоровья еврейского населения".

Первая мировая война резко усилила потребность в работе ОЗЕ – погромленные и выселенные из прифронтовых губерний евреи очень нуждались во врачебно-санитарной помощи. К 1917 г. только 700 квалифицированных сотрудников организации обслуживали десятки тысяч детей. Годовой бюджет ОЗЕ составил 1 млн ам. долл.[2] Деньги поступали от Джойнта, зарубежных благотворителей, из государственных субсидий, но, главным образом, от взносов еврейского населения, что говорило о популярности ОЗЕ в России.

Альберт Эйнштейн с группой активистов ОЗЕ

Советская власть своим декретом 1921 г. запретила деятельность ОЗЕ, но эта деятельность – под маркой Джойнта – продолжилась на юге Украины до 1931 г.

Вскоре после окончания Первой мировой войны во многих странах Европы открылись филиалы ОЗЕ, а в декабре 1922 в Берлине, по инициативе уехавших из России активистов ОЗЕ во главе с М.М.Граном, врачом с большим земским стажем, был учрежден Всемирный союз ОЗЕ (Фербанд ОЗЕ). Его почетным председателем стал Альберт Эйнштейн.

При эмиграции руководство ОЗЕ лишилось российских источников финансирования. В конце июня 1922 г. д-р Гран выехал в Париж и там был принят руководством Альянса (Всемирной еврейской организации). Здесь ему было обещана скромная финансовая поддержка. После этого были получены деньги и от других организаций, и в этом большую роль сыграл доктор М.С.Шварцман, один из первых активистов ОЗЕ[3].

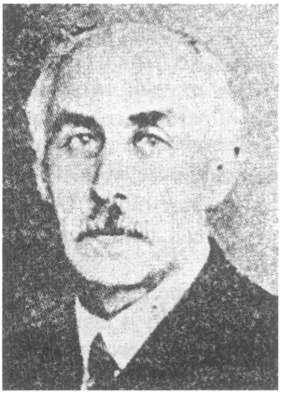
Бюджет ОЗЕ состоял также из членских взносов, сборов на местах и из средств Джойнта. Абсолютная величина бюджета составляла от 2 330 000 в 1923-24 гг. и до 930 000 ам. долл. в 1937-38 гг.[4] В 1923-33 гг. количество учреждений ОЗЕ достигало 501, а количество лиц, которым была оказана индивидуальная медицинская помощь, достигло 2 300 000[5].

В 1933 г., после прихода к власти нацистов, немецкие евреи, жившие под постоянной угрозой концентрационных лагерей, массами устремились из Германии. И дирекции ОЗЕ пришлось вывести свой центр из Берлина. Союз ОЗЕ оказался в Париже (здесь его называли Юнион ОЗЕ). Было решено не закрывать окончательно бюро ОЗЕ в Берлине. Там оставался, для связи с ОЗЕ в Париже, Ф.С.Валк, принесший свои личные интересы в жертву интересам преследуемых евреев, которые обращались за советом и помощью в берлинское ОЗЕ. В дальнейшем он погиб в депортации.

В Париже филиал ОЗЕ возник в начале 20-х годов по инициативе и под председательством проф. А.Безредки[6]. Основными активистами ОЗЕ здесь были д-р Ю.Бруцкус (один из основателей ОЗЕ и его многолетний вице-председатель), Л.И.Гурвич (генеральный секретарь, которого сотрудники считали душой организации), баронесса П.Гинзбург, инженер Б.Ю.Прегель (в дальнейшем известный физик-атомщик и благотворитель)[7], казначей Ш.Брейнер, главный врач Больницы Ротшильда д-р Цадок-Кан. В Почетный совет ОЗЕ вошли сенатор Жюстен Годар, математик Эмиль Борель, министр труда А.Кей, скульптор Наум Аронсон.

Периодически парижские активисты ОЗЕ читали лекции. Так, темами доктора Грана были: "Голодающая Россия в медико-санитарном отношении" (25 июня 1922 г.), "О погромленных" (2 июля 1922), "Биология и патология евреев как научная проблема" (7 дек. 1923 г.). Руководители ОЗЕ не ограничивались еврейской тематикой. Так, активный общественный деятель, будущий руководитель ОЗЕ Ю.Бруцкус прочел доклад "Культурное влияние Востока на Киевскую Русь"[8].

В 1935 г. Союз ОЗЕ объединился с Союзом ОРТ, президентом организации ОРТ-ОЗЕ стал Л.Брамсон, вице-президентами Ю.Бруцкус и Б.Членов, генеральным секретарем – Л.Гурвич. Организации покровительствовали бывший премьер-министр Франции Эдуард Эррио, министр Мариус Муте, писатели Пьер Миль и Эдмонд Флег, главный раввин Франции Исраэль Леви, барон Анри (Генрих) Ротшильд, др.

Юлиус Бруцкус – один из основателей ОЗЕ в России и вице-президент Всемирного союза ОЗЕ

Вообще работа во Франции развивалась усиленными темпами, достигнув пика в предвоенные годы, когда ОЗЕ вынуждена была принять сотни еврейских детей из Германии и Австрии, устроить их в яслях и приютах, организовать нестандартные виды психотерапии и учебы: дети оказались в чужой стране без родителей и, как правило, без знания французского. Позже еще больше усилий и самопожертвования потребовала эвакуация детских домов ОЗЕ и подпольный перевод детей в так называемую свободную зону – при этом было спасено более 1000 детей! Организатору спасения детей д-ру Е.А.Минковскому помогали госпожи Авербух, Моторина, Симона Кан[9]. После поражения Франции ОЗЕ пришлось скрывать свой международный характер и даже уйти в подполье. Руководители были разделены между собой событиями и действовали на свой страх и риск – д-р Е.А.Минковский и д-р Валентина Кремер (в девич. В.М.Винавер) в Париже, д-р Ю.Д.Бруцкус, Л.И.Гурвич и др. в Виши, Монпелье и Шамбери. В этот период войны дирекция ОЗЕ была совершенно оторвана от своих отделений в странах Восточной Европы. Да и просуществовали эти отделения недолго: Литовское ОЗЕ – до 1941 г., ТОЗ (так называлось ОЗЕ в Польше) – до 1943 г. Только д-ру Б.А.Членову – руководителю ОЗЕ в Женеве (отделение в нейтральной Швейцарии было создано непосредственно перед началом войны) под прикрытием организаций, с которыми ОЗЕ сотрудничало

(Интернациональный Красный Крест, Всемирная организация здоровья, Интернациональный союз защиты ребенка), удавалось помогать посылкой медикаментов и продовольствия: концентрированного молока и других продуктов питания, которые спасли на юге Франции тысячи еврейских и нееврейских детей от голода, туберкулеза и других болезней. Финансирование ОЗЕ подпольной работы во Франции в 1943-44 годах обеспечило поддержку 6 тысячам детей[10].

В то время как закрывались отделения ОЗЕ в Европе, его отделения для помощи жертвам войны и преследований открылись в Нью-Йорке (1940), в Мексике и Палестине (1942), в Канаде (1943). В Англии, где до войны ОЗЕ существовало только для сбора денег, с 1941 г. оно направило свои силы на помощь жертвам бомбардировок Лондона, открывая столовые и полуколонии для детей.

Из всех еврейских благотворительных и патронирующих организаций ОЗЕ, отделения которого в основном находились в Восточной и Центральной Европе, пострадало сильнее всего. Из более чем 2 000 людей, числившихся его сотрудниками, выжили едва ли 250[11]. Во Франции эти потери в основном были связаны с самоотверженной работой по спасению еврейских детей, которая проводилась, невзирая на угрозу смерти и депортации в лагеря уничтожения. В числе погибших была поэтесса Раиса Горлина (урожд. Блох) – она была выслана, когда работала учительницей в доме для еврейских детей.

Определить материальный ущерб, причиненный Всемирному союзу ОЗЕ и его отделениям, еще труднее, чем людские потери. В числе прочего, погиб Центральный передвижной музей здоровья, состоящий из 246 экспонатов, трех небольших передвижных выставок, большой медицинской библиотеки, 29 проекторов и наборов слайдов, общей стоимостью 22 500 ам. долл.[12]. В условиях послевоенного хаоса представители Всемирного союза ОЗЕ устремились в страны Восточной Европы, чтобы восстановить свои организации там, где они существовали до войны, и создать новые в странах, где в них была острая нужда. Однако отделения ОЗЕ в Восточной Европе проработали недолго, так как водворившиеся в этих странах коммунисты национализировали все их имущество. Общие материальные потери Союза ОЗЕ оцениваются в 1 млн 211 тыс. ам. долл.[13]

В 1947-51 годах Юнионом ОЗЕ в Париже руководил Моше Привус. Он координировал оказание медицинской помощи уцелевшим узникам концентрационных лагерей в Европе, а затем евреям–выходцам из стран Северной Африки. Моше, получивший медицинское образование в университетах Тура (Франция) и Варшавы, в 1939 г. в качестве польского военного врача попал в советский плен и в 1940-45 гг. находился в одном из северных лагерей. В конце этого периода работал там главным врачом. Вскоре после освобождения

вернулся в Варшаву, но, узнав о гибели всей семьи в нацистских лагерях, поселился в Париже. Чрезвычайно насыщенной и плодотворной стала деятельность Привеса после переезда в 1951 г. в Израиль. Здесь он стал главным организатором и руководителем высшего медицинского образования, был президентом Беэр-Шевского университета, возглавлял службу здравоохранения Негева, был главным редактором медицинского журнала, активно участвовал в культурном сотрудничестве Франции и Израиля, за что был удостоен ордена Почетного легиона.

---

[1] Литература по ОЗЕ: *Троцкий И.* Самодеятельность и самопомощь русского еврейства // Книга о русском еврействе (от 1860-х годов до революции 1917 г.). Н.-Й.: Союз русских евреев, 1960. С.471–497; *Minkowski E.* Introduction // In Fight for the Health of the Jewish Peaple: 50 Years of OSE / Ed. *Wulman L.* N.Y., 1968. P.5–6; Документы по истории и культуре евреев в архивах Москвы: Путеводитель = Jewish Dosumentary sources in Moscow Archives: A Gide / Научные ред.-сост. *Куповецкий М.С., Старостин Е.В., Марек Веб.* М.: Изд-во РГГУ, 1997. 505 с. (по указ.); *Бейзер М.* Евреи Ленинграда: 1917–1939: Национальная жизнь и советизация. Иерусалим: Гешарим, 5760; М.: Мосты культуры, 1999. 447 с. (По указ.).

[2] *Левина Э.* В вихре мировых событий ("О.З.Е." в Восточной и Центральной Европе) // In Fight for the Health of the Jewish Peaple: 50 Years of OSE / Ed. L.Wulman. N.Y., 1968.P.13.

[3] *Спектор Ш.* ОЗЕ – общество здравоохранения евреев в России: его история до революции 1917 года и в период советской власти // Современное еврейство. Т.6. С.151–183. (Иврит).

[4] *Левина Э.* Указ. соч. P.25.

[5] Озе и Тоз, общества охраны здоровья еврейского населения // Еврейский мир: Ежегодник на 1939 год. Объединение русско-еврейской интеллигенции. Париж, 1939. С.363.

[6] См. о нем статью в рубрике "Наука" настоящей книги.

[7] О Б.Прегеле см.: *Винокур Н.* Фотографии из семейного альбома // ЕВКРЗ. Т.4. С.426–436.

[8] Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1948. Франция / Под общ. ред. *Мнухина Л.*, в сотрудн. с *Гладковой Т.Л., Дубровиной Т.И., Лосской В.К.* и *Струве Н.А.* Тома 1–4. ЭКСМО: М., 1995–1997. (По указателям).

[9] *Mazour E., Ratner O.* L'Union OSE en France // In Fight for the Health of the Jewish Peaple: 50 Years of OSE / Ed. *Wulman L.* N.Y., 1968. P.46–47;

[10] *Gurvic L.* L'OSE : Ses buts et ses activités pendant la période 1912–1945. Unione OSE. Genève, 1947. 49 p.

[11] *D-r L.W.* OSE Losses in Human Life and Property Inflicted by the Nazis // In Fight for the Health of the Jewish Peaple: 50 Years of OSE N.Y., 1968. P.189.

[12] *Там же.* P.191–192.

[13] *Там же.* P.202.

Помощь врачам – жертвам войны и преследований («Энтр-эд-медикаль»)*

Э.Н.Левина (Париж)

Общество здравоохранения евреев – ОЗЕ, как медико-санитарная организация, не могла существовать без участия врачей. Большинство руководителей Общества, сотрудников и друзей, поддерживавших его деятельность, были врачи. Они отдавали ОЗЕ много энергии, времени, а если могли, и средства. Когда же они сами очутились в положении разоренных, все потерявших беженцев, не имеющих права практики, ОЗЕ не могла не отозваться на их трагическое материальное и моральное положение. Так возник при Центральной дирекции ОЗЕ в Париже в 1934 году Отдел помощи врачам – «Энтр-эд-медикаль» (ЭЭМ).

Началась эта работа еще в 1933 г. с помощи студентам-медикам, которые из-за антисемитизма не смогли завершить медицинское образование в высших учебных заведениях стран Восточной Европы. Наступившие в тот момент финансовые ограничения лишили их помощи со стороны семьи и поставили в тяжелое материальное положение. Франция их приняла. Они могли здесь жить и учиться, но не имели права работать и зарабатывать на жизнь.

Дирекция ОЗЕ в Париже решила выдавать медикам двух последних курсов ежемесячное пособие. Комитет по распределению представленных им ОЗЕ средств был избран среди самых заинтересованных студентов. Во главе его стоял доктор Илья Львович Ольшвангер, которого в течение 16 лет существования комитета сменяли другие члены Экзекутивы (Исполнительного комитета. – *М.П.*) – доктора Кремер, Фаерман, Якир и др.

Во Францию, в большинстве случаев при содействии ОЗЕ, приехало довольно большое количество врачей. Растерянные, выбитые из колеи в чужой стране, часто не знавшие ее языка и законов, они, естественно, искали в ОЗЕ моральной поддержки и материальной

---

* «Энтр-эд-медикаль» (франц. entraide médicale) – букв.: «медицинская взаимопомощь»; впервые эта статья была напечатана в кн.: In Fight for the Health of the Jewish Peaple: 50 Years of OSE / Ed. *Wulman L.* N.Y., 1968. P.135–142; публикуется с незначительными редакторскими правками.

помощи. И эту помощь им оказывал Отдел помощи врачам – «Энтрэд-медикаль».

Деятельность ЭЭМ менялась в связи с изменением общих политических событий. Но перед ней всегда стояла трудноразрешимая проблема – будущее врачей-беженцев. Что ждало их во Франции или в стране новой эмиграции, к которой они готовились? Что сделать, чтобы они могли в будущем, не теряя времени, обеспечить существование своих жен и детей, пользуясь профессиональными знаниями, на приобретение которых они потратили столько энергии, средства и молодые годы жизни? Иностранцы, окончившие медицинский факультет за границей и даже получившие диплом во Франции, не имели права практики в этой стране. От них требовались диплом французского бакалавра и натурализация – иными словами, пять лет пребывания в стране. Только тогда их допускали к экзамену, дававшему право получения так называемого «государственного» диплома и право практики.

Трудно представить себе врача, обремененного семьей, практиковавшего в своей родной стране иногда уже четверть века, а то и больше, который решился бы засесть за учебник географии, за решение алгебраических задач или за сочинение о лирике в поэзии Виктора Гюго. На какие средства жить и учиться?.. Но находились смельчаки, которые, поддерживаемые ЭЭМ, преодолевали все трудности и препятствия и приступали к такому экзамену. Им ЭЭМ выдавал специальную стипендию и учебные пособия, оплачивал их подготовительные курсы, печатание тезы* и т.п. В результате, ценою усиленного труда, врачи этой категории получали все права и окончательно обосновывались во Франции. Их, правда, было немного.

Руководители ЭЭМ чутко прислушивались к нуждам врачей и реагировали на них созданием самой разной помощи. Так, узнав о призыве Министерства колоний к французским врачам принять свободные посты в отдаленных французских колониях, дирекция ОЗЕ вошла в переговоры с властями о допущении на эти посты бесправных иностранных врачей. В результате человек 20 евреев-иностранцев были устроены на государственную службу с правом частной практики среди местного населения. После пяти лет работы в колониях, эти врачи имели право вернуться во Францию, получить французское гражданство и право на известные льготы для получения «государственного» диплома. На собранные в колониях средства они открывали кабинеты в Париже или в провинции.

---

* La thèse – диссертация (фр.), здесь, по-видимому, дипломная работа.

К другой группе относились врачи, большей частью обремененные семьями, которые вынуждены были отказаться от звания врача и искать заработков. При содействии ЭЭМ они научались какой-нибудь специальности, более или менее близко стоящей к медицине («парамедикаль»), дающей право на работу во Франции. Им ЭЭМ помогал научиться массажу, гимнастике, медицинскому педикюру, кустарному производству различных фармацевтических продуктов «красоты» – мази для лица и рук, средства для ращения волос и т.п.

Были и такие врачи, которые колебались, присматривались к ходу событий, прежде чем принять окончательное решение. Но большинство из них ждало возможности дальнейшей эмиграции – в Канаду, Австралию, Южную Америку, а чаще всего в США. Попасть в Палестину в то время было почти невозможно.

Ждать получения визы, особенно в США, приходилось подолгу – иногда год и два. Чтобы врачи не теряли времени и – что еще важнее – чтобы томительное ожидание, неизвестность будущего, неуверенность в возможности осуществления планов и бездеятельность не деморализовали окончательно подавленных и морально пришибленных эмигрантов, ЭЭМ открыл для них вечерние курсы английского языка, где желающие одновременно готовились к предстоящему по приезде в страну эмиграции медицинскому экзамену, без которого в большинстве заокеанских стран врачи-эмигранты не имели права практики. С такой подготовкой эти врачи приступали к экзаменам и к работе вскоре по приезде в чужую страну.

Так работал отдел помощи врачам при ОЗЕ в Париже до начала войны. Одни врачи уезжали, другие приезжали. Особенно много приехало в 1938 г., после захвата Гитлером Австрии. Количество врачей, опекаемых ЭЭМ, росло и с ростом популярности организации. Довоенные архивы ОЗЕ были захвачены оккупационными властями или уничтожены самими сотрудниками ОЗЕ из предосторожности, и теперь трудно сказать, скольким врачам ЭЭМ помог за довоенный период. Приблизительно их было человек 300, а с членами семей – 450–500.

Деятельность ЭЭМ продолжалась и во время оккупации и после окончания войны, но носила уже другой характер.

С первых дней объявления войны немецкие и австрийские подданные во Франции жили под угрозой интернирования во французские лагеря. Но французские власти принимали гарантию ОЗЕ в политической лояльности отдельных лиц, и таким образом ЭЭМ освобождал их от интернирования. Когда же эта мера приняла массовый характер, ОЗЕ открыло специальный подотдел под руководством госпожи Грумбах, очень влиятельной в то время и пользо-

вавшейся большим доверием и уважением политической деятельницы. Благодаря вмешательству ЭЭМ многие врачи, подданные вражеских стран, не попали в лагеря или освобождались оттуда. Это помогло им впоследствии, на свободе, легче защищать себя, укрыться и избегнуть опасности депортации.

Во время оккупации немецкими войсками Парижа, в первые ее дни, дирекция ОЗЕ, а с нею и ЭЭМ, переехали в Виши, но ненадолго. В течение всех лет оккупации ОЗЕ приходилось перекочевывать с места на место, из одного города в другой. В Виши евреям нельзя было оставаться из-за близости правительства Петена; в Монпелье после оккупации так называемой свободной зоны – из-за возможности высадки Армии Освобождения; из департамента Канталь пришлось перекочевать в Шамбери (От-Савуа), потому что префект не желал иметь в своем департаменте «бандитов», т.е. евреев и их организацию. Но при каких трагических обстоятельствах ни кочевал бы ЭЭМ и где бы этот отдел ни устраивался хотя бы на короткое время, нуждающиеся в его помощи врачи находили его. Часто ЭЭМ при помощи сети сотрудников ОЗЕ, работавших во всех департаментах Свободной зоны Франции, сам разыскивал врачей, нуждавшихся в его помощи. Если они прятались в какой-нибудь глухой деревушке, если они находили себе работу сторожа, дровосека, рабочего на ферме, они кое-как пробивались и больше всего нуждались в моральной поддержке, в сознании, что связь с ЭЭМ не порвана, и, если грянет беда, ЭЭМ позаботится об оставшихся в живых членах семьи и приютит их детей.

Работая в концентрационных лагерях Южной зоны Франции, сотрудники ОЗЕ привлекали к своей работе интернированных врачей. Как все нуждающиеся коллеги, они получали от ЭЭМ небольшое ежемесячное пособие, которое впоследствии позволило причислить их к списку сотрудников, требуемому правительством Виши, и таким образом спасти от депортации.

В лагере Гюрс удалось получить барак, в котором ЭЭМ оборудовал своего рода клуб, или, вернее, уголок для врачей, где они могли уединиться и на время отдохнуть от кошмара окружающей обстановки, почитать газету, поиграть в шашки. Эта моральная помощь интернированным врачам очень ценилась ими.

Позже, в 1943 г., когда среди интернированных стали все больше появляться больные, страдавшие от голода, ЭЭМ оборудовал в лагере Гюрс специальную кухню для врачей. Это с трудом осуществимое в то голодное время, довольно примитивное усиленное питание все же спасло многих врачей от голодной смерти.

Во время оккупации существовали также так называемые «трудовые лагеря». Оттуда, под ответственность дирекции ОЗЕ, можно было нанимать работников бюро или сельскохозяйственных рабочих в детские дома. ОЗЕ и здесь выручило нескольких врачей. Вообще оно было начеку и не упускало ни одного случая, ни одной возможности облегчить горькую участь еврея-врача. Так, например, получив однажды из какой-то глухой деревни просьбу о помощи от врача, отца двух детей, не имевшего средств к существованию, руководители ЭЭМ были поражены жизнеописанием просителя. Было ясно, что проситель – очень скромный молодой ученый. Его вместе с семьей немедленно переселили в Монпелье, где среди профессоров медицинского факультета было немало участников Сопротивления. ЭЭМ предоставил ему стипендию, а медицинский факультет – возможность продолжить свою научную работу и, до некоторой степени, защиту от преследований. Сейчас же после освобождения Франции он занял высокий пост в Сорбонне и издал свой научный труд. Были и другие стипендиаты, даже среди студентов-медиков, которым ЭЭМ помог во время оккупации и преследования евреев сдать при медицинском факультете в Монпелье экзамены и получить диплом врача.

Параллельно с легальной работой ЭЭМ во время оккупации вел усиленную подпольную деятельность. Посыпались ежемесячные почтовые мандаты по фальшивым именам во все концы южной зоны Франции, уже оккупированной немецкими войсками; выдавались фальшивые документы; платились большие суммы за нелегальный переход границы врачами (в Швейцарию или в Испанию). А тем, кто в средствах не нуждался, ЭЭМ представлял «пассеров» (проводников), к которым ОЗЕ приходилось непрерывно прибегать для спасения детей.

После окончания войны и освобождения Франции от оккупационных войск в Париж хлынула волна пострадавших евреев, а среди них и врачей. Кого только среди них не было! Французы и иностранцы, молодые и старые, больные и здоровые, но измученные преследованиями и постоянной угрозой депортации, изнуренные голодом и холодом, годами прятавшиеся в подвалах, на чердаках и в темных углах. Были и спасшиеся от смерти в немецких лагерях, потерявшие близких, потерявшие все, что у них было и чем они жили до войны. Почти все они были подавлены пережитым и далеко не готовы начать жизнь сначала...

Сотрудники ЭЭМ встречали их с распростертыми объятьями, радуясь каждому спасшемуся от гибели врачу, стараясь помочь им как можно скорее вернуться к нормальной жизни и работе. В этот

период каждому врачу предоставлялись средства к существованию; им покупались нужные вещи; их посылали в дома отдыха; их лечили, разыскивали членов их семей (через ОЗЕ в Швейцарии), им, по возможности, ни в чем не отказывали.

В этот тяжелый период ЭЭМ начал помогать и вдовам врачей.

Французское правительство тоже очень сочувственно встретило пострадавших врачей. Французские граждане получили единовременно значительную сумму; для иностранцев был издан временный закон о допущении врачей, «оказавших услугу Франции», – воевавших в рядах участников Сопротивления, вернувшихся из немецкого плена или из депортации, – к сильно сокращенному экзамену по медицине. Предварительно требовалось сдать вместо французского диплома бакалавра экзамен по общей французской культуре и подать прошение о натурализации.

Если к медицинскому экзамену врачи, часто уже много лет практиковавшие, были более или менее готовы, то экзамен по общей культуре требовал подготовки – особенно у плохо владевших французским языком. На такую подготовку ЭЭМ давал нужные средства: расходы на жизнь, учебные пособия, оплату преподавателей. После получения государственного диплома и права практики ЭЭМ выдавал врачам комплект медицинских инструментов и ссуду, которую они обязывались выплачивать в течение двух лет. Ссуда позволяла им оборудовать, правда скромно, кабинет и приступить к работе.

Среди врачей, приехавших во Францию после войны, было очень много поляков. Эвакуированные в начале войны советскими властями в глубь России, работавшие под конец войны как врачи в польских военных отрядах, они вернулись после окончания войны на родину в надежде найти свой дом и своих близких. Но большинство из них не нашли в разрушенной Польше ничего, кроме тяжелых воспоминаний о погибших. Естественно поэтому их стремление уехать «куда глаза глядят». Получив транзитную визу во Францию, они здесь много месяцев подряд – а то и год и два – выжидали визу в какую-нибудь страну эмиграции. Когда привезенных с собой средств не хватало больше на такое длительное пребывание во Франции без права зарабатывать на жизнь, врачи стали обращаться за пособием в отдел помощи эмигрантам при Кожазоре*, располагавшим предоставленными ему Джойнтом средствами. ЭЭМ за все время

---

* Кожазор (COJASOR) – Еврейский комитет социального действия и реабилитации (Comité Juif d'Action Sociale et de Reconstruction). (Благодарим госпожу Danièle Bismuth за эту информацию. – *Ред.*).

своей деятельности ни от одной организации никакой субсидии не получал и только в 1946 г. вошел в переговоры с Кожазором, который согласился предоставить ему суммы для врачей-транзитеров. В первый же месяц отдел помощи транзитерам при ЭЭМ зарегистрировал 79 врачей, а вместе с членами их семей – 170 эмигрантов.

В ЭЭМ врачи-транзитеры встречались со своими коллегами, делились всякими сведениями, касающимися выбора страны эмиграции или получения визы, обсуждали сообща планы на будущее. При ЭЭМ в их распоряжении были библиотека и читальня, где имелись медицинские книги и журналы не только на французском, но и на польском, русском, немецком, английском и др. языках. В помещении ОЗЕ они могли прослушать доклад на интересующую их медицинскую тему или могли сами его прочесть. Так, следя за прогрессом в медицине, они не отставали от своих практикующих коллег, и их поддерживало сознание, что по приезде в страну эмиграции они смогут спокойно приступить к работе.

Если в Израиле требовался врач-специалист по той или иной отрасли, ЭЭМ помогал кандидату предварительно окончить соответствующий курс при медицинском факультете в Париже, оплачивая курсы, учебники и прочие расходы.

Возможностью специализироваться пользовались и врачи, получившие право практики во Франции или готовящиеся устроиться в Париже или в провинции. Вообще ЭЭМ всегда был готов прийти на помощь врачу при нарушениях его скромного бюджета, будь это болезнь, рождение ребенка, печатание диссертации или поездка в провинцию в поисках работы. ЭЭМ не имел ни в одной стране отделений. Если надо было помочь врачу, например в Швейцарии, это делалось через соответствующее отделение ОЗЕ. Таких случаев, правда, было немного.

Хочется верить, что разбросанные по всему свету сотни врачей, пользовавшиеся в свое время помощью Юниона ОЗЕ, оценили и не забыли его благотворную роль в тяжелую минуту их жизни.

НАУКА

Ари Штернфельд – пионер космонавтики
Годы жизни во Франции

Эльвира Берман-Штернфельд (Израиль)

Александр Безредка (1870 – 1940)

Е.Лагранж (Бельгия)

Эль Наумович Шляхов в Институте Пастера

Юлия Систер (Израиль)

Зельман Вайнберг –
химик, предприниматель и благотворитель

Бецалель Гендлер, Юлия Систер (Израиль)

Ари Штернфельд – пионер космонавтики
Годы жизни во Франции

Эльвира Берман-Штернфельд
(Кириат-Экрон, Израиль)

Ари Штернфельд (1932)

Ари Штернфельд (1905 – 1980) – пионер космонавтики, получивший всемирную известность и признание. Почетный член Академии и Общества наук Лотарингии (1961), доктор Honoris Causa Нансийского университета (1961), Политехнического института Лотарингии (1978), а также Академии наук СССР (1965), лауреат международных премий по астронавтике (1934, 1962), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1965), почетный гражданин города Серадз, где он родился. Его научные и научно-популярные труды были опубликованы на 40 языках в 39 странах всех пяти континентов; по орбитам, рассчитанным им задолго до начала космической эры, полетели первые искусственные спутники Земли; его именем назван кратер на Луне.

Он прожил сложную и полную парадоксов жизнь, а признание пришло к нему лишь в последние ее годы. С юных лет увлекся Ари Штернфельд идеей полета в космос и посвятил ей свою жизнь. Ари Абрамович Штернфельд был человеком четырех культур: еврейской, польской, французской и русской. Но именно еврейство определило весь его жизненный путь. Даже мысль о полете на Луну возникла у него впервые в раннем детстве, когда он молился вместе с отцом. В начале каждого месяца, повернувшись лицом к восходящему лунному серпу, он подпрыгивал с молитвой на устах быть таким же недосягаемым для врагов, как Луна недосягаема для них. Но враги настигли: семья его, как и семья его жены и миллионов

других евреев, погибла в Катастрофе. Судьба его самого, его жизненный путь были необычны.

Он родился в 1905 г. в городе Серадз, принадлежавшем бывшей Российской империи (в настоящее время – территория Польши). Род Штернфельдов восходил к знаменитому Рамбаму, что подтверждалось домовой книгой, хранившейся в семье и пропавшей в Лодзинском гетто[1]. Отец Ари, Абрам, был человеком религиозным, слыл в своей среде несравненным толкователем Талмуда. Мать, Эстер, в девичестве Раппапорт, хоть и не получила специального образования, была начитанна и интеллигентна. Отец мечтал, что единственный сын (у Ари было еще три сестры) будет раввином, а мать хотела дать сыну также и хорошее светское образование. Поэтому уже с раннего возраста Ари многому учился. Он ходил в хедер, а домой приходил учитель математики, польского и музыки. Когда разразилась Первая мировая война и военные действия приблизились к городу, семья перебралась в Лодзь, где жили дедушка и бабушка.

Здесь Ари поступил в еврейскую гуманитарную гимназию, дававшую два полных аттестата – по иудаике и общеобразовательным предметам. Учеба в гимназии давалась Ари легко. Он был склонен к точным наукам. *"Часто, сидя над латынью,* – вспоминал Штернфельд, – *я ловил себя на том, что мои мысли <...> сосредотачиваются на одном предмете – ракетах"*[2]. В старших классах гимназии он задумывался о том, до какой степени целесообразно увеличивать в ракете запас топлива. Были и другие идеи, развитые им впоследствии, например, о возможности определить расстояние ракеты от Солнца с помощью высокочувствительного бортового термометра.

Школьных курсов физики и математики ему уже не хватало, и он стал посещать вечерние лекции по теории относительности. В 17-летнем возрасте Ари прочел по-немецки две книги на эту тему. Одна из них была работа А.Мошковского об Альберте Эйнштейне, другая – монография самого А.Эйнштейна "О специальной и общей теории относительности". Обе изданы были в Германии в 1921 г. Многое в этих книгах было непонятно, и Ари отважился написать великому физику, не очень надеясь на ответ. Но вскоре он получил открытку, написанную Эйнштейном от руки. И хотя ему удалось расшифровать каждое слово, вспоминал Штернфельд, в то время смысла он так и не понял. Но впоследствии целую главу в своей монографии Штернфельд посвятил теории относительности в приложении к космонавтике.

Уже во время учебы в гимназии его стали приглашать к отстающим ученикам. Частные уроки позволяли ему оплачивать учебу и были подспорьем для семьи с далеко не блестящим финансовым положением.

После окончания гимназии Ари хотел поступить в Варшавский Политехнический институт, но из-за существовавшей процентной нормы не смог. Поступил на философский факультет Ягелонского университета в Кракове.

Однако желание изучать не только естественные, но и технические науки, безуспешные поиски подработки привели к тому, что, закончив первый курс университета, весной 1924 г. Ари уехал во Францию, чтобы продолжить учебу в Институте электротехники и прикладной механики в Нанси, славившемся высоким уровнем преподавания технических дисциплин. Директор института "Отец Вогт", как его любовно называли студенты, освободил юношу от вступительных экзаменов, зачтя первый год учебы в Ягелонском университете. Плату за обучение можно было вносить по завершении учебы. Счастье Ари было омрачено лишь недостаточным знанием, а точнее незнанием, французского. До начала занятий оставалось несколько месяцев, но заняться изучением языка не было времени. Нужно было заработать на жизнь на предстоящий учебный год и на помощь обедневшим родителям.

Приехав в Париж и зарегистрировавшись в эмигрантском бюро (под номером Д1-906028), Ари сразу начал работать грузчиком на Центральном рынке, знаменитом "Чреве Парижа". Работал он с утра до ночи, а заработок был минимальный. В поисках другой работы Ари отправился на большой машиностроительный завод, где представился сверлильщиком: соответствующим фиктивным документом он запасся еще в Лодзи. Но обмануть мастера оказалось непросто. Ари привели к сверлильному станку, дали инструмент, огромную заготовку и попросили показать, что он умеет. Он попытался включить огромный станок, наблюдая, что делают за соседним станком, и ... неожиданно получил сильный удар от мастера. Не было и речи, чтобы его приняли на работу на этом заводе. Но после того как ему, хоть и с трудом, удалось объяснить, что он студент и очень нуждается в практике, ему разрешили понаблюдать за работой других. Этого оказалось достаточным, и его взяли обслуживать строгальный станок на другом небольшом предприятии. Проработав там всего две недели, он рискнул обратиться на крупнейший автомобильный завод "Рено", где заработки были выше. Он успешно сдал экзамен на квалифицированного рабочего и проработал на заводе вплоть до начала учебного года. Работа была тяжелой.

В цеху все рабочие были иностранцами и говорили между собой на своих родных языках. Это мешало освоить французский. Поэтому занятия в университете оказались настоящим испытанием. Из лекций профессоров лишь небольшая часть доходила до сознания. К сложностям следует добавить и то, что наступили холода, а отапливать комнату было не по карману. Чтобы, углубившись в книги, меньше страдать от холода, Ари ставил ноги, обутые в многократно им же самим починенные ботинки, в две большие картонки со смятыми газетами.

Питался он плохо, покупал картошку подешевле, слегка подпорченную или подмороженную. Обед в студенческой столовой казался ему роскошью. Студенты прозвали его "бородач", так как из соображений экономии денег и времени он отпустил бороду. Все время, свободное от лекций, просиживал он над книгами в студенческой библиотеке.

Закончился первый учебный год. Из 148 студентов, зачисленных на первый курс, на второй были переведены 58, среди них Штернфельд занимал лишь 33 место. Забегая вперед, заметим, что институт закончил он блестяще, будучи вторым по списку.

Во время студенческих каникул Ари вновь отправился на заработки в Париж. Работал на автомобильном предприятии "Либерти". Работа была успешной, он даже сделал изобретение, касающееся ленточного тормоза, которое сразу было использовано в технологическом процессе. Штернфельд настолько блестяще справился с первым инженерным заданием, что был приглашен работать на следующее лето, чем и воспользовался, приняв на этот раз деятельное участие в разработке новой конструкции мотоцикла.

Занимаясь науками и различными техническими проектами, Штернфельд ни на минуту не расставался с идеей о полетах в космос. Днем он учился, вечера посвящал астронавтике. Это была не абстрактная мечта, а конкретные расчеты и чертежи. В своих воспоминаниях об этом периоде Ари Штернфельд писал:

"Мои коллеги, замечая схемы, которые я чертил и в перерывах между лекциями, и в своей маленькой комнатушке, считали меня неизлечимым фантастом, более того – безумцем. Не забудем того, что в те годы перелет через Атлантический океан станет сенсацией, которая взбудоражит мир. А тут какой-то одержимый доказывает реальную возможность овладения Вселенной"[3].

Получив диплом инженера-механика в июле 1927 г., Ари возвращается в Париж. Он работает технологом на автомобильном заводе "Белланже", в конструкторском бюро Жерстера, на акционерных предприятиях "Бетик" и "Вандэвр". Разрабатывает различное

оборудование: автомат для покрытия лаком искусственного жемчуга, станки для обработки дерева, для изготовления деревянных колес, универсальный станок для изготовления бочек, которые принципиально отличались от громоздких существующих устройств. Он всегда находил оригинальные решения, не одно из них было признано изобретением (патент 353.059, Бельгия, 1928 г.; патент 364.907, Бельгия, 1929 г.). Выполнив несколько серьезных заказов, Штернфельд вернул свой долг университету Нанси и студенческому обществу, немало удивив этим его руководителей: по традиции эти долги никогда не возвращались и списывались бухгалтерией под рубрикой "субсидии"[4].

В 1928 г. Штернфельд поступает в докторантуру в Сорбонну для работы над диссертацией о проблемах космических полетов. Готовя материалы для диссертации, Штернфельд обратился во французский Центральный исследовательский институт с просьбой сообщить ему, где в мире занимаются проблемами космических полетов, и получил ответ – нигде. Он начал собирать сведения среди тысяч книг и статей, проводя много времени в старейшей библиотеке Святой Женевьевы. Здесь он нашел труды, написанные в XV, XVI веке по истории и технике ракетного дела, обнаруживал космическую тематику в фольклоре, древнейших преданиях. Самостоятельно проводил математические расчеты, а чтобы лучше понять влияние перегрузок на организм человека, он даже сам подвергался испытаниям на центрифуге аэродинамической лаборатории в Сен-Сире под Парижем, где была специальная Военная школа, готовящая офицеров. Чтобы смягчить перегрузки, Штернфельд предложил антигравитационный "индивидуально пригнанный футляр" для экипажа космического корабля. Идея эта нашла впоследствии применение.

Руководителями диссертации были академик Кениг и профессор Оклер, которые хоть сами и не занимались интересовавшими его вопросами, но были известны как ученые с широкими научными интересами. Они согласились с планом исследований Штернфельда – молодого инженера, уже известного изобретателя. В течение трех лет аспирантуры Штернфельд часто встречался со своими руководителями, но встречи эти не носили характера консультаций, а были скорее монологами, в которых он знакомил профессоров с результатами своих исследований.

В эти годы Штернфельд пропагандирует свои взгляды на космонавтику, выступая с лекциями, в частности, в Еврейском рабочем университете "Культур Лига". Объявления об этих лекциях, вызывавших большой интерес, печатались в одной из газет французской

компартии, а названия девяти из них, прочитанных в 1929 – 1931 гг. на идиш, сохранились в архиве ученого. Нередко по воскресеньям Штернфельд сопровождал группы посетителей Музея техники ("Arts et Mé- tiers"), где излюбленной темой Штернфельда был транспорт будущего – реактивные самолеты, от которых он переходил к рассказам о космических полетах. Рассказы эти вызывали снисходительные улыбки слушателей. В конце двадцатых – начале тридцатых годов А.Штернфельд пытается убедить общественность в реальности космических полетов и в необходимости исследования Человеком космического пространства. Он публикует цикл статей на эту тему в журналах "Les Ailes", "Aéro", "La nature", "La Technique Aéronautique" на французском языке и в газетах на идиш "Naie Press", "Parizer Haint"; Штернфельд становится известным в инженерных кругах. Его приглашают работать в Национальное бюро научных исследований в Бельвю. Приглашение это произошло при забавных обстоятельствах. Однажды в марте 1930 г. в гостиничном номере, где жил Штернфельд, появился высокий мужчина с черной бородкой – руководитель отдела упомянутого бюро. Он застал Штернфельда за странным занятием: тот стоял на табуретке, поставленной на стол, и превращал потолок в модель Солнечной системы: лампочка представляла Солнце, картонные кружочки – планеты, а отработанная лента от пишущей машинки – их орбиты. "Мефистофель" – подумал Штернфельд, увидя нежданного гостя. И точно: тот стал соблазнять Штернфельда предложением работы. Условия показались Штернфельду весьма заманчивыми: он получал возможность работать неполный день и оставшееся время использовать на свои исследования. Гость – Константин Шиловский – оказался российским эмигрантом, известным изобретателем, получившим вместе с физиком Полем Ланжевеном патент на гидролокатор, который использовался для обнаружения подводных лодок во время Первой мировой войны. Впоследствии Шиловский был награжден

PRIX GALABERT - INTERNATIONAL - D'ASTRONAUTIQUE

Il a été décerné au titre de 1962 à Monsieur Ary Sternfeld

Pour son œuvre de pionnier mondial de l'astronautique

Nous saluons en Monsieur Ary Sternfeld un éminent serviteur de la Science et du Progrès.

LE PRESIDENT DU JURY : LE FONDATEUR :

Диплом Ари Штернфельда о присуждении ему международной премии Галабера по космонавтике за 1962 г.

орденом Почетного легиона. У Шиловского Штернфельд работал экспертом-математиком до лета 1931 г.

К этому времени Штернфельд выполнил огромное количество расчетов и собрал уже достаточно материала для окончательного оформления своей диссертации. Но совершенно неожиданно оба руководителя объявили, что ни они, ни кто другой из профессоров университета не могут взять на себя ответственность за научность темы о космических полетах. Они предложили изменить тему диссертации, заняться теорией резки металлов, обещали повышенную стипендию. Но никакие земные блага не могли заставить Штернфельда отказаться от своей юношеской мечты. Он решает продолжать исследования на свой страх и риск. В этом решении его поддержала его будущая жена – Густава Эрлих. Случилось так, что Густава, как и ее будущий муж, приехала в Нанси из Лодзи в том же 1924 г. Поступила на литературный факультет Нансийского университета, подрабатывала на макаронной фабрике и, помимо лекций в университете, посещала курсы французского языка в "Alliance Française", где впоследствии сама преподавала. Случайно они поселились в одном и том же доме, познакомились, но на встречи времени не было: Густава была занята еще и общественно-политической деятельностью. Она стала активным членом компартии Франции, являясь секретарем ее Польской секции в Нанси. В 1926 г. за участие в рабочей делегации на переговорах с дирекцией фабрики была уволена с работы. Тогда она решила перебраться в Париж, чтобы продолжить учебу в Сорбонне. Густава окончила Сорбонну, получив два диплома – воспитателя отстающих в развитии детей и преподавателя французского для иностранцев. Увлекаясь идеей интернационализма, она включилась в движение эсперантистов, считая, что именно этот язык поможет сближению народов. И вот однажды чудесный случай свел их. Ари, задумавшись как обычно, переходил бульвар Saint Michel и чуть не попал под машину. В последний миг кто-то схватил его за руку. Это была Густава. С тех пор встречи их становились все чаще. Вместе ходили они в Оперу, "Comedie Française", на спектакли гастролировавшего московского театра "Габима", игравшиеся на иврите. Были и на выступлении Маяковского в театре "Одеон", где он читал свою поэму "Хорошо". После концерта они подошли к Маяковскому и расспрашивали его о Стране Советов – Густава говорила по-русски и служила переводчиком.

Густава проявляла большой интерес к идее Ари о проникновении человека в Космос, верила в ее реальность. Она стала его незаменимой помощницей. До последних дней своей жизни была она

редактором его научных и научно-популярных работ, вела всю его деловую переписку, будь то на французском, польском, русском или идиш. Она же отредактировала и его первую научно-популярную статью, появившуюся в газете "Юманите" 19 августа 1930 г. В этой статье о межпланетных полетах под заголовком "Вчерашняя утопия – сегодняшняя реальность" Штернфельд впервые пишет о приоритете К.Э.Циолковского и помещает его фотографию. Фотографию, наклеенную на картонку, на обороте которой Константин Эдуардович рукой своей написал "1857" (год рождения ученого), он прислал Штернфельду по его просьбе специально для этой статьи. В те годы во Франции книг Циолковского не существовало. Ведь он издавал и распространял свои труды сам, за свой счет. Несколько пакетов со своими книгами и брошюрами он послал Штернфельду в Париж. Со временем Штернфельд передал их Парижской Национальной библиотеке, лично проследив, чтобы они попали в каталог. Кстати, именно труды Циолковского послужили толчком для изучения Штернфельдом русского языка. А его книга "Исследование мировых пространств реактивными приборами", изданная в 1926 г., стала первой, прочитанной Штернфельдом на русском языке. Дружеская переписка между ними длилась многие годы. А письма Штернфельда Циолковскому хранились, по крайней мере, до 70-х годов, в архиве Академии наук СССР.

Чтобы иметь возможность сконцентрироваться исключительно на работе по оформлению результатов своих исследований, Штернфельд в августе 1932 г. уезжает к родителям в Лодзь. Он работает в маленькой полутемной комнате, куда со двора-колодца врываются дурные запахи, работает днями и ночами, доводя себя до изнурения. Если в Париже он пользовался для вычислений электрической счетной машинкой и много часов работал в Национальной библиотеке, где в его распоряжении был огромный справочный аппарат, то в Лодзи не было даже приличной библиотеки. С трудом достал он единственную в городе семизначную таблицу логарифмов и арифмометр.

Тем не менее через полтора года монография была закончена. Семья не только не противилась его "сумасбродной" идее, но по мере возможности старалась помогать. Жена Густава редактировала текст, старшая сестра Франка перепечатала всю рукопись. Объем ее получился внушительным – 487 машинописных страниц. Младшая любимая сестра Бэлла, художник по призванию, старалась помочь в оформлении, выполняя чертежи. Мысли и слова брата она схватывала на лету. Вместе с ним мечтала о космических полетах и воплощала эти мечты, рисуя будущих космонавтов на фоне летательных аппаратов и звездного неба. Она была ученицей известного лодзинского художника Кароля Хиллера, друга семьи

Штернфельдов. За эту дружбу К.Хиллер впоследствии поплатился жизнью. Немец по происхождению, он был арестован гестапо за сотрудничество с евреями и расстрелян. Картины его выставлены в Музее современного искусства в Лодзи. В начале 30-х годов он выполнил по проекту Штернфельда оригинальную обложку для его монографии. На рисунке в графической композиции был представлен ряд формул, величины трех основных космических скоростей, а внизу профиль сверхзвукового сопла ракеты – фундамента космонавтики. Фамилию автора монографии обрамляет открытая им обходная траектория для полетов к Солнцу[5].

Рукопись была написана на французском языке и называлась "Initiation à la Cosmonautique" ("Введение в космонавтику"). Кстати, термин "космонавтика" не употреблялся в то время ни в русском, ни во французском языках. Ари Штернфельд ввел его, считая более точным, чем употреблявшиеся в то время термины "астронавтика" и "звездоплавание".

В монографии многие вопросы были разработаны впервые: теория межпланетной световой сигнализации, теория составной ракеты. Впервые была доказана теоретическая возможность перелета к ближайшим звездам и обратно в течение одной человеческой жизни. Впервые вычислены энергетически наиболее выгодные межпланетные траектории, позволяющие уменьшить необходимую мощность ракеты, а потому требующие постройки ракет несравненно более легких и менее сложных. Рассмотрен еще целый спектр вопросов, связанных с межпланетными полетами.

Основные идеи, изложенные в монографии, были доложены Штернфельдом в Астрономической обсерватории Варшавского университета 6 декабря 1933 г. И хотя ошибок в докладе обнаружено не было, тема космических полетов показалась слишком фантастической и не вызвала большого энтузиазма.

Штернфельд пытался найти издателя для своей монографии, но безуспешно. О том, чтобы работать в Польше над проблемами космических полетов, нечего было и думать.

Он вновь возвращается в Париж. Больших усилий стоило ему убедить французских ученых в правоте своих концепций. Первым, к кому обратился Штернфельд, был Поль Ланжевен, к тому времени уже академик, с ним Штернфельд познакомился, работая в Национальном исследовательском бюро у Шиловского. В беседах с Ланжевеном Штернфельд изложил свои концепции. Ланжевен, одобрив их, предложил план действий. Он посоветовал представить рукопись монографии Комитету астронавтики при Французском астрономическом обществе, а также послать копии монографии ряду ученых, в том числе Герману Оберту и Вальтеру Гоману, что

Штернфельд и сделал. Вскоре он получил от них положительные отзывы.

Но он хотел доказать правоту своих концепций не только отдельным ученым, а выступить с докладами во французской Академии наук. Это был дерзновенный замысел: ведь до этого проблемы космических полетов не обсуждались на заседаниях ни одной академии, и не было прецедента, на который можно было бы сослаться. По существующим правилам для выступления в Академии требовалось, чтобы доклад был представлен одним из ее членов. Предстояло убедить кого-либо из академиков в важности и правильности предлагаемого материала. Чтобы установить необходимые контакты, Штернфельд стал посещать лабораторию лауреата Нобелевской премии академика Жана Перрена. Здесь, на улице Пьера Кюри в Латинском квартале, по четвергам за чашкой чая, приготовленного в колбах на газовых горелках, собиралась молодежь. В этих знаменитых традиционных четвергах принимали участие Фредерик и Ирена Жолио-Кюри, Франсис Перрен, Мария Кюри-Складовская и другие известные ученые. Жан Перрен одобрил первый доклад Штернфельда и 22 января 1934 г. представил его на заседании Академии наук. Доклад назывался "Метод определения траектории объекта, движущегося в межпланетном пространстве, наблюдателем, находящимся на этом объекте". Впервые в стенах Академии наук обсуждалась космическая тематика.

С другим докладом "О траекториях, позволяющих приблизиться к центральному притягивающему телу, исходя из заданной кеплеровской орбиты" оказалось сложнее. Жан Перрен согласился представить и его, но директор Парижской астрономической обсерватории Эрнест Эсклангон признал идею Штернфельда ошибочной и даже назвал ее автора "шарлатаном науки". В своем докладе Штернфельд доказывал, что полет к центральному светилу по траектории с предварительным удалением оказывается энергетически более выгодным, чем полет по траектории, непосредственно ведущей к цели. В современной космической науке такие траектории получили название "штернфельдовских", а в то время ему, 29-летнему инженеру, нужно было доказать правильность полученных результатов будущему президенту Французской Академии наук Э.Эсклангону. Штернфельд так описывает свой визит к директору обсерватории:

«Эсклангон не пригласил меня в свой кабинет <...> он вышел ко мне в холл. Возмущенный, держась обеими руками за голову и покачивая ею, он заявил, что не хочет иметь со мной никакого дела. Я все же не ушел и, стоя у дверей кабинета, защищал свою идею. Эсклангон между тем неохотно, но все же пригласил меня в кабинет. Усевшись за рабочий стол, он стал меня слушать с

заметно возрастающим интересом и, наконец, произнес: "Ваш доклад может быть представлен Академии"»[6].

В результате 12 февраля 1934 г. он сам и представил Секции небесной механики Академии второй доклад Штернфельда. Вскоре оба эти доклада были опубликованы в Трудах Академии и нашли отклик в международной научной прессе.

2 мая 1934 г. в аудитории "Декарт" в Сорбонне, где всего несколько лет назад ему было отказано в защите диссертации, Штернфельд прочел лекцию на тему "Некоторые новые взгляды на астронавтику". Лекция была организована Габриэль Фламмарион, супругой и помощницей Камиля Фламмариона, известного французского астронома, чьим именем названа обсерватория в Жювизи под Парижем. На лекции присутствовали многочисленные представители ученого мира, и Штернфельд услышал много комплиментов в свой адрес. Так, благодаря за интересную лекцию, академик П.Гельброннер сказал: *"Вы в такой же степени поэт, как и реалист. Вы верите в идеалы будущего, и я желаю Вам надолго сохранить этот творческий запал"*[7].

На лекции этой присутствовал и академик Робер Эно-Пельтри, ученый, летчик, создатель первого моноплана, автор фундаментального труда "Астронавтика"[8]. Эно-Пельтри и его друг банкир Андре Луи-Гирш еще в 1925 г. учредили международную премию по астронавтике, первым лауреатом которой стал Герман Оберт. А в 1934 г. ее получил Ари Штернфельд за монографию "Введение в космонавтику". Присуждение этой премии состоялось 6 июня 1934 г. в самой большой аудитории Сорбонны "Амфитеатр Ришелье" на годичном собрании Французского астрономического общества. Одну из глав монографии, "О теории относительности в приложении к космонавтике" рецензировал профессор Франсис Перрен, сын Жана Перрена, ставший впоследствии комиссаром по делам атомной энергии. В ней Штернфельд на основании теории относительности пришел к выводу о возможности достижения звезд в течение человеческой жизни. Этот вывод был противоположным тому, к которому ранее пришел Эно-Пельтри. Но это не повлияло на подход ученого к представленной монографии. Наоборот, он преподнес Штернфельду свой фундаментальный труд "Астронавтика" (1930), попросив проверить все формулы. А указанные Штернфельдом исправления Эно-Пельтри поместил в свою книгу "Астронавтика. Дополнения". В своих воспоминаниях Штернфельд отзывается об Эно-Пельтри не только как о крупном ученом, но и как о человеке большой души. Там же он вспоминает историю, которую рассказывал Эно-Пельтри, характеризуя ментальность своего поколения.

"Когда в последние годы прошлого века я пропагандировал идею автомобиля, утверждая, что поезд едет, поедет и автомобиль, мне возражали: возможно, но это совершенно разные вещи. Ведь поезд движется по рельсам!

Когда я, одним из первых разрабатывая конструкцию самолета, говорил: автомобиль движется, полетит и самолет, многие мне возражали: может быть, но это еще ничего не доказывает, ведь автомобиль передвигается по твердой земле. И вот что интересно. Когда сегодня я говорю о полете космической ракеты, люди отвечают мне как ни в чем не бывало: конечно полетит, ведь самолеты летают! И на этот раз мы меняемся ролями. Теперь возражаю я – правда, но в этом случае аппарат не имеет даже такой опоры, как воздух, а это уже совсем другое дело, господа!"[9].

Теперь, после получения международной премии, у Ари появились серьезные и заманчивые предложения работы. Даже французские издатели, которых раньше не могли убедить в целесообразности напечатания рукописи "Введение в космонавтику" ни лекция, прочитанная в Сорбонне, ни доклады во французской Академии наук, ни рекомендации видных ученых, поверили в рентабельность выпуска книги.

Но… Штернфельд искренне верил в то, что *"только социалистическое общество откроет путь человеку в космическое пространство"*[10]. Именно этими словами заканчивалась та самая статья в газете "Юманите", о которой упоминалось выше.

В мае 1935-го он вместе с женой Густавой переезжает в Советский Союз, который стал его новой родиной. В данной публикации мы ставили своей целью более или менее подробно рассказать о том, как Ари Штернфельд пробивал дорогу в космос во Франции. Правдивый и подробный рассказ о том, как сложилась его дальнейшая судьба, что и какими неимоверными усилиями удалось ему сделать для реализации своей цели после переезда в Москву, еще ждет своего часа. Здесь же коротко расскажем о его дальнейшей судьбе.

Еще в 1932 г. Штернфельд по приглашению Наркомтяжпрома побывал в Москве, предоставив в распоряжение советского правительства свой проект робота для выполнения сложных и опасных работ на Земле и в космосе. А в начале 1934 г. копия машинописной рукописи "Введения в космонавтику" была передана Штернфельдом советскому правительству через торгпредство СССР в Париже. Так, еще не имея советского гражданства, в июле 1935 г. он был принят на работу в РНИИ (Реактивный научно-исследовательский институт).

Здесь он работал вместе с С.П.Королевым, В.П.Глушко и другими учеными, обеспечившими не только достижения советской

теоретической науки, но и запуск первого в мире искусственного спутника и выход в Космос первого в мире космонавта Юрия Гагарина.

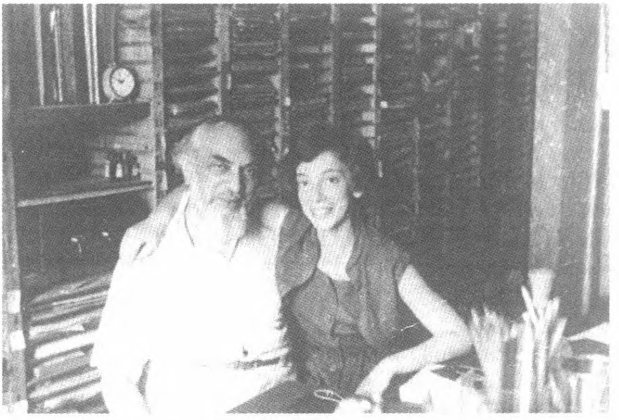
Главный инженер РНИИ Григорий Эрихович Лангемак перевел монографию с французского на русский, и после дополнения ее новыми исследованиями в 1937 г. книга "Введение в космонавтику" вышла в свет. Эта книга явилась своеобразной энциклопедией по всем вопросам, связанным с полетом в космос. И когда в 1974 г. вышло ее 2-е издание, космонавты, в частности В.И.Севастьянов, назвали эту монографию *"большой книгой знаний, по которой мы входили в космонавтику"*[11]. Это и есть та монография, за которую еще во Франции в 1934 г. Штернфельду была присуждена международная премия по астронавтике.

Но работа в РНИИ продолжалась лишь до июля 1937 г. – А.Штернфельд был уволен из института. Не раз обращался он в Академию наук, ЦК партии и лично к Сталину с просьбой разрешить ему работать над вопросами космонавтики, но постоянно получал отказ. Вновь он решил продолжить свои исследования на свой страх и риск. С тех пор и до конца своей жизни, в течение 43 лет он оставался ученым-одиночкой, который, сидя дома за рабочим столом нередко по 20 часов в сутки, продолжал заниматься теоретическими вопросами космического полета. Почему он был отстранен от официальной работы, вычеркнут из списка, можно только догадываться. К нему, еврею, да еще и эмигранту, не было доверия, и его не хотели допускать к научной деятельности. То, что он не числился ни в одной организации и даже не был членом профсоюза, спасло его от сталинских лагерей. Его не взяли даже в армию, несмотря на заявление (сохранившееся в архиве) с просьбой "принять на военный учет с тем, чтобы в любой момент мог немедленно встать на защиту моей подлинной, любимой Родины". Лишь в годы войны с 41-го по 44-й он работал в Серовском металлургическом техникуме – на Урале. Преподавал физику, сопромат, детали машин и черчение. Его бывшие ученики вспоминали, как на этих занятиях учитель рассказывал им о первой и второй космических скоростях, о возможности полетов в космос, как даже в перерывах между уроками он занимался своими расчетами.

В 1949 г. вышла в свет книга Штернфельда "Полет в мировое пространство"[12]. Еще до начала космической эры научно-популярные статьи и научно-фантастические репортажи Штернфельда регулярно появлялись в различных советских газетах и журналах и перепечатывались зарубежной прессой. А изданная в 1956-м книга "Искусственные спутники"[13] была сразу замечена и переведена, в том числе и издательством военно-воздушных сил США[14].

Но постоянного источника заработка ни у него, ни у жены не было. В те годы СССР еще не подписал международной конвенции об авторских правах, и за многочисленные переводы своих трудов Штернфельд не получал ни копейки. Семья с трудом сводила концы с концами благодаря материальной поддержке сестры Штернфельда – Ады, жены академика Польской академии наук, экономического советника вице-премьера Михаила Калецкого, подавшего в отставку в 1968 г. в знак протеста против антисемитской политики правительства Гомулки.

Штернфельд продолжал жить в стесненных материальных условиях и испытывал глубокую неудовлетворенность от того, что его не допускают в научные коллективы, занимающиеся разработкой космических программ. И хотя он уже до конца своей жизни не работал ни в одном государственном учреждении, его не выпускали за границу даже для получения международных наград: ни когда избрали Почетным членом, а затем и Доктором Honoris Causa Нансийского университета в 1961 г., ни в 1978 г., когда ему присудили степень Доктора Honoris Causa Политехнического института Лотарингии, как не пустили и для получения международной премии по космонавтике, которой он был удостоен вместе с Юрием Гагариным в 1962 г.

Ари Штернфельд с младшей дочерью Эллой в своем рабочем кабинете на фоне 1000 полок его собственной конструкции *(Москва, 1963 г.)*

Справедливости ради нужно отметить, что Штернфельду в результате длительных хлопот и учтя получение высоких званий за границей все же дали в 1962 г. персональную пенсию республиканского значения (120 рублей). К сожалению, до этого дня не дожила

его верная спутница жизни Густава. А в 1965 г. Штернфельду присвоили звание Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, и, в конце концов, без защиты диссертации он стал доктором Honoris Causa Академии наук СССР, что случалось лишь с зарубежными учеными.

До последних дней своей жизни он продолжал проводить за своим рабочим столом весь день до поздней ночи, продолжая расчеты и мечтая опубликовать еще не одну статью и книгу. Умер Ари Штернфельд 5 июля 1980 г. в Москве. Он оставил огромный архив, над которым несколько лет работала его старшая дочь Майя. Большую часть архива она передала в Политехнический музей, где теперь открыт мемориальный рабочий кабинет Ари Штернфельда. На доме, где он жил по Мало-Пионерскому переулку, 3, у Патриарших прудов, установлена мемориальная доска. А на памятнике на Новодевичьем кладбище, где он похоронен, высечено изречение, которое точно характеризует его жизненный путь и которое он любил повторять: *Per aspera ad astra – Через тернии к звездам.*

---

[1] *Geisler W.* Ary Sternfeld Pioner kosmonautyki. Warszawa, 1981. P.85.

[2] *Прищепа В.И., Дронова Г.П..* Ари Штернфельд – пионер космонавтики. М., 1987. С.16.

[3] *Там же.* С.24.

[4] *Sternfeld Ary.* En France, hospitalière et généreuse. "Grandes Ecoles à Nancy", Paris, 1965. №12. P.96–101.

[5] *Штернфельд А.* Введение в космонавтику. М.; Л.: ОНТИ, 1937. 318 с. 2-е изд. М.: Наука, 1974. 240 с.

[6] *Штернфельд А.* История моей первой книги // Вопросы истории естествознания и техники. 1981. №3. С.134–138.

[7] L'Astronomie. Juillet 1934. P.277–278.

[8] См. о нем: *Ветров Г.С.* Робер Эно-Пельтри: 1881–1957. М.: Наука, 1982. 190 с.

[9] *Sternfeld A.* Pamietniki // Buletin informacyiny institutu lotnictwa (Warszawa). 1965. N5. P.41–48.

[10] *Sternfeld A.* Utopie d'hier, possibilité d'aujourdui // L'Humanité. 19 aout 1930.

[11] *Севастьянов В.* Предисловие к книге: *В.И.Прищепа, Г.П.Дронова.* Ари Штернфельд – пионер космонавтики. М., 1987.

[12] *Штернфельд А.* Полет в мировое пространство. М.-Л.: Гостехиздат, 1949. 140 с.

[13] *Штернфельд А.* Искусственные спутники. М.: Гостехиздат, 1956. 180 с.

[14] *Sternfeld A.* Artificial Satellits. Ohio: Wright-Patterson Air Force Base, 1958. P.424.

Александр Безредка (1870 – 1940)

Е.Лагранж (Брюссель)[1]
Перевод с французского Ирины Гузевич
Публикация Михаила Пархомовского[2]

– Противостолбнячную по Безредка! – такое назначение поступавшим с травмами в приемное отделение нашей больницы мне приходилось делать на каждом дежурстве многие годы.

А.М.Безредка

Кроме того, что Безредка предложил метод профилактики аллергии на лечебные сыворотки (здесь речь идет о противостолбнячной сыворотке), я знал, что он одессит и работал, подобно великим Мечникову и Хавкину, в Институте Пастера. Но в процессе подготовки публикации выяснилось, что это фигура значительно большего масштаба, чем представлялось не только мне, но и всем тем, с кем приходилось говорить о нем.

Профессор Безредка не только создал учение об анафилаксии и анафилактическом шоке, но разработал блестящий по простоте метод предупреждения этой самой тяжелой формы аллергии: при необходимости введения лечебной дозы вещества, способного вызвать анафилактическую реакцию, за полчаса вводят его малую дозу. И все: врач и больной могут быть уверены, что шока не будет!

Александр Безредка разработал учение о локальном (местном) или тканевом иммунитете (до него защитные силы организма объясняли только фагоцитозом и антителами). Открытие местного иммунитета позволило ему определить пути введения вакцин (когда через рот, когда через кожу) для профилактики инфекционных болезней. Был пионером изучения иммунитета в онкологии. Без учения Безредки о тканевом иммунитете не могла бы состояться современная наука о пересадке органов.

Ученик и последователь Мечникова, он создал свою научную школу – через его лабораторию прошли сотни врачей и бактериологов из разных стран, в их числе большое количество россиян[3].

Проф. А.М.Безредка участвовал в общественной жизни русского Парижа. Так, 4 ноября 1923 г. на годовом собрании Общества русских врачей им. Мечникова его избирают почетным членом правления; 20 марта 1932 г. вместе с другими видными деятелями эмиграции он принимает участие в спектакле в виде процесса-суда над героями романа Достоевского "Бесы"; 17 декабря 1934 г. вместе с сенатором Ж.Годаром председательствует на открытии Международной конференции Общества здравоохранения евреев (ОЗЕ)[4]. *А позже становится президентом этой организации.*

Александр Михайлович посещал СССР в составе французских научных делегаций, принимал участие в медицинских изданиях в России. На русском языке вышли его два основных труда: "Местная иммунизация" (Париж, 1926), переведенная с французской рукописи А.Рубакиным, и "Анафилаксия и антианафилаксия" (М., 1928).

Литература о Безредке на русском языке чрезвычайно скудна[5], *о нем (в противоположность его землякам и сотрудникам по Пастеровскому институту Мечникову и Хавкину) не написано ни одной книги. И мне показалось рациональным опубликовать эту статью бельгийского доктора, лично знавшего Александра Михайловича.*

Интересные сведения нами обнаружены о его отце, в какой-то степени объясняющие отказ Безредки принять православие для продолжения научной карьеры в России и отъезд в Париж. Элимелех Векслер-Безредка родился в 1842 г. недалеко от Балты (ныне – в Одесской области). В 11-летнем возрасте потерял отца и воспитывался у дяди в Умани. Рано проявил тягу к ивритской литературе и поступил в религиозную школу Х.З.Слонимского в Житомире. Переехав в Одессу, в основном занимался преподаванием, и в числе его учеников были В.Клаузнер и Ш.Черниховский, который в одном из своих рассказов описал последние дни учителя. Свои статьи в области языкознания Е.Векслер-Безредка публиковал под псевдонимом Иш-Нооми (в переводе на русский – «Муж Нооми») во всех ивритских газетах и журналах второй половины XIX века. Занимался также переводами с немецкого на иврит. Был автором книги комментариев библейских текстов. Выступал также с критикой этих комментариев, как мешающих пониманию текста Библии. После 1905 г. он какое-то время жил в Париже, где изучал западную текстологию Библии, результатом чего явилась следующая книга. Опубликованы его воспоминания и биография[6].

Александр Безредка родился в Одессе в 1870 г. В этом большом полугреческом-полулевантийском порту, который окрестили черноморским Марселем, его отец, частный преподаватель иностранных языков, занимал незаметное положение и имел весьма скромные доходы. И хотя у него был всего лишь один сын, он, безусловно, должен был идти на большие жертвы, чтобы дать сыну достойное его способностей образование.

После обучения гуманитарным наукам в гимназии А.Безредка поступает на естественное отделение физико-математического факультета Новороссийского университета, который завершает в 1892 г. дипломной работой, посвященной эволюции стереохимической концепции. Диплом был отмечен золотой медалью.

Что заставило молодого ученого покинуть родной город и уехать в Париж? Что побудило его оставить химию и заняться медициной? На эти два вопроса есть, наверное, несколько ответов. Похоже, что именно в это время Безредку привлек к себе Мечников, который понял, что продолжение исследований фагоцитоза невозможно без помощников с медицинским образованием. С другой стороны, на родине научно-исследовательская работа была для Безредки как для еврея практически закрыта. Как бы там ни было, благодаря стипендии Альянс Исраэлит[7], он вместе с матерью уехал в Париж.

И вот перед ним начало новой карьеры. Благодаря хорошей научной подготовке ему удается сократить свое обучение медицине, и в 1896 г. он поступает на работу к Мечникову в Институт Пастера. В следующем году он защищает диссертацию на тему "Поддиафрагмальный абсцесс" и получает должность препаратора. Отныне он вступил на путь, которому будет следовать до конца: иммунитет. Ситуация с материальной точки зрения весьма скромная, но блестящая по тому удовлетворению, которая она ему приносит. Институт Пастера, находящийся в расцвете своей молодости, это гудящий улей, где ученый проведет всю свою жизнь. В 1905 г. он возглавит там лабораторию, а в 1910-м, год спустя после получения французского гражданства, займет пост профессора.

Война 1914 года вырывает его из лаборатории. Мобилизованный вначале в качестве фельдшера, он вскоре становится полковым врачом, ответственным за бактериологическую лабораторию в Вердене. Заключение мира позволило ему вернуться в Институт Пастера, в лабораторию учителя, скончавшегося в 1916 г. Отныне он занимает второй этаж здания – место, оставленное Мечниковым, и в свою очередь получает должность руководителя отдела.

В 1921 г. он, в память о своем учителе, пишет "Историю идеи". В годы войны Безредка отчетливо понял, до какой степени врачи игнорировали или недооценивали вклад Мечникова в медицину, и в работе, написанной в интригующей читателя манере, автор прослеживает, как в фильме, на примере отравления волчьей ягодой, этапы старения, кишечную среду, бесчисленные формы патологии и даже оптимистическую философию своего учителя.

Но защитник *мечниковской ортодоксальности* уже чувствует нечто неладное. Верит ли он еще в фагоцитоз или, по крайней мере, в то значение, которое придавал этому понятию его учитель? Во всяком случае, он разрабатывает новую теорию – теорию местного иммунитета, которую будет развивать в течение долгих лет, до самого конца…

Как мы увидим позже, ученик стал диссидентом, еретиком. Несмотря на свою популярность и славу, он жил скромно и оставался скромным всю жизнь. В 1908 г. он женился на молодой одесситке, приехавшей в Париж, и у них родилась дочь. Академия медицины, куда он выдвинул свою кандидатуру в 1934 г., не раскрыла перед ним свои двери, а его смерть в самом разгаре смутного времени "странной войны" прошла для многих незамеченной.

* * *

Какова судьба всякого студента или молодого дипломированного специалиста, каким бы блестящим он ни был, когда он оказывается в исследовательской лаборатории? Он быстро обнаруживает, что все усвоенное им прежде представляет собой лишь поверхностную подготовку, что он должен полностью перестроиться, овладеть новой техникой и для начала усвоить принятые в этом заведении теории и догмы.

Это особенно верно, когда твой патрон зовется Мечниковым и находится в апогее своей продуктивности, обладает ярко выраженной личностью, когда он деспот, не допускающий противоречий и верующий с убежденностью угольщика в разработанную им теорию, годами подвергавшуюся критике со стороны скептиков и противников. И, тем не менее, Безредка, отвернувшись от химии, рискует ринуться в темные заросли иммунитета.

Работа у Мечникова далека от мирной жизни обычной лаборатории; это боевой пост, все работники которого мобилизованы на службу одной доктрине, и тот, кто осмеливается выражать сомнения, подставляет себя под молнии начальственного гнева.

Первые работы Безредки касаются врожденного иммунитета. Этот последний представляется прямо связанным с фагоцитами. И, следовательно, нечего задаваться вопросом о природе этого иммунитета. Но действительно ли он врожденный? Или он был приобретен и затем закреплен в течение веков? Ведь имеется же наследование некоторых благоприобретенных свойств. Как же тогда возникает этот иммунитет?

Будучи химиком, Безредка будет изучать эффект эндотоксина тифа (сегодня мы назвали бы этот эффект химической "агрессией"), затем окрашенного минерального яда, трисульфата мышьяка и даже растворимых веществ, содержащих мышьяк. Фагоциты абсорбируют мышьяк. Было бы интересно узнать, что они с ним делают, но история об этом умалчивает.

Вскоре после Безредки в Институт Пастера поступил Жюль Борде. Он получил медицинское образование в Брюсселе, был ровесником Безредки и тоже интересовался иммунитетом. Но с иной точки зрения, чем Мечников. Это Борде вслед за открытием Берингом антитоксинов обобщает учение об антителах, сделав их стержнем учения об иммунитете. Труды Безредки не содержат следов разговоров, которые они неизбежно должны были вести.

В 1902 г. Шарль Рише открывает анафилаксию, которую рассматривает (что видно и из самого названия) как некую противоположность иммунитету и как интоксикацию.

С 1907 г. разработки Безредки по ***анафилаксии*** идут ускоренными темпами. Нет, анафилаксия не противоположна иммунитету. Это шок, "анафилактический шок" по Безредке. Это интоксикация, и против этой интоксикации есть способ иммунизации или, по крайней мере, защиты. Анафилаксия стала его первой боевой лошадкой. С 1907 по 1914 г. ей было посвящено не менее 25 работ и две книги. Она принесла ему огромную популярность и вошла в текущую медицинскую практику. Воистину удивительно, что современные трактаты (Тропли, Дюбо) едва удостаивают Безредку упоминания, а то и не упоминают вовсе.

Он начал с изучения глубинной природы феномена, показав совершенно особую чувствительность при анафилаксии нервной системы. Затем он открывает вакцинирующие свойства малых доз и, наконец, способ профилактики анафилактического шока, сначала испытанный на морских свинках, а сейчас почти обязательно применяемый на людях – повторяющиеся инъекции. При подкожной инъекции небольшой дозы сыворотки можно почти мгновенно предотвратить анафилактическую реакцию на лечебную дозу сыворотки,

которая без этой предварительной инъекции могла бы оказаться смертельной. В эпоху, когда серотерапия была распространена еще более, чем сейчас (из-за распространенности дифтерии и ныне уже отошедшей моды на самые разнообразные и весьма спорные сыворотки), несчастные случаи могли бы быть многочисленнее и опаснее. Простым методом Безредки удалось спасти множество человеческих жизней, можно даже сказать, что метод спас и саму серотерапию.

Эта иммунизация против анафилактического шока – самая впечатляющая и демонстративная, какую только можно себе вообразить, привела ее автора к капитальным основополагающим выводам. Десенсибилизация здесь не связана ни с лейкоцитами, ни с фагоцитами, ни с антителами. Участвующие в анафилаксии органы (нервные центры?), однажды десенсибилизировавшись, больше не дают реакции. Нельзя ли, использовав некоторую экстраполяцию, подойти к классическому иммунитету без фагоцитоза и антител? Мы еще вернемся к этому далее.

С целью соблюдения хронологии и логической последовательности здесь следует сказать о сенсибилизированных возбудителях.

Безредка работает в этом направлении с 1902 г., но только к 1910 г. идея обретает конкретную форму, когда он находит сотрудников для ее разработки. В присутствии специфической сыворотки возбудитель фиксирует антитела и может затем их сохранять, оставаясь живым и устойчивым к повторным промываниям.

Эта излюбленная его учителем методика удерживает Безредку на проторенных путях; она апеллирует к антителам. Десять и двадцать лет спустя ситуация изменяется, Безредка отвергает антитела, доверяя отныне только реакции ткани (органов), ***местному иммунитету***.

В 1910 г. Безредка в сотрудничестве со своим учителем Мечниковым приступает к изучению экспериментальной тифоидной лихорадки на нескольких шимпанзе. Действительно ли бацилла Эберта является возбудителем болезни? Авторы задаются этим вопросом не без причины. В течение многих лет бацилла того же семейства рассматривается как патогенный агент, пока не наступает день, когда приходится признать, что она была всего лишь микробом, открывающим путь истинному возбудителю – фильтрующемуся вирусу, вызывающему холеру свиней. Неэффективность мер, предпринятых в Германии для остановки распространения тифоидной лихорадки, также заставляет усомниться в этом вопросе. И,

наконец, никому еще до этого не удавалось воспроизвести болезнь в экспериментальных условиях. Введением массивных доз чистой культуры нескольким шимпанзе Мечникову и Безредке удалось вызвать тифоидную лихорадку с типичными сывороточными реакциями и так называемыми бляшками Пейера, которые находили при смертельных исходах.

Подкожные инъекции сенсибилизированных или аутолизированных возбудителей для достижения вакцинации дали весьма спорные результаты. Ведь шимпанзе – животные дорогие и невыносливые, и, несмотря на свободу, которую им предоставляет Мечников (им позволяется скакать по лаборатории и даже по рабочим столам), они быстро гибнут в нашем климате, если их не обеспечивают специальным уходом. Так что статистика не получалась убедительной…

Затем, в течение четырех лет, жизнь в пастеровских лабораториях замирает. Ученая молодежь Франции уходит на поля сражений, как и наш герой, мобилизованный как простой солдат. Но постепенно компетентность восстанавливается в цене. И Безредка получает возможность обдумывать проблемы, которые он прежде только предчувствовал или которых лишь касался. В частности, ему представляется возможность наблюдать случаи тифоидной лихорадки на службе, особенно частые у невакцинированных или вакцинированных лишь частично.

В своих первых послевоенных публикациях в "Анналах Института Пастера" (1919) ученик, в свою очередь ставший патроном, посвящает свой труд кишечным инфекциям.

И прежде всего дизентерии. Все попытки вакцинации войск против дизентерии – классической болезни действующей армии – пришлось оставить: подкожные инъекции дизентерийной палочки болезненны и токсичны. В опытах на животных Безредка констатирует, что при таком введении мертвые бациллы разлагаются, высвобождая эндотоксин, который действует на кишечник. А живые – переходят в кишечник. Но во всех случаях, даже при живых возбудителях, кровь остается стерильной, подопытное животное не вырабатывает или почти не вырабатывает агглютининов[8]. Напротив, кролик, которому вводят культуру бациллы Шига[9] через рот, оказывается хорошо защищенным против смертельной дизентерийной инфекции.

В опытах на кроликах, сенсибилизированных проглатыванием нескольких миллилитров желчи, при внутривенном введении им бацилл тифа или паратифа В возбудитель проникает в желудочно-

кишечный тракт. Обработанные таким образом животные приобретают длительный иммунитет, который сопровождается лишь весьма кратковременным увеличением антител. При повторении опыта антитела немедленно нейтрализуются и исчезают, т.е. это ***иммунитет без антител***. Наоборот, кролик, не сенсибилизированный желчью и подготовленный таким же образом, реагирует с помощью антител и не приобретает иммунитета.

Поэтому можно прекрасным образом разделить иммунитет и антитела. Повторные введения тифоидной бациллы не дают иммунитета в случае, если кролик не сенсибилизирован желчью. Наоборот, подготовленное желчью животное приобретает иммунитет.

Холера – другая локализованная кишечная инфекция – отвечает тем же общим законам.

Как понять и трактовать полученные данные? Безредке для ответа на эти вопросы понадобится немало лет и множество разработок. Они находят практическое воплощение в пероральной (через рот) вакцинации, и, когда Огюст Люмьер начал ее применять в 1914 г., Безредка не преминул напомнить о своем приоритете.

Местный иммунитет, создаваемый иммунизацией эпителиального покрова, возникает таким же образом, как при иммунизации кожного покрова. Кожа, как и корковый слой органов (согласно элементарному здравому смыслу), является защитной тканью первого порядка как в животном, так и в растительном мире.

Это понятие (местный иммунитет) Безредка начнет широко использовать начиная с 1920 г. в отношении сибирской язвы. Пастеровская вакцинация при этой болезни давала хорошие результаты только у крупных млекопитающих. В отношении морских свинок она была неэффективной. Но если вводить вакцину в толщу кожи, а не под кожу, свинки приобретают прочный иммунитет. Следовательно, кожная вакцинация влечет за собой местный кожный иммунитет, который фактически является и общим иммунитетом без антител. Это очевидно при сибирской язве и также при телячей оспе, когда только кожа чувствительна к вирусу и восприимчива к вакцинации.

Тот же тезис верен для стафилококковых и стрептококковых инфекций, при большей части которых поражается кожа.

Безредка экспериментально доказал подобную защитную роль слизистой оболочки дыхательного аппарата. Животное значительно менее чувствительно к бацилле тифа при ее поступлении через дыхательные пути, чем при подкожном введении.

Что касается холеры, на которой основывалась гуморальная теория иммунитета[10], Безредка напоминает, что "лагерь клеточной доктрины" не мог представить себе, что у высших позвоночных имеются иные способы защиты, чем у других представителей животного мира. Доктрина Мечникова основывается на изучении беспозвоночных. Из солидарности со своим учителем Безредка присоединяет свою теорию местного иммунитета к теории фагоцитоза и резюмирует это следующим образом: у позвоночных каждый возбудитель имеет свой орган и каждый орган – свой иммунитет.

Безредка, являющийся основателем Бюллетеня Института Пастера, излагает в нем свою теорию во многих статьях. Они вдохновили Левадити на его классификацию возбудителей и Кальмета на его работу по бецежированию[11]. Фармакологическая лаборатория Греми и лаборатория по биотерапии используют полученные данные в своей работе. Безредка, как по личному бескорыстию, так и для того, чтобы обезоружить своих противников, постоянно отказывается принимать какое-либо вознаграждение от этих фирм.

* * *

В настоящее время проблемой иммунитета завладели биохимия и эндокринология, а "стресс" стал злободневной темой.

Еще сегодня рак – под этим термином нужно понимать все злокачественные опухоли и сопутствующие им токсические поражения тканей – остается большой загадкой для медицины. Нужно было изрядное мужество, чтобы заняться этим в 1933 г., как это сделал Безредка со своим сотрудником Л.Гроссом, и попытаться использовать для решения этой загадки результаты, полученные при антимикробной иммунизации.

Вначале они изучают саркому мышей, у которых подкожное впрыскивание растертых опухолевых клеток вызывает в течение трех недель опухоль величиной с орех (у мыши весом в 20 граммов!). При таком чудовищном развитии в голову приходит мысль об инфекционной природе заболевания. Что же произойдет, если попытаться варьировать пути введения возбудителя? Снова вводя "вирус" в кожу, они констатируют, что опухоль прививается с трудом или вообще не возникает. Оберлинг в своей недавней работе полагает, что при введении клеток саркомы в кожу они не получают необходимого кровоснабжения, и этим он объясняет неудачу инокуляции. Оберлинг игнорирует иммунитет, возникающий по Безредка без антител.

Такие же опыты проводятся с эпителиомой Брауна–Пирса, саркомой Ру, при которых подкожная инъекция в течение 3 – 4 недель приводит к смерти в 100% случаев. Но при повторных внутрикожных инъекциях возникает медленно растущая опухоль, могущая рассосаться, и прочный иммунитет без обнаруживаемых антител. Смерть Безредки приостановила эти опыты, которые с тех пор не получили продолжения.

* * *

В деятельности любого ученого нужно различать факты, идеи, которые его вдохновляют, и выводы, которые он из них извлекает. Установленные факты остаются, даже если проходят период забвения. Идеи и выводы, которые иногда представляют собой лишь гипотезы, а иногда теории, завоевывают подчас более или менее длительный успех. Редко они остаются в первоначальном виде, а зачастую выходят из моды.

Безредка множил опыты и факты. Он их комбинировал с редкой элегантностью и неутомимой изобретательностью. От тифоидной лихорадки и мышьяка до сибирской язвы и рака, не упустив дифтерию, – все они были им широко исследованы; он накопил большое количество фактов. Количество его основных идей невелико. Все они вращаются вокруг капитальной проблемы иммунитета и тканевого иммунитета без антител, даже при дифтерии и холере, этих классических примеров инфекций с антителами.

Как справедливо заметил Левадити в некрологе, посвященном Безредке, стоило только эксперименту осуществиться и быть опубликованным, ученый не беспокоился ни о критике, ни о дискуссиях, которые этот эксперимент мог вызвать. Он допускал, что, опровергая принятые понятия, может оказаться в роли еретика, но не терял от этого присутствие духа.

В бывшей лаборатории Мечникова, где работал Безредка, постоянно находилась посмертная маска великого патрона, которая в своем вечном покое являла свои приветливые и разглаженные черты. К полуденному часу многие его соотечественники и сама госпожа Мечникова часто собирались в лаборатории, обмениваясь веселыми репликами на родном языке.

В его отделе работали также: Эжен Вольман и его жена, ставшие жертвами нацистского геноцида, Анри Тиссье, остановившийся на изучении кишечной флоры, госпожа Айтова, которая

затем руководила лабораторией, д-р Деба и многочисленные временные сотрудники.

Безредка до преклонного возраста сохранил красивые черты лица, горящие глаза и густую черную шевелюру. Писал он на безупречном французском, но сохранил легкий иностранный акцент. Всегда любезный и приветливый, он охотно принимал своих бывших учеников, интересовался их работой, карьерой и успехами. Именно таким я его знал с 1924 по 1939 г. и именно таким я хотел его представить в этом скромном слове, посвященном ушедшему учителю.

У меня не было особых возможностей узнать этого человека вне его научных занятий. Когда мне пришлось уехать в Карантинный совет Египта, патрон рассказал мне о Хавкине, о его принципах четких наблюдений, о его верности традиции отцов. О себе самом он не сказал ни слова.

Доктор И.Симон, как и мадемуазель Безредка, дополнили мои сведения рассказом об еврейской общественной деятельности Безредки.

В 1939 г. он был председателем ОЗЕ (организации помощи детям)[12], председательствовал на собрании, посвященном 800-летию знаменитого философа и врача Маймонида, чьей колыбелью считается Кордова. Я видел там остатки, чтобы не сказать руины синагоги, где он преподавал.

Во время, когда антисемитские законы Гитлера вызвали массовый отъезд евреев из Германии, он принял во Франции множество собратьев и еврейских детей, и делал это со своей обычной сдержанностью и скромностью.

Библиография

Большинство трудов Безредки опубликованы в Анналах и Бюллетене Института Пастера. С 1921 по 1931 г. он издал у Массона шесть монографий по анафилаксии и иммунитету.

Об Александре Безредка см. также:

C.Levaditi. Bulletin de l'Institut Pasteur. 1940.
Ch.Oberling. Le cancer. 1954.
T.Lagrange. Monsieur Boux. 1955.

[1] *Lagrange E.* Alexandre Besredka (1870–1940) // Revue d'Histoire de la Médicine Hébraïque. Octobre 1957. P.101–110.

[2] Благодарю проф. Жанну Исааковну Абрамову, которая нашла и прислала оригинал этой работы. – *М.Пархомовский.*

[3] "Русский Альманах", выходивший в Париже в 1930–1931 гг., так писал о Пастеровском институте, основанном в 1888 г.: *В свое время через Институт прошло около двух тысяч русских врачей и бактериологов, и почти все важнейшие русские бактериологи – ученики Пастеровского института.* (Русский Альманах: справочник = Almanach russe / Под ред. *В.А.Оболенского и Б.М.Сарача.* Paris; Saratch, 1931. С.276. – Сообщено Д.Гузевичем).

[4] Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. Франция. 1920–1940. Т.1–4. / Под общей ред. *Л.А.Мнухина.* М.–Париж, 1995–1997. (По указ. имен).

[5] Большая медицинская энциклопедия (Т.3. Москва, 1957. Стлб.575) указывает лишь две статьи: *Белоновский Г.* Памяти А.М.Безредка // Советский врачебный журнал. 1940. №7–8; *Метелкин А.И.* Безредка и его значение в микробиологии (к десятилетию со дня смерти) // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1950. №8. С.59.

[6] *Кресель Г.* Лексикон ивритской литературы нового времени (иврит). Т.1. 1965. Стлб.684–685; Энциклопедия иврит. Т.8. 1969. Стлб.142–143. (Благодарю за сообщение об этих источниках и перевод их с иврита Дана Харува. – *М.П.*).

[7] Всемирный Еврейский союз, первая современная международная еврейская организация, был создан в 1860 г. в Париже для оказания помощи евреям во всем мире. Впоследствии деятельность Альянса сосредоточилась гл. обр. на образовании.

[8] Агглютинины – вещества, способствующие склеиванию и выпадению в осадок взвеси бактерий, эритроцитов и других клеток.

[9] Палочка Шига – один из возбудителей дизентерии.

[10] Эта теория основана на защите организма фагоцитами и антителами.

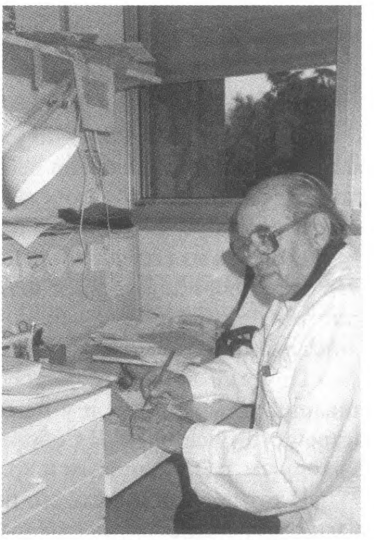
[11] Бецежирование – вакцинация против туберкулеза.

[12] О его деятельности в ОЗЕ – см. статью об этой организации в настоящей книге.

Эль Наумович Шляхов в Институте Пастера

Юлия Систер (Кирьят-Экрон, Израиль)

Эля Наумовича Шляхова[1] – главного эпидемиолога Молдавии – в начале 60-х годов вызвали в Москву и предложили поехать на два месяца в Париж, в Институт Л.Пастера[2], для ознакомления с новейшими научными достижениями в области эпидемиологии.

Проф. Э.Н.Шляхов в своем рабочем кабинете

В те годы это было довольно неожиданное предложение: не так часто посылали советских представителей науки в капиталистические страны.

Командировка проходила в рамках проекта по обмену учеными между СССР и Францией. Два сотрудника Института Пастера уже побывали в Москве. Предстоял ответный визит. Кандидат на такую поездку должен был владеть французским языком и быть специалистом в области эпидемиологии. Выбор пал на главного эпидемиолога МССР, владеющего несколькими европейскими языками, в том числе французским на уровне родного.

Очевидно, выбору способствовал следующий факт. В 1957 г. в Ленинграде проходил Всесоюзный конгресс эпидемиологов, микробиологов и инфекционистов с участием ученых из Франции, Англии, Италии, Румынии и других стран. Э.Н.Шляхов, в то время уже главный эпидемиолог Молдавии, был в составе делегации республики. К нему подошел знакомый корреспондент «Медицинской газеты», знавший, что Эль Наумович владеет румынским и французским, и попросил помочь взять интервью у руководителя румынской делегации. Шляхов помог. Румынский ученый решил сделать доклад на французском языке и попросил Шляхова переводить. Затем к нему обратился с аналогичной просьбой Шарль Мирье,

крупный промышленник из Лиона, владелец фирмы, выпускавшей вакцинопрепараты; он выступал с сообщением о применении туберкулиновой наклейки для диагностики туберкулеза. Затем Эль Наумович перевел доклад проф. Одюруа (Базель, Центр по микробным штаммам), затем еще и еще…

Организаторы конгресса были искренне благодарны Шляхову, и эта его деятельность на конгрессе не прошла бесследно.

* * *

Вскоре Эль Наумович прилетел в Париж.

Он жил в гостинице по улице Блэз де Гофф в районе Монпарнаса. Все расходы взяла на себя французская сторона. От этой гостиницы было близко и до ул. Пастера, на которой раскинулся прекрасный кампус знаменитого одноименного института.

В одном из его зданий находится великолепная библиотека, где Эль Наумович знакомился с последними научными журналами и книгами, которых не было в Советском Союзе. Делал выписки, снимал копии. Посещал интересные семинары и лекции.

Помогал в советском посольстве переводами некоторых публикаций по медицине, и у него там были интересные знакомства и встречи: с писателем Л.Соболевым, с уже стареньким академиком Опариным, с Э.Рязановым и др.

В тот первый приезд его поразили недельные билеты в метро с магнитной полоской, доступные по цене японские автоматические фотоаппараты (Эль Наумович любит фотографировать), скоростные поезда (500 км из Парижа в Лион он преодолевал за два часа), а также строгий ритуал обеда ровно в 12 часов дня.

Заведующий лабораторией природно-очаговых инфекций проф. Анри Юбер Молляре отнесся к Шляхову с большим вниманием. Вскоре он попросил его прочесть двухчасовую лекцию на семинаре отдела. Затем Эль Наумович прочел еще несколько лекций, которые были посвящены вакцинопрофилактике, организации борьбы с инфекционными болезнями, лекарственной профилактике и лечению инфекционных болезней, а также теоретическим вопросам эпидемиологии. На эти же темы Шляхов написал, находясь в Институте Пастера, статью на французском языке для журнала, издававшегося Институтом.

Забегая вперед, скажу, что Шляхов опубликовал во Франции более пятнадцати статей во французских научных журналах – в уже упомянутом, а также в журналах "Медицина и инфекционные болезни", "Тропическая медицина" и др. Известная монография Шля-

хова "Практическая эпидемиология" была переведена на французский и вышла в Лионе в 1986 г. Между прочим, монографию на французском по сей день используют в Кишиневском мединституте при изучении этого языка.

Проф. Молляре понравились лекции, прочитанные Элем Наумовичем, и он дал понять Шляхову, что собирается пригласить его в качестве лектора на постояннодействующие международные курсы по эпидемиологии, которые он (Молляре) организовывает. Курсы будут проходить в Институте Пастера раз в два года – по нечетным годам.

Это – платные курсы для франкоговорящих специалистов всех стран, рассчитанные на 30 – 45 дней. В них принимают участие врачи, фармацевты, ветеринарные врачи, биологи. Как правило, группа слушателей состоит из 30 – 40 человек, каждый из которых получает программу и тезисы докладов. До обеда проходят практические занятия, а после – читаются лекции.

Обычно за год до начала курса готовилась его программа и обсуждались различные детали. Вот выписка из письма от 13 апреля 1984 г. руководителя курса эпидемиологии Института Пастера в Париже проф. Анри Молляре проф. Э.Н. Шляхову:

Уважаемый господин Э.Н.Шляхов,

<...> на 1985 г. я подтверждаю свое принципиальное согласие на Ваш приезд и участие в проведении Курса эпидемиологии Института Пастера <...>

Можете ли Вы подтвердить уже сейчас Ваше согласие на проведение первых трех послеобеденных лекций 16, 17 и 18 апреля 1985 г.? (далее идет перечень тем лекций. – *Ю.С.*)

<...> Сообщите мне, подходят ли Вам эти числа; прошу принять, уважаемый господин, выражение моих лучших чувств.

Подпись А.Ю.Молляре

Э.Н.Шляхов каждый нечетный год читал лекции в Институте Пастера на темы: "Некоторые теоретические аспекты современной эпидемиологии", "Профилактика инфекционных заболеваний", "Актуальные вопросы иммунопрофилактики", "Эпидемиология и иммунология", "Приложение микробиологии и иммунологии к эпидемиологии. Методы диагностики" и др. Эль Наумович читал лекции и в Лионе (в филиале Института Пастера и в Институте Мирье), и в Тулузе (на кафедре инфекционных болезней Института гематологии).

Можно быть талантливым ученым, но неважным лектором. В Эле Наумовиче прекрасно сочетаются два таланта: ученого и лектора.

И третий талант – педагога. Его слушали с удовольствием, лекции были увлекательны, познавательны, с достаточным количеством примеров, а также шуток, сказанных к месту и в нужное время. Вообще он обладает даром общения с людьми. Может быть, это от Б-га, ведь имя его Эль (одно из имен Б-га на иврите). Возможно, правильно выбранное имя предопределило его счастливую судьбу.

Шляхов был единственным лектором-иностранцем на этих курсах; к нему хорошо относились, писали в Кишинев трогательные слова благодарности, а однажды прислали шелковый галстук. Последний раз он читал лекции во Франции в 1989 году, но до сих пор переписывается с проф. А.Молляре.

Познакомившись еще в Ленинграде на конгрессе с Шарлем Мерье, Эль Наумович все годы поддерживал с ним дружеские отношения (Мирье умер в январе 2001 г.). В 1988 г. Шарль Мирье пригласил проф. Шляхова и его супругу Цилю Мироновну, тоже врача-эпидемиолога, в гости и оказал им замечательный прием. Он подарил им свою автобиографическую книгу. Эль Наумович перевел ее на русский язык, и она вышла в 1989 г. в Кишиневе в издательстве "Штиинца" ("Наука") под названием "Вирус открытия".

Эль Наумович до сих пор помнит впечатления от своей первой поездки во Францию. "Его захлестывают волны, но он не тонет" – гласит надпись на гербе Парижа – города, возникшего на берегах Сены. Город, о котором столько написано и рассказано, оставил неизгладимое впечатление. Лувр, Эйфелева башня, площадь Согласия, Триумфальная арка, прогулки по Сене, музеи (Цитадель науки и промышленности, Антропологический музей и др.), Люксембургский сад, Латинский квартал, Монмартр, Булонский лес, бульвары, Версальский дворец…

В основе этого очерка лежат мои беседы с проф. Э.Н.Шляховым и материалы Международной организации здравоохранения.

Эль Наумович не только известный ученый, но и доброжелательный, отзывчивый человек. Общение с ним – истинное удовольствие: он прост, остроумен, в нем сочетаются человеческое тепло и исключительно богатый научный опыт и кругозор. Его отличает особое обаяние, присущее людям высокой культуры и подлинной интеллигентности. Как все талантливые люди, он щедро делится своими знаниями с коллегами и учениками.

[1] Проф. Шляхов Эль Наумович – всемирно признанный специалист по зооантропонозам (инфекционные болезни, общие для животных и человека). Более 55 лет он посвятил исследованию патогенеза и иммунологии сибирской язвы /антраксу/). Им предложен ряд препаратов для иммунологической диагностики этого заболевания. Один их них – *антраксин* – рекомендован Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) для использования во всех медицинских и ветеринарных учреждениях мира (Bulletin of the world health organization // The scientific journal of WHO /Geneva/. 1996. №74/5/. P.453–552). При помощи антраксина можно поставить диагноз этого опасного заболевания без бактериологического исследования как в острых случаях, так и ретроспективно, а также оценить эффективность и качество предлагаемых вакцин. В соавторстве с С.А.Шварцем он также предложил тетанин для диагностики столбняка. Шляхову принадлежат исследования в области иммуностимуляции вакцинального процесса, некоторых подходов к профилактике внутрибольничных инфекций и др. Он автор более 400 научных работ, в том числе фундаментальных монографий и учебников, часть из которых переведена на многие языки и неоднократно переиздана. Является почетным членом зарубежных научных обществ: эпидемиологов Франции, лионских вакцинологов и др., с 1979 г. – член Французской ассоциации изучения эпизоотий, с 1995 – Нью-Йоркской Академии наук.

В Молдове, которой отдано 60 лет жизни, и где его заслуги отмечены высокими званиями и наградами, в 2000 г. отметили его 80-летие как основателя молдавской научной школы эпидемиологов. Юбиляр по этому поводу приезжал в Кишинев: ученики и коллеги устроили ему торжественный прием и организовали научную сессию, посвященную его деятельности.

С 1990 г. проф. Шляхов живет в Израиле, работает в отделении инфекционных болезней больницы им. Шиба в Тель ха-Шомер; активно участвует в научной жизни, выезжает на международные конференции по микробиологии и инфекционным заболеваниям, публикует статьи в научных журналах ряда стран (опубликовал более 26 статей). В 2001 г. министерство здравоохранения Израиля отметило его деятельность Знаком отличия.

[2] Основоположник современной микробиологии и иммунологии Луи Пастер (1822–1895) в 1888 г. основал в Париже научно-исследовательский Институт микробиологии, которому позже было присвоено имя его создателя. В этом институте работали такие видные ученые-евреи из России, как И.Мечников, А.Безредка, В.Хавкин и др.

Зельман Вайнберг – химик, предприниматель и филантроп

Бецалель Гендлер, Юлия Систер
(Кирьят-Экрон, Израиль)

З.Вайнберг выступает с речью в связи с получением диплома доктора Honoris Causa Тель-Авивского университета

Примерно в 1993 году в нашу лабораторию пришел седой пожилой человек с живыми молодыми глазами. Это был Зельман Вайнберг. Фамилия мне ни о чем не говорила.

Он подошел и спросил:

– Вы химик?

Я подтвердила. Он рассказал, что тоже химик, что учился во Франции и постоянно живет в Париже. Мы оказались земляками. Он оживился, стал расспрашивать о нашем городе. Рассказал и свою историю "путешествия" из Кишинева в Париж, описанную в его автобиографической повести "Семь лет ужаса". Книга вышла на четырех языках: русском (1989), французском (1990), английском (1991) – все три в Париже – и на идиш (1994, Израиль) и посвящена памяти многих миллионов погибших невинных людей, "среди которых были мой любимый отец и мой дорогой брат – они были уничтожены тоталитарными властями".

Тогда я впервые прочла его книгу, написанную очень искренне.

Потом узнала, что З.Вайнберг – миллионер, это было интересно: среди моих знакомых миллионеров не было. Виделась я с ним еще несколько раз: когда он приезжал из Парижа, всегда приходил в Тель-Авивский университет.

Знакомство имело неожиданное продолжение. Возникла идея написать о З.Вайнберге очерк, за который я взялась совместно с Бецалелем Гендлером.

Мы встретились с Эсфирью Моисеевной Берман (в девич. Вайнберг) в 2001 году, когда ее брата – З.Вайнберга – уже не было в живых (он умер в марте 1999 г. и похоронен в Израиле). Она поделилась с нами воспоминаниями о брате, показала много семейных фотографий разных лет и подарила его книгу. В разговоре выяснилось, что Вайнберг был в дружеских отношениях с некоторыми химиками Тель-Авивского университета, особенно с проф. И.Ёртнером, прославившим израильскую химическую науку.

Проф. Ёртнер принял нас в своем большом кабинете в химическом корпусе университета. Он очень тепло вспоминал о Зельмане Вайнберге, с которым был знаком 16 лет, и одобрил идею написать об этом человеке.

Отношения между двумя химиками сложились неформальные. Они встречались в Израиле, звонили друг другу: Париж – Тель-Авив и Тель-Авив – Париж. Вайнберг постоянно интересовался последними достижениями и успехами израильских ученых.

В 1988 г. проф. Ёртнера наградили престижной международной премией Вольфа, которую ему торжественно вручали в кнессете. На церемонию он пригласил Вайнберга с супругой. Они были растроганы, радовались успеху своего израильского друга.

Рассказывая о Вайнберге, Ёртнер сказал: *"Зельман всегда был евреем"*. И хотя он большую часть жизни прожил во Франции (50 лет!), внес большой вклад в развитие израильской науки.

Глава семьи – Моше-Арон Вайнберг – владел текстильным предприятием в Кишиневе, известным далеко за пределами города. Прогрессивно и демократично настроенный, он был уважаемым в городе человеком и пользовался симпатиями всех слоев населения.

Его жена Роза-Чарна (в девич. Шварцман) воспитывала двух дочерей (Аиду и Эсфирь) и двух сыновей (Зельмана и Абрама).

Семья проживала по ул. Харлампиевской № 109, между улицами Гоголя и Харузина (Горького).

Старший Зельман (Зёма), герой нашего очерка, родился в 1910 г. в Кишиневе. Зельман окончил местное реальное училище и уехал учиться во Францию. Он увлекался химией и решил поступить на химический факультет Страсбургского университета. Учеба на этом факультете считалась сложной и трудной. Зельман был очень способным, одаренным человеком. Его приняли. В 1935 году он успешно окончил университет, получив хорошую подготовку и звание магистра.

Он начал работать инженером-химиком по очистке нефти в Плоештах (Румыния) на нефтяном заводе. Проработал около двух

лет. Из-за антисемитизма на заводе вынужден был уволиться; вернулся в Кишинев и стал помогать отцу.

Вскоре его младший брат Абрам тоже стал инженером-химиком и возглавил крупную текстильную фабрику города Тимишоара – центра Трансильвании (Румыния).

Химия очень многогранна и имеет прямое отношение и к тканям, к текстильному производству: это и синтез волокон с заданными свойствами, и процесс крашения ткани (от колбы до промышленного производства – это долгий и тернистый путь); а как сделать, чтобы ткань не линяла, имела товарный вид, была прочной и т.д.? На эти и другие вопросы химики ищут и находят ответы.

Наступил конец июня 1940 года. Младшая сестра Эсфирь только что успешно защитила диплом в Бухаресте и вместе с Зельманом поехала в Тимишоару, к Абраму, чтобы отметить это событие и со всеми вместе отдохнуть в небольшом курортном городе Бузияшь (Румыния).

Телефонный звонок из Кишинева оказался неожиданным: звонил отец и посоветовал своим детям немедленно вернуться домой.

Обратный путь лежал через Бухарест. Сотни бессарабцев заполнили вагоны, направляясь в Кишинев, Черновицы (Черновцы), Бельцы (Бэлц), Измаил и другие города, переходившие под новую – советскую – власть. Граница теперь проходила через город Унгены.

В тот момент, когда Зельман, Эсфирь и Абрам вернулись, Кишинев восторженно приветствовал своих *освободителей*. Здравицы в честь Красной Армии звучали на русском, румынском и еврейском (идиш) языках. Два дня не прекращалось уличное ликование.

Но З.Вайнберг пишет в своей книге: *"Как говорится – Finita la comedia! – через несколько дней театральный занавес опустился, декорации были разобраны и начались советские будни <...> Никто из нас не предвидел, что это не конец, а только начало пути – многолетнего пути тревог, унижений, неоправданных потерь, горьких разочарований, смертей или жизни на грани смерти"*[1].

В конце июля 1940 г. арестовали главу семейства, Моше Вайнберга, как владельца предприятия. Семья его больше не видела – он погиб по дороге в ГУЛАГ.

Зельман остался за старшего. Чтобы избежать высылки, семья тайно переехала в Черновицы.

---

[1] *З.Вайнберг.* Семь лет ужаса. Париж, 1989. С.13, 15.

Это был прекрасный город, чистый, уютный, с замечательной архитектурой, музеями, университетом, со следами австро-венгерской и галицийской культур. Город называли миниатюрной Веной.

Зельман – обладатель диплома инженера-химика элитарного Страсбургского университета и многочисленных отзывов о высоком профессионализме – начал искать работу. Помог случай. В Аптечном управлении требовались специалисты для организации химико-фармацевтического производства всесоюзного значения.

Зельману пришлось скрыть свое социальное происхождение: он назвался выходцем из бедной семьи. Его приняли на работу и вскоре представили коллективу в качестве руководителя нового технологического предприятия. Планировалось строительство большой лаборатории по контролю качества пищевых и фармацевтических продуктов. В ведении предприятия было несколько заводов: сахарный, мыловаренный и др. З.Вайнберг стал также ответственным за завод по очистке эфира при помощи натрия. Эта технология была взрывоопасной в полном смысле слова. Как известно, эфир легко воспламеняется, а натрий горит и в воздухе, и в воде. Работа у Вайнберга была очень ответственной. Можно еще добавить, что к бессарабцам новая власть относилась с недоверием и подозрительностью.

Работал он увлеченно, зарекомендовал себя хорошим специалистом и организатором. Пришло признание коллег и начальства.

Наступило 22 июня 1941 года, началась война. Начальство срочно эвакуировалось, приказав З.Вайнбергу остаться и по телефонному сигналу взорвать эфирный завод и все его запасники с горючим. Он пишет: *"Я хорошо понимал, чем это грозит городу, его жителям и лично мне, исполнителю этой акции. В эти роковые дни мне пришлось принять очень ответственное решение, важное не только для меня. <...> С расстояния 20 километров от города НКВД отдало приказ. Взрыва не последовало. Тогда в городе появились 15 мотоциклистов с тем же заданием, но и они не решились пожертвовать своей жизнью и тут же дезертировали. Город был спасен"*[2].

Семья Вайнбергов разделила участь многих евреев, была в гетто. В 1942 г. Абраму удалось тайно вернуться в Румынию, откуда он

---

[2] Там же. С.46–47.

пытался добраться до Эрец-Исраэль через Турцию, но пароход, на котором он плыл, был взорван, и Абрам погиб вместе со всеми.

Все перипетии судьбы в оккупированных немцами и румынами Черновицах Зельман описал в своей книге.

Он и его родные выжили и при первой же возможности уехали в Румынию. В 1944 г. они уже были в Бухаресте.

До 1948 г. Зельман жил в этом городе, но страстно мечтал о переезде во Францию, с которой был связан годами учебы в университете. Ему удалось нелегально переехать в Париж. Этот отдельный интересный рассказ о его смелости и находчивости также описан в его книге. С тех пор он жил и работал в Париже. Начался новый этап его жизни, который после семи лет ужаса можно назвать счастливым.

В 1949 г. в Париж переехала его мать, которую он вызвал к себе. Тогда же он женился на девушке из бессарабского города Тарутино Симе Розенберг, с которой встречался еще в Бухаресте.

Они жили в собственном доме на бульваре Поль Дюмер в фешенебельном районе напротив Трокадеро. Их пятикомнатная квартира была со вкусом обставлена. Одна из комнат служила ему кабинетом, в ней он любил работать, и там у него всегда под рукой были нужные книги.

Вайнберг был оптимистичным и очень жизнелюбивым человеком. Он и Сима устраивали приемы и сами были частыми гостями у своих друзей. Они ходили в театры, на концерты, на выставки. Зельман был человеком азартным и посещал казино. Общались с эмигрантами из Бессарабии, Румынии, французскими евреями, среди которых было много интересных личностей. Зельман поддерживал отношения и с послом Израиля во Франции.

Каждый год Зельман и Сима отдыхали на курорте Дивон-ле-Бэн, возле Женевы, принадлежащим Франции, где останавливались в Гранд-Отеле.

Зельман был большим гурманом, очень любил сладкое, хотя часто рассуждал о пользе различных диет. Его племянница Илана рассказала нам такой случай. Однажды в ресторане он заказал на десерт по порции торта, но официант принес целый торт, сказав: "Я же Вас знаю, все равно закажете еще. Так я сразу принес!"

Очень хорошо относился к родственникам, помогал им. Вообще помогал очень многим.

Интересовался также политикой, был знаком с М.С.Горбачевым, которому симпатизировал.

Знакомым богатым евреям советовал вкладывать деньги в израильскую науку, в строительство больниц. Многие последовали его совету.

Вайнберг был человеком талантливым, коммуникабельным, обладал и организаторскими способностями. Опыт работы с отцом оказался для него очень полезным. Зельман решил продолжить семейную традицию и занялся текстильным производством.

Ему пришла в голову оригинальная идея. Он закупил по дешевой цене у представителя американской армии большое количество рулонов перевязочной ткани метровой ширины. Война окончилась, и необходимость в этой ткани отпала. Ткань он пропитал специальной смесью химических веществ и ... получил прекрасный материал для карманов в мужских костюмах.

Появились первые доходы.

Затем он изобрел непромокаемую плащевую ткань, из которой шили легкие плащи; они были очень популярны и быстро раскупались.

В 1960 г. Вайнберг наладил производство трикотажа в Италии. А в Париже для этой ткани у него был огромный склад, из которого трикотаж направлялся во многие страны.

В промышленной зоне Парижа Saint-Denis, где размещались оптовые предприятия, находилась и его фирма "Vacom", ставшая известной.

У него работало около 30 человек; Вайнберг был хорошим и знающим руководителем, был справедлив, его уважали.

Ширились его деловые связи, последовали поездки в Японию, Гонконг и др. Доходы увеличивались, фирма процветала. Она просуществовала до 1995 года, затем Вайнберг ее продал и позволил себе уйти на заслуженный отдых.

В 1962 г. его младшая сестра Эсфирь с семьей переехала из Румынии в Израиль.

С тех пор он стал часто здесь бывать. Он любил Израиль, где у него было много родных и друзей, но всегда возвращался в Париж, где занимался любимой работой. Немаловажно, что работа эта приносила большую прибыль. У него появилась возможность создать свой фонд. Он хотел помочь развитию химической науки в Израиле. З.Вайнберг подарил 10 миллионов долларов Тель-Авивскому университету, на которые были созданы новые кафедры, носящие его имя, фонд помощи молодым ученым, в том числе новым репатриантам (стипендии) и т.д.

Он пожертвовал деньги также Еврейскому университету в Иерусалиме, Хайфскому Техниону для строительства студенческого общежития и др.

В декабре 1985 г. Тель-Авивский университет присвоил Зельману Вайнбергу почетное звание доктора философии. Церемония вручения диплома состоялась в 1986 г. в торжественной обстановке. Было сказано много добрых слов в его честь. Сам виновник этого события был растроган и произнес ответную взволнованную речь.

Оставаясь гражданином Франции, он считал своим долгом помочь Израилю, его науке. Он делал это так же талантливо, как все, чем занимался в жизни.

Библиография

З.Вайнберг. Семь лет ужаса. Париж, 1989. 96 с.
Z.Weinberg. Dans l'Etau de Staline et de Hitler. Paris, 1990. 112 p.
Z.Weinberg. In Stalin's and Hitler's Iron Grip. Paris, 1991. 112 p.
Z.Weinberg. Seven years of horror. Israel, 1994. 102 p. (идиш).

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Красота, талант и эрудиция, или Сохранение памяти (Мария Шабшай)

Дмитрий Гузевич (Франция)

Савелий Сорин – портретист

Ирина Обухова-Зелиньска (Польша–Россия)

Мишель Кикоин – живописец парижской школы

Константин Кикоин (Израиль)

Красота, талант и эрудиция, или Сохранение памяти (Мария Шабшай[1])

Дмитрий Гузевич (Париж)

Инициатором этой статьи был покойный Борис Николаевич Лосский, приславший рукопись своего прощального слова на смерть Марии Лазаревны Шабшай и его опубликованную версию. Хранитель Музея еврейского искусства Софи Розенберг по моей просьбе любезно предоставила дополнительные материалы, за что я очень благодарен. Тем не менее, осуществить предложение Бориса Николаевича никак не удавалось, пока за это не взялся Дмитрий Юрьевич Гузевич – большое ему спасибо.

Позволю себе здесь поклониться памяти прекрасного русского интеллигента искусствоведа Б.Н.Лосского. Борис Николаевич первым согласился войти в редакционный совет издания «Евреи в культуре Русского Зарубежья», которое он дважды украсил своими мемуарными очерками.

М.Пархомовский

Мария Шабшай

Вот уже более полустолетия в Париже существует один из интереснейших национальных музеев – Музей еврейского искусства и истории (Musée d'art et d'histoire du Judaïsme) с прекрасной библиотекой при нем. У истоков музея, среди других лиц, стояла маленькая

[1] Шабшай в переводе с иврита означает "субботний подарок".

хрупкая женщина – Marie Chabchay, она же – Мария Лазаревна Шабшай (1890 – 1983).

Родилась она в Петербурге, в семье присяжного поверенного Авербаха. Борис Лосский пишет о нем как о человеке "высококультурном" [1; 2, f.1]. Быть может я бы и не обратил особого внимания на этот эпитет, если бы при сборе документов о жизни Марии Шабшай мне не посчастливилось встретиться с Жакобом Дааном (Jacob Dahan), директором культурно-образовательного центра "Merkaz" (Merkaz de Montmartre – Centre éducatif culturel et communautaire). Этот центр находится в том же здании, где м-м Шабшай проработала четверть века. И г-н Даан ее прекрасно помнит: "Очень красивая женщина, и большой культуры", – фраза, которую он повторил раз пять за время нашего короткого разговора. Ну как тут не вспомнить характеристику, данную ее отцу...

Среднее образование Мария получила в частной женской гимназии известного педагога М.Н.Стоюниной, окончив ее в 1910 г. с золотой медалью.[2] И дальше – Высшие женские (бестужевские) курсы (ВЖК)[3], где ее учителями были знаменитые "античники" и медеивисты – Иван Михайлович Гревс (1860–1939) и Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874–1939). Благотворное влияние этих профессоров было столь велико, что его не только прекрасно сознавала сама Шабшай, но и чувствовали даже ее ученики, в частности Борис Лосский [1].

Документ об окончании ВЖК не давал почти никаких прав. Под давлением общественности, как, впрочем, и отвечая потребностям экономики, 19 декабря 1911 г., т.е. в период обучения Марии Авербах на Бестужевских курсах, правительство издало закон, разрешавший

---

[2] Через тридцать лет, 14 октября 1938 г. в Париже состоялся торжественный сбор воспитанниц, преподавателей и друзей гимназии М.Н.Стоюниной по случаю ее 93-летия [3, т.3, с.485]. Мария Шабшай в эти годы проживала в Париже и к этому времени успела побывать в роли не только ученицы, но и преподавательницы этой гимназии.

[3] Приведем текст Б.Н.Лосского: «<...> закончив ее в 1908 году с золотой медалью. Это позволило ей поступить (в ту пору "процентных норм" и "черт оседлости") на Высшие женские курсы <...>» [1; 2, f.1], из которого можно понять, что именно золотая медаль открыла двери Бестужевских курсов еврейке Марии Авербах. Глубокоуважаемый автор ошибается. В эти годы ни официальное законодательство, ни административные подзаконные акты никак не ограничивали и не обуславливали медалями прием евреев в общественные и частные высшие учебные заведения, к каковым относились и ВЖК. Первая атака на эту группу учебных заведений относится лишь к 24.2 /8.3.1916 г., причем, вероятно, с подачи Николая II [4].

выпускницам курсов держать экзамены перед специальными испытательными комиссиями. Удостоверения о сдаче экзаменов приравнивались к университетским дипломам [5]. Вполне возможно, что наша героиня прошла именно этот путь. Тогда не кажется ошибкой фраза в некрологе, подписанном людьми, ее хорошо знавшими: "<...> Мадам Шабшай получила <...> университетское образование в области истории искусств" [6]. В 1914 г. она представила диссертацию (дипломную работу?) на тему "Религиозная жизнь в Помпеях" [6].

Замуж Мария Авербах вышла за крупного еврейского предпринимателя, и в материальном плане ее жизнь казалась безоблачной: беззаботность, путешествия "etc...", как изящно выразился Б.Лосский [2, f.1].

Но наступила революция. Семья в единый миг оказалась совершенно разорена и надо было искать работу. Мария Шабшай возвращается в ту же Стоюнинскую гимназию, но уже в качестве преподавателя всеобщей истории. В 1918 г. гимназия была превращена в Десятую советскую школу, но еще несколько лет сохраняла свой культурный уровень и либеральный дух.

Воспоминания об уроках Шабшай сохранились у Б.Лосского, внука М.Стоюниной, обучавшегося в этой школе в начале 20-х гг.: *«Приверженность "вере отцов" отнюдь не мешала Марии Лазаревне передать нам интерес и любовь к христианской культуре через знакомство с "Божественной комедией" Данте и с жизнью Франциска Ассизкого. Не один я был осчастливлен ее сверхпрограммными уроками, открывшими нам глаза на изобразительное искусство и архитектуру Равенны, Пизы, Флоренции и Сиены. Благодарной памятью об этих уроках мы еще совсем недавно, шестьдесят лет спустя, делились в Париже с моей одноклассницей, которую судьба занесла во Флоренцию»* [1; 2].[4]

И, тем не менее, наша героиня была вынуждена эмигрировать. Во Франции она обосновалась в 1927 г., получив еще до отъезда из Ленинграда основательный опыт музейной работы в Эрмитаже, – опыт, который окажется для нее бесценным через два десятилетия [7, p. 3; 6].

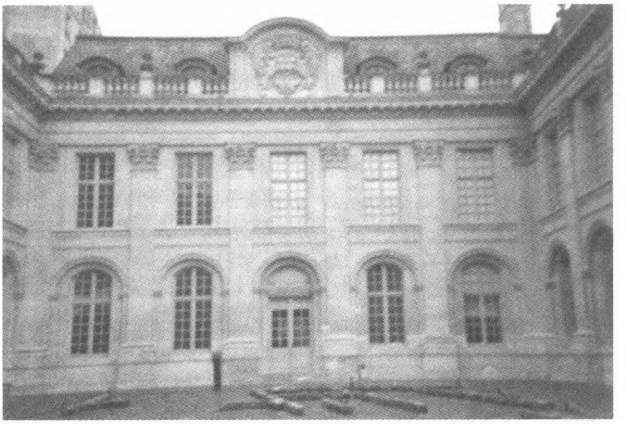
В Париже Мария Шабшай нашла свое призвание и выбрала путь художника: безусловно в воздухе этого города разлит какой-то

---

[4] Мы не можем обойти вниманием подпись Бориса Лосского, этого глубоко русского человека, которую он поставил под машинописной версией своей статьи, переданной в Музей еврейского искусства: "Juif de coeur et d'honneur" ("Еврей сердцем и честью") [2, f.2].

яд, или, если хотите, наркотик творчества. И его Genius Loci отнюдь не безобиден. Особенно для бездарностей...

Однако молодая художница была талантлива. Она быстро начала выставляться. В довоенный период – в 1937-39 гг. – в Салоне Тюильри (Salon des Tuileries), а сразу после Освобождения – у Кати Грановой (Katia Granoff) на набережной de Conti, 13.[5] Здесь с 21 апреля по 5 мая проходила выставка картин и гуашей Марии Шабшай[8; 9; 10].[6]

Здание Музея еврейского искусства на rue du Temple, 71. Вид со двора
Фото автора статьи

Настоящий успех ей как художнице принесла 11-дневная выставка (с 17 по 27 октября 1955 г.) в галерее Марселя Бернгейма (Galerie Marcel Bernheim, 35 rue La Boétie). Выставка получила "хорошую прессу" (выражение точное, но уж больно не русское). В нашем распоряжении имеется 9 франко- и русскоязычных откликов (не считая позднейших воспоминаний): в "Русских новостях",

---

[5] Меценат, владелец галереи, деятельница культуры, Катя Гранова получила немалую известность в среде русской эмиграции уже с конца 20-х гг. См. о ней [3, т.4], по указателю (с.107). Ее имя упоминается также в т.1 *ЕВКРЗ* (с.387).

[6] Несмотря на это, ее имя не попало ни в *Биографический словарь художников русской эмиграции* Д.Северюхина и О.Лейкинда, ни в *Хронику русского зарубежья*, ни в короткий обзор "Русско-еврейский Париж в послевоенные годы" Льва Мнухина [3; 11; 12].

"Revue Moderne", "La Terre Retrouvée", "La vie juive", "Combat – Paris", "L'Information", "Arts", "Le Figaro" и др. [9; 13–15; 16].

Чтобы не фантазировать (автор не мог видеть выставку, состоявшуюся в год его рождения и, к тому же, в другой стране), предоставим слово очевидцу: *"Увлечение историей живописи нашло блестящее отображение в двух представленных на выставке портретах, посвященных эпохе Кваттроченто – профили горбоносого юноши и нежной девушки с розой, окруженные прекрасно выписанными эмблемами эпохи <...>. Очень хорош залитый солнцем пейзаж с оливковой рощей <...>; останавливают внимание расписные ханукальные лампы, особенно на сиреневом фоне <...>. С большою нежностью и любовью сделана витрина антикварного магазина с прелестным женским лицом на фоне ваз и безделушек <...>. Если художнице близко прошлое с некоторой дымкой грусти, то она обращает внимание и на настоящее: несомненно ей близок и понятен порт Сиота с пароходом на мертвых якорях и застывшими в воздухе лебедками; дальняя перспектива окутанного дымом порта, верфи <...> и написанный в манере импрессионистов док с десятками подъемных кранов"* [9].

И все же, несмотря на весь свой талант живописца, в историю Мария Шабшай войдет не столько как художник, сколько как один из основателей и первый Хранитель Музея еврейского искусства в Париже. Обе эти ипостаси нашей героини тесно связаны между собой, поэтому обратимся ко второй из них.

Впервые идею создания Архива и Музея еврейского народного искусства (Archives et Musée d'Art Populaire Juif) высказал в 1947 г. инженер Леон Френкель (Léon Frenkiel), тогда технический директор "ORT France"[7].

Вообще подобные идеи после Катастрофы возникали во многих местах: люди пытались спасти то, что спасти еще было возможно[8] и сохранить память, тем более, что в годы войны чудом уцелели коллекции некоторых из уничтоженных еврейских музеев Европы.

---

[7] "ORT France" – сокращенное название организации "ORT = Organisation – Reconstruction – Travail : Société française de propagation du travail industriel et agricole parmi les Juifs" = "Французское общество распространения ремесленного и земледельческого труда среди евреев" – восстановило свою работу в 1945 г. Парижский Комитет ORT, как и до войны, возглавлял российский эмигрант А.С.Альперин. При ORT имелись технические и профессиональные школы. Дирекция Общества располагалась в XVI округе Парижа (70, rue Cortambert) [12, с. 101–102; 17; 18].

[8] См. письмо М.Шагала [19] в Приложении.

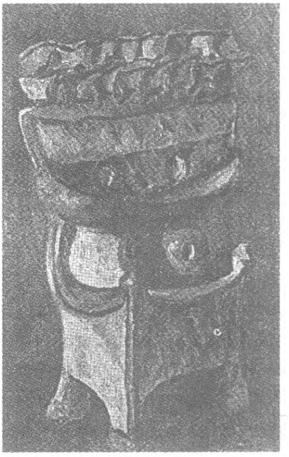
Именно тогда музеи истории и культуры евреев стали возникать по всей Европе – от Праги[9] до Парижа, и по всей Америке – от Северной до Южной.[10]

Френкелю было что положить в основу музея, ибо еще до войны он собрал огромную коллекцию материалов, касающихся синагог, деревянной скульптуры и намогильных камней с еврейских кладбищ Польши, Литвы и Румынии.

Инженер был упорен в достижении цели, и ему удалось увлечь идеей Эрика Шибера (Eric Schieber), который также занимал ответственный пост в ORT. Последний даже через полвека, в 1998 г., по словам хранителя музея, Софи Розенберг (Sophie Rosenberg) продолжал оставаться "la colonne vertébrale du Musée" ("хребтом музея") [7, p. 1].

Вместе они смогли объединить энтузиастов и создать организационный Комитет, возглавил который видный юрист, президент Центральной консистории (Consistoire Central) и ORT Леон Фредерик Мейсс (Léon Frédéric Meiss, 1896–1966) [7, p.3; 21; 22].

Вопрос о создании музея решался на собрании дирекции ORT, по-видимому, в середине февраля 1948 г. Во всяком случае, 20 февраля датировано письмо следующего содержания, адресованное Ассоциацией ORT Марии Шабшай:

Картина М Шабшай (Старинная ханукальная лампа) с выставки в галерее Марселя Бернхайма (1955)

"Chère Madame,

В ходе последнего собрания Центральная Дирекция ORT Française решила, согласно предложению инженера

---

[9] Мои друзья из Ленинградского технологического института, побывавшие в студенческом отряде в Чехословакии в 1978 г., с удивлением рассказывали о "музее уничтоженного народа" в Праге: маршруты составлялись так, чтобы советские туристы туда не попали, и о наличии самого музейного комплекса им даже не говорили. Музейные работники были страшно удивлены, когда молодые люди запросили путеводители на русском языке – сами-то листовки-путеводители имелись, но ими никто никогда не интересовался... (Рассказано Юлией Самуиловной Юхой в августе 1978. Воспроизведено по памяти. – *Д.Г.*).

[10] Подробнее об этом движении см. в [20].

Л.Френкеля, основать Архив еврейского искусства (архитектура, графика, еврейские орнаменты, etc.). При ORT Française будет организована специальная Комиссия для руководства этим институтом.

Мы имеем честь известить Вас, что Вы выбраны в качестве члена этой Комиссии <...>". И далее м-м Шабшай приглашалась 25 февраля 1948 г. на ее первое заседание [17].

Надо отметить, что Мария Лазаревна проживала на rue Desbordes-Valmore, в непосредственной близости от Центральной дирекции ORT на rue Cortambert (эти улицы являются соседними). Вряд ли это случайно. И объявление того, почему именно Шабшай была приглашена на должность хранителя, надо искать в ее более ранних контактах с ORT.

Первоначально все размещалось в том же доме 70 на rue Cortambert [19], но довольно быстро для музея было найдено помещение в другом здании, которое также занимало ORT, на Монмартре, по адресу 42 rue des Saules.

Из имеющихся в нашем распоряжении материалов не вполне ясно, один либо два разных организма представляли собой Специальная Комиссия, о которой идет речь в цитировавшемся письме [17] и куда вошла Мария Шабшай, и Комитет 1948 года (состав которого см. [23]). Во всяком случае, в списке членов Комитета имя Шабшай отсутствует. Допускаю (если, конечно, перед нами не явная ошибка), что Комиссия была "рабочей лошадкой", а Комитет выполнял скорее почетно-представительские функции. Однако, был еще и собственно Почетный комитет (Comité d'honneur), куда входили крупные раввины (Grands Rabbins) Maurice Liber, Isaïe Schwartz, Julien Weil, а также Израиль Ефройкин (Israël Jeffroykin, 1884 – 1954)[11], члены семейства Ротшильдов (Alain de Rothschild) и некоторые деятели культуры, например, Georges Huisman (кстати, будущий автор статьи о творчестве Марии Шабшай [16]). Из российской диаспоры можно еще назвать доктора медицины, известного психиатра Евгения (Юджина) Минковского (Eugène Minkowski, 1885 – 1972)[12] [7].

В основном Комитете, помимо Леона Мейсса в качестве президента, мы находим уже знакомых нам А.Альперина (A.Alpérine)[13] и

---

[11] См. о нем [3, т.4] по указателю (с.137), [24] и сборники *ЕВКРЗ*: т.1 (с.58, 73), т.4 (с.539), т.5 (с.24, 25, 28, 29).

[12] См. о нем [3, т.4] по указателю (с.234), [25] и сборник *ЕВКРЗ*: т.6 (с.70).

[13] См. о нем [3, т.4] по указателю (с.28) и сборники *ЕВКРЗ*: т.3 (с.506), т.4 (с.539, 542).

Леона Френкеля в качестве вице-президентов, Эрика Шибера в качестве заместителя генерального секретаря и среди членов Комитета – Марка Шагала, только что вернувшегося во Францию из эмиграции.[14] В архиве Марии Шабшай сохранились два письма Шагала [19; 30], написанных ей в период и по-поводу организации музея в 1949 г. (см. их публикацию в конце нашей статьи). Позднее в Комитет войдет уже упоминавшийся нами Жакоб Даан. Обратим внимание еще на двух человек – на заместителя Мейсса доктора Андре Бернгейма (André Bernheim) – вице-президента Центральной Консистории и крупного коллекционера, и на члена Комитета м-м Neher-Bernheim [7; 22; 23]. И вспомним, что лучшая выставка Шабшай через 7 лет была в галерее Марселя Бернгейма.

Перед нами единый еврейский культурный круг, где прекрасно уживались в тесном сотрудничестве и собственно французские евреи – сефарды, и выходцы из Российской империи и Восточной Европы – ашкенази. Мы обращаем внимание на этот факт, ибо менее чем за полвека до описываемых событий, в начале XX столетия, различие между этими общинами в Париже было довольно сильным, а отношения далеко не всегда безоблачными. Часто они, в буквальном смысле этого слова, не находили между собою общего языка.

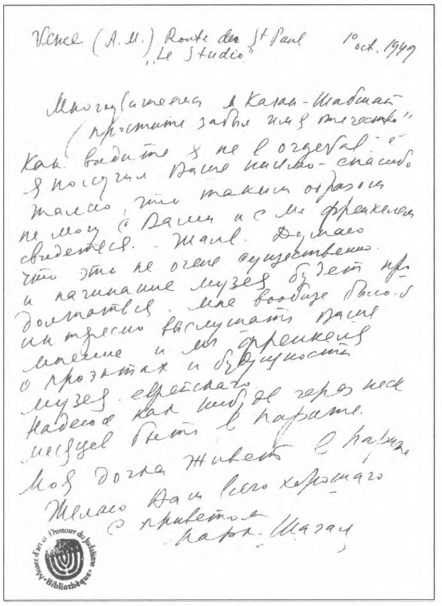
Мария Лазаревна Шабшай стала первым Хранителем (Conservateur) музея. Эта должность включает, в соответствии с российскими реалиями, не только обязанности хранителя фондов, но и директора музея. Поэтому вполне понятна оговорка в "Еврейской жизни" ("La vie juive") от 1955 г., где Шабшай названа директором музея – "directrice du Musée Juif de Paris" [14].

Музей был открыт в 1948 г. под названием "Archives et Musée d'Art Populaire Juif", т.е. под тем, которое изначально предлагал Френкель. Как следует из публикуемых нами писем, в этот период он с Шабшай очень тесно сотрудничал. В 1950 г. их детище получило новое имя, с которым и вошло в историю, – Музей еврейского искусства (Musée d'Art Juif). Через 50 лет, в 1998 г., музей еще раз сменил имя – стал называться Musée d'art et d'histoire du Judaïsme и

[14] Марк Шагал (во Франции – Marc Chagall) в 1937 г. принял французское гражданство, а в мае 1941 г. был вынужден эмигрировать в США (прибыл в Нью-Йорк в июне 1941) [26; 27]. Даты возвращения во Францию варьируют между 1947 и 1948 гг. (например, [26] и [27; 28] соответственно). В [29] указано более обтекаемо: "Окончательно вернулся во Францию в 1948". По-видимому, возвращение проходило в несколько этапов, что подтверждает и публикуемое нами письмо Шагала [19] (почтовый штемпель от 7.4.1949). Из него ясно следует, что в целом семья находилась в процессе переезда до весны 1949 г.

переехал в новое здание – в Hôtel de Saint-Aignan (71, rue du Temple), некогда принадлежавший мэрии VII округа, в центре города, в районе Марэ (Marais) рядом с еврейскими кварталам [7; 22; 31].

Однако вернемся к Шабшай. В основе организованной ею первой экспозиции лежали богатейшие коллекции Френкеля и модели, созданные учениками школы ORT, которых обучали столярному искусству.[15] Это были модели синагог различных стран Восточной Европы, в первую очередь, Польши и Литвы. Главным образом речь идет о деревянных синагогах и синагогах-крепостях[16]. Затем появились отделы синагогальной скульптуры и живописи, мозаики, культовых объектов, народного и современного искусства. Начала собираться библиотека, появился центр документации, художественно-педагогические мастерские. Новый музей включил в себя также коллекции Страуса Ротшильда (Strauss Rothschild), Музея Клюни (Musée de Cluny), Консистории Парижа, а также много новых приобретений и даров [7; 22].

Письмо Марка Шагала Марии Шабшай от 10 окт. 1949 г.

С географической точки зрения экспозиции охватывают искусство евреев Европы (особенно Восточной) и Северной Африки [20].

Со временем, благодаря финансовой помощи из

[15] Благодарим за эту информацию г-на Жакоба Даана.

[16] О синагогах обоих этих типов см. также: *Ходорковский Ю.* К вопросу об исследовании историко-архитектурного наследия еврейских общин Украины // Вестник Еврейского университета в Москве (Москва; Иерусалим). № 3. 1993 (5753). С. 108–128 ; История евреев на Украине и в Белоруссии: Экспедиции, памятники, находки : Сборник научных трудов / Петербургский еврейский ун-т. СПб., 1994. 224 с. (Труды по иудаике. Сер. "История и этнография". Вып. 2).

Швейцарии, музей основал Премию Адольфа Неймана (Prix Adolphe Neumann), которая присуждается молодым художникам и скульпторам [7].

Роль Марии Шабшай в развитии этого центра переоценить сложно. В 1955 г. Марианн Колин (Marianne Colin) писала: *"Любители искусства уже знают м-м Марию Шабшай, Хранителя Музея еврейского искусства, чья эрудиция и преданность создали живой артистический очаг и, в то же время, исследовательский центр"* [15].

Мария Лазаревна продолжала оставаться во главе музея до 1974 г.[17], т.е. в течении четверти века, когда в возрасте 84 лет ушла на очень скромную пенсию[18] (Не можем не отметить, что обычный пенсионный возраст во Франции – 65 лет).

За свою деятельность на посту Хранителя музея она была награждена "Вермелевой медалью" (Medaille de Vermeil) города Парижа, и до конца своих дней носила звание Почетного Хранителя Музея еврейского искусства [1; 2; 6].

Скончалась Мария Лазаревна Шабшай в возрасте 93 лет.

После нее остались ученики, картины и музей – застывшая память ее народа. Мало кто на этой земле может оставить людям такое наследие – настоящий Дар Субботы.

Приложение

Письма Марка Шагала Марии Шабшай

Письма [19; 30] хранятся в фонде Марии Шабшай в библиотеке Музея искусства и истории иудейства, Париж (MAHJ – Musée d'Art et d'Histoire du Judaïsme, dos. 617). Печатаются с сохранением авторской орфографии и пунктуации. В угловые скобки заключены расшифровки авторских сокращений. Письма публикуются впервые.

---

[17] В некрологе, подписанном Комитетом Музея Еврейского искусства в Париже, почему-то указано "до 1975" ("jusqu'en 1975") [6]. Возможно, что речь идет о самом конце 1974 г.

[18] С 1974 по 1998 г. во главе музея стояла Софи Розенберг (Sophie Rosenberg), подготовившая его трансформацию и переезд в новое здание, а с 1998 г. – уже новый Музей искусства и истории иудейства – Лоранс Сигаль (Laurence Sigal) [7].

Мы благодарим библиотекаря Музея мадам Изабель Плескофф (Pleskoff) за помощь в работе с документами и за предоставление копий с писем для публикации.

Недатированное письмо (почтовый штемпель при отправке 7.4.1949) [19].

Конверт:

Madame M. Shabchai
Archives et Musée d'Art Populaire Juif
70 Rue Cortambert
Paris 16^{e}

На конверте :
Два идентичных почтовых штемпеля: "18 30 7 – 4 1949 BEAULIEU ^{S}/MER ALPES-MARITIMES"[19]
Почтовая марка стоимостью в 15 ^{f}
Печать "Musée d'art et d'histoire du Judaïsme ▪ Bibliothèque".

л.1
S^{t}. Jean Cap-ferrat (A<lpes>. M<aritimes>.) [20]
Комитет Архива – Музея
Многоуважаемая madame Шабшай
Я не знаю – я думаю это Вы – видев подпись.[21] – Я очень рад, что организовывается нечто вроде музея – архива евр<ейского> парадного иск<усства>. – Давно пора. Сколько потеряно! Я сейчас вдали от Парижа вернусь в конце месяца. (orgeval. S. et O.)[22] Но моя дочка[23] в

---

[19] Beaulieu-sur-mer – курортный город у начала мыса Cap-Ferrat, в 10 км восточнее Ниццы в департаменте Alpes-Maritimes во Франции

[20] St-Jean-Cap-Ferrat, городок на одноименном мысе в районе "Карниза Ривьеры", чуть восточнее Ниццы в департаменте Alpes-Maritimes во Франции.

[21] Насколько можно судить по этим строкам и следующим, послание Шагала является ответом на письмо Марии Шабшай с объяснением целей организуемого архива – музея и с предложением Шагалу принять в этом участие. Шагал еще не знает, как правильно пишется фамилия его адресата, хотя они уже были в контакте.

[22] Orgeval – городок в департаменте Yvelines (Île-de-France), на запад от Парижа, дальний его пригород. "S. et O." – не совсем понятное сокращение. Департамента с такой аббревиатурой нет. Возможно, что Шагал имел в виду

Париже, она возвращается из Америки скоро. (Villa Leandre 8ter (Montmarte)[24] Лучше через нее м<ожет>. б<ыть>. об этом сговоримся. Идея и цели Ваши меня очень интересуют.

С искренним приветом.

Марк Шагал.

Печать "Musée d'art et d'histoire du Judaïsme ▪ Bibliothèque".

Письмо от 10.10.1949) [30].

Конверт:

Mme K. Chabchay
24, rue Desbordes Valmore
Paris 16e [25]

На конверте :
Два идентичных почтовых штемпеля: "17 30 12 – 11 1949 VENCE ALPES-MARITIMES"[26]
Почтовая марка стоимостью в 15 ^f^
Печать "Musée d'art et d'histoire du Judaïsme ▪ Bibliothèque".

л.1
Vence (A<lpes>. M<aritimes>.)
10 oct<obre>. 1949
Route de [27] St Paul
"Le Studio"

Многоуважаемая М.Каган-Шабшай [28]

две реки: Orgeval, южный приток Сены, на котором стоит город, и саму Сену, протекающую недалеко.

[23] У Марка Шагала от первого брака с Беллой Розенфельд (ум. 1944) была дочь Ида, в замужестве Meyer. Ее муж, Franz Meyer, – автор книги *Marc Chagall: Life and Work* (New York, 1964; trad. fr.: Paris, 1964) [21; 26–29]

[24] Villa Leandre – небольшая тупиковая улица на Монмартре, недалеко от rue des Saules, где находился музей.

[25] Домашний адрес Марии Шабшай.

[26] Vence – город в горной местности западнее Ниццы в департаменте Alpes-Maritimes во Франции, где Шагал имел дом и мастерскую.

[27] Первоначально ошибочно стояло "des", затем "s" зачеркнуто.

(простите забыл имя отчество)

Как видите я не в orgeval[-e]. Я получил Ваше письмо – спасибо.

Жалею, что таким образом не могу с Вами и с М.Френкелем [29] свидеться. – Жаль. Думаю что это не очень существенно и начинание музея будет продолжаться. Мне вообще было-б интересно выслушать Ваше мнение и М.Френкеля о проэктах и будущности музея еврейскаго.

Надеюсь как нибудь через неск<олько> месяцев быть в Париже.

Моя дочка живет в Париже

Желаю Вам всего хорошаго

С приветом.

Марк Шагал.

Печать "Musée d'art et d'histoire du Judaïsme ▪ Bibliothèque".

Источники [30]

1*. *Лосский Борис*. Памяти учительницы // Русская мысль (Париж). 1983, 11.8.

2*. *Losky Boris*. A la mémoire de notre éducatrice. 1983. 2 f. – Французская версия статьи [1]. – MAHJ, DD 617.

3. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940, Франция / Под общ. ред. *Л.А.Мнухина*. 4 т. М.: ЭКСМО; Paris : YMCA-Press, 1995-97.

4. *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческиая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. С.226–228.

5. *Михеева Э.П.* Из истории высшего женского образования в России // История СССР. 1969. № 2. С.176.

6*. Décés de Madame Marie Chabchay, Conservateur honoraire du Musée d'Art Juif / La Comité du Musée d'Art Juif de Paris. <1983>. 1 f. – MAHJ, DD 617.

7*. Musée d'Art Juif : 1948–1998 : Cinquantenaire // Informations du Musée d'Art Juif de Paris. ¹11. 1997, déc. P.1, 3.

---

[28] Любопытное обращение, также как и инициал на конверте. Это ошибка Шагала, или Шабшай иногда пользовалась двойной фамилией? Более такой формы нам не встречалось нигде.

[29] О Леоне Френкеле см. текст статьи.

[30] Статьи и документы, помеченные знаком *, предоставлены автору М.А.Пархомовским.

8. *Bénézit E.* Dictionnaire critique et documentaire des Peintres, Sculpteurs, Dessinateurs et Graveurs <...>. Nouv. éd. T.2. Paris : Librairie Gründ, 1976. P.635.

9*. По выставкам: Мария Шабшай / *В.А.* // Русские новости (Париж). 1955, 28.10. – MAHJ, DD 617, n° 15.

10*. Katia Granoff présente Chabchay: peintures & gouaches: [пригласительный билет]. 1945. – MAHJ, DD 617, n° 24.

11. *Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л.* Художники русской эмиграции: 1917–1941: Биографический словарь. Петербург: Изд-во Чернышева, 1994. 590 с.; 2-е изд.: *Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я.* Художники Русского Зарубежья: 1917–1939: Биографический словарь. СПб: Нотабене, 1999. 717 с.

12*. *Мнухин Лев.* Русско-еврейский Париж в послевоенные годы // Очерки о русской эмиграции: Евреи России – иммигранты Франции = Les juifs russes – immigrants en France / Под ред. *В.Московича, В.Хазана, С.Брейар*. Иерусалим: Гешарим; Москва: Мосты культуры, 2000. С.99–107. (Cahiers de l'émigration russe).

13*. Marie Chabchay à la Galerie Marcel Bernheim // Combat – Paris. 1955, 24.10. – MAHJ, DD 617, n°7 ; *Carvalho Renée*. Marie Chabchay // La Revue Moderne (Paris). 1955. – Ibidem, n°11 ; *Vrinat R.* Les Expositions : Galerie Marcel Bernheim // Le Figaro (Paris). 1955, 20.10. – Copie dact. – Ibidem, n°13 ; *Jouffroy Alain*. Marie Chabchay // Arts (Paris). 1955, 26.10. – Ibidem, n°14 ; *Domerq René*. Chabchay // L'Information (Paris). 1955, 21.10. – Ibidem.

14*. Chabchay: Galerie Marcel Bernheim / E.N. // La vie Juive (Paris). 1955. – MAHJ, DD 617, n°12.

15*. *Colin Marianne*. L'Exposition Chabchay à la Galerie Marcel Bernheim // La Terre Retrouvée (Paris). 1955, 2.11. – MAHJ, DD 617.

16*. *Huisman Georges*. Les oevres de Marie Chabchay <...>. 1 f. – Manuscrit. – MAHJ, DD 617.

17*. Lettre de la Direction Centrale d'Association ORT à m-m Chabchay (34, rue Desbordes-Valmore, Paris 16°), 20.2.1948. 1 f. – Manuscrit. – MAHJ, DD 617.

18. ORT: Préparons ensemble votre avenir : Lycées technologiques privés // Le Guide du Judaïsme Français / Consistoire Central, Union des Communautés Juives de France. Nouv. éd. Paris, 5754–1993/1994. P.282.

19. Письмо Марка Шагала м-м Шабшай. Не дадировано, почтовый штемпель от 7.4.1949. 1 л., конверт. – Рукопись. – MAHJ, DD 617.

20. Museums : After the Holocaust / J.F. // Ibidem. Vol.12. P.540–554.

21. Who's who in France : Dictionnaire biographique: 1959–1960. 4e éd. Paris : Jacques Lafitte, 1959. P.1832

22*. Marcus Claude-Gérard. PPC : Pour Prendre Congé // Informations du Musée d'Art Juif de Paris. ¹11. 1997, déc. P.3–4.

23*. Le Comité en 1948 – Le Comité aujourd'hui // Informations du Musée d'Art Juif de Paris. ¹11. 1997, déc. P.1.

24. Ефройкин Израиль // Российская еврейская энциклопедия. Т.1: Биографии А–К. М.: Эпос, 1994. С.456.

25. Минковский Юджин (Евгений) // Там же. Т. 3: Биографии С–Я. М.: Эпос, 1997. С.287.

26. Who's who in France: Dictionnaire biographique : 1973–1974. 11e éd. Paris, 1973. P.402 ; Idem : 1983–1984. 16e éd. Paris, 1982. P.281.

27. Chagall, Marc / A.W. // Encyclopaedia judaïca. Vol.5. Jerusalem : Enc. Judaïca ; N.Y. : The Macmillan Comp., 1971. P.318–324.

28. Chagall, le Christ et la Choah / L.H.-L. // L'Histoire (Paris). № 187. 1995, avr. P.6–7.

29. Шагал Марк Захарович / *А.Шатских* // Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М.: РОССПЭН, 1997. С.705–706.

30. Письмо Марка Шагала м-м Шабшай. 1.10.1949. 1 л., конверт. – Рукопись. – MAHJ, DD 617.

31*. *Rosenberg Sophie*. La vie du musée // Informations du Musée d'Art Juif de Paris. [1]11. 1997, déc. P.2.

Савелий Сорин – портретист

Ирина Обухова-Зелиньска (Варшава – Москва)

Слева направо: **Москвин, Станиславский, Шаляпин, Качалов, Сорин** *на фоне соринского портрета Анны Павловой*

Савелий Сорин – один из самых выдающихся портретистов XX века. Это утверждение покажется совершенно очевидным и естественным для тех, кто знаком с русской живописью XX века в полном объеме, то есть включая зарубежную часть наследия художников, эмигрировавших после революции (или оставшихся за границей). Для многих, так сказать рядовых любителей живописи, в особенности молодого поколения, эта фамилия может оказаться и вовсе незнакомой. Во всяком случае, заинтересовавшись творчеством мастера, которое получало столь высокую оценку как при жизни, так и в наши дни, жители России, например, не смогут обнаружить его работ ни в постоянной экспозиции Третьяковской галереи (которая располагает 20 прекрасными соринскими портретами, подаренными его вдовой в начале 70-х годов, – после выставки 1974 года они, по всей видимости, так и пролежали в запасниках), ни даже прочитать о нем в выходящих в последнее время словарях и энциклопедиях по русской живописи[1], хотя наиболее известные художники-эмигранты постепенно начинают входить в сферу общественного сознания своих соотечественников, откуда они с такой последовательностью и упорством искоренялись в течение всех советских лет. Сорин был достаточно известен еще до революции, но после эмиграции[2] (и именно из-за нее) оказался исключенным из советского культурного поля, несмотря на идеологическую нейтральность творческого наследия. Таким образом, творческий и жизненный путь этого замечательного мастера известен лишь в общих чертах. Посвященный ему

очерк в основном источнике сведений о художниках-эмигрантах – биографическом словаре О.Лейкинда, К.Махрова, Д.Северюхина "Художники русского зарубежья" (СПб., 1999) – достаточно краток. Приведенная там библиография охватывает статьи в дореволюционной периодике и публикации в эмигрантских и западных художественных журналах, в основном 20 – 30-х годов. В кругу первой эмиграции Сорин был, разумеется, очень заметной величиной, тем более что нашел признание и во Франции, и в США. Его карьеру на Западе, в тех странах, где он жил и работал (Франция и США), можно считать вполне успешной – его работы покупали самые престижные музеи, там у него были свои ценители и состоятельные заказчики. В публикуемой переписке упоминаются супруги Кон, которые много сделали для Сорина. Американский миллионер Кон ввел Сорина в высшие круги американского общества и неоднократно покупал его работы. В 1929 году берлинским издательством "Ганимед" был издан роскошный альбом "Портреты". Однако после смерти художника как-то не нашлось страны, которая бы признала его своим и сочла необходимым ввести его в иерархию своих великих художников. Обычно его не включают в так называемую "парижскую школу" – это несколько искусственное объединение "под одной крышей" весьма разнообразных по характеру творчества живописцев (в большинстве все же отнюдь не академического толка), работавших в Париже примерно с 10-х годов XX века (верхняя граница определяется по-разному). Не фигурирует он и в списке выдающихся американских художников. В России он должен был бы войти в список выдающихся (если не великих) хотя бы на основании своих дореволюционных работ, что, несомненно, и произошло бы, если бы он умер, скажем, в 1918 году. Сорин, однако, не умер, а эмигрировал, каковым фактом определилось однозначное отношение к нему советского официоза. Даже публикации последнего времени в таком солидном издании, как "Наше наследие" (№ 1, 1989 и № 46, 1998), как видим, не слишком изменили это ненормальное положение – Сорин ценится специалистами и теми, кто по-настоящему интересуется русской культурой XX века, но широкой популярности его творчество не достигло, хотя предпосылки для этого совершенно очевидны: портреты его представляют известных деятелей культуры (А.Павлова, М.Фокин, А.Бенуа, Ф.Шаляпин, И.Баронова и др.) или светских красавиц (иногда это жены известных людей, сами оставившие след в истории искусства, как, например, А.А.Евреинова, иногда это просто заказные портреты) по исполнению эффектны и зачастую даже слишком элегантны. Оттенок салонности и явного академизма в манере исполнения большинства

известных портретов вызывал в свое время восхищение одних критиков и недовольство, а порой и насмешки, других. В наше время, когда как реализмы всяческого толка, так и авангардные и поставангардные направления, отдалены временем, ничто не мешает нам видеть несомненные и непреходящие достоинства соринской манеры. Что же касается так называемой широкой и, следовательно, менее искушенной, по сравнению с профессиональными критиками, публики, то эти особенности соринских портретов, возможно, сделали бы их особенно привлекательными. Значительность моделей сама по себе должна была бы привлечь дополнительный интерес к этим портретам, даже если бы они были исполнены с меньшим мастерством.

Сейчас стала очевидной необходимость популяризации творчества Сорина в широких масштабах, необходимость изучения его творческого наследия на современном критическом уровне и, что очень важно, воссоздание личностного портрета мастера в его психологическом и бытовом измерении. Приближение к выполнению последней из перечисленных задач возможно при условии выявления и публикации сохранившихся мемуарных свидетельств, соответствующих документов эпохи (дневники, письма, зафиксированные кем-либо рассказы современников) и, разумеется, личных документов художника. Знаменательна в этом смысле чрезвычайно интересная, быть может, до сих пор единственная такого рода публикация уже упоминавшегося очерка Дж.Боулта, написанного по материалам альбома Веры Судейкиной (позже Стравинской) с предисловием М.Пархомовского и уникальными репродукциями графического автопортрета С.Сорина и двух женских портретов (М.Чо-локошвили и Э.Дадиани) 20-х годов. Этот "переходный период" между жизнью в России и западной эмиграцией, несомненно, явился творческой и жизненной вехой для Сорина. Публикуемые на этих страницах письма С.Судейкину позволяют узнать кое-что не только о быто-

Савелий Сорин
Портрет художника
с Монмартра

вой стороне эмигрантской жизни Сорина, но и о его "творческой кухне", о его круге общения в Париже и США. По своей драматургии эти три письма, написанные в 1925, 1933–34 <?> и 1938 годах, напоминают нам модные в свое время пьесы, показывавшие героя с интервалом в несколько лет то в какой-то драматический момент жизни, то, напротив, в один из самых обыкновенных дней. Первое письмо относится к раннему периоду эмиграции, когда у самого Сорина еще только устанавливаются отношения с семьей нью-йоркских меценатов супругов Кон, – и мы видим, что эти отношения были отнюдь не безоблачны. Среди тех, кого он встречает в Париже, Сорин упоминает не только эмигрантов – впрочем, тогда еще эта граница не была столь явной и однозначной, как это стало несколько позже, особенно для художников. П.Кончаловский жил на Западе относительно недолго – он приехал в Венецию в связи с бьеннале 1924 года, где было выставлено более 600 работ различных художников из советской России. Далее он проследовал в Париж для участия в Международной выставке декоративного искусства 1925 года, которая не только стала выдающимся событием художественной и общественной жизни тех лет, но и дала название стилю *ар деко*. Кончаловский вернулся в СССР. Так же и Петров-Водкин, прожив в Париже какое-то время, вернулся обратно. В связи с Водкиным хотелось бы обратить внимание на упоминание о той финансовой помощи, которую оказывал Сорин художнику, не относившемуся к его ближайшим друзьям, – это характерная черта поведения Сорина, человека доброго и благожелательного.

Сорин до конца жизни чувствовал связь не только с русской культурой, но и со своими соотечественниками, где бы они ни находились. Забавно в связи с этим его замечание о дягилевских балетах: "пишут у него только иностранцы", сообщает он, не замечая парадоксальности и даже некоторой комичности этой формулировки, – сохраняя Россию в виде мысленной точки отсчета, он не считает самого Дягилева иностранцем по отношению к Франции; напротив, те французские художники, которых привлекал для работы Дягилев (Пикассо, Матисс), кажутся ему иностранцами.

Жак (Яков) Липшиц и Марк Шагал, с которыми, по собственному признанию, дружил в 20-е года Сорин, были тогда уже бывалыми монпарнасцами, достигнув известности, стремительно превращавшейся в легендарность. Оба они теперь считаются гордостью "парижской школы" и пользуются вполне заслуженной мировой славой. Упоминающихся в следующем абзаце А.Яковлева, В.Шухаева и Б.Григорьева связывали с Сориным не только приятельские отношения – они наиболее близки ему по творческим

установкам и художественному вкусу. Этих художников часто называют неоакадемистами (причисляя к ним, с известными оговорками, также Ю.Ан-ненкова и С.Судейкина), имея в виду не оформленную в организационном смысле группу, а именно общность манеры. Все они, впрочем, были хорошо знакомы еще с петербургских времен, будучи завсегдатаями знаменитых театров-кабаре "Бродячая собака" и "Привал комедиантов", – как видим, дружба эта сохранялась и в эмиграции. Иронические (чтобы не сказать – саркастические) строки, посвященные Б.Григорьеву (письмо от 10 мая 1938 г. настоящей публикации), действительно склонному к мегаломании и не стеснявшемуся ь расточении похвал самому себе, не помешали сохранению дружеских отношений и самой действенной помощи, которую Сорин оказал в 1938 году тяжело больному приятелю. В письме от 30 июня 1936 года Григорьев пишет Судейкину:

"...Я всегда тебя любил, Сережа, а теперь ты стал мне дорог, что-то и с тобой произошло, но все же мы с тобой остались теми же гениями, какими родились. Скажи Сорину, что и он вошел в мою душу, он трогательный и добрый, если б не стал таким выраженным русофобом"[3].

И позже, в письме от 27 ноября 1938 г.:

"...Тебя и Gin <жена Судейкина> обнимаю и целую, благодарю в такую минуту, целую Сорина за сотнягу и желаю ему миллион. Иной раз (даже не верится) вдруг среди мучений, про-

С.Сорин. **Княжна Элисо Дадиани**
Третьяковская галерея

Одно из стихотворений, посвященных этому портрету

Портрет княжны грузинской Дадиани
Нездешний лик часовенных Мадонн.
Линейных дум прозрачный сон.
Тропа небесная божественных скитаний...
Чуть движный шелест бархатных ресниц:
Скользящий луч молитвенных сияний...
Земной поэт упал безмолвный ниц,
Плененный тайной глаз невинных
Дадиани...

А.Файнберг

лежней и полного упадка духа хочется радостно крикнуть, начать молиться, писать кистью – но далеко еще мое выздоровление..."[4].

Это были последние письма Григорьева – он скончался 1 февраля 1939 г.

В отличие от остальных неоакадемистов, активно работавших для театра и делавших время от времени иллюстрации к книгам, Сорин занимался почти исключительно портретами. Он знал, что это наиболее сильная сторона его таланта, и к другим жанрам обращался обычно только как к вспомогательным (пейзаж присутствует на некоторых его портретах в виде фона). Тем интереснее брошенное вскользь сообщение Сорина о том, что он работает над пейзажами. Упоминающиеся в письме Олечка Глебова-Судейкина, как и Вера Судейкина (урожденная Боссе, в последнем браке Стравинская) – дамы весьма известные любому, кто хотя бы поверхностно знаком с Серебряным веком, и не нуждаются в представлении. Обе они в свое время были женами адресата письма.

Если первые два письма по наполняющей их информации носят характер вполне бытовой, то в третьем письме звучат воистину драматические ноты – мы можем узнать из него дополнительные детали о болезни А.Яковлева, вскоре сведшей его в могилу (он скончался в Париже 12 мая, то есть через два дня после написания Сориным письма).

О дружбе Сорина и Судейкина рассказывалось в упоминавшемся уже очерке Дж.Боулта. Как видим, она носила не только творческий, но также и вполне бытовой характер. Судейкину, впрочем, было суждено скончаться в августе 1946 года, в Нью-Йорке. Благодаря тому, что его архив был передан в РГАЛИ, оказалось возможным обнаружить эти три характерных письма; вполне вероятно, что писем было больше, но в данной части архива сохранились только эти.

Ни в советском, ни в эмигрантском искусствоведении творчество *неоакадемистов* не анализировалось как определенное направление портретного жанра, отличающееся своей стилистикой и осознанно противостоящее авангардным течениям. Русский авангард был замечен западным искусствоведением в 60-х годах, в конце 80-х к его изучению активно присоединилось постсоветское искусствоведение, и в последнее десятилетие изучение русского авангарда переживает весьма бурный период, результатом чего являются многочисленные публикации в художественных журналах, международные и локально-тематические конференции, издания монографий и защита диссертаций по творчеству художников, еще вчера казавшихся реликтами далекого прошлого (П.Мансуров,

А.Грищенко и др.). Остальные направления и течения не были названы даже по имени, и поэтому при необходимости стилистической классификации художники-эмигранты либо заключаются в рамки групп и обществ, заявивших о себе еще до революции ("мирискусники", "голуборозовцы"), либо включаются в классификацию страны проживания (наиболее характерным примером может служить "парижская школа", лидерами которой были Шагал, Сутин и др.). Поэтому существование группы *неоакадемистов* не зафиксировалось в истории искусства. Изучение творчества упомянутых в данной статье художников велось фрагментарно и сугубо индивидуально. Творчество Судейкина, как правило, вписывалось в рамки "Мира искусства", его деятельность в эмиграции известна отрывочно. Яковлев и Григорьев, гремевшие в 20 – 30-е годы во Франции, впоследствии были там забыты. На родине Яковлев чаще всего вспоминался в паре со своим другом-"близнецом" Шухаевым – нельзя сказать, что их творчество забыто[5], но, несомненно, такого класса художники заслуживают гораздо большего внимания. Явный ренессанс наступил в изучении творчества Б.Григорьева и Ю.Анненкова, о чем свидетельствуют появившиеся за последние несколько лет в России публикации, альбомы и диссертации. Что же касается Сорина, то его портреты регулярно репродуцируются в российских художественных журналах, иногда сопровождаемые весьма лестными комментариями, как бы естественно приличествующими творчеству знаменитого художника, но – увы – из посвященных ему публикаций лишь уже упоминавшаяся статья в ЕВКРЗ № 2 вводит в научный оборот существенно новые биографические факты[6]. Думается, что такое отношение к этому художнику является историческим недоразумением.

Три письма Сорина Судейкину
(РГАЛИ, Ф.947 Оп.1 Ед.хр. 247. 5 листов)

1 [на почтовой бумаге с напечатанным адресом]

116, boulevard Pereire (XVIIe)
Galvani 61.77

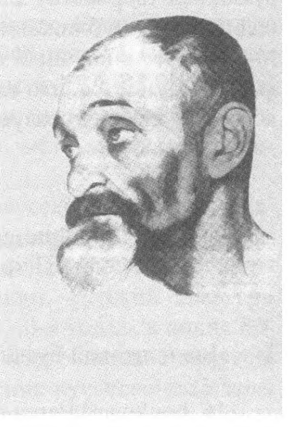
19 сентября 1925 г.

Дорогой Сережа!

Получил твое письмо и посылаю тебе сие одновременно с пароходом, на котором Madame Kohn возвращается в New York. Хочу по порядку ответить тебе на твои вопросы. Маслом работаю, но совершенно другие вещи, не то, что ты видел. Писал пейзажи на Корсике, но, конечно же, баловство, а дома немного серьезного <нрзб>. В Берлине сделал три вещи – неплохих. Сегодня как раз показывал Madame Kohn работы. Я приехал специально с Корсики, чтобы ее повидать. Портрет Никитиной имел большой успех на выставке. Люксембургский музей хотел его купить, но мне пришлось отказать, потому что M-r Kohn сказал мне, что эту вещь он покупает (будучи в Париже), а когда выставка кончилась Madame Kohn мне сообщила, что муж поспешил <с> решением, и она думает, что это будет негде повесить.

M-r Kohn имел в виду начать коллекцию модерн и сказал, что рад с меня начать. Я же был вдвойне рад, что мою купили и что следовательно смогу и товарищей рекомендовать, но теперь ерунда вышла. Я написал министру Beaux-arts письмо, и они мне ответили, что, к сожалению, они истратили уже деньги, предназначенные для покупки, так что ни почета, ни денег.

Имею сейчас приглашение в Лондон, Вену и Цюрих, но ехать никуда не хочется. Хочу работать дома. У меня плохое настроение из-за состояния здоровья мамы, ибо она долго не выживет. Это буржуазные предрассудки, но я очень люблю мою мать. С русскими художниками дружу с Лившицем[7] очень, который тебе кланяется, с Шагалом[8] и Кончаловским[9]. Немного с Водкиным[10] и Коровиным[11], который чуть болеет [?]. Очень все нуждаются, особенно Водкин, который на старости лет и в такое время плодит без конца детей. Я на них истратил 5500 франков, а теперь у меня пошатнулось, ибо мать стоит 500 дол[ларов] в месяц, так что все мои ресурсы кончаются.

Савелий Сорин
Портрет Л.Шестова

О моей поездке в Америку ничего определенного сказать не могу. С одной стороны, это единственная страна, где что-нибудь заработать можно, а с другой стороны, мое положение хуже твоего, ибо мне приходится иметь дело с людьми, которые позируют, и это такой извод,

что при одном воспоминании меня в дрожь бросает. Так что все-таки пожить мне лучше в Париже. Мне тут даже людей не нужно!

Яковлев[12] приехал из Африки и сейчас хлопочет о legion d'honneur <орден Почетного легиона> и получит[13]. Шухаев[14] по-прежнему живет, встречаю, но редко. Твой Григорьев[15] по-прежнему непризнанный гений. Он собрал Montparnasse к себе под предлогом, что пишет книгу о русских художниках, а потом те в ужасе вышли, ибо он только их убеждал, что Сезанн в сущности недоразумение рядом с ним и если они к стыду своему этого не понимают, то следующее поколение оценит. Весело! Видел Балиева[16] Татьяну, которая официально премьерша. Забавно! Бедная Зоя!

Ольгу Афанасьевну редко вижу, ибо они все с Верой[17] (сейчас она на даче) возятся, а мне это не по духу, и я ни у нее, ни у Стравинского[18] не в милости. Варвару Андреевну тоже не встречаю, ибо совсем на нее рассердился, потому что она на меня смотрит как на спекулянта и постоянно пристает с просьбами денег. Я ей дал 6.500 фр. а <она> еще 10.000 просит. Попробуй сюда приехать после твоего успеха в Америке, так тебе жить не дадут! Montparnasse страшно изменился, прямо не узнать! Липшиц[19] построил себе прелестный дом в Boulogne. Давидсона я не видел, ибо совсем не бываю в его кругу, а с художниками он редко встречается. Судьбинин[20] получил заказ на 82.000 долл<аров> и исполняет его в Париже. Вот повезло! Теперь строит себе дом, так что не подходи! Ларионов совсем за фалды Дягилева[21] уцепился! Пишут же у него только иностранцы. Балет страшно пал и совсем изменил физиономию, ибо только мужчины танцуют. Выставки в этом году были такие, каких я никогда в жизни не видал!! Это было изумительно! Все это подогнали к международной выставке[22]. Зайди непременно к Madame Kohn сейчас же. Мы с ней о тебе очень тепло и хорошо говорили, и она тобой довольна. Потом она может уехать в деревню. Узнай по телефону, и она будет рада.

<На стр. 3 приписка вверх ногами:> Наташе милой привет. Целую ее ручку и очень извиняюсь, что не мог навестить. Кланяйся Рабиновичам, у меня очень хорошие воспоминания о них. Оба очень сердечные! Целую, Савелий.

<На стр. 1 приписка вверх ногами:> Я страшно рад твоим отношениям с Гатти. Помнишь, как я тебе говорил, как с ним надо действовать? Теперь Madame Kohn тоже очень этому рада. Только держись!..

2 <На почтовой бумаге с напечатанным адресом>

Hollywood Knickerbocker Hotel
Hollywood
California

14ое Авг<уста>

Дорогой Сергей,

Твое письмо переслали мне вчера сюда – Дом Hoffmann'a я не могу взять, потому что одному дорого и неудобно – нужно много прислуги, чтобы держать в чистоте. Из Европы у меня неприятные известия – умерла жена моего брата и он один остался с двумя детьми. Я хлопочу об их переезде сюда. Относительно Мясина[23] <?> я ничего не знаю. В N<ew> Y<ork> кто-то мне сказал, что ждут их в последних числах или в середине августа. Лучше всего узнать это можно в конторе Юрока[24]. Конечно, я был <бы> рад, чтобы ты остановился у меня, но сейчас это невозможно, потому что большой ремонт идет: переделают 2 ванны, отопление и в студии подновят пол, и я вынес мебель в подвал. Так что я жил там, пока было возможно, а теперь, как видишь, пока здесь. Сколько тут пробуду, не знаю. Дам немедленно знать, как только вернусь. Мой адрес лучше не в Hotel, а 1379 Miller Drive, Hollywood, и оттуда мне всегда перешлют. Приезжай непременно ко мне, как только вернусь, до приезда семьи брата. Они пишут, что там нечего есть – просят прислать муку, сахар, масло и т.д., а англичане не позволяют, и все перехватывают с парохода, что идет во Францию.

Ну, до скорого, твой

Савелий

3

4 Pembroke studios
Pembroke gardens
London.W.B.
Tel. Western 4917
10 мая 1938

Дорогой милый Сережа,

Сообщаю тебе очень грустную весть. Умирает Саша Яковлев[25]. Будучи в Париже, я к нему заходил, он был в отъезде, Бенуа[26] мне сказал, что он отлично себя чувствовал, отложил немного денег и работает для себя. Приехал из Голландии – но чувствовал сам какую-то опухоль в животе, и доктор решил немедленно операцию сделать. Когда вскрыли живот, оказалось, что оперировать уже не

стоит – страшный рак распространился по внутренностям, который невозможно уже удалить. Такая несправедливость. Мне это сообщила Саломея Андроникова[27], которая живет сейчас в Лондоне, она говорит, что на чудо надеяться нельзя, и мы его потеряем. Какая досада в такие годы уйти из жизни! Мне все-таки не верится и думаю, что будет чудо – вот в медицине бывают неожиданности, может быть, врачи ошиблись.

Напиши о себе – главное, береги здоровье – ведь ты все легкомыслен.

Взял здесь studio <квартира из одной комнаты> на два месяца, а дальше не знаю. В New York я сдал все помещение, так что я свободен на все лето. Закончил ли работу для <нрзб>?

Сердечный привет Duc<нрзб>.

Целую и обнимаю крепко, крепко.

Привет Григорьеву, если он еще в N<ew> Y<ork>.

<Сбоку> Твой Савелий.

---

[1] Не будем перечислять их все, для примера назовем лишь прекрасно изданный издательством "Азбука" энциклопедический словарь "Русские художники" (СПб., 2000), в котором отдельные очерки посвящены почти всем художникам, упоминающимся в публикуемых нами письмах, но не самому Сорину.

[2] С 1917 г. жил в Ялте, летом 1919-го вместе с Судейкиными перебрался в Тифлис – см. об этом периоде: *Дж.Боулт*. Савелий Сорин в Крыму и Закавказье в 1917–1919 годах // ЕВКРЗ. Т.2. 1993. С.493–506.

[3] *Борис Григорьев*. Письма (РГАЛИ. Ф.947. Оп.1. Ед.хр.188). Публ. *Р.Н.Антиповой* // Наше наследие. IV (16). 1990. С.59.

[4] Там же.

[5] Последняя их парная выставка – к 100-летию со дня рождения – состоялась в Русском музее в 1987 году.

[6] Автопортрет Сорина из альбома В.А.Судейкиной был также опубликован в: *Никольская Т.* "Фантастический город": Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М., 2000., но о самом Сорине там есть только упоминания в цитируемых письмах или воспоминаниях. В "Нашем наследии" (№ 1, 1989) была републикация (*М.Столбина*) статьи: *С.Маковский*. Портреты С.А.Сорина. "Жар-птица". (№ 8. 1922).

[7] Очевидная описка: имеется в виду Яков Липшиц (Jacques Lipschitz) (1891–1973), известный скульптор, который упоминается далее в этом же письме.

[8] М.Шагал (1887–1985) вторично выехал на Запад летом 1922, в Париже поселился осенью 1923. С Сориным был знаком еще по Петербургу.

[9] П.Кончаловский (1876–1956) – находился в Париже в 1925 г. в связи со своей персональной выставкой.

[10] К.Петров-Водкин (1878–1939) получил командировку в Париж в связи с Международной выставкой декоративного искусства.

[11] К.Коровин (1861–1939) – выехал за границу вместе с семьей в начале 1923 г., поселился в Париже, где и жил до конца жизни.

[12] А.Яковлев (1887–1938) осенью 1917 выехал на Дальний Восток, проехал через Китай, Монголию, Японию и в 1919 осел в Париже.

[13] В октябре 1924 – августе 1925 А.Яковлев участвовал в экспедиции фирмы "Ситроен" по Африке. Исполнил 300 картин и рисунков на африканские темы, выставленные им в галерее J.Charpentier в 1926 г. Эта выставка пользовалась большим успехом, и Яковлев действительно был награжден орденом Почетного легиона.

[14] В.Шухаев (1887–1973) – ближайший друг и единомышленник А.Яковлева. В 1920 выехал в Финляндию, а в 1921 г. по приглашению Яковлева приехал в Париж. В 1925 г. совместно с Яковлевым расписывал концертный зал в частном доме на ул. Перголез. В феврале 1935 г. вернулся в СССР, в 1937 был арестован вместе с женой и сослан на 10 лет в Магадан. После освобождения, с 1947 г., жил в Тбилиси.

[15] Б.Григорьев (1886–1939) – ученик Д.Кардовского, так же, как Шухаев и Яковлев. Вместе с Яковлевым и Судейкиным расписал интерьеры "Привала комедиантов". Осенью 1919 с женой и пятилетним сыном нелегально пересек на лодке Финский залив. В Париже поселился в 1921 г.

[16] Н.Балиев (1877–1936) – известный эстрадный артист, режиссер, художественный руководитель и директор театра-кабаре "Летучая мышь"; в 1920 эмигрировал вместе с труппой, продолжившей выступления за границей.

[17] О.Глебова-Судейкина (1885–1945) – актриса, художница, культовая фигура богемного Петербурга предреволюционной поры. С 1907 жена С.Судейкина, который в 1915 г. бросил ее окончательно, сойдясь с Верой (урожденная де Боссе, 1988–1982). Сорин тогда принял участие в драме, пытаясь воздействовать на Сергея уговорами (безрезультатно). В 1916 г. Судейкин отправился вместе с Верой в Крым и далее в Париж, заменив в своем паспорте ее фотографией фотографию Ольги, которая формально еще оставалась его женой. Это не помешало дальнейшим приятельским отношениям Судейкина, Веры и Ольги в Париже.

[18] И.Стравинский (1882–1971) – 21 февраля 1921 г. произошла поистине роковая встреча великого композитора с Верой Судейкиной (тогда еще женой С.Судейкина), после которой семейная жизнь Стравинского была поделена надвое – между женой и Верой, официальный брак с которой был заключен в 1939 г., после кончины Е.Стравинской.

[19] Я.Липшиц (Jacques Lipchitz) (1891–1973) – известный скульптор, представитель Ecole de Paris, в Париже с 1909 г. В 1924 г. получил француз-

ское гражданство и переехал в Булонь-сюр-Сен <Boulogn-sur-Sein, пригород Парижа>, в дом-мастерскую, построенный по проекту Ле Корбюзье.

[20] С.Судьбинин (1867–1944) – скульптор и художник по керамике. С 1904 постоянно жил в Париже.

[21] М.Ларионов (1881–1964), работавший с С.Дягилевым в 1915–22 гг. в качестве сценографа, в 20-е гг. сделал много карандашных зарисовок как с самого Дягилева, так и с членов его труппы.

[22] Имеется в виду Международная выставка декоративного искусства, проходившая в Париже с 5 июня до ноября 1925 г.

[23] Л.Мясин (1895–1979) – известный танцор и хореограф, начинавший свою карьеру в труппе С.Дягилева.

[24] Американский антрепренер.

[25] А.Яковлев действительно умер 12 мая 1938 г. от рака желудка, во время операции.

[26] Имеется в виду Александр Бенуа (1870–1960), с которым Сорин сдружился в Париже.

[27] С.Андроникова-Гальперн (1888–1982) – петербургская красавица, подруга Ахматовой, игравшая значительную роль в культурной жизни эмиграции вначале в Париже, а затем в Лондоне. Знакомство с Сориным началось, по всей видимости, в Петербурге; перед окончательной эмиграцией на Запад, в 1919 г., оба жили какое-то время в Тифлисе, а затем могли встречаться как в Париже, так и в Лондоне. Известны портреты Саломеи С.Сорина, Б.Григорьева, К.Петрова-Водкина, В.Шухаева.

Мишель Кикоин – живописец парижской школы

Константин Кикоин
(Ришон ле-Цион, Израиль)

Портрет Мишеля Кикоина
Художник Модильяни
1919 г.

Осенью 1995 года я был в научной командировке в Национальном центре атомной энергии под Парижем. Окончив все свои дела в лаборатории, вечером в пятницу вышел с легким сердцем из станции скоростного метро Port Royal и направился по бульвару Монпарнас в сторону знаменитого перекрестка Вавен, бывшего центром артистической и художественной жизни Парижа в достопамятные 20-е годы. Знаменитые кафе "Клозери де Лила", "Дом", "Ротонда", "Куполь" – все эти заведения, расположенные по обе стороны бульвара, описанные во множестве романов и мемуаров давних лет, и поныне привлекают любопытную и праздную парижскую публику. В ближайшем газетном киоске я купил брошюрку L'officiel des Spectacles – своего рода "Парижскую кинонеделю", открыл ее на первой попавшейся странице, бросил взгляд на первое попавшееся название и прочитал: DOCTEUR JEKYLL ET MISTER HYDE de Gerard Kikoïne. Не могу сказать, что это был культурный шок – к тому времени я уже довольно много знал о существовании разветвленной французской ветви нашего семейства, – но ощущение было весьма сильное.

Впервые о существовании этих далеких, а в те времена *безнадежно* далеких родственников я узнал, как ни странно, тоже в связи с кино. Как-то в школе нас повели, как это тогда называлось, в культпоход почему-то на французский видовой фильм про лошадей.

В том замечательном возрасте мушкетеры нас интересовали гораздо больше, чем лошади, на которых они скакали. Мы всей школой томились положенные сто минут в темном зале и с облегчением зашевелились, когда по экрану поплыли заключительные титры. И вдруг я вместе со всеми читаю на экране: "Художник картины – МИШЕЛЬ КИКОИН". Зал, заполненный моими соучениками, взревел от восторга. Я ничем не мог удовлетворить любопытство приятелей, а вечером рассказал эту историю отцу. Он задумался и сказал, что было бы странно, если бы этот Мишель оказался просто однофамильцем. Фамилия Кикоин – единственная в своем роде. Согласно семейной легенде, ее избрал для своей семьи один из наших ученых предков лет 150 назад вместо ординарной немецкоязычной фамилии Шмид. Слово Kikaion встречается в Торе всего однажды. Это – тыквенное дерево, в тени которого пророк Иона нашел укрытие от полуденного зноя после своего бесславного бегства из Ниневии. В ашкеназском бытовом произношении фамилия приобрела звучание "Кикоин"... Поэтому, заключил отец, все Кикоины должны быть родственниками. В конце пятидесятых годов гражданам СССР иметь родственников за рубежом убедительно не рекомендовалось, и событие это было предано забвению на многие годы.

Позднее, уже живя в Москве, я вспомнил про этот заинтриговавший меня случай и решил навести справки во французских источниках. В энциклопедическом справочнике Benezit, содержащем сведения о всех сколько-нибудь заметных художниках, я нашел целую колонку, посвященную Мишелю Кикоину (1892 – 1968). Там же были сведения о его родителях. Вооруженный этими сведениями, я приступил с вопросами к своему отцу и дяде. Порывшись в скудных семейных воспоминаниях, они вычислили, что их отец и отец Мишеля, по-видимому, имели общего деда – раввина. Имени его никто не помнил.

В конце XIX века существовало две ветви семейства Кикоин. Литовская ветвь была представлена семьей моего деда Кушеля Кикоина, бывшего учителем в народной школе в захолустном местечке Жагоры (ныне Жагаре) в северной части Литвы вблизи латышской границы. Дед был человеком необыкновенным. Он отказался от карьеры раввина, хотя имел на нее право, да и жена у него была из хорошей раввинской семьи. Окончив педагогическое училище в Петербурге, он стал преподавателем... латыни и математики в русской школе. Кроме иврита, которым он владел в совершенстве, обиходного идиша и латыни, на которой он переписывался с коллегами-латинистами, дед знал французский, немецкий, греческий и,

естественно, русский. Он успел дать двум своим сыновьям традиционное еврейское образование. Оба они в дальнейшем стали физиками. Старший брат Исаак (1908 – 1984) был выдающимся экспериментатором. Известен физический эффект, носящий его имя, он был одним из основателей атомной промышленности в СССР и одним из отцов советской атомной бомбы. Все награды и почести, которыми Советская власть одаривала выдающихся ученых, у него имелись, но каждый вечер он неукоснительно слушал "Коль Исраэль", непременно справлял пасхальный седер с братом и двумя сестрами, а в Йом Кипур обязательно ездил в "командировку" в Ленинград и проводил этот день в синагоге на Лермонтовском проспекте. Любимым его занятием было вечернее чтение (иногда вдвоем с братом) факсимильного издания Кумранских рукописей и сравнение этих текстов с Торой, которую он знал наизусть от первого до последнего слова. Младший сын Кушеля Абрам, мой отец (1914 – 1999), пошел по стопам старшего брата. Он тоже стал физиком-экспериментатором. Вдвоем они написали школьный учебник физики, который, сменив знаменитого Перышкина, был стандартным учебником для 8-го класса средней школы в течение 25 лет, и университетский учебник "Молекулярная физика", которым студенты физических факультетов пользуются до сих пор.

Более благополучные белорусские Кикоины были предпринимателями, ремесленниками и финансистами, жили в Гомеле. Семья Мишеля перебралась в Минск, и отец отдал его в Минское коммерческое училище, но ничего путного из этой затеи не вышло. Мальчик покрывал рисунками поля своих ученических тетрадей и в конце концов был отдан в "академию" Крюгера, где и нашел друга на всю жизнь – Хаима Сутина. Через три года, в 1908 г., против воли семьи, вместе с Сутиным он перебрался в Вильно. Друзья были приняты в тамошнее художественное училище. Там к их компании присоединился Пинхус Кремень. С этого времени три друга были практически неразлучны. И.Г.Рыбаков, в классе которого они занимались, оказался пылким поклонником французских импрессионистов. И хотя в Вильно в те годы вряд ли можно было найти оригиналы Моне или Ренуара, уроки Рыбакова, по-видимому, оказали влияние на последующие события. По окончании училища друзья столкнулись с обычной для молодых художников из черты оседлости проблемой – дорога в столичные художественные школы Петербурга и Москвы была для них практически закрыта. В художественной жизни Вильно господствовали академические традиции пятидесятилетней давности. И три молодых человека выбрали Париж.

На этот раз семья Мишеля не возражала: юноша уже успел зарекомендовать себя активным социалистом, членом Бунда, и родители, по-видимому, решили, что из двух зол нужно выбирать меньшее.

Куда должны были направить свои стопы молодые люди, решившие стать художниками и вышедшие весной 1912 года на шумную площадь Наполеона III перед Северным вокзалом, на который прибывали в Париж поезда из Прибалтики? До Монмартра, со времен постимпрессионизма слывшего центром художественной жизни Парижа, а значит и всего мира, – минут сорок пешком. Купола венчающей его церкви Sacre-Coeur видны от вокзала. Еще совсем недавно, осенью 1908 г., группа молодых художников, назвавших себя "кубистами" и обосновавшихся в Bateau-Lavoir на Монмартре (Пикассо, Брак, Леже, Мари Лорансен...), учинила скандал на открытии ежегодного Салона, отвергнувшего работы Брака. Нетрудно было вспомнить подобный скандал, имевший место почти полвека тому назад, когда была отвергнута "Олимпия" Мане, ставшая теперь классикой французской живописи. Однако начиная с 1910 г. художники стали покидать обжитой Монмартр и один за другим перебираться на южную окраину Парижа, в район Монпарнас, еще недавно бывший сельским предместьем, состоявший из отдельных островков городской застройки, окруженных зеленым морем садов и огородов. Как раз в это время основные улицы района – бульвары Монпарнас, Распай, авеню дю Мэн – интенсивно застраивались многоэтажными домами, но переулочки еще хранили воспоминания о недавней полусельской жизни. В бывших конюшнях, каретных сараях, складах легко можно было оборудовать помещения для студий, а в кафе и дансингах на бульварах кипела вечерняя и ночная жизнь. Кроме молодых французов, спустившихся с Монмартра, на Монпарнасе стали обосновываться иностранцы. Солидные колонии скандинавов и немцев, прибывавших в Париж для завершения своего художественного образования, нищие эмигранты из Восточной Европы, Испании и

Портрет Хаима Сутина
Художник М.Кикоин
Перо, 1915 г.

Италии, экзотические фигуры, прибывшие из Центральной и Южной Америки и даже из Японии! На Монпарнасе новоприбывшие художники легко находили себе крышу над головой и поддержку соотечественников, обосновавшихся там несколькими месяцами или годами раньше.

Одним из самых замечательных обиталищ нищих и вдохновенных иноземцев был "Улей" (La Ruche). Своим возникновением "Улей" обязан скульптору-академисту, светскому ваятелю бюстов Альфреду Буше. В историю искусства Буше вошел не своими мраморами, а двумя поступками. В свое время он представил боготворимому им Родену молодую женщину-скульптора Камиль Клодель. История отношений этих двух исключительных личностей вошла в мифологию искусства XX века. Позднее, получив огромный гонорар за скульптурные портреты румынской королевской четы, он истратил его на покупку участка в проезде Данциг, упиравшемся в окружную железную дорогу. А после закрытия Всемирной выставки 1900 года Буше купил остатки нескольких павильонов. Самым замечательным из этих строений была восьмиугольная ротонда павильона вин с крышей в виде китайской шапки, делавшей его похожим на улей. Собрав эти павильоны на своем участке, он основал колонию художников, в центре которой стоял "Улей", разгороженный на 24 треугольных мастерских. За пользование помещениями "папаша Буше" назначил чисто символическую плату и на регулярных выплатах не настаивал. Именно в "Улей" направились Кикоин и Кремень с Северного вокзала. Хаим Сутин присоединился к ним в июле следующего, 1913 года.

Обитатели сотен студий, приехавшие из разных стран, после 1910 г. перебрались на Монпарнас, заполнили многочисленные академии и художественные школы, делали свои первые самостоятельные работы, а по вечерам стекались в кафе на его главном бульваре. Из этого огромного и разношерстного потока и возникло странное образование, называемое теперь "парижской школой". Еврейские художники составили существенную ее часть: Шагал, Модильяни и Сутин признаны ее основателями. В числе самых ее заметных представителей – Цадкин, Липшиц, Кислинг, Мане-Кац, Сюрваж, Кикоин, Кремень. Но были еще румын Бранкузи, русский Архипенко, чех Купка, немцы Канвейлер и Уде, испанцы Миро и Пикабиа, мексиканец Ривера, чилиец Ортис де Сарате, японец Фудзита... И никому из них не пришло бы в голову отделять от парижской школы своих французских друзей, работавших в тех же студиях, участвовавших в тех же выставках, проводивших вечера в тех же кафе на

перекрестке Вавен и его окрестностях. Пикассо, ван Донген, Леже, Дерен, Вламинк, Матисс... невозможно очертить границы. В конце концов возникновение термина "парижская школа" означает всеобщее признание того, что в течение 20 лет, вплоть до начала Великой депрессии 1929 года, центром мировой живописи и местом, где зарождались ее новейшие течения, была недавняя окраина Парижа, район бывших каменоломен, который веселые студенты Сорбонны еще в прошлом веке прозвали Монпарнасом.

К неразлучным друзьям в "Улье" быстро пристало коллективное прозвище "Troïka". Хотя Сутин не имел там постоянного жилья (он довольно скоро перебрался в другую колонию монпарнасских художников на улице Фальгьер), он нередко и подолгу гостил у своих друзей, особенно во времена безденежья, которое бывало либо полным, либо абсолютным. Соседнюю с Мишелем мастерскую в ротонде занимал Марк Шагал. Трое друзей записались в Национальную школу изящных искусств к Ф.Кормону. Жизнь в "Улье", битком набитом эмигрантами, многие из которых, помня о своих птичьих правах, предпочитали на всякий случай держаться подальше от власть предержащих, была далеко не райской. Но чем она привлекала – так это свободой, которой обитатели коммуны пользовались безмерно. Никто никого ни к чему не принуждал. В крайнем случае, давали совет, но чаще делились пенсионом, полученным от родственников, оставшихся далеко на востоке. Жителей "Улья" часто навещали друзья-поэты Аполлинер, Сандрар, Жакоб, Сальмон. А что до радостей парижской жизни – так ведь это же Монпарнас! И любой художник знает, что в "Ротонде" или "Доме" он получит свою долю света и тепла, кофе в кредит, а может, и знакомство с маршаном или просто любителем, который заинтересуется его искусством.

М.Кикоин с коробочкой тфилин на лбу
Автопортрет
Свинцовый карандаш
1948 г.

Академические принципы мэтра Кормона не слишком вдохновляли Кикоина и его друзей. Мишель проводил долгие часы в Лувре и Люксембургском музее, изучая и копируя работы Делакруа, Шардена, Рембрандта, Курбе,

Сезанна и импрессионистов. Городские пейзажи, написанные в это время, еще полны литовской меланхолии ("La Ruche под снегом", 1913). Для пополнения бюджета Кикоин работал фоторетушером.

Война 1914 года приостановила бурные художественные процессы, происходившие в недрах Монпарнаса, вынудила граждан стран – противников Антанты покинуть Францию, лишила монпарнасцев ценителей и покупателей их произведений и сделала существование нищих иностранцев в Париже еще более неустойчивым. Хрупкая канва вольной жизни "Улья", этой "Виллы Медичи для нищих", была разрушена в течение нескольких дней. Многие иностранные художники с энтузиазмом откликнулись на призыв Б.Сандрара и Р.Канудо вступать в ряды добровольцев французской армии. Мишель Кикоин тоже записался в "Армию иностранных рабочих", но через несколько месяцев демобилизовался и вернулся обратно в "Улей". В конце 1914 г. он женился на своей соотечественнице Розе Бунимович, уроженке Минска. А в 1915 году у Мишеля и Розы родилась дочь Клэр. Конца войне пока не предвиделось, но художники и поэты (в основном получившие ранения) начали возвращаться на Монпарнас. Потихоньку стала налаживаться культурная жизнь. В летние месяцы 1916 и 1917 гг. Кикоин даже выбирался на "пленэр" на Лазурный берег (в Серэ и Кань). Модильяни представил его своим маршанам Шерону и Зборовскому и нескольким коллекционерам. Пошли первые продажи. Например, коллекционер-любитель, полицейский сыщик Декав (родственник писателей братьев Гонкур), посетив мастерскую Кикоина, унес с собой 15 полотен и 40 рисунков, оставив хозяину 200 франков.

После Февральской революции в России большинство политэмигрантов, составлявших заметную часть клиентуры монпарнасских кафе, исчезли из Парижа, а за оставшимися русскими полиция ненавязчиво, но пристально присматривала. В префектуре в личном деле Кикоина значилось: "большевик, но не опасный".

Наконец наступили мирные дни. Оставшиеся в живых жители художнических коммун Левого берега вернулись на Монпарнас. "Улей" за время войны пришел в глубокий упадок. Беженцы из прифронтовой Шампани, заселившие его в 1915 году, срубили деревья на дрова, развели огороды на газонах. У "папаши Буше" не хватало ни здоровья, ни денег, чтобы привести городок в порядок. Но Мишель Кикоин не покидал "Улей". В 1920 году у него родился сын Жак (Янкель). Мишель к тому времени стал полноправным членом сообщества художников. После первых персональных и групповых выставок он был принят и в Осенний Салон. В 1924 г. Мишель и Роза получили французское гражданство, а в 1926 г. приобрели дом

в бургундской деревне Анэ-сюр-Серэн. По правде говоря, это была полуразвалившаяся крестьянская хижина, но Мишель взял кредит и отремонтировал строение, превратив его в "райский уголок", убежище, куда он возвращался как домой в течение всей своей жизни.

Период "бури и натиска" парижской школы подходил к концу. Париж заполонили американцы, которым необычайно высокий курс доллара по отношению к франку позволял чувствовать себя здесь богачами. С подачи американцев началось повальное увлечение современным искусством, и Монпарнас превратился в туристский объект. Сбылось меланхолическое предсказание Гийома Аполлинера, который еще в 1913 году, когда все только начиналось, написал в газете "Mercure de France": *«В тот день, когда какой-нибудь Брюан "восславит" различные уголки этого полного фантазии и кафетериев района... – в тот день Монпарнаса не станет. Агентство Кука приведет сюда свои караваны».* Нищенской богемной жизни монпарнасских художников, "великому братству ненастных дней", пришел конец. Почти каждый из них нашел свою живописную манеру, обзавелся связями с галерейщиками и подыскал более фешенебельное обиталище, хотя многие из старых монпарнасцев предпочли не покидать пределы VI и XIV округов, в которые входят кварталы Монпарнаса.

Мишель Кикоин прожил в проезде Данциг дольше многих своих друзей. Детство Клэр и Янкеля прошло в "Улье", этом необыкновенном царстве свободы, среди художников, поэтов, маргиналов всех сортов, населявших ветшающие строения, под старыми деревьями, между корней которых ютились скульптуры, когда-то вывезенные Альфредом Буше с давно забытой всемирной выставки или оставленные авторами, жильцами "Улья". Но и Кикоины в конце концов покинули обветшавший фаланстер. В 1927 г. они перебралась в дом с мастерской в Монруже под Парижем. А в 1933 г. Мишель вернулся на Монпарнас и поселился в ателье на улице Brezin, в нескольких кварталах к югу от старого Монпарнасского кладбища, неподалеку от приходской церкви Университетского городка.

К этому времени живописная манера Кикоина окончательно сложилась. Он работал в традиционных жанрах – портрет, натюрморт, пейзаж, причем парижские улицы и дворики вдохновляли его не меньше, чем сельские пейзажи Бургундии или горы Лазурного берега. В отличие от своего друга Сутина, он не нуждался в яростной деформации изображаемого объекта, чтобы достичь желаемой экспрессии, хотя энергичность его мазка сравнима с сутинской. Природный дар колориста помогал ему запечатлеть буйную игру голубых и лиловых солнечных пятен на скучной, едва прикрытой

серо-зеленой виноградной лозой каменной кладке стены крестьянского дома в Анэ-сюр-Серэн ("Дом, называемый Шато", гуашь, 1935), или "поймать" порыв ветра, прорывающегося сквозь кроны огромных пирамидальных тополей, нависших черно-зеленой стеной над красными черепичными крышами хижин на короткой деревенской улочке ("Большие тополя", масло, 1928). Палитра Кикоина по разнообразию оттенков и тончайших сочетаний разных тонов близка к палитре импрессионистов минувшего века, но опыт фовизма и, конечно, экспрессионизма – новейших течений европейской живописи во времена его ученичества – существенно сказался на его живописной манере.

Кикоин стал признанным "представителем" парижской школы. В 1925, 1927 и 1929 годах прошли его первые персональные выставки за океаном – в нью-йоркских галереях Brummer и Bernheim. В 1927 г. его работы были представлены в Осеннем Салоне на выставке с широковещательным названием Grands et Jeunes d'Aujourd'hui, что можно перевести как "Зрелые и молодые сегодня". По-видимому, он проходил на этой выставке по разряду "грандов". А в 1928 г. его картины появились в Москве на большой выставке "Современное искусство Франции". Кикоин свои картины в Москву сопровождать не стал, отдав предпочтение поездке на юг в Серэ с Сутиным (равным образом не ездил он и на свои выставки в Нью-Йорке). Позднее он участвовал в группе русских художников на выставках, открытых совместно с советскими культурным организациями в парижских галереях d'Alignan и Zak.

С началом мирового кризиса золотые годы Монпарнаса закончились. После краха Уолл-стрита в октябре 1929 г. почти вся колония американцев отправилась на родину. Немцы и скандинавы вернулись домой еще раньше, бывшие эмигранты из стран Восточной Европы стали признанными мэтрами французской живописи и скульптуры, а Монпарнас превратился в обычный парижский район, правда, со своей легендой. Хотя нельзя не признать, что найти район *без* своей легенды в этом городе не так-то просто! Несмотря на всемирный экономический кризис, положение Мишеля Кикоина в художественном мире Франции осталось довольно прочным. В различных галереях организовывались его персональные выставки, картины Кикоина стали приобретаться для постоянных экспозиций музеями разных стран: его полотна приобрели художественные музеи Филадельфии, Токио, Гренобля, уже упоминавшаяся галерея Bernheim в Нью-Йорке.

Анэ-сюр-Серэн остается прибежищем души художника.

"В Анэ-сюр-Серэн под насмешливыми взглядами бургундцев я вышагивал по холмам и равнинам, вооруженный до зубов холстами, кистями и красками! Девушки позировали мне на берегу реки, и я расплачивался с ними лимонадом и карамельками; они этим довольствовались, дни пролетали быстро, слишком быстро, как это всегда бывает в ожидании чуда..."[1]

Тем временем наступил 1939 год. Немцы вторглись в Польшу, началась "странная война". Мишеля Кикоина мобилизовали во французскую армию, он служил в резервном полку в Суасоне. Дом в Анэ был разграблен, пропало много картин и акварелей. После капитуляции Франции Кикоина демобилизовали, и он остался в оккупированном Париже. Будучи обязанным по приказу оккупационных властей носить желтую звезду Давида, Кикоин приколол ее на лацкан пиджака, "чтобы она гармонировала с желтизной галстука", как он с некоторым высокомерием объяснял друзьям. Хаима Сутина это объяснение не удовлетворяло. Он свою желтую метку выкинул и с Мишелем основательно разругался. Он уверял друга, что эсэсовцы фотографируют всех, носящих желтые звезды, и составляют списки. Мишель отвечал, что он еврей и не видит причины скрывать это и отделять себя от других евреев. К концу 1941 года ситуация в Париже сильно ухудшилась, и Янкель, находившийся в свободной зоне в Тулузе, уговорил Мишеля присоединиться к семье. Там уже находились многие парижские друзья, и в их числе Пинхус Кремень. В Тулузе семья Кикоин оставалась до конца войны. В галерее Chappe-Lautier в 1945 г. была устроена его персональная выставка, а художественный музей города приобрел два его полотна. Первое послевоенное лето Мишель провел в Анэ-сюр-Серэн.

М.Кикоин
Фотография 50-х годов

Вернувшись к мирной жизни, Кикоин продолжал работать в своих излюбленных жанрах портрета и пейзажа, регулярно выставлялся в галереях Парижа, Монпелье, Нью-Йорка. Несмотря

[1] Цит. по книге: *Kikoïne:* Les pionniers de l'Ecole de Paris. P.143. (см. список литературы).

на свою устойчиво высокую репутацию в Соединенных Штатах, он так и не выказал особого желания посетить Новый Свет. В то же время провозглашение еврейского государства в 1948 г. вызвало глубокий и сочувственный интерес художника, и уже в 1950 г. он предпринял свое первое путешествие в Эрец-Исраэль. Эта поездка продолжалась три месяца. Он смотрел на Израиль глазами живописца – открыл для себя ослепительный свет, обрушивающийся с иерусалимских небес на сухие вершины Иудейских гор, приморские дюны, живописные арабские деревни. Он много писал, встречался с родственниками, в свое время перебравшимися в Палестину. В иерусалимском Национальном музее, в Хайфе и Тель-Авиве прошли его персональные выставки, несколько картин были приобретены музеями страны. Из второй поездки, состоявшейся в 1953 г., он привез альбом цветных литографий "Дети Израиля", вышедший в Париже через три года. Третью и последнюю поездку в Израиль Мишель Кикоин предпринял в 1958 г.

В послевоенные годы Кикоин приобрел вкус к путешествиям. Кроме Израиля, он посетил Испанию, неоднократно бывал в Англии, подолгу гостил у дочери, жившей в те годы на юге Франции. Среди выставок с его участием, во множестве проходивших в различных городах Европы и Америки, стоит отметить большую экспозицию "Русские художники-эмигранты в Париже" (галерея Redfern в Лондоне, 1954), выставки "Сутин и его круг" в Нью-Йорке (1959), "Сутин, Модильяни и их время" (музей Galliera, Париж, 1961). В 1964 г. "Салон художников – свидетелей нашего времени" присудил Кикоину первый приз за работу "Любовь, источник жизни" – большое полотно, выполненное энергичными мазками в охристых тонах и изображающее молодую женщину, лежащую на траве, прижавшегося к ней ребенка и мужчину, примостившегося у их ног и глядящего на своих близких с любовью... В 1967 г. Мишель отдал последнюю дань другу своей молодости Хаиму Сутину, выполнив его портрет в смешанной технике (гуашь, акварель, пастель). 4 ноября 1968 года Мишель Кикоин умер в своей мастерской на улице Brezin от инфаркта.

В октябре 1973 г. в Galerie de Paris состоялась большая ретроспективная выставка М.Кикоина, на которой были представлены 94 его картины. А за три недели до этого события в той же галерее закончилась выставка Сутина. Так пути двух друзей, покинувших 60 лет тому назад свою бедную родину, чтобы стать настоящими живописцами в художественной столице мира, пересеклись в последний раз в одной из крупнейших парижских галерей. Хаим Сутин вошел в историю искусства как один из основателей парижской

школы, открывшей новые горизонты для живописи XX века, а Мишель Кикоин стал одним из ее характерных представителей.

Сын Мишеля, Жак Кикоин также стал профессиональным художником. Он подписывает свои картины псевдонимом Yankel. Вместе с сестрой Клэр он основал Фонд Кикоина под эгидой общественной организации "Fondation du Judaïsme Français". Основной своей задачей фонд считает собирание работ Мишеля Кикоина и художников круга парижской школы, издание альбомов и монографий, посвященных его творчеству, и "возрождение интереса, который подвигнул этих иностранцев со всех четырех стран света собраться во Франции в начале века".

Автопортрет много говорит о художнике, иногда больше, чем он сам желал бы сказать о себе. Наверно, еще больше сообщают о художнике портреты, сделанные его друзьями. Мишель Кикоин оставил немало автопортретов, выполненных в различных техниках. Рассматривая эти портреты и фотографии, сделанные в различные периоды жизни художника, я невольно искал черты фамильного сходства с лицами моих ближайших предков – отца и дяди. Фотографическое сходство, особенно на снимках 50 – 60-х годов, найти довольно трудно. Невысокий, круглолицый, с аккуратно сформированными усиками, классическим еврейским "высоком лбом" – лысиной, плавно восходящей от надбровных дуг к темени и аккуратно ограниченной подстриженными височками, – все это идеально подходило к образу человека, ведущего регулярный "буржуазный" образ жизни, научившегося спрямлять острые углы, находить общий язык с самыми разными людьми, быть приятным в компании друзей, собравшейся в кафе на бульваре Монпарнас, и счастливым в кругу семьи. Короче – преуспевшего и признанного мэтра, живущего в обыкновенном городе Париже, когда-то бывшем художественной столицей мира, умеющего радоваться жизни, а на вопрос корреспондента, чем он собирается заняться в ближайшие годы, заданный в 1964 г., коротко ответившего – "стареть".

Но графические и живописные автопортреты с этими фотографиями как-то не вполне совпадали. Вот автопортрет 1920 г. (акварель, перо) – серьезный еврейский юноша с большими, слегка удивленными глазами, прикрытыми круглыми очками, и пухлыми неулыбающимися губами; чистый лист бумаги в одной руке и карандаш в другой. Автопортрет маслом 1944 г. – человек, за плечами которого длинная жизнь. Губы сложились в улыбку, но веселой эту улыбку никак не назовешь. Быстрый эскиз 1948 г., сделанный свинцовым карандашом, – небритые щеки, коробочка тфилин, наложенная на лоб... Другой рисунок того же года – художник в

капитанке и матросской робе, вложивший немалую толику самоиронии в свое изображение. Гуашь 1959 г. – тот же ракурс en face, что и на юношеском рисунке 20-го года, такие же круглые очки, скорее увеличивающие, чем прикрывающие карие глаза, но вместо вопрошающего взгляда – спокойное согласие с увиденным.

Внимательно изучавший Рембрандта, во многих своих автопортретах Мишель Кикоин придавал себе формальное сходство с голландцем, каким мы его знаем по поздним автопортретам, исполненным в доме на Jodenbreestraat в Амстердамском гетто. Тот же берет, косо посаженный на голову, невеселые, многое видевшие глаза в сетке морщин, улыбка человека, способного понять и принять все узнанное и пережитое (рисунок чернилами, штриховка шариковой ручкой, 1960). Такой человек мог оставаться ближайшим другом невыносимого Хаима Сутина на протяжении всей жизни этого неприкаянного гения, так и не вписавшегося в круг респектабельных мэтров парижской школы, отказаться поехать в Нью-Йорк на собственный вернисаж, а вместо этого при первой же возможности отправиться в только что отвоеванную евреями Палестину, восхищаться там живописной нищетой арабских деревень и с высокомерной гордостью носить на лацкане пиджака звезду Давида в черные годы немецкой оккупации Парижа...

И вот, наконец, карандашный портрет молодого Мишеля Кикоина, сделанный Модильяни в 1919 г. Юноша в пенсне, сидящий со скрещенными руками за столиком монпарнасского кафе. Чуть-чуть измененные пропорции, удлиненное, в обычной манере Модильяни, лицо, четко прорисованный нос и абсолютно точно схваченный изгиб губ. И я, наконец, вижу черты молодых Абрама и Исаака, знакомые мне с детства по старой фотографии 1927 г., сделанной в родительском доме во Пскове.

В 1981 году моему отцу в Свердловск пришло письмо из Франции. Конверт был весьма потрепан, а в письме следующее:

Париж 28.11.81

Мсье,

Некоторое время тому назад мой друг, парижский физик, показал мне книгу "Physique Moléculaire"[2] *написанную Вами в соавторстве с Вашим братом. Я ее бегло просмотрел (хотя, конечно не*

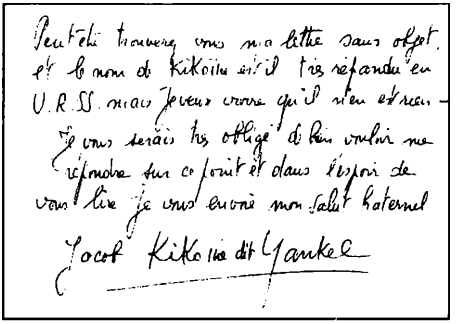
[2] Университетский учебник "Молекулярная физика" И.К.Кикоина и А.К.Кикоина был переведен на многие языки (в том числе и на французский – московским издательством "Мир" в 1971 и 1979 гг.).

понял). Возможно, мы с Вами состоим в отдаленном родстве. Я – художник, как и мой отец Мишель Кикоин (умерший в 1968 г.), профессор живописи в Ecole Nationale Superière des Beaux Arts de Paris[3] (мне 60 лет). У меня во Франции есть сестра (65 лет). Когда мой отец приехал в 1912 г. во Францию вместе с Сутиным и Кременем, он оставил свою семью в Гомеле и мою мать в Минске[4].

Возможно, у Вас имеются сведения о Вашей семье, которые могли бы помочь установить, в какой связи она находится с моими дедушкой и бабушкой?

Если это представляет для Вас интерес, я мог бы Вам выслать монографию, посвященную моему отцу, в которой имеются фотографии членов семьи Кикоин, оставшихся в СССР.

Может быть, окажется, что и нет предмета для переписки и что фамилия Кикоин весьма распространена в СССР, но я верю, что это не так.

Окончание письма Якоба Кикоина (Янкеля) от 28.11.81

Буду Вам весьма признателен, если Вы найдете возможным ответить на это письмо. С надеждой и братским приветом,

Якоб Кикоин (Янкель)

Отец на это письмо не ответил. У него к тому времени были достаточно сложные отношения с КГБ, и он точно знал, что находится у них "под колпаком". Он позвонил своему старшему брату и мне в Москву, рассказал про письмо и свое решение не отвечать мотивировал тем, что не хочет, чтоб его письма вскрывали и читали те, кому они не предназначены. Его родителей, которые могли бы пролить какой-то свет на давние семейные отношения, к тому времени давно уже не было в живых. Кушель умер за несколько лет до войны, а его жена Буня, оставшаяся одна во Пскове, не успела эвакуироваться и разделила страшную судьбу евреев, попавших в руки немцев, занявших Прибалтику в 1941 году.

Прошло еще несколько лет, железный занавес заметно проржавел, и у меня наконец появилась возможность ездить во Францию в

[3] Высшая национальная школа изобразительных искусств в Париже.

[4] Роза Бунимович, невеста Мишеля, приехавшая к нему в Париж в 1914 г.

научные командировки. Парижский телефон Янкеля у меня был, но каждый раз, когда я собирался набрать номер, вспоминал об этой несостоявшейся переписке... и откладывал звонок до следующего приезда. В конце концов визит Янкелю и Клэр на Rue de l'Université нанесла моя дочь со своим мужем[5], к тому времени натурализовавшаяся в Америке и не отягощенная нашими стародавними комплексами. А следующие поколения Парижских Кикоинов, принадлежащие к еще одной ветви, происходящей от того же гомельского раввина, установили связь с внуками Исаака Кикоина. К этой ветви принадлежат кинорежиссеры и продюсеры Жерар Кикоин и его брат Жильбер. Но это уже совсем другая история.

Список литературы

Kikoïne, un maître de l'Ecole de Paris. Textes de Jean-Marie Dunoyer et Gilles Néret. Ed. Arte, Adrien Maegt, Paris, 1987.

Kikoïne: Les pionniers de l'Ecole de Paris. Textes de Ariel Kyrou et al., Ed. de l'Albaron, Thonon-les-Bains (Fondation Kikoïne),1996.

J-P. Crespelle. La vie quotidienne de Montparnasse à la Grande Epoque. 1905–1930. Paris, Hachette, 1976 (имеется перевод: *Ж-П.Креспель.* Повседневная жизнь Монпарнаса в великую эпоху 1905–1930. М.: Молодая гвардия, 2000).

---

[5] Alexander Soifer, профессор математики в университете штата Колорадо – сын Юрия Сойфера, замечательного еврейского графика, иллюстратора и театрального художника, который в свою очередь был учеником Александры Экстер, одной из основоположников Российского художественного авангарда начала века. А.Экстер, "Амазонка авангарда", по выражению Ю.Анненкова, наделившего ее этим титулом вместе с Н.Гончаровой, Л.Поповой, В.Степановой, Н.Удальцовой и О.Розановой, была близкой приятельницей Фернана Леже, одного из ярких представителей парижской школы. Как известно, не мир тесен, а слой тонок.

СЦЕНИЧЕСКИЕ ИСКУССТВА

«В Праге ли, в Париже ли мы повсюду выжили…» (О Георгии Серове и Григории Хмаре)

Вера Сомина (Россия)

Нина Гурфинкель (1898 – 1984) – театровед

Михаил Бирман (Израиль)

Женщина-огонь (Женя Файерман)

Итала Белопольская (Израиль)

«В Праге ли, в Париже ли мы повсюду выжили...» (О Георгии Серове и Григории Хмаре)

Вера Сомина (С.-Петербург)

На этом фрагменте картины Валентина Серова «Дети» (1899) изображен его сын Юра – Георгий Серов

Разговор о русской театральной эмиграции – это почти всегда разговор о Пражской группе Московского Художественного театра и об одном из парижских русских драматических театров. Будет непременно затронуто немое кино, опять-таки в парижских русских студиях. И лишь очень немногие из фигурирующих в этом разговоре перейдут во французский театр, станут частью иной культуры. Таковы два наших героя – Георгий Серов (1894 – 1929) и Григорий Хмара (1878 – 1970).

В историю русского искусства Юра Серов вошел пяти лет от роду. Красивый чернокудрый мальчик с задумчивыми серьезными глазами смотрит на вас с картины Валентина Серова «Дети» (1899). Георгия всю его недолгую жизнь будет сопровождать звание сына великого художника. Он не боялся никаких сравнений, был убежден в своей талантливости и чувствовал себя представителем клана Серовых. Так что связь его с Россией ясна и понятна.

Что же касается связей семейства Серовых с российским еврейством, они сложнее и многообразнее. Всем известно, что мать художника Валентина Александровича Серова, бабушка Георгия, Валентина Семеновна Бергман, была еврейкой. Композитор, общественный деятель, она много лет посвятила воспитанию крестьянских детей и руководила любительскими постановками своих опер, опер мужа и Мусоргского в деревне. Немногие знают, что ее муж, дед нашего героя, известный русский композитор и музыкальный критик Александр Николаевич Серов, тоже был наполовину евреем.

Стасов в своих воспоминаниях об училище правоведения пишет, что однажды нашел его с сестрой Софьей в необычайно возбужденном состоянии. Они объяснили, что *«вот только сейчас мама рассказывала им, что они оба такие способные и живые, прямо в дедушку Карла Ивановича (ее отца), а он был еврей родом»*[1]. Карл Иванович Габлиц*, крещеный еврей, был сенатором екатерининского времени, помощником Потемкина по обустройству только что присоединенного Крыма.

Художник Серов вырос и всю жизнь прожил под большим влиянием семьи Симоновичей. Это семейство состояло из его тетушки, сестры матери – Аделаиды Семеновны, педагога, организатора первых в России детских садов, ее мужа Якова Мироновича Симоновича, врача, пяти их дочерей, двух сыновей и воспитанницы, которая стала женой художника. Их квартиру на Кирочной Валентина Семеновна назвала «трудовым салоном». *«Что-то высокое, честное, внушающее безграничное доверие, трогало всех, приходивших с этой семьей в какое-либо соприкосновение»*, – вспоминала она[2]. Здесь протекали прекрасные музыкальные вечера с участием Врубеля и фон Дервиза (впоследствии женившегося на одной из дочерей Симоновичей), здесь впервые обсуждались основы новой живописи и был брошен «смелый вызов» старикам-передвижникам.

Все Серовы были необычайно одарены природой. Александр Николаевич, кроме музыкального, обладал явным литературным талантом и всю жизнь неплохо рисовал. В 1840 г. он писал Стасову: *«Иногда какой-то внутренний голос <...> убедительно мне нашептывает, что во мне довольно сил быть всем, чем я пожелаю»*[3]. Валентин Александрович проявлял актерские способности: прекрасно читал Диккенса и Гл.Успенского, в Абрамцеве у Мамонтовых и в Домотканове у Дервизов принимал участие в шарадах, живых картинах и спектаклях. А однажды, играя бессловесную роль лакея (ленился учить текст) в пьесе «Бедность – не порок» Островского, затмил всех главных исполнителей *«своим изображением подобострастного преданного слуги, который точно знает, кого угощать, кого обнести и как угощать»*[4].

---

* Hablitzl (1752, Кенигсберг – 1821, СПб.). О нем *см.*: Русский биографический словарь. Том: Гааг-Гербель. М., 1914. С.10–14; *Евгений (Болховитинов).* Словарь русских светских писателей <...>. Т.1. М., 1845. С.101–105; Российская еврейская энциклопедия. Т.3. М.: Эпос, 1994. С.255; *Геннади Г.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях <...>. Т.1. Берлин, 1876. С.186–187. – *Примеч. ред.*

Сам Георгий Валентинович, об актерской одаренности которого речь впереди, был неплохим художником, до отъезда за границу совмещал актерскую работу с заведованием постановочной частью Первой студии МХТ. Он не просто гримировался, он *«словно лепил маску на собственном лице»*, – писал об этой его особенности Ш.Дюллен[5].

В 1915 г. Серов пришел в Студенческую студию, чаще называвшуюся Мансуровской, стал учеником Е.Б.Вахтангова. Он вошел в уже сложившийся коллектив, но сразу перестал чувствовать себя новичком. По выражению Вахтангова, он «слился» со студией, стал одним из лидеров ее. П.Г.Антокольский считал, что с приходом Серова *«повысился и общий уровень одаренности»*[6].

Серов сыграл в Мансуровской студии в «Чеховском вечере» Следователя («Злоумышленник») и Дьячка («Ведьма»), Гюстава в первой редакции «Чуда святого Антония» М.Метерлинка, Кота в сапогах в «Обручении» Антокольского. Эти роли исполнялись на вечерах Студии и на сцене Народного театра, существовавшего на окраине Москвы с декабря 1917 до конца 1919 г. Публики в зале бывало мало. Б.Е.Захава позднее рассказывал, как на одном представлении он очень волновался, и Серов его успокоил: *«Держись, Борис, нас больше»*[7].

В конце 1917 г. Павел Антокольский познакомил М.И.Цветаеву с друзьями-студийцами Второй и Вахтанговской студий. В «Повести о Сонечке» Марии Ивановны и «Воспоминаниях» Ариадны Эфрон (дочери Цветаевой) Серов фигурирует под именем «Юра С.».

Серов был красив, изящен, остроумен. Л.М.Шихматов вспоминал студийную вечеринку в голодном и холодном 1919-м, на которую Серов явился в смокинге с белым цветком в петлице, «под смех и аплодисменты» пародировал «походку, манеру держаться, говорить некоторых из старших студийцев»[8]. Этот красавец никогда не боялся предстать перед зрителями уродом.

Весной 1919-го Серов среди двенадцати самых талантливых студийцев покинул Мансуровскую студию. Он чувствовал себя сложившимся актером, хотел играть, а не повторять упражнения по системе Станиславского. Вахтангов, по-видимому, понял законность его притязаний. Во всяком случае, Серов, единственный из ушедших учеников, был принят в Первую студию Художественного театра и играл там в спектаклях Вахтангова.

На сцене Первой студии Серов сыграл герцога Иоанна в «Эрике XIV»[9] А.Стриндберга (1921), Отца Роха в «Архангеле Михаиле» Н.Н.Бромлей (1922), Шляхтича в гостях в «Балладине» Ю.Словац-

кого, Клиента в «Потопе» Ю.-Х.Бергера. На европейских гастролях летом 1922 г. сыграл также бухгалтера Капса в пьесе «Гибель "Надежды"» Г.Гейерманса.

О Серове – герцоге Иоанне («Эрик XIV») рецензент писал, что он сыгран «в духе постановки» Вахтангова, гротескно: *«Его Иоанн, рыжебородый "страшила", и это, подсказанное детскими годами, определение отлично гармонирует с человеком-злобой, одна мысль о ком пугает Эрика». «Картинен и художественно строг был г. Серов – герцог Иоанн»*[10], – утверждал П.Пильский. Когда-то по поводу московской премьеры «Эрика XIV» Ю.В.Соболев написал: *«Серов – герцог Иоанн Рыжебородый – резко выпадает из общего ансамбля по той рельефной театральности (я бы сказал – гротеску, не грубому, но четко намеченному)»*[11]. Даже ввод в старый спектакль «Гибель "Надежды"» впечатляет яркостью образности: *«Любопытную фигуру бухгалтера Капса дал г. Серов: Капс – задавленный страхом протест и растраченная старчеством правда»*[12]; *«Господин бухгалтер в исполнении Серова – конторское "земноводное", забитое и смешное, как гниющий на берегу шлюп»*[13].

Летом 1922 г. Первая студия гастролировала в Риге и Ревеле (Таллине). 13 июля Студия отправилась дальше, в Берлин. В Ревеле остались заболевшая брюшным тифом актриса О.И.Пыжова и ее муж Георгий Серов. *«Они надеются соединиться с труппой в Праге»*, – информировала эстонская газета[14]. Но в Праге в ролях Серова выступил А.Д.Дикий, в Берлине также.

Серов присоединился не к Студии, а к группе Художественного театра, гастролировавшей в США. С ней Пыжова вернулась в Москву. А Серов, очевидно, в 1923 г., вошел в Пражскую группу МХТ. Во всяком случае, он участвовал в берлинских и парижских гастролях пражан в 1923 и в 1926 г.

Скорее всего, решение остаться за рубежом не было совсем внезапным или совсем случайным. Во-первых, в Финляндии проживали мать и сестры (на своей даче, еще с 1912 г.), а брат Александр после революции – в США. Во-вторых, те, кто хотел, – та же О.И.Пыжова, из-за которой Серов задержался в Европе, – позднее вместе с МХТ вернулись на родину. *«С Серовым вообще не было разговора»*, – писал о возвращении в Москву Михаил Чехов 30 июля 1923 г.[15]

«Тонким мастером гротеска» по-прежнему называет актера критика, оценивая гастроли Пражской группы МХТ в Берлине и Париже. Пожалуй, острее стал рисунок ролей, ближе к карикатуре.

В спектакле Пражской группы Художественного театра «Село Степанчиково» по Ф.М.Достоевскому Серов играл Ежевикина.

«*Поднявшийся из недр земли калибан*, – охарактеризовал этот образ Ю.Офросимов, – *по внешности и по чувству, пожалуй, переиграно в одну сторону, переиграно и для такой маленькой роли, но для первого знакомства с артистом фигура резко запоминающаяся*»[16].

О той же роли красочно высказался князь С.М.Волконский, известный деятель театральной эмиграции: «*...потертый, полинялый, молью объеденный, в дырявом каком-то виц-мундире, грязный, небритый <...> подлый подлиза и честный страдалец Ежевикин – Серов*»[17]. Критик С.Литовцев считал, что Ежевикин Серова «жуток и трогателен», в нем была «униженность», свойственная героям Достоевского[18].

Офросимов признал особое значение исполнения Серовым роли Епиходова в «Вишневом саде» А.П.Чехова: «*Сохраняя все достоинство игры Москвина, Серов сумел наделить свой художественный шарм исключительной мягкостью. И в меру окарикатуренный Епиходов получил, наконец, живое воплощение*»[19].

Запомнился серовский Африкан Савич Коршунов как старая развалина, с резко контрастными повадками, от грубой резкости до фальшивой ласковости. Волконский особо отмечал прекрасную мимику и пластику: «*Поворот головы, плечо, локоть – все в нем говорит*»[20].

Критик журнала «Звено», описывая спектакль «Битва жизни», отмечал его обычный стиль, некую русификацию автора, чему немало способствовал Серов: «*Перед нами был русский Диккенс, задушевный, домашний; Диккенс, воспринятый русской провинциальной барышней в широком кисейном платье*»[21]; «*Превосходный Британ – Серов, всклокоченный, рыжий, с медным лицом, нелепый и трогательный*»[22]. Ему вторил драматург И.Д.Сургучев: «*С ног до головы, от первого до последнего слова великолепен Серов*»[23].

Критики видят актерскую манеру Серова в создании масок, пишут о гоголевских масках в ролях Островского, например, о творчестве столь мощном и глубоком, что оно представляется откровением. А ведь он играл, большей частью, небольшие роли: «*Освещающий ярко даже крохотные рольки талант Серова*»[24].

Уже упомянутый отзыв Сургучев заключает высокой похвалой: «*После Михаила Чехова – вот актер, которым могут гордиться студии Станиславского, все вместе взятые*». Волконский считал, что Серов слишком выделяется, «*мало сливается с прочими*», чем разрушает ансамбль. Вспомним, в Москве в 1921 г. уже упрекали актера в яркой театральности, резкости красок. Но это, кажется, все равно что упрекать в даровитости.

В 1925 г. Серов поставил «Ревизора» в Виноградском театре в Праге. Спектакль прошел с большим успехом и держался целый сезон. Это был первый режиссерский опыт.

На парижских гастролях Группы МХТ 1926 г. на Серова обратила внимание французская режиссура. Да к тому же одновременно он снялся в фильме Ж.Гревильона «Мальдон», где главную роль исполнял Ш.Дюллен. Они познакомились, и Дюллен пригласил Серова в театр «Ателье».

В интервью, данном корреспонденту берлинской газеты «Руль», Серов рассказывает о первых шагах в труппе «Ателье». «*Направление "Ателье" с уклоном левых исканий. Несомненно, Дюллен знаком и с нашими мастерами сцены – поэтому мне очень легко и приятно работать с французами*, – говорит актер. – *Атмосфера за кулисами дружеская, никакой рутины, работает только молодежь. Пожалуй, наш театр единственный в Париже, напоминающий своим братством родные московские студии*». Серов тепло принят французской публикой. Парижская критика, в восторге от его дебюта, сочиняет красочные небылицы о фантастическом бегстве Серова из-под расстрела[25].

Хотя Серов знал французский с детства, но для парижской сцены такого знания было явно недостаточно: бывали случаи на первых порах, что совсем не понимал партнера, произношение отрабатывал тысячекратным повторением, требуя от товарищей поправок.

В первом сезоне 1927/28 г. Серов сыграл в двух спектаклях: в «Птицах» Аристофана и в «Пляске жизни» Х.Оульда. Волконский в рецензии на «Пляску жизни» разговор о Серове начинает такими словами: «*Теперь скажем о специальном. Серов играл злого пьяницу-старика, квартиранта чердака или подвала. Грязный, пыльный, всклокоченный, согнутый на раскоряченных ногах, он не входит, а как-то вползает снизу, с лестницы <...> Он прекрасен в своем безобразии. Ехидный, хихикающий, кощунственный не только во всяком слове, но в движении, во взгляде, в смехе и в молчании <...> Это должно изображать начало зла и еще больше злорадства*»[26].

В следующем сезоне Серов сыграл старого ростовщика Корбаччио в комедии Бен Джонсона «Вольпоне» в переделке С.Цвейга, в свою очередь, обработанной Ж.Роменом. «*Совсем незабываемая фигура... Самый большой успех выпал на долю нашему соотечественнику г. Георгию Серову...Успех г. Серова делает спектакль отчасти событием и русского сценического искусства*», – на все лады расхваливала русская эмигрантская критика[27]; «*С первого появления, не переставая, в каждом слове, в каждом положении, он*

наполнял сцену, он жил мерзостью своей корявой природы и заставлял нас жить, содрогаться и смеяться смехом мелкого беса»[28]. К этому времени Серов уже овладел языком, и на первый план в его игре вышло слово.

«*Серов работал, основываясь только на чувстве*», – считал Дюллен. При этом он воспринимал и воплощал и противоположные тенденции в искусстве. Сказывалась школа Вахтангова, «фантастическое» начало его реализма, примирявшее переживание с представлением. «*Он искал изобразительности более сильной, чем чистая и простая имитация натуры, он не отрывался от земли, но постоянно развивал, расширял образ до таких пределов, что этот образ обретал своего рода эпическую ширь*»[29].

Воспитана Вахтанговым «игра в театр». Конечно, полное воплощение эта тенденция получила только в «Принцессе Турандот», сыгранной студией уже без Серова, но сценическая импровизация, принципы комедии дель арте, принципы работы марионетки изучались в вахтанговской студии с первых лет ее существования. «*Увлеченный собственной игрой, Серов забавлялся своими персонажами: он с упоением заставлял их прыгать, танцевать вместе с ним, как если бы это были марионетки. Каждый вечер он приносил им подарок: придумывал для них какую-нибудь шутку, шалость или новую позу. Он никогда не уставал жить в их компании. Иногда он обеими ногами прыгал в карикатуру. Другой на его месте в такие минуты нарушил бы образ персонажа, Серов же умел увлечь свой персонаж за собой, куда бы ему ни вздумалось его повести*», – писал Ш.Дюллен.

Серов имел большой успех на парижской сцене. Вскоре он должен был выступить здесь и в качестве режиссера. Серов собирался ставить пьесу Неймана «Патриот» и играть в ней императора Павла I.

О Серове известно так мало, что хочется поделиться любыми крохами сведений. У него было больное сердце. Это наследственная болезнь Серовых. Рано умерли от сердечного приступа отец и дед. Актер об этом всегда помнил. Грустные воспоминания и предчувствия сопровождали его в самые безмятежные годы. В фонде Серова в РГАЛИ хранится его трогательное письмо к А.Т.Аверченко. Трогательно оно открытым беззащитным ощущением покоя и счастья после тяжелых передряг эмигрантской жизни. Пишет он, что вернулся со съемок, что готовится к сезону во французском театре, пока отдыхает у океана в Руане с любимой женой. Это последний год жизни. Когда он умер, рассказывали, что осенью, провожая знакомую в США, он был весел, шутил, смеялся. А потом

вдруг горько попрощался с нею навсегда, вспомнив о смерти отца и деда.

О его жене ничего не известно, кроме имени и отчества. Телеграммы соболезнования от И.Мозжухина, А.Салакру, С.Никитиной обращены к жене Марии Яковлевне и некоему Константину Соломоновичу.

Умер Серов на репетиции в театре «Ателье» 24 сентября 1929 г. «*Он жил театром и умер в театре за своей работой*», – написал Дюллен. В книге великого французского режиссера глава о творчестве Серова символически называется «Смерть актера». Название указывает не профессию, а высокое звание нашего героя.

* * *

Г.М.Хмара в 20-е годы

Григорий Михайлович Хмара родился и вырос в цветущей, окруженной садами Полтаве. Маленький украинский город жил довольно интенсивной культурной жизнью. В 1909 г. на гастролях Веры Федоровны Комиссаржевской юный Хмара участвовал в массовых сценах ее спектаклей. Местные жители гордились тем, что в Полтаве не было погромов. Потому что здесь жил В.Г.Короленко.

Хмара приехал учиться в Москву, поступил в школу Московского Художественного театра. Прожил три дня на бульваре, поскольку у него не было права жительства в Москве, три дня ничего не ел; либо денег не было, либо боялся зайти куда-то поесть. На вступительном экзамене упал в обморок. «Только бы приняли», – виновато улыбнулся он, открыв красивые глаза. Его сокурсники так никогда и не узнали, был ли обморок настоящим или «*первой талантливо сыгранной ролью*»[30].

Хмара был необычайно красив яркой южной красотой. Красота запоминалась. С детства я слышала рассказы своего деда-полтавчанина о необычайной внешности Гриши – его соученика по училищу. У Хмары был прекрасный голос, он так талантливо играл

на гитаре и пел романсы, что Художественный театр, очаровывая А.Блока, именно этого актера с женой подослал к поэту пленять любимым им цыганским пением.

Главные, определяющие свои роли Хмара сыграл в Первой студии Художественного театра. В первом, открывающем Студию спектакле «Гибель "Надежды"» Г.Гейерманса (1913) он играл Герда, сына вдовы-рыбачки, «*мужественно, темпераментно, правдиво, но не буднично <...> играл, конечно, себя, только в рыбацком костюме*»[31]. В этой роли Хмара выдвигал на первый план способность гордого независимого человека к бунту, к протесту. В «Празднике мира» Г.Гауптмана (1913), поставленном Е.Б.Вахтанговым, явно под влиянием гуманиста-толстовца Л.А.Сулержицкого, Хмара открывал в неврастенике Шолце неожиданное стремление «к миру», к добру. Роль Джона Пирибингля в «Сверчке на печи» по Ч.Диккенсу (1914, режиссер Б.М.Сушкевич) принесла Хмаре известность. В роли «большого, неуклюжего, доброго и нежного» Джона Хмара проявлял еще и природную музыкальность, органично входил в звуковую партитуру, «певучий настрой» святочного рассказа. В конце 1915 г. актер вывел в «Потопе» Ю.-Х.Бергера (постановка Вахтангова) значительную фигуру адвоката О'Нейля, «неудавшегося гения», но удачливого дельца. Двумя разными финалами завершал Хмара эту роль. Критики премьеры писали, что катастрофа заставила О'Нейля – Хмару задуматься о смысле жизни, и, когда все уходят из бара, он остается один на сцене, и «*большая, скорбная, неличная боль чувствуется <...> в тяжелой задумчивости*»[32]. А.И.Бек-Назаров вспоминал: «*Уходя из бара в финале пьесы, он находил удивительную психологическую деталь, прекрасно завершавшую характер его героя: повернувшись к остальным, он показывал им всем язык. Вы, мол, простофили, раскисли, а я буду продолжать свои волчьи дела*»[33]. В 1918 г. Хмара сыграл Росмера в «Росмерсхольме» Г.Ибсена, в 1919 г. – Ладзаро в пьесе «Дочь Йорио» Г.Д'Аннунцио, в 1920 г. – Отшельника в «Балладине» Ю.Словацкого. В неоднозначной вахтанговской постановке «Росмерсхольма» спорным было и его исполнение. «*Хмара в роли Росмера благороден, строг и несколько холоден*»[34]. Вахтангов, напротив, считал, что актером достигнуто в этой роли волнение, темперамент «от сущности» – «единственно убедительный и безобманный». «*У Хмары в "Росмерсхольме" я добивался с первой же репетиции такого темперамента*, – писал режиссер. – *И добился с его чудесной помощью и его верой в ценность и приятность такого темперамента. Одна мысль: "Надо сделать всех людей в стране*

счастливыми" – мысль как таковая, зажигала его и делала Росмером»[35].

Хмара был любимым актером Вахтангова. В неосуществленной постановке «Каина» Дж.-Г.Байрона (1918) он должен был играть Люцифера, на 1921/22 г. планировалась постановка «Гамлета» с Хмарой в главной роли. Он давал уроки актерского мастерства по просьбе Вахтангова и в руководимой им Третьей студии, и в студии «Габима». Очевидно, и К.С.Станиславский к Хмаре относился как к талантливому актеру, овладевшему основами его системы: в 1916 г. в Ессентуках на вечере памяти М.Ю.Лермонтова Хмара читает Скалозуба в сцене с Фамусовым – Станиславским.

Лиля Кедрова, кинозвезда и актриса русского эмигрантского театра

Григорий Хмара был из породы всеобщих любимцев. Его обожала публика, ценили товарищи по Студии: он был хорошим другом, добрым и простодушным, всегда и всех выручал, и хорошим партнером, что редко в актере на амплуа героя.

Сам же Хмара ценил в жизни «*больше всего на свете любовь – а уж дамы не были с ним скупы – и красивых женщин*», а также питал *«невинное пристрастие к знаменитостям»*[36]. Вся его жизнь делится на периоды по романам, первый: в студии с женой Фаиной Шевченко, второй – с балериной Большого театра Александрой Балашовой, третий – со шведско-немецкой кинозвездой Астой Нильсен, четвертый – с кинозвездой русского происхождения красавицей Лилей (Елизаветой) Кедровой и, наконец, последний – с кинокритиком, журналисткой и драматургом Верой Вольман.

Хмара уехал из России, вероятно, в конце марта 1921 г.: зафиксировано его участие в спектакле 18 марта этого года. Уехал, как говорили, только за очередной возлюбленной, балериной Балашовой. Но, возможно, были и более глубокие, творческие причины отъезда. Еще в ноябре – декабре 1917 г. Хмара писал Станиславскому: «*Спектакли идут очень плохо. Все играют их буквально из последних сил. Измученные, надорванные, полуголодные люди бродят по сцене с нагримированными лицами, повторяют в трехсотый раз слова автора, которого прежде любили, а теперь забыли его и даже ненавидят и его, и пьесу*»[37]. Вряд ли Хмарой двигало просто желание сменить трудный послереволюционный быт России

на европейские удобства. Он был слишком «богемен» для этого. «*Чемодан крокодиловой кожи, в котором лежала смена белья, испанская шаль да цыганская гитара редкой работы с перламутровыми инкрустациями – вот и все имущество, которое он привез с собой в Берлин*», – вспоминала его вторая жена[38]. Хмара списался с качаловской группой[39], но не вступил в нее. 13 октября 1921 г. Вл.И.Немирович-Данченко писал В.И.Качалову в Прагу, что хотел бы «*предложить Вам построже проверять тех товарищей, которые бросают нас здесь, затрудняя существование, а находят теплый приют у Вас. В частности, это касается Хмары*»[40].

В августе 1921 г. корреспондент парижской газеты «Общее дело» сообщает о приезде Хмары в Варшаву осенью. В сентябре 1921 г. он уже в Париже, репетирует роль Алексея в пьесе Д.С.Мережковского «Царевич Алексей и Петр» (режиссер Ю.Э.Озаровский). А в октябре хроникальная заметка сообщает о театре по типу «Летучей мыши» в римском ресторане Taverna. Труппу возглавлял А.Уральский, актер и режиссер МХТ, к тому же кинорежиссер, ставивший фильмы по спектаклям Студии. Это предприятие, по-видимому, быстро прогорело. С конца 1921 г. Хмара снимается в немецких кинофильмах в Берлине. Известно, что он играл в фильме Пабста «Безрадостный переулок», фильме «Живые будды» и др. В фильме режиссера-экспрессиониста Роберта Вине «Иисус Назаретянин, Царь Иудейский», вошедший в историю кино под названием-аббревиатурой «I.N.R.I.» (1924), Хмара играл Христа, Аста Нильсен – Марию Магдалину. Начался новый роман. В.Г.Гайдаров, земляк и давний, с гимназических лет, приятель Хмары, в своих воспоминаниях приводит другую легенду о второй женитьбе актера. Он и А.Нильсен снимались в каком-то фильме, где Хмара играл рыбака, она – рыбачку. Хмара увлек звезду пением цыганских песен. Как-то на вечеринке, Хмара пел только для нее одной, а она кокетничала с каким-то своим поклонником. «*Хмара, довольно долго наблюдавший поведение Асты, наконец, не выдержал, вскочил, сломал о колено гитару, мрачно приблизился к Асте и, схватив ее за платье на груди, разорвал его вместе со всем бельем. Такой решительный демарш Хмары определил их судьбу – они стали мужем и женой*»[41].

Что же касается исполнения роли Христа, то Гайдаров приводит остроумное замечание Нильсен по этому поводу: «*Ну, Гриша, как же ты можешь играть Христа?* – и, обращаясь к присутствующим, показывая на Гришу, добавила: *Ведь он же <...> больше разбойник, чем Христос!*»[42]

На самом деле это замечание не совсем справедливо. Хмара был актером глубоким, размышляющим. На съемках «I.N.R.I.» он погрузился в изучение разнообразного религиозного опыта, в историю религии.

Позже, в 1931 г., Хмара снова снялся в фильме немецкого экспрессиониста, теперь у Курта Бернгарта. Режиссура была утонченной. Фон, на котором разворачивается любовная связь героини, экзотичен (действие происходит в Константинополе), и Г.Хмара с размахом лихо играл «*очаровательного и беспутного русского князя*»[43].

В.В.Шверубович, сын В.И.Качалова, вспоминал, как в Берлине встречали новый 1922 год и как Хмара, «*пришедший на вечер с гитарой и рвавший всем душу талантливой цыганщиной <...> изумительно играл и прекрасно пел*»[44].

В 1926 г. Хмара стал режиссером в берлинском театре, владелицей которого и ведущей актрисой была его жена А.Нильсен. Старался привить немецким актерам принципы Станиславского.

В 1929 г. актер вернулся в Пражскую группу МХТ. С мая этого года труппа гастролировала по городам Польши, Румынии, Югославии. В Белграде Хмара поставил инсценировку «Преступления и наказания» под названием «Раскольников», в которой Раскольникова играл сам. Поставил также «Мысль» Л.Н.Андреева, «Сверчок на печи» по Ч.Диккенсу. В «Мысли» Л.Н.Андреева по-прежнему играл Керженцева, в «Сверчке» – Джона.

Хмара – актер и режиссер Русского драматического театра в Париже, очевидно, со времени его открытия в 1936 г. В создании этого самого крупного театра зачинателем и идейным руководителем выступал И.И.Фондаминский. Хмара поставил здесь «Месяц в деревне» и пьесу Н.Н.Берберовой «Мадам». В сезоне 1936/37 г. в Русском театре (в зале «Журналь») он поставил инсценировку романа Р.Гуля «Азеф» и сыграл в ней Савинкова. «*Присутствуя на репетициях, я видел,* – вспоминал Р.Гуль, – *что никакого Савинкова Хмара не сыграет. Савинков слишком для него тонок. Эту психологическую "тонкость" Хмара заменял каким-то надрывным криком, что было,*

Г.М.Хмара в роли Джона Пирибингля *(«Сверчок на печи» Ч.Диккенса)*

разумеется, фальшью». Однако спектакль был принят и эмигрантской культурной элитой, и близко знавшими его героев русскими революционерами. На премьере «*театр был полон до отказа. Билеты все проданы. В первом ряду – В.Бурцев, И.Бунин, И.Фондаминский, Б.Зайцев с женой, Тэффи рядом с кн. Феликсом Юсуповым <...>, М.Алданов, В.Зензинов, многие знатные россияне, рецензенты газет <...> После каждого акта хорошие аплодисменты. <...> Стало быть, публика приняла*»[45]. В газете «Возрождение» И.Д.Сургучев писал: «*Хорошо, отчетливо и тоже в масштабе большого рисунка сделан Савинков у г. Хмары*»[46]. Спектакль прошел четыре раза с аншлагом. На всех четырех спектаклях присутствовал разоблачитель Азефа В.Л.Бурцев.

В 1938 г. Хмара сыграл Лопахина в «Вишневом саде», поставленном М.Н.Германовой. Вот отрывок из мемуарной рецензии Н.Н.Евреинова: «*Григорий Хмара был на предельной высоте исполнения, давая "тактично" проскальзывать сквозь черты "светского человека" чертам своего природного "хамства". Финальная сцена, где полупьяный Лопахин, купивший с торгов заповедный сад, не в силах сдержать порыв собственнического гонора и бьет на радостях тарелки об пол, а потом, опомнившись, со стыдом "ретируется", – потрясла зрителей и вызвала у них нескончаемые аплодисменты*»[47].

В том же сезоне 1938/39 г. Хмара репетирует роль главного героя в пьесе В.Сирина-Набокова «Изобретение Вальса» (режиссер Ю.П.Анненков). Работа была прервана войной.

Однако уже в декабре 1939 г. Русский театр в Париже возобновил свою работу. 30 марта 1940 г. здесь прошла премьера «Потопа» Ю.-Х.Бергера в постановке Хмары. «*Удачей спектакль, вызвавший всеобщее одобрение, обязан главным образом Г.Хмаре*», – писали «Последние новости»[48]. В сезоне 1944/45 г. в этом же театре Хмара поставил «Бесприданницу». Не удалось установить, каким образом еврей Хмара мог работать при немцах.

После войны, когда русский эмигрантский театр исчерпал себя, Хмара начал работать на французской сцене, хотя французским языком владел далеко не в совершенстве. Все же в основном он ставил произведения русских писателей или пьесы, поставленные когда-то в Первой студии Художественного театра. Так, он снова поставил «Потоп». Вряд ли Хмара был вполне самостоятельным режиссером, он, вероятно, повторил в каких-то чертах постановку Вахтангова и Чехова. Но были и новации: Хмара перенес действие в зал – подвал на Плас Вандом изображал бар. Треть зала занимала стойка, остальное – зрители. «Все и всех» воодушевлял «своим темпераментом» Хмара, отметил историк русской эмиграции.

В 1952 г. в Париже Хмара поставил «Шейлока» без декораций, «*как во времена Шекспира <...>, причем, конечно, в заглавной роли главенствовал над всеми своими французскими сотрудниками темпераментом и фигурой сам Хмара, зажигая действие своим художественным "нутром" и увлекая зрителей своим исключительным актерским "магнетизмом", несмотря на все своеобразие своей французской речи*», – писал А.Шик[49]. В этом спектакле была занята Сильвия Монфор.

После войны Хмара женился на Вере Вольман, кинокритике, журналистке. Она инсценировала шесть рассказов А.П.Чехова для французского театра. Некоторые из них, например «Ведьма», входили когда-то в Чеховский вечер Первой студии. «*Хмара в качестве постановщика проявил много изобретательности, в особенности в оживленной сцене бала из "Анны на шее"*»[50].

В.Вольман написала и оригинальную пьесу «Шарм слав» («Славянское очарование»). Она шла в постановке Хмары в Комеди де Пари. Л.Доминик (Л.А.Аронсон)[51] – критик русского журнала «Возрождение», высоко ценивший Хмару как актера и режиссера, – написал на этот раз разгромную рецензию с многозначительным названием «От "Шарм слав" – до "Ам слав" ("Славянской души")»: «*<...> С самого поднятия занавеса атмосфера третьеразрядного кабака перехватывает через рампу, и русскому зрителю становится неловко перед соседом французом за такое изображение семейной жизни русского эмигранта. Русские герои пьесы: 1) шофер – отец семейства, 2) дочь его от первого брака, по профессии модель модного дома, по призванию кабацкая певица, 3) ее бывший муж, и по профессии, и по призванию прихлебатель при богатых женщинах, враль и бездельник, наконец, 4) персонаж – некая серая, безмолвная, маячащая фигура полупьяного собутыльника с неотъемлемой гитарой – вот вам и вся экзотическая фауна. Западноевропейская сторона представлена какими-то силуэтами без характера и типа <...>.*

Очевидно, в этом и заключается "Charme slave": водка, "чарочка", гитара, мешанина и безнадежное мещанство <...>.

Думаю, что какие-то шоры помешали нашему дорогому Хмаре увидеть всю безнадежность его затеи придать жизнь этому мертворожденному детищу»[52].

Иного мнения придерживался А.Шик. Он писал о Хмаре, «*который играл с огромным своим огнем и талантом русского татарина, а уже создавшая себе значительное имя в кинематографе Надя Грей блестяще и увлекательно показала в роли манекенши*

пресловутую "ам слав" со всей ее веселостью и грустью, беспечностью и невольно возникающей расчетливостью»[53].

В апреле 1958 г. Хмара поставил на сцене Alliance Française «Униженные и оскорбленные» по инсценировке Андре Шарпака. В инсценировке была сохранена лишь одна из сюжетных линий романа. «*В этих трудных условиях особенно следует отметить работу режиссера. Со вкусом, мерой и даже, сказал бы, художественным чувством ритма Хмара сумел обойти все подводные камни, все отмели, вставшие на его пути. Мелодрама, прорывающаяся у Достоевского, могла бы стать нетерпимой ввиду отсутствия настоящего действия и наличия патетических диалогов. Хмара избег излишней сентиментальности, слезливости, а также и затянутости. Скромность в выборе средств сказалась во всей постановке. Отсутствие пафоса и "игры" сказывается на образах, созданных всеми исполнителями и самим Хмарой в частности. Как трудна, как опасна роль отца Ихменева, лишенного в пьесе его биографических данных! Умелое, высокоартистичное воплощение Хмары дало жизнь и цельность образу, грозившему соскользнуть в схематичность.* <...>

Хочется, чтобы этот спектакль был оценен широкой публикой, чтобы парижский зритель подвергся очистительной, освежающей струе свежего воздуха, несущегося с этой небольшой сцены, чтобы была оценена большая талантливая работа Григория Хмары», – писал Доминик[54]. И оценка последовала. В сборнике театральных рецензий Ж.-Ж.Готье, критика газеты «Фигаро» (1962), отмечена игра Хмары как значительное явление французского искусства.

29 сентября 1959 г. состоялась премьера «Мещан» М.Горького в переводе Артура Адамова и постановке Хмары в парижском театре «Творчество». Рецензент газеты «Либерасьон» (1959, 7 октября) П.Морель писал: «*Главная новизна этого спектакля в том, что он явил нам подлинного Горького, печать его гения, основной "драматической пружиной" здесь стал "положительный герой"*». Однако из описания спектакля следует, что положительными (Морель называет их интеллектуальными) героями критику кажутся старик Бессеменов и его сын Петр. В Ниле, которого играет хорошо Бернар Фрессон, «*поражают грубоватые черты его лица. Он в цветастой косоворотке, штанах, заправленных в сапоги, во всем его облике чувствуется упрямый русский парень*»[55].

Хмара, по словам Л.Доминика, прочел текст «другими глазами» через 60 лет после первого мхатовского прочтения. «*Мы не чувствуем "отрицательности", уродливости уклада семьи Бессе-*

менова, не видим в нем самом тех порочных черт, на которые указывал позорящий перст Горького. Мы не замечаем также "революционности", жизненности, боеспособности его "положительных" героев. <...> Авангардность Нила больше смахивает на нахальство и неблагодарность». Такая трактовка пьесы опирается не только на печальный опыт России, но и на «позыв к революционности» французской интеллигенции и, в частности, сценических деятелей в конце 1950 – 1960-х гг. «*Не сомневаюсь*, – пишет критик, – *что труднейшая теорема, поставленная Горьким–Адамовым перед французскими исполнителями на маленькой парижской сцене, получила счастливое разрешение благодаря талантливейшему и опытному Григорию Хмаре. Создать цельный спектакль из слабой пьесы, при слабо намеченных героях, использовать персонал, не знакомый ни с темой, ни с характером героев, уложиться в рамках маленькой узкой сцены и пр., и пр. – все это вместе представляло труднейшее уравнение со многими неизвестными. Для слабого режиссера – это было бы задание неразрешимое. Обходя многочисленные видимые и невидимые препятствия, Хмара умудрился создать настолько цельный спектакль, что французская пресса, не знакомая ни с пьесой, ни с русской действительностью, признала результат превосходным*»[56].

В 1967 г. в театре Alliance Française Хмара поставил драму А.Стриндберга «Отец».

Хмара создал театральную школу в Париже, где преподавал. В последние годы писал мемуары о Бунине, Дузе, А.Дункан. Они остались неопубликованными. Опубликованы в «Русских записках» в 1938 г. только очерки о Станиславском и Шаляпине.

---

[1] Цит. по: *Базунов С.* А.Серов // Волков, Щепкин, Глинка, Даргомыжский, Серов. СПб., 1996. С. 336–337.

[2] *Серова В.С.* Воспоминания В.С.Серовой. СПб., 1914. С. 211.

[3] Цит. по: Волков, Щепкин, Глинка, Даргомыжский, Серов. С. 335.

[4] *Серова В. С.* Воспоминания... С. 219.

[5] *Дюллен Ш.* Воспоминания и заметки актера. М., 1958. С. 77.

[6] *Антокольский П.* Путевой журнал писателя. М., 1976. С. 255.

[7] Беседы о Вахтангове. М., 1940.

[8] *Шихматов Л.* От студии к театру. М., 1970. С. 57.

[9] *Воинов Яр.* Театр: «Эрик XIV» // Последние известия (Ревель). 1922. 12 июля.

[10] *Пильский П.* «Эрик XIV» // Сегодня (Рига). 1922. 28 июля.

[11] *Соболев Ю.* Первая студия МХТ: «Эрик XIV» // Вестник театра. 1921. № 87–88. С.12.

[12] *Пильский П.* «Гибель "Надежды"» // Сегодня (Рига). 1922, 2 июля.

[13] *Воинов Яр.* Театр. «Гибель "Надежды"» // Последние известия (Ревель). 1922. 9 июля.

[14] *См.*: Жизнь (Ревель). 1922. 13 июля.

[15] Михаил Чехов. Литературное наследие: В 2 т. Т. 1. М., 1995. С. 299.

[16] *Офросимов Ю.* Спектакли группы МХТ // Руль (Берлин). 1923. 5 апреля. № 713. С. 7.

[17] РГАЛИ. Ф.2726: Серова Г.В. Оп.1. Д.18: Вырезки из газет: Альбом. Л.36.

[18] Там же. Л.40.

[19] *Офросимов Ю.* Спектакли группы МХТ // Руль (Берлин). 1923, 6 апр. №714. С.4.

[20] РГАЛИ. Ф.2726. Д.18. Л.51.

[21] Там же. Л.15

[22] Там же. Л.25.

[23] Там же. Л. 26.

[24] *Офросимов Ю.* Театр. Фельетоны. Берлин, 1926. С.100.

[25] Цит. по: РГАЛИ. Ф.2726: Серова Г.В. Оп.1. Д.22. Л.29.

[26] *Волконский С.* «Пляска жизни» Хермана Оульда в театре «Ателье» // РГАЛИ. Ф.2726: Серова Г.В. Оп.1. Д.19.

[27] См.: Отзывы Н.Чебышева и С.Волконского // РГАЛИ. Ф.2726. Оп.1. Д.22. Л.9,10.

[28] *Волконский С.* Там же. Л.9.

[29] *Дюллен Ш.* Воспоминания и заметки актера. М., 1958. С.79.

[30] См.: *Гиацинтова С.* С памятью наедине. М., 1985. С.76.

[31] Там же. С.98.

[32] *Джонсон И. (Иванов И.В.).* Московские письма // Театр и искусство. 1915. №52. С.1001.

[33] *Бек-Назаров А.И.* Записки актера и кинорежиссера. М., 1965. С.87.

[34] *Ашмарин В.* «Росмерсхольм» // Известия. 1918. 28 ноября.

[35] Евгений Вахтангов. М., 1984. С.275.

[36] *Гиацинтова С.* С памятью наедине. С.185.

[37] *Виноградская И.Н.* Летопись жизни и творчества К.С.Станиславского. Т.3. М., 1973. С.83.

[38] *Нильсен А.* Безусловная муза. Л., 1971. С.243.

[39] *Качаловская группа* – группа артистов Московского Художественного театра, гастролировавшая на юге России во время Гражданской войны. Поначалу осталась у белых, затем вместе с ними перекочевали за границу. Это

актерское объединение в дальнейшем, уже без В.И.Качалова и О.Л.Книппер, получило название Пражской группы МХТ.

[40] Летопись жизни и творчества К.С.Станиславского. Т.3. С.258.

[41] В.Гайдаров в театре и кино. Л.; М., 1966. С.121.

[42] Там же. С.122.

[43] *Кракауэр З.* Психологическая история немецкого кино. М., 1977. С.261.

[44] *Шверубович В.* О старом Художественном театре. М., 1990. С.363–364.

[45] *Гуль Р.* Россия во Франции.

[46] Возрождение. 1937. 22 мая.

[47] *Евреинов Н.* Памятник мимолетному. Париж, 1953. С.71.

[48] Последние новости. 1940. 2 апреля.

[49] *Шик А.* Русские эмигранты в мировом театре драмы и комедии // Возрождение = La Renaissance (Paris). 1969. № 214. С.109.

[50] Там же. № 213. С.113.

[51] Об этом замечательном критике см.: *Носик Б.* «На бульваре Распай господин Доминик у руля» // ЕВКРЗ. Т.IV. Иерусалим, 1995. С.504–512.

[52] Возрождение = La Renaissance (Paris). 1958. № 76. С. 124–125.

[53] Там же. 1969. №213. С.115.

[54] *Доминик Л.* «Униженные и оскорбленные» // Там же. 1959. №88. С.116–118.

[55] Цит. по статье: *Гительман Л.И.* Горький и современный театр Франции // Нева. 1978. №4. С.204—205.

[56] *Доминик Л.* «Мещане» Горького на французской сцене // Возрождение = La Renaissance (Paris). 1959. №95. С.117, 121.

Нина Гурфинкель (1898 – 1984) – театровед

Михаил Бирман (Ашдод, Израиль)

На рубеже XIX и XX вв. в семье известного одесского врача Лазаря Моисеевича Гурфинкеля родились три дочери. И всем трем сестрам суждено было оставить след в культуре России и …Франции.

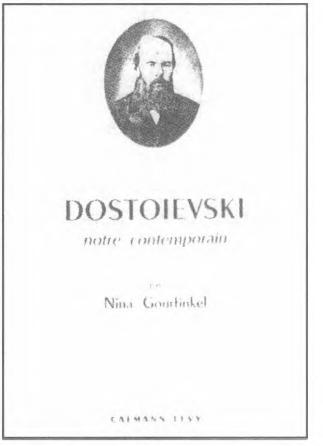
Старшая – Мария Лазаревна (ее мужем был известный ленинградский филолог-античник Йосиф Моисеевич Тронский) завершила жизненный путь профессором литературоведения в области германистики Ленинградского университета[1]. Младшая – Жюльетта – была одно время замужем за деятелем еврейского общественно-культурного движения во Франции J.Pougatch и выступала во франкоязычном мире писателем-беллетристом под псевдонимом Jeulliette Pary[2].

Средняя из сестер – Нина Лазаревна – окончила в Одессе женскую гимназию Видинской и в 1915 г. поступила на классическое отделение Одесских Высших женских курсов[3]. По невыясненным причинам она в 1917 г. переехала в столицу и продолжила образование на Высших женских курсах Петрограда. Там ей посчастливилось прослушать курсы лекций лучших питерских историков во главе с И.М.Гревсом. Позже она вернулась в Одессу и в 1922 г. завершила высшее образование на классическом отделении местного университета. Под руководством проф. Б.В.Варнеке, известного историка и автора двухтомника по истории русского театра (вышел в свет в Казани в 1908 – 1910 гг.), она сделала большой реферат на тему "Комедии Аристофана"[4]. Отлично владея немецким, французским и итальянским (скромнее были ее познания в английском), Нина Лазаревна (далее – НЛГ) отправилась на поиски достойного поприща в послереволюционную Москву. Здесь она проработала некоторое время в одном из издательств, в партийной школе им. Я.М.Свердлова, где преподавала немецкий, и переводчиком в Тресте черной металлургии.

Будучи с юных лет театралкой, она в годы жизни в Москве проявила большой интерес к профессиональному театру и к студиям.

Обладая энергичным, твердым и независимым характером, НЛГ решается на крутой поворот в своей судьбе – отъезд из СССР. К этому ее побуждали, как она сама признавалась, *"стремление к полной духовной свободе"* и *"желание расширить свой кругозор"*[5].

В 1925 г., приехав по делам в Париж, она остается там навсегда. В те годы выезд из СССР за рубеж еще не был редчайшим явлением, каким он стал десятилетие спустя. Хорошее знание языков и отменные деловые качества помогли НЛГ в Париже. Где бы ни работала, она оставляла хорошее впечатление четко мыслящего энергичного человека, умевшего легко и ясно формулировать свои и чужие мысли. Одно время НЛГ служила в Национальной библиотеке.

Книга Н.Гурфинкель "Достоевский – наш современник"

Позже она проработала ряд лет секретарем Виктора (Авигдора) Якобсона (1869 – 1935), видного сионистского деятеля, члена Генерального совета Всемирной сионистской организации еще с 1899 г., который стал первым сионистским дипломатом: он выполнял функции неофициального представителя этой организации, периодически проживая в Берлине, Константинополе и Копенгагене. Опытный журналист он печатался в либеральной газете "Русские ведомости". С 1925 г. (когда НЛГ приехала во Францию) он жил в Париже и являлся уполномоченным "Еврейского агентства" в Лиге Наций[6]. Якобсон был хорошо образован, знал европейские языки, обладал большим кругозором, и общение с ним много давало. НЛГ глубоко уважала его, хотя и не разделяла его убеждений[7]. Сравнительно поздно, перешагнув уже тридцатилетний рубеж, начинает НЛГ интенсивную журналистскую деятельность. Задержка эта в основном, видимо, определялась языковым барьером. Взяв курс на "аборигенов", она столкнулась с необходимостью готовить свои работы исключительно на французском языке, что потребовало дополнительного времени.

В самом конце 20-х годов НЛГ публикует в парижских франкоязычных изданиях содержательные и оригинальные литературоведческие работы – о новых методах представителей так называемой формальной школы в изучении истории русской литературы, об Осипе Мандельштаме и его месте в современной русской

поэзии и др[8]. Первая из ее парижских публикаций – о русских "формалистах" – увидела свет в известном французском журнале "Le Monde slave"[9]. Отныне почти все работы НЛГ издаются на французском языке.

Шесть лет спустя после приезда во Францию, в 1931 г., НЛГ опубликовала свою первую и одну из наиболее значительных книг – "Современный русский театр" ("Théâtre russe contemporaine"). Книга была издана в серии "Библиотека любителей театра". Вскоре на нее появились одобрительные отклики, в их числе рецензия известного знатока русской культуры В.К.Мочульского. Опубликована она была на страницах "Современных записок", наиболее авторитетного журнала русских эмигрантов[10].

Рецензент посчитал, что в книге даны точные зарисовки профессионального и народного театров в современной России. *"Автору удалось,* – утверждалось в отзыве, – *внести известный порядок в хаос, выделить главные течения, описать их, наметить основные тенденции и даже подвести итоги..."*[11]

Поставив перед собою большую цель (она была сформулирована в одном из позднейших писем) – *"помочь западному обществу понять и полюбить русский театр и русскую художественную литературу"*[12], НЛГ, со свойственной ей энергией и систематичностью, принялась за ее осуществление. В дальнейшем шаг за шагом она двигалась к реализации своей задачи.

В начале 30-х годов НЛГ, вдвоем с парижским театроведом Леоном Шансерелем, перевела и издала на французском языке главный труд К.С.Станиславского "Моя жизнь в искусстве". Первое издание перевода вышло в свет в Париже в 1933 г.; позже возникала потребность в переизданиях, и в 1980 г. было осуществлено четвертое[13]. Углубленное изучение творчества режиссера побудило НЛГ к переписке с ним. В личном ее архиве, находящемся в распоряжении друга и наперсницы Рут Шацман, сохраняются оригиналы пяти писем К.С.Станиславского к НЛГ 1933 – 1934 гг.[14] Наряду с этим в 30-е годы и позже НЛГ опубликовала в парижских журналах и сборниках ряд статей и сообщений о различных аспектах и этапах деятельности великого режиссера. Двадцать лет спустя после первого издания перевода книги К.С.Станиславского новый пик исследовательских усилий НЛГ по разработке творчества режиссера завершился изданием в 1955 г. солидной монографии о нем[15].

Исследовательские интересы НЛГ не ограничивались подготовкой трудов по проблемам русского театра. Параллельно с этим в 30-е годы она напечатала статьи о еврейском театре "Габима" и на

еврейские темы вообще ("Юдаизм и евреи", о росте антисемитской угрозы со стороны нацистов Германии и др.)[16].

С начала Второй мировой войны заметно активизировалась общественная деятельность НЛГ. Освещение этой части ее биографии требует дополнительного изучения новых и малодоступных источников. Ограничусь лишь некоторыми важнейшими вехами.

Натура НЛГ, гражданский темперамент не позволили ей оставаться в стороне от развернувшейся во Франции борьбы с нацистами. Она приняла участие в работе таких нелегальных и полулегальных организаций как Комитет помощи эмигрантам (во главе с аббатом Гласбергом), Союз помощи евреям Тулузы и др.[17]. В 1942 – 1943 гг., иногда с риском для жизни, она помогала спасать евреев от депортации. Вообще НЛГ в продолжение всего периода ее пребывания во Франции считала своим долгом оказывать содействие эмигрантам, и в первую очередь соотечественникам, оказавшимся в наиболее трагической ситуации.

В послевоенные годы она органично вписалась в рамки возникшего тогда Центра ориентации иностранцев ("Centre d`Orientation pour les Etrangers"), занимавшегося различной социальной помощью эмигрантам.

В научных исследованиях НЛГ продолжала все тот же курс на ознакомление западного общества с достижениями русской культуры. В этот период она выпустила серию книг о классиках русской художественной литературы – Л.Н.Толстом, М.А.Горьком, Н.В.Гоголе[18]. Одновременно НЛГ опубликовала ряд исследовательских статей об А.П.Чехове и Московском Художественном театре, о зарубежных театрах начала XX в. и на другие театроведческие темы[19].

Начало 50-х гг. было связано прежде всего с подготовкой двухтомника ее мемуаров: 1-й том освещает период 1917 – 1924 гг.; 2-й том охватывает период жизни в эмиграции, начиная с 1925 г. (момента приезда ее в Париж), и завершается событиями Второй мировой войны. Почти параллельно с воспоминаниями НЛГ выпустила публицистическую книгу о В.И.Ленине. Темы революции и ее вождя освещены в ней, как и в мемуарах, довольно живо. Однако НЛГ, по удачному замечанию ее ученицы и друга Рут Шацман, *"...так вдохновилась идеями революции, что полный пересмотр действительности был слишком тяжел"*[20].

Конец 50-х – начало 60-х годов в научной биографии НЛГ можно без сомнения обозначить как этап интенсивной разработки проблем творческого наследия Достоевского. Она последовательно печатает несколько статей о писателе, а затем и значительную и

имевшую во Франции большой успех книгу "Ф.М.Достоевский – наш современник". В книге автор раскрыла тему чрезвычайной актуальности произведений Достоевского. Одновременно она перевела на французский и подготовила к изданию два тома с комментариями из четырехтомной переписки Достоевского[21].

В 60-е годы были опубликованы (в переводе НЛГ на французский) письма В.Э.Мейерхольда А.П.Чехову, а также книга о Чехове. Ядро последней составляли произведения самого Чехова с многочисленными приложениями (письма Чехова К.Станиславскому и В.Немировичу-Данченко, этюды российских чеховедов, хроника жизни А.П.Чехова и другие материалы и документы)[22].

Таков краткий обзор наиболее значительных исследовательских достижений НЛГ, демонстрирующий широту ее научных интересов и ее большую эрудицию в области театроведения и литературоведения.

Ее перу принадлежали также десятки статей и сообщений на самые разные, подчас сугубо специальные темы: орнаментация древнерусских рукописей; русская комическая опера XVIII века; шекспировские спектакли на русской сцене и в СССР; В.Э.Мейерхольд; драматургия В.В.Маяковского; национальный театр в СССР (в частности, театр имени Шота Руставели в Тбилиси) и др.

Наряду с этим можно выделить цикл статей, посвященных французской культуре: о писателях А.Камю и Л.Селине; о французской исторической драме; о театроведе Л.Шансереле и др., а также ряд работ о деятелях театра других стран Западной и Центральной Европы (Гордоне Крэге; Луи Пискаторе; Элеоноре Дузе и др.), обзоры зарубежных – английского, немецкого, швейцарского – театров начала XX в. и т.п.

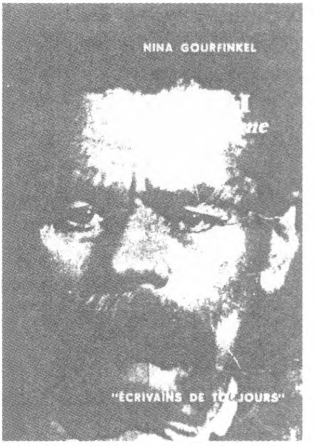
НЛГ подготовила также множество рецензий – в первую очередь на труды по театроведению и на новейшие публикации литературоведов и произведений виднейших представителей и мастеров художественной литературы в СССР.

В наследии НЛГ имеется довольно внушительный цикл публикаций на различные еврейские темы: о еврейской национальной драматургии и о театрах на идиш (Давид Гольдфаден; Соломон Михоэлс и др.); о "Габиме" и роли К.С.Станиславского и Е.Б.Вахтангова в основании этого театра; об истории еврейского просвещения и о скульпторе Хане Орловой; о гебраистских мотивах в поэзии Дж. Байрона; о еврейском вопросе в Италии; национальной психологии и т.д.[23]

Во второй половине 60-х годов Нину Лазаревну, давно ставшую авторитетнейшим специалистом в области театроведения, при-

гласили прочитать годичный курс истории русского театра в Сорбонне (1966 – 1967 гг.). Затем, в 1968 – 1969 гг., последовал новый курс по истории зарубежного театра в Бельгийском университете в Лувене[24].

На протяжении своей исследовательской деятельности НЛГ принимала участие в многочисленных научных конференциях, коллоквиумах, симпозиумах и семинарах, посвященных различным вопросам и темам из области театроведения и литературоведения. Лишь летом 1970 г. она отказалась участвовать в двух конференциях – в Бордо и в Вашингтонском университете – по случаю приближавшегося 150-летия со дня рождения Ф.М.Досто-евского.

Книга Н.Гурфинкель о Горьком в серии "Писатели навсегда"

(Между прочим, в приглашении, направленном НЛГ из Вашингтона, отмечалось: *"Вы – один из самых известных на Западе специалистов по Достоевскому..."*)[25]

В отказе, посланном НЛГ оргкомитету конференции в Бордо, она сообщала: *"Достоевский – гений, и я написала о нем книгу, но я отказываюсь содействовать глорификации юдофоба"*[26]. Не все мотивы и обстоятельства этих двух отказов ясны. Возможно, НЛГ хотела таким образом несколько скорректировать свои прежние публикации о Достоевском, расценивая их как академические и полагая, что в них не было достаточно четко и резко выражено ее отношение к юдофобским замечаниям в произведениях великого художника[27]. Заслуживает внимания и соображение Рут Шацман, полагающей, что НЛГ, вероятно, придавала большее значение конференциям, нежели опубликованию интересных работ о Ф.М.Достоевском[28].

Много внимания уделяла НЛГ редакторской работе. Выше упоминалось об участии ее в качестве переводчика и редактора-составителя при подготовке переводов на французский сочинений мастеров театра и художественной литературы. Кроме того, она осуществляла разнородные редакторские функции в качестве члена редакции журнала "Revue d`histoire du théâtre" и других изданий (альманахов, брошюр и сборников), посвященных проблемам театрального дела.

Особо следует отметить усилия НЛГ в деле популяризации знаний о российском театре и культуре в целом – ее частые радиовыступления на самые разнообразные темы, содействие в организации юбилейных выставок и т.п. Как эксперту по русскому театру ей была оказана честь подготовить обзорные статьи для французских энциклопедий: о В.Э.Мейерхольде, К.С.Станиславском и А.И.Солженицыне (для Encyclopaedia Universalis) и статьи "К.Станиславский: Художественный театр в Москве" (для Encyclopédie du téâtre contemporaine)[29].

Выйдя на пенсию, НЛГ продолжала участвовать в деятельности Центра для ориентации иностранцев, инспектируя дома для больных и престарелых. В конце жизни ее "...скромная комната, набитая книгами"[30] в Париже пустовала все чаще и чаще: хозяйка на несколько месяцев в году перемещалась в Divio (дом престарелых в Дижоне), где НЛГ лечилась от различных недугов. Жизненный путь ее окончился 6. II. 1984 г.

***

Нина Лазаревна Гурфинкель сыграла большую роль в сближении культур России и Запада. Одной из первых она познакомила театральную и научную общественность Франции и всего франкоязычного мира с новейшими веяниями и достижениями российского театра (прежде всего с творчеством В.Мейерхольда, К.Станиславского и др.) и литературоведения.

Будучи неутомимым исследователем, она создала, на французском языке, свыше десятка получивших одобрение книг и множество специальных и научно-популярных статей и сообщений. Тем самым она содействовала ознакомлению Запада с классиками русской драматургии и русской литературы вообще.

[1] О М.Тронской *см.*: Краткая литературная энциклопедия. М., 1972. Т.7. С.626.

[2] См.: Книга о русском еврействе. Нью-Йорк, 1968. Т.2. С.447.

[3] См. некролог: *Шацман Рут*. Nina Gourfinkel (1898– 1984) // Revue des études slave. Paris, LXIII/$_3$. P.705.

[4] В предисловии к выпущенной в Париже в 1931 г. книге НЛГ благодарила своего бывшего учителя профессора Одесского университета Бориса Варнеке. См.: *Gourfinkel N.* Théâtre russe contemporaine. P.7.

[5] Из письма дочери профессора *П.М.Бицилли* (чьи лекции слушала в Одесском университете НЛГ) Марии Петровны автору от 21.III.1996 г. (в архиве автора). См. также указанный в прим. 3 некролог НЛГ (*R.Schatzman*. Op. cit. P.706).

[6] Подробнее о В.Якобсоне см.: *Дубнов С.* Книга жизни. Т.3. Н.-Й., 1957. С.20–21; *Lipsky L.* A Gallery of Zionist Profiles. 1956. PP.94–99; *Boehm A.* Die Geschichte der Zionistischen Bewegung. B-d I– II, 1935–1937; *Кельнер В.* "Я теперь прикован к Берлину" // Русское еврейство в зарубежье. Т.1(6). Иерусалим, 1998. С.383.

[7] См.: *Schatzman R.* Op. cit. P.707.

[8] См.: Bibliographie des travaux de Nina Gourfinkel // Revue des études slave, LXIII /$_3$. 1991. P.711 (составитель *Рут Шацман*).

[9] См.: Le Mond Slave. Fevr. 1929. P.234–263.

[10] Общую характеристику журнала "Современные записки" см.: *Пархомовский М.А.* По другую сторону баррикад, или Кто создавал "Современные записки"// Евреи в культуре русского зарубежья. Т.1. Иерусалим, 1992. С.219–225.

[11] См.: "Современные записки" (Париж). 1931. Т.47. С.496–499.

[12] См.: письмо НЛГ 1970 г. в публикации *R.Schatzman*. Op. cit. P.709.

[13] См.: Bibliographie des travaux de Nina Gourfinkel ... P.712.

[14] Как мне сообщила упоминавшаяся хранительница личного архива НЛГ *Рут Шацман* (в письме от 11.VIII.1997 г.), она занесла автографы писем К.С.Станиславского, адресованных НЛГ, в Bibliothèque Arcenal, являющуюся по своему статусу специализированной (по вопросам драматургии и театроведения) частью Bibliothèque Nationale (письмо *Рут Шацман* находится в архиве автора).

[15] См.: *Gourfinkel N.* Constantin Stanislavski. Paris, 1955. 240 p.

[16] См.: Bibliographie des travaux... P.712–714.

[17] См.: *Schatzman R.* Op. cit. P.708.

[18] См.: *Gourfinkel N.* Tolstoi sans tolstoisme. Paris, 1946. 189 p.; Gorki par lui-mème. Paris, 1954. 167 p.; Nicolas Gogol, dramaturg. Paris, 1956. Книга НЛГ о М.Горьком неоднократно переиздавалась на разных языках (в том числе и на иврите в Рамат Гане в 1969 г.).

[19] См.: Bibliographie des travaux... P.716.

[20] Из письма *Р.Шацман* автору от 11.VIII.1997 г. (в архиве автора).

[21] См.: *Gourfinkel N.* Dostoievski, notre contemporaine. Paris, 1961. 291 p.; Correspondans de Dostoievski. V.III–IV. Paris, 1960–1961; см. также: Bibliographie des travaux... P.717–718.

[22] См.: Bibliographie des travaux... P.718, 721.

[23] Все сведения о поименованных статьях и сообщениях почерпнуты из цитируемого труда Bibliographie des travaux... P.711–723.

[24] Jbidem.

[25] См.: Опись архива НЛГ – "Contenu des Archives de Nina Gourfinkel" (копия описи, присланная *Р.Шацман*, находится в архиве автора). P.16–17.

[26] Jbidem.

[27] О смысле "недоброжелательного отношения Ф.М.Достоевского к евреям в понимании А.Штейнберга" см.: *Столович Л.* Аарон Штейнберг как философ // Русские евреи в зарубежье. Т.2(7). Русские евреи в Великобритании. Иерусалим, 2000. С.431– 432.

[28] Из письма *Р.Шацман* автору от 11.VIII.1997 г. (в архиве автора).

[29] См.: Bibliographie des travaux... P.717, 723.

[30] Из письма *Р.Шацман* автору от 11.VIII.1997 г.

Женщина-огонь
(Женя Файерман)

Итала Белопольская (Тель-Авив)

Очерк о Жене Файерман основан на данных, почерпнутых в течение моей 25-летней дружбы с ней и ее мужем, Абелем, который часто рассказывал, с присущим ему своеобразным юмором и стремлением детально описывать события, об их скитаниях, о жизни в Париже, о людях, с которыми их сталкивала судьба. Я использовала также записки Жоэля Файермана; документальные материалы: театральные афиши, кассеты и видеофильмы о выступлениях Жени на разных сценах, в том числе в московском Дворце съездов и украинских городках, зале парижского «Распутина» и тель-авивском «Гейхал а-тарбут», многочисленные интервью и рецензии в израильских, французских, русских, украинских, американских газетах и журналах на выступления Жени Файерман; встречалась со многими друзьями, родственниками и коллегами Жени в Париже, Израиле, Брюсселе, Москве.

Автор

Женя Файерман
Фото Анри Голда (Париж)

Боль пронзила еще в поезде, когда они всеми правдами и неправдами пытались добраться до Парижа. Было стыдно, даже мужу не сказала, а еще рядом его брат, едва знакомый Моррис. Не думала, что уже началось. Да и откуда было знать молоденькой, наивной, оторванной от мамы и сестер девчонке, что это начинаются роды...

Дорога длилась уже несколько дней, а Женя терпела, терпела. Тот промозглый, холодящий душу и тело февральский день, ее первый день в Париже, Женя запомнила на всю жизнь. Едва дождалась конца мучительного путешествия, не подозревая, что самое трудное только начинается.

На перроне ее, Абеля и Морриса встречали тетя Голда и ее дочь Хана. Шел сильный дождь вперемежку со снегом, холодный ветер забирался под одежду. Такси поймать не удалось, пришлось ехать на метро. Женя задремала. Открывая глаза, видела такое, что чудилось – попала в другой мир. От увиденных сценок неискушенной молодой женщине становилось не по себе: то сидят обнявшись и целуются при всем честном народе, то стоят и целуются... Ей, провинциалке, выросшей в строжайших канонах еврейской религиозной семьи и советской всенедозволенности, казалось, что она попала на другую планету. Как недалека была Женя от истины, как сильно отличался даже тот, послевоенный, Париж от ее родного Подмосковья. Пройдет еще немало тяжелых лет, полных лишений, холода и голода, пока Женя поймет, примет и признает своим этот мир.

Наконец-то добрались. Родственники жили вон в том большом доме напротив метро на улице де ля Гард. Стали подниматься по лестнице. Присела отдохнуть на втором этаже, боли уже были нешуточные, а тут кузина сообщила «приятную» весть – живут-то они на шестом! Думала, родит тут же, на лестнице. Слава Б-гу, обошлось, добрались. Той же ночью Женю забрали в больницу «Ротшильд», где в муках появился на свет первенец Жени и Абеля Лео.

В этой больнице строгая медсестра впервые назвала Женю «мадам». Это я-то «мадам», подумала она с удивлением. Этой молоденькой мадам с новорожденным и постоянно болеющим Лео, в чужом, пугающем городе, в неизвестной стране, без языка, без крова, без денег и без работы было очень страшно. И никого из родных, мама и сестры так далеко... Дальние родственники Абеля, живущие во Франции уже давно и относительно благополучно, не стали брать к себе, лишь подыскали для них квартирку в Ливр-Гарган, пригороде Парижа.

Это были очень трудные времена, продукты выдавали по карточкам, и длинный, изумительно вкусный багет таял во рту еще до того, как утолял голод. Холодина стояла такая, что ручки у Лео всегда были припухшими. Денег едва хватало на еду, лекарства не на что было купить.

Без слез и горьких воспоминаний не проходило и дня. Женя ужасно скучала по родному дому. Мама дала ей в дорогу как напутствие и благословение собственной рукой переписанную из Танаха молитву, которую Женя хранит и поныне как самую дорогую реликвию. Видно, эта мамина молитва и хранила Женю и ее детей от всех невзгод и трудностей.

О маме Женя рассказывает с нежностью и любовью, с восхищением и уважением. Так же относились к Малке Браверман все знакомые и соседи, называя ее «наша ребецен», шли к ней за сове-

том и помощью. Девятерых детей родила и воспитала простая и мудрая еврейка с Украины. В доме царила религиозная атмосфера, по субботам зажигали свечи, читали молитву, и хотя в будни дети не всегда наедались досыта, в «шабес» дом наполняли ароматы свежеиспеченной халы и гефилте фиш.

В память о маме, о тех днях в репертуаре Жени почетное место заняла трогательная и величавая, похожая на молитву песня «Майн мамес шабес лихт» («Субботние свечи моей мамы»).

Вскоре семья переехала в Париж, поселились в бедном квартале на улице Шарль V: две комнатушки, крохотная кухня, без ванной, с туалетом на лестнице. Но и это уже казалось раем. Жизнь

Слева вверху: **Сценка из моноспектакля «Театр»**

Справа вверху: **Исполнение песни «Субботние свечи моей мамы»**

Внизу: **В парижском ресторане «Распутин» с цыганским певцом Алешей Димитриевичем**

понемногу налаживалась, Абель начал работать, ведь у него бы профессия, не требующая особого знания языка, – портной. Впо следствии почти все роскошные женины туалеты для сцены были выполнены прекрасным модельером Абелем Файерманом, да и дети всегда были одеты как с картинки.

Жене было труднее, целый день крутилась по дому; пойдет на рынок за продуктами – ни сказать, ни поторговаться не может: откроет ладошку с деньгами, берите сколько надо. Обманывали, нет, откуда ей знать? В школе учила немецкий, начала сама понемногу заголовки в газетах читать. Это и были «ее университеты».

Прошел год. Женя снова забеременела. Отчаянью не было границ. Муж зарабатывал гроши, едва хватало на жизнь с одним малышом... В ноябре 1948 г. родился Жоэль. Стало еще тяжелее. Один только уснет, а другой уже кричит, один вылезал из болезни, другой тут же заболевал. Как-то умудрились заболеть коклюшем вместе. Знающие соседки посоветовали гулять с детьми у воды, главное, через мосты ходить. Легче болезнь пройдет. Усадила в коляску обоих и пошла к Сене. Один мост перешла, другой, третий и ...заблудилась. Уже темнеет, а куда идти, где дом? Села и плачет. Добрые люди помогли.

Женя вспоминает сходную ситуацию, когда во время эвакуации, в войну, во время бомбежки она с сестрами потеряла родителей, долго пришлось скитаться, пока встретились с ними уже в Самарканде. Там же в Самарканде она познакомилась со своим будущим мужем Абелем Файерманом, он и увез ее после войны из Москвы.

Сумела бы Женя перенести все горести и трудности в Париже, если бы не тетя Суре, женщина с добрым сердцем, дальняя родственница Абеля? Она и ее дочь Бланшет относились к Жене и ее детям, как самые близкие люди. Тетя Суре сидела с малышами, помогала по дому, поддерживала, советовала, заставляла «хотеть жить». А нервы были на пределе, силы на исходе. Врачи настоятельно рекомендовали молодой женщине сменить обстановку, заняться интересным делом, найти что-то «для души». Так Женя начала петь в еврейском хоре при коммунистической организации на рю де Парадиз, 14. Абель ведь был коммунистом! (Правда, вернувшись из поездки в Ленинград, кажется, в конце 80-х, он во всеуслышание заявил: «Все, больше я не коммунист!»)

Через три года родилась Сильвиан. Забот прибавилось: накормить, одеть, отвести в садик и школу, сделать покупки, приготовить обед, забрать детей... В промежутках помогала мужу шить тяжелые женские пальто и костюмы, сидела за швейной машинкой (спасибо, дядя из Америки подарил) и крутила, крутила педали...

А в голове крутились вместе с жужжанием машинки мысли, воспоминания. Женя с Абелем попали в Польшу в 1946 г. Кто-то сказал, что, кажется, в живых осталась одна из его сестер. Одна из огромной семьи. Поехали на родину Абеля в Ново-Родомск, но розыски оказались тщетными. Какой-то человек лишь показал то место, где была расстреляна девушка со светлыми волосами. Абель остался один, да еще Моррис, который служил в Советской армии и с которым они встретились позже, уже в Германии, в Штутгарте. Абель не захотел оставаться в городе, где погибла вся его семья, да и от города мало что осталось. Уехали в Краков и ...попали в самый эпицентр знаменитых еврейских погромов 1946 года. Женя хотела вернуться в Москву, но не тут-то было, советский паспорт у нее уже отобрали... Под сердцем она носила ребенка и рожать в такой обстановке категорически отказывалась.

Женя Файерман с киноактером Жаном Маре

Решили двигаться на запад. В лесу, через который время от времени проводники-поляки за деньги переводили группки евреев, было опасно: там орудовала банда и уничтожала всех, кто попадался у них на пути. Нашли проводников, уплатили, и те согласились перевести их через реку. Шли ночью, по горло в воде, держась за руки, чтобы не унесло...

В чешском местечке их радушно встретили, обогрели, накормили и на следующий день помогли отправиться дальше, в Германию. Теперь они ехали поездами, но тоже нелегально: когда в вагон заходили контролеры, они переходили в другой, а то и вообще покидали поезд и дожидались следующего.

В Германии Женя тоже рожать не хотела. Хотя жизнь здесь была намного легче, но как можно, чтобы еврейский ребенок появился на свет в этой стране, усеянной еврейскими косточками, политой еврейской кровью?!

С самого детства Женю завораживала, тянула к себе сцена, она грезила ею, мечтала о ней во сне и наяву. Еще ребенком, когда семья Браверман жила в Павловском Посаде, бойкая черноглазая «цыганочка» танцевала в детском ансамбле народного танца при Доме пионеров. 9-летней солистке аплодировали восхищенные зрители, ее артистичность, темперамент, изящество доставляли подлинную радость.

«Вирус» сцены поразил Женю на всю жизнь, но прошли долгие годы, полные лишений, разлук, утрат, пока она смогла осуществить свою мечту. Репертуар хора, где пела Женя, составляли произведения еврейских классиков – Мордехая Гебиртига, Ицика Мангера и других любимых народом авторов. И люди тянулись сюда, как к родным очагам, как к родительскому дому, от которого уже и следа давно не осталось. Концерты проходили в переполненных залах, люди и смеялись, и плакали, и подпевали знакомым мелодиям, и приходили за кулисы, чтобы поблагодарить за доставленную радость. Хор был очень популярен в те годы в Париже, с ним выступали известные певцы из Франции, а также гастролеры – Нехама Лифшиц, Миша Александрович и другие.

Женя поступила учиться в Парижскую академию искусства Саль-Плие по классу вокала. Жизнь налаживалась, дети подрастали, Абель зарабатывал прилично, Женя, хотя и продолжала помогать мужу, все больше и больше увлекалась творчеством. Талантливую, молодую и очень красивую женщину заметили. В Париж из Америки приехал знаменитый еврейский актер и режиссер Герман Яблоков. Он пригласил Женю играть в своем спектакле «Папиросн» роль молодой героини. Впоследствии она переиграла весь репертуар молодых девушек в пьесах еврейских драматургов-классиков: Гольдфадена, Шолом-Алейхема, советского еврейского драматурга Гершензона, Переца Хиршвайна и др. Играла она у таких известных режиссеров, как Яков Ротбаум, Яков Курляндер, Залман Колесников. Среди парижских евреев-интеллектуалов этот самодеятельный театр пользовался огромной популярностью и не уступал в мастерстве профессионалам. До войны театр носил название ПИАТ (Парижский еврейский рабочий театр). В том замечательном театре играли корифеи еврейской сцены: Аврам Гольдфаден, Морис Шварц, Мали Пикон, выступала «Габима». После войны театр был назван «Дер идишер театр ансамбл» – он стал для Жени отдыхом, отдушиной, удовольствием, отрадой. Атмосфера доброжелательности, взаимоподдержки, искренней дружбы давала стимул жить и радоваться жизни. Рядом с ней были верные друзья, такие же одержимые сценой, еврейским искусством, как и она сама, – Жерар Фрайман, Леа и Ален Фишер, Леон Шпигельман, Ривка Гоммер и многие другие. Здесь же, в театре, она познакомилась и подружилась с замечательными деятелями еврейского искусства – актерами, писателями, художниками, певцами. Кроме уже названных имен, хочется добавить лишь несколько: скульптор Михаэль Мильбергер, писатель и переводчик Биньямин Шлевин, писатель Мойше Шульштейн, ученый-историк Мордехай Литвин, художник Мани Кац, композитор Генох Кон... Да разве всех перечислишь? Многие из этих известных деятелей обожали приходить в гости к Жене и Абе-

лю. В их меленькой квартирке никогда не было тесно, от шуток и смеха, казалось, раздвигались стены. Знаменитый «русский» борщ Жени и по сей день помнят все, кто его пробовал. Даже сейчас, приезжая в Израиль, напоминают: «чтобы обязательно был борщ».

Дети росли в атмосфере «идишкайт», в атмосфере еврейского искусства, впитавшего в себя все богатство, силу духа и таланта своего народа. Поэтому, наверное, и тянулись они один за другим в Израиль: Лео остался в Иерусалиме, работает техником на «Коль Исраэль», Сильвиан жила несколько лет в кибуце около Бейт-Шеан. За детьми впоследствии потянулись и Женя с Абелем.

Женя Файерман на конкурсе в Москве

Однажды солист хора Саша Розанов сообщил Жене, что в Париже открывается русское кабаре «Распутин» и туда набирают труппу. Женя прошла аудицию и вскоре стала самой популярной в Париже «цыганкой», жизнь ее вышла на новый виток.

Утро, день – как обычно: дети, обед, уборка. А вечером – на метро и – в «Распутин». Здесь она облачалась в роскошный наряд, делала макияж и стремительно появлялась в зале под гром аплодисментов. Когда она пела, ей самой казалось, что нет в мире более счастливой, более беззаботной и независимой женщины. Самые знаменитые мужчины Парижа и гости сходили по ней с ума, женщины завидовали и искали ее дружбы, коллеги обожали Женю и радовались ее успехам.

Под утро она возвращалась домой, несколько часов сна, и начинался новый день будничных забот и радости творчества.

В «Распутине» Жене довелось работать с замечательными профессионалами, у которых она многому научилась и рядом с которыми чувствовала себя способной на многое. Легендарный исполнитель цыганских романсов Алеша Димитриевич, скрипач-виртуоз Поль Тоскано, оперные певцы Саша Розанов и Борис Поляков, оркестр из 35 музыкантов, танцоры – вот какие у нее были коллеги! А что за люди бывали в «Распутине»! Женя познакомилась здесь со всемирно знаменитыми звездами театра и кино, поэтами, музыкантами, писателями. Достаточно назвать лишь несколько имен – Жан Маре, Робер Оссейн, Юл Бриннер, Евгений Евтушенко...

В «Распутине» Женя проработала много лет, но и этот этап ее жизни подошел к финалу. Лео уже жил в Израиле, Жоэль стал музыкантом, композитором, работал с известными французскими певцами, начал писать музыку для фильмов о природе. В репертуаре Жени есть несколько песен на его музыку. Недаром она в свое время урывала от семейного бюджета каждый день по несколько франков, чтобы водить его к учителю музыки. Сильвиан стала косметологом.

Итак, дети устроены. Вперед, Женя! И она пускается в новое плавание. Залман Колесников познакомил ее с актером-комиком из Аргентины Иоселем Гримингером. Он искал партнершу для гастролей по всему миру. Женя оказалась именно тем человеком, кто был ему нужен: и поет, и танцует, и играет, и собой хороша, и легка на подъем. Сначала состоялись гастроли по Европе, потом – страны Латинской Америки. Где только ни побывала Женя, работая с Гримингером! ...Пока не оборвалась жизнь актера – прямо на сцене, в скетче, где он играл больного, пришедшего на прием к врачу... Любой актер, наверное, хотел бы так же уйти из жизни.

После этой трагедии Жене вскоре пришлось вынести еще один удар: не стало верного спутника и друга Абеля. Но и после этого Женя не оставила сцену. Она дает сольные концерты, выпустила видеокассету (Абель всегда мечтал об этом), много гастролирует – в Москве, на Украине; вместе с брюссельским еврейским театром под руководством Беллы Шифман выступала сначала в Москве, а затем отправилась на гастроли в Биробиджан, была с гастролями в Австралии, продолжает регулярно выступать в Европе, Южной и Северной Америке.

Когда спрашиваешь Женю, что же она считает по-настоящему своим домом – Россию, Францию, Израиль, она отвечает, не задумываясь: *«Мой дом – это там, где живут евреи, куда я могу приехать и меня встретит моя публика, люди, которым нужны мои песни. На Украине я родилась, в России жила, во Франции родила детей, состоялась как актриса. В США, Бразилии, Аргентине, Венесуэле, Мексике меня всегда ждут и любят. Я объездила весь мир – от Каракаса до Биробиджана, от Брюсселя до Сиднея, постоянный мой дом в Израиле. Но, главное, мой дом там, где люди хотят слышать еврейское слово, еврейскую песню, где люди улыбаются и вытирают слезы, когда я выхожу на сцену».*

ЖУРНАЛ В КНИГЕ

И все-таки... (дискуссия): Открытое письмо *Ш.Маркиша* (406), ответы на него *М.Раева* (410), *М.Пархомовского* (411), *Д.Гузевича* (415), *О.Коростелева* (420), *А.Васильева* (422), *Ю.Колкера* (424), *Р.Торпусман* (428) и заключительное слово *А.Торпусмана* (429)

Юбилей Института им. Хаима Вейцмана. Отчет о конференции. *Ю.Систер, А.Черняк* (431)

Париж и русская эмиграция. Международный коллоквиум: Информация. *Д.Гузевич* (449)

Презентация книги «Русское еврейство в зарубежье. Т.2(7): Русские евреи в Великобритании». *Н.Б.* (450)

Рецензии: Русские евреи в «Диаспоре». *М.Пархомовский* (453); «Евреи России – иммигранты Франции». *Д.Гузевич* (457); А в XXI веке какая правда будет сермяжной? (Документированная реплика). *М.Пархомовский* (466); Комментарий соредактора. *Д.Гузевич* (468); Книга *Е.Менегальдо* «Русские в Париже: 1919 – 1939». *М.Белый* (470)

И все-таки...

(Дискуссия)

Открытое письмо Шимона Маркиша М.А.Пархомовскому

Многоуважаемый и дорогой Михаил Аронович!

Позвольте мне публично и печатно выразить Вам искреннее восхищение Вашим энтузиазмом, энергией и неистощимым трудолюбием, равно как и плодами, которые эти качества принесли, – завершившейся серией «Евреи в культуре Русского Зарубежья» и вновь начатой «Русское еврейство в Зарубежье». Я тем более обязан Вам этим объяснением, что поначалу сомневался в целесообразности всего замысла в целом и не скрывал от Вас своих сомнений. Но материалы Ваших томов (я бы назвал их «альманахами»), безусловно, интересны, и в этом их оправдание и «смысл существования», если перевести на русский французское raison d'être. Их с удовольствием и с пользою для себя, а наверное и для других, читают даже те педанты, которым Ваши издания представляются недостаточно научными. Что уж говорить про читателей обыкновенных, попросту любознательных, которых, в любом случае, – большинство?

Но только того ради, чтобы поздравить «победителя», выходить перед публикой не стоит. И смысл моего письма не в поздравлениях и не в похвалах, а в сомнениях, прежних и новых, которые мне хотелось бы предложить для обмысливания и обсуждения.

Главным из прежних сомнений было то, что предложенная тема относится в значительно большей мере к истории русской эмиграции, нежели к евреям, их культуре и различным аспектам их истории. Ваш успех этого сомнения не разрешает и не отменяет, как мне видится. Интересно? Полезно? Поучительно? Вне всякого сомнения! Каким-то боком, какой-то гранью входит и в Jewish Studies (увы, русского адеквата не подберу), – Вы это доказали, согласен. Но ведь даже Марк Вишняк, написавший биографию Хаима Вейцмана, принадлежит той главе в летописи российской эмиграции, которая зовется милюковскими «Последними новостями» и «Современными

---

* Мы благодарим проф. В.Береловича, который в своем предисловии к основной части книги сказал несколько слов и по поводу настоящей дискуссии. Таким образом, у нас есть еще одно мнение по этому поводу, которое может рассматриваться как часть дискуссии.

записками», и в этом ничем не отличается от своих безупречно русских этнических и конфессионально друзей и единомышленников.

Я не стану входить в подробности и называть другие имена: не рецензию я пишу, но пытаюсь лишь сколько-нибудь прояснить (и даже не столько для других, сколько, раньше всего, для себя самого) головоломную проблему принадлежности. Она становится еще мучительнее в Вашей новой серии. Мучительнее потому, что обобщение: речь теперь идет не о «вкладе» евреев в русскую культуру за пределами России, но о русских евреях в новой диаспоре, в новом рассеянии, в качестве метрополии ощущающем не «Землю Обетованную», а «Землю Русскую», не Иерусалим, а Москву с Петербургом–Ленинградом–Петербургом. Но существует ли она, эта общность, эта община, эта группа, назовем как угодно, – русское еврейство за границей? Или мы заблуждаемся, даемся в обман, применяем ненадежные, неверные или попросту устаревшие критерии?

Конечно, эти вопросы стали складываться давно и исподволь, но требовательную четкость приобрели над страницами второго выпуска (тома) – «Русские евреи в Великобритании». Они требуют ответа тем настоятельнее, что условия еврейского существования (еще раз воспользуюсь худо переводимым французским выражением, на сей раз la condition juive) повсюду, включая Израиль, осложняются, суровеют, и, если, душевного спокойствия ради или по иной любой причине, уклониться от прямого взгляда в глаза правде, можно оказаться неподготовившимися и потому безоружными перед новыми катаклизмами. Итак – не щадя ни себя, ни предмета своих тревожных мыслей…

Конечно, и в XIX столетии, и раньше, и позже беженцы и переселенцы инстинктивно сбивались в кучки и кучи по признаку землячества. Это были общины, следовавшие тому или иному типу ритуала (нусаху), или нерелигиозные объединения земляков, расплодившиеся за последние полвека не только в Израиле, но и по другую сторону Океана. Однако же эти малые структуры, как социальные, так и идеологические, преимущественно религиозные, представляются разрозненными кусочками смальты, которые в общую мозаичную картину не складываются. Они также не складываются в общую картину под титулом «русское еврейство за пределами Российской / Советской империи», как не складывается панорама «хасидизм» из разнородных и разновеликих обломков некогда – двести с лишним лет назад – единого движения. И главный виновник – время. Это оно отдалило, оторвало детей и внуков от традиций отцов и дедов и продолжает если не разрушать традицию, то опустошать ее, лишать содержания.

Ветвь большой, именитой и богатой англо-еврейской семьи, с корнями в Багдаде и Александрии, с родственными связями чуть ли

не по всей Европе. Спрашиваю мальчика, ходит ли он на занятия постбар-мицва. Он смотрит на меня, как на лунатика, в лучшем случае – как на скверного шутника: *«Да ты что?! С тех пор как отпраздновали бар-мицва, я и в синагогу-то только заглядываю, чтобы отцу неприятностей не доставлять»* (отец входит в руководство местной общины). Нет, мальчик – не атеист и не бунтарь, он женится на еврейке, и жена будет зажигать свечи по субботам, т.е. по вечерам в пятницу, встречая субботу, и сын их получит религиозное воспитание и «взойдет к Торе» на совершеннолетие, но никакой особой солидарности с «прихожанами» и обрядом Португальской (сефардской) синагоги в Лондоне, к которой принадлежали четыре или пять поколений его предков, у него нет… Один из персонажей и авторов Вашего тома, Имэньюэл Литвинофф, обронил мимоходом: *«...мы были не столько другой расой, сколько другим классом...»* Я думаю, этот социальный подход к своей еврейской самоидентификации отличает не только нищенское лондонское гетто (в прошлом), но и богатые еврейские кварталы (сегодня).

Но и социально неблагополучным, и вполне обеспеченным было от чего отказываться, отходить, отворачиваться. Какие-то элементы еврейской цивилизации перепали от старших, от окружающей среды не только вторым, но и первым. А наши с Вами бывшие соотечественники, проскользнувшие в туманный Альбион? Все три поколения – деды, к которым, что греха таить, принадлежим и мы с Вами, отцы и дети? Да и прадеды, поскольку в числе персонажей попадаются и они?

Прежде чем перейти к «нашим», два слова о «туземцах». Как ни любопытен и ни поучителен Литвинофф, он к Вашей теме не относится: он уже, во всяком случае, не русский еврей, а английский! Англичанин в первом поколении, он сознает и принимает свое происхождение от восточно-европейских евреев, но решительно не идентифицирует себя с ними, напротив, настаивает на том, что *«с детства ощущал себя англичанином»*. Еврея в нем пробудил антисемитизм – по широко известной нам, российским евреям, модели «синдром Тувима», о которой так упорно и при всяком удобном, а то и не совсем удобном случае напоминал нам Илья Эренбург: не та кровь, что льется в наших жилах, объединяет, а та, невинная, что льется из жил. «Синдром Тувима» работал безотказно повсюду, под любыми широтами, или, скажем лучше, почти безотказно – бывали все же и исключения, срывы.

Но стоит ли, можно ли относить к исключениям занятную исповедь Зиновия Зиника? Сперва он вроде бы объясняется в верности местным, английским стало быть, или, возможно, великобританским традициям, ссылаясь на общеэмигрантский опыт и, видимо, забывая слова Жаботинского, брошенные энтузиастам ассимиляции: «Эх вы,

патриоты чужих отчизн!» Но затем исповедуется в ненависти ко всему еврейскому, кроме ему одному, Зинику, известных, но так и не обозначенных сторон. *«Вопрос о моем происхождении воспринимается мной как завуалированное оскорбление <...> Я не хочу быть таким, каким меня хотят видеть те, к кому у меня нет ни гроша ни физической, ни метафизической симпатии <...> У меня нет никаких сантиментов по поводу пасхального "Исхода из Египта". География исхода для меня – это аэропорт Шереметьево».* И еще: *«Какое отношение мои предки имеют к палестинским баранам?»* И еще, с намеком на Лермонтова: *«Я – еврей, но я – не ваш, я – другой...»* (какой именно – остается гадать). Снова выходит по Жаботинскому, и трудно себе представить, чтобы эрудит Зиник не читал прославленного фельетона «Четыре сына»: *«Второй мальчик – "нахал" – сидит, развалясь, заложив ногу на ногу, иронически скалит зубы и спрашивает: Что это у вас за курьезные какие-то обычаи и воспоминания? Пора бы давно забыть старые глупости!»*

Я не намерен вступать в какие бы то ни было объяснения с Зиником, тем более что и Жаботинский не советует даже пытаться притупить оскаленные зубы «второго мальчика». Но я решительно не понимаю, как этот ренегат, вне зависимости от того, остался ли он «лицом без религии» или обратился в буддизм, мусульманство, православие или еще что-нибудь, как, повторяю, этот ренегат, ибо другого определения для него нет, попадает у Вас, дорогой Михаил Аронович, в категорию «русский еврей». Тогда уж исключите из нее не только Аарона Штейнберга, но и сэра Айзайю Берлина, и многих иных сознательных евреев; под «сознательными» я имею в виду тех, религиозных или нет – безразлично, для кого их еврейство было сущностно, или, если Вы предпочитаете, экзистенционально важным. Я думаю, что весь список «героев» этого тома нуждается в существенном сокращении. Не стану перечислять своих кандидатов на исключение, но, Бога ради, каким боком к Вам попадает Георгий Адамович?

Каверзного вопроса: кого и на каком основании Вы причисляете к «русскому еврейству в зарубежье»? – успех Ваших публикаций, повторяю, не отменяет. Неужели Вы следуете расовым критериям в германском или советском варианте или же принципам халахи, талмудического права?

Вот какого рода сомнение продолжает меня грызть, и мне бы казалось правильным и полезным вынести этот вопрос на открытое обсуждение.

С уважением самым искренним,

Шимон Маркиш

Будапешт, 4 марта 2001

Письмо Марка Раева

21. III. 01

Дорогой Михаил Аронович,

Ваше письмецо и копию письма Ш.Маркиша я получил накануне отъезда в Европу, где я пробуду несколько недель. Так что откликаюсь сразу.

Как Вы можете легко догадаться на основе нашей переписки, я целиком согласен со всеми замечаниями Маркиша (и доволен, что он подтверждает мое мнение о непричастности Адамовича к русско-еврейской интеллигенции).

Конечно, Шимон Маркиш высказал свои соображения исключительно литературно-изящно и красноречиво – в этом отношении я не могу и мечтать о том, чтобы быть на его уровне. Но мне всегда казалось, что к проблеме культурного вклада того или другого человека или группы нельзя подходить с этнически-расовой точки зрения. Но это именно точка зрения, на которой основана Вами задуманная и столь успешно реализованная серия публикаций.

Почему же я тогда в ней участвовал? Я себя не считаю (и меня обыкновенно не считают) евреем ни по вере, ни по языку, ни по культуре, ни по еврейскому закону, ни по паспорту. Только по категориям Нюрнбергского закона. А участвовал я потому, что считаю желательным ознакомить как можно больший круг людей (и в частности, бывших граждан Советского Союза) с культурными достижениями и ролью русской эмиграции 1918–1940 гг., независимо от религиозных, этнических или классовых признаков того или другого лица. И, как мне кажется, в этом плане состояла роль тех лиц, которые попали в поле зрения Вами издаваемых сборников.

Несомненно, всякая категоризация человека по формальным, внешним признакам произвольна. Поэтому и получаются недоразумения или ошибки. Единственный «объективный» фактор – это культура, в особенности когда человек отдал свою умственную и творческую энергию служению той или другой культуре – будь она его по рождению, по случаю или по обстоятельствам его биографии.

Думаю, что самая углубленная и широкая дискуссия по этому вопросу особенно желательна, когда основные понятия и всемирная обстановка производят большую (и вредную) путаницу в умах.

С наилучшими пожеланиями и приветом,

Ваш *Марк Раев*

Ответ М.Пархомовского

Дорогой Шимон Маркиш, прежде всего, благодарю за Ваше искреннее письмо, письмо-раздумье о сотворенных нами книгах. Оно, безусловно, поможет в нашей дальнейшей работе, и высказанная Вами критика будет учитываться при отборе материалов для публикаций.

Ответ на Ваши конкретные замечания придется начать с некоторых наших убеждений, которыми мы руководствуемся в работе.

Раса и национальность – в основном понятия антропологические, биологические, и такое представление об этих понятиях не может быть изменено, как бы ими ни манипулировали Гитлеры-Сталины или идеологи, утверждающие, например, мессианское предназначение своей нации, или представители народа, верящего в избранность Богом своего народа. Для нас еврей – человек, у которого родители или один из родителей* евреи (оставим в стороне вопросы, возникающие при более сложном происхождении). Национальность – такая же данность, как цвет зрачков, дактилоскопический рисунок, группа крови (см. дискуссию в IV томе ЕВКРЗ, а также предисловие редакторов-составителей к обсуждаемой нами книге).

Меня со школьных лет интересовал вопрос о вкладе в русскую культуру немцев (начиная с допетровских времен) и французов (недавно встретил эту же мысль у М.Геллера – он высказывался о необходимости научной оценки роли французов-гувернеров). И если бы мы занялись этими вопросами, никто, уверен, не оспаривал бы наше право называть немцев (даже, что было нередко, влюбленных в Россию) немцами, а французов французами.

Наше поколение (и, насколько мне известно, оно в этом вопросе не было оригинальным) узнавало о своей национальности, о национальности детей / людей, с которыми их сталкивала жизнь, в раннем детстве как об определенной данности, факте, так же, как о возрасте, семейном положении соседей, их специальности и т.п. Эти знания были достоянием не только одесситов, как правило, не антисемитов (я вырос в этом городе), но и тбилиссцев, говорят, вообще лишенных национальных предрассудков.

Почему так много разговоров вокруг еврейской национальности? Да простят меня правоверные евреи, но мы пишем по-русски и

---

* Заодно отвечаю на Ваше недоумение по поводу Адамовича: он, как и второй «Белинский» Русского Зарубежья – Ходасевич, был сыном еврейки.

я скажу по-русски: ***еврейство – это крест, нередко тяжкий, и нести его не каждому под силу***. Отсюда всякие уходы от еврейства, прямые и косвенные, практические (со сменой вероисповедания и/или документов) и с подведением теоретической базы: у меня, мол, другая культура, другая цивилизация, другое призвание, другая самоидентификация. Все эти понятия относятся к иным сферам – образования, воспитания, места жительства, среды, менталитета, психологии и т.д. Эта теоретическая база в лучшем случае вызывает улыбку, напоминая платье голого короля: спроси любого мальчика (добавлю еще одного к нашей дискуссии) в нашем довоенном одесском дворе, кто по национальности дядя Витя из 5-й квартиры или тетя Оля из 19-й, и он, удивившись неосведомленности вопрошающего, тут же ответит: «еврей» и «русская». Поэтому мне вообще наш спор кажется надуманным, оторванным от действительности, схоластичным.

В течение всего двухтысячелетнего галута деятельность евреев была ***неразрывно связана с культурой народа, на территории которого они жили.*** Разве можно отделить Рамбама от арабской философии, Гейне – от немецкой лирики, Пруста и Кафку – от новаторской европейской культуры, Василия Гроссмана – от *вышедших из «Шинели» Гоголя* (извините за штамп)*?* Все это Вы знаете лучше меня, и поэтому очень странно, что Марк Вишняк, автор книги о Хаиме Вейцмане (он славен далеко не только этим – Вишняк еще многие годы боролся за права евреев в России, а в эмиграции стал одним из первых международных авторитетов по проблеме нацменьшинств), подпал под Вашу критику как слишком много сделавший для русской культуры и ставший таким образом неподходящим героем для наших книг (?!).

Лучшего примера, чем Марк Вишняк, для нашей дискуссии нельзя было и придумать. Он – ***типичный интеллигент русско-еврейского происхождения, сделавший очень много для обеих культур, на которых вырос***. И недоумевать по поводу его участия в милюковских «Последних новостях» – самой прогрессивной эмигрантской газете или в «Современных записках» – гордости Русского Зарубежья так же, мне кажется, неуместно, как упрекать, скажем, Рамбама в том, что он был придворным врачом Салах-ад-дина, который, подобно Милюкову, хорошо относился к евреям, но евреем не был.

Исходя из Ваших рассуждений о Вишняке, Эйнштейн, шефствовавший над Еврейским университетом в Иерусалиме, почетный президент Всемирного союза ОЗЕ и пр., для того чтобы стать полноценным евреем, должен был просить индульгенцию за разработку теории относительности, а Хавкин, потративший многие годы труда и свои немалые деньги на традиционное еврейское образова-

ние, – замаливать грехи в том, что спас человечество от холеры и чумы! Нет, Вас, дорогой Шимон Маркиш, явно какой-то *мрако*бес попутал.

Среди евреев галута очень распространен комплекс неполноценности, и они нуждаются в самоутверждении. У многих евреев, выросших в галуте, существуют элементы антисемитизма и самоненависти (в частности, этим можно объяснить некоторые малоприятные для нас высказывания З.Зиника). И в этом аспекте наши книги – не только знания, но и психотерапия.

Распространенность антисемитизма и просто ложного представления о евреях – также прямой стимул для нашей работы.

Мы должны знать свою историю, знать о непропорционально большом вкладе своих сородичей в строительство европейской цивилизации, знать о решающей роли русских евреев в возникновении Государства Израиль.

Сложнее Ваш вопрос о том, существует ли русское еврейство за границей как общность. С нашей точки зрения – да. Мы называем эту общность социоэтнической (подробнее см. в нашей вводной статье к I/VI/ тому). Русских евреев объединяют общие географические и национальные корни, язык, принципы воспитания и образования, круг ценностей и интересов. Конечно, среди нас есть и большой спектр отличий в мировоззрении и круге интересов, но эти отличия не столь глубоки, чтобы вызывать непонимание, каковое бывает между представителями одного и того же народа (например, между ортодоксальными евреями и евреями-атеистами, не придерживающимися традиции; между русскими крестьянином и интеллигентом – см. рассказ Чехова «Новая дача»).

Вы предрекаете недолговечность подобных сообществ. – И государства умирают, что уж говорить об эмигрантских сообществах! И если, начиная нашу серию книг, мы также предсказывали выехавшему русскому еврейству недолгую жизнь (см. наше предисловие к 1-му тому), то теперь ситуация изменилась. Наши ряды во всех частях света постоянно пополняются. СМИ на русском языке приобретают все больший удельный вес. Все большие распространение и признание получают идеи и дела наших земляков (сужу по Израилю). Я не измерял, но, думаю, что в интернете русский язык занимает далеко не последнее место. Нашим гастролирующим русскоязычным звездам (музыкантам, певцам, Игорю Губерману, Дине Рубиной) рукоплещут огромные аудитории во многих странах мира.

«О туземцах». Говоря об Эммануэле Литвинове, Вы юридически правы – он родился в Англии. Но вырос в условиях типичного восточно-европейского гетто и всю сознательную жизнь боролся за права советских евреев. Как я узнал уже после публикации нашей книги, выпускавшийся им журнал «Евреи в Восточной Европе»

вручался каждому члену английского парламента, каждому влиятельному лицу Англии и, кроме того, распространялся в Европе на французском языке. *«То, что мы с Вами сейчас можем разговаривать,* – сказал благодаривший меня за II(VII) том мистер А., сотрудничавший с Литвиновым, – *в этом его большая заслуга».* Кроме формальной, юридической правоты, есть еще другая. Во всяком случае, уверен, – суд был бы к нам не очень строг за включение Э.Литвинова в число героев книги.

Мельком мы уже высказались о предмете Вашей главной критики – известном эссеисте З.Зинике. Ваш гнев вполне понятен, но, согласитесь, выглядит несколько странным, чтобы не сказать смешным, Ваше утверждение, что он не может быть зачислен в категорию «русский еврей». Зиник – еврей, родившийся в России, и этих двух фактов никак нельзя изменить, не превратившись в щедринского героя, требовавшего закрыть Америку.

Для Вас, наверное, не секрет, что евреи, как все другие народы, состоят не только из ангелов (это уже не про З.Зиника). И, наверное, будет справедливо, если мы будем периодически помещать на страницах наших книг не только героев, которыми гордимся. Например, мы были бы рады последовать совету одного нашего американского корреспондента и опубликовать материалы о русско-еврейской мафии в США.

Затеянная нами дискуссия представляется нам в какой-то степени анахроничной – поднятые вопросы уже неоднократно обсуждались. Нам кажется, что настало время поговорить о вновь возникающих проблемах меняющегося русско-еврейского мира.

В их числе: огромный рост русских евреев в зарубежье – их количество в настоящее время измеряется миллионами; отсутствие у этого еврейства сколько-нибудь настоящего центра (созданный нами – без какой-либо материальной поддержки – практически не смог стать таковым); таяние когда-то ведущей восточно-европейской еврейской диаспоры; появление за рубежами России большой русской диаспоры. Последняя, складывающаяся в тех же местах, где поселились русские евреи, не может не вступать в какие-то отношения с уже существующими русскоязычными еврейскими сообществами. И, нам думается, что эти отношения на чужбине становятся более тесными и дружественными. Укреплению связей между русской и русско-еврейской диаспорой способствует ***игнорирование*** последней упомянутыми Вами непереводимыми Jewish Studies.

В рамках такой дискуссии желательно поговорить о будущем: по какому пути пойдут евреи–выходцы из России на новых местах жительства и какой из этих путей следует пропагандировать и поощрять? Нужен ли им предлагаемый нами культурный и

национальный центр? Нужна ли будет евреям религия? Еврейская традиция? И если да, то какое место в их жизни они займут?

В любом случае мы с оптимизмом смотрим в будущее. Залогом этого оптимизма являются растущие завоевания своего места под солнцем, внедрение своих идей и реализация своих знаний репатриантами в Израиле.

Если жизнь позволит заняться 4(9) томом, давайте откроем в нем дискуссию на эти темы.

Полностью разделяю Ваше мнение о необходимости подобных открытых обменов мнениями для пользы дела и поэтому еще раз благодарю Вас за инициативу в настоящей дискуссии.

С большой симпатией и большим уважением,

Апрель, 2001 *М.Пархомовский (Бейт-Шемеш)*

Письмо Дмитрия Гузевича

Глубокоуважаемый Шимон Маркиш,

Хотя Ваше открытое письмо адресовано М.А.Пархомовскому, позволю себе как соредактор настоящего издания и как историк, профессионально занимавшийся генеалогией, также принять участие в дискуссии.

Несмотря на глубокое уважение к Вашим работам, могу констатировать, отталкиваясь в первую очередь от Вашего эссе «О российском еврействе и его литературе»[1], что наши взгляды на **проблему принадлежности** диаметрально противоположны.

Ваше письмо подкупает искренностью и вместе с тем какой-то растерянностью. Допускаю, что эта нотка растерянности как раз и может быть вызвана успехом издания, основанного на совершенно ином, чем у Вас, понимании «головоломной проблемы принадлежности».

Ключ к разногласиям, на мой взгляд, таится в предпоследнем абзаце – настоящем крике души (сознательно не беру другие спорные позиции): «Неужели Вы следуете расовым критериям в германском или советском варианте или же принципам Галахи, талмудического права?»

---

[1] *Ш.Маркиш.* О российском еврействе и его литературе // *Ш.Маркиш.* Бабель и другие. Москва–Иерусалим, 1997. С.194–211.

Вопрос сей, понятный с эмоциональной стороны, с формально-логической содержит какую-то фантастическую терминологическую путаницу, которая, боюсь, ставит в тупик и Вас самого.

Нам нужны предельно точные границы, позволяющие эти явления вычленить из общего «шумового потока». И только тогда становится возможным их обсуждать. Речь идет о формальном подходе, против которого многие возражают. Но, увы, Его Величество ОБРАЗ здесь бессилен. Мы занимаемся научным, а не художественным познанием. И потому без формально-логических дефиниций нам не обойтись.

Итак, «расовые критерии» – сочетание крайне опасное, ибо идеологический довесок превосходит внутреннее содержание. Последнее, восходящее к понятию «раса», изучается антропологией, и для нас может иметь лишь опосредованное значение. Совсем иное явление связано с понятием «расизм» («расовые критерии в германском варианте»). К научному познанию оно не имеет никакого отношения (разве что в качестве объекта изучения). Однако этот политико-идеологический артефакт может принимать наукообразную форму и использовать, надергивая, препарируя и смешивая данные из области антропологии, этнографии, культурологии.

Что касается «расовых критериев в советском варианте», то в сколько-нибудь завершенной форме советская идеология знала лишь социальный расизм. На официальном уровне ксенофобия не выходила за этнокультурные и генеалогические границы.

Но ведь издания М.Пархомовского как раз и отличает этнокультурный подход с учетом генеалогических данных. Поэтому лишь здесь Вы попадаете в точку, причем по сути, а не по формулировке, ибо ни о каких «расовых критериях» в сборниках ЕКРЗ речь в принципе не идет. И уж тем более «в германском варианте». Требуется чрезвычайная осторожность в подборе слов, ибо последний феномен не только страшен по своему прямому воздействию, но опасен и по обратному при использовании в качестве ярлыка.

Понятная боязнь любого порядочного человека иметь причастность к расизму накладывает своеобразное табу на использование антропологических данных в социокультурных, а то и в этноисторических исследованиях. В результате целые группы явлений оказываются вообще вне сферы исследования.

Остановимся на самом спорном подходе – генеалогическом[2] и покажем, что перед нами не фикция, а реалии.

---

[2] Из других подходов назовем еще три (жанр письма не позволяет остановиться на их рассмотрении): историко-географический, религиозный и лингвистический. Их результаты не противоречат друг другу в принципе, ибо каждый из них лежит в своей плоскости.

Во-первых, надо избавиться от иллюзии, что за функционирование генетической памяти ответственна исключительно «биология» («зов крови»). Эта иллюзия как раз и позволяет навешивать ярлык «расизма» или «расовых критериев» на любые попытки выявить предков еврейского происхождения. С сожалением должен заметить, что здесь Ваша позиция, дорогой профессор Маркиш, по формальным признакам совпала с позицией советских теоретиков антисионистской борьбы. Последние просто исходили желчью, издеваясь над поисками еврейских корней и доказывая ненаучность «расовых критериев». И поэтому, ради Бога, не примите на свой счет некоторые из моих полемических пассажей, направленных против теорий, рожденных в советскую эпоху.

И, во-вторых, не надо забывать, что ни одна этническая группа не живет в глухой изоляции (где-нибудь на Марсе). Все они существуют на Земле в тесном соседстве друг с другом. И уже в силу этого испытывают воздействие как *внутренних факторов,* или *внутреннего давления*, так и *внешних*. Ну, а отсюда два очевидных вывода:

1. Внешнее давление столь же имманентно для любого неизолированного этноса, как и внутреннее;

2. Внешнее давление, в какой бы из своих форм оно ни выступало (от ксенофобии до интернационализма, от борьбы за «жизненное пространство» до конкуренции на рынке, от религиозных противоречий до экономических), будет существовать столько же, сколько будут сосуществовать сами этносы. Причем утверждать, что наиболее радикальные формы этого давления исчезнут со временем, мы не можем, ибо до сих пор история такого не знала. Другой вопрос, что цивилизация постепенно вырабатывает механизмы ограничения его самых крайних проявлений.

Но в любом случае у нас все основания утверждать, что *реакция окружения* (внешнее давление) на этнос возникает с его рождением и окончательно исчезает с исчезновением причины, ее вызвавшей, то есть самого этноса. При этом антисемитизм – лишь одна из форм реакции на еврейство.

А посему, если многие проблему собственной принадлежности решают, отталкиваясь именно от указанной реакции, это не менее основательно, чем если бы в основе самоидентификации лежала личная приверженность традициям.

Вопрос для разминки: можно ли считать евреем человека, у которого евреем был дедушка с отцовской стороны (рискую получить проклятие и от «антирасистов», и от сторонников «талмудического права», учитывающих такую связь лишь по женской линии)?

Пример: одна моя «родня по юности»[3] – в ту эпоху девочка из номенклатурной, благополучной, в меру антисемитской и

---

[3] Имен не называю сознательно. И сознательно же выбираю примеры из собственной жизни.

русофильской семьи – сменила в начале 90-х Петербург на Иерусалим именно благодаря наличию подобного деда. Ее дети, сейчас заканчивающие школу, прекрасно говорят на иврите, а ее внуки будут обрезаны. И все потому, что их предок в пятом поколении был евреем. А мой друг из этой же компании – наполовину еврей, на четверть швед – выбрал Стокгольм.

Слышу возмущенные возгласы: их отъезд никак не связан с происхождением. Согласен. Но вот конечные пункты их эмиграции определяются именно им. Причем генеалогических данных оказалось достаточно не только для их личного выбора, но и для юридического решения проблемы. Кстати, происхождение определяло и имевшийся в их распоряжении круг возможностей.

Таким образом, перед нами некий социокультурный механизм, заставляющий людей в критических ситуациях сознательно возвращаться в этнокультурные сообщества, к которым принадлежал кто-то из их предков. Перед нами не биологическая, а культурно-генетическая память.

Существуют ли другие факторы, влияющие на ее механизмы? Да, конечно. Назовем еще пять (думаю, что их много больше), присвоив уже описанному название «фактор счастливой находки» (нужного предка, разумеется).

Три из них определяются внешним давлением:

1. **Ономастический**. Его ощущал в СССР каждый носитель еврейской фамилии, имени или отчества (именно поэтому Борухи становились Борисами, Мордухи – Максимами, Мойши – Михаилами).

2. **Генеалогический** (внешний). Сразу вспоминаются анкеты советской эпохи или списки общества «Память». Но сам принцип много древнее: вспомним генеалогии «новых христиан» (марранов), которые в течение столетий вели испанская и португальская инквизиции.

3. Добавим сюда также стоящий несколько в стороне **антропологический** фактор (Sic! Внимание, борцы с «расовыми критериями»!). В подтверждение его действия приведу примеры из личного опыта: достаточно ярко выраженная «еврейская» внешность моей жены служила причиной нескольких актов агрессии против нее на улицах Ленинграда на рубеже 80 – 90-х гг., а также на улицах Москвы в первой половине 90-х. А мой отец, из дворянской офицерской семьи, в котором нет ни капли еврейской крови, регулярно получал оскорбления на улицах за свой большой горбатый нос – память о прабабке-гречанке (это уже действие «народной антропологии»).

Все три перечисленных фактора не зависят от воли конкретного человека. Они присущи ему в силу рождения. И в критических ситуациях помимо желания этого человека они будут возвращать его к корням (хотя и не без ошибок). В том числе к еврейству, будь наш

герой хоть записным антисемитом (вспомним злую шутку судьбы, которую та сыграла над Смирновым-Осташвили, по одной из версий покончившим с собой после того, как сокамерники приняли его за еврея).

А вот два других фактора связаны с личным восприятием:

4. Фактор **детских воспоминаний**. Любой человек хорошо помнит лакомства детства, еду, которой его кормили мама и бабушка, колыбельные, которые они ему пели, или сказки, которые рассказывали, портреты и альбомы фотографий, семейные предания и предметы, принадлежавшие дедам и прадедам: кто иконы, а кто семисвечники. Эта детская память сидит в нас очень глубоко, на уровне подсознания. И как бы мы ни старались ее заглушить, от нее не уйти, особенно к старости: «Созреваю или старею – / Прозреваю в себе еврея / Я-то думал, что я пробился. / Я-то думал, что я прорвался. / Не пробился я, а разбился, / Не прорвался я, а сорвался» (Борис Слуцкий).

5. **Семейно-генеалогический** (внутренний). Он может выступать и в качестве случайного открытия с шоковыми последствиями (вспомним Фета), и в качестве устойчивого семейного предания о собственных корнях. Я не удивлюсь, если вдруг выяснится, что тысячи евреев, нашедших убежище в Испании во время Катастрофы, обязаны своим спасением семейной памяти диктатора Франко, чей род берет начало от «новых христиан» (марранов).

Мы описали некоторые из факторов, оказывающих воздействие на механизмы культурно-генетической памяти. Как видим, здесь нет ни мистики, ни «зова крови» – все обыденно и рационально.

Какова продолжительность их действия? Думаю, такая же, как и для «биологической» генетической памяти: пять поколений, в ходе которых особые признаки окончательно рассеиваются, за исключением некоторых доминант (фамилия или семейные предания).

Не учитывая комплекса всех этих факторов, нам просто не понять мотивации действий того либо иного человека. Будут ли они все евреями? Нет, конечно. Но будут ли они связаны с еврейством, будут ли их еврейские корни влиять на их действия? Скорее всего, да. И уж тем более это касается тех, у кого евреем был один из родителей. Именно поэтому мы не можем обойти Адамовича, сына еврейки. Или Ходасевича, также сына еврейки, внука Брафмана (создателя «Книги Кагала», чью печальную славу перекрыли лишь «Протоколы сионских мудрецов») и правнука раввина. Когда биограф Ходасевича пишет, что его еврейские корни проявились лишь в выборе поэтов для переводов, то он, похоже, не отдает себе отчета в том, что описывает целую переводческую программу. И понять последнюю без знания генеалогии поэта невозможно.

А что если человек самым яростным образом отказывается от своего еврейства (т.е. является «ренегатом», по Вашему выражению), как, например, Зиновий Зиник? Но ведь отрицательная самоидентификация – это одна из форм проявления зависимости. И чем яростнее, тем сильнее. В этом смысле блюстители еврейской чистоты парадоксальным образом стоят на той же платформе, что и лица, отрицающие свою принадлежность к еврейству, несмотря на данные генеалогии: и те, и другие хотят поставить границу, обрубив – кто ветви, кто корни. А взаимопроникновение культур четких границ не имеет (в отличие от границ терминологических определений, о которых говорилось вначале.) Вместо них – спектральные переходы со множеством оттенков.

И пока человек чувствует необходимость подчеркивать, что евреем себя не считает, т.е. **подчеркивать свой разрыв**, он продолжает быть с еврейством связанным. Лишь его внуки, если им будут глубоко безразличны свои корни (манкуртизация) и нигде не придется оправдываться за свою фамилию или форму носа, смогут не вспоминать об этом. Отсутствие связи определяется не отрицанием, а полным равнодушием и забвением при такой же полной индифферентности среды.

В свете всего вышесказанного программа ЕКРЗ–РЕВЗ представляется чрезвычайно цельной и мотивированной: публикация исследований и свидетельств как о самих евреях в культуре русского зарубежья, так и о влиянии еврейства на эту культуру в целом, в первую очередь через персоналии. И здесь важно проследить самые тонкие связи и восстановить, насколько возможно, сеть «слабых взаимодействий» – один из ключей к пониманию творчества и менталитета, к положительной или отрицательной самоидентификации лиц, ко всем оттенкам спектрального перехода между культурами.

С самыми теплыми пожеланиями

28.4.2001. Paris *Д.Гузевич*

Из писем Олега Коростелева (Москва)

…Письмо проф. Шимона Маркиша очень содержательно, и я присоединяюсь к Вашему решению его опубликовать. Определенная логика в его рассуждениях есть: в теме «евреи в русской культуре» акцент на культуре, а в теме «еврейство в зарубежье» центр тяжести смещается к еврейству. Для первой темы релевантно присутствие в культуре всех людей с еврейской кровью, от ортодоксально настро-

енных до полностью ассимилированных. Во второй теме существенно прежде всего еврейское начало, даже если оно проявляется в этнических русских. Вообще же проблема – кого считать евреем, а кого нет – до конца неразрешима, во всяком случае, примирить стороны вряд ли удастся. Но в очередной раз выслушать имеющиеся мнения по этому поводу небезынтересно.

4.05.01

…Признаться, не очень понимаю, когда нацию трактуют по преимуществу как сознательную волю индивида. Действительно, американцем не так уж трудно стать, приложив к тому некоторые усилия, как, впрочем, и русским (я имею в виду, разумеется, не гражданство). Однако эти легко втягивающие в свой котел империи – скорее исключения. Гораздо труднее стать, к примеру, испанцем или англичанином, а японцем так и вовсе невозможно. Конечно, это мое личное мнение, которое никому навязывать не намерен, да и вряд ли можно его навязать в таких сложных вопросах, как самоидентификация. Хотя мнения других узнать всегда любопытно, в чем и вижу смысл подобных полемик.

Что же касается сборников или энциклопедий, то тут вообще всякие деления весьма условны. Вздумай кто выпустить сборник «Эфиопы в России», вряд ли обошлось бы без упоминания Пушкина, хотя сам он эфиопом себя вроде не считал и, возможно, обиделся бы. Однако разве не были бы по-своему правы и составители сборника? Другое дело, если бы они зачислили Пушкина в разряд североамериканских индейцев – тут налицо фактическая неточность. А собственное происхождение изменить мы не в силах, даже если коренным образом меняем свою биографию (язык, страну проживания, гражданство, национальную принадлежность). У Корженевского, можно сказать, получилось стать англичанином Джозефом Конрадом, однако обойдется ли без него книга «Поляки в Англии»? Даль и Фонвизин были русскими людьми (более русскими, чем многие россияне), оба родились в России, однако же их имена непременно всплывают в рассуждениях о датчанах и немцах в России. А в разговорах о русских шотландцах обязательно припомнят Лермонтова, хотя к тому времени, как он появился на свет, его предки уже два века жили в России. И это нормально. Ничего постыдного в любом происхождении не вижу, это и есть история. Скорее наоборот – мне меньше по душе, когда начинают темнить и стесняться прямо сказать, что француз (немец, голландец или москвич, римлянин) ты совсем недавний, а вообще-то выходец из Еревана или Кракова. Здесь есть какое-то неуважение к предкам. Конечно, и тут можно одними

предками гордиться, а других презирать, но это как раз и будет означать признание неравенства рас.

Почему американцы предпочитают не обращать внимания на национальность соседей – понятно. Это гораздо проще, чем разбираться в тонкостях происхождения, да по нынешним временам и политкорректнее, и в быту удобнее. Однако историк или социолог скорее сам этот феномен будут рассматривать как один из возможных вариантов подхода к вопросу.

Разумеется, мне по большому счету совершенно безразлично, казах мой коллега, вьетнамец или уроженец Сибири. На бытовом уровне гораздо существеннее, кем он хочет считаться и какой храм (секту, салон, библиотеку) посещает. Но это именно по большому счету, а если хочется узнать человека чуть лучше, без происхождения не обойтись, лишь тогда многие его черты и наклонности становятся более или менее понятны.

Если человек не хочет говорить об этом – его право. Американцы, например, не любят настолько раскрываться и почти никогда не допускают даже друзей до таких глубин своей частной жизни. Но это и есть их национальная черта (если, конечно, американцев считать нацией) или, во всяком случае, одна из особенностей значительной части населения этой империи. В разговоре об американцах такую их особенность надо учитывать, но сути дела это не меняет. В США и половую принадлежность человека стараются не замечать, а замечающих, того и гляди, скоро будут обвинять в дискриминации. Но при таком подходе что вообще остается от живого человека? Ответ «уникальная личность» заведомо неприемлем, индивидуальность личности как раз и складывается, помимо всего прочего, из всех этих и многих других больших и малых особенностей.

24.08.01 *О.Коростелев (Москва)*

Письмо Андрея Васильева (С.-Петербург, 14 мая 2001 года)

Дорогой Михаил Аронович, большое спасибо за то, что познакомили меня с открытым письмом Шимона Маркиша. Я безусловно присоединяюсь к его словам признательности и восхищения Вашим благородным трудом. Не знаю, каких «педантов» он имеет в виду, но мне Ваши издания как раз представляются очень органичным и естественным вкладом в российскую традицию историко-литературных альманахов и сборников. Традицию «Еврейской Старины» и др., грубо прерванную в конце 20-х годов и вновь воскресшую в неподцензурной и эмигрантской печати в 70-е / «Память», «Минув-

шее» и т.д./. Упреки же в «недостаточной научности», на мой взгляд, вызваны непохожестью на советское «наукообразие» подобных книг, тоска и безликость которых, к сожалению, стали для кого-то эталоном. Мне как раз очень импонирует Ваш, почти всюду заметный, очень личный и «личностный» подход. Не знаю, осознанно или интуитивно Вы уловили ту точку, тот персоналистский нерв, который единственный и дает сейчас возможность в каждой биографии по-новому пережить драму российского еврейства во всех взлетах и падениях XX века.

Я хорошо понимаю причины недоумений Шимона Маркиша относительно включения тех или персоналий, но думаю, что разница во взглядах кроется прежде всего в критериях отбора. Точнее в неких концептуальных принципах, пусть трудно формулируемых, но позволяющих ответить, прежде всего самому себе, на вопрос: «Что есть для меня еврейство?»

Ответа мне видится три, и, взаимно пересекаясь, в чем-то совпадая, все они «болят», кровоточат, так как порой противоречат друг другу.

Иудаизм, нация и судьба – вот, как мне кажется, три точки или позиции, с которых можно было бы примериться рассуждать о выборе, принадлежности и предательстве. Но так ли это?

Религиозный выбор, такой естественный и первоочередной, когда мы говорим о еврействе. Выбор, единственно позволяющий говорить о ренегатстве и стойкости, – согласитесь, все же лежит на периферии Вашей темы – *русское еврейство за рубежом*.

Нация, этнопсихологические особенности еврейского народа, взятые в качестве основополагающего принципа, скорее придали бы Вашим изданиям характер этнографических сборников, с некоторым перекосом в сторону биографических очерков.

И так естественно для меня и, как представляется, и для Вас еврейство как судьба. Для кого-то благословенный дар и знак избранничества, для кого-то злой рок и клеймо позора, но всегда болевая точка, всегда незаживающая рана.

И я бы не путал это подлинно экзистенциальное переживание или, если можно так выразиться, «проживание», поскольку речь идет не о моменте, а о всей жизни и непременно смерти, с тем слишком умственным «сущностным» еврейством, о котором пишет Маркиш, упоминая сэра Исайю Берлина и Аарона Штейнберга.

Несколько заостряя полемически эту тему, я хочу сказать, что для ренегата, по терминологии Шимона Маркиша, еврейство не менее, а порой более экзистенциально значимо, чем для самого искреннего адепта. В противном случае нам пришлось бы коренным образом пересматривать многие наши представления о людях, сыгравших не последние роли в истории XX века.

В связи с этим, дорогой Михаил Аронович, я хочу призвать Вас и дальше проявлять разумное своеволие, включая в Ваши издания биографии тех людей, которые, как Вы САМИ считаете, жизнью своей так или иначе засвидетельствовали свою принадлежность к русскому еврейству за рубежом.

И еще одно замечание. Меня очень смутили рассуждения Шимона Маркиша о времени как главном виновнике постепенного опустошения и умирания еврейских традиций. Как будто 19 предыдущих веков стрелки часов стояли на месте и лишь в XX веке пошли, разрушая и выхолащивая содержание еврейской жизни.

Пожалуй нигде, ни в одном народе секулярный кризис второй половины XIX века, который Ницше назвал «смертью Бога», не произвел такой цепной реакции, как в еврействе. Десятки, сотни тысяч людей в исторически ничтожный промежуток времени, можно сказать, мгновенно утратили прежний смысл существования. Оказались выброшенными в никуда, в революцию, в ассимиляцию, в космос.

И, конечно, именно здесь лежит причина всех видов отступничества, всех отчаянных поисков новой идентичности, какую бы форму они ни принимали. Для нас пока очень странной представляется сама тема дискурса: еврейство без веры в Бога, но похоже ее приоритет запрограммирован самим ходом истории.

С уважением

А.Васильев

Письмо Юрия Колкера

Май – июнь 2001 г.

Дорогой Михаил Аронович,

прежде, чем обсудить мысли Маркиша (с которым я, в основном, согласен), я хотел бы спросить Вас, сознаете ли Вы, что Ваше культурное предприятие является антисионистским по своей направленности? Евреи, не считавшие и не считающие Израиль своим, – нам, израильтянам, не чужие: вот, насколько я вижу, основной Ваш тезис. Правоверный сионист под ним не подпишется. Но если так, то и многие вопросы Маркиша снимаются сами собою. Таков, вероятно, дух нашей эпохи: чистые идеологии оказались нежизнеспособны, мы не только не можем, но больше и не хотим быть во всем последовательными.

Теперь по пунктам.

По-моему, Маркиш прав, когда говорит, что Ваша тема «относится в значительно большей части к истории русской эмиграции, нежели к евреям». Эта мысль почти не нуждается в доказательстве, она очевидна. Прав он и в том, что Ваши выпуски запутывают «головоломную проблему *принадлежности*» (по-моему, *умирающую*; к этой мысли я вернусь); и в том, что русское еврейство за границей едва ли образует общность (что, впрочем, к делу не относится; почему не сосредоточиться на разрозненных единицах, если их много?).

Прав Маркиш и в своем ключевом вопросе к Вам: не расистский ли принцип положен Вами в основу всего? Отвечать на него приходится положительно: да, расистский. Вы исходите из того, что еврейство – прежде всего генотип. Маркиш думает, что это – «цивилизация», что, решаюсь думать, гораздо ближе к истине, хотя скорее следовало бы говорить о племенной культурно-религиозной традиции, перешагнувшей рамки племени. Евреем можно родиться, можно стать, а можно и перестать быть («выйти из евреев»). Генотип важен, но не безусловен. Сегодня в каждом втором испанце «течет еврейская кровь», но это не делает испанца евреем. То же и в русской культуре. Бориса Пастернака обыкновенно относят к евреям, но тут – явная натяжка. Поэт добровольно и всем сердцем примкнул к иной человеческой общности, еврейство отвергающей, – какой же он еврей? Ведь не считаем же мы евреем Афанасия Фета. С другой стороны, тот, кто евреем не родился, но связал свою судьбу с еврейством, евреем становится. Праматерь царя Давида, Руфь, была моавитянкой по рождению, но, разумеется, стала еврейкой, став женой Боаза. Незачем говорить, что все народы перерождаются, и современные евреи этнически очень далеки от древних. Как раз в наши дни этот процесс протекает с очень наглядной интенсивностью. Современный Израиль – истинный котел народов.

В письме Маркиша сквозит надежда удержать еврейство от перерождения и распада. Маркиш сокрушается о родном, заветном и сокровенном – о том интенсивном душевном тепле, которое возможно только внутри очень тесной человеческой общности. В древности такую общность давало племя; ее скрепляли племенные боги. На ранних этапах, при взгляде изнутри племени, все иноплеменники казались недочеловеками (в чем, вероятно, кроется одно из внутренних оправданий людоедства). Племени принадлежала вся полнота истины, последняя, несказанная человеческая правда – «та песня, что пела нам мать» (говоря словами из пошлого советского фильма). Внутри племени возникала особенная, с молоком матери впитанная *задушевность*, позволявшая людям с легкостью предпочитать смерть отступничеству. Но тенденции городской жизни работают против этой задушевности. Она,

задушевность, уже неизвестна нам в той полноте, в которой ее переживали древние или хотя бы наши недавние предшественники. С каждым поколением она утрачивается все больше. Человеческое тепло уступает место отчужденности и равнодушию. Мы осознали относительность любой истины, стали терпимы к чужой истине, даже к истине, для нас неприемлемой. Если эти тенденции не изменятся, то в итоге – народов не будет. Не будет и евреев.

Маркиш называет ренегатом одного из Ваших авторов, Зиновия Зиника, для которого страна исхода – не Египет, а аэропорт Шереметьево. Разумеется, Зиник – стопроцентный ренегат, отступник, но совесть требует признать, что ренегатами в наши дни являются практически все. *Относительность истины сделала отступничество нормой цивилизации и мерой цивилизованности.* Если говорить о еврействе, то ренегатом можно признать и Маркиша (живет не в Израиле), и Вас (издаете книги по-русски, а не на иврите; служите русской культуре, а не еврейской), и вообще каждого. Точек зрения – сколько угодно, и подбираются они с легкостью. Я, например, постоянно чувствую себя ренегатом по отношению сразу к *нескольким* человеческим общностям.

Маркиша, несомненно, не раз упрекали за то, что он предпочитает жить в благополучной Швейцарии, – и он не мог не вспомнить об этом, когда упрекал Зиника в ренегатстве. Не мог он, кроме того, не понимать, что Зиник делает очень обычное дело – в точности то же дело, что и любой из нас: создает и противопоставляет миру свою домашнюю философию, отвоевывает себе нишу, в которой ему в нравственном отношении сытно и уютно, созидает свое тепло, свою задушевность. Что же так задело Маркиша? Пустяк: Зиник самоутверждается с излишним самодовольством. Статья буквально дышит упоением собою-любимым – что, заметим, совсем не диковинка в современной литературе (неожиданно лишь в издании, где авторы пытаются, по мере сил, говорить не только о себе), а причину имеет всё ту же: относительность истины. В былые времена человеку незачем было так изгаляться. Скажем, для поэта Николая Некрасова слово *русский* было самоочевидным синонимом слов *хороший, правильный, родной.* Оно было ключом к задушевности. Зинику, который ни к какой общности не принадлежит до конца, нужно быть *хорошим* и *правильным* не вместе с группой, а самому по себе. Стилистически его самолюбование не очень уместно в статье, отведенной для мысли и фактов, чем и смешновато, – но, в сущности, оно совершенно обычно и безобидно.

Теперь вернемся к Вашему, Михаил Аронович, предприятию. Почему расистский подход не убивает его в глазах тех, кто не одобряет расизма? Потому что Вы воздвигаете памятник. Расизм

оправдан, когда речь идет о защите, спасении и памяти. Евреев не будет. Ни русских, ни британских, ни израильских – никаких. А поскольку евреи, всегда подвижные и деятельные, почти целиком принадлежащие городской цивилизации, отойдут в прошлое не последним из народов, то и с памятником нужно спешить.

Расизм можно попытаться оправдать еще и эстетически. Расизм жесток, но жестокость и красота всегда идут рука об руку. Тут нет парадокса. Вглядимся в древность и сопоставим ее с современностью. Жестокости стало меньше – но меньше стало и красоты. Современные народы кажутся заплывшими жиром обывателями рядом с древними евреями, спартанцами, афинянами, римлянами. Родственная, племенная задушевность рождала в прошлом колоссальные характеры, которых современность не знает. Сталин и Гитлер – вовсе не гиганты, сколь ни грандиозны их преступления, они кажутся пигмеями в сравнении не только с Цезарем, но и с Домицианом. Источником зла, по определению Ханны Арендт, может быть банальность. В древних – банальности не видим. Авраам ужасен, когда заносит нож над своим сыном Исааком во имя ему одному внятного божественного повеления, – и вместе с тем он прекрасен. Владимир Соловьев писал некогда, что единственный несомненный вектор цивилизации направлен от людоедства к братству. Мы можем с полным правом дополнить его слова, сказав, что тот же вектор направлен от красоты к безобразию. Небывалый упадок искусств в наши дни подтверждает эту мысль. Цивилизация перерабатывает красоту в благополучие. Гигиена направлена против героизма. На горизонте угадывается человечий суп, царство энтропии, где полное взаимопонимание между всеми (этакое несколько прохладное братство) будет достигнуто полным стиранием различий между людьми, полным равнодушием. Уже сегодня между наугад выбранными евреем и французом больше общего, чем между Давидом и Соломоном, отцом и сыном.

Нередко приходится слышать, что евреи будут всегда, до тех пор, пока существует человечество. Пусть так; пусть, вопреки моему предположению, евреи исчезнут последними. Главного это не затрагивает. Важнее, что народы переплавляются в нуклеиновом котле городской цивилизации в некий единый народ, который станет отрицанием народов сегодняшних. Еще важнее другое: сам вид *хомо сапиенс* (подвид *хомо сапиенс сапиенс*), по некоторым признакам, вплотную подошел к пределу своих биологических возможностей. Мы, похоже, стоим на пороге перерождения в новый биологический вид. Мы уже сегодня можем – не теоретически, а практически – обойтись без полового размножения, а если можем, то и реализуем эту возможность. Не следует ли из этого, что и Библия, основа основ еврейства, устарела? Эта книга осуждает содомию как самый

страшный грех, мешающий людям плодиться и размножаться, – но что *в наши дни* возразишь гомосексуалисту? Человека можно зачать в пробирке. Его можно воспроизвести клонированием. Мужчина может вынашивать плод, как женщина. Любой орган можно вырастить в склянке – и не чужой, а свой, неотторгаемый. (Надеюсь, что эти соображения не будут поняты как апологетика гомосексуализма и, шире, политической корректности, то есть всё той же уравниловки, работающей против красоты.) Наконец, мы можем назначать генотип своего потомства. Всё это отводит Богу роль конституционного монарха, de facto устраняет его из человеческой жизни. А без Бога (и без красоты) – мы не люди.

Вот что пришло мне в голову при чтении письма Маркиша.

Благодарю Вас за возможность высказаться.

Почтительно, Ваш *Юрий Колкер*

Письмо Рахели Торпусман (август 2001)

Уважаемые господа,

Спор идет в основном о том, кого и по каким критериям можно отнести к этнической группе «русское еврейство», а кроме того, выражаются сомнения относительно устойчивости и долговечности этой группы, тем более вне России. Мне кажется, большую часть спорных вопросов можно снять, если согласиться, что группа эта, во-первых, подвижна, во-вторых, недолговечна, а в-третьих, важна и интересна с точки зрения культуры.

Очевидно, что за пределами России русскоязычная диаспора существует одно-два поколения и не прекращается только потому, что подпитывается новыми волнами эмиграции из России. Но, по-видимому, и в самой России – в результате эмиграции и ассимиляции – через два поколения останется очень мало евреев, и этническая группа, о которой мы говорим, практически сойдет на нет, влившись в другие этнические группы еврейского народа.

Однако сегодня эта группа велика и заряжена большой культурной энергией. На протяжении XX века она дала миру много славных имен, и, вероятно, в ближайшие два поколения их будет еще немало. Важно ли для нас то, что к XXII веку она почти исчезнет?

Оглянемся на немецкое еврейство – какой фейерверк великих имен! А к нашему времени этой группы практически не существует. (Впрочем, ее, возможно, заново породит русско-еврейская диаспора в Германии.) Сейчас, постфактум, видно, что прославленные поэты и

ученые жили и творили не в ровной и неизменной обстановке, а в процессе ухода – одни из еврейства, другие из Германии (а то и – насильственно – из жизни). Но, может быть, именно тревожная неустойчивость и порождает расцвет творчества?

Что же касается индивидуальной принадлежности к русскому еврейству – то, несомненно, в наше время граница здесь спорна, подвижна и размыта. В довоенном дворе и в самом деле было точно известно, что «дядя Витя еврей, а тетя Оля русская», но с тех пор прошло по меньшей мере 60 лет, и за это время ассимиляция и аккультурация сделали свое дело: возник огромный слой маргиналов, которых одни евреями считают, а другие нет, и у которых, так сказать, вместо национальности вопросительный знак. (Конкретные примеры многочисленны и разнообразны.) Мне кажется, в современном мире именно этот вопросительный знак и есть знак принадлежности к еврейству.

Русское еврейство существует, и это не противоречит сионистской доктрине. ***Абрам Торпусман, Иерусалим, 20 авг. 2001***

Уважаемый Михаил Аронович!

Душевно Вам признателен за возможность познакомиться с интересной дискуссией по письму профессора Шимона Маркиша и за приглашение в ней участвовать. На мое неуверенное замечание: *«Пора бы, пожалуй, ставить точку. Или вопросительный знак?»* – Вы отреагировали мгновенно, предложив мне заключительное слово. Спасибо, но на роль арбитра, изрекающего «последнюю истину», претендовать не могу и не хочу: я лишь один из дискутирующих, пусть и последний в очереди.

Высказав мнение, что дискуссия затянулась, обязан быть кратким. По существу поднятых Ш.Маркишем вопросов ближе всех мне позиция Дмитрия Гузевича, Андрея Васильева и Ваша; с точки зрения художественной мое сердце завоевали письма Юрия Колкера и, разумеется, Шимона Маркиша. Но со многими утверждениями Маркиша – Колкера я решительно не согласен. Убежден, что в замысле серии «Русское еврейство в зарубежье» ничего «антисионистского» нет. Вопреки Колкеру, истинно «правоверный сионист» по определению обязан полагать «не чужими» всех-всех-всех евреев, в том числе и тех, кто «не считает Израиль своим». Будь последователи доктора Герцля столь узколобыми сектантами, какими их видит поэт Колкер, сионистская революция умерла бы, не родившись.

Мне представляется странным сомнение уважаемого Шимона Маркиша: «*существует ли она, эта общность, эта община, эта группа, назовем как угодно, – русское еврейство за границей?*» Как раз об определениях – общность, община, группа – спорить можно до хрипоты. В материальном же существовании феномена «русское еврейство за границей» сомневаться, по-моему, никак не возможно! Счет давно уже перевалил за миллион. Даже во всем примкнувший к Маркишу Колкер вынужден сделать здесь оговорку: «*Почему не сосредоточиться на разрозненных единицах, если их много?*» Не так уж «единицы» и разрознены – их объединяет язык и специфическое общее прошлое. Очень возможно – плохо ли это, хорошо ли, – что через два-три поколения общность (община, группа) исчезнет; тем более важно зафиксировать в литературе и истории столь значительное (не только количественно – это блестяще доказывают уже вышедшие сборники) явление.

(Еще одно частное замечание – вряд ли стоило Колкеру для доказательства не совсем очевидного тезиса: «*племенная задушевность рождала в прошлом колоссальные характеры, которых современность не знает*» – поминать всуе Цезаря с Домицианом, чтобы сообщить нам: на их фоне величайшие злодеи XX века «*кажутся пигмеями*». Уже в первые века Римской империи племенная задушевность трещала по всем швам…)

Профессор Маркиш признал, что, вопреки его прежнему мнению, тема ЕВКРЗ и РЕВЗ «каким-то боком, какой-то гранью» кошерна для иудаистики (так Краткая еврейская энциклопедия переводит варваризм Jewish Studies, а варваризмов стоит избегать даже в зарубежье). В большой науке нет областей центральных и маргинальных. Продолжайте же Ваше дело, и да сопутствует Вам успех. А вопрос о «принадлежности» был и будет спорным…

Юбилей Института им. Хаима Вейцмана

Отчет о конференции

Ю.Систер, А.Черняк

Хаим Вейцман

«Мы знаем о вкладе, который внесли евреи–выходцы из России в основание нашего государства. Благодаря интеллектуальной мощи евреев первых волн алии из Российской империи, здесь был сформирован костяк еврейского ишува, приведший в конце сороковых годов к созданию еврейского государства в Палестине.

Доклады, которые сегодня прозвучат в этой аудитории, на конкретных примерах доказывают вклад евреев–выходцев из России в развитие израильской науки. Институт Вейцмана – крупнейшая интеллектуальная лаборатория нашей страны – превратился в ведущий мировой академический центр во многом именно благодаря усилиям русскоговорящих репатриантов».

Этими словами началось приветствие министра абсорбции Государства Израиль ***проф. Юли Тамир*** участникам научной конференции, посвященной 50-летию Научно-исследовательского института им. Хаима Вейцмана.

Конференция состоялась 27 декабря 1999 г. в Реховоте в одном из зданий института. В ее работе участвовало около 120 человек из разных городов страны, в основном научные работники. Они восприняли слова приветствия как знак государственного интереса к ученым–выходцам из России и высокой оценки их деятельности.

Конференцию организовали Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в зарубежье», НИИ им. Х.Вейцмана и Отдел абсорбции муниципалитета г. Реховота. В организации конференции большую роль сыграли руководитель Центра д-р М.Пархомовский, д-р Ю.Систер, заместитель мэра Реховота д-р М.Кнебель, д-р Я.Иовнович, сотрудница Института Л.Викански.

С приветственным словом от института им. Вейцмана выступил известный ученый ***проф. Э.Трифонов***. Он подчеркнул большое значение конференции, раскрывающей роль ученых из России в становлении и деятельности Института.

Д-р М.Кнебель приветствовала собравшихся от имени муниципалитета Реховота, рассказала о почетном месте города в связи с тем, что в нем находится Институт им. Х.Вейцмана, о программах Отдела абсорбции муниципалитета, включающих абсорбцию ученых.

Ученые–выходцы из России в Палестине/Израиле – приоритетная тема НИ центра «Русское еврейство в зарубежье». Под таким названием прозвучал доклад руководителя этого Центра ***д-ра М.Пархомовского*** (Бейт-Шемеш).

Институт им. Хаима Вейцмана – один из крупнейших мировых центров науки. Его 50-летие – событие, которое выходит за стены самого института, это важная веха в истории Государства Израиль.

Эта дата не получила должного отражения в русскоязычной прессе. Журналисты заняты другими проблемами: разъясняют нам, какое оружие устрашения применить, если мы хотим ограбить банк; спорят о том, как опускать репатриантов в общий котел – головой или противоположной частью тела; с риском потери собственной невинности выясняют и сообщают населению о предпочтениях сексуальных маньяков. Учитывая такую занятость прессы, мы на себя взяли инициативу отметить полувековой юбилей главного научного центра Израиля.

В возникновении и становлении как Института Хаима Вейцмана, так и самого Государства Израиль огромную роль сыграли выходцы из России.

Около 200 лет назад из восточно-европейского еврейства родилось новое колено Израилево – русские евреи. Соединив в себе еврейскую сущность, еврейские традиции, высокую энергию, необходимую для выживания в иной среде, с русскими культурными ценностями, евреи России превратились в особую социоэтническую общность. (Сегодня для нас важна высокая творческая продуктивность этой общности).

За истекшие приблизительно 135 лет из России выехало около 4 млн евреев. Их вклад в западную цивилизацию трудно переоценить. Опубликованные нами книги (цитирую проф. Лазаря Флейшмана /Стенфорд/) *«представляют удивительно богатую и сложную картину интеллектуальной жизни русского еврейства за рубежами России и доказывают его определяющую роль в общественной жизни разных стран Европы и Америки».* Эта роль русских евреев является предметом изучения нашего НИ центра «Русское еврейство в

зарубежье», в сферу исследования которого входит тема «Выходцы из России в Палестине/Израиле».

Вначале мы в какой-то степени шли по течению – собирали материалы о тех, о ком больше написано, – о писателях, поэтах, критиках, философах, художниках, историках, меценатах. Позже все большее место в наших исследованиях заняла наука. В VI томе в рубрике «Наука» (ее редактор – участник нашей конференции проф. Арон Яковлевич Черняк) рассказывается о знаменитых физиологах и иммунологах Мечникове, Хавкине и Безредка, работавших в Институте Пастера; учителе Павлова проф. Ционе; микробиологе Ваксмане – открывателе стрептомицина; химиках Евгении Рабиновиче (как поэт он приобрел известность под именем Евгения Раича) и Роальде Хофмане – лауреате Нобелевской премии, прошедшем в детстве гитлеровский концлагерь; математике Герберте Минковском – учителе Эйнштейна (они вместе работали над теорией относительности); экономистах Саймоне Кузнеце, Василии Леонтьеве, Стефане Коне.

Близко к «Наука» находится область знаний, озаглавленная нами как «Учебная эмиграции». Массовый выезд еврейской молодежи на учебу за границу стал ведущим звеном в циркуляции научных знаний между Россией и Европой. Среди выходцев из России старшего поколения нет, наверное, ни одного, который каким-то образом не пересекался с людьми, получившими образование в Гейдельберге или Сорбонне, Льеже или Монпелье, Болонье или Берне. Эти контакты не остались без следа. И здесь еще непочатый край исследований.

Наш особый интерес к науке проявился еще вот в чем: Центр разработал учебную программу для вузов Израиля под названием «Русское еврейство в зарубежье» – непременным условием еврейского самосознания является изучение истории своего народа.

С этой же целью – изучения и распространения знаний о роли выходцев из России – Центр проводит конференции; эта наша 3-я: первая была международной и посвящалась открытию Центра (Иерусалим, 1997 г.), второй конференцией мы отметили 50-летие Государства Израиль (Бейт-Шемеш, 1998).

С этой же целью нами проводились семинары (о русских евреях, живших в Китае; мы рассказывали о русско-еврейских общинах Германии, Канады, Финляндии). Составленная нами программа семинаров опубликована в книге «Еврейское образование и национальное самосознание русскоязычных евреев Израиля и диаспоры» (Орен, 1999 г.). Сейчас заканчиваем подготовку сборника статей «Русские евреи в Великобритании». В следующий на очереди том* –

---

* Обстоятельства сложились так, что следующим томом оказалась настоящая книга (*Ред.*).

«Выходцы из России в Палестине/Израиле», или «Идемте же отстроим стены Иерушалайма» – войдут прочитанные сегодня доклады.

Выдающийся вклад евреев в человеческую цивилизацию в основном изложен не на еврейских языках. Вначале это были арамейский, греческий и латинский, потом арабский и испанский. В новое время ими стали немецкий и вытеснивший его русский. С грустью смотрим на преклонение перед американским английским. Напомним, что за большую часть достижений США нужно благодарить восточно-европейское еврейство, в частности, – тех же русских евреев.

Идея изучения русского еврейства в зарубежье назрела. К сожалению, предпочтение отдается проекту «Музей алии». Нас хотят булавками приколоть к стендам. Сторонники проекта Музея алии терпеливо ждут нашего ухода со сцены – с мертвыми работать удобнее: они не высовываются. Скажу, как еврей из анекдота: не до-жде-тесь!

Русско-еврейская диаспора в странах Америки, Европы, Азии и Австралии нуждается в своем центре. Этот центр должен быть в Израиле.

Гуманисты создают общества для спасения уникальных аборигенов Новой Зеландии (по слухам, они осваивают кашрут и уже не едят человеческое мясо), проводятся кампании по спасению вымирающих белых журавлей и носорогов, человечество обуреваемо заботой о палестинцах, находящихся под пятой жестоких израильских агрессоров... Признаемся, что нас больше волнует судьба русского еврейства – великолепного колена Израилева. Его сплочение и дальнейшая жизнь в истории могли бы происходить в рамках высказанной нами идеи.

Функции такого Центра мы готовы осуществлять. Порукой этому наши контакты с ведущими российскими институтами и энциклопедиями, занимающимися Русским Зарубежьем, наше сотрудничество с русско-еврейскими общинами 10 стран. Но захотят ли организации, занятые иудаикой, помогать нашему Центру? Сегодня он, увы, существует в основном на деньги, получаемые Пархомовскими от Института национального страхования.

Мы рады сегодняшнему юбилею – он не только познакомил нас с сотрудниками Института Вейцмана, мы получаем их доклады, которые войдут в подготавливаемую книгу. Хочется надеяться на продолжение нашего сотрудничества.

Еще раз поздравляем юбиляра – Институт Хаима Вейцмана. К общепринятым пожеланиям творческих успехов я бы добавил еще одно – большей открытости: хотелось бы узнавать о научных достижениях Института из средств массовой информации. Поверьте, ваши достижения, ваши победы радуют нас гораздо больше, чем, скажем,

оглушительная победа израильского истеблишмента в процессе Лернера!

Спасибо всем участвовавшим в организации конференции. Особенная благодарность главному координатору д-ру Юлии Систер, сотруднице Института Вейцмана Любови Викански, основному спонсору конференции – муниципалитету Реховота в лице д-ра Мары Кнебель, общественным деятелям: д-ру Якову Иовновичу, Анатолию Шехтману, Эдуарду Вольфовичу и Илье Ворончуку.

В адрес конференции поступили приветствия. Процитирую одно из них – от д-ра Эрнста Зальцберга (Торонто). В письме говорится:

Важность тем «Русские евреи в зарубежье» и «Выходцы из России в Палестине/Израиле» признается многими, однако только благодаря вашим усилиям и энтузиазму это признание воплощается в конкретные и осязаемые дела, такие, как создание Научно-исследовательского центра, издание монографий, проведение научных конференций. Настоящая конференция является еще одним звеном в этой вашей культуртрегерской работе. Желаю участникам конференции творческих успехов и надеюсь, что ее материалы будут опубликованы в одном из изданий вашего Центра.

С докладом о Хаиме Вейцмане, с именем которого связана конференция, выступил ***проф. А.Черняк*** (Хайфа). Он назвал свое сообщение **«Хаим Вейцман – ученый и организатор науки»**.

Исполнилось 125 лет со дня рождения первого президента Израиля. Х.Вейцман был не только политическим и общественным деятелем, но и выдающимся ученым-химиком. Однако этой стороне его деятельности уделяется незаслуженно малое внимание. Так, в недавно вышедшей в Лондоне монографии Б.Литвинова «Сущность Хаима Вейцмана. Человек. Государственный деятель. Ученый» из 300 страниц Вейцману-ученому уделено …три страницы (?!). Так же недооценена работа Вейцмана по организации высшего образования в Эрец-Исраэль. Еврейский университет в Иерусалиме и в значительной степени Технион в Хайфе выросли из семян, посаженных Х.Вейцманом, и вполне могли бы называться его именем. Много сделал Х.Вейцман и как организатор науки. Х.Вейцман-ученый и Х.Вейцман-политик – это ***союз ума и сердца***, сыгравший судьбоносную роль в истории еврейского народа XX в. Он «запомнился как мыслитель широчайшего кругозора, владеющий проникновенным пониманием роли, которую собиратели знаний должны исполнять на службе человечеству» (Б.Литвинов).

Вейцман-ученый в решающей степени способствовал успехам Вейцмана-политика. Так, знаменитая декларация Бальфура обязана своим происхождением научным заслугам ученого в деле обороны Великобритании. А возникновение Государства Израиль в немалой

мере было связано с позицией президента США Трумэна, в формировании которой важнейшую роль сыграли достижения Вейцмана в области искусственного каучука и других исследований в США.

Эти события были отдалены друг от друга четвертью века.

Март 1916 г. Вейцман в Англии ведет научно-исследовательскую работу оборонного значения. Вдруг его вызывает первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль. Флот испытывал резкий недостаток ацетона, необходимого для производства бездымного пороха. «Доктор Вейцман, – произнес Черчилль в категорическом тоне, – нам необходимо тридцать тысяч тонн ацетона. Можете вы их сделать?» Изумленный Вейцман стал объяснять: новый процесс, разработанный им, освоен лишь на лабораторном уровне, производительность ничтожна, надо еще найти бактериологический механизм процесса, создать оборудование, производственные площади, многое другое, что пока трудно определить. Но Черчилля это не смущает. Он дает Х.Вейцману карт-бланш. Были построены новые лаборатории, заводы, перегонные установки и пр. Задача, поставленная Черчиллем, была выполнена, и этот успех в значительной степени способствовал принятию декларации Бальфура.

Весна 1942 г. Х.Вейцман находится в длительной командировке в США. По предложению президента Рузвельта, Вейцман ведет разработки по проблеме искусственного каучука. В то время его получение было основано на переработке нефти. Вейцман показал, что этот метод весьма трудоемок, требует значительного времени, крупных финансовых затрат и не обеспечивает получения нужного количества каучука. Вейцман предложил совершенно новый способ, лишенный этих недостатков. Ему пришлось вести сложную и упорную борьбу против могущественных монополий, заинтересованных в старом, нефтеочистительном процессе. Но с помощью правительственных сфер восторжествовала схема Вейцмана. Вице-президент США Уоллес так оценил работу Вейцмана: «Мир никогда не узнает, какой значительный вклад внес доктор Вейцман в успешное осуществление программы производства синтетического каучука в то время, когда эта программа зашла в тупик и продвигалась крайне медленно». Еще меньше известна работа Вейцмана, связанная с консультациями комиссии Б.Баруха по проблемам использования атомной энергии, – она велась в засекреченном режиме, часто в устной форме.

Оба примера выделены особо – как яркие свидетельства актуальности и большого военного значения в крупнейших государствах в годы Первой и Второй мировых войн.

Специфическими особенностями научной деятельности Вейцмана являются: ***выраженная актуальность творческих изысканий, тесная связь научных исследований с практическими потребностями и производством, связь исследовательской работы***

с организацией науки и высшего образования, особенно в Эрец-Исраэль. В рамках этих особенностей прослеживаются три основные линии конкретных исследовательских работ Вейцмана.

Первая – синтез полициклических соединений как основы для получения новых классов красителей. Красители, получаемые по его методам из антрацена, содержащегося в каменноугольной смоле, отличались яркостью и прочностью и использовались для окрашивания тканей и производства красок. Органические красители, полученные Вейцманом из нафталена, стали применять в медицине.

Второе направление – новые способы производства ацетона и бутанола посредством ферментации. Вейцман обратил внимание на старое наблюдение: кукуруза при длительном хранении иногда дает запах ацетилена. Исследуя этот феномен, он выделил неизвестную бактерию, названную впоследствии его именем. Она оказалась способной превращать сахар и крахмал в ацетон и бутиловый спирт. Был открыт процесс ацетон-бутильной ферментации, и впервые биологический процесс, а не химические реагенты стал использоваться в химических производствах. Так Вейцман явился одним из основоположников ныне широко распространенной биотехнологии. Когда Ллойд-Джордж от имени английского правительства спросил у Вейцмана, что он хотел бы получить в награду за это открытие, Вейцман ответил: «Ничего для меня, что-нибудь – для моего народа».

Третье направление лежало в сфере поиска новых способов изготовления белков, особенно необходимых для стран с голодающим населением.

В последние годы жизни Вейцмана его научные замыслы были связаны с деятельностью созданного им Научно-исследовательского института в Реховоте, 50-летие которого мы сегодня отмечаем. Он считал, что создание научных центров в Эрец-Исраэль, в которых появятся высококвалифицированные специалисты, «воспитают у молодежи нужные навыки, дисциплину и целеустремленность». Опираясь на НИИ в Реховоте, Вейцман направлял ускоренное развитие науки и техники в Израиле, повышал их престиж, а также благосостояние населения, связанное с достижениями науки.

На счету Вейцмана было около ста патентов, большая часть которых была внедрена в производство.

Особый интерес представляет деятельность Вейцмана по трудоустройству ученых-евреев, покинувших нацистскую Германию. Вместе с Э.Резерфордом и А.Эйнштейном он принял активное участие в организации и работе Совета академической помощи, а также возглавил в Англии Центральное бюро переселения немецких евреев в Палестину. В частности, Вейцман способствовал приезду в Эрец-Исраэль лауреатов Нобелевской премии химиков Р.Вильштеттера и Ф.Габера (создавшего способ получения азота из воздуха и тем,

можно сказать, спасшего Германию во время Первой мировой войны). К сожалению, оба они умерли, не достигнув Палестины, и Вейцман остро пережил эти неудачи. По приглашению Вейцмана из Берлина в Реховот приехал талантливый химик Э.Бергман, который стал ближайшим помощником Вейцмана в его Институте. О Катастрофе европейского еврейства Х.Вейцман писал: «Кто знает, сколько Эйнштейнов и Габеров погибло вместе с теми академиями, которые могли бы помочь сформировать их гений».

Выдающаяся роль Вейцмана в обосновании и организации высшего образования в Эрец-Исраэль составляет специальный предмет исследования. Среди крупных еврейских деятелей первой половины XX века нет никого, кто бы столь последовательно и результативно занимался этой проблемой. Еще в 1902 г. философ М.Бубер, поэт Б.Фейфель и Х.Вейцман составили оргтруппу и выпустили брошюру «Проект еврейской высшей школы» – то было первое в своем роде сочинение. Здесь обосновывалась необходимость высшего еврейского образования, ставились задачи, прилагалась схема строительства зданий. Брошюра вызвала широкую реакцию, но события начала века не позволили принять конкретные меры. В 1924 г. Вейцман опубликовал книгу «Israel und sein Land. Reden und Ausprachen». Она на русский язык не переводилась. Книга открывается уникальным документом. Вот его текст в нашем переводе:

Вместо предисловия. Этот томик содержит в афористической форме понимание Вейцманом различных сторон палестинской проблемы. Основная привлекательность книжки – в ее непосредственности. Это высказывания, слетевшие с его уст по самым разным поводам непринужденно и обычно без формальной подготовки. Пусть это книжка хотя бы частично откроет сердцу читателя пламенную любовь Вейцмана к Палестине.

А.Эйнштейн. 12.1.24.

Значительная часть книги посвящена проблемам еврейского образования. Создание в Эрец-Исраэль высшей школы Вейцман тесно связывает с судьбами государства. *«Большая социальная и политическая проблема, – пишет он, – стоит перед нами и требует от нас решения. Мы, евреи, знаем, что если мы дадим полную свободу духу, если мы будем иметь Центр развития еврейского сознания, мы тотчас же достигнем исполнения наших хозяйственных потребностей».* Вейцман призвал вести преподавание на иврите. После создания Государства Израиль он заботился об оптимальной постановке образования, в том числе школьного, предлагал выработать общегосударственные критерии образовательной деятельности, унифицировать школьную систему, «за которую будет отвечать государство, а не политические партии». Вейцман требовал поднимать уровень и качество школьного образования, установления

преемственности между ним и высшей школой и т.п. Все это актуально и поныне. Х.Вейцман – инициатор, идеолог и организатор высшего образования, поборник воспитания гражданственности в средней школе.

Безусловно, настала пора создать монографию о деятельности Х.Вейцмана в области науки и просветительства.

Участию ученых-репатриантов в биологических исследованиях Института им. Вейцмана посвящен доклад ***проф. Роальда Незлина*** (Реховот). Среди большого числа ученых-репатриантов, прибывших в Израиль в последние десятилетия из стран СНГ, насчитывается много биологов. Значительная часть их к моменту приезда обладала высокой квалификацией и многолетним опытом исследований в разных областях биологии, в том числе прикладной. Многие биологи были приняты на работу в университеты и научно-исследовательские институты страны и успешно развивали свои оригинальные исследования, либо участвовали в работах, уже проводимых в этих научных учреждениях. Сказанное в полной мере относится к Институту им. Вейцмана, который принял значительное число высококвалифицированных биологов.

В начале 1970-х гг. в Институте начал работать проф. ***Лев Тумерман***, известный биофизик, сотрудник С.Вавилова. Несмотря на преклонный возраст, ему была предоставлена возможность продолжить исследования в области поляризации флюоресценции, которые он успешно проводил в течение многих лет в Москве, в Академии наук. В конце этого же десятилетия был принят на работу ***Эдуард Трифонов***, позже избранный профессором отдела структурной биологии. Темой исследования его группы явились закономерности строения генома. В частности, были изучены участки генома, ответственные за реакцию с белками хроматина. Найдены размеры сегментов, повторяющихся в геноме с определенной частотой. Описаны элементы, которые являются самыми ранними формами треплетного кода. Один из участников этих работ, ***Александр Большой*** в настоящее время является профессором Хайфского университета.

Группа, которой руководил биохимик проф. ***Александр Гершович***, занималась исследованием так называемых белков теплового шока (шаперонов), играющих важнейшую регуляторную роль в самых разных процессах, происходящих в живых организмах. Показана, в частности, роль шаперонов во внутриклеточном транспорте белков от места их образования (рибосом) к клеточным мембранам. Темой исследования группы проф. ***Марка Сафро*** являются структурно-функциональные свойства аминоацил-тРНК синтетаз, группы белков, представляющих собой важнейший элемент биосинтетического аппарата. Получена, в частности, трехмерная структура одного

из белков этой группы в комплексе с соответствующей тРНК и выяснены структурные взаимоотношения между обоими компонентами комплекса. Эти исследования могут привести к созданию новых лекарств, тормозящих образование белков. Исследования проф. ***Александра Бершадского*** с сотрудниками посвящены изучению молекулярных процессов, связывающих цитоскелет, структуры, ответственные за клеточные контакты (адгезию) и сигналы, контролирующие форму клеток и их подвижность. Проф. ***Роальд Незлин*** проводил изучение способности молекул иммунных белков – антител связывать различные сывороточные белки. Им был также разработан простой метод определения иммунных комплексов, содержащихся в крови при аутоиммунных заболеваниях, метод, который может быть использован для оценки тяжести аутоиммунных страданий.

Значительный вклад в различные исследования, ведущиеся в Институте, внесли высококвалифицированные ученые, доктора наук, приехавшие из России за последнее десятилетие. Некоторые из них проводили оригинальные собственные работы на базе существовавших лабораторий, другие успешно развивали направления, уже начатые в Институте к моменту их приезда. Это биохимики ***Давид Беленький, Жанна Блехман, Татьяна Розовская, Игорь Мет, Алла Шаинская, Арон Рабинков,*** биолог ***Татьяна Буракова,*** биофизики ***Лев Вайнер и Дмитрий Гакамский.*** В дополнение к сказанному следует отметить, что в работе большинства лабораторий Института активное участие принимает много студентов–выходцев из стран СНГ. Среди них – соискатели как второй, так и третьей (докторской) степеней.

Четвертому президенту Израиля, выдающемуся химику Эфраиму Кациру был посвящен доклад ***д-ра Юлии Систер*** (Кирьят-Экрон).

Уроженец Киева, он в детские годы оказался в Эрец-Исраэль. В 1937 г. окончил Еврейский университет в Иерусалиме и на четыре года уехал в докторантуру в Гарвардский университет. В 1941 г. ему присуждена ученая степень доктора наук за работу «Синтез и характеристика полиаминокислот». Он вернулся в Еврейский университет и работал в Отделе теоретической и макромолекулярной химии.

В 1948 г. он принял приглашение Хаима Вейцмана и начал работать в НИИ в Реховоте. Это был новый этап в его научной биографии, связанный с основанием Института, впоследствии получившего имя Х.Вейцмана, и долголетней работой в нем.

Эфраим Кацир-Качальский основал при Институте Отдел биофизики, которым руководил около 25 лет. Одновременно он был профессором биофизики в Еврейском университете (1953 – 1961). В 1966-68 гг. он занимал ответственный пост главного научного эксперта министерства обороны Израиля.

Он был членом организации Хагана в Иерусалиме, и у него был опыт военной работы. В 1936 г. окончил курс командиров в Кирьят-Анавим, был командиром студентов Еврейского университета, в 1942 г. его назначили командиром роты сухопутных войск в Иерусалиме. В годы Второй мировой войны был инструктором в молодежных подразделениях этого города. Эфраим, его брат Аарон Качальский и проф. Бергман основали исследовательский отдел, работающий на обороноспособность армии, занимались разработками в области отечественного производства оружия.

Проф. Э.Кацир-Качальский внес ощутимый вклад в исследование белков и их структурных элементов – аминокислот. Разработал методы синтеза полипептидов, обладающих белковыми свойствами; доказал зависимость биологических свойств белковых соединений от их химического строения; исследовал антибактериальные и антивирусные свойства синтетических полипептидов. Он один из первых синтезировал нерастворимые энзимы и предложил пути их практического использования в медицине и промышленности. Пионерские работы Э.Кацира-Качальского получили международное признание.

После окончания президентской каденции (тогда он и взял псевдоним Кацир) основал при Тель-Авивском университете Отдел биотехнологии, который возглавлял в 1978-87 гг.

В 1996 г. научный мир отметил 80-летний юбилей ученого, признанного специалиста в области химии белков и их соединений.

Проф. Э.Кацир-Качальский является членом Израильской АН, Американской национальной АН, Лондонского Королевского общества и др., он – член многих научных обществ, комитетов, редколлегий. Его научные заслуги отмечены различными премиями: Государственной премией Израиля в области точных наук (1959 г.), премией им. Х.Вейцмана (1959 г.), им. Ротшильда (1960 г.) и многими другими, медалями (золотая медаль Кребса и др.).

Говоря об Э.Кацире-Качальском, нельзя не коснуться работ его старшего брата, известного физико-химика А.Качальского, который тоже окончил Еврейский университет в Иерусалиме и одним из первых получил здесь степень доктора наук (1940). Вместе с Эфраимом по приглашению Х.Вейцмана с 1948 г. работал в Институте в Реховоте, где до конца жизни возглавлял основанный им Отдел полимеров. Одновременно был профессором физической химии Еврейского университета. Он внес существенный вклад в теорию полиэлектролитов, сформулировал ряд фундаментальных законов, заложивших основу механохимии полимеров. Мировое признание получили его работы по электрохимическим исследованиям биополимеров, термодинамике необратимых процессов и в др. областях физической химии и биофизики.

Он был инициатором создания Израильской Академии наук, был ее вице-президентом (1960-62 гг.) и президентом (1962-68 гг.).

Его научные достижения отмечены различными премиями. Он избран почетным доктором многих университетов мира, членом АН и научных обществ многих стран.

Жизнь выдающегося ученого А.Качальского трагически оборвалась в 1972 г. в аэропорту им. Бен-Гуриона при нападении террористов. Его именем назван один из кратеров на Луне.

Второй доклад *Юлии Систер* посвящен вкладу русскоязычных химиков в химическую науку и промышленность Израиля. Перед участниками конференции развернулась широкая панорама их деятельности в стране. Доклад явился результатом интервью с 60 специалистами в разных областях химии, которые провела автор. Большое внимание уделено работам по исследованию ресурсов Мертвого моря. В центре этих работ Моше Новомейский – один из пионеров химической промышленности в Эрец-Исраэль, куда он переселился из Сибири в 1920 г. Основав ряд промышленных предприятий, он добился реализации своих планов по эксплуатации минеральных богатств Мертвого моря. На их базе возникли новые города и научные учреждения. После провозглашения Государства Израиль была основана новая компания – «Предприятия Мертвого моря». В организации и работе последних, а также в институте ТАМИ активное участие принимают русскоязычные специалисты: доктора наук М.Айзенбуд (процессы и аппараты), Е.Тартаковский (органический синтез, фотохимия органических бромидов, статистическая обработка результатов), Д.Иоффе (химия и технология органических продуктов, в основном галогенсодержащих соединений ароматического и алифатического рядов). На заводе «Фрутаром» успешно работает д-р Л.Вайсберг, которая занимается анализом компонентов нежнейших природных запахов фруктов, пищевых продуктов, отдушек с помощью сочетания газовой хроматографии с масс-спектрометрией. Она определяет малейшие примеси (до 0.0001%), способные ухудшить качество продукта, совершенствует технологические процессы и др.

Первым профессором неорганической и аналитической химии в Еврейском университете в Иерусалиме был Мордехай (Макс) Бобтельский. В 1925 г. он приехал в Палестину, чтобы руководить исследованиями на Мертвом море. В это время он был уже известным ученым, чьи работы печатались в престижных научных журналах. Бобтельский вместе со своими помощниками исследовал соли Мертвого моря. В Еврейском университете он организовал первые лаборатории, которые впоследствии стали Отделом неорганической

и аналитической химии. После присуждения ему звания профессора (1937 г.) он руководил этим отделом до выхода на пенсию в 1960 г.

Бобтельский, с присущей ему энергией, интуицией и талантом проводил исследования, имея в своем распоряжении простые средства. Он выполнил десятки работ в разных областях неорганической и аналитической химии. Еще до создания Государства Израиль воспитал поколение химиков, которые заняли видное положение в науке и промышленности. Его учениками были братья А. и Э. Качальские и многие другие.

Бобтельский разработал усовершенствованную систему, позволяющую исследовать состав сложных смесей, в том числе суспензий. Для этого, по его схемам и чертежам, в Израиле был сконструирован специальный прибор. Он много сделал для развития аналитической химии, в том числе микрохимического анализа. Его по праву считают основоположником аналитической химии в нашей стране.

Известны также его работы по гомогенному катализу, в области координационной химии и др. Бобтельский известен как автор и пропагандист гетерометрии, с помощью которой можно проводить быстрое количественное определение следов металлов, ионов или веществ без предварительного разделения в присутствии избытка других компонентов. Этому методу он посвятил монографию «Гетерометрия», которая вышла в 1960 г. Он был основателем и первым председателем Израильского профсоюза химиков.

Проф. Карла Хайтнер, которая выполнила диссертационную работу у проф. Бобтельского и много лет с ним работала, вспоминала, что его преданность работе и человеческие качества восхищали сотрудников и студентов. С ним было очень интересно работать, он не подавлял своим авторитетом, умел создать творческую атмосферу. В израильской химической науке ему принадлежит почетное место.

В конце тридцатых годов в Еврейский университет на химический факультет поступили молодые люди, приехавшие из стран Балтии, Бессарабии и др., получившие сертификат для учебы в этом университете. Среди них были Мира Лаав, Давид Вовси, Ицхак Михаэли, Пнина Элсон и др., ставшие докторами наук, профессорами. Среди их преподавателей были еще совсем молодые братья А. и Э. Качальские, которые с удовольствием делились своими знаниями со студентами, пересказывали им только что прочитанные новые научные статьи. Это были незабываемые годы творчества, приобретения знаний.

Д-р М.Лаав после окончания университета около 40 лет проработала в биохимическом подразделении клинической лаборатории и одновременно в Тель-Авивском университете, умело сочетая научную работу с практической деятельностью. Она внесла существенный вклад в клиническую биохимию.

Проф. Д.Вовси, работающий в НИИ им. Вейцмана, внес большой вклад в исследования пластических масс. Его работы получили мировое признание.

Проф. И.Михаэли (он был самым молодым сотрудником Х.Вейцмана) внес значительный вклад в такие разделы химии, как термодинамика, электрохимия, превращение энергии в биополимерах и полиэлектролитах. Он также занимался пропагандой научных достижений на радио «Коль Исраэль».

Часть доклада была посвящена роли Х.Вейцмана в качестве организатора химической науки страны.

Перенесемся в 90-е годы, годы так называемой большой алии. Из СССР/СНГ приехало более 13 тыс. ученых, часть из них начала работать в университетах страны на фонды министерства абсорбции; примерно 180 человек вошли в профессорско-преподавательский состав университетов.

Профессора Тель-Авивского университета Б.Файн, Э.Гилиади, Д.Хупперт и др. предложили программу абсорбции ученых, известную как «проект Гилади». Эта программа не решала всех вопросов, но давала ученым возможность работать еще несколько лет. Возник проект КАМЕА, который предполагает работу ученых с постоянным финансированием, но в группах, возглавляемых израильскими профессорами. Израильские ученые знали, какие научные силы приехали в Израиль, какое богатство получило государство в лице новых репатриантов, и решили помочь.

Члены Совета Союза ученых–новых репатриантов университетов Израиля Г.Барнштейн, М.Белинский, С.Ставров, а также проф. химии Д.Хупперт провели статистическое исследование роста научных статей, опубликованных университетами Израиля. Результаты исследований показали, что в 1993-97 гг. имел место существенный скачок публикаций израильских ученых по сравнению с ростом публикаций в мире. До этого времени число публикаций в мире и в Израиле практически совпадало. Такой значительный скачок публикаций можно объяснить только вкладом ученых-репатриантов. Проф. Хупперт убедительно подтвердил это заключение на примере химического отделения факультета естественных наук Тель-Авивского университета – вкладом репатриантов 90-х годов (профессоров М.Урбаха и С.Ческиса, докторов В.Ционского, М.Белинского, Д.Голодницкой и др.).

Многие ученые-химики алии 90-х работают по специальности, часть из них продолжает работать в тех областях, в которых работали и в бывшем Советском Союзе (электрохимия, аналитическая химия, органический синтез и др.), другие быстро включились в рабо-

ту, проводимую в израильских вузах и в исследовательских отделах крупных промышленных предприятий (ТЭВА, АГИС, др.). Нужно подчеркнуть, что приехавшие ученые имели достаточно знаний и умений, чтобы быстро войти в израильскую науку и промышленность. Кроме того, они привезли с собой оригинальные идеи и проекты, по которым работают в научных теплицах и в лабораториях.

Д-р Илья Кусельман в 1994 г. возглавил лабораторию материалов при Национальной физической лаборатории Израиля, являющейся метрологическим центром страны. Он привлек к работе 10 специалистов по аналитической химии и смежным областям и с ними в Израиле впервые выполнил ряд исследований по химической метрологии, начал новое направление работ в Израиле, необходимых для обеспечения единства измерений в химии. О необходимости таких работ говорит тот факт, что практически одновременно были созданы Международная организация аналитиков и Комитет по материалам при международной организации по метрологии. И.Кусельман является одним из организаторов Израильского метрологического общества (1998 г.) и членом Международной ассоциации официальных химиков-аналитиков.

Проф. Я.Турьян работает по своим проектам в области электрохимических методов анализа, принятых министерством промышленности и торговли. Им были разработаны новые перспективные методы оценки качества растительных и минеральных масел, а также масличных семян. Эти методики прошли валидацию в Международной ассоциации официальных химиков-аналитиков.

Известные израильские химики профессора И.Хиршберг и Э.Фишер открыли явление фотохромизма у спиропроизводных органических соединений. При УФ-облучении у этих веществ происходит раскрытие пиранового кольца и появляется окраска. Это открытие имело большое практическое значение, прежде всего для оптики. Это направление работ в Институте им. Х.Вейцмана успешно развивает проф. В.Кронгауз, приехавший в страну в 1974 г. уже известным ученым. К слову сказать, в Институте им. Вейцмана он был первым профессором из приехавших из СССР.

Последние 10 лет в группе проф. В.Кронгауза работает д-р Ю.Ратнер, многолетняя отказница, боровшаяся за выезд евреев из СССР. Она занимается исследованием оптических свойств фотохромных полимеров, а также различными методами покрытия стекол и пластиков этими полимерами.

Большую и трудоемкую работу в группе проводят химики-синтетики, которые синтезируют фотохромы с различными оптическими свойствами. Вводя в молекулу фотохрома самые причудливые

заменители, они получают фотохромные пленки, дающие при УФ-облучении целую гамму цветов: оранжевый, фиолетовый, красный, зеленый, синий. Этот спектр можно расширить до коричневого и серого. Большой вклад в эту работу внесли химики-синтетики Л.Шрагина, Э.Лурье, А.Зеличенок.

Более 25 лет существует химическая лаборатория по реставрации металлических изделий из археологических раскопок (Иерусалим), созданная бывшей сотрудницей Института химии АН Молдавской ССР Э.Цареградской-Альтмарк. Небольшой коллектив этой лаборатории представлен химиками алии 70-х и 90-х годов, которые с увлечением работают в Отделе древности, к которому относится эта лаборатория.

В металле, который находится под землей тысячелетия, происходят электрохимические процессы, приводящие к его коррозии. Степень коррозии зависит от многих параметров: от солей, находящихся в почве, ее кислотности, степени влажности и др. Коррозия нарушает структуру, меняет форму и внешний вид металла. Реставраторы стремятся стабилизировать его состояние, приостановить процесс коррозии и, если это возможно, привести в первоначальную форму специальными методами.

Очень интересно и металлургическое исследование объекта: в зависимости от состава металла можно проследить, где находился источник сырья, какой способ литья применялся, и др.

Докладчик отметила успехи, достигнутые в фармацевтической промышленности, в которой работают русскоговорящие химики. Многие из них стали руководителями научно-исследовательских отделов и групп на таких крупных фирмах, как «Тэва», АГИС и др., занимаются синтезом новых препаратов или анализом с использованием самых современных методов и собственных разработок (доктора наук А.Вайнберг, Б.Куявская-Иозефович, А.Вайсман и мн. др.). Подчеркнем, что эти люди к моменту работы в фирме уже имели опыт работы в израильских университетах или Институте Вейцмана.

Широкая картина, освещающая роль ученых-репатриантов в становлении и развитии многих отраслей науки в Израиле, была представлена в докладе ведущего научного сотрудника Краткой еврейской энциклопедии ***д-ра М. Кипниса.***

На страницах Энциклопедии помещены свыше 60 персональных статей об ученых-репатриантах, сотни упоминаний в разных статьях. Выходцем из России был президент Академии наук Израиля Э.Урбах. К группе «олим», приехавших из России, относятся более семи ректоров Иерусалимского университета, четыре

ректора Техниона (Хайфского политехнического института); многие университетские кафедры возглавляются учеными-репатриантами. Основание израильской исторической школы – прежде всего заслуга этих людей: Ш.Эттингера, М.Штерна, И.Кауфмана, И.Клаузнера, Х.Тадмора и др. И.Клаузнер внес также значительный вклад в лингвистику, литературоведение; в 1925 г. возглавил кафедру литературы на иврите в тогда только что открытом Иерусалимском университете; он был лауреатом Государственной премии Израиля. Крупными специалистами-литературоведами был Ш.Галкин, И.Лаховер и др. Широкую известность получил израильский ученый, мыслитель и общественный деятель И.Лейбович, автор фундаментальных трудов по иудаизму, философии, органической химии и биохимии, науковедению и др. В области математики прославились Я.Левицкий, лауреат Государственной премии Израиля (теория колец, абстрактная алгебра), А.Дворецкий, Х.Пекерис, И.Гохберг (функциональный анализ), Д.Майзлер (теория вероятностей), Э.Рипс (теория групп), Д.Мильман (функция информации) и пр. В стране работают крупные представители физической науки: почетный член Академии наук Российской Федерации Г.Брановер (магнитогидродинамика, термодинамика, науковедение, иудаизм), профессора А.Воронель, М.Азбель. В числе видных ученых в области медицины А.Достровский, заложивший основы израильской дерматологии; Ш.Адлер (бактериология, паразитология), М.Рахмилевич (гематология). В последние годы серьезно вырос уровень клинической медицины в Израиле, куда пришло большое количество специалистов из бывшего Советского Союза.

Истории Института им. Вейцмана посвятила свое сообщение его сотрудница ***Любовь Викански*** (Реховот). В числе основных фактов, связанных с возникновением и становлением этого крупнейшего научно-исследовательского учреждения, было рассказано о том, как в 1952 г. в Институте был создан первый в Израиле компьютер, что потребовало известного напряжения государственного бюджета. Ныне в Институте пять факультетов: математики, физики, химии, биохимии, биологии. Ведущие направления исследовательской работы: онкология, иммунология, рассеянный склероз, генетика (включая ее новое направление – утробная дефектология), математика, солнечная энергия. Бюджет Института составляет 180 млн долларов в год. В целом детище Х.Вейцмана сохраняет и укрепляет свой статус как одного из крупных и перспективных центров мировой науки.

Кроме основных докладчиков выступили:

Проф. Евгений Плоткин, вице-президент Израильского объединения ученых-репатриантов, который рассказал о практике их «мобилизации» по наиболее значимым направлениям науки, об участии ученых в экспериментальных исследованиях, в том числе по линии министерства обороны, о возрастающем значении «теплиц» в научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах; о создании лекционного центра, охватывающего ведущих ученых и специалистов из состава алии; обрисовал рациональные виды связи Союза с НИ центром «Русское еврейство в зарубежье»;

Вице-президент Сионистского форума ***Яков Мозганов***, рассказавший о достижениях репатриантов в системе школьного образования и помощи этому проекту со стороны ученых, включая сотрудников Института Вейцмана;

Писатель, историк и журналист ***Михаил Хейфец***, отметивший большое значение конференции. Он сказал:

Наша конференция и доклад д-ра М.Пархомовского говорят о том, что приезд массы русских евреев – неисчерпаемое богатство, которое свалилось на Израиль. Истеблишмент страны не может оценить и освоить это богатство. А именно такая способность оценки иммигрантов и создание условий для реализации их потенциала дала США возможность стать ведущей державой мира.

Проф. Илья Кочубиевский представил аудитории краткий анализ особенностей интеграции ученых из СССР/СНГ в Израиле.

Конференция завершилась интересной экскурсией в Дом-музей Хаима Вейцмана, что позволило посетителям представить себе повседневный быт выдающегося ученого и государственного деятеля, увидеть и оценить уют, созданный заботливыми руками его супруги и друга – Веры Вейцман. Участники конференции познакомились также с первым в Израиле компьютером, с комплексом солнечных батарей и другими объектами Института. Проведенная на двух комфортабельных автобусах экскурсия (как и вся конференция) была прекрасно организована. Разделенные на группы, участники конференции смогли все осмотреть и получить разъяснения от сотрудницы Института ***Любови Викански.***

Следует всячески приветствовать проведение подобных конференций как важных и полезных акций информативного, образовательного и объединяющего характера. Хотелось бы на базе Института Вейцмана, НИ центра «Русское еврейство в зарубежье» и других научных и общественных организаций разработать программу подобных мероприятий не только для ученых–репатриантов из России, но и для старшеклассников и студентов Израиля.

Париж и русская эмиграция
Международный коллоквиум

PARIS ET L'EMIGRATION RUSSE : Culture en exil, culture de l'exil : Colloque international : 125e anniversaire de la Bibliothèque Tourguénev (Paris, 18-20.01.2001)

Еврейский народ – жертва изгнания, начиная с изгнания из Рая.
Jean-Claude Lanne (Доклад *«Изгнание как избрание»* на пленарном заседании 18.1.01)

Новое тысячелетие в Париже началось с международного коллоквиума «Париж и русская эмиграция: Культура в изгнании, культура изгнания», устроенного в честь 125-летия Тургеневской библиотеки. И хотя само мероприятие состоялось лишь на третьей неделе тысячелетия – с 18 по 20 января 2001 г., анонсы, программы и приглашения начали циркулировать по компьютерным сетям с 25 декабря.

Коллоквиум проходил под патронажем президента Франции Жака Ширака и собрал исследователей, как минимум, из полутора десятков стран. Только среди выступавших были представители Франции, России, Израиля, Украины, Чехии, Польши, Италии, Германии, Голландии, Хорватии, США, Китая, Японии. Многие исследователи приехали без докладов – как говорят во Франции, «в качестве дискутантов». Так, собственно от Израиля был заявлен лишь один доклад – Владимира Карасика «Париж и русско-еврейская периодика». Но в зале находилось еще около десятка израильтян, приехавших специально на эту встречу.

Сам коллоквиум был задуман давно. Однако никак не удавалось найти средства. Когда уже казалось, что все рухнуло, деньги «пришли» – всего за два месяца до начала. Надо отдать должное устроителям, и в первую очередь Сабине Брейар, президенту Ассоциации Тургеневской библиотеки, – в этих сложнейших условиях они смогли организовать столь представительный и многочисленный форум, который прошел без внешне видимых технических накладок, почти неизбежных при такой спешке.

Количество представленных докладов было столь велико (около 70), что, помимо пленарных заседаний, в первый день пришлось организовать три параллельные секции, а во второй – две («Политическая жизнь русской эмиграции», «Культурная и интеллектуальная жизнь в изгнании», «Православная церковь и эмиграция»,

«Литературная и художественная жизнь», «Существование в диаспоре», «Пресса эмиграции»).

Автор этих строк на пленарном заседании при открытии конференции имел честь зачитать приветствие от Центра «Русское еврейство в зарубежье» и, поздравляя Тургеневскую библиотеку с ее юбилеем, преподнести в дар недавно вышедший VII том РЕВЗ – «Русские евреи в Великобритании». Это был первый подобный подарок. А в целом в ходе коллоквиума библиотека получила их, по-видимому, немало. Один Сигурд Оттович Шмидт привез из Москвы целый чемодан книг.

Первые два дня заседания проходили в зале Клемансо Люксембургского дворца, а в последний день, в субботу, в Славянском институте. Во время конференции было устроено два больших коктейля – важный этап любого форума с точки зрения общения, установления контактов и связей. Один – в Люксембургском дворце – запомнился участникам шампанским и пирожными. Другой – в знаменитом Hôtel de Ville – речью мэра Парижа Жана Тибери (вскоре потерявшего этот пост). К пирожным успели не все.

По материалам коллоквиума готовится сборник. И хотя докладов, посвященных собственно еврейской эмиграции, было немного (кроме доклада В.Карасика, укажем еще на сообщение Бориса Черного, посвященное Семену Юшкевичу), но эта тема присутствовала постоянно. И мы уверены, что в готовящейся книге будет достаточно «еврейского» материала для обсуждения в следующем выпуске «Журнала в книге».

Д.Гузевич

Презентация книги «Русское еврейство в зарубежье. Т.2(7): Русские евреи в Великобритании»

Выход в свет новой книги – это всегда праздник, и презентация книги – одна из форм его празднования.

Презентация, о которой идет речь, состоялась в Иерусалимской городской русской библиотеке 11 декабря 2000 года.

Книга «Русские евреи в Великобритании» выпущена Научно-исследовательским центром «Русское еврейство в зарубежье». В подготовке к изданию этого тома, кроме постоянного редактора-составителя М.Пархомовского (он же – руководитель Центра, он же – и это главное – душа всего проекта), участвовал А.Рогачевский из Университета Глазго.

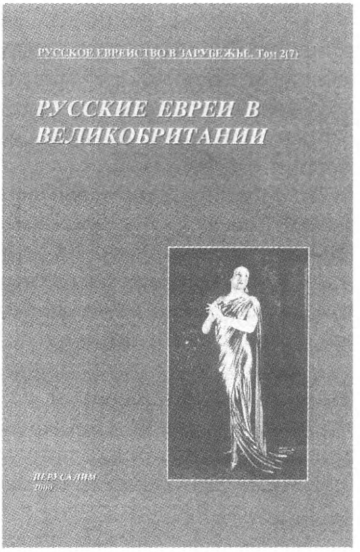
Вечер открыл д-р А.Соломоник, который подчеркнул важность проекта «Русское еврейство в зарубежье». «Каждая книга выпус-

каемой Центром серии, – сказал он, – не только чрезвычайно информативна, но содержит большой эмоциональный заряд. Седьмая книга оригинальна тем, что она впервые рассказывает о русско-еврейских эмигрантах по географическому принципу: о тех выходцах из России, которые поселились в Англии».

М.Пархомовский (МП) рассказал, что и этот том, как и предыдущие, родился после нелегких поисков – попытки привлечь к работе специалистов из Германии, Швейцарии, Италии, США оказались безуспешными. И только «открытие» Михаилом Ароновичем Андрея Рогачевского привело к плодотворному сотрудничеству в новом – географическом – направлении проекта.

Собравшиеся узнали о профессиональном пути д-ра Рогачевского, начиная с филфака Московского университета через Институт мировой литературы, Еврейский университет в Москве и заканчивая кафедрой славянских языков и литератур Университета Глазго, где А.Рогачевский защитил докторскую диссертацию. МП нарисовал «научный портрет» Рогачевского, в портфеле которого более 120 статей по истории русской литературы и русско-еврейским связям, монографии, редактирование журналов и сборников научных трудов. Интересно было услышать, что д-р Рогачевский объясняет свою работу в области иудаики как долг порядочного человека (ДПЧ, шутит он).

МП представил основные рубрики книги и ограничил себя упоминанием одной-двух центральных работ в каждой из них: о сэре Исайе Берлине и о сестрах Пастернак в рубрике «Первые среди равных»; о радиокомментаторе Би-би-си А.М.Гольдберге в рубрике «Журналистика» (на его передачах выросли русские диссиденты, и автор статьи сравнивает Анатолия Максимовича по его влиянию на Россию с Герценом и Солженицыным); о лондонском периоде деятельности Хаима Вейцмана и В.Е.Жаботинского (в рубрике «История»), о четырех поколениях клана Поляковых, писателе и общественном деятеле Эм.Литвинове («Мемуары и эссе») и др.

При этом МП щедро поделился со слушателями некоторыми материалами, которые не вошли в книгу (из-за вынужденного «режима

строжайшей экономии»). Так, любопытно было услышать о его личных контактах с князем Н.Лобановым-Ростовским – автором воспоминаний о И.Берлине; увидеть почтовую открытку с изображением сестер Пастернак и фотографию мемуариста Евгения Пастернака – сына поэта; полистать издававшийся Эм.Литвиновым журнал, ратовавший за выезд евреев из СССР; посмотреть неопубликованные фотографии одной из основательниц английского национального балета М.Рамбер. МП зачитал эмоциональные и трогательные цитаты из воспоминаний о А.М.Гольдберге, из мемуаров П.Дедман-Айзенштат – гида и переводчицы выдающихся русскоязычных гастролеров в Англии (Ойстрахе, Гердте, Башмете, др.).

Затем музыковед Белла Бергинер-Тавгер представила две статьи: о скрипаче и дирижере Адольфе Бродском (автор Э.Зальцберг) и о певице Оде Слободской (автор Б.Бергинер-Тавгер), имена которых были широко известны не только в Англии, но и в других странах Европы и Америки, но ничего не говорят русскому читателю. И если о Бродском хоть что-то знали те, кто видел титульный лист Скрипичного концерта Чайковского, посвященного Петром Ильичем этому талантливому музыканту, то о певице Оде Слободской (она же – Одали Карено), солировавшей на лучших оперных сценах мира, в том числе с Ф.Шаляпиным, страстно пропагандировавшей русскую музыку и обладавшей секретом владения голосом до 80 лет, мы фактически никогда не слышали. Это ее портрет украшает обложку книги.

Белла Бергинер-Тавгер привела интересные выдержки из статьи о Бродском, например, резкую критику музыки Скрипичного концерта Чайковского, в противоположность качеству ее исполнения Бродским, слова трогательной благодарности композитора «мужеству» скрипача и другие любопытные факты.

Выступление Б.Бергинер-Тавгер закончилось музыкальным сюрпризом: собравшиеся услышали две песни Мусоргского в записи О.Слободской и смогли получить непосредственное впечатление о богатстве и разнообразии оттенков ее голоса, ее артистическом таланте перевоплощения в пении.

Разумеется, презентация книги коснулась только части опубликованных в ней работ, но именно потому она вызвала у слушателей желание взять книгу в руки и окунуться в чтение.

Презентация завершилась. И тогда оказалось, что есть еще один незапланированный ее организаторами сюрприз: к столу ведущего подошел …Александр Слободской, внучатый племянник певицы, относительно недавно приехавший в Израиль из С.-Петербурга! Воистину непостижимы пути Г-дни и пути евреев–выходцев из России…

Н.Б.

Русские евреи в «Диаспоре»

Михаил Пархомовский*

– Таким (только без кавычек) был вариант названия нашей серии книг. Сейчас же я его использовал, чтобы рассказать о замечательной книге «Диаспора I: Новые материалы» (отв. ред. В.Аллой. Париж; СПб: Athenium – Феникс, 2001. 752 с., илл.).

Некоторое время назад стало известно о самоубийстве Владимира Аллоя – главного редактора и издателя многотомного исторического альманаха «Минувшее», журнала «Постскриптум», самиздатовских томов «Памяти», сборников стихов, произведений ушедших историков. Впечатляла фотография покойного в некрологах – красивое, умное, тонкое и энергичное лицо. Фотография эта будет воспроизведена в статье о нем в нашем 4(9) томе: в числе прочего, Владимир Ефимович много лет был в эмиграции и руководил парижскими издательствами ИМКА-Пресс и Ла Пресс Либр. А пока хочется почтить память этого значительного просветителя рассказом о его последней книге.

Одна из первых публикаций (К.Азадовского) – подарок одесситам (так и вижу, как они облизываются от удовольствия при ее чтении) и литературоведам (которые прочтут ее с неменьшим интересом) – основана на воспоминаниях поэта Александра Биска, более полувека прожившего в эмиграции и получившего известность главным образом благодаря своим переводам Рильке. Вот несколько героев его воспоминаний Серебряного века Одессы: Дорошевич и Пильский, Жаботинский и редактор «Одесских новостей» И.Хейфец, Бальмонт и Алданов, Бунин и А.Толстой, Вера и Нат (Натан) Имберы. Живые картинки, живые строчки. На одном из вечеров большим

---

* Общая рецензия на эту книгу мной уже делалась для «Нового журнала» (№223), а сейчас я счел нужным выделить – согласно теме нашего издания – материалы о евреях и содержащие «еврейский акцент».

успехом пользовалась юмористическая азбука молодого поэта Шполянского (Дон-Аминадо). Это были двустишия-эпиграммы, например: на Л.Гроссмана, большого трудолюба:

Гений редок в человеке;
Гроссман спит в библиотеке.

За Натальей Крандиевской ухаживал поэт фон Дитрихштейн:

За лампой тянется кронштейн;
За Крандиевской – Дитрихштейн.

На А.Биска:

Бегемот у речки бродит;
Биск все в мире переводит.

Б.Фрезинский, известный специалист по Эренбургу, представлен статьей о скрещении судеб Ильи Григорьевича и его двоюродного брата, художника Ильи Лазаревича Эренбурга, в Париже, между революциями 1905 и 1917 годов. Впервые «вводится в обращение» фигура И.Л.Эренбурга – художника, популяризатора искусств, преподавателя живописи, убежденного меньшевика. Статья, написанная по непубликовавшимся архивным материалам, рассказывает о быте российской социал-демократической колонии во Франции. Статью прочтут и почитатели И.Г.Эренбурга, и те, которые никак не могут ему простить, что он выжил при Сталине (себе этот грех они легко прощают), прочтут все, кому интересен Русский Париж.

Годы 1940 – 1942. 29 писем Михаила Осоргина из глухой французской деревни другу по «Последним новостям» Александру Полякову. Первого мы знаем по его роману «Сивцев вражек», и, еще больше, – по затеянной им дискуссии о «русском одиночестве» в парижском «Рассвете» (еженедельник, редактировавшийся Жаботинским); Осоргин тогда писал: «В культурной (и иной) деятельности российских эмигрантов первое место, лидерство и инициатива принадлежат евреям». Поляков нам знаком как профессиональный газетчик; в значительной степени на его плечах десятки лет держались вначале милюковские «Последние новости», а затем – американское «Новое русское слово». Но это, когда он уже был совсем лысый. А в молодости, в Италии, Саша Поляков, тогда с огненно-рыжей шевелюрой, вместе с Володей Жаботинским не пропускали ни одной траттории и волочились за красавицами итальянками (о чем публикатор, Ольга Демидова, прекрасный знаток эмигрантских архивов, в своей подробной вступительной заметке – наверное, справедливо – не упоминает).

Читатели, пережившие войну, со сладко-ностальгической горечью прочтут в письмах Михаила Андреевича рецепт «производимого» им табака (собранные и выпотрошенные окурки в смеси с сушеной травой и еще чем-то непотребным), о ведении Татьяной Алексеевной Осоргиной-Бакуниной (десятки лет потом заведовавшей Тургеневской библиотекой в Париже) своего голодного хозяйства и при этом – регулярная помощь посылками еще более нуждающимся друзьям и близким, некоторые из которых находились в лагерях. В письмах – угнетенность эмигрантской среды, единичные предательства, хлопоты о переезде за океан. Упоминается много известных и малоизвестных имен.

Сообщение Рашита Янгирова «Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом» заинтересует набоковедов и Европы, и Америки – слава Набокова и, естественно, интерес к нему исследователей не уменьшаются; в этой публикации немало сведений. Из писем видна и большая роль Веры Евсеевны Слоним-Набоковой в жизни и творчестве писателя, и роль Романа Гринберга в истории русской литературы: он впервые опубликовал в издававшемся им журнале «Воздушные пути» многие тексты Ахматовой, Мандельштама, Пастернака, Бабеля, Марголина (столетие со дня рождения которого недавно заслуженно широко отмечалось в нашей стране). Глубокий научный анализ деятельности Гринберга и того же Марголина (автор Л.Дымерская-Цыгельман) см. в 5-м томе ЕВКРЗ.

Завершают раздел «Эпистолярия» переписка молодого (речь идет о 1950-х гг.) критика, литературоведа и поэта В.Ф.Маркова с известным литератором, культурным и политическим деятелем М.В.Вишняком. Переписка отражает столкновение разных поколений эмиграции и, естественно, разных систем ценностей. Складывается впечатление, что авторы публикации (О.Коростелев и Ж.Шарон) больше симпатизируют первому. Нам же интереснее кажется Марк Вишняк, многие годы боровшийся за права евреев в России, потом – один из двух ведущих редакторов (их было пять) «Современных записок», автор нескольких книг (в их числе – книги о Хаиме Вейцмане, о Ленине, трех мемуарных) и ведущий международный специалист по проблеме нацменьшинств.

Две публикации – Дж. Мальмстада и М.Сорокиной – касаются проблемы евразийства, вновь находящего своих сторонников в современной России. Из мощного пласта комментариев (нужно сказать, что научный аппарат публикаций книги по объему и ценности нередко превышает сами публикации; но, с другой стороны, они утяжеляют книгу – в прямом и переносном смысле слова) мы многое

узнаем о плеяде зачинателей и пропагандистов этого славянофильствующего движения. Добавим, что к нему были причастны и наши братья-евреи, и не только крещеные, как литератор и композитор Артур Лурье, – см. книгу Бромберга «Евразийство и евреи».

Нужно назвать также публикуемые (И.Соловьевой) воспоминания актрисы Марии Германовой: революция, голодная Москва, МХТ, опера Зимина, обычный беженский маршрут, театральная деятельность за рубежом: 12 лет в Париже, гастроли чуть ли не во всех европейских городах, в том числе в Англии, Италии, скандинавских странах, а также в Нью-Йорке. Читатель встречается с Качаловым, Книппер, Гельцер, Яблочкиной, Тарасовой, Массалитиновым. С человеческой жизнью. Конечно, сегодня нам смешны сетования мемуаристки на то, что революция лишила ее двух из трех прислуг, но описание реалий времени делает рассказ актрисы достовернее и «историчнее». Она делится своими впечатлениями и выводами от многочисленных встреч: «У французов – латинская, ясная холодность, у англичан – застенчивость в "душевности". Американцы для нашей психологии кажутся поверхностными, забывчивыми. Немцы – "научны" очень. Хорошие друзья евреи, но в них уж слишком много Востока, сложности, и возможностей, и остроты, и они утомляют».

В книге восемь фотографий, часть из них – редкие: Биска, Гринберга, Набокова, Лазаревского. В конце книги – указатель имен и краткие аннотации на русском и английском.

Несколько работ мы не упомянули, но, надеемся, нам удалось дать представление об этой роскошной книге, которая многим доставит истинное удовольствие, а также является необходимым источником информации для интересующихся русским и русско-еврейским зарубежьем и изучающих его.

Евреи России – иммигранты Франции = *Les Juifs russes – immigrants en France* / Под ред. В.Московича, В.Хазана, S.Breuillard; Institut d'études slaves (Paris); Центр исследований славянских языков и литератур Еврейского университета в Иерусалиме. Париж; Москва: Мосты культуры, 2000; Иерусалим: Гешарим, 5761. 416 с. (*Cahiers de l'émigration russe*).

Начнем не с самого сборника (далее – *ЕРИФ*), в котором собраны материалы конференции *«Русско-еврейский Париж»* (Paris, 1998), а с цитаты из рецензии на него М.Хейфеца: *«Пархомовский <...> имеет преимущество уже хотя бы потому, что в его томиках все материалы напечатаны по-русски, а вот <...> нынешнее издание половину статей выдает на французском языке. А я, признаюсь, не так образован, чтоб на сем языке читать <...> Конечно, после французского текста всегда помещают краткое резюме по-русски, но все же, но все же ...»* (*«Нон-стоп»*, Иерусалим, 10-16.8.01, с.29).

Прочел и захотелось возразить: двух- или трехъязычные сборники – обычное явление в европейской научной практике. Это издания либо упрощенного типа (тезисы), в которых текст дается без редактуры, либо нормальные, типографские (к ним относится и *ЕРИФ*). А здесь уже иные требования. Если исключить издания для узкопрофессиональной многоязычной аудитории, резюмирование статей еще на одном языке в подобных сборниках обязательно. В *ЕРИФ* статьи на трех языках (9 – на русском, 8 – на французском и 1 – на английском), и уже в силу этого сборник претендует на статус международного, предназначенного как русскоязычной, так и франкофонной аудиториям (что подчеркивают и выходные данные, относящиеся к трем странам).

Вопросы начинаются, когда открываешь книгу: английская и французские статьи имеют русские резюме. Но русские статьи не проаннотированы, а заглавия существуют лишь на языке оригинала.

Для французов книга наполовину слепая. То есть, с локального (русскоязычного) уровня сборник вышел, а до международного так и не добрался. Возможно, все объясняется проще, и французские статьи с русскими резюме появились из-за нежелания заниматься переводами для, в сущности, русскоязычного издания.

Теперь о жанровой принадлежности. Здесь есть две возможности. Во-первых, тот научный жанр, который рассчитан не только на профессионалов, но и на образованного читателя, для которого чтение этих текстов не является профессиональной необходимостью (так и хочется его назвать *научно-популярным*, если бы не опороченность этого термина; скорее, *научно-литературный*, если признавать, что подобные тексты, обращенные к достаточно широкой аудитории, должны обладать не только научными, но и литературными достоинствами). Именно к этому жанру, то есть к его верхней, собственно научной части, относится *ЕВКРЗ–РЕВЗ*. А вот второй жанр – более строгий, обращенный в первую очередь к профессиональной среде, – *научно-академический*. Эта ниша несколько более свободна, и у издателей *ЕРИФ* были возможности в ней расположиться. Но для этого мало нескольких академических же текстов (Р.Янгирова, В.Хазана, Б.Черного). Требуется и соответствующий аппарат издания, из которого в *ЕРИФ* имеется лишь именной указатель (с.396-414) да параллельный титул на французском (с английской версией на обороте титульного листа). Кроме языкового инструментария (полное двуязычное аннотирование и оглавление), отсутствуют также сведения об авторах. Как мы уже говорили, академический сборник адресуется профессионалам. А им нужны не только тексты, но и связи. И потому минимальная информация об авторах (академический статус, e-mail, профессиональный адрес) – условие обязательное. Итак, приходится признать, что жанровая принадлежность сборника не соблюдена.

Опечаток немного. Укажем на одну, имеющую смысловое значение. На с.120 читаем, что Общество друзей русской книги образовалось 22 июня 1924 г., а на соседней (с.121), – что председатель его правления, П.Гронский, отказался от должности в 1923 г. Чему верить?

Перейдем к содержанию. *ЕРИФ* логично открывается статьей о Зееве Жаботинском (В.Москович, с.11-34). Это не частый пример биографического описания, где представлен живой человек с его далеко не хрестоматийными пристрастиями (к русскому крепкому словцу). Антифашизм Жаботинского и его приверженность либерально-демократическим ценностям неопровержимо следуют из приводимых документов. Напомним, что и ныне появляются работы,

выставляющие Жаботинского фашистом[1]. Впечатление от очерка снижает его первый пассаж: «*Возрастающий интерес к фигуре Жаботинского со стороны не только его прямых политических наследников (сионистов-ревизионистов), но и идеологических противников (сионистов-социалистов) вызван <...>*» (с.11). Выходит, если ты не сионист-ревизионист или сионист-социалист, то интерес к Жаботинскому и возникнуть не может? Автор этих строк свидетельствует: при всем его глубоком уважении к сионизму он себя среди его прямых адептов не числит, а вот к фигуре Жаботинского имеет явно «возрастающий интерес...». И вряд ли он один, ибо масштаб этой личности рамками сионизма не исчерпать. Перед нами явление русско-еврейской (или еврейско-русской) культуры, объединявшее верность своему народу и его традициям с европейским универсализмом, и все это на базе русскоязычной культуры. Но тогда вопрос: первый пассаж первой статьи *ЕРИФ* – это что, просто неудачная русская фраза? Случайное смешение времен? Или реальное отражение взглядов исследователя, для которого весь спектр еврейства укладывается в границы между сионистами-ревизионистами и сионистами-социалистами? Вопрос не праздный, ибо за ним стоит ответ все на ту же «головоломную проблему принадлежности», которой посвящена дискуссия в этом томе. Впрочем, основную ценность статьи представляет публикация писем Жаботинского.

Статья *«Аимек-Гуарузим – Fondation Rosenthal»* М.Сорокиной (с.35-68) содержит уникальный материал о взаимоотношениях В.И.Вернадского и парижского миллионера-мецената, владикавказского еврея Леонарда Розенталя. Если коротко, то Вернадский оказался первым лауреатом (в 1924/25) недолго просуществовавшего Fondation Rosenthal.

В то же время некоторые частные замечания и общие заключения нам кажутся странными. Вряд ли можно согласиться и с резюмированием этой статьи в предисловии *«От редколлегии»* (с.7–8). Изложенные факты не дают оснований для противопоставления (даже легкого, как в статье, с.51-52) версий истории становления Фонда в изложении Розенталя и Вернадского. Ибо можно без натяжек предложить цепочку событий, которые впишутся в обе версии. Последние просто дополняют друг друга. Повисает в воздухе и упоминание о соперничестве с Фондом Э.Ротшильда (с.51). Этот сюжет тем более требовал проработки, что последний пассаж статьи содержит слова: *«Розенталю не удалось стать ни Ротшильдом, ни Нобелем»* (с.64). Сам Розенталь утверждал, что *«Ротшильд только копировал его»* (с.51). Если это хотя бы отчасти

[1] *Манин Евг.* Этюд о Жаботинском: Правда об основателе еврейского фашизма // *Время и мы*. 1997. №137. С.156-170.

так, то инициирующая роль владикавказского еврея в частном финансировании мировой науки, несмотря на его личную неудачу, начинает представляться совсем в ином свете.

Общее заключение Сорокиной: история отношений Вернадского *«с Фондом Розенталя сегодня прочитывается удивительно современно и даже служит притчей-назиданием в устах некоторых российских историков науки, демонстрируя, "сколь важна государственная поддержка фундаментальных исследований и как ненадежны упования на развитие отечественных исследований за счет иностранного капитала"*[2]. *Традиция зависимости и безразличия российской науки к финансирующей власти продолжается»* (с.63). Ирония в том, что один из авторов цитируемого текста является в данном вопросе отнюдь не только теоретиком. На посту директора Петербургского филиала ИИЕТ РАН он активно избавляется от сотрудников, которые получают слишком много «иностранного финансирования». Не оспаривая права русского патриота вести исследования за деньги только своего правительства, заметим все же, что в устах подобного администратора фраза о «ненадежности упований» приобретает двусмысленный оттенок.

Впрочем, история с Вернадским выглядит, действительно, современно. Представим ее в ныне принятой терминологии. Российский исследователь, получив приглашение прочесть курс лекций в Сорбонне от французской стороны и командировку от российской, уезжает в Европу, готовый там остаться. Уже на месте получает крупные разовые выплаты, ищет дотации и гранты (стандартные действия научных мигрантов 90-х гг.). Занимая в России крупный пост и разрабатывая собственные гениальные идеи, он не готов работать по чужим темам на низовых научных должностях, – этот вопрос даже не ставится (стандартная ошибка, ведущая к провалу при начальной удаче, основанной на любопытстве). Наконец, он находит фонд во Франции. В конкурентной борьбе с французами (что нормально) иммигрант выигрывает половину его годового бюджета (редкостная удача). Но срок командировки истекает, и администрация требует возвращения сотрудника. Тот на гребне успеха игнорирует призыв и теряет работу. Через год – естественное требование отчета, служащего и заявкой на продление гранта. И тут стипендиат совершает грубейшую стратегическую ошибку: вместо того чтобы доходчиво представить конкретные результаты года (по принципу «один текст – одна мысль», «десять мыслей – десять текстов», «десять мыслей в одном тексте – текста нет»), он подводит

---

[2] Цит. по: *Колчинский Э.И., Козулина А.В.* Бремя выбора: почему В.И.Вернадский вернулся в Советскую Россию? // *Вопросы истории естествознания и техники.* 1998. №3. С.23.

итоги всех своих исследований по теме. В это же время появляются его статьи и монография, которые научным миром воспринимаются холодно, кажутся сумбурными. Это равносильно отрицательной экспертной оценке заявки на продление гранта. Держатель фонда, предпочитая финансировать актуальные исследования с ясными целями и перспективами, отдает деньги на противораковый проект. Потеряв финансовую опору, наш соискатель просится обратно – его принимают.

Подведем итоги :

– исследователь, воспитанный в системе науки, финансируемой государством, оказался неприспособленным к действиям на интеллектуальном рынке, где свои мозги надо суметь продать, и вернулся из «свободного плавания» в материально обеспеченную несвободу;

– правила этой игры за столетие практически не изменились;

– у истоков частного финансирования науки стоит благотворительность чаще всего евреев-капиталистов, таких как Л.Розенталь и Э.Ротшильд;

– резюме статьи, выполненное редколлегией и гласящее, что она «*посвящена рассказу о несостоявшемся сотрудничестве еврейского коммерсанта Л.Розенталя и академика В.И.Вернадского*» (с.7-8), не соответствует ее содержанию. Сотрудничество состоялось, целый год продолжалось и было чрезвычайно плодотворно. Благодаря помощи Розенталя Вернадский, не считая статей, подготовил работу, которую определил как *«самое значительное, что <...> дал в жизни»* (с.62).

Остается обратить внимание на прекрасное вступление к статье с текстами Цветаевой. Даже то, что оно обрывается в «никуда», – лишь литературный прием. Хотя так и хочется продолжить, подтвердить, что Леонард – это, действительно, одно из имен дьявола и во Франции, вспомнить стихи Гумилева. Но это уже будет другое произведение.

Следующая статья, M.Dennes (с.69-98), посвящена французскому философу, еврею из Ковно Э. Левинасу. Любопытно, что базой для его философских рефлексий служили романы Достоевского, в жизни бывшего скорее антисемитом, – лишнее доказательство единства культурного поля и того, что гений художника мирового масштаба может принадлежать вполне заурядной личности.

Затем идет работа Льва Мнухина «*Русско-еврейский Париж в первые послевоенные годы*» (с.99-107), которую я бы выделил из всего сборника. Причем не только благодаря информативному богатству текста, но и благодаря описываемому периоду. Перед нами, действительно, русско-еврейский Париж. Ведь основной массив текстов о российской эмиграции посвящен эпохе между войнами;

есть работы о дореволюционной эмиграции, а вот о «послевоенной» – почти нет. И статья Мнухина хотя бы отчасти восполняет лакуну.

Сама публикация текста C.Weill о русских евреях-социалистах в Париже (с.107-117) в *ЕРИФ* играет роль мостика между западной и восточной историографиями. Выхолощенная история социалистической политэмиграции, начиная с темы «Ленин в ...», с детства набила оскомину. Не случайно с падением «занавеса» произошел откат в сторону изучения эмиграции культурной, технической, научной, военной. А политической социалистической, тем более еврейской, уделяется внимания явно недостаточно.

Статья В.Телицына *«О двух русско-еврейских эмигрантах»* (с.117-135) относится к не очень жалуемому жанру «Материалы к биографии». Это одна из работ, в основе которых лежит виртуозный сбор «мозаики» – мельчайших штрихов, разбросанных по множеству книг, статей, заметок. В наброске об П.Н.Апостоле не хватает лишь одного штриха: названий и шифров хранения книг со штампом «P.Apostol» в РГБ (с.125). Порадовали заметки о Л.Д.Теплицком, хотя это и субъективное восприятие. Еще студентом я слушал лекции А.В.Теплицкого – инженера почти легендарного, единственного преподавателя, на чьи занятия ходила вся группа. И потому обратил внимание на статью «По следам Мессии» (*Вести*, 1996), посвященную его однофамильцу и, быть может, родственнику. Тогда о нем было известно очень мало. А в *ЕРИФ* – уже восемь страниц биографического текста. Кто знает, может, и неопубликованная рукопись романа «Мессия» найдется?

Две статьи[3] посвящены культуре идиш и ее носителям; непростым взаимоотношениям их с другими группами российской диаспоры, да и с французской культурой в целом. Российское еврейство в основном принадлежало к группе ашкенази, а значит, в эту эпоху и к культуре идиш. Авторам было важно рассмотреть ситуацию с «идишефонной» точки зрения. Не случайно, они оба – французские историки. Проблему «сефарды–ашкенази» («французский–идиш» – один из ее аспектов) они чувствуют значительно острее, чем мы сейчас проблему «русский–идиш» для русских евреев–эмигрантов той эпохи.

Русско-еврейским студентам посвящена статья C.Zytnicki «*От Одессы до Тулузы*» (с.172-184). Ей можно только порадоваться, ибо тема учебной эмиграции (одна из наиболее документированных) разработана слабо. Богатейшие архивы при необходимости их

---

[3] *Benain A.* «Les rapports à la Russie des immigrés yiddishophones parisiens» (с.135-144); *Bunim Sh.* «Russes et Juifs russes dans les colonnes du Parizer Haynt des années 20 et du début des années 30» (с.152-171).

статистической обработки скорее пугают исследователей, чем привлекают.

Статья С.Лапицкой о Бере Гальперине – публицисте, коммунисте-эмигранте и узнике ГУЛАГа (с.144-151), – безусловно, выиграла бы, если изъять набор ритуальных проклятий советской цензуре, из-за которой *«истинные хранители национальных богатств истории и культуры оставались в большинстве своем неизвестными науке и широкой общественности»* (с.144). Приемлемый в гневной публицистике начала 90-х, этот пассаж вряд ли уместен в научной работе 2000 года. Впрочем, здесь вина скорее редакторов, чья функция – из двух десятков самостоятельных текстов сделать единую книгу в определенном жанре.

Второй раздел *ЕРИФ*, построенный *«на культурно-художественном материале»* (с.8), более типичен для последнего десятилетия. Он открывается статьей Р.Янгирова о первом фильме из жизни Русского Парижа (с.187-237). Это пример работы «исчерпывающего» типа: короткий и емкий авторский текст сопровождается детальными комментариями, вписывающими его в сеть мемуарной и научной литературы. В приложении приведены и прокомментированы газетные тексты той эпохи (замечу, что это приятное чтение – язык, юмор, мастерство журналистов). Работа Янгирова, из-за своего академизма, возможно, неуместная в более популярном издании, в данном случае является украшением сборника.

Статья R.Rischin о дружбе Семена Юшкевича и Ивана Бунина (с.259-277) служит еще одним доказательством глубинного единства литературного «русского поля» – и в собственно русской, и в его еврейско-русской частях.

Ценность работ H.Menegallo о художниках и скульпторах (с.238-258) и Р.Герра о Борисе Заковиче (с.296-304) в значительной степени определяется тем, что авторы пишут о малоизвестных и забытых деятелях русско-еврейской культуры в эмиграции.

Обращает внимание личность писательницы И.Немировской (статья M.Gourg, с.288-296). Эта русская еврейка из Киева, пользовавшаяся популярностью среди читателей и погибшая в Освенциме, писала на французском языке – случай не частый. Перед нами не просто еще один эмигрантский сюжет, а одна из связующих нитей между культурами.

И, наконец, самая значительная статья раздела, «*Мать Мария Скобцова и еврейский вопрос*» (H.Arjakovsky, с.278-288), посвящена женщине, вошедшей в историю российской культуры дважды. Первый раз – как поэтесса и подруга поэтов Серебряного века, второй – как Святая. *Праведницей (Juste)* эту православную монахиню Мать Марию, погибшую в газовой камере Равенсбрюка, признал в 1986 г. и Yad Vashem – Музей Катастрофы в Израиле.

Мы подошли к третьему, публикаторско-библиографическому разделу *ЕРИФ*.

Открывается он обширной академического типа публикацией «масонских» материалов (В.Хазан, с.307-377) – с пространными вступлениями и комментариями. Тема «евреи и масонство» – почти табу в серьезной исследовательской среде. Ибо любую информацию о членстве евреев в ложах можно использовать в подкрепление мифа «жидо-масонского заговора». Тем важнее действительно глубокие исследования и добротные публикации документов. К последним как раз и относится работа Хазана (тематически к ней приближается текст Московича, который говорит о масонстве Жаботинского). Впрочем, лишь материалы, связанные с именем С.А.Луцкого, являются собственно масонскими. Здесь публикатору повезло: помимо документов из Национальной библиотеки в Париже, в его руках оказалась рукопись Луцкого из семейного архива. Причем с комментариями кого-то из масонских «братьев». Перед нами увлекательнейший текст-диалог – свидетель духовных исканий российской эмиграции.

Однако, дополняя публикацию, необходимо несколько слов сказать о семейном архиве Луцких, – то есть о том, что осталось за кадром публикации, в «авторской кухне». В целом честь «открытия» архива принадлежит научно-исследовательскому центру «Русское еврейство в зарубежье». Первые две публикации в IV томе *ЕВКРЗ* были осуществлены самой дочерью поэта – Адой Бэнишу-Луцкой[4]. Дальше, при ее непосредственном содействии, начался разбор собственно масонских бумаг. Стало понятным поразительное богатство этого наследия. И Центр, с согласия А.Бэнушу-Луцкой, стал привлекать исследователей для его разработки. Так в 1996 г. родилась первая «масонская» публикация на основании этих фондов. Ее осуществил в V томе *ЕВКРЗ* Олег Ласунский[5]. И, наконец, публикация В.Хазана, которую мы имеем удовольствие обсуждать.

А вот документы второй части его работы (с.332-377) «масонскими» назвать никак нельзя, хотя они и связаны с именем масона Я.Б.Рабиновича. Материалы эти носят скорее историко-библиографический и историко-библиотечный характер и отражают деятельность Рабиновича в качестве «книжного» агента Славянского отдела Национальной и университетской библиотек в Иерусалиме.

Натяжку в объединении под одной масонской крышей столь разнородных материалов чувствует и сам публикатор, подчерки-

---

[4] *Бэнишу-Луцкая Ада.* СЛУЖЕНИЕ и ОДИНОЧЕСТВО: Поэт Семен Луцкий // *ЕВКРЗ*. Т.4. Иерусалим, 1995. С.262-272; *Она же.* О скульпторе Сильвии Луцкой // Там же. С.273-277.

[5] *Ласунский О.* Из творческого наследия Семена Абрамовича Луцкого // *ЕВКРЗ*. Т.5. Иерусалим, 1996. С.77-105.

вающий, что посчитал *«связь по объединяющей их масонской теме»* для этого достаточной (с.307). Наверное, все проще, и в основе лежит техническая проблема: в *ЕРИФ* выдержан принцип *один автор – одна статья*. Но, в конечном счете, если каждый из текстов удался, то не все ли равно, идут ли они под общим заглавием, либо под двумя? Но вот следующее утверждение из общего программного вступления к ним обоим вызывает, по меньшей мере, недоумение: *«В обоих публикуемых материалах главными действующими лицами являются евреи, хотя ни в том, ни в другом нет ничего специфически еврейского»* (с.307). Сопоставим с фразой того же автора на с.335: *«Я.Б.Рабинович относился к тому замечательному племени сионистов-донкихотов, чей вклад извне в развитие Израиля поистине не имеет цены»*. И далее – вся публикация посвящена этому вкладу. Остается только развести руками[6].

Завершается книга библиографией работ, посвященных С.Юшкевичу (Б.Черный, с.377-395). Несмотря на специфический характер жанра, она не нарушает единства, являясь последним штрихом в академическом портрете конференции *«Русско-еврейский Париж»*.

Подведем итоги. С научной точки зрения рецензируемый сборник явно удался. Без ссылок на него теперь не обойдется ни одна фундаментальная работа по истории не только еврейской, но и всей российской эмиграции во Франции.

А вот с редакторско-издательской точки зрения как удачу мы бы его не оценили. Похоже, что составители и редакторы не справились с представленным материалом, в том числе и со своим собственным. Как авторы и публикаторы они оказались значительно выше. Ибо существенная часть текстов носит научно-академический характер, а сам сборник – будто остановился на полпути между академическим и научно-популярным, между локальным и международным, между русско- и многоязычным изданием.

И, тем не менее, перед нами одна из интереснейших книг по истории Русского Зарубежья и еврейской диаспоры.

Дмитрий Гузевич

---

[6] Впрочем, в защиту В.Хазана как публикатора подчеркнем, что *компоновка*, включающая и общее предисловие, – это функция иного типа, скорее редакторская.

А в XXI веке какая правда будет сермяжной?
(Документированная реплика)

М.Пархомовский

– *Ну, предатели!* – воскликнул я, случайно узнав от Михаила Гринберга об издании им книги В.Хазана о русских евреях во Франции: ведь у нас с В.Хазаном и В.Московичем* был подписан договор о совместной подготовке этой книги (как и собрания сочинений поэта Семена Луцкого).

Если говорить честно, то слово я воскликнул более крепкое, но …как-то неловко печатать его в нашей книге.

И как было, мягко говоря, не удивиться: в связи с этим соглашением (ниже см. его 1-ю и 3-ю стр.) Центр сделал перерыв в своей обычной работе и занялся книгой (о З.Пешкове), прямо не относящейся к нашей серии. На основании заключенного соглашения, подтвержденного г. Хазаном устно, мы сообщали читателям издававшегося нами в ту пору ежеквартальника «Иерусалимский русско-еврейский вестник» (№2/март/ и №3 /июнь/ за 1998 г.) о подготовке книг совместно с Еврейским университетом в Иерусалиме.

Обдумывая происшедшее, уже поостыв, я догадался, что у

4 марта 1998 г.

СОГЛАШЕНИЕ

о научном сотрудничестве и обмене информацией
между Исследовательским центром славянских языков и литератур
Еврейского университета в Иерусалиме и ~~Иерусалимским~~ Научно-
исследовательским центром "Русское еврейство в зарубежье"

Исследовательский центр славянских языков и литератур Еврейского университета в Иерусалиме (в дальнейшем ИЦСЯЛ) в лице его директора – проф. **Вольфа Московича**, и ~~Иерусалимский~~ Научно-исследовательский центр "Русское еврейство в зарубежье" (в дальнейшем НИЦ РЕЗ) в лице его руководителя – д-ра **Михаила Пархомовского**, выработали и подписали данное соглашение, исходя из следующих позиций:

---

* Детальнее: текст договора согласовывали со мной оба, писал его В.Хазан, а подписывал В.Москович.

1. На протяжении ряда лет ИЦСЯЛ и НИЦ РЕЗ разрабатывают исследовательские проекты, имеющие ряд соприкасающихся и даже совпадающих аспектов. Деятельность обоих научных центров сосредоточена на проблемах изучении судеб русского еврейства, русско-еврейской (шире: еврейско-славянской) культуры и цивилизации, что нашло выражение в издании ИЦСЯЛ и НИЦ РЕЗ пятитомных научных серий – соответственно "Jews and Slavs" и "Евреи в культуре Русского Зарубежья". И тот и другой научные проекты получили высокую оценку авторитетных специалистов во всем мире. Обеим сторонам представляется целесообразным не дублировать научную и издательскую деятельность друг друга, а соединить усилия в работе над совместстными проектами.

2. Исходя из сформулированной в п.1 принципиальной позиции об объединении усилий над совместными проектами, стороны договариваются о том, что они приступают к формированию двух томов в серии "Русское еврейство в зарубежье":

– первый из них – "Русско-еврейский Париж XX века" (возможно, "Русско-еврейская Франция XX века");

– второй – "Собрание сочинений и архивных материалов С.А.Лукого".

Ориентировочный срок сдачи в печать первой из названных книг – апрель-май 1999 года, второй – сентябрь-октябрь 1999 г.

3

Настоящие условия относятся к изданию обеих указанных в договоре книг.

Проф. Вольф Москович,
директор ИЦСЯЛ

Д-р Михаил Пархомовский,
руководитель НИЦ РЕЗ

Соглашение (1-я и 3-я стр.) между Исследовательским центром славянских языков Еврейского университета в Иерусалиме и НИ центром «Русское еврейство в зарубежье», подписанное В.Московичем и М.Пархомовским

соучастников этого соглашения были свои *оправдательные* мотивы. Зимой 1997/98 г. г-н Москович наведывался ко мне в иерусалимский Общинный дом (там у нашего Центра были присутственные часы) почти еженедельно, щедро раздавая комплименты руководимому мной изданию, мне и некоторым членам моей семьи. Он уходил не в накладе: я (как та крыловская ворона с сыром в клюве) дарил своему новому преданному другу наши книги, отдавал списки адресов покупателей в Израиле, Европе и Америке, характеризовал и давал адреса наших авторов и научных центров, с которыми контактировал. Кое-какие нехорошие мысли все же появились в моей голове, когда я услышал гробовое молчание (достойное Зои

Космодемьянской на допросах в гестапо) проф. Московича в ответ на мои просьбы дать нам каких-либо героев и/или авторов для готовящейся книги об Англии, где он (проф. Москович) работает ежегодно по нескольку недель и пользуется частной библиотекой, в которой полно книг эмигрантов с автографами Бунина и т.п. (об этом им было рассказано до моих вопросов об Англии). Сопровождавший иногда г-на Московича г-н Хазан тоже упорно и мрачно молчал: по-видимому, понимал, что N.N., от которого зависит получение субсидий на издания, никогда не согласится на участие в нем М.Пархомовского, не входящего в круг *своих*. Следовательно, понимал, что «туфта» проявится «туфтой», и эта перспектива г-на Хазана не радовала. С другой стороны, г-ну Хазану страстно захотелось первому использовать разработанный Центром проект книг с географическим направлением. Увы, и здесь ему не повезло: книга «Русские евреи в Великобритании» вышла раньше «Русских евреев – иммигрантов Франции»...

Возвращаюсь к вопросу, который вынес в заглавие. Может быть, элементарная порядочность – это атавизм? Мы жили в трудную эпоху и в непростой стране. И мало кто из нас безгрешен, если таковые вообще найдутся. Но эталон чести существовал всегда. И мы все знали, что такое хорошо и что такое плохо. А сейчас что, границы между этими понятиями стираются?

Пока же останусь старомоден и повторю слова, сказанные мной Владимиру Хазану в одном из писем к нему: «Ведь Вам нужно беречь свое имя. А к работе над книгой о Семене Абрамовиче Луцком, с его чистым идеализмом, интереснейшим окружением, родственными связями с выдающимися людьми века, лучше приступать с ничем не омраченной душой».

Комментарий соредактора

Д.Гузевич

О конференции «Русско-еврейский Париж» я узнал летом 1998 г. Связался с ее научным организатором д-ром Хазаном, который заинтересовался нашими работами по истории учебной и научной эмиграции и предложил участвовать в конференции. Мы дали согласие и обсудили сюжеты. Наши доклады (с обещанием последующей публикации) были приняты в июле 1998 г. Дальше стали ждать конкретной информации, как это принято в научном мире...

О том, что конференция начинается 11 декабря, я узнал совершенно случайно буквально накануне. На самом мероприятии имел удовольствие лично познакомиться с В.Хазаном, который выглядел смущенным и никак не мог понять, как вышло, что о нас забыли.

Тогда я все отнес к недостаточному профессионализму и отсутствию международного опыта у организаторов. А сейчас, прочтя «реплику» М.Пархомовского, в этом уже не так уверен. Я не скрывал от В.Хазана нашего участия в *РЕВЗ*. А тот подчеркивал, что, хотя они с Пархомовским сотрудничают, но издание материалов конференции к последнему отношения не имеет. Т.е., через четыре месяца после подписания договора одна из сторон уже знала, что нарушит его. И в этой ситуации нас могли «забыть», просто опасаясь утечки информации.

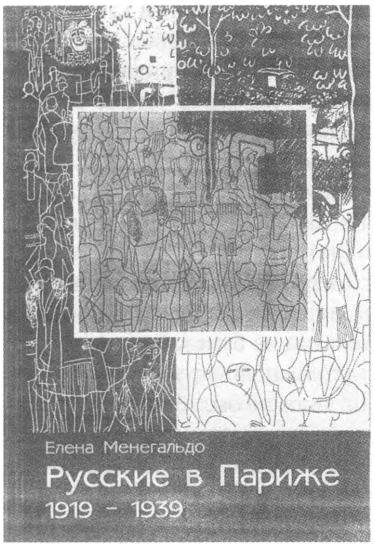
В ноябре 2000 г. я попросил Клоди Вейл, специалиста по еврейской политической эмиграции, дать статью для настоящего тома РЕВЗ. Она предложила текст своего доклада, подготовленного для той самой конференции, ибо, не имея два года никакой информации о его судьбе, была уверена, что он напечатан не будет. Более того, по договоренности с м-м К.Гусефф, готовившей «русский» номер «*Revue d'Archives juives*», текст К.Вейл должен был быть опубликован в обоих наших изданиях одновременно на разных языках.

Через два месяца, на коллоквиуме «Париж и русская эмиграция» (18-20.1.2001) вдруг прошел слух, что вышел сборник *«Евреи России – иммигранты Франции»* с материалами конференции 1998 г. и что кто-то из израильских участников привез книги для передачи в магазин. И это до получения авторами их авторских экземпляров! Более того, книга вышла без согласования с ними окончательных редакций их текстов! Ситуация сложилась чрезвычайно неприятная. Острота сгладилась лишь в начале февраля, когда авторские экземпляры дошли по назначению.

К.Вейл, ознакомившись с книгой, была вне себя, ибо из-за полного отсутствия информации предоставила в два других издания только что вышедшую статью. Ей пришлось срочно готовить новый материал, а издателям корректировать свои планы (мы рубрику о политической эмиграции переместили в следующий том). Хороши были бы и редакторы, и авторы, если бы указанный сборник еще задержался при полной тайне подготовки, и одновременно появились бы три книги с одинаковыми публикациями!

Я смотрю на ситуацию со стороны и менее эмоционально, чем автор «реплики». Однако тоже хорошо вижу, как мелкие, но многочисленные некорректности в поведении ведут к потере имиджа. При этом потеря имиджа может распространяться на тех, кто в подобной

«некорректности» и неповинен: на организаторов конференции со стороны Франции, на докладчиков и авторов рецензируемой книги, на Еврейский университет в Иерусалиме…

Книга *Елены Менегальдо* «Русские в Париже: 1919 – 1939». М.: Наталья Попова; «Кстати», 2001. Перевод с фр.: *Наталья Попова, Игорь Попов*. 248 с. [Menegaldo, Hélèn. *Les Russes à Paris : 1919 – 1939.* Paris : Editions Autrement, 1998. 187 p. (Collection «Monde / Français d'ailleurs, peuple d'ici». N110)].

«Елене Менегальдо превосходно удалось оживить и воссоздать безвозвратно ушедший в прошлое мир русской эмиграции, обитавшей в Париже и его окрестностях с период между мировыми войнами» – такими словами начинается предисловие к книге (его автор Жером Шарин). Превосходно удалось – благодаря прекрасному языку (сохраненному переводчиками; за это им спасибо), а также благодаря глубокому и широкому охвату темы. Но это не все: Елена Менегальдо росла в семье русских эмигрантов и наслышана об этих десятилетиях; она может цитировать воспоминания своей матери Дианы Пашутинской, излагать биографию своего отца–киевлянина, угнанного в Германию в возрасте 14,5 лет и попавшего в Париж после долгого и более чем непростого пути, рассказывать о Генри Миллере как о добром знакомом своих родителей и дяди.

Подумать только: на этих двухстах с небольшим страницах (30 страниц заняты иллюстрациями из коллекции Рене Герра, помогающими передать атмосферу Парижа эмигрантов) – и история взаимоотношений между Францией и Россией («История взаимной любви»); и рассказы о волнах эмиграции с превращением Парижа в столицу Русского Зарубежья; и картины повседневной борьбы за выживание, и яркие праздники (балы, Дни русской культуры); и стремление сохранить русский язык и, временами, небезуспешное

соревнование с французами за первое место во французской (следовательно, в мировой) моде.

Человек, пишущий о русских эмигрантах, не может не упоминать евреев – немалую часть этих эмигрантов. Хотя нередко, теперь уже в богатой литературе о Русском Зарубежье, поражаешься отсутствию слов «еврей» и «еврейский» – старая русская интеллигенция считала неприличным делить русскоязычных собратьев по национальности; советская власть многие десятилетия по возможности искореняла эти слова; евреи тоже не фиксировали внимание на них – одни по той же интеллигентности, другие хотели ассимилироваться настолько, чтобы забыть о своем еврействе, третьи считали нескромным говорить о своем вкладе, о вкладе евреев в русскую культуру.

Автор не боится ни еврейского существительного, ни прилагательного, и это делает книгу более разносторонней и достоверной. Евреи становятся героями книги с первых глав, когда описываются волны русской эмиграции, в частности эмиграции, вызванной погромами и процентной нормой.

Говоря о сближении между людьми русскими и ассимилированными евреями, Елена Менегальдо присоединяется к мнению Никиты Струве о том, что первые органы управления, учреждаемые эмиграцией, по своему этническому составу не отличались от тех же Советов и ленинского правительства.

Глава о моде на русскую тему во французском кино. В первую очередь, конечно же, называются возглавлявшаяся Александром Каминкой киностудия «Альбатрос», имена режиссера Жака Федера и художника Лазаря Меерсона, вошедшие в историю мирового кино. Но интерес французов ко всему русскому распространяется на все виды искусств – балет, театр, эстрада. В главе «Шагал и другие» рассказывается о целой волне художников, выходцев из еврейских поселений (правильнее – местечек) Восточной Европы, нищей, но счастливой жизни в Париже Кременя, Кикоина, Сутина, Шагала, Мане-Каца.

Некоторых своих героев-евреев автор называет русскими – Хану Орлову, Жозефа Кесселя, Соню Делоне. Ученый Елена Менегальдо настолько «в материале», что мысль об ошибке не приходит в голову; так, в числе прочего, она пишет о работах Орловой для Израиля. Конечно же, это ее теплая русская рука, лежащая на наших еврейских плечах. Но мы не можем отказаться от нерусской части нашей бинарности. Слишком редко и мало с нами играли в песочек на равных, чтобы мы не были в постоянной готовности собрать свои игрушки и уйти с ревом «Я с тобой не играю!» Да и при всей

интернациональности монпарнасского братства игнорировать происхождение, по-видимому, вообще не стоит: оно всегда оказывало большое влияние на творчество художника.

И еще несколько слов на эту тему. Говоря о русских добровольцах во Франции во время Первой мировой войны, взбунтовавшихся в связи с издевательствами французских офицеров, автор пишет: «Военный трибунал приговаривает к смертной казни восемь русских бунтовщиков и одного армянина». На самом деле «оказывается, что евреи не только возглавляли бунт, которым добровольцы добились удовлетворения своих требований, – они составляли большинство волонтеров: из общего списка в 1101 человек евреев было 606, тогда как русских по национальности – только 66», т.е. на каждого русского приходилось девять евреев (ЕВКРЗ. Т.2. С.584).

Большим достоинством книги представляются живые и объемные главы о русских рабочих и шоферах такси: *«Бианкурск» – франко-русский город* и *Такси: миф и реальность*, рассказы о русских в ресторанах, магазинах, глава *Дома моды, или Русские – мастера на все руки.*

Автор отдает должное поддержке и объединяющей роли православной церкви во главе с митрополитом Евлогием, участию церкви в воспитании детей, сплоченности и взаимопомощи среди бывших бойцов Добровольческой армии, организации сети высших и средних учебных заведений. Все это выдвигает русских на авансцену французской общественной и культурной жизни.

Автор показывает весь спектр общественной и культурной жизни, но, говоря о науке, к сожалению, ограничивается областью гуманитарных знаний.

В книге названы источники, мало известные русскоязычным исследователям Русского Зарубежья: «Осадок земли» Артура Кестлера, «Франция, которую я жаждал обрести» (Иосиф Рац, 1945), «Русские рабочие-эмигранты на заводах Рено в Булони-Бианкуре в 1926 году» (О.Ле-Гийу, 1988), работы Екатерины Гусевой.

Уверен, что содержательной и светлой книге Елены Менегальдо суждена долгая жизнь.

Максим Белый

Аннотации статей и других материалов, опубликованных в наших предыдущих книгах и посвященных русским евреям во Франции*

Евреи в культуре Русского Зарубежья. Т.1

1. * **Пришла пора вспомнить о них, написать, поспорить...** ***М.Пархомовский.*** Как в России, так и в эмиграции, евреи вложили в рус. культуру свой интеллект и свою душу, они не могли не оказать определенного влияния на эту культуру. *1 ил. 11 примеч.* С.5–12.

2. **О «Русском одиночестве» М.Осоргина (по материалам сионистской газеты «Рассвет»).** ***Публ. А.Разгона.*** Осоргин: «В культурной (и иной) деятельности российских эмигрантов первое место, лидерство и инициатива принадлежат евреям, а русские трудятся на своей ниве в одиночестве». Дискуссия: ответы И.Коварского и ред. газеты В.Жаботинского. *2 ил. 7 примеч.* С.13–24.

3. **«Две любви, две страсти, два борения»: Статья Ст.Ивановича (С.О.Поругейса) «Семен Юшкевич и евреи».** ***Публ. Э.Капитайкина.*** На похоронах Юшкевича Шолом Аш назвал покойного евр. писателем, хотя он писал по-русски, а Милюков – русским, хотя он писал о евреях. О проблеме рус. еврейства, феномене Антокольского, Левитана, Гершензона, Венгерова. *2 илл.* С.25–31.

4. **Здравствуйте, Довид Кнут!** ***Я.Цигельман.*** Эссе посвящено знакомству с поэтом, практически неизвестным в России. Рассказано о его 4 тонких поэт. сб. и завершающем большом томе 1949 года, участии Кнута в Сопротивлении, поездках в Палестину и их влиянии на его творчество. *4 ил. 5 примеч.* С.55–73.

5. * **О Саше Черном и Владимире Жаботинском: Некрологи-воспоминания Михаила Осоргина.** ***Публ. О.Ласунского.*** О личных качествах Черного. Поэт хорошо понимал детей и много писал для них. Жить ему было тяжело, но он был полон доброжелательности. О встречах с Жаботинским в Италии, Лондоне, Париже, о его лит. таланте, юморе, мудрости, ораторском искусстве, полит. призвании. *2 ил.* С.74–81.

6. * **Две эмиграции Ильи Эренбурга.** ***М.Амусин.*** Впервые эмигрировал в 18 лет. В Париже писал стихи и стал проф. журналистом. В 1917-21 гг. жил в России, в дальнейшем разрывался между тягой к советскому эксперименту и западной свободе. Анализ творчества Эренбурга на фоне истории: переворота в России, испанской рев., ВОВ. Дозированная смелость «Оттепели» и мемуаров. *3 ил.* С.97–115.

7. * **Алданов-эссеист.** ***Н.Ульянов.*** Алданов создал блестящую галерею портретов: Клемансо, Ленина, Бриана, Пилсудского, др. и как мастер очерка

---

*Аннотации статей, посвященных другим странам, но содержащих информацию и о Франции отмечены звездочкой.

не имеет равных в рус. лит. Его лаконизм – плод египетской работы в библиотеках, а ирония – проявление лит. таланта. *1 ил.* С.116–126.

8. * **Евреи-издатели и книготорговцы Русского Зарубежья.** ***Л.Юниверг.*** Большинство рус. книгоиздательств и библиофильских организаций в зарубежье (особенно много их было в Берлине в начале 1920-х гг., меньше – в Париже) основали евреи. Об их книжной продукции и ее художественном оформлении. Анализ причин этого издательского пика. *4 ил. 20 примеч.* С.129–141.

9. * **З.Гржебин и М.Горький: Из истории послереволюционной издательской деятельности З.И.Гржебина.** ***Л.Юниверг.*** Введение к последующим двум публикациям.

10. **З.И.Гржебин – издатель: По документам и воспоминаниям его дочери.** ***Е.Гржебина.*** О берлинском и парижском периодах жизни и деятельности З.Гржебина, его дружбе с Горьким и конфликте между ними. Прилож.: *Указ. имен; 17 примеч.*

11. **«Все будет оценено – не может быть иначе».** ***И.Вайнберг.*** Об «Изд-ве З.И.Гржебина». Его владелец выехал в Германию в 1921 г., где изд-во работало для зарубежья и России. В связи с травлей Гржебина в Росссии и запретом ввоза туда его книг, изд-во потерпело крах, и Гржебин уехал в Париж. О денежном конфликте между Гржебиным и Горьким, бывшим редатором изд-ва. *7 ил. 42 примеч.* С.142–192.

12. * **«Социалистический вестник» и «социалистическая» страна.** ***М.Хейфец.*** «Социалистический вестник» (Берлин, Париж, Нью-Йорк) был главным полит. печатным органом социалистов-эмигрантов, комментировал все стороны жизни СССР, публиковал письма из России и стал предтечей советологии. Об основателях, редакторах и ведущих авторах журнала – Ю.Мартове, Р.Абрамовиче, Ф.Дане, Д.Далине, В.Александровой, др. *2 ил.* С.203–218.

13. **По другую сторону баррикад, или Кто создавал «Современные записки».** ***М.Пархомовский.*** «СЗ» – главный журнал Русского Зарубежья – издавали М.Вишняк («мозговой центр» редакции) и И.Фондаминский (ее душа), а также А.Гуковский, В.Руднев и П.Авксентьев. Поэтич. отделом ведал М.Цетлин. *6 ил. 12 примеч.* С.219–225.

14. * **Александр и Саломея Гальперны.** ***Сэр Исайя Берлин.*** Воспоминания о Саломее Андрониковой, являвшейся одной из центральных фигур петербургского кружка выдающихся поэтов, художников и музыкантов, ее муже – адвокате и сионистском деятеле Александре Гальперне. О помощи Гальпернов Цветаевой в Париже и жившей в их лондонском доме искусствоведе и творческом работнике английского радио Анне (Нюте) Калине. *2 ил.* С.229–241.

15. **Памяти ушедших: Воспоминания Евгении Каннак о поэтах Михаиле Горлине и Раисе Блох.** ***Публ. А.Клементьева.*** Их называли «голубиной парой». Горлин организовал Берлинский поэт. кружок и руководил им. Тема его дисс. – «Гоголь и Гофман». Супруги выпустили неск. сб. стихов. После переезда в Париж (1933) Горлин работал в Сорбонне. *2 ил. 16 примеч.* С.242–252.

16. **«Здесь шумят чужие голоса и чужая плещется вода...»: О поэтессе Раисе Блох.** ***В.Кельнер.*** Работа базируется на письмах Блох О.Добиаш-

Рождественской. Становление Блох как поэта. Ее творчество. Научная работа в Германии и переезд в Париж. Гибель ее самой, мужа (поэта М.Горлина) и дочери в Катастрофе. *2 ил. 22 примеч.* С.253–263.

17. **Об одном парадоксе Марины Цветаевой: По поводу непубликовавшегося письма 1927 г.** ***В.Лосская.*** Публикуется и обсуждается возмущенное письмо Цветаевой П.Сувчинскому и Л.Карсавину, позволившим себе антисемитское высказывание в адрес ее мужа. *3 ил. 3 примеч.* С.264–272.

18. **Из воспоминаний.** ***А.Цетлин-Доминик.*** История семьи М.С. и М.О.Цетлиных. Упоминаются А.Толстой, С.Черный, Фондаминские, Ларионов, Гончарова, Вишняки, Рудневы, О.С. и А.В.Цетлины, Тумаркины, Бунин, Лифарь, Куприн, Ходасевич, др. М.Цетлин был русским писателем, но всю жизнь оставался евреем (С одним я народом скорблю, / С ним связан я кровью. / Другой безнадежно люблю / Ненужной любовью). *5 ил.* С.288–309.

19. **Из переписки М.А.Алданова и Е.Д.Кусковой.** ***Публ. Е.Эткинда.*** Публикуемые письма (9) написаны в 1946-49 гг. и отражают актуалии времени, вкус авторов писем, их взгляды на лит. новинки, «Новый журнал» и др. период. печать. *4 ил. 87 примеч.* С.310–343.

20. **Скульптор Хана Орлова.** ***Л.Латт.*** В возрасте 22 лет Орлова поселилась в Париже, где вошла в круг Модильяни, Сутина, Паскина, Кислинга, Шагала. Отдав дань новаторским направлениям, выработала свой пластич. язык; поэтичность и юмор спасли ее от натурализма. Многие работы Орловой посвящены еврейству и Эрец-Исраэль. Хранятся во всех крупных музеях мира. *8 ил. 29 примеч.* С.361–389.

21. **О театральных художниках из России: Записки коллекционера.** ***Н.Лобанов-Ростовский.*** Основные данные о М.Андреенко-Нечитайло, Б.Анисфельде, Л.Баксте, А. и Н.Бенуа, Н.Гончаровой, Б.Григорьеве, С.Делоне, М.Добужинском, М.Ларионове, Г.Пожедаеве, И.Пуни, Н.Ремизове, А.Серебрякове, С.Судейкине, П.Челищеве, С.Чехонине, М.Шагале, А.Экстер и о коллекционировании их работ автором. *11 ил.* С.390–420.

22. **Парижский скульптор Наум Аронсон и его связи с художественной жизнью России.** ***В.Шлеев.*** О худож. эмиграции из дорев. России. С 1891 до 1938 г. Аронсон ежегодно выставлялся в салонах, участвовал в работе Об-ния рус.-евр. интеллигенции и Об-ва друзей евр. музыки в Париже. Многократно приезжал на родину – был увлечен идеей создания соц. госва. Искусствоведческий анализ его творчества. *7 ил. 19 примеч.* С.421–435.

23. **«Наконец-то я увидел хороший фильм...»: Выходцы из России во французском кино.** ***Б.Носик.*** А.Каменка на своей киностудии «Альбатрос» дал дорогу мн. прославленным деятелям фр. кино: Рене Клэру, Жаку Фейдеру, др. Энтузиастами-продюсерами стали во Франции О.Берхольц, М.Софра, Г.Рабинович, С.Гордин, С.Шифрин. Названы выдающиеся рус.-евр. режиссеры, сценаристы, операторы, художники кино, кинозвезды. *4 ил. Библ.7.* С.436–446.

24. *** «Веселый праведник» – Яков Львович Тейтель.** ***Э.Капитайкин.*** Обществ. деятель и член царского суда в течение 40 лет, Тейтель в эмиграции стал председателем Союза рус. евреев в Германии. Оказывал

всестороннюю помощь беженцам. Создал организации «Детский дом» и «Дети – друзья», принципы к-рых вошли в мировую науку и практику. Его 80-летие торжественно отмечали в Берлине и Париже. *1 ил. 20 примеч.* С.465–475.

25. * **Духовный облик Оскара Грузенберга.** ***Я.Айзенштат.*** Грузенберг – один из корифеев русской адвокатуры, в основном защищавший личность против насилия государства. В эмиграции возобновил свою адвокатскую деятельность. Основал в Риге Русское юридическое об-во. Автор воспоминаний. Последние годы жизни провел в Ницце. *2 ил. Библ.6.* С.485–500.

26. **«...Не вышло бы ни одной строчки по-русски»: Евреи-меценаты в межвоенном Париже.** ***Б.Носик.*** Роль в эмиграции традиционной рус.-евр. благотворительности. Без нее «не вышло бы ни одной строчки по-русски» (А.Штейгер). Особенно выделялись Цетлины, Фондаминские, Прегели. Организация благотв. балов. Даже создание Богословского ин-та не обошлось без «еврейских» денег – их пожертвовал М.А.Гинзбург. *1 ил.* С.501–506.

Евреи в культуре Русского Зарубежья. Т.2

27. **Последний поэт старой России.** ***Ю.Колкер.*** Только расовый подход позволяет относить Ходасевича к евреям (он был сыном крещеной еврейки и поляка). Его жизнь и творчество. Связь между Х. и евреями обнаруживается лишь в выборе поэтов, к-рых он переводил с иврита (Черниховского, Бялика, Фихмана, Шнеура и др.) и, может быть, в его характере. *3 ил. Лит.10.* С.11–30.

28. **Автограф Саши Черного в архиве Б.К.Зайцева.** ***А.Клементьев.*** Приведено ранее непубликовавшееся стих., написанное Черным в связи с 25-летием лит. деятельности Зайцева и зачитанное на банкете 12.12.1926 г. *3 ил. 2 примеч.* С.44–50.

29. **«Такой забавник – умница Бахрах».** ***Б.Носик.*** В эмиграции А.Бахрах стал журналистом и рецензентом. Был секретарем берлин. Дома искусств. Писал о Бунине, Набокове, Цветаевой, др., с которыми возникали дружеские отношения. Эрудированного Бахраха знал «весь Париж». В 1940 г., после демобилизации, посетил Бунина в Грассе и остался у него жить. Автор мемуаров, книги «Бунин в халате». *4 ил. 8 примеч. Библ.7.* С.51–64.

30. **«Еврейская трибуна» о России и русском еврействе.** ***В.Каплан.*** Журнал, созданный М.М.Винавером, боролся с отождествлением евреев с большевиками и стремился сохранить связь рус. еврейства с традиционной рус. культурой. В «ЕТ» печатались и рус. авторы. В 1921 г. «ЕТ» начала активно помогать голодающей России. *3 ил. 35 примеч.* С.167–180.

31. **«Иллюстрированная Россия» как зеркало эмигрантской жизни 20–30-х годов.** ***Л.Юниверг.*** Основатель «ИР» М.Миронов сделал ее самым большим и самым распространенным период. изданием Русского Зарубежья. Популярности способствовали С.Юшкевич и С.Черный, карикатурист М.А.Дризо (МАД), разнообразие рубрик, лит. прилож. *7 ил. 28 примеч.* С.202–220.

32. * **Зарубежная русско-еврейская печать и литература в оценке коммунистической цензуры: По материалам «Секретного бюллетеня Главлита» за 1923 г.** ***А.Блюм.*** Бюллетень рассылали Ленину, Троцкому, Сталину (всего 12). В нем помещались «Положение издат. дела в Германии» и «Русская печать во Франции» с обращением внимания на «Евр. трибуну». В характеристиках еженедельника доминировал антисемитизм. *1 ил. 13 примеч.* С.240–246.

33. * **Из писем Зиновия Пешкова.** ***Публ. М.Пархомовского.*** Пешков оставил большое эпистолярное наследие, дополняющее сведения о зарубеж. очагах рус. культуры. Публикуются письма Горькому 1906-34 гг. из Италии, Франции, Марокко, Ливана и США. *5 ил. 43 примеч.* С.311–338.

34. **Александр Бахрах. Монпарнасский «Улей». По памяти, по записям... II.** ***Публ. Г.Поляка.*** Мемуарные заметки Бахраха, посвященные истории «Улья» и жившим в нем художникам. Герои очерков: Х.Сутин, Р.Фальк и М.Кислинг. *5 ил.* С.435–450.

35. **Дар Берты М. Ципкевич (Париж): О коллекции Л.Бакста в Музее Израиля (Иерусалим).** ***М.Генкина.*** Поисковая работа среди парижских родственников художника по выяснению происхождения коллекции Музея Израиля из 28 работ Бакста. *5 ил. 10 примеч. Библ.8.* С.451–464.

36. **Мане-Кац, художник из Кременчуга.** ***Л.Латт.*** Живя в Париже, испытывал влияние французских мастеров, дружил с Сутиным. Позже увлекся евр. тематикой (евр. свадьбы, клейзмеры); писал портреты (Эренбурга, Валери), элегические рус.-укр. пейзажи. Ездил в Палестину, а последний год жизни провел в Хайфе, где создан музей его произведений. *5 ил. 13 примеч.* С.465–480.

37. * **Наум Габо (1890–1977) и Антуан Певзнер (1886–1962) – скульпторы-конструктивисты.** ***Д.Коган.*** Как художники сформировались в Париже. После рев. провозгласили манифест, утверждающий «кинетические ритмы как основные формы наших ощущений реального времени». С 1922 г. жили на Западе. Стали основателями конструктивизма в скульптуре. Проектируя аэропорты, сказали свое слово и в архитектуре. *4 ил. Библ.9.* С.481–492.

38. * **Савелий Сорин в Крыму и Закавказье в 1917–1919 гг.** ***Дж.Боулт.*** Сообщение в осн. сделано по дневникам В.Судейкиной в период переездов из Петербурга в Москву, Крым и на Кавказ, а затем (1920) – в Париж. В ее же альбоме записи известнейших представителей Серебр. века России и Закавказья. Сведения о жизни и творчестве Сорина. *3 ил. 28 примеч.* С.493–506.

39. **Максим Винавер.** ***Э.Капитайкин.*** Адвокат Винавер – обществ. и полит. деятель России. Его издательская деятельность в эмиграции. Отрывки из воспоминаний о нем З.Гиппиус. *4 ил. 17 примеч.* С.511–519.

40. * **Иосиф Гессен: юрист, политик и журналист.** ***В.Гессен.*** В эмиграции Гессен опубликовал 3 тома воспоминаний Витте, издавал «Архив русской революции» и газету «Руль». Его дом в Берлине был одним из центров Русского Зарубежья. В 1936 переехал во Францию, а в 1942 – в США. Умер в 1943, оставив воспоминания «Годы изгнания. Жизненный отчет». *5 ил. 54 примеч.* С.520–544.

41. * **Роза Гинцберг-Осоргина – дочь Ахад-ха-Ама.** ***Н.Елина.*** По архивным документам и воспоминаниям подруги Розы – матери автора очерка, с которой она училась в одесской гимназии и итальянских ун-тах. О жизни и деятельности отца Розы – Ахад-ха-Ама, ее браке с М.Осоргиным, воспринятом отцом как трагедия. В Париже брак Осоргиных распался. *3 ил. Библ.15.* С.545–565.

42. * **«Звезды все еще звезды...»: Очерк В.Жаботинского о Г.Слиозберге.** ***Публ. С.Шварцбанда.*** Предисловие Жаботинского к воспоминаниям Слиозберга «Записки русского еврея» (Париж, 1933), дающее информацию об обоих деятелях рус.-евр. культуры. *2 ил. 20 примеч.* С.566–577.

43. **«Предводимые евреем-революционером»: О русских добровольцах во Франции.** ***М.Пархомовский.*** На примере З.Пешкова прослежен путь рус. волонтеров во Франции в начале Первой мир. войны. 606 волонтеров из общего списка в 1101 человек были евреями. Пренебр. отношение к ним властей привело к бунту в 1915 г. Неск. человек расстреляли, но требования бунтовщиков были удовлетворены. *4 ил. 8 примеч.* С.578–586.

Евреи в культуре Русского Зарубежья. Т.3

44. * **Художники Русского Зарубежья – жертвы Катастрофы.** ***М.Генкина.*** Сведения о творчестве, биографические данные и обстоятельства гибели А.Берлина, Л.Бернштейн-Синаева, О.Вайнберга, А.Вейнбаума, Ю.Гордона, Я.Готко, С.Грановского, Э.Гринмана, Эрны Дем, М.-Л.Зардинского, И.Любича, А.Мордкина, В.Сагала, А.Фазини, А.Федера, Р.Шварца, С.Шлайфера. *5 ил. 7 примеч.* С.24–32.

45. **«Конец прекрасной эпохи»: Война, Холокост и конец первой русской эмиграции в Париже.** ***Б.Носик.*** Война и Катастрофа нанесли колос. урон рус.-евр. эмигрантской колонии в Париже – равно творцам и потребителям культуры, ее покровителям-меценатам, разрушили атмосферу взаимосвязи и кодекса чести. Гибель И.И.Фондаминского, матери Марии, Ю.Мандельштама, Ю.Фельзена, И.Немировской, др. *3 ил. Библ.15.* С.33–40.

46. * **Последние из могикан.** ***Д.Штурман.*** Об умершем на 92-м году жизни гл. ред. «Нового русского слова» Андрее Седых (Якове Цвибаке), писателе, публицисте, обществ. деятеле, авторе множества статей и 17 книг очерков, рассказов, путевых записок. Он оставил важные для истории эмиграции воспоминания («Далекие, близкие») и еще не разобранную переписку с ее выдающимися представителями. *5 ил. Библ.17.* С.43–53.

47. * **Одесское детство: Софья Юльевна Прегель.** ***Р.Зернова.*** Прегель известна как одаренная поэтесса, прозаик, переводчик, обществ. и культурн. деятель. Попав во время Второй мировой войны в Нью-Йорк, издавала журнал «Новоселье». Вышедшее посмертно «Одесское детство» в трех томах поражает талантливостью и точностью воспроизводства рус.-евр. атмосферы Одессы начала века и ее бессмертного языка. *5 ил.* С.54–63.

48. **Г.Д.Гурвич, философ-социолог.** ***Н.Прат.*** Главная идея социологии Гурвича – взаимопроникновение индивидуального и социального. После эмиграции преподавал в Праге, через 5 лет переехал в Париж. В 1946 г. создал Центр социол. исследований и основал издающийся до сих пор

журнал «Cahiers internationaux de sociologie». Автор многих основополагающих статей и книг на ведущих европейских языках. *2 ил. 13 примеч.* С.103–119.

49. * **Еще о С.Л.Франке: Что вспоминается младшему современнику о нем и его семье.** ***Б.Лосский.*** Воспоминания восходят к лету 1910 г., когда Франки и Лосские жили в одном поселке, и начинаются страницами о Л.Заке, сводном брате Франка. Описаны их встречи в Петербурге, в Тверской губернии в 1915 г., при высылке Франков в 1922, общение Франков с Заками в эмигрантские годы. *4 ил.* С.120–131.

50. **В одной редакции: О тех, кто создавал газету «Последние новости».** ***М.Бирман.*** Основана в 1920 г. М.Гольдштейном, через год ее гл. ред. стал П.Милюков. «ПН» была ведущей газетой для эмигрантов во всех концах света. О ее сотрудниках – А.Кулишере, П.Гронском, И.Демидове, А.Полякове, М.Берхине, др., и авторах – известных публицистах и писателях. Приветствие Дон-Аминадо к 10-летию «ПН». *5 ил. 36 примеч.* С.147–169.

51. **Евреи и еврейский вопрос в парижском журнале «Современные записки».** ***В.Кельнер.*** Ведущими редакторами «СЗ» были И.Фондаминский, публиковавший очерки о развитии рус. обществ. жизни, и М.Вишняк, автор более 100 статей и рец. Часть организац.-изд. деятельности осуществлял А.Гуковский. Роль авторов-евреев. «СЗ» о эволюции евр. вопроса в России, проблеме антисемитизма, участии евреев в рев. *4 ил. 42 примеч.* С.190–208.

52. **Листы из архива.** ***В.Катанян.*** О жизни и творчестве Э.Триоле, ее встречах с Горьким, В.Шкловским, Эренбургом, Шагалом, др.; переводах Чехова и русских поэтов на французский; о браке с Луи Арагоном; участии в Сопротивлении; ее рассказах и романах, популярных в СССР. Выдержки из писем Триоле Лиле Брик. *4 ил. 24 примеч.* С.270–281.

53. **Из воспоминаний о Воловике.** ***И.Гржебина.*** Л.Воловик был мужем сестры мемуаристки. Основные этапы его жизненного пути, атмосфера, окружавшая художника, отношения с творческой элитой рус. Парижа. *3 ил.* С.383–391.

54. **Лазарь Воловик, художник Парижской школы.** ***М.Генкина.*** Сегодня почти забытый, художник работал рядом с Шагалом, Цадкиным, Сутиным и добился признания. Спокойствие и размеренность его жизни и работ – кажущиеся. Основная поставленная им задача – выразить безмолвие. Его место – между импрессионизмом и фовизмом. В его работах чувствуется влияние рус. культуры, они насыщены драматизмом. *4 ил. 9 примеч.* С.392–401.

55. * **«Великая жрица» голландского балета.** ***Й.Тавор.*** У истоков ведущих балет. коллективов Голландии стояла Соня Гаскель. Эмигрировала в Палестину, оттуда – в Париж. На нее оказали влияние Дягилев, Баланчин, Лифарь, Ларионов, Гончарова. Позже открыла студию в Амстердаме, где создала профес. труппу. Соединяла смелый поиск с академ. традициями. В 1954 г. стала во главе нац. балет. ансамбля. *2 ил. Библ.4.* С.413–426.

56. * **Вера Евсеевна Слоним, или Служение русской словесности.** ***Б.Носик.*** Сближению В.Слоним и В.Набокова способствовал ряд романт. обстоятельств. Вера, высокообразованная, прекрасно знавшая языки и обладавшая тонким поэтическим вкусом, стала главным помощником писателя.

Резко возрос уровень его прозы. Она ограждала Набокова от неприятностей в Германии, во Франции, а затем в США. *2 ил. Библ.11.* С.483–494.

57. **Соломон Познер и «Русский дом» в Париже. *В.Кельнер.*** Юрист и обществ. деятель, Познер занимался историей евреев и защитой их прав. После 1921 г. обосновался в Париже, где публиковался в период. печати, стал секретарем Комитета помощи рус. писателям и ученым во Франции. К Познеру за помощью обращались Бунин, Цветаева, Ремизов, Бальмонт, Ходасевич, др. *6 ил.* С.495–510.

Евреи в культуре Русского Зарубежья. Т.4

58. **Слово о погибшем скульпторе. *Л.Латт.*** Моисей Коган вместе с В.Кандинским и А.Явленским уехал в Мюнхен, где учился в Академии изящных наук. Работал в области прикладного искусства. В дальнейшем его главной темой стало обнаженное женское тело. В 1925 г. был избран вице-председателем Осеннего салона в Париже. Ближе всех Когану был А.Майоль. Критики сравнивали его с О.Цадкиным. Погиб в Освенциме. *5 ил. 22 примеч.* С.7–19.

59. *** Эфраим Зельцман.** Автор – иерусалимский врач ***Ф.Роголь*** – вспоминает о своем дяде, погибшем в Биркенау. Эфраим родился в Кишиневе. В 1932 г. окончил консерваторию в Льеже с золотой медалью. Занимался концерт. деятельностью. Преподавал в консерваториях Льежа и Парижа. С приходом немцев скрывался, но в 1943 г. во время облавы был арестован. *3 ил.* С.20–24.

60. **Владимир Давидович Баранов-Россинэ. *А.Шатских.*** С 1910 г. жил в Париже, кроме 1917-25 гг., проведенных в России. Преподавал во Вхутемасе. Абстрактные по форме, его живопись и скульптура отличались смешением материалов, ярких красок, слиянием пластич. и музыкального начал. Изобрел оптофон, при игре на котором возникали движущиеся цветные формы. Погиб в концлагере. *3 ил. Библ.5.* Т.4. С.25–32.

61. *** «Когда я вернусь...». *Д.Штурман.*** В эмиграции А.Галич написал немного, но тема исхода, изгнания была частью его творчества. Одна из значительнейших его неподцензурных песен – *Р.Беньяш* – стала символом протеста против вторжения в Чехословакию в 1968 г. С наибольшим трагизмом «тени всех бутырок и треблинок» воссозданы Галичем в поэме «Кадиш», посвященной Я.Корчаку. *1 ил.* С.35–45.

62. **«Насквозь мужественный мир» Александра Гингера. *А.Чагин.*** Великолепно зная рус. язык, Гингер сознательно искажал его в своих стихах. Оригинальным было и то, о чем он писал. В начале Катастрофы издал сб. стихов, призывающий к преодолению трагедии. Мужественный и благородный, пользовался признанием таких знатоков поэзии, как Г.Адамович. *1 ил. 29 примеч.* С.87–100.

63. **Право на исповедь: Николай Оцуп. *В.Хазан.*** Эмигрировал после расстрела Гумилева, к-рый на всю жизнь остался темой его творчества. Разработал лит. теорию *персонализм*. Редактор «Цеха поэтов» и «Чисел». Автор сб-ков стихов, романа «Беатриче в аду», поэмы «Дневник в стихах». Был во франц. армии, плену, концлагере, после бегства из которого стал

партизаном. В последние годы жизни – проф. рус. лит. Сорбонны. *3 илл. 43 примеч.* С.101–116.

64. **Ажар-Кацев-Гари.** ***Б.Носик.*** Родился в Москве. Жил с матерью в Ницце. Был военным летчиком, дипломатом. По его романам снимали фильмы. Единственный писатель, получивший дважды Гонкур. премию: второй раз – за книгу, вышедшую под псевдонимом Ажар. Это рассказ о бывшей проститутке и «воспитываемом» ею мальчике-арабе. Самоубийство Гари сопровождала романтическая история. *3 ил.* С.117–124.

65. *** Профессор Шломо Пинес.** ***Н.Прат.*** Пинес был одним из крупнейших знатоков истории философии, особенно еврейской и исламской, хорошо знал историю науки и религии, культуры и искусства, говорил на мн. языках. В основном жил и учился в Германии и во Франции. В Палестине – с 1940 г. Известность Пинесу принес перевод глав. философ. произведения Маймонида «Наставник колеблющихся» с араб. оригинала на англ. *2 ил.* С.163–172.

66. **Парижский «Сатирикон».** ***А.Иванов.*** Петербургский «Сатирикон» возродили в Париже в 1931 г. М.Корнфельд и Дон-Аминадо. Журнал высмеивал «красномосковский кавардак», печатал «Золотого теленка» Ильфа и Петрова. В журнале сотрудничали Ю.Анненков (под псевд. А.Шаров), Саша Черный, В.Азов (Ашкенази), В.Горянский (В.Иванов), М.Долинов, Дон-Аминадо. Публиковались З.Гиппиус, А.Ремизов, М.Алданов. *2 ил.* С.208–219.

67. **«Беспощадная умница» – карикатурист МАД.** ***В.Терехина.*** МАД (М.А.Дризо) – выходец из Одессы, где стал известным газетчиком-карикатуристом. Иллюстрировал «Живую азбуку» Саши Черного, издавал журнал «Ванька-встанька». В основном работал в Париже для «Иллюстрированной России». Был любим читателями и ценим творческой элитой. *4 ил. 12 примеч.* С.220–228.

68. **Леон Зак (1892–1980).** ***И.Зак.*** В юности Зак вращался в моск. футуристических кругах и издавал журнал «Мезонин поэзии». Как художник начал выставляться в 1907 г. Был президентом Об-ва рус. художников в Париже. Постепенно пришел к абстракционизму. С 60-х гг. его выставки следовали одна за другой. Иллюстрировал фр. классиков и совр. авторов, расписывал церкви. Оставил поэтическое лит. наследство. *6 илл. 9 примеч. Библ.7.* С.247–261.

69. ***Служение* и *Одиночество*: Поэт Семен Луцкий.** ***А.Бэнишу-Луцкая.*** О тяжелом детстве и учебе поэта в Льежском ун-те, эсеровских убеждениях и евр. самосознании, инж. деятельности, поэт. творчестве, увлечении масонством (был членом ложи М.Осоргина), трогательном отношении к родным и друзьям, обществ. деятельности в рус. Париже. Приведены непубликовавшиеся письма Луцкого к вдове его родственника М.Гоца. *3 ил.* С.262–272.

70. **О скульпторе Сильвии Луцкой.** ***А.Бэнишу-Луцкая.*** С.Луцкая (1891–1940) родилась в Киеве, ее матерью была сестра Л.Шестова (публикуется его портрет, сделанный племянницей). Изучала фр. лит. в Женеве, занималась скульптурой и гравированием в Берлине. Живя в Париже, выставлялась в «Салоне женщин-скульпторов и художниц». *5 ил.* С.273–277.

71. **Из архива Софьи Юльевны Прегель.** ***Публ. Ю.Гаухман.*** Судьба архива Прегель – «директрисы литературы эмигрантской». Публикуются стих. послания к ней Н.Гончаровой и В.Набокова, письма А.Ремизова и А.Гингера, ее последние дневниковые записи, письмо Н.Берберовой, в к-ром она защищается от обвинений в колаборационизме во время Второй мир. войны. *3 ил.* С.278–291.

72. * **К истории «Нового журнала»: По письмам М.А.Алданова к М.С. и М.О.Цетлиным (из архива С.Ю.Прегель в Иллинойсском университете, Урбана-Шампейн, США).** ***М.Пархомовский.*** К числу основателей «НЖ» (Цетлин и Алданов) должна быть отнесена и М.С.Цетлина, ставшая администратором и секретарем журнала. Названы спонсоры «НЖ». Публикуются письма Алданова М.О. и М.С.Цетлиным. *4 ил. 8 примеч.* С.292–309.

73. * **Конфликт М.С.Цетлиной с И.А.Буниным и М.А.Алдановым: По материалам архива М.С.Цетлиной (Евр. ун-т в Иерусалиме).** ***М.Пархомовский.*** Конфликт связан с выходом Бунина из Союза писателей и журналистов Парижа после исключения из него лиц, взявших сов. паспорта. Публикуются связанные с конфликтом письма Цетлиной, Алданова, Б.К. и В.А.Зайцевых, В.Зеелера, Н.Френкли, В.Зензинова. *4 ил. 11 примеч. Указ. имен.* С.310–331.

74. **Натан Альтман в Париже: К двум публикациям о нем.** ***М.Генкина.*** Альтман жил в Париже в 1910-11 и 1928-35 гг.

75. **Парижские годы Натана Альтмана.** ***А.Шатских.*** После гастрольной поездки с Госетом художник остался в Париже с разрешения Луначарского. Работал здесь как театральный художник, живописец и график. *4 ил., 3 примеч. Лит.2.* С.411–416.

76. **Борис Аронсон о Натане Альтмане.** ***Публ. Дж.Боулта.*** Альтман – один из трех ведущих рус. художников – уровня Малевича и Татлина. Еврейский художник, он разнообразен и культурен, он – личность. *5 ил. 3 примеч.* С.417–420.

77. **Оскар Мещанинов (1886–1956).** ***А.Шатских.*** Мещанинов учился у Ю.М.Пэна, затем – в Одессе, с 1907 г., – в Париже. С 1908 регулярно выставлял свои скульптуры в париж. салонах. Дружил с Д.Риверой, Х.Сутиным, А.Модильяни, участвовал в обществ. жизни рус. Парижа. На него оказало влияние искусство Африки, Индии и Камбоджи. *2 илл. Библ.4.* С.421–425.

78. **Фотографии из семейного альбома.** ***Н.Винокур.*** Художница А.Н.Авксентьева, дочь М.С.Цетлиной, росла в доме, ставшем одним из центров культ. жизни рус. Парижа. Большую роль в ее судьбе сыграл брак с видным физиком, композитором, обществ. деятелем и меценатом Б.Прегелем. Супруги были тесно связаны с Израилем. Собранная ими коллекция картин была завещана музею Тель-Авива. *4 ил.* С.426–436.

79. **Великая галерейщица.** ***В.Воробьев.*** Дина Верни (Эйнбиндер) – из семьи, высланной из России в 1922 г. Стала натурщицей Майоля, что помогло ее деятельности в Сопротивлении. Скульптор завещал Дине свое творч. наследие, и она создала Музей изобр. искусства его имени. Успеху Дины-галерейщицы способствовал ее интерес ко второму рус. авангарду и

дружба с Кабаковым, Рабиным, Неизвестным, Булатовым, Янкилевским. *5 ил.* С.437–445.

80. *** Памяти друга: Яаков Львович Сорокер (1920–1995). *С.Дудаков.*** Сорокер учился в Париже и Кишиневе, окончил Моск. консерваторию. Во время Второй мир. войны выступал на фронтах. Преподавал в Алма-Атинской консерватории. Работал в Иерус. симф. оркестре, выступал в камерных ансамблях. Автор 150 статей, книг об Ойстрахе и Гольдштейне, двухтом. лексикона «Российские музыканты-евреи». Редактировал тексты на 9 яз. *1 ил.* С.449–452.

81. *** Вечно юный Николас (Николай) Слонимский. *Б.Бергинер-Тавгер.*** Пианист, дирижер, композитор, писатель-энциклопедист, редактор, полиглот, математик, Слонимский прожил более 100 лет. О плеяде его предков и родственников, включая Венгеровых и Н.Минского. В Париже сотрудничал с С.Кусевицким. Организатор и дирижер Бостон. камерного оркестра. Открыл дорогу совр. америк. музыке. *4 ил. 37 примеч.* С.469–487.

82. **«На бульваре Распай господин Доминик у руля». *Б.Носик.*** Л.Аронсон (Доминик) окончил гимназию в Петербурге, где увлекся театром. В 1927 открыл в Париже ресторан, ставший популярным благодаря общительности Доминика, его успеху как театр. критика и устраиваемым в ресторане лит. собраниям. В «золотой книге» ресторана – подписи Р.Гари, С. де Бовуар, А.Камю, Г.Мюллера, М.Алданова, мн. др. *4 ил. Библ.5.* С.504–512.

83. *** Григорий Яковлевич Аронсон. *И.Серман.*** Статья содержит мемуарные сведения: автор – племянник Аронсона. Деятельный социал-демократ и меньшевик, Аронсон был выслан из России в 1922 г. Сотрудничал в «Социалист. вестнике» в Берлине, Париже и Нью-Йорке. К евр. самосознанию пришел через опыт космополитический. Разоблачал гитлеровский и сталинский антисемитизм. *Ил.1. 20 примеч.* С.528–537.

84. **Каждый месяц в Café de la Paix: Объединение русско-еврейской интеллигенции в Париже и его американский эпилог. *В.Кельнер.*** Потребность об-ния усилилась в связи с угрозой фашизма. Инициаторами об-ния были: А.Альперин, Р.Бланк, С.Гинзбург, М.Кроль, С.Познер. К ним примкнули еще неск. евр. обществ. и культурных деятелей; в работе участвовали и рус. интеллигенты: П.Милюков, Н.Бердяев. *2 ил. 6 примеч.* С.538–547.

Евреи в культуре Русского Зарубежья. Т.5

85. **В оккупированном Париже: Крупицы почти детских воспоминаний. *Н.Струве.*** Впечатления подростка о носивших желтую звезду. Описаны близкие семье Струве евреи: историк и геополитик И.О.Левин (цитируются его письма из лагеря Дранси); избежавший ареста журналист П.Я.Рысс (автор книги «Русский опыт»), у которого после оккупации евр. вопрос заслонил русский; др. *1 ил. 11 примеч.* С.16–21.

86. **Автографы Компьеньского концлагеря. *С.Малышева.*** Парижане–российские эмигранты, помещенные в 1941 г. в концлагерь г. Компьеня, организовали Народный ун-т. Ведущую роль в нем играл историк Д.Одинец. Ему дважды дарили «грамоты», в к-рых сохранились автографы

И.Фондаминского, Л.Райсфельда, С.Шлейфера, Я.Гатковского, др. погибших. *7 ил. 15 примеч.* С.22–32.

87. **Из творческого наследия Семена Абрамовича Луцкого.** ***Публ. О.Ласунского.*** Впервые публикуются поэма «Петух (бред)», иллюстрированная дочерью поэта А.Бэнишу-Луцкой, и выступление в масонской ложе «Северная звезда», посвященное ее руководителю М.Осоргину. *5 ил.* С.77–86.

88. [**О Михаиле Андреевиче Осоргине**] **Выступление *С.А.Луцкого* в масонской ложе «Северная звезда» (Париж, 27/XI.46).** Доклад поэта из его архива публикуется с пояснениями (9) ***О.Ласунского.*** *2 ил.* С.87–105.

89. *** Горожане за границей: С.Довлатов, И.Ефимов, В.Марамзин.** ***М.Амусин.*** Творческие портреты членов ленингр. группы «Горожане». Марамзин издавал в Париже журнал нетрадиц. прозы «Эхо». Ефимов писал острые романы в США. Довлатов и на Западе приобщен к классикам. *3 ил. 14 примеч.* С.106–121.

90. **Сходившиеся параллели: Из переписки Дон-Аминадо с Марком Алдановым.** ***И.Обухова-Зелиньска.*** Публикуются 24 письма 1920–1953 гг. М.Алданова и Дон-Аминадо (Шполянского), ровесников со схожими биографиями. Упоминаются события и лица, вошедшие в историю эмиграции. *3 ил. 77 примеч.* С.193–221.

91. **Осип Цадкин (1890–1967).** ***А.Шатских.*** Родился в Смоленске. Учился в Витебске, позже – в Англии. В Париже жил в Ла Рюш. Скульптор, автор собственной пластической системы, отличался широким творческим диапазоном. *4 ил. Библ.4.* С.345–352.

92. **«В этом между православными и евреями не может быть разномыслия». Неизвестный текст Бориса Зайцева.** ***Публ. А.Клементьева.*** Непубликовавшаяся статья из архива Зайцева, озаглавленная «Беда», описывает воинственный антисемитизм гитлеровцев, напоминающий русских погромщиков. «Горе насилия и торжества низших сил есть горе общее», заключает Зайцев. *2 ил. 2 примеч.* С.500–505.

Русские евреи в зарубежье. Т.1(6)

93. **Российские евреи – вольнослушатели Консерватории искусств и ремесел в Париже в 1922–1935 гг.** ***Д.Гузевич, И.Гузевич.*** До 10% студентов Консерватории искусств и ремесел были выходцами из России, из них до 2/3 – евреи и до 9/10 – еврейки. Обсуждаются проблемы «учебной» эмиграции и ее вклад как в науку Франции, так и в мировую науку. *6 ил. 5 примеч.* С.46–62.

94. *** Русские евреи-эмигранты в науке.** ***А.Черняк.*** Во Франции значительную известность получили физиологи и медики И.Мечников, А.Безредка, В.Хавкин, И.Цион, Ю.Минковский. Рассказано о микробиологе З.Ваксмане, биохимике Е.Е.Рабиновиче (он же поэт Е.Раич), учителе А.Эйнштейна Г.Минковском, экономистах С.Кузнеце и В.Леонтьеве, др. *2 ил. Библ.13.* С.64–75.

95. **Из непубликовавшихся текстов Раисы Блох и Михаила Горлина в эмигрантских архивах.** ***А.Клементьев.*** Публикуются: стих. послание поэтов их другу Сергею Вольфу, перевод Блох средневекового латин. текста, эссе Горлина «Гимн Филекое», фотография Блох и Горлина в доме

Карсавиных и два рис. Горлина к его книге «Шнурренлауненбург». *4 ил. 13 примеч.* С.131–140.

96. * **Абрам Вишняк и его издательство «Геликон».** ***Л.Юниверг.*** Созданное в Москве и ряд лет существовавшее в Берлине, изд-во в основном публиковало современных авторов. Вишняк сотрудничал с лучшими художниками, и издаваемые им книги отличались высокой культурой. О его дружбе с Эренбургом, романе с Цветаевой. С 1926 г. жил в Париже. *5 ил. 22 примеч.* С.164–176.

97. **Парижское «Звено» (1923–1928) и его создатели.** ***О.Коростелев.*** Этот теперь малоизвестный западнический журнал был создан М.Винавером. Высокий уровень журнала обеспечивали М.Кантор, Г.Адамович, А.Седых, Б.Шлецер, А.Левинсон, П.Апостол, Ю.Кулишер, др. *3 ил. 54 примеч.* С.177–201.

98. * **«Пусть видят меня в настоящем свете...»: Воспоминания Абрама Сауловича Кагана.** ***Публ. О.Демидовой. Эпилог М.Раева.*** Публикуемый дневник Кагана начинается с его работы в Берлине в «Петрополисе». Его же изд-во «Обелиск» выпускало философ. лит-ру (Франка, Шестова, Лосского, Степуна, др.). Рынками сбыта книг были Франция, Вост. Европа и Дальний Восток. Деятельность Кагана в США после 1940 г. *1 ил. 56 примеч.* С.214–236.

99. * **Марк Вениаминович Вишняк – корреспондент Бориса Константиновича Зайцева: К публикации писем 1955–1972 гг.** ***Публ. А.Клементьева.*** Обсуждаются «Современные записки», воспоминания Вишняка «Дань прошлому», его переписка и встречи с Е.Кусковой, позиция В.Ильина во время оккупации, «Новый журнал». Упоминаются И.Бунин, М.Карпович, М.Осоргин, И.Шмелев, В.Зайцева, др. *2 ил. 51 примеч.* С.237–268.

100. * **Иссахар Бер Рыбак.** ***Л.Латт.*** Жизнь и творчество Рыбака до эмиграции. Рост художника в Берлине. Ведущее место в его картинах занимает евр. тематика. Иллюстрации детских книг. Издание альбомов. Последние 10 лет жил и работал в Париже.

101* **«Русское трио»: В.И.Маурина-Пресс, М.И.Пресс, И.И.Пресс.** ***А.Лоран /Пресс/, П.Гуревич.*** Создателем «Русского трио» был М.Пресс. Концертная деятельность трио (просуществовало 10 лет) и каждого из его участников пропагандировала рус. музыку в Европе и США. Упом.: Ю.Энгель, А.Гольденвейзер, С.Кусевицкий, С.Юрок, Я.Хейфец, М.Эльман, В.Дамрош, С.Рахманинов, Ц.Кюи, др. *5 ил., 20 примеч.* С.329–348.

102. * **Еврейская эмиграция из Российской империи и Советского Союза: статистические аспекты.** ***Д.Харув.*** Евр. эмиграция из России началась в первой половине XIX в. и резко усилилась в 1881 г. Основная часть евреев, выехавших в первые годы после рев., поселилась в Западной Европе. Всего из России выехало около 4 млн евреев. *2 ил. 2 примеч.* С.350–355.

103. **Максим Максимович Винавер: последние годы жизни (1919 – 1926). Документы, письма, воспоминания.** ***В.Кельнер.*** Основным детищем Винавера в эмиграции была «Еврейская трибуна». Идеолог. и полит. споры вокруг журнала и его публикаций. Упом.: Р.Бланк, М.Гольдштейн,

Г.Гольдберг, П.Милюков, Б.Мирский-Гецевич, Е.Кускова, др. *2 ил. 36 примеч.* С.356–376.

104. **«Нашла для Вас настоящий клад: Лев Исаевич Шейнис». *М.Пархомовский.*** Д-р медицины, д-р юрид. и эконом. наук, Шейнис в течение 24 лет занимал общ. должность председателя правления Тургеневской библиотеки, в к-рой большую работу вела и его жена – Л.В.Шейнис. Биография Шейниса, его науч. труды, книги и переводы. *2 ил. Библ.6.* С.400–406.

105. **Они погибли тогда... *В.Телицын.* I. «...Был он образцом порядочности и культуры»: О Павле Николаевиче Апостоле.** Апостол состоял на службе в рос. учреждениях во Франции. Читал лекции по полит. экономии и финансам в рус. вузах Парижа. Был председателем правления Об-ва друзей рус. книги в Париже и редактором журнала Об-ва. Писал об истории книги и книгопечатания. Погиб в Аушвице (Освенциме). *4 ил. 23 примеч.* С.408–419.

106. *** II. Александр Михайлович Кулишер: жизнь и творчество.** В эмиграции преподавал в Рус. науч. ин-те (Берлин) и на юрид. факультете Сорбонны (Париж), был постоянным сотрудником «Последних новостей», основным автором ее передовых, арбитром Новой сионистской организации. Погиб в лагере Дранси. *1 ил. 13 примеч.* С.421–427.

Русские евреи в зарубежье: Русские евреи в Великобритании. Т.2(7)

107. *** Как стать великим английским ученым, или Путешествие по маршруту Москва – Варшава – Льеж – Париж – Кембридж: Давид Кейлин. *Д.Гузевич, И.Гузевич.*** Кейлин окончил гимназию в Варшаве, стал канд. наук в Льеже, пополнил знания в Париже и обосновался в Кембридже, где сделал открытие мирового значения, описав биохимическую основу дыхания аэробных клеток, растений и животных. *1 ил. 13 примеч. 23 источн.* С.396–408.

108. *** Мари Рамбер и английский балет. *Е.Суриц.*** Вначале Мари протежировал брат А.Дункан, позже она училась в школе Жака-Далькроза. Работала в труппе Дягилева. Переехав в Лондон, открыла собственную школу, а с 1926 г. начала показывать балетные спектакли своего коллектива. Рамбер считают основательницей англ. нац. балета и нового направления в нем – танца модерн. *5 ил. Библ.5.* С.497–507.

RÉSUMÉS EN FRANÇAIS*

Introduction. ***M.Parkhomovsky, D.Gouzévitch***
Avant propos. ***W.Berelowitch.***

Dédié à V.Jabotinsky

L'ami des « Dernières nouvelles » : (Don-Aminado. « Slovo o V.Jabotinskom ». ***Publ. A.Ivanov.*** L'amitié de Don-Aminado avec Jabotinsky a été liée entre autres avec leur travail dans « Les dernières nouvelles » ainsi qu'aux bonnes relations qu'entretenait Don-Aminado avec les amis de Jabotinsky – M.A.Osorgin et A.A.Poliakoff. Le texte de la communication en russe ainsi que sa version française (« Slovo o Jabotinskom » a été destiné aux lecteurs français) sont conservés dans les archives de RGALI. On y décrit Jabotinsky et on évoque ses qualités d'orateur ainsi que sa vie, son oeuvre et sa détermination à consacrer sa vie à la cause du peuple juif. *3 ill., 9 notes.*

Jabotinsky dans le « Rassvet » parisien. ***Sh.Markish.*** Jabotinsky était l'auteur et le rédacteur de cet hebdomadaire. Toutes ses publications (environ 165 entre 1924 et 1932) sont celles d'un publiciste de haut niveau et leur actualité est tout à fait remarquable (par exemple, sur les conditions d'une paix en Palestine, sur la langue Yiddish ; elles abordent une large palette de sujets : la communauté juive de Londres, la sous-estimation de Youchkévitch, Daniil Pasmanik et « les juifs repentants », la fin des enfants d'Hertzl, l'assimilation des Juifs, etc... *2 il.*

L'héritage de Vladimir Evgen'evič (Zeev) Jabotinsky en français. ***E.Mazovetsky, T.Gruz.*** Les archives de Jabotinsky contiennent ses lettres en français écrites aux 79 destinataires différents. Quelques-unes de ces lettres sont analysées du point de vue de la situation historique et des rapports entre les correspondants. Les articles de Jabotinsky en français ont été pour la plupart publiées dans le journal « Pro-Israël » (Soloniques). On y évoque aussi des articles sur Jabotinsky en français. *3 ill., 25 notes, 11 sources.*

La correspondance inédite de Vladimir Jabotinsky. ***Publ. E.Yakovleva.*** Le célèbre journaliste russe A. Roumanoff aimait et avait la possibilité d'aider ses amis. Jabotinsky s'est adressé à lui. Sont fournies ses 5 lettres à Roumanoff. *2 ill., 16 notes.*

Histoire

Les juifs de Bessarabie dans la Résistance française.

I) Tamara Paghis. ***Yu.Sister, B.Gendler.*** On y raconte, en s'appuyant sur les souvenirs de ses sœurs et les documents conservés, la vie en France et l'héroïque participation dans la Résistance de Tamara Paghis. *4 ill. 4 notes.*

---

* Благодарим Максима Гузевича за перевод на французский язык резюме материалов книги и ее содержания. *Ред.*

II) Docteur François. ***T.Vajsman, Yu.Sister.*** Aron Bacicurinskij (nom de code : Docteur François), sa femme Liouba Hosh et sa sœur Liouba avec son mari Jacob Zilberman ont participé à la Résistance française et sont mort à Aushwitz. L'auteur a réuni un grand nombre de documents qui ont été transmis à Yad-Vashem. *3 ill. 3 notes.*

III) Mon frère Aron (Artur) Rotshtein. ***E.Rotshtein.*** Ce récit relate l'histoire de la famille d'A.Rotstein, ses études en France, sa participation dans la Résistance française, ainsi que la mort d'Aron. L'auteur raconte également ses années de recherche de l'information sur son frère. *3 ill.*

« Civilisation carcérale » – « Par les yeux d'un historien » (M.Ja.Geller). ***I.Obuhova-Zelinska.*** Geller est né en Zamoskvoreč'e. Il a fait ses études à IFLI et à MGU. Il a passé 15 ans dans les camps. En 1957, il est arrivé à Varsovie en tant que mari d'une Polonaise. En 1968, il a émigré à Paris où il a enseigné à la Sorbonne. Soviétologue et historien, Geller a publié plus de 10 livres et près d'un millier d'articles. Un grand nombre d'entre eux ont été publiés dans la revue polonaise « Kulture » et dans le journal parisien « Russkaja Misl' ». Il a été le premier à publier les nouvelles de Shalamov. *1 ill., 7 notes. Bibliogr. 5.*

Littérature

« Je ris peu... » : La dernière décennie de la carrière littéraire de S.Youchkévitch: 1917–1927. ***B.Czerny.*** Ses nouvelles peu réussies des premières années post-révolutionnaires portent un caractère mystico-symbolique inspirées qu'elles furent par le chaos qui règnait à Odessa pendant le Guerre civile. Son œuvre d'émigré, plus particulièrement le roman « Episodes », est d'un niveau artistique exceptionnel mais reste malheureusement mal étudiée. *3 ill., 72 notes.*

Salon de Netočka (Sur salon d'Anna Elkan). ***V.Kreid.*** L'article porte sur « Le salon de Netočka ». L'appartement d'Anna Morisovna Elkan qu'on appelait ainsi a joué un rôle important dans la vie littéraire du Paris russe de l'Après-guerre. S'y réunissaient régulièrement les collaborateurs des éditions « Rifma », les membres de l'Association des écrivains et des journalistes ainsi que les éditeurs et les hommes des lettres de passage à Paris. *2 ill., 15 notes.*

« J'ai droit à une feuille de laurier... », sur Anna Prismanova (1892–1960). ***Yu.Kolker.*** L'article raconte la biographie de Prismanova et son parcours difficile et complexe de poète dont la vie et l'œuvre sont définies par l'intégrité et l'abnégation. *4 photos de l'album familial du fils de Prismanova. Bibliogr. 5.*

Le journalisme et la bibliophilie

La bibliothèque de René Arcos et les inscriptions des émigrés russes. ***D.Gouzévitch, O.Pépin-Lehalleur – Gondre.*** Parmi les livres de la bibliothèque d'Arcos (l'un des fondateurs du groupe « Abbaye ») trouvée dans un grenier, nombreux sont ceux qui portent les inscriptions des grands hommes des lettres de la première moitié du XXe siècle. L'article comprend les notices biographiques de trois d'entre eux: Youchkévitch, Poliakoff-Litovcev et Kessel. *5 ill., 15 notes, bibliogr. 35.*

Arkadi Roumanoff – un nom oublié ? ***E.Yakovleva.*** Rumanov fait parti intègre de l'histoire du journalisme russe qu'il s'agisse de la Russie pré-révolutionnaire ou de la France de l'émigration. La biographie du journaliste est relatée à travers les documents de l'époque et les témoignages des contemporains. *3 ill., 55 notes.*

Iocif Mironovič Lempert: Portrait d'un bibliophile, antiquaire et parisien amoureux de la culture russe. ***J.Abramova.*** Après 3 années d'études à IFLI, Lempert a été mobilisé et a reçu une blessure lors de la bataille de Stalingrad. Après sa démobilisation, il s'est installé à Lvov qu'en 1957 il quitte pour la Pologne, pays natale da sa femme. A partir de 1967, s'installe à Paris où il devient en 1975 propriétaire d'un magasin d'antiquités et de livres anciens. *4 ill.*

Archives et mémoires

M.M.Vinaver à Paris (un extrait des « Mémoires » de Rosa Grigor'evna Vinaver). ***Publ. O.Korostelev.*** L'article reproduit un chapitre des « Mémoires » de la veuve de M.M.Vinaver qui sont actuellement conservés à l'Université de Hoover. Le chapitre s'intitule : « L'arrivée en France. L'état des esprits en France après l'armistice. Notre maison de campagne. M.M.-č. à Paris. " La tribune juive ". Action politique de M.M. Le congrès de la Constituante ancienne. La conférence des Cadets et la scission du parti des Cadets. Le groupe " de la nouvelle tactique ". L'apparition de la RDO. " Zveno ". La mort de M.M. ». *1 ill., 33 notes.*

« Les jours trop difficiles » : Les lettres de la France. ***Publ. O.Demidova.*** **I. La correspondance de N.P.Vakar et de B.M.Sarač.** Dans les sept lettres publiées, il s'agit principalement des employés des « Dernières nouvelles » pendant l'occupation allemande en France. **II. Les lettres de Ja.B.Polonski à B.I.El'kin** donnent une idée de la situation et de l'état d'esprit des émigrés russes, ainsi que de leurs scission interne en France pendant la guerre et l'après-guerre. *3 ill., 65 notes. Ind. des noms propres.*

Ma mère. ***B.Edelstein-Roïtman.*** Ayant achevé ses études supérieures à la Sorbonne, R.S.Poznanskaja est restée à Paris. Elle y a travaillé dans une maison d'éditions avec Henry Barbusse puis a exercé pendant un certain temps dans le laboratoire de Bezredka (Institut Pasteur). De retour à Kichinev, elle a enseigné. L'auteur des manuels en français. *2 ill., Bibliogr. 4.*

Organismes et hommes d'action

ORT en France et ses dirigeants russes. ***M.Parkhomovsky.*** La section française de l'Union Internationale l'ORT a été créée en 1921; en 1933, l'Union Internationale elle-même a été transférée de Berlin à Paris. Le rôle principal dans son action revient à L.Bramson, D.Lvovich et A.Singalovski. Pendant plus d'un quart de siècle, la section de l'ORT en France a été dirigée par A.Alperine. *5 ill., 30 notes.*

OZE en France. ***M.Belyj.*** Au début des années 1920, une section de l'OZE a été ouverte en France. En 1933, toute l'Union Internationale de l'OZE a été

transférée à Paris où elle a été dirigée essentiellement par des Juifs russes. *2 ill., 12 notes.*

L'aide aux médecins victimes de la guerre et des persécutions (« entraide médicale »). *È.N.Levina.* L'article présente l'un des aspects de l'action de l'OZE en France: l'aide aux médecins fuyant les nazis. *2 notes.*

La science

Ari Schternfeld, un pionnier de l'astronautique : ses années de vie en France. *E.Berman-Šternfel'd.* Né en 1905 en Pologne russe, Schternfeld a achevé ses études supérieures à Nancy. Il a commencé sa carrière scientifique à Paris. En 1934, il a reçu un prix d'astronautique pour son livre « L'introduction à l'astronautique ». En 1935, il est arrivé en URSS. Il est lauréat du prix international de l'astronautique en 1962, avec Yuri Gagarine. *3 ill., 14 notes.*

Alexandre Bezredka (1870–1940). *E.Lagrange.* La version russe *d'I.Gouzévitch.* Publ. *M.Parkhomovsky.* Fils d'un homme des lettres juif, Bezredka a émigré à Paris après avoir obtenu le diplôme de la Faculté chimique à Odessa. Il a étudié la médecine à la Sorbonne, puis a exercé pendant le restant de sa vie à l'Institut Pasteur. A apporté une grande contribution dans l'immunologie (anaphylaxie, immunité locale etc.). A été président de l'OZE. *1 ill., 2 notes.*

È.N.Chlyakhov à l'Institut Pasteur. *Yu.Sister.* Connaissant très bien la langue française, le grand infectionniste soviétique a enseigné pendant plusieurs années à l'institut Pasteur. *1 ill., 2 notes.*

Zel'man Wainberg – chimiste-entrepreneur et bienfaiteur. *B.Gendler, Yu.Sister.* Originaire de Kichinev ayant fait ses études supérieures à Strasbourg, il a vécu à Paris pendant 50 ans. Entrepreneur-millionnaire, il a entretenu des contacts très étroits avec l'Israël. En particulier, il a beaucoup aidé ses universités ainsi que les scientifiques et les étudiants. *1 ill., Bibliogr. 4.*

Beaux-arts

Beauté, talent et érudition ou La mémoire préservée (Marie Chabchay). *D.Gouzévitch.* Ayant achevé à Saint-Pétersbourg les Cours supérieurs de femmes Bestužev, M.Chabchay a suivi pendant son émigration la carrière de peintre et de militante. Elle a participé à la création du Musée d'Art Juif à Paris dont elle a été la première conservatrice/directrice. *4 ill., 30 notes, 31 sources.*

Savelij Sorin – portraitiste. *I.Obuhova-Zelin'ska.* Sorin a été l'un des portraitistes les plus remarquables du XXe siècle. D'après l'auteur de l'article, il a appartenu au mouvement du neoacadémisme, mais étant sous-estimé par les spécialistes il est resté peu connu. L'article portant sur la vie de Sorin en émigration et publiant ses trois lettres à Sudejkin sert à populariser ce peintre. *5 ill., 27 notes.*

Michel Kikoïne – peintre de l'école de Paris. *K.Kikoin.* Le petit neveu du peintre nous parle des origines et de la famille de M.Kikoïne. Il décrit la vie et la carrière artistique de M.Kikoïne, son amitié avec H.Sutin, son milieu. On y publie une lettre de Ja.Kikoïne. *5 ill., 5 notes. Bibliogr. 3.*

Art théâtral

« A Prague où à Paris, on a survécu... » (A propos de Georgij Serov et Grigorij Hmara). ***V.Somina.*** Les racines russo-juives de G.Serov. L'influence de la famille de Simonovič, de Vrubel' et de von Derviz. Son travail à l'atelier de Mansurov (Serov été l'élève de Vahtangov) ainsi qu'au 1-er atelier du Théâtre des Beaux-arts de Moscou (MHT). Le départ en tournée en 1922 et l'association au Groupe du MHT en tournée aux Etats-Unis. L'invitation au Théâtre de l'Atelier. L'analyse de son succès sur la scène parisienne. Originaire de Poltava, G.Hmara a fait ses études à l'école du MHT ; c'est dans le 1er atelier de celui-ci qu'il a interprété ses rôles les plus significatifs. Il a été l'élève préféré de Vahtangov. A quitté la Russie en 1921. L'art saisissant du comédien tenait de sa profondeur et de son temperament. Il a travaillé à Berlin, dans le groupe du MHT de Prague. Depuis 1936, acteur et metteur en scène du Théâtre Dramatique Russe à Paris, où il a créé son école théâtrale. *6 ill., 56 notes.*

Nina Gurfinkel' – femme de théâtre (1898–1984). ***M.Birman.*** Ayant fait ses études supérieures classiques à Odessa et à Saint-Pétersbourg, N.G. a enseigné l'allemand. Après son départ pour Paris (1925), elle a suivi une carrière de journaliste et de critique théâtrale. A écrit en français sur le théâtre russe et ses grands hommes. A rédigé une série de livres sur les écrivains russes. A fait de l'action sociale, surtout pendant le Seconde guerre mondiale. *2 ill., 30 notes.*

La femme-flamme (Genia Fajerman). ***I.Belopol'skaja.*** Une fille de la région de Moscou, Genia s'est mariée avec un Juif polonais et a quitté l'URSS. S'étant retrouvée à Paris, elle a commencé sa carrière dans une chorale et l'a poursuivi sur la scène où elle a joué tous les rôles de jeunes filles du répertoire juif classique. A joué et chanté pendant plusieurs années dans la troupe du cabaret « Raspoutine ». Ces dernières années, elle vit en Israël. Elle fait des tournées dans le monde (principalement en yiddish) en tant que chanteuse de variété. *6 ill.*

Revue dans le livre

Et quand même... (La discussion).

L'initiateur de la discussion, ***Sh.Markish,*** dans une lettre ouverte à M.Parkhomovsky, a émis l'opinion que les éditions de *EVKRZ* et *REVZ* parlent plutôt de l'émigration russe que de l'émigration juive. Il a aussi soulevé le problème de l'appartenance et a exprimé le doute sur l'existence de la communauté « juive russe à l'étranger ». ***M.Raev*** soutient les doutes de Sh.Markish et considère comme erronée l'approche ethnico-raciale lors du choix des personnages. D'après ***M.Parkhomovsky,*** tout le long de l'histoire du haloute, les Juifs se sont réalisés dans deux cultures, alors que la race et la nationalité sont principalement des notions anthropologiques et biologiques qu'on ne peut pas rejeter. La société socio-ethnique juive à l'étranger ne fait pas seulement d'exister, mais elle s'étend et se développe. ***D.Gouzévitch***, en tant qu'historien ayant travaillé professionnellement sur la généalogie, explique les doutes de

Sh.Markish par une confusion terminologique. Il détaille les mécanismes socio-culturels et non pas biologiques de la mémoire généalogique et défend ainsi le principe de *EVKRZ* et *REVZ* au nom des lois de la formation et du développement d'une ethnie. ***O.Korostelev*** affirme que l'autoidentification nationale dépend des pays : il est difficile de devenir Espagnol ou Anglais ; il est impossible de devenir Japonais ; les Américains, en règle générale, n'aiment pas fouiller dans leurs généalogies ; alors que pour nous une telle attitude parait être un manque de respect envers nos racines et nos ancêtres. ***Yu.Kolker*** se rallie au point de vue de Sh.Markish et considère les séries EVKRZ et REVZ comme antisionistes. D'après ***A.Vasil'ev,*** la différence des points de vue réside dans la réponse à la question : Qu'est-ce pour moi être Juif ? Les trois réponses – judaïsme, nation et destinée – « font mal », saignent et parfois se contredisent. Selon ***R.Torpusman,*** se sentent les plus Juifs les gens dont le sang n'est pas uniquement juif. ***A.Torpusman (conclusion)*** : La Juiverie russe existe, et cela ne contredit pas la doctrine sioniste, mais la question de l'appartenance reste discutable. L'action importante de recherche et d'éducation du Centre scientifique de recherche « La Juiverie russe et l'étranger » doit être poursuivie.

Le jubilé de l'institut Chaim Weizman : compte-rendu de la conférence consacrée au cinquantenaire de l'Institut Chaim Weizman. ***Ju.Sister, A.Chernjak.*** Les exposés principaux : Les scientifiques originaires de Russie en Palestine/Israël – le thème prioritaire du centre de recherche scientifiques (CRS) « La juiverie russe à l'étranger » (présenté par M.Parkhomovsky). Chaim Weizman – savant et organisateur de la science (*A.Chernjak).* Le quatrième président de l'Israël, le chimiste remarquable Efraim Katsir (*Ju.Sister*). La participation des scientifiques rapatriés dans la recherche biologique de l'Institut Weizman (*R.Nezlin*). L'apport des chimistes russophones dans les sciences chimiques et l'industrie de l'Israël (*Yu.Sister*). Les paroles prononcées lors des débats par M.Hejfec ont tenu lieu de la conclusion générale de la conférence : *l'arrivée en masse des Juifs russes a constitué une richesse inépuisable pour l'Israël. Cependant la bureaucratie du pays ne peut pas estimer à sa juste valeur et assimiler cette richesse. Pourtant, c'est bien cette approche de l'immigration et la création des conditions appropriées pour la mise en valeur de ses compétences qui a permis aux Etats-Unis de devenir la première puissance du monde.*

Colloque international « Paris et l'émigration russe: culture en exil, culture de l'exil ». *D.Gouzévitch.*

Présentation du livre « La juiverie russe à l'étranger. V.2(7) : Juifs russes en Grande-Bretagne ». *N.B.*

Recensions. Les juifs russes de la « Diaspora ». *M.Parkhomovski.* « Les Juifs russes – immigrants en France ». *D.Gouzévitch.* Au XXe siècle, quelle vérité sera crue ? Réplique. *M.Parkhomovsky.* Commentaires du co-rédacteur. *D.Gouzévitch.* Le livre de *E.Menegaldo* « Les Russes à Paris : 1919–1939 ». *M.Belyj.*

Об авторах и редакторах

Жанна Исааковна Абрамова. Докт. мед. наук, профессор. Родилась в 1926 г. в Ленинграде. Пережила блокаду. В 1947 г. окончила 1-й Ленингр. мед. ин-т., в 1951 – аспирантуру по специальности *гигиена труда и профессиональные болезни*. После защиты канд. дисс. работала во Владивостоке, а в 1954-70 гг. – в Ленингр. НИИ гигиены труда и проф. заболеваний. В 1966 г. защитила докт. дисс., в 1968 получила звание профессора. Автор более 200 науч. статей и 9 монографий и глав в руководствах по фармакологии, токсикологии, проф. заболеваниям, гигиене питания, лечебному питанию. Обладает большим стажем пропаганды знаний и лекционной работы, которые продолжила в Израиле, куда переехала в 1990 г. Увлекается мемуарным жанром, поэзией, живописью и музыкой.

Итала Белопольская. Родилась в Киеве в 1932 г., окончила ин-т иностр. яз. Считает себя ученицей литератора, лит. критика и публициста Залмана Золотого, личным секретарем к-рого проработала неск. лет. За 18 лет службы в газете «Молодь Украины» прошла путь от помощника корректора до собкора. В 1972 г. репатриировалась в Израиль, где стала работать ответственным секретарем единственной в то время русскояз. газеты «Наша страна», фактически в течение 12 лет исполняя обязанности ее гл. ред. Работала в др. газетах и журналах, в изд-ве «Симаней дерех», где перевела с иврита на русский ряд книг. Отредактировала и упорядочила более десятка книг авторов-репатриантов. В ее активе сотни статей о выдающихся людях алии 70-х, о судьбах российского и сов. еврейства. Одна из них («Семейная фотография») была удостоена премии им. Дисенчика и переведена на польск., рум. и англ. языки.

Максим Белый – псевдоним.

Владимир Берелович родился в 1946 г. в Париже. Отец (Яков Львович) – уроженец евр. семьи в Орловской губернии, учился в Пензе, далее в Мюнхене и Москве; Яков Львович, будучи сыном владельца пенькового завода в Пензе, стал юристом, эмигрировал в 1926 г. Во Франции участвовал в Сопротивлении. Мать Елена Михайловна Катык, по происхождению караимка, эмигрировала с семьей в 1920 г. В.Берелович учился в Сорбонне, написал диссертацию о советской школе 1920-х годов и одновременно занимался переводами с русского (книги А.А.Зиновьева, А.Д.Сахарова и т.д.). Ныне работает профессором в Высшей школе общественных наук в Париже, где с 1995 г. руководит Центром по

изучению Российского региона; одновременно проф. истории в Женевском ун-те. Автор ряда работ по русской социальной и культ. истории XVIII и XIX вв., в частности совместно с Ольгой Медведковой, – истории С.-Петербурга (Париж: Фаяр, 1996).

Эльвира Берман-Штернфельд, младшая дочь Ари Штернфельда, род. в Москве в 1940 г. Окончила Московский ин-т химического машиностроения и два курса мехмата Московского ун-та. Работала старшим научным сотрудником одного из московских НИИ. Со школьного возраста помогала отцу, печатая на пишущей машинке его письма и статьи. Уже имея собственную семью, почти каждый вечер приходила к отцу, чтобы помочь ему закаталогизировать, разложить, иногда отредактировать написанное за день. Какое-то время делала рефераты по космонавтике для реферативного журнала. После смерти отца способствовала выходу в свет некоторых его статей и книги («Парадоксы космонавтики». М.: Наука, 1991. 155 с.), о выходе которой в свет он мечтал. В Израиле с 1990 г. Работает программистом в частной компании, основанной выходцем из Франции. Недавно родившийся правнук Ари Штернфельда назван его именем.

Михаил Абрамович Бирман, 1919 г. рожд., докт. ист. наук, проф. Участник ВОВ. В 1941 г. окончил Моск. ун-т. В 1950-91 гг. – науч. сотрудник Ин-та славяноведения и балканистики АН СССР. Опубликовал более 200 науч. работ по истории Балкан и России XIX–XX вв., в их числе о П.Н.Милюкове, П.М.Бицилли, М.М.Карповиче, «Последних новостях» и др. вопросах Русского Зарубежья. За труды по истории Балкан награжден болгарским орденом Кирилла и Мефодия.

Бецалель (Борис Иосифович) Гендлер родился в 1931 г. в городе Сороки (Бессарабия). Окончил мед. ин-т в 1955 г. Работал врачом-терапевтом. Врач высшей категории. Преподавал терапию в Кишиневском ун-те на гуманитарных факультетах. Имеет печатные работы. С 1990 г. в Израиле, где после подтверждения диплома работал в одной из больниц.

Татьяна Львовна Груз род. в Киеве, где окончила Гос. ун-т и факультет запад. языков и лит. Пед. ин-та. Репатриировалась в Израиль в 1976 г. и после окончания курсов архивариусов, работает науч. сотр. в Ин-те Жаботинского (Тель-Авив). Член редколлегии трех выпусков журнала «Наш народ», участвовала в сост. сб.

статей «Мир Жаботинского» на рус. языке. Переводит на рус. яз. статьи Жаботинского для различ. изданий.

Дмитрий Юрьевич Гузевич род. в 1955 г. в Ленинграде. В 1977 г. окончил с отличием фак. «Мосты и тоннели» Ленингр. ин-та инженеров ж.-д. транспорта. Работал в мостоиспыт. лабораториях. В 1980 г. начал исследования в обл. истории инж. деят-сти и передачи знания (с 1983 г. совместно с женой, И.Д.Гузевич). В 1984–1988 гг. обучался в заочной аспирантуре ЛИИЖТа. В 1988–2000 гг. – науч. сотрудник Ин-та истории естествознания и техники АН СССР в Ленинграде (ныне – ИИЕТ РАН). С 2001 г. работает в Славянском центре Школы высших социальных исследований (EHESS) в Париже. Занимался проблемами сохранения и реставрации старых гидросооружений. В 1993 г. защитил канд. дисс. по ист. мостостроит. школы в России, а в 2000 г. – диплом углубленных исслед. (DEA) в EHESS по ист. Великого посольства (1697-98). В 1995 г. первым из рос. историков получил грант Жана Монне (Флоренция) для работы по теме «Российская инженерия в европейском контексте (XV–XIX вв.)». Автор более 150 работ (большая часть – в соавт. с женой), в т.ч. 4 книг, а также 140 энцикл. статей. Публикации на пяти языках. Организатор ряда междунар. конф. по ист. науки. С 1991 г. с женой и двумя сыновьями живет в Париже.

Ольга Ростиславовна Демидова родилась в 1955 г. Окончила ин-т иностр. языков (англ. факультет, 1977) и аспирантуру при кафедре зарубежной лит. Ленинград. педагогического ин-та (1989). Канд. филолог. наук, доцент. Преподает англ. яз. и лит. в С.-Петербург. гос. педагогическом ун-те. Автор многочисленных статей по истории взаимосвязей англ. и рус. литератур, по истории рус. женской лит. и истории рус. эмиграции. Готовит докт. дисс. по истории рус. эмиграции.

Анатолий Сергеевич Иванов, 1941 г. рожд. Библиофил и исследователь творчества Саши Черного и авторов журнала «Сатирикон». Выпустил том избранной прозы Саши Черного в серии «Из литературного наследства». Печатался в сборниках «Панорама искусств», «Книга: Материалы и исследования», в альманахе «Поэзия», журн. «Юность», «Подъем», газете «Русская мысль» (Париж) и др. Подготовил библиографию Саши Черного для Ин-та славистики (Париж), его 2-томник и 5-томное собр. соч., а также книгу афоризмов и эпиграмм Дон-Аминадо. Живет в Москве.

Константин Абрамович Кикоин родился в 1945 г. в Твери. Окончил физ.-мат. факультет Уральского гос. ун-та (Свердловск) в 1967 г. и

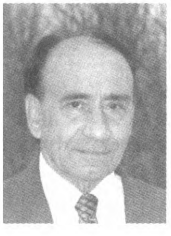
аспирантуру при Ин-те атомной энергии им. И.В.Курчатова в Москве в 1971 г. Физик-теоретик, доктор физ.-мат. наук. Работал в ИАЭ им. Курчатова в течение 25 лет. Автор 2 монографий, более 100 науч. работ, статей в Физич. энцикл. словаре. С конца 80-х гг. включился в обществ. деятельность – участвовал в организации Всерос. физич. об-ва, был одним из основателей и зам. председателя Моск. физич. об-ва. Ночь на 21 авг. 1991 г провел на набережной у «Белого дома». Был членом науч. совета по физике ВАК России, зам. председателя науч. совета по физике Российского фонда фундаментальных исследований. С 1991 г. – зам. гл. ред. Журнала эксперимент. и теоретич. физики. В 1997 г. репатриировался в Израиль. В наст. время работает в Ун-те Бен-Гуриона в Беэр-Шеве.

Юрий Колкер родился в 1946 г. в Ленинграде. Окончил физ.-мех. фак. Ленингр. политех. ин-та (1969). Канд. физ.-мат. наук (1978, матем. биология). В 1972 г. начал публиковаться в сов. лит. журналах. С 1980 по 1984 г., находясь в отказе, работал оператором газовой котельной и участвовал в ленингр. самиздате. С 1981 г. публикуется на Западе. Был в числе основателей (1982) и первым литературным редактором Ленинградского еврейского альманаха (ЛЕА). Вместе с тремя другими составителями подготовил для самиздата антологию ленингр. неподцензурной поэзии «Острова» (1982). Издал первое комментированное собр. стихов Владислава Ходасевича (1983, Париж). С 1984 по 1989 г. жил в Иерусалиме и работал в лаборатории биофизики растений Иерусалимского ун-та. Издал 4 кн. стихов. С 1989 г. живет в Лондоне.

Олег Анатольевич Коростелев. Род. в 1959 г. в г. Прокопьевске. Окончил Новосибир. пед. ин-т (1982) и аспирантуру Лит. ин-та им. А.М.Горького (1993). Канд. филол. наук (1995). Преподаватель Лит. ин-та (1992-99). Московский представитель альманаха «Диаспора» (с 2000). Сост. и комментатор собр. соч. Г.В.Адамовича и Д.С.Мережковского, а также ряда др. изданий. Автор более 100 работ, посвященных лит. русского зарубежья и ист. рус. литературной критики.

Вадим Прокопьевич Крейд (Крейденков) род. в 1936 г. в Нерчинске (Читинская обл.). Окончил филол. фак. Ленингр. ун-та. Докт. дисс. защитил в Мичиганском ун-те (США). Уехал из СССР в 1973 г. Автор ряда поэт. сб., а также книг о поэтах и писателях Серебряного века и первой эмиграции, среди них: «Петербургский период Г.Иванова», «Н.Гумилев: Библиография», «О русском стихе», «Словарь поэтов русского Зарубежья». Сост. и

автор комментариев: «Н.Гумилев в воспоминаниях современников», «Осип Мандельштам и его время», «Ковчег: Поэзия первой эмиграции», «Воспоминания о серебряном веке», «Дальние берега», «Вернуться в Россию стихами», «Прапамять», «Источник: Антология русской духовной лирики», собраний соч. Георгия Иванова, Г.Адамовича, К.Мочульского, Ю.Айхенвальда (2 тома), К.Бальмонта (2 тома), неизвестных произведений А.Скалдина, А.Кондратьева, Г.Иванова и др. Гл. ред. «Нового журнала» (Нью-Йорк).

Эра Исааковна Мазовецкая род. в Ленинграде, где окончила Библиотечный ин-т. Там же защитила дисс. по ист. книги. В 1976 г. репатриировалась в Израиль. С 1977 по 1998 г. работала в Центр. городской б-ке Тель-Авива и заведовала б-кой «Яд ле-баним». С 1979 г. руководит науч. отделом по ист. евр. русскоязыч. книги и нелегальных евр. библиотек в Науч. центре исследования ист. сов. еврейства «ЗЕЗАМ» (Реховот). Участвовала как автор, сост. и ред. в издании «Сборника статей по еврейской истории и литературе» (в 4 томах, 1992-94, Реховот). Читает лекции, сотрудничает с радио РЭКА, выступает на междунар. симпозиумах. Опубликовала более 50 науч. работ. Автор книги об Александре Энгельгардт.

Шимон Маркиш (род. в 1931) – по образованию филолог-классик; в СССР занимался литературным трудом (переводы и пересказы, гл. обр. с латинского и древнегреч.; книги – о Гомере, об Эразме Роттердамском; статьи – по ист. литературы, теории и практике перевода). Эмигрировал в 1970 в Венгрию, оттуда – в Швейцарию. Преподавал в Женевском ун-те, при кафедре рус. языка и лит. Продолжая прежние (до эмиграции) занятия, написал книгу «Сумерки в полдень» (о греческой цивилизации времен Пелопоннесской войны) и «Эразм и евреи». Последние 25 лет занимается русско-еврейской литературой. Вышли книги «Пример Василия Гроссмана», «Бабель и другие», «Родной голос: Страницы русско-еврейской литературы. Книга для чтения» и неск. десятков статей на разных языках. В 80-х годах вел рубрику в еврейской программе радиостанции «Свобода». В 1991-93 редактировал вместе с Эйтаном Финкельштейном «Еврейский журнал».

Ирина Владимировна Обухова-Зелиньска, родилась в Москве. Основные специальности – переводчик (линейный и синхронный перевод с польского и румынского языков) и искусствовед (член Международной ассоциации искусствоведов; участница междунар. конф. и семинаров). Работала в творч. союзах (писателей, кинематографистов, художников). Переводила книги и статьи с польск., рум.,

фр., англ. на русский и польский. Занималась журналистикой, журнальной графикой. Выйдя замуж за польского журналиста, стала гражданкой Польши и переехала в Варшаву. С 1992 г. в связи с работой мужа в качестве консула Польской республики жила в Бонне (Германии), с 1994 – в Берне (Швейцария). В последние годы основным кругом интересов стала история русского зарубежья. С 1999 г., в связи с назначением мужа на пост директора Польского культурного центра, живет в Москве.

Одиль Пепин-Леаллёр – Гондр (Odile Pepin-Lehalleur – Gondre) род. в 1947 г. Принадлежит к древнему роду, среди прямых и боковых ветвей к-рого известные писатели, художники, инженеры, ученые (в т.ч. с академ. званиями), генералы фр. и рус. служб, маршалы Франции, а также знаменитая «вдова Клико». М-м Гондр окончила фак. права Сорбонны и работала в адвокатских конторах. В 1971 г. поступила в Администр. юрид. бюро в Париже (в наст. время является его совладелицей). Бюро занимается недвижимостью, потерявшей своих владельцев, или чья принадлежность оспаривается. В 1985 г. получила звание юрид. администратора. Помимо профессион. публикаций, является автором неск. биографий членов своей семьи (XIX–XX вв.) и поэт. работ. Последние исследования касаются принадлежащей ей библиотеки Рене Аркоса, города Montreuil-sur-Mer в Пикардии, средневекового Оверна (Auvergne), строительных профессий XVIII и XIX вв. в Париже и женского быта в Gers XIX века. Сын, Гийом Фальк, художник, участник ряда выставок.

Михаил (Аронович) Пархомовский. Род. в 1928 г. в Одессе. Окончил Саратов. мед. ин-т. Работал врачом на Дальнем Востоке, с 1954 г. – в Москве. Заведовал ЛОР-отделением больницы. После защиты канд. дисс. был ст. науч. сотрудником в Ин-те ж.-д. гигиены. Последние годы жизни в Москве работал в консульт. поликлиниках. Автор 50 науч. работ. 35 лет реферировал науч. лит. на европейских языках для биологического и медицинских журналов. В 1989 г. опубликовал книгу о З.Пешкове «Сын России, генерал Франции» (в 1999 г. вышло ее 2-е изд.). С 1990 г. живет в Израиле. В 1992-96 гг. – сост., гл. ред. и издатель серии «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (5 т., 2864 с.). На базе этого издания организовал Науч.-иссл. центр «Русское еврейство в зарубежье». В 1997-98 гг. – гл. ред. и издатель ежеквартальника «Иерусалимский русско-еврейский вестник». В 1998–2001 гг. сост., гл. ред. и издатель серии книг «Русское еврейство в зарубежье», т.1(6) – 3(8), в т.ч. «Русские евреи в Великобритании» – совм. с А.Рогачевским. Получил звание *Человек года – 1998* в США и *Международное звание Человек года 1997/98* в Англии.

Юлия Давидовна Систер (1936, Кишинев), окончила с отличием хим. фак. Кишиневского ун-та в 1959 г. Работала в Ин-те химии АН Молдавской

СССР. Дисс. посвящена электрохим. методам исследования и анализу серосодержащих орган. веществ. Последние годы перед отъездом в Израиль заведовала лабораторией физико-хим. методов в отраслевом технолог. ин-те. Автор более 130 науч. публ., в их числе об аналит. методиках и аттестационном анализе, вошедших в ГОСТы и ТУ (технич. условия). Награждена медалью ВДНХ, премиями Всесоюзного хим. об-ва, в работе к-рого принимала участие. и др. В Израиле с 1990 г. Работала в Еврейском ун-те в Иерусалиме в Отделе неорган. и орган. химии, затем в Тель-Авивском ун-те по тематике, связанной с анализом биолог. объектов. Является одним из авторов КЕЭ на рус. яз. Активный участник работы НИ центра «Русское еврейство в зарубежье». В 1999 г. организовала Конференцию в Ин-те Вейцмана, посвященную 50-летию Ин-та.

Вера Викторовна Сомина, театровед, родилась в 1939 г. в Ленинграде. Закончила Ленингр. ин-т театра, музыки и кинематографии им. Н.К.Черкасова и аспирантуру при нем. Работает в Российском ин-те истории искусств (Зубовском). Занимается изучением истории рус. театра начала XX в., печатается в науч. период. изданиях России и за рубежом. Живет в С.-Петербурге.

Борис Черный род. в украинско-еврейской семье в Гренобле в 1961 г. Окончил отделение иностр. языков Гренобльского ун-та. После защиты дисс. (2000) о первых произведениях С.Юшкевича работает на кафедре славянских языков ун-та в городе Каан (Caen).

Елена Пантелеевна Яковлева (урожд. ***Киселева***). Докт. искусствоведения. Род. в 1952 г. в Алма-Атинской обл. Окончила филол. фак. Казахского гос. ун-та (1976) и фак. теории и истории искусства Ленингр. ин-та живописи, скульптуры и архитектуры (1984). Защитила докт. дисс. «Театрально-декорационное искусство Н.К.Рериха и проблема изучения художественного наследия Русского Зарубежья» (1998). Автор многочисленных публикаций по рус. искусству XX в., в том числе по творчеству Н.К.Рериха, В.И.Шухаева, А.Е.Яковлева, К.Н.Редько и др. В последние годы занимается изучением биогр. А.В.Руманова, его творческих связей и исследованием его дорев. художеств. собрания. С 1986 г. работает в Русском музее, зав. отделом науч. каталогизации. Член С.-Петербургского союза художников России.

Содержание

От редакторов-составителей. 6
Предисловие. *В.Берелович (Франция)* 10

Владимиру Жаботинскому посвящается 13

Друг «Последних новостей» (*Дон-Аминадо.* <Слово о В.Е.Жаботинском>).
Публ. А.Иванова (Россия) 14
Жаботинский в парижском «Рассвете».
Ш.Маркиш (Венгрия–Швейцария) 30
Наследие Владимира Евгеньевича (Зеева) Жаботинского
на французском языке.
Э.Мазовецкая, Т.Груз (Израиль). 44
Из неопубликованных писем Владимира Жаботинского.
Публ. Е.Яковлевой (Россия) 61

История 67

Бессарабские евреи во французском Сопротивлении: I. Тамара Пагис.
Ю.Систер, Б.Гендлер (Израиль) 68
II. Доктор Франсуа.
Т.Вайсман, Ю.Систер (Израиль) 78
Мой брат Арон (Артур) Ротштейн.
Э.Ротштейн (Израиль). 86
«Тюремная цивилизация» – «Глазами историка» (М.Я.Геллер).
И.Обухова-Зелиньска (Польша–Россия) 90

Литература 101

«Смеюсь я мало... »: Последнее десятилетие
в литературной карьере С.Юшкевича (1917–1927).
Б.Черный (Франция). 102
Неточкин салон (О салоне Анны Элькан).
В.Крейд (США) 121
«На листик лавра я имею право...»
(Об Анне Присмановой; 1892–1960).
Ю.Колкер (Англия) 131

Книжное дело и журналистика 147

Библиотека Рене Аркоса и инскрипты российских эмигрантов.
Д.Гузевич, О.Пепин-Леаллер – Гондр (Франция) 148
Аркадий Руманов – забытое имя?
Е.Яковлева (Россия) 162
Иосиф Миронович Лемперт: Очерк о библиофиле
и антикваре, парижанине, влюбленном в русскую культуру.
Ж.Абрамова (Израиль–Франция). 177

Архивы и мемуары 185

М.М.Винавер в Париже (Из «Воспоминаний» *Розы Георгиевны Винавер*).
Публ. О.Коростелева (Россия) 186
«Крайне тяжелые дни»: Письма из Франции.
Публ. О.Демидовой (Россия) 206

I. Переписка Н.П.Вакара и Б.М.Сарача 209
II. Письма Я.Б.Полонского Б.И.Элькину 225
Моя мама. *Б.Эдельштейн-Ройтман (Израиль)*..... 249

Организации и общественные деятели 253

ОРТ во Франции и его *русские* руководители.
М.Пархомовский (Израиль)..... 254
ОЗЕ во Франции.
М.Белый (Израиль) 273
Помощь врачам – жертвам войны и преследований («Энтр-эд-медикаль»).
Э.Н.Левина (Франция) 278

Наука 285

Ари Штернфельд – пионер космонавтики: Годы жизни во Франции.
Э.Берман-Штернфельд (Израиль) 286
Александр Безредка (1870–1940). *Е.Лагранж (Бельгия).*
Перевод И.Гузевич. Публ. М.Пархомовского 301
Эль Наумович Шляхов в Институте Пастера.
Ю.Систер (Израиль) 313
Зельман Вайнберг – химик, предприниматель и филантроп.
Б.Гендлер, Ю.Систер (Израиль) 318

Изобразительное искусство 325

Красота, талант и эрудиция, или Сохранение памяти (Мария Шабшай).
Д.Гузевич (Франция) 326
Савелий Сорин – портретист.
И.Обухова-Зелиньска (Польша–Россия) 341
Мишель Кикоин – живописец парижской школы.
К.Кикоин (Израиль) 354

Сценические искусства 369

«В Праге ли, в Париже ли мы повсюду выжили...» (О Георгии Серове и Григории Хмаре).
В.Сомина (Россия) 370
Нина Гурфинкель (1898–1984) – театровед.
М.Бирман (Израиль)..... 388
Женщина-огонь (Женя Файерман).
И.Белопольская (Израиль) 397

Журнал в книге 405

И все-таки... (дискуссия) 406
Конференции 431
Презентация 2(7) тома 450
Рецензии 453

Аннотации статей и других материалов, опубликованных в наших предыдущих книгах и посвященных русским евреям во Франции 473

Аннотации материалов 3(8) тома на французском языке 487

Об авторах и редакторах 493

Table de matières

Introduction.
M.Parkhomovsky, D.Gouzévitch 6
Avant propos.
W.Berelowitch (France) 10

Dédié à Vladimir Jabotinsky 13

L'ami des « Dernières nouvelles » : (*Don-Aminado.* « Slovo o V.E.Jabotinskom ».
Publ. A.Ivanov (Russie) 14
Jabotinsky dans le «Rassvet» parisien.
Sh.Markish (Hongrie – Suisse) 30
L'héritage de Vladimir Evgen'evič (Zeev) Jabotinsky en français.
E.Mazovetsky, T.Gruz (Israël) 44
La correspondance inédite de Vladimir Jabotinsky.
Publ. E.Yakovleva (Russie) 61

Histoire 67

Les juifs de Bessarabie dans la Résistance française. I. Tamara Paghis.
Yu.Sister, B.Gendler (Israël) 68
II. Docteur François.
T.Vajsman, Yu.Sister (Israël) 78
III. Mon frère Aron (Artur) Rotshtein.
E.Rotshtein (Israël) 86
« Civilisation carcérale » – « Par les yeux d'un historien » (M.Ja.Geller).
I.Obuhova-Zelinska (Russie) 90

Littérature 101

« Je ris peu... » : La dernière décennie de la carrière littéraire de S.Youchkévitch : 1917–1927.
B.Czerny (France) 102
Salon de Netočka (sur salon d'Anna Elkan).
V.Kreid (USA) 121
« J'ai droit à une feuille de laurier... » (sur Anna Prismanova ; 1892–1960).
Yu.Kolker (Angleterre) 131

Le journalisme et la bibliophilie 147

La bibliothèque de René Arkos et les inscriptions des émigrants russes.
D.Gouzévitch, O.Pépin-Lehalleur – Gondre (France) 148
Arkadi Roumanoff – un nom oublié ?
E.Yakovleva (Russie) 162
Iocif Mironovič Lempert : Portrait d'un bibliophile, antiquaire et parisien amoureux de la culture russe.
J.Abramova (Israël – France) 177

Archives et mémoires 185

M.M.Vinaver à Paris (un extrait des « Mémoires » de *Rosa Grigor'evna Vinaver*).
Publ. O.Korostelev (Russie) 186
« Les jours trop difficiles » : Les lettres de la France.
Publ. O.Demidova (Russie) 206

I. La correspondance de N.P.Vakar et de B.M.Sarač. 209
II. Les lettres de Ja.B.Polonski à B.I.El'kin. 225
Ma mère.
B.Edelstein-Roïtman (Israël). 249

Organismes et hommes d'action 253

ORT en France et ses dirigeants *russes.*
M.Parkhomovsky (Israël) 254
OZE en France.
M.Belyj (Israël) 273
L'aide aux médecins victimes de la guerre et des persécutions (« entraide médicale »).
È.N.Levina (France) 278

La science 285

Ari Schterfeld, un pionnier de l'astronautique : ses années de vie en France.
E.Berman-Šternfel'd (Israël) 286
Alexandre Bezredka (1870–1940). *E.Lagrange (Belgique). La version russe d'I.Gouzévitch. Publ. M.Parkhomovsky* (Israël) 301
È.N.Chlyakhov à l'Institut Pasteur.
Yu.Sister (Israël) 313
Zel'man Wainberg – chimiste-entrepreneur et bienfaiteur.
B.Gendler, Yu.Sister (Israël) 318

Beaux-arts 325

Beauté, talent et érudition ou La mémoire préservée (Marie Chabchay).
D.Gouzévitch (France) 326
Savelij Sorin – portraitiste.
I.Obuhova-Zelin'ska (Pologne–Russie) 341
Michel Kikoïne – peintre de l'école de Paris.
K.Kikoin (Israël) 354

Art théâtral 369

« A Prague où à Paris, on a survécu... » (A propos de Georgij Serov et Grigorij Hmara).
V.Somina (Russie) 370
Nina Gurfinkel' (1898–1984) – femme de théâtre.
M.Birman (Israël) 388
La femme-flamme (Genia Fajerman).
I.Belopol'skaja (Israël) 397

Revue dans le livre 405

Et quand même... (La discussion) 406
Conférences 431
Présentation de vol. 2(7) : Juives russes en Engleterre. 450
Recensions 453

Annotations d'articles des livres précédents 473

Résumés en français 487

Auteurs et rédacteurs 493

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ RUSSIAN JEWRY ABROAD
Dr. Mikhail Parkhomovsky. 648/4 Mishlat Str., Bet-Shemesh, 99013, ISRAEL
mipar@barak-online.net Tel.: 972-2-9917039

Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в зарубежье» созданный на базе издания книг «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (Тома I–V. Иерусалим, 1992–1996) и «Русское еврейство в зарубежье» (Тома 1/6/–3/8/. Иерусалим, 1998 и 2001), собирает, изучает и распространяет знания о деятельности русских евреев-эмигрантов в различных странах мира и о вкладе евреев–выходцев из России в создание и развитие Государства Израиль.

Формы работы Центра: издание названных книг и ежеквартальника «Иерусалимский русско-еврейский вестник», в котором рассказывалось о русско-еврейских общинах в диаспоре (начиная с этой книги функции «Вестника» выполняет ее раздел «Журнал в книге»); конференции, семинары, лекции; разработка учебных программ о русском еврействе в зарубежье.

Центр открыт для переговоров об издании книг о русских евреях в Германии, Италии, Швейцарии, в др. странах; о студентах-евреях из России в вузах Европы, о книгах, посвященных выходцам из различных городов (Одессы, Москвы, Кишинева, Баку и т. д.) и республик бывшего Советского Союза (Белоруссии, Украины, др.).

По указанному выше адресу можно заказать изданные нами книги обеих серий, все четыре номера «Вестника», а также «Книгу о необыкновенной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался» (Иерусалим, 1999).

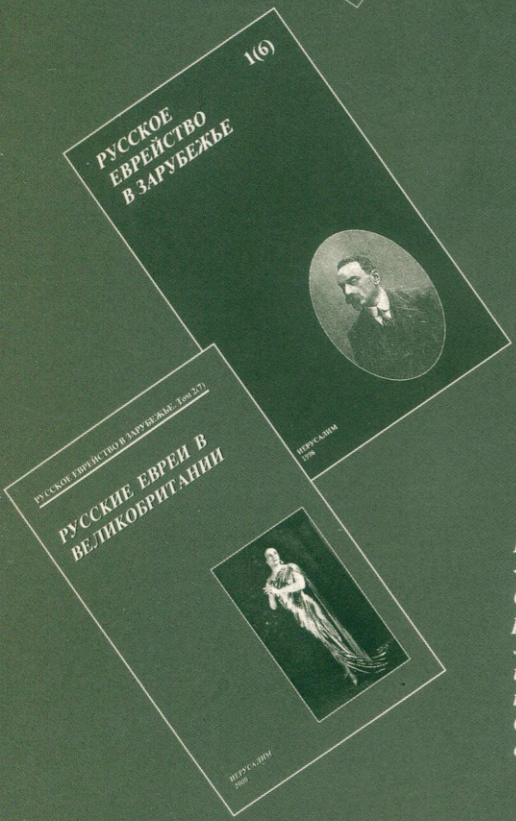
Предварительно можно получить проспекты названных книг.

Деньги, уплаченные Вами за наши книги,
идут на новые издания
Центр нуждается в Вашей поддержке
Заранее благодарим Вас

НИ центр «Русское еврейство в зарубежье» является ассоциацией (амутой) № 58-031-910-1. Рассчетный счет № 76546 в отделении 642 банка Mercantil Discount (64 Jaffo St., Jerusalem, Israel)

ЕВРЕИ В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ и РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ –
серии книг по 500-600 с., содержащих статьи, публикации, мемуары и эссе, большое количество иллюстраций и указатели имен. Интересны читающей публике и специалистам. Авторы и редакторы из Англии, Венгрии, Германии, Голландии, Израиля, Канады, Польши, России, США, Франции, Швейцарии

Справки и заказы:
НИ центр РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ.
648/4 Mishlat St. 99013 Bet-Shemesh
Israel. Tel.: 972-2-9917039
mipar@barak-online.net

Глубокоуважаемый г-н Пархомовский, <…> Не много есть книг – в нынешнем безбрежном море прекрасных изданий на русском языке, – которые были бы столь захватывающим чтением для меня как историка русской культуры XX в., как просто читателя и как еврея. От души поздравляю Вас, от души восхищаюсь Вами <…>

Ваш Лазарь Флейшман
(проф. Стенфордского ун-та)